

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929336 9

(Collan)

13E1

*907

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀισχρὸν, τοῖς ἐτέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρω
δ' ἔγωγε καὶ τῆν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυμνομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

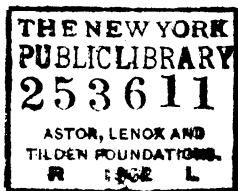
78 ✓
ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ-ОСЬМОЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1846. ↓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи и доставлено было въ Ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 31 Августа, 1816.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ А. Мехелнъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМЬДЕСЯТЬ—ОСЬМАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Всѣвѣднiе поэта. <i>А. Григорьева</i>	5.
Протекція (Изъ Гейне.)	6.
Навѣвъ. <i>А. Плещеева</i>	8.
Октябрь. <i>А. Яковлева</i>	45.
Молитва. <i>С. Сицилійскаго</i>	46.
Дума.	47.
Тебя я жду. <i>А. Григорьева</i>	48.

ПРОЗА.

Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. <i>А. Вельт-маца</i> . Часть четвертая	9.
Тоже—Часть пятая	94.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Пиккльо Аллиага или Мавры при Филиппѣ-Третьемъ. Романъ Евгенія Скриба. Часть шестая	1.
Тоже — Часть седьмая	105.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Козмос (Мірозданіе). Барона Александра Гумбольдта.	
Статья девятая	1.
Статья десятая	43.
Мысли объ Исторіи Малороссіи	21.
Юганъ Симонъ Майръ. Статья В. М. Кажинскаго	75.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Экономія человѣческихъ обществъ и состояніе финансовъ. Сочиненіе графа Е. Ф. Канкринна.	
Часть шестая.	1.
Часть седьмая.	21.

V.

КРИТИКА.

Московскій литературный и ученый сборникъ. Статья А. Никитенко	1.
--	----

Исторія Русской Словесности, преимущественно древней.
 Тридцать три публичныя лекціи Степана Шевырева.
 Статья К. П. 23.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Августъ, 1846. Новыя книги	1.
— — Разныя извѣстія	15.
Сентябрь, 1846. Новыя книги и брошюры	17.
— — Разныя извѣстія	16.

VII.

СМѢСЬ.

СЕНТЯБРЬ.

Рео-электрическая машина	1.
Сѣверное сіяніе	2.
Еще полезное приложеніе свѣтописнаго искусства.	2.
Новое неизвѣстное млекопитающее животное	3.
Безглазая рыба	4.
Ядовитое дѣйствіе зеленой краски	4.
Медальонъ	5.
Лилловые сапожки	16.
Французскій театръ въ Парижѣ	36.
Музыкальныя новости.	39.
Новыя французскія книги	42.
Новыя нѣмецкія книги	46.
Новыя музыкальныя сочиненія	46.
Моды	52.

ОКТАБРЬ.

Новая планета лежащая за Ураномъ. Открытіе господъ Ле-Берриѣ и Галле	53.
Вліяніе солнечныхъ пятенъ на земную температуру. На- блюденія Гейнриха Швабе и Альфреда Готіе	54.
Термоэлектрическія наблюденія надъ солнечными пятнами Генри и Александра	59.

Дѣйствіе магнетизма на свѣтъ и освѣщеніе магнитныхъ линій. Изслѣдованіе Фареде	60.
Дюкурно и Депождоль. Разсказъ Луи Люрниа	74.
Помѣшанный. Сцены изъ исторіи Португаліи. Статья Бе- недикта Галле.	81.
Французскій театръ въ Парижѣ	88.
Музыкальныя новости	94.
Новыя французскія книги	97.
Новыя музыкальныя сочиненія	98.
Моды	101.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Записки Врача. Романъ Александра Дюма. Часть третья	1.
Тоже — часть четвертая.	55.
Мартинъ-Найденьшгъ. Записки камердинера. Романъ Евге- нія Сю. Часть первая	1.
Тоже — часть вторая	1.

=

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВСЕВѢДѢНІЕ ПОЭТА.

О, вѣрь мнѣ, вѣрь, что не шутя
Я говорю съ тобой; днтя.
Поэтъ — пророкъ.... ему дано
Провидѣть въ будущемъ чужомъ.
Со всѣмъ, чтò для другихъ темно,
Судьбы избранникъ. онъ знакомъ.
Ему невѣдомая даль
Грядущихъ дней обнажена,
Ему чужая грудь ясна,
И въ ней и радость и печаль,
И страсть и муки видитъ онъ,
Чужой подслушиваетъ стовъ,
Чужой подсматриваетъ взглядъ,
И даже видитъ, говорятъ,
Какъ зараждается, растеть
Души таинственный цвѣтокъ,
И куклу дѣвочку зоветь

Къ любви и жизни вѣчный рокъ,
 Какъ тихо въ дѣвственную грудь
 Любви вливается струя,
 И ей отъ жажды бытія
 Вольнѣе хочется вздохнуть,
 Какъ жажда жизни на просторъ
 Румянца рвется въ ней огнемъ
 И, утомленная, потомъ
 Ей обливаетъ влагой взоръ,
 И какъ глядится въ влагѣ той
 Творящей душу духъ иной....
 И какъ онъ взглядомъ будить въ ней
 И призываетъ къ бытію,
 На днѣ сокрытую змѣю,
 Змѣю страданій и страстей —
 Змѣю различія и зла....

Дня, дня—ты такъ свѣтла,
 Въ груди твоей чигаю я,
 Какъ бездна движется она,
 Какъ бездна тайнъ она полна,
 Въ ней зараждается змѣя.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

Когда я въ залѣ многолюдномъ
 Тревогой тайною томимъ,
 Внимаю Штрауса звукамъ чуднымъ
 То полнымъ грусти, то живымъ.
 Когда пестрѣетъ предо мною
 Толпа при свѣтѣ яркихъ свѣтъ;
 И вотъ улыбкой молодою,
 И близкой прозрачныхъ плечъ
 Блистая, ты ко мнѣ приходишь
 Въ меня вперяя долгій взоръ
 И разговоръ со мной заводишь,
 Летучій, бальный разговоръ; ...
 О, отчего такъ грустно, больно
 Мнѣ станетъ вдругъ. Тебѣ едва
 Я отвѣчаю, и невольно
 На грудь клонится голова.

И всё мнѣ кажется, судьбою
 На муки ты обречена;
 Что будетъ тяжкою борьбою
 И эта грудь извурена;
 Что взоръ горитъ огнемъ страданья
 Слезу напрасно затая;
 Что безъотрадное рыданье
 За смѣхомъ звонкимъ слышу я!
 И жаль мнѣ, жаль тебя—и слезы
 Готовы кануть изъ очей....
 Но это всё больныя грѣзы
 Души разстроенной моей!
 Прости мнѣ, другъ; не зная скуки,
 Забывъ пророческую рѣчь
 Кружись, порхай подъ эти звуки
 При яркомъ свѣтѣ балныхъ свѣчъ!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

1845.

ПРОТЕКЦІЯ.

(ИЗЪ ГЕЙНЕ.)

Совѣтовъ полезныхъ не мало
 И мнѣ надавали они;
 Твердили мнѣ: случая ждите;
 И ждалъ я несчетные дни.

Но слушая эти совѣты,
 Отъ голоду умеръ бы я;
 Когда бы судьба не послала
 Мнѣ друга утѣшить меня.

И вѣрный, онъ подалъ мнѣ хлѣба
 Изъ добрыхъ, спасительныхъ рукъ;
 Его бы я обнялъ за помощь
 Да трудно.... Я самъ, этотъ другъ.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

НАПѢВЪ.

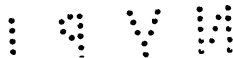
О, отчего полна томленья
 И странныхъ грезъ душа моя;
 Когда въ тиши уединенья
 Напѣвъ знакомый слышу я?

Не будятъ въ сердцѣ эти звуки
 Печаль заснувшую давно;
 Ни мукъ любви, ни слезъ разлуки
 Имъ воскресить не суждено.

Но я люблю твой гласъ призывный
 Напѣвъ далекой стороны,
 Какъ ропотъ моря заунывный
 Въ часы вечерней тишины.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

=

ПРИКЛЮЧЕНІЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

=

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

=

I.

— Послушай, братъ, Валя, сказалъ старикъ Алексѣй, слуга, служившій еще батюшкѣ и матушкѣ Любови Яковлевны вѣрою и правдою: учинимъ, братъ, совѣтъ, какъ помочь горю.

— А что такое, Алексѣй Гавриловичъ? спросилъ его кучеръ Иванъ.

— Какъ что? Ты, чай, видишь, что Француженка-то съѣла всѣмъ на шею.

— Ужъ и не говори!

— Баринъ-то совсѣмъ, братъ, тово....

— Да такъ, ей-ей такъ!

— Смѣкаешь ты, барыню-то въ гробъ вгонить.

— Да ужъ смѣкаю, что не даромъ взялъ подставу. Я ужъ и въ Кіевѣ догадался, что добра не будетъ. Свелъ тамъ съ ней знакомство. А вѣдь кто она, знаешь ли ты? просто, братъ, потаскушка, я разспросилъ у Жидка. Съ какимъ-то игрокомъ, видишь, пріѣхала, да свела знакомство съ другимъ. А тотъ ее при-

билъ, да и бросилъ въ одномъ платьишкѣ, вотъ что на Дунькѣ теперь. Баринъ закупилъ ей всего, подарилъ; цѣлую недѣлю обшивали ее.

— Ахъ ты, Господи! грѣхъ какой на старости лѣтъ! Лѣтъ двадцать прожили душа въ душу. Сегодня отдалъ приказъ, не пускать Юлію Павловну въ домъ.

— Ой ли? За что жъ это?

— За что? а за то что она вслухъ говорила, что мадамъ мало что барина съ ума свела, да и Георгія-то Филипповича не добру учить.

— А что ты думаешь; вотъ какъ я ѣздилъ съ ними гулять, Георгій-то Филипповичъ всё подъ ручку съ ней ходилъ, да такъ умильно себѣ что-то по-французскому всё говорили; а барышня-то что понимаетъ?

— Охъ, ты Господи, грѣхъ какой! Такъ вотъ, Дунька вѣрно и пересказала мадамѣ, что говорить про нее Юлія Павловна

— И! да ужъ это такъ! продастъ отца и мать родную. Не даромъ она ее нарядила. Смотрико-сь, теперь словно барышня ходить: свои платья ей отдаетъ. Прежде и на босую ногу въ честь, а теперь въ башмачкахъ, да въ косыночкахъ; а косу-то какъ заплела, да распустила кудри — словно мадамъ. Дрянъ такая, еще навязывается чтобъ женился на ней!

— Да это что! Барышню въ грошъ не ставятъ: третьева съ нагубила ей, а та смолчала, вздохнула только. Юлія Павловна прикрикнула-было на нее: «Какъ ты смѣешь барышнѣ грубить!» а она: «А вы-то что?» Юлія Павловна разбранила ее; а она плюнула, да и ушла. Юлія Павловна заплакала, хотѣла жаловаться барину, авъ баринъ-то и на дворъ не велѣлъ ее пускать.

— Ахъ ты, Господи! да я отломаю бока Дунькѣ, ей-ей, отломаю.

— Полно, братъ, Ваня. Не то! ѣздилъ я къ лѣсничихѣ, Власьевнѣ, чтобъ она поворожила, говорю ей: есть у насъ горе, какъ сбить его, бабушка?

— Что жъ она?

— Да что, горе, говорить, не море, выпьешь до дна.

— Ну, а ты что?

— Что! я ей сказалъ, что этого горя и мертвой чашей не запьешь.

— Ну, а она что?

— Да что, глупая баба! Привези ты, говорить, ко мнѣ это!

горе, а ужъ я буду знать что дѣлать съ нимъ. Привези! ужъ если бѣ можно было вывезти ее изъ дому, давно бы въ трущобу ее свезъ.

— Да что жъ ты, братъ, Алексѣй Гавриловичъ.... какъ ты думаешь?...

— А что я думаю.... ее и домовымъ не выживешь изъ дому.

— Да что жъ, коли лѣсничиха говоритъ «привези». Что жъ, братъ, за штука привезти.

— Поди-тко ты, сперва увези, да потомъ привези.

— Увезти-то, братъ, штука.

— Ужъ если правду говорить, Ваня, такъ что за штука увезти мадамъ, сказалъ Алексѣй Григорьевичъ. Помогай! увеземъ!

— Увеземъ; по-миѣ пожалуй, увеземъ, чортъ съ ней! Да какъ увеземъ-то?

— Э! какъ увеземъ, такъ и увеземъ!

— Увезти-то не штука, да какъ вызовешь изъ дому, развѣ какъ обманомъ?

— Нѣтъ, Ваня, такого грѣха на душу не возьму; обманомъ — избави Богъ, вѣкъ попрекать будетъ, да каять, что вотъ, дескать, мошенникъ, обманулъ! Нѣтъ, просто, какъ Богъ поможетъ.

— Развѣ Дуняшу подговорить? Я, пожалуй, дамъ слово жениться на ней, пусть только выдастъ ее руками.

— Нѣтъ, Ваня, нѣтъ, братъ, не годится; Богъ съ ней, зачѣмъ и ее обманывать. Вдвоемъ-то мы просто руками возьмемъ, да и въ лѣсъ съ ней.

— А тамъ-то что, на оснугу?

— Тѣфу ты окаяпный! чортъ знаетъ что говорить!

— Да почему жъ я знаю, Алексѣй Гавриловичъ: вѣдь что жъ съ ней въ лѣсу-то дѣлать? Сказалъ бы, такъ я бы и зналъ.

— А вотъ что: ты, братъ, выѣзжай ввечеру покосить траву-то за садъ къ рошѣ, да парой; а я буду караулить какъ мадамъ въ садъ пойдетъ прогуливаться. Лошадей-то ты привяжи, да жди у калитки.

— Да калитка-то, кажись, заколочена; а всё при ней; не смѣй, вишь, ходить черезъ садъ, когда она изволитъ прогуливаться; а поди ты какой обходъ кругомъ на рѣку.

— Калитка будетъ отперта, это не штука; а вотъ штука: въ господскомъ платьѣ-то ее не повезешь, неравно кто встрѣтится, лѣсничій съ командой, или кто.

— Да, Алексѣй Гавриловичъ, того и гледи, да вѣдь она и сама насъ признаётъ.

— Пусть себѣ признаётъ. Я еще самъ ей скажу, что я по господской волѣ все дѣлаю. Чтѣ не бойсь, неправда? Да, братъ, по господской. Если бѣ она, чортова змѣя, не соблазнила барина, опъ и не подумалъ бы ее держать у себя. Ужъ я тебѣ говорю, что не баринъ, а печистая сила держитъ ее въ домѣ.

— Домовой, не бойсь? А чтѣ какъ онъ разсердится на насъ съ тобой? Тогда чтѣ, Алексѣй Гавриловичъ?

— Сердись на меня сколько хочешь, мнѣ плевать. На мнѣ немного возьметъ!

— Да и мнѣ чтѣ: я только боюсь, чтобъ не изъѣдилъ коней.

— Ужъ, обратъ, лучше пусть всѣхъ коней домовой изъѣдитъ, чтѣмъ этотъ чортъ-мадамъ; на всемъ домѣ верхомъ ѣздитъ.

— Такъ, истинно такъ; да если онъ и подпакоститъ чтѣ, лѣсничиха заговѣръ знаетъ.

— А насчетъ платья-то я придумалъ штучку... Я тебѣ послѣ скажу; пойду, чай ужъ встали всѣ.

Алексѣй отправился въ домъ; но тамъ еще всѣ спали, и онъ пошелъ въ садъ къ калиткѣ. Алексѣй былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые по любви, по угодливости и преданности къ господамъ своимъ изъ рабовъ дѣлаются семьянинами, которыхъ какъ-то совѣстно кликать по имени, но невольно зовешь по имени и отчеству.

Саломея, увлеченная мыслью создать изъ Георгія образецъ мужчiny, предалась ей какъ материнскому чувству любви, съ тою только разницею, что въ сердцѣ матери готовится и любовь къ будущей подругѣ сына; а въ сердцѣ Саломеи, при мысли, что Георгій долженъ современемъ принадлежать не ей, а другой, вскипала кровь и она чувствовала ревность и ненависть къ будущей женѣ Георгія. Зная женщину по самой себѣ, передавала на ихъ долю всю худую сторону самой себя, и оставляя за собой лучшую, Саломея во всей половинѣ человѣческаго роду не видѣла достойной того мужчiny, въ котораго она перельетъ свою душу, и котораго образуетъ для счастья женщины.

Безсознательно, она внушала въ него тѣ высокія нравственныя понятія сердца, которыя были необходимы собственно для нее и тайный смыслъ этихъ высокыхъ понятій заключался въ томъ, чтобъ поселить въ Георгіи страшное понятіе о всѣхъ жен-

щинахъ и остаться одной на бѣломъ свѣтѣ, къ которой бы сердце его прибѣгнуло съ юношеской жаждой любви.

Несчастный Георгій, испытавъ и дѣтскую привязанность и юношеское отвращеніе къ мадамъ Вождѣ, находилъ въ изображеніяхъ женщинъ большое сходство съ ней и вѣрилъ словамъ Саломеи. Онъ уже приученъ былъ къ нѣжнымъ ласкамъ, чувства его быстро поняли разницу между циническими ласками Вождѣ и платоническими Саломеи. Отъ тѣхъ онъ бѣгалъ, этихъ самъ готовъ искать.

Между-тѣмъ Филиппъ Савичъ, что называется, смотрѣлъ въ глаза Саломеи, со всею почтительностью. Чувства его высказывались только угадываніемъ и предупрежденіемъ ея желаній. Малѣйшее чье-нибудь невниманіе къ мадамъ, было уголовнымъ преступленіемъ: безъ воли ея ничего не дѣлалось; самъ Филиппъ Савичъ безъ ея совѣта ничего не предпринималъ, а ея совѣтъ былъ законъ. Это льстило самолюбію Саломеи и склонности ея господствовать. Тихо, величаво, какъ-будто по убѣдительной просьбѣ распорядясь всѣмъ домомъ, она нисколько не трогалась судьбою бѣдной Любови Яковлевны, которая заперта была и болѣзнию и ею въ четыре стѣны своей спальни. Саломея считала ее дураціею, и потому сочувствовала въ себѣ все право первенствовать въ домѣ.

Мысли ея были заняты благородными чувствами заботы о душѣ Георгія, высокое мнѣніе о себѣ питалось общей боязнию не угодить ей, начиная съ Филиппа Савича до послѣдней шапки, которой тогда только давали ѣсть, когда она простонѣтъ впродолженіи всего обѣда на заднихъ лапахъ передъ Саломеей Петровной; въ сердцѣ ея былъ уже зародышъ какого-то наслажденія, съ которымъ она ни зачѣмъ бы не разсталась, какъ мать съ первенцомъ страстной любви, взлелѣивала и предвкушала его какъ будущее блаженство.

Это была не пылкая страсть, но сплѣше нѣжной страсти матери, которая утѣшается и гордится сыномъ: мать не для себя взлелѣиваетъ его; а Саломея жаждала взлелѣять Георгія, какъ духъ соблазна, который обаяетъ душу, съ расчетомъ, что ее уже ничто не пскупитъ изъ его челюстей.

Но на Георгія быстро дѣйствовалъ тайный, безотчетный замысль Саломеи. Однажды, довольная успѣхами его въ музыкѣ, она забылась, долго смотрѣла на него съ внутреннимъ волоченіемъ

и вдругъ приклонивъ его голову къ груди своей, пламенно цѣловала въ чело, и только опомнившись, произнесла:

— Какъ ты понятливъ, Георгій! я отъ тебя въ восторгѣ.

Саломея не предвидѣла, чтобъ ея пятнадцати-лѣтнему ученику понятно было подобное невольное измѣненіе восторга, и чтобъ онъ отвѣчалъ на него не такъ какъ ученикъ усипленнымъ прилежаніемъ, а такъ какъ юноша, полный жажды любви.

Онъ припалъ къ груди какъ олень къ потоку, и глоталъ вскипѣвшія волны его.

Нежданное соотвѣтствіе чувствомъ помutilo память Саломей, она, казалось, ничего не понимала въ эту минуту, и глаза ея какъ-будто говорили: пей, пей, Георгій; въ груди моей стѣснились дыханіе, отпей моего дыханія!

Георгій какъ-будто слышалъ этотъ призывъ, и онъ припалъ къ истоку дыханія и впился въ уста Саломей.

Это все ничего до-тѣхъ-поръ, покуда женщина имѣетъ время опомниться и свести порывъ своей страсти на шутку; но если она очнется испугомъ, и вскрикнетъ: Боже мой, кто-то идетъ! шутки кончены: это уже значить, что питомица Еввы, играя запрещеннымъ плодомъ, сорвала его невзначай, въ испугѣ, и не зная куда съ нимъ дѣться, прячетъ его въ карманъ потомку Адама; онъ уже повѣренный ея тайны; а тайна состоитъ только въ томъ, что она его любить.

Такъ случилось и съ Саломеей; испугъ былъ напрасный; но взволнованная мысль, что Георгій преждевременно по одному инстинкту повялъ, въ чемъ заключается вся музыка любви, не изучивъ гаммы запѣлъ романсъ, она задумалась, ей досаденъ былъ скорый и необъятный успѣхъ ученика, какъ учителю, который хотѣлъ бы продлить уроки на нѣсколько лѣтъ, во-первыхъ, по извѣстному расчету профессіи, а во-вторыхъ для того, чтобъ устранивъ природныя способности ученика, имѣть право сказать: безъ меня онъ бы былъ дуракъ, мнѣ Богъ знаетъ какого труда стоило внушить въ него наклонность къ наукѣ.

— Что мнѣ дѣлать съ Георгіемъ, думала Саломея: въ немъ такъ страстно высказались чувства привязанности ко мнѣ... я сама такъ неосторожно предалась очарованію... онъ, точно, очарователенъ!... первая любовь!... первая женщина, которую онъ любить!

Самолюбивая мысль бальзамомъ пролилась на сердце Саломей, довольствіе блистало въ глазахъ, лицо горѣло.

— Я не лгала эти чувства, они родились сами собою... без всякаго съ моей стороны....

Саломея не договорила. Не видя ничего передъ собою кромѣ блаженства, она наткнулась на Филиппа Савича, который также прогуливался въ саду, и долго слѣдилъ за Саломеей, боясь встрѣтиться съ ней.

— Ахъ, мадамъ, сказалъ онъ, какъ вы задумались!

— Ахъ, это вы? сказала Саломея съ досадою, что вмѣсто воображаемаго Георгія передъ ней стоялъ несносный его отецъ.

— Я, отвѣчалъ Филиппъ Савичъ.

Саломея молча шла далѣе.

— Прекрасная погода, проговорилъ Филиппъ Савичъ, слѣдуя за ней.

Саломея не отвѣчала.

— Не правда ли?

— Что вы говорите? извините, я не слыхала, я привыкла ходить одна и задумываться.

— О чемъ вамъ задумываться: вы такъ молоды, прекрасны, мадамъ Саломея; все, что только вамъ угодно, все къ вашимъ услугамъ.... я уважаю васъ, ей-Богу! Вы у меня настоящая хозяйка въ домѣ, ей-Богу! все что вамъ угодно....

— Очень вамъ благодарна; но извините, хозяйкой я не могу быть у васъ, — хозяйство ис мое дѣло: я взялась образовать вашихъ дѣтей и исполню....

— Помилуйте, нѣтъ, я всѣмъ вамъ обязанъ, у меня теперь домъ на домъ похожъ; а прежде вы сами видѣли, что за беспорядокъ.... жена большая, да еще.... сами вы видите — капризна и глупа.... при васъ я только и началъ жить.... все въ порядкѣ, и домъ и люди.... вамъ всѣмъ обязанъ!... откровенно скажу, я съ вами откровененъ.... если бъ....

Саломея начала понимать, что нерѣшительный, смущенный голосъ Филиппа Савича не къ добру клонился; чувства ея взволновались при словѣ «если бъ».... О Боже мой, подумала она, вспыхнувъ, я до-сихъ-поръ не поняла замысла этого мерзавца!

— Извините, сказала Саломея, прерывая рѣчь Филиппа Савича: откровенности между нами быть не можетъ, я не могу входить въ ваши семейныя дѣла!

— Помилуйте, не то: какія у меня семейныя дѣла, никакихъ!... Жена.... Богъ съ ней.... всё-равно, что ничего.... Дѣти у васъ же

рукахъ.... вы имъ родная мать.... ей-Богу!... все что вамъ угодно.... какъ угодно, такъ и будетъ....

— Мнѣ угодно теперъ остаться одной! сказала Саломея, гордо вскинувъ голову, и остановясь.

— Если угодно, проговорилъ тихо, озадаченный Филиппъ Савичъ, оставовивъ пылкій порывъ сердца къ изліянію чувствъ.

Саломея скорыми шагами пошла отъ него прочь.

Долго стоялъ Филиппъ Савичъ, смотря вслѣдъ за нею, и наконецъ заговорилъ самъ съ собою.

— Что это значитъ?... разсердилась, кажется?... или сконфузилась?... Эхъ, чортъ знаетъ, не знаю какъ и подступиться къ ней.... истинная добродѣтель!

Саломея была въ отчаяніи; она поняла, какъ опасно было ея положеніе въ домѣ.... Занявшись Георгіемъ, она забыла Дмитрицкаго и мысль свою мстить мужчинамъ, сводить съ ума отъ мала до велика, и наслаждаться ихъ страданіемъ. Первой жертвой своей хотѣла она избрать самого Филиппа Савича; но почтительное уваженіе оказываемое ей Филиппомъ Савичемъ, присутствіе Георгія, и новая мысль образовать изъ прекраснаго юноши образецъ мужчинъ, заглушила замыселъ, создавая будущее блаженство. Намекъ Филиппа Савича потрясъ все зданіе этого мечтательнаго блаженства.

— Что мнѣ дѣлать? спрашивала сама себя Саломея Петровна, и не въ состояніи была отвѣчать себѣ.

На дворѣ уже смерклось совершенно, а Саломея Петровна ходила еще по саду, торопливымъ, безпокойнымъ шагомъ. Давно уже старикъ Алексѣй и Иванъ сидѣли въ засадѣ и выжидали, когда Саломея Петровна приблизится къ нимъ. Нѣсколько разъ она уже проходила мимо; но они какъ испуганные близостью хищнаго звѣря, затаивали даже дыханіе.

— Идетъ, идетъ! шепталъ Иванъ, толкая подъ бока старика Алексѣя.

— Идетъ? спрашивалъ Алексѣй.

— Идетъ.

— Тсъ!

— Прошла, братъ, Алексѣй Гавриловичъ.

— Прошла? ахъ, проклятая! съ кѣмъ это она разговариваетъ?

— Съ кѣмъ, вѣстимо съ кѣмъ!

— Что-то разговариваетъ про господь.... про старого, да про молодого барина.

— Вѣрно, братъ, Алексѣй Гавриловичъ, продастъ чорту душу ихъ.

— Крестная съ нами сила!

— Пойдемъ, братъ, Алексѣй Гавриловичъ.

— Нѣтъ, братъ, Ваня, ужъ что будетъ, то будетъ! а надо дѣло покончить.

— Эй, братъ, Алексѣй Гавриловичъ, худо будетъ.... идти, идти!

— Идешь?

— Идешь.

— Тсъ.

Въ самомъ дѣлѣ Саломея Петровна, разговаривая сама съ собою отрывисто, то по-русски, то по-французски, то шопотомъ, то вполголоса, то довольно громко, въ сердцахъ на Филиппа Савича называла его старымъ чортомъ, а въ умилениіи сердца, называла Георгія чистой душой.

Когда Иванъ въ третій разъ толкнулъ Алексѣя подъ бокъ и шепнулъ: идти! Саломею успокоила какая-то мысль; вѣроятно, опаснія страсти Георгія и замыслы Филиппа Савича ее уже не тревожили; она шла, по обыкновенію, величаво, тихо, молча.

— Господи, благослови! произнесъ Алексѣй перекрестясь, и выскочивъ изъ-за куста, набросилъ на Саломею полость, обхватилъ ее и понесъ.

Саломея вскрикнула, но восклицаніе ея замерло отъ испугу.

— Не бойтесь, сударыня, не бойтесь, ничего не будетъ! повторилъ тихо Алексѣй. Садись, Ваня! подгоняй! живо!

— Помогите! помогите! вскричала Саломея, переводя наконецъ занявшееся дыханіе; но слабыя звуки стѣсненнаго ея голоса заглушены были стукомъ колесъ и скокомъ лошадей.

— Не кричите, сударыня, к чему кричать: васъ вѣдь не рѣжутъ! сказалъ Алексѣй, стянувъ полость на лицо Саломеи.

— О, дай мнѣ вздохнуть, я кричать не буду.... Кто ты, злодѣй? куда ты меня везешь — скажи мнѣ, скажи! произнесла она умоляющимъ голосомъ.

— Куда слѣдуетъ, туда и веземъ, сударыня.... Погоняй, братъ, Ваня, пошелъ опушкой-то лѣсу.

Голосъ Алексѣя былъ знакомъ Саломеѣ, но она не могла понять, кто это говорилъ.

— Кто ты, злодѣй? повторила она.

— Не злодѣй, не бойтесь, сударыня; худого ничего не будетъ.

— Ну что ты разговариваешь! сказалъ Иванъ, толкнувъ Алек-
сѣя.

— О, Господи! куда меня везутъ? скажите мнѣ, Бога ради!
вскричала снова Саломея.

— А! теперь Господи! пробормоталъ Иванъ.

— О, остановитесь, пожалуйста, дайте мнѣ слово сказать вамъ,
только одно слово!

— А вотъ сейчасъ на станцію приѣдемъ, сказалъ Алексѣй, по-
шелъ, тутъ дорога гладкая!

— Эхъ вы, соколки! крикнулъ Иванъ, и запустилъ копей
скокомъ и летомъ.

Глухіе стоны Саломеи были тише и тише; она не могла понять,
зачѣмъ и куда ее везутъ; но, казалось, предалась судьбѣ своей и
умолкла.

— Меня похитили! подумала она, и эта мысль развилась цѣпью
романическихъ происшествій и догадокъ, кто дерзкій похититель.
Но голосъ Алексѣя, что-то знакомый, кого-то напоминающій, на-
велъ Саломею на странную мысль, что ее везутъ черезъ полицію
къ мужу. Онъ объявилъ повсюду о моемъ побѣгѣ, разослалъ по-
всюду людей своихъ искать меня.... и меня нашли.... везутъ какъ
бѣглаго! Ей представился весь позоръ, который ее ожидалъ.

— Остановись, остановись! вскричала она, схвативъ руку Алек-
сѣя: будь моимъ благодѣтелемъ, остановись!

— Постой, братъ, Ваня, что ей пужно?... Ну, что, сударыня?

— Послушай, произнесла умоляющимъ голосомъ Саломея: я
узнала, кто ты.... я знаю, куда вы меня везете.... вы везете ме-
ня къ мужу.... но я не могу ѣхать, я не поѣду.... Если у тебя
есть еще уваженіе къ твоей барыньѣ, если есть сожалѣніе, то
пустите меня, я останусь здѣсь.... я лучше умру здѣсь!... ты,
вѣрно, это сдѣлаешь для своей барыни, ты такой добрый, я знаю
тебя!...

Алексѣй не понималъ, о какомъ мужѣ она говоритъ и о какой
барыньѣ; его навелъ кучеръ Иванъ:

— Что, братъ, шепнулъ Иванъ, узнала тебя; да еще созна-
лась, что баринъ-то ей мужъ.

— Для барыни-то, сударыня, я все п дѣлаю; а баринъ-то съ
ума сошелъ отъ васъ, да и весь домъ вверхъ дномъ пошелъ отъ
васъ, всѣхъ замучил; нѣтъ, ужъ вамъ у насъ не житье!... во-
рѣтитесь — бѣда вамъ будетъ....

— О, нѣтъ, я ни за что не ворочусь, лучше останусь посередѣ лѣсу....

— Да ужъ такъ, конечно, отвѣчалъ Алексѣй, да платѣ то скинуть надо господское.... да надѣтъ вотъ крестьянское, у меня здѣсь есть.... да и Богъ съ вами; а мы скажемъ, что вы купались, да утонули.... чтобъ ужъ такъ и исковь не было; а то, пожалуй, баринъ искать пошлетъ.

— О, Боже, Боже! проговорила Саломея, не понимая ни чужихъ словъ, ни своихъ мыслей: я согласна, я ни за что не ворочусь..... лучше умереть, нежели итти на позоръ.

— Ужъ такъ, конечно, сударыня, извольте — вотъ тутъ все: сарафанъ, кичка, чулки и чоботки: да извольте скорѣй, скоро разевѣтать будетъ.

— Смотри ты, пожалуй, шелковая какая, шепнулъ Иванъ.

Саломея, науганная воображеніемъ, готова была на все, чтобъ только избѣжать позору и стыда. Но самолюбіе и здѣсь польстило ей: торопясь перерядиться въ костюмъ крестьянки съ головы до ногъ, она какъ будто исполняла собственную волю, и видѣла въ людяхъ, которые ее везли, уваженіе къ себѣ, покорность и желаніе спасти свою барыню.

— Такъ счастливо оставаться, сударыня, сказалъ Алексѣй, скомкавъ въ узелокъ нарядъ Саломеи.

— Ахъ, постой, постой! вскричала она: Боже мой, мнѣ страшно здѣсь; нѣтъ, я не останусь одна!

— А кому жъ здѣсь прикажете оставаться съ вами? спросилъ насмѣшливо Иванъ.

— Нѣтъ, что жъ мнѣ въ лѣсу оставаться. Довезите меня до какой-нибудь деревни, тамъ я напишу къ маменькѣ письмо, и вы доставите его, а мужу не говорите.

— Нѣтъ ужъ, сударыня, вашей маменьки мы не знаемъ, и гдѣ она живетъ, и что, а Филиппу Савичу ужъ, конечно, говорить не станемъ. Наше дѣло было представить васъ сюда; въ нашемъ домѣ вамъ не годится жить; соблазнъ, сударыня; а вотъ извольте итти, куда вамъ благоугодно будетъ, а назадъ въ домъ не ворочайтесь: сами знаете, позоръ будетъ.

— О, постоитъ, я не понимаю, что говорите вы.

— Да гдѣ жъ мадамъ французской по-русски все понимаетъ. А коротко и ясно оставайтесь съ Богомъ!... пошелъ!

— Прощай, мадамъ! крикнулъ Иванъ, и приударивъ копей, понесся по извивающей дорожкѣ глушью лѣсной.

— Постоите, постоите! вскричала опять Саломея, протягивая руки и побѣжавъ вслѣдъ за телѣгой; но страшная тишина какъ-будто обдала ее посерединѣ мраку ночи, и она упала безъ памяти на землю.

II.

Жилъ былъ въ Москвѣ господинъ Брусицкій; въ санъ губернскаго секретаря въ отставку облеченный, разбитной малый, славный товарищъ, весельчакъ, любезникъ, свѣтскій пустомеля, думъ не думающій, о высокихъ и глубокихъ вѣщахъ разсуждающій, легкій какъ пардъ, смѣлый паѣздникъ, ковей и собакъ любитель, женъ и прекрасныхъ дѣвъ почитатель, мостовой гранитель, нѣсколькихъ душъ обладатель.

Въ нѣкоемъ изъ его имѣній, какъ при стадѣ, пастыря не обрѣталось, но была дворовая собака. Эта собака—Дороеей Игнатовъ, бывший его барскій камердинеръ, въ званіе управляющаго облеченный.

Вотъ, въ одинъ прекрасный день, уже передъ вечеромъ, ѣхалъ Дороеей изъ одной деревни въ другую, въ телѣжкѣ, самъ правилъ, ѣхалъ онъ черезъ лѣсъ, заключавшій въ себя нашу забытую судьбой, оставленную людьми и рокомъ преслѣдуемую героиню Саломею.

Вдругъ слышитъ онъ чей-то голосъ.

Дороеей вздрогнулъ, подумалъ—не лѣшій ли?

Онъ подогналъ-было конька; но близъ его раздалось восторопѣ: Пстой, пстой, добрый человѣкъ!

Онъ-было хотѣлъ еще придать рысн коньку; но вдругъ видятъ бѣгущую къ нему крестьянку. Дороеей успокоился и приостановилъ конька.

— Это, думалъ онъ, не лѣшій; это какой-то славный лѣшій!... Что тебѣ, моя милая?

— Добрый человѣкъ, вывези меня изъ лѣсу, проговорила задыхаясь Саломея.

— Что, заблудилась вѣрно? Пожалуй, изволь, лебедка, садись.

— Ты ошибаешься, мой милый, я не крестьянка, произнесла вдругъ съ достоинствомъ Саломея, затронутая слишкомъ ласковымъ голосомъ Дороея: я ѣхала на поклоненье въ Кіевъ, меня

ограбили разбойники, оставили мнѣ только крестьянское платье...

Дорогой посмотрѣлъ на нее недоувѣрчиво; но наружность, взглядъ и голосъ Саломеи, казалось, убѣдили его, что это дѣйствительно должна быть барыня, а не крестьянка.

— Извольте, я доведу, сказалъ Дорогой: наша деревня отсюда недалеко; а вы откуда же ѣхали въ Кіевъ?

— Изъ Москвы.

— Тамъ вашъ баринъ живетъ, сказалъ Дорогой: такъ стало быть вы знаете Александра Ивановича Брусницкаго?

— Нѣтъ, не знаю.

— Какъ же это, Александра Ивановича Брусницкаго, да его кто не знаетъ, вѣдь онъ со всѣми господами знакомъ.

Саломея молчала. Дорогой посмотрѣлъ на нее и моргнулъ глазомъ.

— Александра Ивановича нельзя не знать.

Проѣхавъ версты три, Дорогой приостановился подлѣ корчмы

— Я забѣгу только напиться, сказалъ онъ.

— Спроси, пожалуйста и мнѣ воды: у меня страшная жажда, проговорила Саломея.

Дорогой отправился въ корчму, выпилъ тамъ извѣстную мѣру, взялъ кощенихъ сельдей и булку и вынесъ напиться Саломей.

— Дай мнѣ кусочекъ хлѣба, сказала она дорогой.

Дорогой, улетая следку и булку, возбудилъ въ ней голодъ.

— Изволь.... извольте, сказалъ Дорогой, отнявъ ото рта булку и разломивъ оставшійся кусокъ по-поламъ.

Саломея поднесла ко рту, но съ отвращеніемъ поморщилась, и не стала ѣсть хлѣба: онъ зараженъ былъ водкой.

— Э, да ты.... вы, барыня, брезгаете, сударыня?

Саломея ничего не отвѣчала.

— Ну, какъ извольте.... Ну, ты, спява! пошла! Приѣдемъ домой, чѣмъ угодно накормлю, у насъ все есть.... супъ сваримъ, пожалуй.... вотъ ужъ недалеко.... тутъ будетъ корчма.... да вотъ она.... а тутъ, версты двѣ и деревня Александра Ивановича.... Пррр! стой! Не прикажете ли тутъ булочку взять? тутъ славныя булки.... я возьму.... а можетъ напиться, не угодно ли?

И съ этими словами, Дорогой остановилъ коня и побѣжалъ въ

корчму. Выпилъ известную пропорцію водки, взялъ булку и выпесъ воды Саломей.

— Изволь.... пзвольте.

— Благодарствуй, я не хочу чить, отвѣчала Саломея, очнувшись изъ задумчивости и содрогаясь при взглядѣ на свою одежду, экипажъ, корчму и Дороея, угощающаго водой.

— Ну, булочки, говорилъ онъ: я не кусалъ, ей Богу.... ну, честь приложена.... а.... ну! собака! пошелъ! близко!

И Дороей началъ жарить лошадей кнутомъ. Сивая понесла во всю прыть, телѣжка по неровной дорогѣ запрыгала, Саломею бросало во все стороны; блѣдная и трепещущая, она вскрикивала на всякомъ скачкѣ телѣжкѣ.

— Прокачу! кричалъ Дороей: прокату! небойсь! ничего! Эхъ ты, сивая!

— Остановись, остановись! ай!

— Ничего!... вотъ она и наша корчма!

Около корчмы стояла толпа мужиковъ; все они по проѣздѣ Дороея Игнатъевича, сияли шляпы и поклонились.

— Гей, староста! крикнулъ онъ, проскакавъ мимо.

Староста побѣжалъ вслѣдъ за нимъ.

Наконецъ телѣжка остановилась подлѣ флигеля дряхлаго господскаго дома, миновавъ развалившійся заборъ.

— Вотъ и прѣхали, сказалъ Дороей: эй, Маланья!

Изъ дверей выбѣжала старуха-крестьянка.

— Помогай, старая корга!... не мнѣ, а вотъ.... барынѣ-то....

Саломея была почти безъ памяти, едва переводила духъ.

— Ну, что жъ ты? крикнулъ Дороей на старуху, которая подошла къ телѣжкѣ и смотрѣла на Саломею, которая приложила голову на руку, безмолвно, неподвижно сидѣла, отдыхая отъ испугу.

— Гдѣ жъ мнѣ ее стащить съ телѣги-то, ишь, какая грузная! Ноги то вѣрно ей ужъ не служатъ! — Слѣзай, голубушка!

Саломея вздохнула глубоко и съ ужасомъ посмотрѣла на старуху, на Дороея и на все ее окружающее.

— Сударыня, говори!... барыня это, говорю я тебѣ.... Ну, покорно просимъ.

И Дороей самъ взявъ за руку Саломею, потянулъ ее съ телѣги.

— Оставь, пожалуйста, я сама сойду, произнесла она и сошла съ телѣжки.

— Покорно проспмъ! сказалъ Дороей, взявъ подъ-руку Саломею и самъ едва стоя на ногахъ.

— Готовъ... что вѣсть, а? ты! тебѣ говорю! Маланья.

— Ну, что, что прикажешь, Дороей Игнатьичъ?

— Отворяй двери!... ну!

Пьяный Дороей и истомленная Саломея показались старухѣ не лучше одинъ другаго.

— Э-эхъ! добыль! бормотала она: наплюкались....

Саломея вошла въ людскую горницу, которая была пуста, кругомъ стѣны лавки, въ углу столъ, на которомъ лежало множество бумагъ; вправо другой покой съ русской печкой, подлѣ стѣны койки, на лавкѣ самоваръ, чайникъ и чашки.

— Самоваръ ставь, Маланья; покорно проспмъ! Чайкомъ сейчасъ попотчую....

— О, Боже мой! произнесла Саломея, сядя подлѣ стола и приклонивъ голову на руки.

— Подай подушечку!... Извольте... если угодно отдохнуть.... Ну, живо, самоваръ!... ты что? пошелъ вопъ! ты видишь, здѣсь барыня!

Староста, сунувшійся было въ дверь съ огромной клюкой, вышелъ вопъ; за нимъ вышелъ и Дороей.

— Ну, ты, Тарасъ, дуракъ! ты думаешь это чортъ звасть что? а?

— Что жъ, не наше дѣло, Дороей Игнатьичъ, отвѣчалъ староста.

— Не наше дѣло! такъ и уваженія нѣтъ! ты думаешь, что просто крестьянка.... что ужъ я взялъ, да и привезъ.... что глядишь?

— Ичяво, Дороей Игнатьевичъ.

— Не бойсь, сыну-то твоему Василью не чередъ? нѣтъ, братъ, забрѣю!

— Да за что жъ прогнѣвалась милость ваша, Дороей Игнатьичъ?

— Тѣ-то, ты думаешь, я на свой счетъ угощать буду?

— Да мы представимъ что угодно.

— Угодно!... Это барыня, а ты думалъ баба?

— Да что жъ думать.... ужъ какъ баринъ приказалъ.... такъ и будетъ; вамъ господская воля лучше известна....

— Такъ повелъ! вѣдь запасъ есть про засѣдателя?

— Да есть же есть.... сладкая водка есть, закуса есть, изюму чай прикажете....

— Неси!

Староста побѣжалъ на село; а Дороеей важно прошелся по двору и повелительно останавливалъ и подзывалъ къ себѣ всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ съ поля крестьянъ, бабъ, мальчишекъ и дѣвочекъ, спрашивалъ, допрашивалъ, гнѣвался, и кончалъ словомъ: «Ну, пошелъ!»

— Эй, ты, постой! поди сюда!

— Дороеей Игнатьичъ, добраго здоровья вашей милости.

— Ты гдѣ былъ?

— Въ полѣ, батюшка.

— Завтра тебѣ въ лѣсъ ѣхать, съ Семкой, привезете лѣсу на заборъ.... Слышишь?

— Дороеей Игнатьичъ, помилуйте, ужъ дозвоьте поприбраться съ хлѣбомъ. Заборъ-то, сударь, не къ-спѣху....

— Ну, молчать! Учить сталь!... Какъ велю, такъ и дѣлай!...

— Кто жъ ослушаться будетъ вашей милости; оно не то что бы,.... да завтра же медъ снимать хотѣлъ.... ужъ такой медъ, Дороеей Игнатьичъ!... Если дозволите, представлю....

— Медъ.... ну, развѣ.... привози, попробую.

— Такой медъ, Дороеей Игнатьичъ, что и не бывало такого! а ужъ какъ приберемся, въ день заборъ новый поставимъ, ей-Богу!

— Тò то, я долго ждать не буду. Ну, пошелъ!... Поди-ко ты сюда, поди! въ кузовкѣ-то чтò?

— Черника, батюшка.

— А гдѣ ты набрала? Въ полѣ, небойсь?

— Въ лѣсу, батюшко.

— А лѣсъ-то чей?

— Вѣстимо, что господской.

— Тò-то!

— Извольте, батюшко, отсыпать на здоровье.

— Отсыпать! Захочу и все возьму.... Чтò жъ ты мало набрала? а?

— Да неколи было; только и набрала что вотъ дорогой.

— А орѣхи поспѣли?

— Нѣтъ еще, сударь.

— На! пошла!

Отсыпавъ въ картузь черники, Дороеей пошелъ къ себѣ и высыпалъ чернику на столъ передъ Саломеей, которая прислонясь къ стѣнѣ, сидѣла съ поникшей головой и закрытыми очами, какъ опьянѣвшая отъ горя.

Есть сердца, которыя знаютъ испугъ, страхъ, боязнь, но въ бѣдѣ, вмѣсто смиренія и терпѣнія, ожесточаются. Это именно тѣ высокоумныя сердца, которыя не сознають въ себѣ ничего, кромѣ высокихъ достоинствъ и великихъ совершенствъ, а во всѣхъ другихъ ничего кромѣ глупости и подлости. Саломея, предавшись горькимъ думамъ о судьбѣ своей и униженіи, въ которое она поставлена, обвиняла во-первыхъ, виновниковъ своего рожденія: они не умѣли руководить ее къ счастью жизни; не умѣли обставить ее тѣмъ, чѣмъ ея красота, умъ и высокія чувства должны были быть обставлены; потомъ обвиняла дураковъ молодыхъ людей, которые не умѣли *найти въ ней*; потомъ обвиняла свинью Федора Петровича, котораго чортъ принесъ въ домъ свататься на дѣвушкахъ, которыхъ онъ и подметки не стѣнитъ; потомъ обвиняла мерзавца Дмитрицкаго, который соблазнилъ ея невинную душу, жаждущую истиной, безмѣрной, высокой любви; потомъ досталось Филиппу Савичу, сморчку, который осмѣлился думать, сдѣлать изъ нее вторую хозяйку въ домѣ; потомъ припоминая слова Алексѣя, она разобрала ихъ, и убѣдилась, что вѣрно мерзавка Юлія Павловна и мать вывѣдали у глупаго Георгія что-нибудь и рассказали Филиппу Савичу; а Филиппъ Савичъ изъ ревности такъ низко поступилъ съ нею. Никому не было пощады, и лицо Саломеи Петровны выражало какое-то озлобленіе и совершенно походило на опьяѣлость, въ которой подозрѣвала ее старая Маланья. Дороеей, взглянувъ на нее, скорчилъ маску, поусумнился и подумалъ:

— Врешь, мать моя, какая ты барыня.... чай, просто, тово.... дѣвка, вотъ и все.

— Эй, сударыня, чернички покуда!... Ну, Маланья, что жъ чаю? налива? подавай сюда на столъ; а староста принеси что?

— Да вотъ же, принеси два полуштофчика, да изюму, орѣховъ, яблоковъ.

— Ставь сюда на столъ.... постой-ка, я попробую....

И Дороеей попровалъ изъ каждаго полуштофчика по рюмочкѣ.

— Маланья, ступай изготовь къ ужину яичницу, да что-нибудь еще.... покушать вотъ имъ.... что жъ, сударыня, извольте!

— Я ничего не хочу, благодарю! отвѣчала Саломея, вздрогнувъ, когда Дороеей прикоснулся къ ней рукой, подіуя чаемъ.

— А отчего жъ такъ?

— Пожалуйста дай мнѣ покой!

— Ну, какъ угодно.... я самъ вышью....

— И Дороеей отпилъ до половины чашку, долпилъ сладкой водной и сталъ прилебывать съ наслажденіемъ.

— А смѣю спросить, сударыня моя, какіе разбойники ограбили вашу милость?... Сударыня, а сударыня! Э, какая сибивая! Когда говорятъ — не отвѣчаетъ!... Добро бы еще кто, а то чортъ знаетъ!... Да я знать не хочу... вотъ барыня нашлась какая! Нашла тутъ разбойниковъ! Такъ и повѣрили! чортъ ограбилъ!...

— О, Боже! вскричала Саломея, вскочивъ съ мѣста и бросаясь къ двери.

— Нѣтъ, пррру! сказалъ Дороеей, вскочивъ вслѣдъ за ней и схвативъ ее за сарафанъ.

— Мерзавецъ! крикнула Саломея вѣдъ себя.

— Ахъ ты! да я тебя, знаешь! сизалъ Дороеей, поднявъ кулакъ надъ Саломеей, и потомъ толкнулъ ее на скамью.

— Помогите, помогите! закричала Саломея.

— Молчать! крикнулъ и Дороеей, размахнувшись снова.

Саломея присѣла отъ ужасу и замолкла.

— О, Боже! произнесла она тихо.

— Чтò, выкричала? тò-то... ну, помиримся.... вынѣмъ.... ну, ней, это дамская.... сладкая....

Глаза Саломеи загорѣлись вдругъ безумнымъ изступленіемъ; казалось, что она готова была вступить въ борьбу, какъ львица.

— Прочь!

— Фу, ты, страшная какая! ну, ней, говорятъ тебѣ!

— О, онъ убьетъ меня! вскрикнула она трепещущимъ голосомъ.

Дороеей стоялъ надъ ней, какъ вѣкій герой драмы стоялъ надъ героиней драмы съ кинжаломъ и требовалъ, чтобъ она выпила ядъ.

Саломея, какъ эта героиня, испугавшись кинжала, пила ядъ.

— До два! крикнулъ грозно Дороеей: а! вотъ теперь вижу, что барыня! Ну, теперь съ чайкомъ, я не даромъ для тебя самоваръ ставилъ.... Нѣтъ, братъ, меня не надуешь!... Ну.... чтò жь чайку, братъ.... а?... небойсь, не трону.... э! свалилась.... слышь?..

У Саломеи кружилась голова, она безъ памяти упала на лавку, и не чувствовала, какъ пьяный Дороеей тянулъ ее за рукавъ.

— Чтò жь, братъ, надо пить.... Эки разбойники.... пррру!

И Дороеей повалился сперва на лавку, потомъ на полъ.

— Держи, держи! кричалъ онъ: Маланья, держи!

Маленья вбѣжала, посмотрѣла и на Доросея и на Саломею, покачала головой и плюнула.

— Насосалась! проговорила она, и присѣвъ подлѣ на лавкѣ, выпила водочки изъ полуштофа, потомъ стала пить чай, потомъ стала все прибирать, а, наконецъ, и сама свалилась на лавку подлѣ печки и захрапѣла.

III.

Въ уѣздномъ городѣ... какъ блишь его?... позабытъ!... Ну, да что намъ за дѣло до города. Въ этомъ уѣздномъ городѣ, при городской Части, жилъ квартальный надиратель Иванъ Ивановичъ Тесьменко, отличнѣйшій человекъ, преисправнѣйшій по службѣ, вѣрнѣйшій мужъ Авдотьи Матвѣевны и попечительнѣйшій отецъ пяти сыновей и шести дочерей. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, онъ часто страдалъ невинно, и въ жизнь свою перемѣнилъ по крайней мѣрѣ двадцать родовъ службы. Изъ одной вытѣсненъ, изъ другой выключенъ, изъ третьей отставленъ, изъ четвертой уволенъ, изъ пятой отрѣшенъ, изъ шестой самъ вышелъ, изъ седьмой обстоятельства заставили выйти, изъ восьмой болѣзнь, изъ девятой жена, изъ десятой начальникъ, изъ которой-то, кажется: по лѣсной части, лѣшій: просто пришелъ къ нему и говорить:

— Иванъ Ивановичъ, извольте выходить въ отставку, а нето я истреблю весь лѣсъ, вѣрнѣйшій вашему благоусмотрѣнью и надзору.

Собственно Иваномъ Ивановичемъ всѣ были довольны, кань-вельзя больше; но женой его никто не былъ доволенъ; даже лѣшій, служившій съ Иваномъ Ивановичемъ по лѣсной части. Авдотья Матвѣевна была очень хорошая женщина; но по недовѣрчивости къ мужу, она всегда входила въ его дѣла по службѣ и распоряжалась весьма очень умно и заботливо, однако жъ это не нравилось ни начальникамъ, ни подчиненнымъ оя мужа. Лѣшій же недоволенъ былъ тѣмъ, что она называла всѣхъ, на кого разсердится, сперва лѣшнимъ, а потомъ свиньей. Стало быть и я свинья?—говаривалъ лѣшій, и обѣдился. Долго терпѣлъ, наконецъ не зная чѣмъ отмстить, началъ рубить лѣсъ. Но почамъ такая рубка, что чудо; глядъ на утро — деревъ сотни самыхъ лучшихъ какъ не бывало. Иванъ Ивановичъ видитъ что плохо, придется отвѣчать, привужденъ былъ подать въ отставку.

Въ званіи квартальной надзирательши, Авдотья Матвѣевнѣ какъ-то удобнѣе было входить въ завѣдываніе квартала, и не считалось предосудительнымъ, что многое и отъ нее завистлю, и что безъ свѣдѣнія Авдотьи Матвѣевны нельзя было ни къ чему приступить.

Однажды Авдотья Матвѣевна, уложивъ дѣтей спать, гадала въ карты, что долго Иванъ Ивановичъ не возвращается отъ городничаго; вдругъ доложили ей, что пріѣхалъ управляющій Брусицкаго.

— А! зови-ко, зови его!... Здорово, Дороей Игнатьичъ.

— Здравствуйте, сударыня, Авдотья Матвѣевна; какъ васъ Богъ милуетъ.

— Слава Богу, слава Богу, какъ видишь; а ты-то, батюшка, запагъ! Забыли свой домъ; а городскихъ-то повинностей не мало накопилось.... стыдно! вѣдь это все на отвѣтъ Ивана Ивановича... Барня гуляетъ въ Москвѣ, а ты-то гдѣ гуляешь, батюшка?

— Какая гульба, сударыня.... такой годъ вышелъ, что избави Боже.... зиму всю проболѣлъ....

— Такъ! у кого нѣтъ отговорокъ въ запасѣ!

— Прикажете, сударыня, матушка, Авдотья Матвѣевна, приять кому: куль мучки, двѣ четверти овсеца, да тамъ еще разное кое-что.... яичекъ, масла, того-сего....

— Съ зимняго-то пути на лѣтній свелъ, да тѣмъ чай и заговѣмся?

— Помилуйте, сударыня, все въ свое время будетъ....

— Тѣ то! дичь-то еще за тобой, а тонкій-то холстъ?....

— Привезъ, сударыня.

— Развѣ.

— Прикажете на дворъ вѣзжать?

— На дворъ, на дворъ.

— Да къ Ивану Ивановичу дѣльцо у меня есть....

— Что такое?

— Да вотъ какой казусъ случился: вду я четвертаго дня изъ Саньковцевъ черезъ лѣсъ, эдакъ, передъ закатомъ солнца,—смотрю, бѣжитъ ко мнѣ какая-то бабенка, да кричитъ: «Батюшка, помоги, разбойники рѣжутъ! батюшка, гонютея за мной! Я и оторопѣлъ: Садись скорѣй», говорю; взялъ ее къ себѣ, да и припустилъ коня, думаю, вправду гонятея. Пріѣхалъ домой, ужъ ночь на дворѣ. — «Покорми, говорю, Маланьѣ, бабенку-то, да пусть переночуетъ»; а самъ пошелъ по хозяйству. Какъ воротился, а Маланья и говоритъ: — «Что, батюшка Дороей Игнатьевичъ, какую ты привезъ,

безумную али пьяную?»—А что?—«Да вот смотри на нее, всё булкнуть! Говорить, что она барыня, и не крестьянка.» — Ты что, голубушка? спросилъ я ее: откуда ты? Какіе разбойники тебя ограбили?—«Какъ ты смѣешь, говорить, называть меня голубушкой; ты знаешь, кто я?»—Нѣтъ, не знаю сударыня.—«А вотъ я тебѣ покажу!» да какъ ухватить бутылку со стола, да въ меня было, я такъ и обомлѣлъ, на силу выскочилъ въ двери; безумная, думаю, и велѣлъ припереть двери, да стеречь до утра. Какъ разсвѣло, отворили двери, а она лежитъ безъ памяти, вся какъ огонь красная. Ну, думаю, какъ умереть — бѣда! Пойдутъ слѣдствія, откуда взялась, да кто уморилъ. Я скорѣй ее на возъ, да и сюда. Хочу просить Ивана Ивановича, чтобъ въ Часть ее взяли.

— Вотъ то-то, Дороей Игнатьичъ, Богъ-то и попуталъ тебя; вѣдь, если бъ, не такой случай, ты бы и не подумалъ приѣхать.

— Помилуйте, матушка, у меня ужъ и подвода была готова, а тутъ вотъ какъ чортъ навязалъ обузу. Да ужъ будьте увѣрены, что то само-по себѣ, а это само-по-себѣ; я только буду васъ просить, чтобъ Иванъ Ивановичъ приказалъ взять ее у меня съ рукъ долой.

И Дороей съ этими словами положилъ на столъ передъ Авдотьею Матвѣвной красную бумажку.

— Дунька! крикнула Авдотья Матвѣвна, сбѣгай-ка скорѣй.... Э, да вотъ онъ идетъ.

— Это что за человѣкъ? спросилъ Иванъ Ивановичъ, входя въ компану.

Мы не станемъ описывать наружности Ивана Ивановича, чтобъ читатель самъ себѣ вообразилъ въ мундирномъ сюртукѣ добрый-шую наружность, не совсѣмъ уклюжую, на которой время искажило уже всѣ черты доброты, такъ что съ перваго разу можно подумать, что Иванъ Ивановичъ и сердитъ, и привязчивъ, и чортъ знаетъ что.

Дороей низменно поклонился, а отвѣчала за него Авдотья Матвѣвна :

— Ты не узналъ управляющаго имѣніемъ Александра Ивановича Брусницкаго.

— А! ну, что скажете?

— Ничего, сударь, Иванъ Ивановичъ; привезъ кой-что гостинцу, вашей милости.

— Спасибо, спасибо; а чего привезли?

— Ну, что привезь, то и привезь; а вотъ лучше поговори-ко съ нимъ, у него просьба до тебя.

— Да, батюшка, Иванъ Ивановичъ, не оставьте вашей милостью: вещь пустая, да я больно перепугался.

— Что такое? говори!

— Извольте ли видѣть, ѣхалъ я третьѣва-сь или, бишь, четвертаго дня....

— Пстой, пстой, я расскажу, что тебѣ трудиться въ другой разъ; вотъ видишь, Иванъ Ивановичъ, Дороей Игнатьичъ ѣхалъ-себѣ въ деревню черезъ лѣсъ, гдѣ разбойники водятся....

— И не думаютъ водиться! пробормоталъ Дороей про себя.

— Вдругъ бѣжить баба какая-то и кричить: рѣжутъ!

— Пстой, матушка, перервалъ Иванъ Ивановичъ: нечего и пр. дожгать, я вижу, что тутъ дѣло касается до исправника, а не до меня.

— Да дай, батюшка, кончить! такъ и рветъ съ языка!

— А пожалуй, говори, только я вижу, что дѣло до меня не касается.

— Вотъ видите ли, сударь, я вамъ доможу въ короткихъ словахъ, началъ-было Дороей.

— Позволь ужъ мнѣ досказать: не люблю, начавъ слово не кончить.... Изволишь видѣть, онъ спасъ бабу отъ разбойниковъ, да и привезъ домой, а оказалось, что она сумасшедшая, не ѣсть, не пить....

— Всѣ-таки надо освидѣтельствовать; а что, я что ли поѣду въ уѣздъ свидѣтельствовать?

— Да дай кончить! сердито произнесла Авдотья Матвѣевна.

— Она, сударь, умерла-было! началъ-было Дороей.

— Свидѣтельства-то, или, какъ бишь, слѣдетвія-то онъ и боится, перервала Авдотья Матвѣевна, такъ для этого и привезъ ее сюда.

— Куда? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Куда! сюда, говорить тебѣ!

— То есть къ намъ, ко мнѣ? пошелъ, братъ, пошелъ, а не то я проводить велю!... мертвую привезъ изъ уѣзда въ городъ, въ мой кварталъ, свалить бѣду на мою шею!

— Помилуйте, живехонька, сударь, она только больна.

— Всѣ-равно!

— Выслушай прежде, да потомъ кричи!

— Позвольте ужъ мнѣ, матушка, Авдотья Матвѣевна, рассказать въ чемъ дѣло.

— Рассказывай, ты думаешь, онъ тебя лучше пойметъ!

— Только не извольте гнѣваться, батюшка, Иванъ Ивановичъ, дѣло, сударь, пустое....

При этихъ словахъ Дороей вынулъ изъ кармана бумажникъ, отвернулся немножко изъ учтивости въ сторону, изъ бумажника вынулъ бѣленькую, повернулъ бумажникъ, положилъ въ карманъ и продолжалъ :

— Дѣло, сударь, пустое...

И Дороей рассказалъ, что спасенная имъ женщина, вѣрно, какая-нибудь бѣглая, или сумасшедшая, заболѣла опасно, и онъ, изъ боязни чтобъ она не умерла и не завязалось изъ этого слѣдствіе, привезъ ее въ городъ съ тѣмъ, чтобъ попросить Ивана Ивановича взять ее въ Часть.

— Нельзя, любезный другъ, нельзя! сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Ахъ, батюшка, да отчего жъ нельзя? крикнула Авдотья Матвѣевна.

— Ты, матушка, съ ума сошла! тѣло поднято въ уѣздѣ, а не на улицѣ, да если бъ и на улицѣ, да не въ моемъ кварталѣ, такъ мнѣ плевать на него.

— Помогите, батюшка, посовѣтуйте, какъ мнѣ быть.... да если бъ тѣло, а то не тѣло, вѣдъ она еще живѣхонька....

Дороей положилъ бумажку на столъ, подлѣ Ивана Ивановича, и низко поклонился.

— Чудные вы люди, сказалъ Иванъ Ивановичъ, сиюгча голосъ: добро бы это случилось въ моемъ кварталѣ, ну, тогда бы знали какъ поступить.

— Ахъ, Боже мой, да она теперь въ твоемъ кварталѣ и есть! Кто жъ знаетъ, что она привезена, сказала Авдотья Матвѣевна удивляясь, что мужъ ея изъ пустяковъ дѣлаетъ затрудненія.

— Лежи она на улицѣ, дѣло другое, дозоръ бы поднялъ — и прямо въ Часть!

— Да если позволите, я сложу ее на улицѣ, сказалъ Дороей.

— Развѣ, сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, прибавила Авдотья Матвѣевна.

— Да гдѣ жъ ты сложишь?

— А вотъ можно въ глухомъ переулкѣ, подлѣ забору.

— Развѣ, сказалъ опять подумавъ Иванъ Ивановичъ: а я пошлю дозора, или вѣтъ, лучше самъ пройду съ дозоромъ, возьмемъ въ Часть, а потомъ отправимъ въ арестантской лазаретъ.

— И прекрасно! прибавила Авдотья Матвѣевна, только чтобъ мнѣ холста долго не ждать, да прошу прислать сушеныхъ грибовъ.

— Э, матушка, полно: за эту штуку привезетъ мнѣ и лошадку съ господскаго завода.

— Поставимъ и лошадку, Иванъ Ивановичъ, такого конька, что я вамъ скажу; только еще молодъ для ѣзды, извольте зиму повременить.

— Нѣтъ, братъ, временить не буду, извини.

— Впрочемъ, какъ угодно.

— Къ ярмаркѣ, чтобъ здѣсь былъ.

— Слушаю, Иванъ Ивановичъ. Такъ ужъ я исполню, какъ изволили сказать.... потороплюсь.

— Ну, ну, ладно; да смотри, братъ, мы только про то и знаемъ.

— Ужъ извѣстное дѣло, сказалъ Дороеей, поклонился и вышелъ вонъ.

Одна подвода стояла у воротъ, онъ велѣлъ вѣзжать ей на дворъ; а его собственная телѣжка стояла въ отдаленіи.

— Ты ступай, Кузька, да помоги Петрухѣ сложить съ воза куль и мѣшки; а я самъ сдамъ ее въ лазаретъ. Ступай.

Кузька пошелъ помогать Петрухѣ, а Дороеей вскочилъ на телѣжку, и погналъ коня въ переулокъ, потомъ черезъ улицу и опять въ переулокъ. Тутъ была глушь; съ обѣихъ сторонъ заборы тянулись до другой части.

Дороеей приостановился, поосмотрѣлся, вѣтъ ли кого, выскокылъ изъ телѣжки, вытащилъ изъ нее бѣдную Саломею, сложилъ подлѣ забора, и — былъ таковъ.

Иванъ Ивановичъ, утомясь послѣ дневныхъ трудовъ, понесенныхъ на пользу ближнему, по выходѣ Дороеей раздѣвался, и ложась уже въ постелью, вспомнилъ, что надо послать дозоръ въ глухой переулокъ, вѣтъ ли тамъ чего-нибудь, и велѣлъ кликнуть къ себѣ хозяинаго.

— Ты, братецъ, обойди же кварталъ дозоромъ, чтобъ все было въ исправности, да глухіе-то переулки обойди хорошенько, слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе, ужъ это извѣстно, отвѣчалъ хо-

жалый, и дѣйствительно прошелъ дозоромъ по кабакамъ, прикрикнувъ, что пора задрать.

— Сейчасъ, сударь, сейчасъ, только гости уберутся, отвѣчалъ цѣловальникъ.

— Тò-то, сейчасъ; дай-ко стакашкѣ ярофенчу.

— Покорно просимъ.

— Ну, смотри же, задрать.

— Будьте спокойны, Василіи Прохорычъ.

— Въ глухіе переулки! пробормоталъ хожалый, отправляясь къ себѣ на домъ, а чорта ли тамъ есть!

Такимъ образомъ безпамятная Саломея лежала безъ призору въ глухомъ переулкѣ. Одръ ея широкъ, она разметалась, горитъ, внутренній жаръ раскалялъ ее; съ глухимъ стономъ хватается она руками за одежду и, кажется, хочетъ сбросить ее съ себя.... Языкъ ея что-то лепечеть, уста алчутъ.... да нѣтъ никого, кто бы походилъ за больной и подалъ ей испить.

Но вотъ кто-то идетъ, говоритъ самъ съ собой.

— Мнѣ что, говоритъ, пошелъ, да и утопился! жптя нѣтъ! билъ-билъ, билъ-билъ, а за что?... вишь, я виновать, что, надѣвавши, у мундира рукавъ лопнулъ.... а теперь по ночи достань ему гдѣ хочешь.... Э! кто тутъ?... охаеъ кто-то.... Ахъ, батюшки, женщина кака-то.... умираетъ!... Побѣжать сказать въ будкѣ, чтобъ подняли.

И прохожій побѣжалъ къ будкѣ, которая была противъ длиннаго глухаго переулка, на другой сторонѣ улицы.

— Эй! будочникъ! слышь!

— Кто идетъ? крикнувъ будочникъ, сплѣвшій въ дверяхъ прислонясь къ стѣнкѣ.

— Пошли, братъ, скорѣй, поднять женщину, вонъ лежитъ тутъ въ переулкѣ, пьяная или что, Богъ ее знаетъ.

— Гдѣ въ переулкѣ?

— Да вотъ тутъ, недалеко.

Вскорѣ въ глухомъ переулкѣ раздались голоса хожалаго съ командой.

— Ну, гдѣ тутъ?... эка невидаль! проспалась бы и здѣсь! тащи ее куда въ будку.

Хожалый, отдавъ приказъ, отправился домой, а будочники перетаскивали безпамятную Саломею къ будкѣ.

— Вотъ тебѣ разъ, еще въ будку! сказалъ одинъ изъ нихъ, брось ее въ загороду.

На другой день Иванъ Ивановичъ донесъ, что во вѣренномъ ему кварталѣ, въ Переѣземъ Переулкѣ, поднята женщина въ нетрезвомъ состояніи, а по освидѣтельствованіи оказалось, что она же и въ горячечномъ состояніи; никакого вида при пей не оказалось, кромѣ носильнаго крестьянскаго платья, почему, вѣроятно она въ бѣгахъ обрѣтается, и куда благоугодно будетъ ее отправить, — не благоугодно ли въ острогъ въ больницу?

— Безъ-сомнѣнія, отправить въ острогъ въ больницу.

— Слушаю, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

IV.

Обратимся теперь въ Москву, къ родителямъ и супругу Саломеи Петровны.

Въ тотъ самый день, когда она отправилась по своимъ надобностямъ изъ Москвы, около полуночи Ѳеодоръ Петровичъ, очень хорошо зная, что Саломеи Петровны нѣтъ еще дома, такъ, для бѣдшаго убѣжденія, спросилъ у слуги:

— Чтò, Саломеи Петровна еще не возвращалась?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ахъ, ты, Господи!... Нѣтъ ужъ, какъ хочеть, а я спать лягу, сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ, и легъ спать.

По обыкновенію, всякое утро приходилъ челоуѣкъ и будилъ его, докладывая, что чай готовъ, и что Саломеи Петровна изволила уже встать.

Противъ обыкновенія, на другой день послѣ отъѣзда Саломеи Петровны, по своимъ надобностямъ, челоуѣкъ не приходилъ будить Ѳеодора Петровича и докладывать, что Саломеи Петровна изволила уже встать.

Былъ уже часъ третій пополудни, Ѳеодоръ Петровичъ отлежалъ бока, удивляясь, что Саломеи Петровна такъ долго спитъ.

— Вѣрно поздно пріѣхали домой, думалъ онъ. Вотъ жизнь собачья! прибавилъ онъ и крикнулъ: Эй!

— Чего изволите, сударь? спросилъ лакей.

— Барыня встала?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ахъ, ты, Господи! сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ: въ которомъ часу пріѣхала барыня?

— Барыня не пріѣзжала-съ.

— Какъ, барыня еще не возвращалась домой?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ахъ, ты, Господи! вскричалъ Ѳеодоръ Петровичъ: да гдѣ жъ она?

— Не могу знать-съ; Петръ ѣздилъ съ барыней, такъ она изволила послать его изъ галереи за афишкой, въ театръ; онъ взялъ афишку, а въ галереѣ уже барыни не было, такъ онъ и велѣлъ кучеру ждать у театра; а самъ ждалъ въ галереѣ въ бельэтажѣ, подлѣ нашей ложи. Театръ-то кончился, всѣ пошли вонъ; а Петръ ждалъ, ждалъ, покуда свѣчи потушили. Петръ хотѣлъ-было еще немножко подождать, да капельдиперъ прогналъ его: ступай, говорить, вонъ; кого ты ждешь? всѣ разѣхались и лампу потушили. Петръ и пошелъ, спросилъ кучера Игната: — Чтò, барыня не выходила? — «Да не выходила же», говорить....

— Ахъ, ты, Господи! вскричалъ Ѳеодоръ Петровичъ: да гдѣ жъ она?

— Не могу знать; вотъ какъ докладывалъ Петръ Игнату:— Чтò жъ, вѣдь надо ждать барыню? и стояли подлѣ театральнаго подъѣзда до разсвѣту, какое до разсвѣту — ужъ солнце высоко было, когда они воротились домой.

— Кто, барыня?

— Нѣтъ, Петръ и Иванъ.

— А барыня?

— Ее такъ и не дождалсь.

— Ахъ, ты, Господи! Это ни вачтò не похоже! Давай чаю!

— Ключи у барыни.

— Тѣфу! Давай одѣваться.

Ѳеодоръ Петровичъ одѣлся и отправился къ Петру Григорьевичу. Петра Григорьевича не было уже дома; Софья Васильевна куда-то собралась ѣхать, только Катенька была въ гостиной.

— Ахъ, Ѳеодоръ Петровичъ! вскричала она радушно, бросаясь къ нему навстрѣчу: какъ давно вы у насъ не были!

У Ѳеодора Петровича забилось сердце отъ какого-то тайнаго, горькаго чувства; несмотря на строгое запрещеніе Саломеи Петровны не подходить къ ручкѣ Катеньки—*молоденькой двученкѣ*, онъ въ забывчивости подошелъ къ ручкѣ.

— Чтò вы такіе смущенные?

— Ничего, Катерина Петровна, такъ, усталъ, жарко.

— Вы пѣшкомъ пришли?

— Пѣшкомъ.

— Какъ же это вы осмѣлились, сестрица не позволяетъ вамъ пѣшкомъ ходить, сказала шутя Катенька: постоите, вотъ я ей скажу.

« Господи! подумалъ Ѳедоръ Петровичъ: если бѣ Катенька-то была моей женой!...»

— Вы что-то всё думаете, не отвѣчаете.

— Отвѣчать-то, Катерина Петровна, нечего. Какъ на душѣ скребетъ, такъ Богъ знаетъ что и отвѣчать.

— Что за несчастіе такое съ вами случилось?

— Помилуйте, встанешь въ семь, жди до полудня чай пить....

— Кто жъ вамъ велитъ?

— Кто? да это ужъ жизнь такая, неприятно же врѣзь пить чай... да добро бы въ полдень, а то сегодня я по-сю-пору чаю еще не пилъ!

— Отчего жъ это? Хотите, я велю поставить самоваръ.

— Сдѣлайте одолженіе.... Ключи у Саломен Петровны, а она еще, Богъ знаетъ, со вчерашняго дня по-сю-пору не возвращается домой.

— Какъ! вскричала Катенька.

— Да такъ! Я ужъ этой жизни и не понимаю!

— Коляска готова? раздался голосъ Софьи Васильевны; и съ этими словами, она, разряженная, вышла въ гостиницу: — А! Ѳедоръ Петровичъ!

Ѳедоръ Петровичъ подошелъ молча къ рукѣ.

— Что это васъ давно не видать, вы какъ чужой стали! Что Саломѣ дѣлаетъ?

— Да я пошелъ, ее еще не было дома, отвѣчалъ Ѳедоръ Петровичъ, стараясь говорить спокойнымъ голосомъ.

— Маленька, Ѳедоръ Петровичъ еще не пилъ чаю, я велю поставить самоваръ.

— Гдѣ жъ вы были утро?

— Дома.

— Напой, Катенька, Ѳедора Петровича чаемъ; а мнѣ нужно ѣхать. Прощайте, Ѳедоръ Петровичъ, поцѣлуйте за меня Саломею.

— Покорнѣйше благодарю! отвѣчалъ Ѳедоръ Петровичъ по модному выраженію, переведенному съ французскаго діалекта.

Софья Васильевна поклонилась довольно сухо и уѣхала. Софья Васильевна сердита была на Ѳедора Петровича, потому что Саломея, не позволивъ давать отцу своему денегъ взаймы, на него же свалила отказъ.

Матенька напѣла Федора Петровича чаемъ, и онъ пошелъ домой.

— Чтò, прѣѣхала барыня?

— Никакъ нѣтъ! отвѣчалъ ему въ передней въ нѣсколько часовъ.

Въ ожиданіи Саломей Петровны, онъ сжегъ десятокъ папиртосовъ, потому что Саломея Петровна трубку ему запретила курить; потомъ ходилъ, ходилъ по всеѣмъ комнатамъ, смотрѣлъ на часы и, наконецъ, вышелъ изъ себя.

— Шесть часовъ! Эй! чтò жъ не накрыть столъ?

— Да кушать не готовлено.

— Барыня съ вечера ничего не позволила заказывать.

— Тьфу! Это, чортъ знаетъ, чтò за жизнь! крикнулъ Федоръ Петровичъ, и прибавилъ сквозь зубы:—Таскается день и ночь!...

Федоръ Петровичъ, не зная къ кому прѣбѣгнуть съ горемъ своимъ, снова пошелъ къ Петру Григорьевичу, и засталъ его съ женой, дочерью и двумя гостями за столомъ.

— А! обѣдали, Федоръ Петровичъ?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ: Саломей Петровны нѣтъ дома.

— Такъ садитесь, сказалъ Петръ Григорьевичъ, и сталъ продолжать разговоръ съ гостями. Софья Васильевна также некогда было съ нимъ говорить, а потому онъ молча, торопливо догонялъ кушающихъ уже десертъ.

— Куда ѣздила сегодня Саломея? спросила наконецъ Софья Васильевна.

— Никуда, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ.

— Какъ же вы давеча говорили, что ее нѣтъ дома?

— Ее по-сю-пору нѣтъ дома, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ: она вчера поѣхала въ театръ.... и не возвращалась.... я не знаю....

Софья Васильевна, вѣроятно, догадалась наконецъ, что чтò-нибудь да не такъ, перервала слова Федора Петровича, и сказала захотавъ: Бѣдный мужъ, не знаетъ, гдѣ жена!... а я знаю.

— Она мнѣ ничего не говорила, началъ-было Федоръ Петровичъ.

— Не говорила? да развѣ вы не помните, что она сбралась съ Малютиными въ Воскресенскъ?

Съ этими словами Софья Васильевна встала изъ-за стола.

— Хотите трубку? сказалъ Петръ Григорьевичъ, взявъ за руку Федора Петровича: пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ. Федоръ Петровичъ, продолжалъ онъ, вы почти сами вызвались дать мнѣ въ

займы сорокъ тысячъ, которые мнѣ необходимы, чтобъ поправить свои дѣла; для чего жъ вы вмѣсто исполненія слова нажаловались на меня своей жепѣ, что я выдалъ нищую дочь сзую за васъ ддятого, чтобъ обобратъ васъ? скажите, пожалуйста?

— Я? я это говорилъ? вотъ вамъ Христось! сказалъ Федоръ Петровичъ.

— Вотъ записка полученная женою третьяго дня отъ Саломей, извольте читать:

« Папичька просилъ у моего мужа сорокъ тысячъ въ займы. Это крайне его удивляетъ, и мнѣ слишкомъ неприятно слышать упреки, что мои родители не только что не дали мнѣ никакого приданого, и выдали какъ нищую, но еще требуютъ отъ зятя, чтобъ онъ для поправленія ихъ состоянія отдалъ свое. По добротѣ своей мужъ мой не умѣлъ отговориться; но чтобъ избѣжать вѣчныхъ упрековъ, я ему сказала, что папечка не пуждается ужъ въ его деньгахъ».

— И не думалъ, и не думалъ этого говорить, Петръ Григорьевичъ, клянусь Богомъ! Я не знаю, что Саломей Петровнѣ вздумалось про меня такъ говорить.... и не понимаю! Я ужъ и деньги приготовилъ для васъ; она взяла ихъ себѣ и сказала, что вы отъ нее получите.

Петръ Григорьевичъ закусилъ губы.

— О! Богъ судья, мнѣ жаль, что я доброму человѣку навязалъ на шею такого чорта! сказалъ онъ, задыхаясь отъ досады. Гдѣ она?

— Я не знаю, Петръ Григорьевичъ, гдѣ она; со вчерашняго дня еще не возвращалась домой; Софья Васильевна говоритъ, что она уѣхала въ Воскресенскъ.

— Чертъ она! вскричалъ Петръ Григорьевичъ: Эй! кто тутъ? позови барыню.

— Что тебѣ, другъ мой? спросила Софья Васильевна, и испугалась, увидя, что Петръ Григорьевичъ весь въ себя, ходилъ большими шагами по комнатѣ и поминутно набивалъ носъ табакомъ. Это былъ худой признакъ.

— Гдѣ Саломей? крикнулъ онъ.

— Я почему жъ знаю, отвѣчала Софья Васильевна: кажется, мужу ея лучше знать объ этомъ.

— Къ чему жъ ты выдумала, что она поѣхала въ Вознесенскъ?

— Я знаю, что она хотѣла ѣхать съ Малютинными, и безъ всякаго сомнѣнія уѣхала съ ними.

— Я сегодня была у Малютиныхъ; она, вѣрно, уѣхала съ тортомъ.

Софья Васильевна поблѣднѣла: Ѳеодоръ Петровичъ стоялъ безмолвно и смотрѣлъ на Софью Васильевну, какъ на виноватую и какъ-будто произносилъ съ упрекомъ:

— Вотъ видите, Софья Васильевна, что вы сдѣлали! Зачѣмъ вы сказали, что Саломея Петровна уѣхала въ Воскресенскъ, когда она не уѣзжала туда.

— Любезный Ѳеодоръ Петровичъ, сказалъ Петръ Григорьевичъ, грѣхъ не на моей душѣ, а на бабьей.

— Охъ ты! произнесла Софья Васильевна, и торопливо вышла изъ комнаты.

Ѳеодоръ Петровичъ стоялъ молча посередѣ комнаты, въ одной рукѣ фуражка, другой приглаживалъ волосы на головѣ, потому ли что они становились дыбомъ, или просто по привыкѣ поступать такъ въ смутное для головы время.

— Что дѣлать! сказалъ Петръ Григорьевичъ, глубоко вздохнувъ и пожавъ плечами.

— Я не понимаю, куда это уѣхала Саломея Петровна, сказалъ наконецъ Ѳеодоръ Петровичъ.

Петръ Григорьевичъ набралъ снова глубокимъ вздохомъ кислорода и пахнулъ азотомъ, какъ Турокъ затянувшійся табакомъ.

— Позвольте трубочку, сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Поди, пожалуйста, посиди въ гостиной съ Иваномъ Ѳеодоровичемъ и Степаномъ Васильевичемъ, мнѣ совсѣмъ не до нихъ, сказала Софья Васильевна, входя встревоженная въ кабинетъ.

— А мнѣ до нихъ? отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ.

— Вы посылали, Ѳеодоръ Петровичъ, узнать, къ кому поѣхала Саломея?

— Не посылаю, отвѣчалъ Ѳеодоръ Петровичъ, затягиваясь длинной струей вахштафу, какъ утоляющій жажду.

— Ахъ, напрасно; какъ же это вы такъ беззаботны, не знаете, гдѣ жена и что дѣлается съ нею.

— Куда жъ послать-то мнѣ, Софья Васильевна? Если бъ! она поѣхала, да сказала куда ѣдетъ, дѣло другое; я пошлю искать ее.

— Ахъ, нѣтъ, лучше не посылайте.... Вы не поссорились ли съ ней?

— Какъ это можно! Когда жъ ссорился?

— Можетъ-быть огорчили чѣмъ-нибудь?

— Ей Богу, и не думалъ огорчать. Признаться сказать, она только посердилась на меня за то, что я взялъ деньги изъ ломбарда.

— Вотъ видите ли, она вамъ совѣтуетъ беречь деньги, а вы сдѣлали ей неприятность; будто это ничтожная причина: я увѣрена, что она отъ огорченія уѣхала, съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ на дачу или въ деревню.

— Какъ-будто я бросать хотѣлъ деньги; я по просьбѣ Петра Григорьевича взялъ сорокъ тысячъ....

— Такъ за что жъ она сердилась? спросила Софья Васильевна, съ негодованіемъ, понявъ оскорбительный для матери поступокъ Саломеи.

— А Богъ ее знаетъ! отвѣчалъ Ѳеодоръ Петровичъ: такъ, я думаю, жалко стало денегъ.

— Для отца и матери жаль! произнесла съ огорченіемъ Софья Васильевна.

— Я говорилъ, да что жъ дѣлать, ужъ у ней такой странный характеръ.

— А сама мотаетъ, бросаетъ деньги! Сколько вы прожили въ полгода?

— А Богъ ее знаетъ, я какъ-то не люблю считать.

— О, вы черезъ-чуръ добры, Ѳеодоръ Петровичъ! вамъ надо было держать ее въ рукахъ.

— Такъ ужъ.... и самъ не знаю какъ... пѣтъ, ужъ жизнь такая.... Я, правда, не привыкъ, да что жъ дѣлать, вѣдь это не въ полку.

— Ѳеодоръ Петровичъ, не разглашайте.... она, вѣроятно, скоро воротится.... она вѣрно уѣхала въ деревню къ Колинскимъ.... Конечно, это глупо уѣзжать не сказавшись, да ужъ это такой нравъ.

— Ужъ такой нравъ, я знаю, повторилъ и Ѳеодоръ Петровичъ. Я, однако жъ, пойду домой, можетъ-быть она воротилась.

— Я ввечеру къ вамъ приѣду, прощайте, Ѳеодоръ Петровичъ.

Ѳеодоръ Петровичъ пошелъ домой; но Саломея еще не возвращалась.

На свободѣ, Ѳеодоръ Петровичъ закурилъ трубку, сперва въ кабинетъ, отворивъ окно; а потомъ сталъ съ досады, что Саломея Петровна не возвращается, ходить съ трубкой по за-

лѣ и по гостиной; по всѣмъ комнатамъ разостлались дымныя облака.

Въ десять часовъ вечера пріѣхала Софья Васильевна, и послѣ вопроса: пріѣхала ли Саломея, ужасно раскашлялась.

— Ахъ, какъ вы накурили! вскричала она: да это поневолѣ уйдешь изъ дому!

— Это такъ ужъ отъ скуки... я, вѣдь, совсѣмъ не курю, сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ, и хотѣлъ поставить въ уголъ трубку; но закурившись, онъ какъ опьянѣлый пошатнулся и чуть-чуть не упалъ.

Софья Васильевна посмотрѣла на него подозрительно и Богъ знаетъ что подумала.

— Нѣтъ, не могу выносить; это Богъ знаетъ что за табакъ! мнѣ дурно! сказала она и торопливо вышла.

У Ѳеодора Петровича кружилась голова, онъ съ трудомъ добрался до своего кабинета и легъ.

Между-тѣмъ Софья Васильевна пріѣхала домой, открыла мужу тайну, которую она только-что узнала.

— Ну, другъ мой, не удивляюсь, что Саломея уѣхала куда-нибудь отъ мужа!

— Что такое?

— Ѳеодоръ Петровичъ пьетъ мертвую чашу!

— Не можетъ быть!

— Пріѣхала я къ нему, только вошла, слышу такъ и разить водкой, по всѣмъ комнатамъ накурено табачищемъ, а самъ онъ едва на ногахъ стоитъ. И бѣдная Саломея скрывала это несчастіе.

— Ну, сама избрала себѣ горькую долю! а, правду сказать... ну, да нечего и говорить!

— Отчего жъ не сказать.

— Э! лучше не спрашивай!

Это былъ обыкновенный приступъ къ обвиненію Софьи Васильевны; она поняла; но понимая, никогда не могла воздержаться, чтобы не высказать, что она поняла, и не убѣдить мужа, что не дура и все понимаетъ.

— И не хочу спрашивать, знаю, что у тебя въ головѣ: надо на кого-нибудь свалить всю вину: на кого же сваливать какъ не на меня.

Съ этого иногда завязывался длинный разговоръ; Софья Васильевна поднимаетъ изъ-подъ спуда все прошедшее свое горе, выкапываетъ изъ могилъ всѣ прошедшія неприятели и супругу-

жескія междоусобія; поставитъ волосъ дыбомъ на головѣ Петра Григорьевича, расплатется, уйдетъ и дуется на него нѣсколько дней.

Чтобъ убѣдиться въ истинѣ словъ Софьи Васильевны на счетъ Ѳедора Петровича, Петръ Григорьевичъ поѣхалъ на другой день къ нему и, разумѣется, вошелъ безъ доклада. Въ дверяхъ навстрѣчу ему раздалися слова Ѳедора Петровича.

— А гдѣ жъ я возьму теперь! вотъ возвратится Саломея Петровна, деньги у нее; тотчасъ же и заплатимъ.

— О чемъ дѣло, Ѳедоръ Петровичъ. Здравствуйте!

— Да вотъ, управляющій домомъ пришелъ, и требуетъ сейчасъ же деньги; деньги мои всѣ у Саломеи Петровны; а ее нѣтъ дома.

— Господа не беспокоили васъ и не требовали денегъ впередъ, сказалъ управляющій: по увѣренности, что всё-равно, у нихъ деньги лежатъ или у васъ; но вдругъ пришла необходимость такая въ десяти тысячахъ, такъ они и просятъ уплатить за весь годъ.

— А сколько? спросилъ Петръ Григорьевичъ.

— Осемь тысячъ пятьсотъ.

— Но можно подождать, любезный, нѣсколько дней.

— Одного дня, сударь, невозможно, я бы и не беспокоилъ.

— Что за крайность такая!

— Такая крайность, сударь. Господа убѣдительно приказали просить сейчасъ же вручить мнѣ эту сумму.

— Какъ же быть, деньги спрятаны у Саломеи Петровны; вотъ возвратится, тотчасъ же заплатимъ, сказалъ Ѳедоръ Петровичъ.

— Когда жъ онѣ изволятъ, сударь, возвратиться?

— Кто жъ васъ знаетъ, любезный, что вамъ вдругъ понадобится деньги, сказалъ Петръ Григорьевичъ: не сидѣть же дома да ждать, когда вы за ними придете!

— Притомъ же, напимала домъ сама Саломея Петровна, прибавилъ Ѳедоръ Петровичъ.

— Ну, да это всё-равно, сказалъ Петръ Григорьевичъ: приходи, любезный, завтра поутру.

— Господа приказали просить убѣдительнѣйше....

— Говорятъ тебѣ, приходи завтра, вѣроятно дочь моя завтра будетъ изъ деревни, прибавилъ Петръ Григорьевичъ. Да всё-

равно, возвратится или не возвратится, завтра получишь.

— Я доложу господамъ....

— Прощай!... Да неужели вы всё наличныя деньги отдали Саломеѣ?

— До копейки всё у нее.

— Какіе вы, Ѳеодоръ Петровичъ; ну, кто отдаетъ капиталы на руки женщинѣ?

— Почему жъ я зналъ, Петръ Григорьевичъ, я не виноватъ, ужъ это такая жизнь.

— Гдѣ у нея лежатъ деньги и билеты?

— Она къ себѣ спрятала мой бумажникъ и шкатулку, вѣрно въ бюро.

— Надо послать за слесаремъ.

Покуда пришелъ слесарь, Петръ Григорьевичъ и Ѳеодоръ Петровичъ, закуривъ трубки, ходили по комнатамъ и пыхали дымомъ. Если бъ въ это время пріѣхала Софья Васильевна, то подумала бы, что и мужъ ея подгулялъ вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Петровичемъ.

Слесарь наконецъ пришелъ, открылъ бюро, открылъ всё шкафы, шкафки, коммоды — нигдѣ и признаку нѣтъ какихъ-нибудь сокровищъ, денегъ, драгоценностей, даже золотыхъ колецъ.

— Чисто! подумалъ Петръ Григорьевичъ.

— Богъ ее знаетъ куда дѣвала, вѣрно съ собой взяла, сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ.

— Вѣроятно! произнесъ Петръ Григорьевичъ значительно.

Отправивъ слесаря, Петръ Григорьевичъ и Ѳеодоръ Петровичъ сидѣли въ роскошномъ кабинетѣ Саломеи Петровны на креслахъ, курили трубки и молчали. Бюро, шкафки, коммоды были растворены, раскрыты, какъ во время сборовъ въ дорогу или укладки, по возвращеніи съ пути.

Надумавшись, Петръ Григорьевичъ сказалъ:

— Вамъ надо заложить скорѣе деревню; хоть эти-то бумаги у васъ?

— Кажется, у меня.

Ѳеодоръ Петровичъ пошелъ въ кабинетъ и принесъ купчую.

— Давайте, я самъ поѣду и обдѣлаю скорѣе дѣло.... Э, батюшки, да это имѣнье продано съ переводомъ долга въ опекунскій совѣтъ! У васъ нѣтъ никакого свидѣтельства объ уплатѣ долга и процентовъ?

— Никакого.

— Поздравляю! Да вы совсѣмъ не понимаете дѣла, не заботи-

лись о выкупѣ. Я ѣду сейчасъ въ опекунскій совѣтъ; поѣдемте вмѣстѣ.

— Сейчасъ, я только чаю напьюсь, сказалъ Федоръ Петровичъ.

— Какой тутъ чай, когда чай пить, мы опоздаемъ! Ѣдемте! Одѣвайтесь, пожалуйста, скорѣе!

Федоръ Петровичъ одѣлся на скорую руку. Поѣхали. Знакомый Петру Григорьевичу директоръ велѣлъ навести справку, а по справкѣ оказалось, что уплата просрочена и что имѣніе включено уже въ списокъ продающихся съ публичнаго торгу; что надо уплатить немедленно же сорокъ тысячъ, или проститься съ нимъ.

У Петра Григорьевича облилось сердце кровью, а Федоръ Петровичъ слушалъ, слушалъ и по выходѣ отъ директора спросилъ:

— Когда же можно будетъ получить сорокъ тысячъ, Петръ Григорьевичъ?

— Вы кажется слышали, что дѣло идетъ не о «получить», а объ «уплатить».

— Я не понялъ, сказалъ Федоръ Петровичъ.

— Я вижу.... извольте ваши бумаги.... Вы куда теперь?

— Да куда же?... Домой.

— Такъ прощайте, мнѣ надо ѣхать по дѣлу.

Петръ Григорьевичъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ; а Федоръ Петровичъ отправился пѣшкомъ домой.

=

ОКТАБРЬ.

X

Люблю я свѣжестъ ранняго мороза,
Когда подъ инеемъ сѣдѣтъ знакъ равнинъ,
Роняетъ листь унылая береза
И снова пробужденъ забытый мой каминь.

Не сборомъ яхонтовыхъ гроздій винограда
Мы осень празднуемъ, но для души моей,
И наши скудныя картины листопада
Не чужды красоты. Люблю просторъ полей,
Скирдами убранныхъ, застынувшій ручей
И рощи въ золотѣ осенняго наряда.

Но грустно на-сердцѣ, какъ вспомнишь, что зима
Перезоветъ тебя на свѣтскія тревоги,
Въ блестящіе, громадныя чертоги, —
Гдѣ столько мелкихъ душъ и тусклаго ума....
Вседневный маскарадъ! — Тамъ встрѣтятъ васъ нерѣдко:
Со взоромъ ангела — безбожная кокетка,
Аристократъ — съ плебейскою душой;
Тамъ дружба и любовь — минутный пылъ похмѣлья,
Вѣнки безъ запаха, улыбки безъ веселья,
А нищета прикрыта мишурой.
Тамъ царство женщины;... но рыцари гостинныхъ
Не ищутъ въ женщинѣ духовной красоты....
И сердце чахнетъ тамъ, на почвѣ суеты,
Какъ пальма — на пескахъ пустынныхъ.

МОЛИТВА.

Боже милостивый, правый,
 Воплю грѣшнаго внемли,
 И душѣ моей лукавой
 Свыше миръ свой ниспошли.

Много тяжкихъ прегрѣшеній
 Камень на сердце лежитъ,
 Много буйныхъ помышлений,
 Душу юную томить.

Оскверненъ мой храмъ тѣлесный,
 Рушенъ съ церковью союзъ,
 Боже, дай мнѣ хлѣбъ небесный
 Разрѣши грѣховныхъ узъ.

Тѣло, страдаетъ, Боже, Боже
 Духъ мятется и унылъ
 Я потоками слезъ ложе
 Ночью темной омочилъ.

С. СИЦЕЛИНСКІЙ.

ДУМА.

Есть гнусныя, нечистыя мечты,
 Чудовищныхъ страстей чудовищныя чада;
 Порой бурлятъ онѣ, какъ духи въ безднѣ ада,
 Во глубинѣ душевной пустоты.

Есть темныя, убійственныя думы —
 Сердечныхъ сблазновъ грѣховные плоды;
 Лезветъ ихъ во тмѣ порокъ угрюмый,
 Черта на совѣсти кровавые слѣды.

Есть сирадные восторги наслажденья,
 Есть ядовитая роса умилньныхъ слезъ,
 Есть смутныя, живыя сновидѣнья,
 Оуществленныя нечадыя сладкихъ грезъ.

И это все мгновенно зачумляетъ
 И жгетъ и пепелитъ нашъ благодатный міръ,
 Когда безумная любовь насъ окриляетъ,
 И жажда чувствуетъ дарить роскошный пиръ;
 И въ этотъ бѣдственный недугъ очарованья
 Влечетъ насъ блескъ ничтожной красоты....
 Когда жъ замрутъ въ груди кипучія желанья
 И пропадутъ коварныя мечты,
 Въ то время мы даримъ кумиру обожанья
 Раскаляя нагробныя цвѣты.....

ОЖИДАНИЕ.

Тебя я жду, тебя я жду
 Сестра Харитъ, подруга Грацій;
 Ты мнѣ сказала: я приду
 Подъ сѣнь таинственныхъ акацій.
 Облито влагой все кругомъ,
 Нѣмѣетъ все въ томленьи грезы,
 Лишь въ сладострастїи нѣмомъ
 Благоуханьемъ дышать розы,
 Да ключъ таинственно журчить,
 Лобзаньемъ страстнымъ и нескромнымъ,
 Да длинный лучъ луны дрожить
 Изъ-за вѣтвей сїаньемъ томнымъ.

Тебя я жду, тебя я жду.
 Намъ каждый мигъ въ блаженствѣ дорогъ;
 Я внемлю жадно каждый шорохъ
 И каждый звукъ въ твоёмъ саду,
 Листы ли шепчутся съ листьями,

На тайный зовъ, на тихій зовъ,
Я отвѣчать уже готовъ;
Лобзаній жадными устами.
Сестра Харитъ — тебя я жду;
Ты мнѣ сама, подруга Грацій,
Сказала тихо: я приду
Подъ сѣнь таинственныхъ акацій.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

=

ПРИКЛЮЧЕНІЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

=

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

=

I.

Что жъ дѣлается съ Саломеей? Грустно описывать.

На утро будочники *преставили* ее въ Часть, что, дескать, поднята на улицѣ пьяная или больная, Богъ вѣдаетъ.

Городской лекарь, молодой человекъ, только-что изъ академіи, призванный для освидѣтельствованія, взглянувъ на нее, подумалъ: Ухъ, какой славный *субъектъ*! черты какія, что за бѣлизна, складъ какой славный! Жаль, бѣдная, въ сильной горячкѣ.

— Въ горячкѣ? Такъ отправить ее по-скорѣй въ острогъ, въ лазаретъ! сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Зачѣмъ? сказалъ съ сожалѣніемъ лекарь: я пушу ей кровь, она скоро выздоровѣетъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, я здѣсь горячешныхъ держать не буду.

— Какъ же можно помѣщать большую молодую женщину съ вѣстунниками!

— А гдѣ же, батюшка, прикажете ее держать?

— Да позвольте, я возьму ее къ себѣ на квартиру.

— Какъ-съ, колодницу я отдамъ вамъ на руки; она убѣжитъ, а я буду отвѣчать!

— Какая же она колодница; ее подняли на улицѣ, больную....

— Это всё-равно, она бѣглая, безпаспортная.

Молодой лекарь, соболѣзнуя о Саломеѣ, ничѣмъ не убѣдилъ Ивана Ивановича; ее отправили въ лазаретъ, и положили на нары въ рядъ съ больными бабами, подъ мрачными, закопченными сводами какого-то подвала, куда проникалъ свѣтъ сквозь желѣзные рѣшетки и потускнѣвшія стекла.

Каждое утро тутъ обходилъ тучный медикъ, крихтя допрашивалъ больныхъ и назначалъ лекарства.

— У тебя чтò, матушка?

— Всё голова болитъ, ваше благородіе, ничего лучше.

— Голова-то у тебя, вѣрно, похмѣльная.

— Съ чего опохмѣляться-то, сударь, ишъ вы подносите какую настойку!

— Ну, а ты чѣмъ больна? Спать! толкни ее подъ бокъ.

— Никакъ нѣтъ, это вчера привезли, въ горячкѣ, отвѣчалъ фельдшеръ.

— Не въ гнилой ли? спросилъ медикъ, проходя.

Послѣ нѣсколькихъ дней совершеннаго безпамятства, очнулась Саломея; но голова ея была слаба и чувства не могли дать отчетъ, гдѣ она и чтò съ ней дѣлается.

Безсознательно смотрѣла она въ глаза медику, когда онъ подошелъ и спросилъ ее:

— Ну, ты чтò, матушка?

— Пить, проговорила она.

— Дай ей той же микстуры, что я прописалъ вонъ этой.

— Ты мать моя откуда? спросила ее сосѣдка, замѣтивъ, что она устремила на нее глаза.

— Гдѣ я? тихо произнесла Саломея вмѣсто отвѣта.

— Гдѣ? ужъ гдѣ жъ быть какъ не въ лазаретѣ тюремномъ. Ты, чай, бѣглая, аль снесла чтѣ?

Саломея вскрикнула и впала снова въ безпамятство.

Страшная вѣсть какъ-будто перервала болѣзнь: слабость неподвижная, чувства возвратились, но взоръ одичалъ, желчная блѣдность замѣнила пылъ на щекахъ Саломеи. Ее нельзя было узнать. Она смотрѣла вокругъ себя, боялась повторить вопросъ, и стонала.

— Ужъ какая ты беспокойная, мать моя, разстоналась! да перестань! по-больнѣе, чай, тебя, да про себя охаешь!

Саломея замолкала на упреки; но забываясь снова стонала.

— Ну ты чтѣ, матушка? спрашивалъ по обычаю медикъ.

Саломея закрывала глаза и молчала.

— Да чтѣ, сударь, надоѣла намъ, только ворочается да охаешь, да обливается слезами.

— Э, чтѣ жъ ее тутъ держать, сказалъ медикъ: на выписку.

— Горячки нѣтъ, да слаба еще, сказалъ фельдшеръ.

— Такъ дни черезъ три.

— О Боже, чтѣ со мной дѣлается? вскрикнула Саломея, когда вышелъ медикъ.

— Э, голубушка, вѣрно впервые попала сюда, проговорила лежавшая съ другой стороны баба, которой повровительствовалъ сторожъ и принесъ тайкомъ штофикъ водки. Послушай-ко, тихо произнесла она: жаль мнѣ тебя, на-ко откушай глоточикъ, это здоровѣе будетъ.

Какой-то внутренній жаръ пожиралъ Саломею, ничто не утоляло его, и жажда томилъ; она готова была пить все, чтѣ предлагали ей.

— Э, довольно, довольно, будетъ съ тебя, голубушка, тихо проговорила баба, отдернувъ полуштофикъ отъ устъ Саломеи.

Она заснула; сонъ былъ крѣпокъ и дологъ. Проснувшись, она чувствовала въ себѣ болѣе силъ, и какое-то равнодушіе ко всему. Но это не долго продолжалось — дума, тоска, страхъ стали

томить ее снова, и снова хотѣлось забыться, внасть въ то же безчувствіе, которымъ она насладилась, и за которое обязана была сосѣдкѣ.

Просить она не рѣшилась; не могла побѣдить чувства стыда.

Въ это время какой-то благодѣтельный купецъ вошелъ въ лазаретъ и роздалъ больнымъ по рукамъ милостыню. Саломея получила также на свою долю гривенничекъ.

— На, тебѣ, голубушка, моли Бога о здравіи Кириллы и Ирины....

Саломея содрогнулась.

— Я нищая! подумала она, и не знала, чѣмъ убить горделивое чувство самосознанія.

— Послушай-ко, сложимся, на квартиру, сказала ей сосѣдка.

Саломея молча отдала ей гривенничекъ.

Черезъ нѣсколько дней фельдшеръ пришелъ со спичекомъ выпиваемыхъ изъ лазарета.

— Ну, убирайся, выходи! сказалъ онъ, подходя къ Саломеѣ, которая въ это время забылась тихимъ сномъ.

— Куда? проговорила она очнувшись.

— Куда? на волю, отвѣчалъ съ усмѣшкой фельдшеръ.

— Я не могу, я еще слаба....

— Ну, ну, ну! не разговаривай! вамъ тутъ ладно лежать-то, нечего дѣлать—пу!

Саломея съ испугомъ вскочила съ парь.

Въ числѣ прочихъ выписанныхъ колодниковъ ее вывели на дворъ. Смотритель тюрьмы сталъ всѣхъ принимать по списку.

— А это чтò жъ безъ имени? Какъ тебя зовутъ? ты!

— Я.... не помню.... проговорила Саломея дрожащимъ голосомъ, и на блѣдномъ ея лицѣ показался румянецъ стыда и скорблепаго чувства.

— Ты откуда?

— Не помню, отвѣчала Саломея, смотря въ землю.

— Экая память! ха, ха, ха, ха! Постои, я припомню тебѣ!

— А за чтò ты попала сюда?

— Я сама не знаю!

Слезы хлынули изъ глазъ ея.

Смотритель посмотрѣлъ и, казалось, сжался.

— Гони ихъ покуда въ общую! Постои! отправитъ къ городничему двухъ изъ безпаспортныхъ на стирку; да нѣтъ ли изъ васъ мастерицы шить бѣлье тонкое?

Всѣ промолчали; Саломея хотѣла вызваться, ей страшно было оставаться въ тюрьмѣ; но упреженіе быть работницей, показалось еще ужаснѣе.

— Да! прочія-то пусть стираютъ здѣсь колодничье бѣлье.

Саломея содрогнулась.

— Я могу шить, произнесла торопливо она.

— Что жъ ты молчала? спросилъ смотритель: такъ отправитъ ее къ городничему.

Солдатъ повелъ Саломею вмѣстѣ съ другой женщиной. Проходя по улицамъ, она закрыла лицо рукой; ей казалось, что всѣ проходящіе узнаютъ ее, останавливаются и разсуждаютъ между собой о ней, безъ всякаго сожалѣнія, смѣются, называютъ бѣглою. Смятеніе въ душѣ Саломеи страшно; но упреженіе не въ силахъ побороть спѣсивыхъ чувствъ; вмѣсто смиренія они раздражаются, вмѣсто молитвы къ Богу, клянутъ судьбу.

Безъ сознанія высшей воли надъ собой и безъ покорности, человекъ — звѣрь.

Саломею привели на кухню къ городничему.

— Вотъ, смотритель прислалъ двухъ бабъ, для стирки, сказалъ солдатикъ кухаркѣ.

— Ладно, отвѣчала она.

— Кому жъ сдать-то ихъ?

— А кому, самъ оставайся; я ихъ стеречь не стану.

— Самъ оставайся! у меня чай не одни эти на рукахъ; у васъ тутъ свои сторожа есть.

— Конечно, про тебя; вѣстовой-то, то туда, то сюда, дровецъ наколотъ, воды принести.... есть ему время!

— А мнѣ-то что! извольте вотъ доложить, что я привелъ двухъ бабъ.

— Такъ подождешь! помогн-ко лахань вынести.

— Какъ бы не такъ! сейчасъ понесу, держи карманъ!

— Ахъ, ты, тюремная крыса!... Неси-ко, мать моя, со мной, сказала кухарка, обратясь къ Саломеѣ.... Ну, что жъ ты?

— Я, моя милая, не для черной работы прислана! отвѣчала всплывчиво Саломея, бросивъ презрительный взглядъ на кухарку.

— Ахъ, ты, поскудная! тебя въ гости что ли звали сюда?

— Солдатъ, запрети этой твари говорить дерзости! вскричала Саломея, дрожа отъ гнѣву.

Вызванный на покровительство, солдатъ пріосамился.

— Да, сказалъ онъ, не смѣй бранить ее! я не позволю! вишь, взялась какая!

— Поди-ко-сь, посмотрю я на тебя! пѣфу!

— Ахъ, ты, грязная кухня!

— Какъ ты смѣешь браниться, гарниза, свинопасъ! вотъ я барину скажу, онъ тебя отдуеть!

— За тебя? падалъ проклятая! вѣтъ, погоди!

— Такъ и шваркну мокрой мочалкой! крикнула кухарка.

— Попробуй! сказалъ солдатъ, наступая на нее.

— Разбойникъ! вскричала кухарка, и швырнувъ въ лицо солдату мочалку, выбѣжала изъ кухни во внутренніе покои. Вслѣдъ за ней полетѣла скалка.

Солдатъ не успѣлъ еще прійти въ себя отъ нанесенной ему обиды, какъ вошелъ въ кухню городничій, человекъ лѣтъ за тридцать, не болѣе, простой наружности, но взрачный собою, въ отставномъ егерскомъ мундирѣ, перетянутомъ и гладенько сидящемъ. По всему было видно, что щегольство ему еще въ новость, что душа его еще не погуляла вдоволь, глаза не на-смотрѣлись. Поступивъ на службу, онъ очень счастливо былъ раненъ, и только въ бытность въ Яссахъ для излеченія раны началъ пользоваться жизнью и вкушать ея блага. Онъ стоялъ на квартирѣ у куконы Катиньки, вдовствующей послѣ двухъ мужей капитана де-почтъ и капитана де-тыркъ. Кукона Катинька, еще въ кампанію 1810 года полюбила русскихъ офицеровъ, учила ихъ по-молдавски и сама выучилась по-русски. Соболебзнуя о раневомъ постояльцѣ своемъ, она посылала къ нему почти всякій день разныхъ *дутьцевоъ* и *пловичдоъ*, то съ бараниной, то съ миндалемъ на меду. Это заочное участіе породило въ благородномъ сердцѣ, еще не испытавшемъ любви, какое-то особенное, вѣжное чувство. Молодой штабсъ-капитанъ Щепиковъ началъ мечтать о благодѣтельной феѣ, и бесѣдовать о ней съ старой Фатой, которая приходила съ подносомъ сластей и говорила:

-- Ппущтимъ боееръ, куконица прислала узнать о здоровьѣ.

— Очень благодаренъ куконицѣ; здорова ли куконица?

— Сэнатось, сэнатось! Слава луй Домнодзеу!

— А что, хорошенькая куконица? спросилъ наконецъ штабсъ-капитанъ.

— А! таре формозь! таре бунъ!

Штабсъ-капитанъ понималъ, что это значить: очень хороша, очень добра.

Когда ему можно было уже прогуливаться по комнатѣ, куконица часто являлась на бельведерѣ крыльца. Сначала онъ испугался ея доброты, но скоро привыкъ. Румяное, полное лицо, черные глаза подъ густыми бровями, черныя какъ смоль косы, перевитыя на головѣ съ жгутомъ шитаго золотомъ кисейнаго платка съ золотой бахромой, бархатная на горностаяхъ кацавейка, словомъ, все плѣнило его. При первой возможности натянуть на плеча мундиръ, нашъ штабсъ-капитанъ явился къ куконицѣ Катинькѣ съ подвязанною рукою и съ благодарностью за ея вниманіе и ласки. Кукона Катинька усадила его на широкій диванъ, немедленно же вынесли на подносахъ ликеръ, дульчець, кафэ и длинную трубку. Щепиковъ не могъ отговориться отъ убѣдительнаго *пурфтимъ*, и очень былъ счастливъ.

Кукона Катинька объявила ему, что она не позволитъ, чтобъ онъ имѣлъ свой столъ и предложила обѣдать вмѣстѣ съ ней. Послѣ обѣда и вечеръ проводились очень занимательно; постоялецъ и хозяйка играли въ карты, въ коанчину. Послѣ трудовъ службы, послѣ болѣзни и тоски уединенія, это жирное препровожденіе времени показалось Щепикову высочайшимъ благомъ; онъ такъ привыкъ къ куконицѣ Катинькѣ, къ ея угощеніямъ и къ ея заботамъ о себѣ, что когда война кончилась, войска возвращались въ матушку Россію, и ему слѣдовало разставаться съ нѣгой жизни, онъ пришелъ въ отчаяніе. Кукона Катинька также въ отчаяніи сказала, что она умретъ безъ него. Этого нельзя было перенести. Щепиковъ предложилъ ей руку—женился. На другой день свадьбы привезли съ хутора трехъ куконашей и куконицу.

— Сандулаки, Петраки, Йордаки, Зоица, цѣлуйте своего папеньку, сказала кукона Катинька, подводя дѣтей къ молодому своему супругу.

— Чи есть аста? крикнулъ онъ съ удивленіемъ по-молдавски.

— Это мой, сказала радостно кукона Катинька, глядя по головѣ Сандулаки, Петраки, Йордаки и Зоицу.

- Ты мнѣ не сказала, проговорилъ Щепиковъ запинаясь.
- Ты шутишь вѣрно, какъ-будто ты не зналъ, отвѣчала кукона Катинька.
- Ей Богу не зналъ!
- Какой ты смѣшной! Какъ же мнѣ не имѣть дѣтей, когда я была замужемъ за куконемъ Тодораки, а потомъ за куконемъ Семсераки, сказала пѣжно кукона Катинька.
- Право не зналъ!
- Какъ же, вотъ они.

Щепиковъ приласкалъ Сандулани, Петраки, Юрдани и Зонцу, которые смотрѣли на него изъ подлѣбья.

Такимъ образомъ, не думая, не гадая, обработавъ безъ заботъ и хлопотъ свои дѣла, Щепиковъ сперва въ дополненіе упроченія своей будущности подалъ въ отставку, а потомъ, продавъ хуторъ и домъ, отправился съ огромнымъ семействомъ въ Россію, очень важно: онъ и супруга въ вѣнской будкѣ, а всѣ дѣти и люди въ брашеванкѣ. Послѣ походныхъ путешествій съ полкомъ, ему это дѣйствительно казалось очень важно, только воздухъ окружающей его атмосферы, какъ-будто сталъ тяжелѣе для дыханія, да какъ-будто Катерина Юрьевна, сирѣчь кукона Катинька, держала его за хвостъ, чтобъ не ушелъ. Щепиковъ привыкъ ходить тихимъ, скорымъ и вольнымъ шагомъ; но куконѣ Катинькѣ и тихій солдатскій шагъ былъ непомѣрно скоръ; она поминутно вскрикивала:

- Куда жъ ты торопишься? Я не могу такъ скоро ходить!
- Ахъ, Боже мой, говорилъ Щепиковъ: да какъ же мнѣ еще идти?

Щепиковъ ѣхалъ въ Россію. Но куда жъ онъ ѣхалъ въ Россію? У Щепикова ни въ границахъ Россіи, ни за границей не было ни роду, ни племени, ни кола ни двора, ни тычинокъ. Отецъ его также былъ ничто иное какъ полковой походный человекъ, на походѣ женился, на походѣ родилъ его, на походѣ вскормилъ, записалъ въ полкъ, и въ заключеніе на походѣ похоронилъ жену и самъ умеръ, предоставивъ дальнѣйшій походъ совершать сыну и благословивъ его служить вѣрой и правдой.

Катерина Юрьевна, судя по молдавскимъ капитанамъ, никакъ не воображала, чтобъ у русскаго капитана не было какой-нибудь мошинъ съ куртебоярескѣ, съ огромной градивой, съ толпой слугиторовъ, со всѣмъ хозяйствомъ, со всѣми принадлежностями.

Мысленно представляла она себѣ, что за отсутствіемъ козынна управляетъ этой мошій какой-нибудь ватаманъ, что все въ безпорядкѣ и она приведетъ въ порядокъ.

Желая подарить себя внезапною своихъ ожиданій, кукоша Катинька не спрашивала своего мужа о его имѣннѣ, ни какъ велико оно, ни въ какихъ палестинахъ обрѣтается. Но послѣ долгаго пути по Россіи, она наконецъ утомилась и спросила: да скоро ли же мы приѣдемъ?

— А вотъ постои, душа моя, приѣдемъ, отвѣчалъ Щепиковъ, обдумывая куда ему приѣхать: въ Тверь ли, гдѣ была нѣкогда полковая квартира полка, въ которомъ служилъ папенька, или въ Подольскъ, гдѣ была полковая квартира полка, въ которомъ самъ служилъ. Подольскъ, по нѣкоторымъ пріятнымъ воспоминаніямъ, былъ предпочтенъ родинѣ, — и вотъ приѣхали, остановились въ гостинницѣ.

— Ахъ, какъ надоѣла дорога! сказала Катерина Юрьевна, выѣзая изъ будки: да скоро ли мы доѣдемъ?

— Приѣхали, отвѣчалъ Щепиковъ торжественно, думая обрадовать свою супругу постоянной квартирой.

— Какъ приѣхали? Это гостинница.

— Гостинница; мы въ гостинницѣ остановимся, покуда найдемъ квартиру.

— Квартиру? какъ квартиру? да зачѣмъ же квартиру?

— А какъ же; мы здѣсь будемъ жить; это прекрасный городъ.

— У тебя хуторъ или имѣнье здѣсь подлѣ города?

— Какое имѣнье? нѣтъ, имѣнья нѣтъ.

— Да что жъ тутъ такое?

— Ничего, просто городъ.

— Да зачѣмъ же мы будемъ жить въ немъ?

— Какъ зачѣмъ? такъ, гдѣ жъ жить-то?

— Такъ у тебя нѣтъ имѣнія?

— Какое жъ имѣнье, кто жъ тебѣ сказалъ, что у меня имѣнье?

Катерина Юрьевна точно такъ же удивилась неимѣнью даже собственнаго хутора, какъ Щепиковъ удивился явленію Сандулаки, Петраки, Юрдаки и Зоицы.

— Что жъ мы будемъ здѣсь дѣлать? вскричала она.

— Какъ что? жить будемъ.

- Да для чего жъ мы здѣсь жить будемъ?
 — Какъ для чего? я тебя не понимаю.
 — Да что жъ у тебя тутъ есть своего? зачѣмъ мы сюда при-
 ѣхали? Отецъ и мать, что ли, есть, или родные?
 — Нѣтъ, тутъ родныхъ у меня нѣтъ.
 — Да гдѣ жъ они?
 — Родныхъ у меня нѣтъ.
 — Что жъ у тебя есть-то?
 — Какъ что? я тебя не понимаю.
 — Сароку ди мини! вскричала Катерина Юрьевна, ничего
 и никого нѣтъ! Да что жъ ты такое?
 — Какъ что, Катинька, я тебя не понимаю.
 — Цыганъ, что ли ты? землянки своей нѣтъ! Сароку ди
 мини!

Щепиковъ задумался-было: что жъ онъ въ самомъ дѣлѣ такое?
 Но когда Катерина Юрьевна назвала его Цыганомъ, онъ оби-
 дѣлся, надулся и вскрикнулъ:

- Извините-сь, я не Цыганъ, а офицеръ, капитанъ.
 — Только-то? что жъ изъ этого? ну, капитанъ, гдѣ жъ у тебя
 капитанство-то? а?
 — Какъ гдѣ?
 — Да, покажи мнѣ его?
 — Извольте-сь! сказалъ Щепиковъ откашлянувшись: изволь-
 те-сь!

И онъ полѣзъ въ карманъ, досталъ портфель и вынулъ листъ
 бумаги, подаль его своей супругѣ.

- Извольте-сь!
 — Это что такое?
 — Указъ объ отставкѣ.
 — Только? только-то у тебя и есть за душой?
 — Чего жъ больше?
 — Сароку ди мини! зачѣмъ я поѣхала?... домъ и хуторъ съѣ-
 димъ; что мы будемъ потомъ ѣсть?

Щепиковъ призадумался-было опять, смотря на отчаяніе своей
 жены; но когда она опять раздосадовала его, повторяя тысячу
 разъ: что мы будемъ ѣсть.

- Ышите меня! вскричалъ онъ наконецъ въ сердцахъ, и
 ушелъ проходиться съ горя по городу и насладиться воспомина-

ніемъ; но городъ какъ-будто опустѣлъ; та же улица вымощенная плитнякомъ, и какъ-будто встряхнутая землетрясеніемъ, тѣ же дома; да что-то всё не то что было. Подлѣ города тотъ же крутой берегъ, долины, каменоломни, лѣсокъ на горѣ, да что-то всё не такъ мило, какъ бывало.

— Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ мы пріѣхали сюда? спросилъ самъ себя Щепиковъ: да куда жъ ѣхать-то?

Не привыкнувъ управлять самъ собою и не зная что съ собою дѣлать, отставной капитанъ сталъ тосковать по полкѣ своему какъ по родинѣ; внѣ полка все ему было чуждо. Тамъ не было заботъ, не о чемъ было задуматься: что велѣли и какъ велѣли — исполнилъ и правъ; посреди постоянныхъ занятій какъ-то не скучалось: то на смотръ, то на ученье, то въ караулъ; а радость-то, радость какая на душѣ, когда все пригнано, выравнено, все чисто—исправно, шагъ ровный и твердый, выправка, заглядѣнье, темпъ — заслушаешься; а какъ грянетъ спасибо ребята! въ сердцѣ такъ и закипитъ сладостное чувство. «Что братъ, каково?» скажешь товарищу.—Славно, братъ! пойдѣмъ обѣдать. «Нѣтъ, братъ, ѣсть нехочется.»—И до ѣды ли, когда душа сыта удовольствіемъ, все сошло съ рукъ благополучно, генералъ доволенъ и благодарилъ, и полковой командиръ сказалъ только: «въ третьей шеренгѣ, слѣва четвертый, сбился съ ноги! во всемъ взводѣ замѣтно колебанье!...»

Теперь же что дѣлать Щепикову съ женой и съ четырьмя дѣтьми своихъ предшественниковъ на брачномъ ложѣ, съ Сандулаки, Петраки, Иордаки и Зоицей? Началь-было онъ ихъ учить становиться во фронтъ и по слову налѣво кругомъ дѣлать, да такіе увальни, что ужасъ, толку не добьешься; а наказывать Катерина Юрьевна не позволяеть.

Послѣ долгихъ думъ и частыхъ упрековъ жены, Щепиковъ набрелъ на мысль: просить о назначеніи куда-нибудь въ городничіе. Въ добрый часъ подалъ просьбу, долго не было отвѣта; Катерина Юрьевна девять сотъ девяносто девять разъ повторяла уже:

— Ну, какъ это можно, чтобъ тебя назначили капитаномъ де-тыркъ, статочное ли это дѣло! Куконъ Семфераки, бывши капитаномъ де-тыркъ, нажилъ домъ, хуторъ, да двѣ деревни имѣлъ на поселеніи,—гдѣ жъ тебѣ такое счастье?

Только-что произнесла въ тысячный разъ эти слова съ раз-

ными подробностями Катерина Юрьевна, какъ вдругъ съ почты конвертъ о назначеніи Щепикова городничимъ нѣкоего уѣзднаго града. Хотя Катерина Юрьевна вдвойнѣ была тяжела, но вскригнула отъ радости.

— Что? сказалъ Щепиковъ.

— Да! отвѣчала она, и тотчасъ же начала собираться въ дорогу.

И вотъ, Щепиковъ городничій. Сшилъ себѣ новый отставной шундиръ въ перетяжку, купилъ шляпу съ раскидистымъ перомъ, приколотилъ самъ къ сапогамъ шпору, и зашеголялъ. Катерина Юрьевна не въ первый разъ за капитаномъ де-тыркъ, и потому завела кое-какіе молдаванскіе порядки въ-отношеніи снаряженія дома и снабженія его всѣмъ безспорно необходимымъ, и наставляла мужа, какъ ему обдѣлывать свои дѣла и по службѣ и по дружбѣ; но держала его въ рукахъ; онъ могъ какъ душѣ угодно важничать; но ухаживать и любезничать — избави Боже! Катерина Юрьевна знала каждый его шагъ. Съ почтенными дамами дозволялось ему садиться рядомъ и бесѣдовать; но чуть по-моложе, даже съ наружностью отгиснутой на-черно, — Катерина Юрьевна подымала дымъ коромысломъ.

— Вижу, вижу, что это значить, к чему это вѣдетъ! Шашни! да я не дура! нерѣдко случалось слышать Щепикову.

— Помилуй, душа моя, съ чего это ты взяла? восклицалъ онъ.

— И не говори! Если еще что-нибудь замѣчу, и тебя осрамлю и ее!

Такимъ образомъ природная любезность Щепикова съ женскимъ поломъ была на привязи. Смерть бы хотѣлось иногда бросить плѣнительный взглядъ, сказать сладкую рѣчь, словомъ, приволонуться, да того и гляди, что жена увидитъ, замѣтитъ, узнаетъ, и сочинитъ цѣлую исторію.

Ужасно какъ горестно вздыхалъ Щепиковъ, что ни на комъ нельзя было изострить своего сердца, притупившагося объ жесткую, подозрительную любовь Катерины Юрьевны.

Большая часть смертныхъ такъ ужъ устроена: чего не вѣлятъ, чего нельзя, объ томъ и тоска. Казалось бы чего еще Щепикову: кукона Катинька такая *добрал*, что изъ нее можно было выкроить по-крайней-мѣрѣ трехъ существъ субтильныхъ, па-

ру худощавыхъ, и на придачу одно существо сухопарое. Одной косы ей достало бы на дюжину головокъ свѣтскихъ, не нуждающихся въ привязныхъ косахъ и накладныхъ локонахъ, и на другую дюжину головокъ, у которыхъ вмѣсто косъ мышинные хвостики, а локоны такъ жидки, какъ борода Конфуція.

При такомъ-то благосостояніи и богатствѣ тѣлеснаго здравія супруги своей, Щепиковъ вздыхалъ часто о существахъ худенькихъ, жиденькихъ и нуждающихся въ здоровѣи и въ ватѣ.

Когда по жалобѣ кухарки Щепиковъ вышелъ въ кухню, наружность Саломеи, несмотря на крестьянскую одежду, такъ его поразила, что онъ, собравшись, было прикрикнуть: «Какъ ты смѣлъ драться? крикнулъ только: Какъ! ты это ко мнѣ привелъ для стирки?»

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ солдатикъ.

— Пришелъ, да и началъ ругаться такими пакостными словами, прокричала кухарка.

— Какъ это можно?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, сама она... я говорю, что, дескать, вотъ я привелъ къ его высокоблагородію двухъ бабъ для стирки...

— Я не люблю, чтобъ у меня ругались, слышишь?

— Кто? я не ругала его!

— А какъ же? я говорю, вотъ я привелъ къ его высокоблагородію двухъ бабъ для стирки...

— Тебя какъ зовутъ, моя милая? спросилъ Щепиковъ, подходя къ Саломеѣ.

Саломея вспыхнула, опустила глаза въ землю и молчала.

— Какая стыдливость, скромность, пріятность въ лицѣ, подумалъ Щепиковъ, это удивительно! Чтò жъ ты не отвѣчаешь, моя милая? За чтò ты содержишься?

Саломея вздохнула глубоко, но ничего не отвѣчала.

— Говори откровенно, не бойся.

— Не могу... проговорила тихо Саломея, окинувъ взоромъ направо и налево.

— А! понимаю! подумалъ Щепиковъ. Ты, моя милая... началъ было онъ снова, но за дверьми раздалось: «Палагея!» Щепиковъ вздрогнулъ и какъ по флигельману быстро обратился къ солдату, и проговорилъ: Да, хорошо, такъ ты ступай!

И съ этими словами исчезъ.

- Куда жъ итти? спросилъ солдатикъ у кухарки.
- А я почему знаю? отвѣчала она.
- А тебѣ-то какъ не знать, вѣдь ты здѣшняя.
- Тò-то здѣшняя, а давеча ругаться?
- Вотъ ужъ и ругаться; такъ къ слову пришлось.
- Тò-то къ слову.
- Дай братъ, кухарочка, напитокъ.
- И то сказать, слово на вороту не виснетъ. Чтò тебѣ, квасу, чтò ль? Садитесь, бабы.
- Хоть кваску, утолить тоску. Ай, спасибо! вотъ теперъ вижу, что крещеная. А чтò, пойдешь замужъ? сказалъ солдатъ, и оставивъ ножку, онъ затулилъ шопоткомъ, отбивая рукой такту, какъ запѣвало:

Вый-ди за-а-мужъ за-а-меня-а,
За свецка-а-ва ка-а-раля-а....

— Тсъ! чтò ты распѣлся!

А не вы-ый-дешъ за-а-меня-а....

- Авдотья, которая швея-то? спросила кухарку старая служанка, высунувъ голову въ двери.
- А вотъ она; ступай, голубушка, въ дѣвичью.
- Не въ дѣвичью, въ свѣтелкѣ барыня приказала посадить ее. Ты и мужскія рубашки умѣешь шить?
- Чтò отвѣчала на это Саломея, не слыхать было за затворенными дверьми.

II.

Теперь мы можемъ обратиться къ Дмитрицкому, провѣдать, чтò онъ дѣлалъ съ-тѣхъ-поръ какъ разстался съ Саломеей и исчезъ, предоставивъ ее покровительству всѣхъ языческихъ боговъ.

Какъ онъ кончилъ этотъ день, не вѣдаемъ. Ночь была темная, не астрономическая, неможко прохладная, роса пала на землю; но несмотря на это, Дмитрицкій, вѣроятно, наслаждаясь ночной красотой кievской природы, лежалъ на травѣ, на вершинѣ горы, надъ Крещатиномъ, и бурчалъ проводя рукой по лицу, по шерсти и противъ шерсти, или какъ дѣлаютъ маленькимъ дѣтямъ, приговаривая: вотъ эта дорога въ Питеръ, а это изъ Питера. Эта экзерциція продолжалась до самаго разсвѣта; тогда только для разнообразія онъ раскидывалъ ноги, барабанилъ ими по скату и повторялъ губами звукъ: бррр! и посвистывалъ. Наконецъ, какъ-будто вдругъ очнувшись, приподнялся и крикнулъ:—Эй ты, свинья темная, куда ушла? потомъ оглянулся на востокъ и смотря на восходящее солнце, поклонился ему: а, здорово! мое почтеніе! чтò, видишь, каковъ я? чай удивительно, чтò, дескать, сдѣлалось съ Дмитрицкимъ: поднялся до-свѣту, натоцахъ прогуливается, да посвистываетъ-себѣ? Ничего не сдѣлалось.... Просто маленькая перемѣна въ обстоятельствахъ. Помнишь, какой богачъ былъ Дмитрицкій? а? помнишь? Фть! преданье старины глубокой! Давно, очень давно это было: вчера! цѣлая ночь прошла съ тѣхъ поръ, добрые люди легли и выспались; а я поклоняюсь восходящему солнцу, какъ.... какъ бишь его?.... Это чтò-нибудь да значить! Пфу! ничего не значить, просто спать не хочется, нездоровится: карманъ переполнилъ, стошнилось.... А всему причиною Саломея Петровна, скверная баба, нельзя было не взять въ руки, разорила бы всѣхъ.... по-крайней-мѣрѣ цѣлъ дѣйствій возвышенная.... А вотъ этотъ, грабе Черномскій.... грабитель, мошенникъ, низкая душа, шулеръ!.... уа! Экой мерзавецъ, напустилъ на меня своихъ собакъ, — оборвали! совершенно опустѣлъ.... и тутъ пусто, и тутъ пусто. И желудокъ-то глупой какой: вчера, когда я могъ дать ему обѣдъ на тысячу персонъ — нѣтъ! покорно благодарю, нѣтъ аппетита, а сегодня: пожалуйста чего-нибудь закусить; — а гдѣ, братъ, взять! Дуракъ ты, вотъ и все, молчи! Не хочешь ли похлебать свѣжаго воздуху? не сытно? ну, такъ еловыхъ шишекъ, вонъ тамъ ихъ много! Нѣтъ? ну, такъ честь приложена, а отъ убытку Богъ избавилъ. Чѣмъ же теперь заняться по-пріятнѣе?.... погулять по берегу Днѣпра?.... пойдемъ.... Гуляй сколько душѣ угодно. Иной бы отдалъ по-крайней-мѣрѣ половину имѣнія за эту свободу, за здоровье, за этотъ желудокъ, который просить ѣсть.... а мнѣ они ни почемъ. Не знаешь куда дѣться съ этимъ семействомъ: воля

просить денегъ, желудокъ пищи, здоровье просить чортъ знаетъ чего: гдѣ жъ мнѣ взять, я не казначей, не провіантмейстеръ и не факторъ.... Нѣтъ, здѣсь скучно гулять, пойдемъ ходить по городу.... Э, да какъ славно эта жирная свинья испиваетъ чай! какъ привольно расположился въ халатѣ у окна, — набилъ за обѣ щеки хлѣба съ масломъ и чавкаетъ-себѣ, ни о чемъ не думая.

— Чего тебѣ, любезный? спросилъ толстый господинъ у окна, противъ котораго Дмитрицкій остановился и разсуждалъ вслухъ.

— Ничего, отвѣчалъ Дмитрицкій: мнѣ хотѣлось посмотреѣть, какъ вы пьете чай.

— Мерзавецъ какой! пробормоталъ про себя толстый господинъ, вставая съ мѣста и отходя отъ окна.

— Мерзавецъ какой! сказалъ Дмитрицкій вслухъ: ни на грошъ нѣтъ, не только-что восточнаго, даже и русскаго гостепріимства!.. Не слѣдовало ли ему сказать: не угодно ли, милостивый государь, чашечку? Чашка чаю шелега не стѣдить, а я бы помолился, чтобъ Богъ послалъ ему за нее несчетныя сокровища.... Пойдемъ далѣе, чтѣ тамъ есть?

Долго ходивъ по городу, Дмитрицкій остановился противъ одного двухъ-этажнаго съ колоннами дому; архитектура дома, казалось, ему очень понравилась.

— Желательно знать, сказалъ онъ, человекъ^{но} или животное живетъ въ этомъ домѣ? Войдемъ-ко. Послушай, братъ, чей это домъ?

— Казинецкаго, отвѣчалъ слуга, вышедшій изъ передней.

— Григорія Петровича?

— Никакъ нѣтъ, Ивана Львовича.

— Да, да, да! Иванъ Львовичъ, я его-то и ищу. Доложи-ко, у меня есть дѣло до барина твоего.

— Какое?

— Казусное.

— Да баринъ теперь кушать изволить: ѣдетъ въ деревню.

— Мнѣ ждать, любезный, некогда, мнѣ нужно только слово сказать.

Человѣкъ пошелъ докладывать и вскорѣ возвратился и сказалъ:

— Пожалуйте.

Въ залѣ цѣлая семья сидѣла за столомъ въ дорожномъ платьѣ. Осаниотый, важный господинъ всталъ изъ-за стола, встрѣтилъ Дмитрияцаго у входа, и осматрѣвъ его съ головы до ногъ, спросилъ :

— Чтò угодно ?

Дмитрицкій поклонился подобострастно и началъ причитать :

— Наслышавшись о вашемъ великодушiи и изливаемыхъ благодѣяніяхъ на всѣхъ несчастныхъ, угнетаемыхъ судьбою ; зная, что сердце ваше отверзто, а душа открыта для блага человѣчества ; что ваша рука изливаетъ щедроты, а чувства преисполнены милосердіемъ, я осмѣлился прибѣгнуть къ стопамъ вашимъ и просить о помощи.... Заставьте несчастнаго отца, отягченнаго огромнымъ семействомъ и умирающаго съ-голоду, молитъ Бога о низпосланiи вамъ....

— Любезный другъ, отвѣчалъ баринъ, не давъ кончить раценъ : чѣмъ шататься по дворамъ да просить милостыню, лучше бы ты принялся за какое-нибудь дѣло, да честнымъ образомъ добывалъ хлѣбъ....

Дмитрицкій низко поклонился.

— Извините, что побезпокоилъ ; я бы и не осмѣлился, да иду мимо, вижу такой прекрасный домъ, только-что построенъ, чудо, думаю, если ужъ домъ такой, чтò жъ долженъ быть хозяинъ.... удивительный домъ !

— Ха, ха, ха ! понравился.

— Ужасно! если бъ только не колонны.... совершеннò лишнія! Ей Богу, я бы совѣтовалъ прочь ихъ.

— Не нуждаюсь, любезный, ни въ чьихъ совѣтахъ ! сказалъ баринъ.

— Да и я также ни въ чьихъ совѣтахъ не нуждаюсь ; чорта ли въ совѣтахъ, мнѣ въ вашихъ, а вамъ въ моихъ ; я только такъ къ слову сказалъ о колоннахъ, иду, да думаю : кчему эта глупая подпора? чтò эти столбы поддерживаютъ? Ничего, такъ-себѣ стоять.... отъ хозяина также нечего ожидать подпоры.... задумался, да и зашелъ. Извините, что побезпокоилъ!

Съ этими словами Дмитрицкій поклонился — и въ дверь.

— Ну, теперь куда? спросилъ онъ самъ себя: постой-ко, пойду къ игрецкому атаману Черномскому : вчера онъ такъ изливался въ дружбѣ ко мнѣ и отъ чистаго сердца почти заплакалъ, когда я проигрался шайкѣ его. Я даже увѣренъ, что ему жаль

было меня; ужъ это такая каналья: будетъ рѣзать проливая слезы:» Господи, скажетъ, я хотѣлъ только легонько уколоть въ бокъ, а кияжалъ попалъ прямо въ сердце! Какой несчастный случай!» Это ужъ такая каналья!... Вотъ посмотримъ, что онъ скажетъ теперь?

Дмитрицкій вошелъ въ гостиницу, гдѣ стоялъ грабе Черномскій. Въ корридорѣ спросилъ онъ у фактора, дома ли онъ.

— А дома же, дома, пане; сейчасъ послалъ Юзку искать себѣ новаго слугу: его Матеушъ заболѣлъ.

Дмитрицкій, не слушая Жида, пошелъ къ номеру занимаемому Черномскимъ, и постучалъ въ двери.

— А цо тамъ еще?

— Я, пане Грабе.

— Почѣкай.

Спустя нѣсколько секундъ Черномскій отворилъ двери и удивился увидѣвъ Дмитрицкаго.

— Панъ Дмитрицки!

— Я, панъ.

— Что пану угодно?

— Ничего, панъ, такъ, въ гости пришелъ.

— Панъ меня извинить, мнѣ нужно итти изъ дому, сказалъ Черномскій, стоя въ дверяхъ.

— Нѣтъ, не извиню, панъ; потому что мнѣ хочется чего-нибудь пофриштить.

— Столовая, панъ, не здѣсь, на томъ концѣ корридора.

— Знаю я гдѣ она; да вѣдь я не въ трактиръ къ пану и пришелъ.

— Но... и у меня, пане, не трактиръ.

— Знаю, знаю, панъ; потому-то я безъ церемоній и пришелъ; ѣсть ужасно хочется; иду, да думаю: гдѣ жъ мнѣ поѣсть? Ба! да вѣдь у меня есть другъ, панъ грабе Черномскій! онъ мнѣ удружилъ, такъ вѣрно и накормитъ съ удовольствіемъ, и прямо къ пану.

— На хлѣбахъ, пане, я держу только своего слугу.

— И прекрасно, если на словахъ и на письмѣ можно имѣть честь быть покорнѣйшимъ слугою пана, отчего жъ не на дѣлѣ? Что за униженіе?

— У меня слуги по найму, пане.

— Что жъ такое, я пожалуй и наймусь, у меня ужъ такой

обычай: панъ или пропалъ; вчера я былъ панъ, а сегодня пропалъ; судьба разжаловала изъ пана въ хама, что за бѣда. Ей Богу, я наймусь, холопская должность мнѣ не новость.

— А гдѣ жъ панъ служилъ холопомъ?

— Самъ у себя; а вѣдь я строгій былъ господинъ: избави Богъ худо вычистить сапоги, или платье, или даже туго трубку наложить, тотчасъ въ рожу, не посмотрю что она моя собственная. А за вѣрность поручусь: мало ли у меня было тайнъ на рукахъ. И не пьяница, — пьянымъ меня никто отъ-роду не видалъ; и не воръ, избави Богъ на чужое добро руку наложить.

Черномскій, прислонившись къ стѣнѣ, замочивъ ногу на ногу, и поглаживая рукой подбородокъ, слушалъ, прехладнокровно улыбаясь, и не сводя глазъ съ Дмитрицкаго.

«Лихой каналья, думалъ онъ: изъ него можетъ выйти чудный подмастерье.

— Панъ не шутитъ? спросилъ онъ наконецъ серьезно.

— Ей-ей, нѣтъ!

— Такъ мнѣ нуженъ слуга; мой Матеушъ заболѣлъ; а мнѣ надо сегодня же непременно ѣхать.

— Куда угодно, ясновельможный мосци пане грабе.

— А что панъ требуетъ въ мѣсяцъ за службу свою?

— Изъ хлѣбовъ, панъ, за деньги я не служу. Деньги — чортъ съ ними, деньги подлая вещь, у меня же карманъ съ дырой, что ни положи, все провалится; а потому я кладу деньги на карту и спускаю ихъ въ хуже карманы. Панъ знаетъ объ этомъ, нечего и говорить.

«Лихой каналья, жалко съ нимъ разстаться, думалъ Черномскій: боюсь только....» — Если панъ хочетъ мнѣ вѣрно служить, у насъ будутъ свои условія, и вотъ какія: мнѣ ужъ скоро подъ шестьдесятъ, пора на покой. Годъ еще употреблю на приведеніе моихъ дѣлъ къ концу, куплю имѣніе и если панъ хочетъ быть мнѣ и слугою и правой рукой, то въ вознагражденіе я передамъ пану секретъ мой.... понимаешь, панъ?

— Понимаю.

— Такъ по рукамъ, клятву, что будешь мой, и ни шагу отъ меня!

— И рука и клятва: чтобъ черти распластали на мелкія части, а волки кости обглодали, если я съ паномъ разстанусь.

— Ну, съ сего часу будь Матеушъ; ужъ я привыкъ къ этому имени.

— Матеушъ, такъ Матеушъ.

— Ну, Матеушъ, ступай теперь, обѣдай на мой счетъ, а послѣ обѣда за почтовыми лошадьми, по дорогѣ на Минскъ, чрезъ Могилевъ.

— Слушаю, вельможный пане, пообѣдаю, а потомъ за лошадьми: подорожная есть, или безъ подорожной?

— Разумѣется подорожная, какъ же можно безъ подорожной.

— Какъ, какъ можно? Да, вѣдь, я думаю, панъ и по подорожной двойные прогоны вездѣ платитъ?

— Не только двойные,— тройные: куда ни приѣзжай, вездѣ почтовыхъ лошадей за одинакіе прогоны нѣтъ.

— Такъ подорожная лишній расходъ; безъ подорожной панъ вездѣ не заплатитъ тройныхъ прогоновъ.

— Нѣтъ, съ подорожной всё-таки нѣсколько важнѣе.

— А! конечно, безъ всякаго сомнѣнія.

— Ступай же, Матеушъ, вотъ подорожная, а я пойду обѣдать къ одному пріятелю; въ четыре часа мы ѣдемъ.

— Добже, пане!

Дмитричій отправился въ буфетъ и потребовалъ себѣ обѣдать на счетъ Черномскаго, объявивъ, что онъ новый камердинеръ его сіятельства; послѣ обѣда побѣжалъ съ подорожной на почту.

Когда Черномскій возвратился къ четыремъ часамъ, почтовые лошади были уже запряжены въ его коляску, а Дмитричій-Матеушъ сидѣлъ въ корридорѣ въ ожиданіи своего господина, и разговаривалъ съ молоденькой гардеробяной одной проѣзжей паньки.

— Ну, скорѣе укладываться! Матеушъ, выноси сундукъ и лаптецъ.

— Мигомъ, пане.

И въ самомъ дѣлѣ, Дмитричій какъ-будто *уроженный* хлопецъ такъ былъ расторопепъ, предупредителенъ, догадливъ, исполнительенъ по части камердинера, что панъ Черномскій не могъ надивиться. Уложилъ, доложилъ, посадилъ своего господина въ коляску, захлопнулъ дверцы, вскричалъ: «Пошелъ!»! вскочилъ на козлы, засѣлъ, и, въ дополненіе, снялъ шапку и перекрестился; словомъ, лихой и благочестивый слуга.

На ставціяхъ хлопоталъ, чтобъ скорѣе запрягли лошадей его сіятельству, самъ помогалъ ямщикамъ заврягать, прикривалъ:

«Живо, живо!» и всѣ, какъ-будто возбуждаемые призывомъ его, сустились. Подъѣзжая къ станціи, Дмитрицкій-Матеушъ какъ-будто Богъ знаетъ съ кѣмъ ѣдетъ; соскочить съ козелъ и, не отдавая еще подорожную, начать толкать ротоубивъ ямщиковъ, чтобъ скорѣй отпрягали, прикрикнетъ но-тиховьку: «Шашку делай!» Смотришь, ямщики сбросивъ шашки заходятъ, побѣгутъ за лошадьми, смотритель струситъ, и тогда только осмѣлится спросить подорожную, когда Дмитрицкій крикнетъ: «Готово, ваше сіятельство!»

Черномскій, несмотря на свои лѣта, растетъ отъ уваженія, которое во всѣхъ возбуждаетъ къ нему его новый камердинеръ. Выходя изъ коляски или садясь въ коляску, онъ уже не можетъ ступить безъ того, чтобъ его не вели подъ руки.

— Ну, что жъ ты думаешь! шепнетъ повелительно Дмитрицкій на смотрителя; и смотритель, оторопѣвъ, также подхватитъ его сіятельство подъ руку съ другой стороны.

Пріѣхали въ мѣстечко Гомель близъ вечера, остановились близъ станціи подлѣ корчмы.

— Матеушъ, сказалъ Черномскій: я пробуду съ часъ у моего пріятеля, чтобъ лошади были готовы.

— Дебже, пане грабе.

Черномскій пошелъ къ пріятелю, а Дмитрицкій, въ ожиданіи его возвращенія, прохаживался на улицѣ подлѣ коляски.

— Чортъ знаетъ, гдѣ эту рожу я видалъ, рассуждалъ онъ самъ съ собою. Иногда такую знакомую гримасу сдѣлаетъ ртомъ, такимъ проговоритъ голосомъ, что мнѣ кажется я вижу и слышу не Черномскаго, а кого-то другаго..... припомнить не могу!

Желаніе допытать свою память, такъ заняло Дмитрицкаго, что онъ не замѣтилъ, какъ прошелъ часъ, другой, совершенно уже смерклось, настала ночь; а Черномскаго вѣтъ; наконецъ раздался его голосъ издали:

— Гей! Матеушъ!

— Вотъ, вотъ, знакомый голосъ, совсѣмъ не его!... Здѣсь, пане грабе.

— Да ходъ же скоро, свинья!

— Э, братъ! проговорилъ Дмитрицкій: о-го! Что пану потребно?

— Ну!

Дмитрицкій догадался, что надо вести пана грабе; онъ шелъ не твердымъ шагомъ.

— Панъ ужъ не поѣдетъ сегодня?

— Хмъ! панъ поѣдетъ по-ночи! отвѣчалъ Черномскій, переступая черезъ порогъ, и сбрасывая съ головы картузь вмѣстѣ съ парикомъ.... Ну, раздѣвай! халатъ!

— Э, братъ!... Халатъ въ сундукъ, панъ не велѣлъ выносить вещей изъ коляски.

— Якъ не велѣлъ? свинья не велѣла!... ну!

— Я сейчасъ принесу важи, сказалъ Дмитрицкій: садись, панъ.

— Ну! повторилъ нетерпѣливо Черномскій, сбрасывая съ себя пальто. Мутные глаза его слипались; онъ былъ блѣденъ, и едва могъ сидѣть.

— Скоро ли поѣдемъ? спросилъ ямщикъ.

— Когда поѣдемъ, тогда и поѣдемъ; за простой заплатятъ.

— Да я бы лошадямъ корму далъ.

— Ну, давай.

Дмитрицкій внесъ важи и подушки.

Черномскій обыкновенно отпиралъ сундукъ и вынималъ изъ него что нужно; онъ не вѣрялъ ключъ никому изъ слугъ. На ночь сундукъ ставился въ головахъ у него; подъ подушку клалъ онъ всегда на всякой случай пару заряженныхъ пистолетовъ.

— Не угодно ли пану отпереть сундукъ, сказалъ Дмитрицкій, поставивъ его на стулъ подлѣ дивана.

— Ну, держи! отвѣчалъ Черномскій, стараясь наклониться, чтобъ отпереть замѣкъ ключомъ, который у него былъ на цѣпочкѣ; но наклониться никакъ не могъ, его качало во всѣ стороны.

— Ну! повторилъ онъ, держи! скинулъ съ себя цѣпочку и долго мѣтилъ, бравясь, но никакъ не могъ попасть въ скважину, а наконецъ повалился на диванъ и началъ стонать съ какимъ-то дикимъ бредомъ.

— Яне! пить!... аттанде! я забью тѣго пшеклянэго хлапа!... пить, пане!

— Чортъ знаетъ, у него бѣлая горячка! сказалъ Дмитрицкій, перерывая въ чемоданѣ: чортъ знаетъ, чего тутъ нѣтъ!... рыжій парикъ! шкатулка съ чѣмъ-то.... тяжела!

— Пить! вскричалъ снова Черномскій.

Дмитрицкій пошелъ въ хозяйскую, взялъ кружку воды и поднесъ ему, приподнявъ его немного.

Черномскій съ жаждою глоталъ воду; ротъ его влѣзъ съ усами въ широкую кружку. Напившись, повалился онъ снова безъ памяти на подушку, провелъ кулакомъ подъ носомъ и стеръ себѣ одинъ усъ на щеку—другой слѣзъ на нижнюю губу; онъ отплюнулъ его.

— Эгэ-гэ! повторилъ Дмитрицкій про себя: такъ вотъ онъ грабе Черномскій-то!... постой-ко, попробуемъ, какъ пристанеть къ тебѣ рыжій парикъ.

И онъ вытащилъ изъ сундука рыжій парикъ, приподнялъ голову Черномскаго и надѣлъ на нее.

— Ба! откуда это взялся вдругъ Жельинскій, старый знакомецъ?... Жельинскій!

— Бррр! аттанде! проворчалъ Черномскій.

— Изволь! вѣрно идетъ темная! Постой-ко, братъ, каковъ-то я буду грабе Черномскій?

Дмитрицкій напаялилъ на себя передъ зеркаломъ парикъ Черномскаго, приклѣбилъ усы и вскричалъ:

— Bravo! Черномскій, да и только!... Да! надо надѣть мое платье, а этотъ дрянной сюртукъ отдамъ этому пьяницѣ, моему камердинеру Матеушу Жельинскому.

Дмитрицкій, сбросивъ свой сюртукъ, натянулъ пальто Черномскаго; ошупавъ карманъ, онъ вынулъ изъ него большой бумажникъ, развернулъ его, пересчиталъ пукъ ассигнацій.

— Три тысячи двѣсти; это вѣрно на обиходъ.... а, вотъ бумаги, вѣрно документы на графство.... Все это должно быть въ законномъ порядкѣ; послѣ пересмотримъ; обратимся теперь къ тому, чтò заключается здѣсь.

Дмитрицкій вынулъ изъ сундука двѣ шкатулки и портфѣль, отперъ ихъ ключиками, которые висѣли на часовой стальной цѣпочкѣ. Одна шкатулка была полна различными драгоценными вещами: тутъ были золотыя табакерки, перстни, цѣпочки, фермуары, булавки и прочее; кромѣ всего этого нѣсколько свертковъ золотыхъ монетъ. Дмитрицкій развернулъ два свертка и насыпалъ червонцевъ въ карманъ. Въ другой шкатулкѣ въ разныхъ отдѣленіяхъ были пачки ассигнацій, заемныя письма, закладныя и разныя бумаги.

— Это все хорошо, пересмотрится послѣ, сказалъ Дмитрицкій, отложивъ пачку въ двадцать тысячъ въ карманъ и укладывая все на мѣсто. Это гардеробъ.... Ба! пріятель! Бердичевскій знакомецъ! помнишь меня, или забылъ? Здорово.

И Дмитрицкій вытасилъ сѣрый старинный фракъ, съ большими рѣшетчатыми пуговицами; изъ боковаго кармана высунулась какая-то бумага.

— А! это документъ, относящійся къ рыжему парюку и сѣрому фраку.

— Матеушъ! вскричалъ Черномскій, приподнимаясь съ дивана и смотря вокругъ себя мутными взорами.

— Проезжался наконецъ! сказалъ Дмитрицкій, запирая сундукъ.

— Фу! произнесъ Черномскій, отдуваясь и уставивъ глаза на Дмитрицкаго.

— Ну, вставай! ѣхать пора! Экой дурачина! что ты смотришь? Неси сундукъ въ коляску!

— Что такое? проговорилъ Черномскій: вы, милостивый государь, что такое?

— Совсѣмъ одурѣлъ! Ты, Матеушъ, не узнаешь барина?

— Что такое? повторилъ Черномскій, вскочивъ съ дивана; но ноги у него подкосились и онъ осѣлъ снова на диванъ.

— Насѣкомое! на ногахъ не стоитъ! Что мнѣ съ тобой дѣлать? сказалъ Дмитрицкій захохотавъ.

— Что это, панъ, значить? вскричалъ Черномскій.

— Дуракъ! какъ ты смѣешь говорить мнѣ просто панъ! Ты не знаешь, что я панъ грабе, вельможный панъ? Говори мнѣ не иначе, какъ ваше сіятельство, а нето я тебѣ пулю въ лобъ!

И Дмитрицкій взялъ пистолетъ со стола.

Черномскій затрясся.

— Цо то есть! проговорилъ онъ, задыхаясь.

— А вотъ, цо то есть: сметри на себя, безобразная рожа! на кого ты похожъ?

И Дмитрицкій стащилъ Черномскаго съ дивана, схватилъ за оба плеча и поставилъ противъ зеркала.

— Смотри, уродъ, на кого ты похожъ?

Черномскаго забила лихорадка, зубы застучали; онъ застоналъ, взглянувъ на себя въ зеркало.

— Узналъ? спросилъ Дмитрицкій: да врежь, другъ, ты дума-

снѣ, что ты панъ Желыинскій? Нѣтъ, погодн! Я за заслуги только произведу тебя въ пана Желыинскаго, а до-тѣхъ-порѣ....

И Дмитрицкій сорвалъ съ головы Черномскаго рыжій парикъ и положилъ къ себѣ въ карманъ.

— До-тѣхъ-порѣ ты лысый Матеушъ, мой слуга, холопъ, да-кей, хамово отродье!

— О, дьяволь! проговорилъ Черномскій.

И онъ повалился на диванъ, схватилъ себя за голову, заскрежеталъ зубами, забилъ ногами.

— Тихе! крикнулъ Дмитрицкій.

— А, дьяволь, обманулъ! простоналъ онева Черномскій, и вдругъ вскочивъ съ дивана, бросился на Дмитрицкаго; но тотъ очень хладнокровно приподнял пистолетъ и сказалъ:

— На мѣсто!

Черномскій со страхомъ отскочилъ назадъ.

— Послушай! проговорилъ онъ дрожащими губами: послушай! панъ Дмитрицкій....

— Панъ грабе Черномскій, слышишь? Понуда на головѣ моей этотъ парикъ, сказалъ Дмитрицкій, приподнявъ на себѣ парикъ какъ шапку: и покуда подъ носомъ эти наклеенные усы, до тѣхъ порѣ я графъ Черномскій, шулеръ, подлецъ, который съ шайкой своей на-вѣрняка обдулъ бѣднаго Дмитрицкаго. А ты, до тѣхъ порѣ, покуда я не награжу тебя рыжижъ парикомъ и сврымъ фракомъ, до тѣхъ порѣ ты хлапъ Матеушъ.

— Одно слово, панъ! сказалъ панъ Черномскій, задыхаясь и кусая губы: безчестно это, это низко, воспользоваться моею до-вѣренностью! Я полагалъ, что панъ Дмитрицкій благородный человекъ!...

— А кого жъ обманулъ панъ Дмитрицкій?

— Меня!

— А ты кто такой?

— Кто?... Я панъ....

— Ну, ну, ну; договаривай скорѣй!

— Панъ грабе Черномскій.

— Врешь! ты знаешь ли кто?

Черномскій поблѣднѣлъ.

— Панъ грабе Черномскій, вотъ этотъ парикъ, продолжалъ Дмитрицкій: а панъ Желыинскій вотъ этотъ парикъ; а панъ Дми-

трицкій наваялся на службу къ вельможному пану Черномскому, а не къ тебѣ, не пану, а лысому болвану! Какъ же ты смѣешь говорить, что панъ Дмитрицкій тебя обманулъ?

— Панъ Дмитрицкій, сказалъ Черномскій, не я обьягралъ пана, даль Бугъ же не я; но я готовъ изъ своихъ денегъ возвратить пану десять тысячъ.

— Скажи, пожалуйста, какой богатъ!

— Будь ласковый, пане, кончимъ шутки.... Отдай, пане, мои ключи.

— Да ты кто?

— Перестань, пане, шутить.... получай десять тысячъ и Богъ съ тобой.

— А я съ тобой вотъ какъ шучу: хочешь ты у меня служить Матеушомъ? Я люблю это имя, у меня, пана грабе, всѣ люди назывались Матеушамъ.... хочешь? а нето — убирайся!

— Я прошу пана оставить шутки; а нето я объявлю полиціи, что панъ хочетъ ограбить меня и убить.

— Такъ ты ступай въ полицію скорѣй, а нето я уѣду.... Ну, пошелъ же!

— Пане, я двадцать тысячъ дамъ.

— Ба, ужъ разсвѣтаетъ! Пора ѣхать мнѣ! Эй! кто тамъ?

— Пане! вскричалъ Черномскій.

— Прочь!

— Чтò угодно пану? спросилъ вбѣжавшій хозяинъ.

— Вотъ тебѣ за постой, сказалъ Дмитрицкій, бросивъ красную бумажку на столъ. Неси сундукъ въ коляску.

— Пошелъ, я самъ понесу! вскричалъ Черномскій, совершенно потерявшись: ступай вонъ!

— А, мерзавецъ, одумался! Жидъ, помоги ему; гдѣ ему дотащить до коляски.

— Караулъ! грабятъ! вскричалъ Черномскій какъ съумасшедшій, оттолкнувъ Жида и обхвативъ сундукъ: караулъ!

— Хозяинъ, ступай къ городничему, чтобъ прислалъ солдатъ взять этого пьяницу! Скорѣй!

— Не буду! проговорилъ Черномскій, задыхаясь: я понесу! Ступай, мнѣ нужно поговорить съ паномъ.

— Ни слова!

— Пане!

— Ну!

— Я понесу, понесу!

— Жидъ, тащи вмѣстѣ съ нимъ!

Черномскій и Жидъ понесли сундукъ въ коляску. Черномскій несъ и стоналъ.

Велѣдъ за ними вышелъ и Дмитрицкій.

— Ну, живо! вскричалъ онъ, садясь въ коляску: ты такъ и поѣдешь безъ фуражки, въ одной рубашкѣ? Дрянъ! ну, пошелъ надѣнь сюртукъ и фуражку!

— Панья matka Бога! проговорилъ Черномскій жалобнымъ голосомъ, держась обѣими руками за коляску.

— Ну, долго ли будешь думать? Ямщикъ, пошелъ.

Ямщикъ приподнялъ кнутъ.

— Караулъ! вскричалъ Черномскій, ухватясь за коляску: стой, стой, ѣду! Вынеси, хозяйнѣ, картузь, да сюртукъ мой.

— Ахъ ты, дуракъ, трусь; бойся, что я уѣду, брошу его!

Черномскій охаль, держась за коляску.

Жидъ вынесъ венгерку и картузь.

— Не мой сюртукъ, сказалъ Черномскій, это венгерка пана.

— Не узнаётъ своего платья! вотъ нализался! Долго ли я буду ждать? Куда! на козлы.

— Нѣтъ, этого ужъ не будетъ! вскричалъ Черномскій: я не хлапъ какой-нибудь.

— Такъ оттащи его, Жидъ; прощай, панъ!

— Ёду, ёду!

И Черномскій взобрался со стономъ на козлы.

— Пошелъ! крикнулъ Дмитрицкій: болванъ! думаетъ, что я съ нимъ не справлюсь! Нѣтъ братъ, Матеушъ, занкнись только у меня, ступи не такъ, — не пожалѣю мѣдчаго лба! миѣ, братъ, всё-равно, семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.... Хочешь служить вѣрой и правдой — служи; а вздумаешь проказить, грубіянить, пьянствовать — подниматься на какую-нибудь штучку, чтобъ опять парикъ надѣтъ; такъ тогда ужъ извини — *на все пойдеть!*... Слышишь ты тамъ?...

Черномскій въ отвѣтъ простоналъ.

«Э! да куда жъ я ёду? спросилъ Дмитрицкій самъ себя: куда жъ миѣ ѣхать? а? вотъ вопросъ.» — Эй, ямщикъ, куда идетъ эта дорога?

— Да въ Могилевъ же, въ Могилевъ.

— А что жъ я буду дѣлать въ Могилевѣ; а еще куда?

— Изъ Могилева въ Минскъ, да на Смоленскъ.

— А что жъ я буду дѣлать въ Минскѣ и въ Смоленскѣ? Миръ великъ, а прислониться негдѣ, и ни одной души, которой бы можно было сказать откровенно: послушай, душа моя, повѣршишь ли ты мнѣ, что я ужасная свинья.—«Неужели?»—Ей-ей! чортъ сбиль меня съ пути, и вотъ, самъ не знаю, что дѣлать на бѣломъ свѣтѣ.—«Женись.»—Да не знаю, гдѣ живетъ невѣста,—куда къ ней ѣхать? Родилась она, жива, или умерла, ничего не знаю. Другимъ какъ-то счастье: все само ладится. Ужъ если влюбится и навяжется на шею, такъ по-крайней-мѣрѣ дѣвушка, а не чужая жена, какъ на примѣръ Саломея Петровна. Увѣрила, что я созданъ собственно для нее, а она для меня, я и повѣрилъ, да и увезъ ее. Что жъ изъ этого вышло? она на сторонѣ, я на другой... а желательно было бы знать, что съ ней дѣлается: гдѣ она? что она? Удивительный характеръ! Поскакала отъ мужа, отъ отца, отъ матери, чортъ знаетъ куда, 'точно какъ изъ гостей дѣмой!... Отецъ и мать!... Господи, Боже мой, отецъ и мать!... Я бы поѣхалъ теперь къ отцу и матери,... «Здравствуй, Вася, здравствуй сыночекъ!» У Васи сердце бы порадовалось, Вася бы заплакалъ.—«Это что у тебя? гдѣ это ты нажил?»—Богъ далъ.—«Ахъ ты мой нещечко!» сказала бы матушка и заплакала бы съ радости—«Врешь, братъ, сказалъ бы отецъ, вѣрно ты чорту служилъ!» и заплакалъ бы съ горя.... Да это всё мечта: батюшка умеръ до моего рожденія, а матушка недавно скончалась.... Э! да у меня есть тѣтка и сестра невѣста.... Вѣрно, въ бѣдности живутъ.... Вотъ случай осчастливить Наташеньку.... прекрасно!..

Дмитрицкій сталъ развивать и мѣлчать эту мысль въ головѣ. Пріѣхали на станцію.

— Матеушъ! крикнулъ Дмитрицкій: распорядись скорѣй о лошадяхъ.

— Нѣтъ, панъ, отвѣчалъ Черномскій, соскочивъ съ козелъ: лошадей успѣють запретъ; прежде всего надо рѣшить, кому пановать на этомъ свѣтѣ; если панъ благородный человекъ, то не откажется на мой вызовъ.... пара пистолетовъ есть....

— Изволь, братъ, пойдемъ! вотъ тутъ же въ рошицѣ. Только не иначе, какъ оба заряда въ одинъ пистолетъ; а потомъ выбирай любой; но подлецу я въ руки не дамъ пистолета, а самъ, однимъ себѣ дуломъ въ пузо, а другимъ тебѣ....

— Нѣтъ, я на это не согласенъ!

— Такъ пошелъ, записывай подорожную! ну!

— Это, панъ, безчестно....

— Ну!

Черномскій бросился отъ Дмитрицкаго.

— Постой, поди сюда! Вотъ что я тебѣ скажу: хочешь, чтобъ я возвратилъ тебѣ званіе плута грабе Черномскаго, и все, разумѣется, кромѣ того, что у меня выиграли мошенники? Хочешь?

— Панъ обязанъ мнѣ возвратитъ все!

— Ну, это мечта; ты слушай, что я тебѣ говорю; во-первыхъ, отвѣчай, женатъ ли ты?

— Женатъ, пане, имѣю шесть человѣкъ дѣтей, на рукахъ моихъ всѣ родные; все, что нажилъ трудомъ, нажилъ для обезпеченія своего бѣднаго семейства; а панъ хочетъ лишитъ меня всего, пуститъ по-міру по-крайней-мѣрѣ двадцать человѣкъ!

— Такъ ты женатъ? Ну, чортъ съ тобой, ступай, да чтобъ скорѣе лошадей.

— А пану для чего знать, женатъ я или нѣтъ?

— Дѣло кончено, такъ нечего и говорить условій, на которыхъ я бы тебѣ возвратилъ парикъ съ усами и имущество Черномскаго.

— Да я прошу сказать мнѣ, пане, какія условія, можетъ-быть я ихъ исполню.

— Нѣтъ, ужъ кончено; ты женатъ и мнѣ не годишься.

— Я пану нарочно сказалъ, что я женатъ.

— Подлецъ! думалъ разжалобить; теперь ужъ я не повѣрю.

— Ей-ей, не женатъ!

— Такъ хочешь жениться на моей сестрѣ? дѣвочка чудо, съ хорошимъ состояніемъ, умна; ну, просто, отдаю ее тебѣ какъ свиньѣ апельсинъ, ддятого только, чтобъ исполнилось мое предсказаніе, что она будетъ графиня.

— Панъ все отдастъ мнѣ?

— Все, кромѣ выигранныхъ у меня.

— То есть осемь тысячъ.

— Нѣтъ, любезный, сто осьми.

— Э, нѣтъ, пане, не могу согласиться.

— Ну, не можешь, такъ оставайся холостымъ Матеушемъ.

— Но какіе жъ выигранные сто тысячъ у пана? Я и не знаю объ нихъ.

— А вотъ тѣ, что шайка твоя выиграла у меня.

— Панъ обижаетъ меня!

— Ну, обижая, так оставайся холостымъ Матеушемъ.

— Я готовъ двадцать тысячъ изъ своихъ кровныхъ прибавить къ осьми, а больше не въ-состояніи.

— Ты дуракъ: изо ста тысячъ я шестьдесятъ назначилъ твоей будущей жевѣ въ приданое.

— Осемьдесятъ, панъ, и мнѣ отдать въ день свадьбы.

— Торговаться? такъ ни жены, ни копѣйки! убрайся!

— Панъ сдержитъ свое слово свято?

— Еще спрашиваетъ!

— Ну, такъ и быть, я согласенъ. Вотъ рука моя.

— Пошелъ къ чорту съ своей грязной рукой!

— Прошу пана отдать мнѣ ключи.

— Нѣтъ, пріятель, это будетъ все сдѣлано слѣдующимъ образомъ: теперь мы поѣдемъ въ Шкловъ; тамъ я кое-что куплю къ свадьбѣ, — тамъ, говорятъ, все есть у Жидовъ, и дешево; а потомъ поѣдемъ въ Путивль, гдѣ живетъ моя тѣтка. До-тѣхъ-поръ ты будешь Матеушъ, слышишь?

— Панъ не вѣрять мнѣ, что я исполню данное слово? Я не могу унижать себя, ѣхать на козлахъ.

— Врешь, поѣдемъ и на деревянномъ козлѣ, на которомъ вашу братью мошенниковъ кнутомъ дерутъ.

— А если, панъ, свадьба какъ-нибудь не состоится?

— Если только не ты въ этомъ будешь виноватъ, получишь все какъ сказано.

— И условенное приданое?

— Половину.

— Ну, такъ и быть!

Лошади были запряжены; Черномскій, понимая нравъ Дмитрицкаго, вѣрилъ ему на-слово, и какъ низкая душа обратился въ совершеннаго холопа. Прикрикивалъ въ подражаніе Дмитрицкому на ямщиковъ, на смотрителей, называлъ барина его сіятельствомъ; но только портилъ дѣло.

— Поди-ко-съ какой! говорили ямщики, экой страшный! расхрабрился! запрягай самъ скорѣе!

— Еще прикрикивать вздумалъ! такъ нѣтъ же лошадей! всѣ разошлись, а курьерскихъ не дамъ! говорили и смотрители станцій.

Дмитрицкій платилъ тройные и четверные прогоны, сидѣлъ по нѣсколку часовъ, и ѣхалъ какъ на волахъ.

Пріѣхавъ въ Шкловъ, онъ расположился въ гостинницѣ у Жи-

да, потребовалъ почтовой бумаги, и написалъ слѣдующее письмо къ тѣткѣ:

« Любезная тѣтушка, Дарья Ивановна. Съ годъ тому назадъ « вы писали ко мнѣ въ полкъ, жаловались на недостатки, и про- « сили прислать хоть рублей сто; тогда у меня, ей-ей, ничего « не было. Теперь очень радъ служить вамъ: вѣдь вы да На- « ташенька только и родныхъ у меня. Наташенькѣ я везу же- « виха, моего пріятеля, графа. Только вы, пожалуйста, наймите « богатый домъ, со всей роскошью, да вашейте моей сестричкѣ, « будущей графинѣ, моднаго платья и разныхъ уборовъ, чтобъ « все было на знатную ногу, чтобъ не стыдно было принять « сіятельнаго. На расходы посылаю двадцать тысячъ, а самъ « привезу все приданое, шалей, матерій, драгоценныхъ вещей и « всего. Поторопитесь все устроить, недѣли черезъ двѣ я не- « премѣнно буду.

« Любящій васъ племянникъ В. Дмитрицкій».

Вложивъ въ конвертъ двадцать тысячъ, Дмитрицкій заперъ свою комнату и самъ отправился съ письмомъ на почту, отдавъ приказъ Черномскому привести Жидовъ съ товарами. Почта была въ двухъ шагахъ, и потому Дмитрицкій скоро возвратился; но Жиды пронюхали богатаго покупателя, набѣжали со всѣхъ сторонъ съ узлами и ящиками, разложили свои товары на полу, и перебранивались. Жидъ Мошка съ узломъ полотна, увѣрялъ Жиду Юску съ ящикомъ янтарныхъ колечекъ, сердечекъ, мундштучковъ, игольниковъ и прочее, что пану не нужны его игольники, что панъ не шьетъ; а Юска твердилъ, что панъ не такой дуракъ, чтобъ сталъ покупать у Мошки мѣткаль вмѣсто полотна.

Старый Жидъ Соломонъ отталкивалъ ногой узелъ другаго Мошки, и говорилъ ему, чтобъ онъ добромъ шелъ домой, куда баринъ въ зашей его не выгналъ; ты, голова угломъ, развѣ не знаешь, что вельможный панъ въ бумажные платки не сморкается?

— А что жъ онъ въ твое гнилое сукно будетъ сморкаться? Славное сукно, седанское! съ бумагой по-поламъ!

— Не трогай руками! вскричалъ Соломонъ, оцетипясь.

— Не толкайся! вскричалъ Мошка.

Жидъ Хаймъ притащилъ дюжины три одѣялъ и готовился, только-что взойдетъ вельможный панъ, раскинуть одно на всю комнату по головамъ и товарамъ и крикнуть:

— А вотъ же, вельможный панъ, самыя лущія покрывала, двухспальныя, какихъ луща не бываетъ! усь если панъ коцетъ имѣть покрывала, такъ усь панъ будетъ ласковъ: купить вотъ это.

Но Шлема, поглядывая въ окно, говорилъ Хайму: — Видишь, офицеръ прѣхалъ къ Ханзѣ, ты бы шель туда; онъ скорѣй купить одѣяло, а вельможному пану не нужно одѣяло; вельможный панъ хочеть купить матерій на жылетки.

— Дзъ, аэхъ! узналъ онъ, что у тебя есть жылетки, какихъ и даромъ яшному не надо!

— Дзъ эхъ, повторялъ и Черномскій: промотаетъ эта каналья Дмитрицкій у меня всѣ деньги!....

Только что вешель Дмитрицкій, Жиды въ одинъ голосъ начали высчитывать свои товары.

— Ну, что у васъ есть, показывай, сказалъ онъ, садясь на диванъ. Жиды ползли на него толпой, давятъ, толкаютъ другъ друга; крикъ страшный. Сукно сѣданское, пане! какого цвѣту прикажетъ панъ? Полотно голландское! Перчатки, пане, французскія! Шляпки, пане, матеріи разныя, атласъ, бархатъ, тафта! Печатки, пане, какую прикажетъ панъ вырѣзать? Ситцы!... Колечко пану! дѣвочки, серьги брилліантовья!

— Воизъ! крикнулъ Дмитрицкій.

Всѣ вдругъ замолкли.

— А что имъ пану угодно? вызвался Соломонъ.

— Молчать!.... Показывай ты серьги брилліантовья!.... Сиверныя!....

— А вотъ же лучше! работа кака! брилліанты съ бирювой.

— Гадкіе! что стоятъ?

— Дешево, пане, для пана триста червонцевъ.

— Сто хочешь?

— Да помилуй, пане, какъ это можно покупать такую дрянъ! имъ вся цѣна десять карбованыхъ! Камни фальшивые! воскричалъ Черномскій.

— Тебя сирашиваютъ? прикрикнулъ Дмитрицкій.

— Панъ только деньги бросить; у меня есть брилліантовья серьги, я пану уступлю ихъ за сто червонныхъ, не такія, сказалъ Черномскій.

— Свои подарить самъ нехѣсть... Это что, муидштуки? что ототъ стѣить?

— Двадцать червонныхъ.

— Десять.

— Ахъ ты, свента matka Марія! Это композиція!

— Миѣ всё-равно, композиція или явтарь, я покупаю, что миѣ нравится.

— У пана денегъ много! пану деньги ни почемъ! панъ ихъ не наживалъ трудомъ!

— Ни трудомъ, ни мошенничествомъ, по наследію достались, и потому молчи! Что это, шали? Показывай.

— Алеція, самыя лучшія! буръ де суа!

— Что голубая?

— Пятьдесятъ червонныхъ.

— Дорого! возьмешь и половину.

— Видю панъ знаетъ толкъ, сказалъ Черномскій, ахнувъ: шивная, середина дрянной шали, дѣвки носятъ! Возьми, панъ, за эту цѣну мою тибетскую.

— Пустяки! Ты свою подарить самъ невѣстѣ; а эту я подарю ей.

— Чтобъ моя невѣста носила такую поскудную шаль! Фи!

— Не хочешь? Ну, такъ я подарю ей турецкую, вышину изъ Одессы.

— Турецкую пану? у меня такая турецкая.... Дзъ-ахъ! вскричалъ Жидъ и оставивъ свой узелъ и шали разложенныя по полу, схватился за шапку и побѣжалъ вонъ.

— У пана много денегъ, что панъ такъ бросаетъ ихъ! сказалъ Черномскій, съ страдальческимъ выраженіемъ лица, какъ-будто у него жилы тянуть.

— А тебя кто проситъ сожалѣть о моихъ деньгахъ?

— Нельзя, пане, нельзя не жалѣть; деньги не легко достаются.

— Потомъ и кровью: оттого-то ты такой худой и блѣдный. Трудно переводить деньги изъ чужаго кармана въ свой! Вели-ко подать миѣ бутылку шампанскаго—я выпью за твое здоровье.

— Пану шутки!

— Вотъ, васе сіятельство! вотъ настоящая турецкая! вскричалъ запыхавшійся Жидъ, вбѣжавъ въ комнату съ новымъ узломъ.

— Показывай!

— Ганць-фейвъ! Дзъ-ахъ! вотъ шаль! у султана турецкаго иѣтъ такой!

— Что стоятъ?

— Пятьсотъ червонныхъ! только десять червонныхъ и наживаю барыша.

— Я тебѣ дамъ за нее....

— Пань! вскричалъ Черномскій, для Бога, позволь мнѣ торговаться и покупать пану! Пань не знаетъ толку въ товарахъ!

— А тебѣ-то что?

— Не могу! панья matka Бога, не могу!

— Ну, изволь, покупай!

— Что просишь ты за шаль? а? спросилъ Черномскій, уставивъ глаза на Жида.

— Пять сотъ червонныхъ.

— Берешь осемьдесятъ?

— Пань покупать не хочетъ, сказалъ Жидъ, складывая шаль.

— Тутъ тебѣ ровно десять червонныхъ наживы.

Жидъ, ни слова не говоря, сложилъ шали въ узелъ, укрутилъ его тесьмой, взвалилъ на плеча и сказавъ: прощайте, пане! вышелъ.

— Ты съ ума сошелъ, вмѣсто пятисотъ даешь осемьдесятъ! Мнѣ шаль нравится, я дамъ ему двѣсти пятьдесятъ червонныхъ.

— Завтра шаль будетъ у пана за семьдесятъ пять червонныхъ. Не хотѣлъ брать десяти барыша, — возьметъ пять.

Въ тотъ же день, Жидъ пришелъ снова.

— А что жъ, пане, шаль? Деньги нужны, въ убытокъ продаю; извольте беру четыреста червонныхъ.

— Осемьдесятъ.

— Триста пятьдесятъ, угодно?

— Ни копѣйки.

— Ну! будь пань такъ счастливъ! отдаю за триста!

И Жидъ хотѣлъ развязывать узелъ.

— И не хлопочи! Больше осемьдесяти сегодня не возьмешь, а завтра отдашь за семьдесятъ пять.

— Пану не угодно покупать? сказалъ Жидъ; долго завязывалъ узелъ, и наконецъ ушелъ.

Черезъ часъ явился снова, сбавилъ цѣны на половину.

Черезъ часъ снова пришелъ и положилъ шаль на столъ, сказавъ:

— Эхъ, что дѣлать! Пань такой счастливый! Ужъ я знаю, что пань самъ что-нибудь прибавитъ.

— Какъ же это ты, Жидъ проклятый, сказалъ Дмитрицкій: запросилъ пять сотъ червонныхъ, а отдалъ за восемьдесятъ?

— А что жъ, я виновать, отвѣчалъ Жидъ: коли нѣтъ счастья!

III.

Дмитрицкій давно не былъ на родинѣ, въ славномъ Путивлѣ, гдѣ нѣкогда на забралахъ градскихъ, горько плакала Ярославна, молилась вѣтру, чтобъ онъ вздулъ паруса милого друга Игоря Всеволодовича, на обратный путь изъ странъ половецкихъ; молилась Днѣпру, чтобъ онъ взмелѣялъ на себѣ насады (корабли) его, молилась тресвѣтлomu солнцу, чтобъ оно не палило въ безводномъ полѣ жаждою дружину храбраго князя.

Но этой ограды Путивля, съ которой Ярославна встрѣчала взорами своего милого князя, давно уже и слѣда нѣтъ. И тутъ, какъ и вездѣ, давно русскіе терема и свѣтлицы стали щепнемъ, а жизнь черноземомъ—до материка не дороешься.

Тѣтка Дмитрицкаго, Дарья Ивановна, была замужемъ за мелкимъ чиновникомъ, который волею Божіею помре, оставивъ ей и дочери, Наташенькѣ, въ наслѣдіе маленькій домикъ. Съ этого домика Дарья Ивановна получала около трехъ сотъ рублей, а иногда и по-болѣе, доходу. Наташенька, въ коленкоровомъ платьицѣ, была миленькая дѣвочка. Курсъ ученія ея былъ не великъ. Имѣя хорошія отъ природы способности, она выучилась, можно сказать, сама читать и писать, выучилась шить платьица, корсеты и юбочки, вязать и штопать чулки, выучилась завивать себѣ на ночь волосы, а поутру расчесывать и разглаживать по щекѣ, распускать локонами, заплетать косу, свертывать ее жгутомъ и затыкать гребнемъ слѣдуя модѣ, то на макушкѣ, то на затылкѣ; выучилась учтиво присѣдать и смотрѣть умильно глазками на молодыхъ людей—этому выучила ее природа; выучилась смотрѣть скромно и равнодушно на пожилыхъ, — и этому выучила ее природа. Сверхъ всего она переняла у одной подруги играть на гитарѣ и пѣть цѣлыхъ три романса: двухъ соловьевъ, да, кажется, канареечку.

Покуда домикъ Дарьи Ивановны не требовалъ починки, крыша не текла, стѣны и балки не подгнили, до-тѣхъ-поръ Дарья Ива-

новна и думать не думала ни о чемъ: приходъ съ расходами былъ вѣренъ.

— Чего жъ болѣе, слава Тебѣ, Господи, говорила она всему городу (потому что со всѣмъ городомъ была знакома): ни въ чемъ не нуждаюсь.

Злые языки длинны, никакъ не обойдутся безъ того, чтобъ не сосчитать что въ чужомъ карманѣ, не перевѣрить чужаго приходу съ расходомъ, не вывести сомнѣній: возможно ли прожить цѣлый годъ въ довольствіи тремястами рублями, — ну, положимъ хоть и тремястами пятьюдесятью? и не заключить: ужъ, конечно, что регистраторъ Ойрстъ Игнатьичъ живетъ лѣтъ осемь въ деревянномъ домишкѣ Дарьи Ивановны не даромъ.

— Ужъ, конечно, не даромъ, платитъ за квартиру триста рублей въ годъ.

— Нѣтъ, ужъ вотъ даромъ! Триста рублей платитъ за развалины; мы свой мезонинъ отдали бы за двѣсти. Я и намекала: шлохонекъ домъ-то Дарьи Ивановны; чай у васъ и сквозитъ и протекаетъ, Ойрстъ Игнатьичъ? — «Да, немножко, Палагея Ивановна.» — Что жъ это вы не подумаете нанять другую квартирку: вѣдь вы можете ревматизмъ получить; у васъ здоровье такое хилое. — «Мѣсто-то удобно, близко отъ судебныхъ мѣстъ, да и привычка!» — Знаю, батюшка, знаю, подумала я сама себѣ: кошки привыкають къ мѣсту, а люди къ людямъ: живмя живешь на другой половинѣ, которая по-крѣпче!

Эти толки не доходили до Дарьи Ивановны; Ойрстъ Игнатьичъ привыкъ къ своей квартирѣ, гдѣ подь-часъ было и холодененько; а Дарья Ивановна привыкла къ древности дома своего; привыкла и къ постояльцу — всё-таки мужчина въ домѣ, да и притомъ же такой добрый, угодливый, что ни попроси, все сдѣлаетъ: совершенно уже какъ свой человекъ. Какъ ни привыкъ, однако жъ, Ойрстъ Ивановичъ къ течи; но вѣрно кто-нибудь сталъ сбивать его съ толку: послѣ одной бури, которая чуть-чуть не разнесла по бревну домъ Дарьи Ивановны, Ойрсъ Игнатьичъ пришелъ къ ней и говорить:

— Дарья Ивановна, ужъ извините, а мнѣ приходится нанять другую квартирку.

• — Что такое, Ойрстъ Игнатьичъ? что такъ вамъ моя не понравилась? Жили-жили столько лѣтъ, да вдругъ разходиться; нѣтъ, Ойрстъ Игнатьичъ, это грѣхъ!

— Да помилюйте, течетъ такъ, что мѣста не найдешь, гдѣ присѣсть и прилечь.

— Да потеряете, Фирсть Игнатьичъ, все исправлю; что дѣлать, напишу въ полкъ къ племяннику, совѣстно, а попрошу у него; да вотъ Наташа подросла, авось найдется женихъ, выдамъ замужъ, уступлю вамъ эту половину; эта крѣпенькая; сама перейду въ вашу.

— За эту-то половину вы потребуете прибавки, чай.

— Нѣтъ, ни копѣечки не набавлю; для васъ за ту же цѣну, только не сходите съ квартиры.

— Дѣла въ, Богъ знаетъ, когда еще это будетъ.

— А батюшка, да нѣтъ ли у васъ въ судѣ женишка? вотъ письмоводитель-то, что къ вамъ ходитъ, кажется порядочный человекъ.

— Славный человекъ!

— Вѣдь вы съ нимъ, чай, пріятель: что бы вамъ повести слово.... привести бы его къ намъ....

— Хмъ! произнесъ, улыбнувшись, Фирсть Игнатьичъ.

— Чему вы усмѣхнулись?

— Самъ онъ просилъ, чтобъ я познакомилъ его съ вами.

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— Да я думалъ, вамъ еще не понравится, что молодой человекъ ухаживаетъ за Натальей Павловной; состоянія же онъ не имѣетъ.

— И! лишь бы былъ дѣльный человекъ—наживетъ!

— Я, пожалуй, — сказалъ Фирсть Игнатьичъ, и въ тотъ же день ввечеру привелъ съ собой Андрея Павловича Иліадина.

Наташенька была вѣ себя отъ радости, потупляла глаза въ землю и всё краснѣла. Андрей Павловичъ, также что ни слово къ ней, то вспыхнетъ. Дарья Ивановна замѣтила, что что-нибудь да ужъ есть между молодыми людьми, и сначала рада была, что дѣло скоро можетъ сладиться; а потомъ задумалась.

— Господи, да что жъ я буду дѣлать одна одинехонька безъ Наташи?... домишка развалится, гдѣ я буду жить, чѣмъ я буду жить? Отдамъ за бѣднаго, а сама ступай по-міру!... а еще и сама изъ вѣку не выжила! сорока еще нѣтъ; кромѣ куска хлѣба, нужно и платице и чепчикъ порядочный, салопчикъ, и мало ли что....

Дарья Ивановна совершенно раздумала выдавать дочь за бѣднаго; когда Андрей Павловичъ явился съ предложеніемъ, увѣрен-

ный, что отказа не будетъ, потому что Ойрстъ Игнатьичъ намекнулъ, что онъ нравится и самой Дарьѣ Ивановнѣ.

— Благодарю, Андрей Павловичъ, за честь, которую вы мнѣ дѣлаете; но вотъ обстоятельство: вы бѣдны, да и у дочери моей нѣтъ ничего, отвѣчала она.

— Дарья Ивановна! сказалъ Андрей Павловичъ: я не требую ничего, кромѣ руки Натальи Павловны, осчастливьте меня! съ насъ двухъ жалованья моего достаточно будетъ.

— Андрей Павловичъ, отвѣчала Дарья Ивановна: положимъ и такъ, да я должна подумать и о себѣ: я въ дочь положила все; хоть у ней нѣтъ приданаго, да зато всему вышнѣла ее, она и поетъ у меня, и хозяйка на рѣдкость — руды, надо же, чтобъ за материнское попеченіе она обезпечила старость мою....

— Неужели вы думаете, что мы васъ оставимъ?

— Кто говорить; да у васъ-то что жъ есть, чтобъ меня прилично содержать, а мнѣ вѣдь еще съ добрыми людьми жить; и къ себѣ прими, и въ люди поди. Нѣтъ, Андрей Павловичъ, ужъ вѣрно этому не быть.

— Дарья Ивановна! повторилъ Андрей Павловичъ, осчастливьте!

— И рада бы.... человекъ вы прекрасный, парочка дочери моей, да вѣрно Богу не угодно.... Дѣло другое, если бъ я сама была пристроена.... замужемъ.... и горюшки бы мало, еще васъ бы наградила.... а то.... домишка провалится и весь доходъ мой съ нимъ.... Ойрстъ Игнатьичъ и то грозитъ ужъ съѣзжать.... Какъ съѣдетъ.... что я буду дѣлать?...

Дарья Ивановна прослезилась.

— Я привыкла къ нему какъ къ родному! прибавила она, и зарыдала. Обо мнѣ мужъ такъ не заботился, какъ онъ....

— Онъ не съѣдетъ, ей Богу не съѣдетъ, сказалъ Андрей Павловичъ, въ утѣшеніе Дарьѣ Ивановнѣ: онъ такъ привыкъ къ вамъ....

— А вы почему знаете?....

— Да это видно, Дарья Ивановна.

— Что жъ онъ говорилъ про меня?

— Онъ говорить, что вы такая прекрасная хозяйка, какихъ онъ съ-роду не видалъ.

— Неужели? голубчикъ мой!... Какой онъ добрый, не правда ли?

— Необыкновенный человекъ.

— Необыкновенный человекъ!... Осемь лѣтъ стоить у меня, хоть бы поморщился! Смирный, учтивый, Господи, Боже мой! вѣдь знаю я мужичка, и мужъ у меня былъ человекъ хороший, да всё не то... Осемь лѣтъ подъ одной кровлей живемъ, Андрей Павловичъ — что-нибудь да значить! и не къ такому человеку привыкнешь!

Дарья Ивановна снова прослезилась.

— И онъ какъ привыкъ къ вамъ, Дарья Ивановна!

— Да что жъ, все это не прочно!... вѣдь онъ не мужъ мнѣ — сегодня онъ у меня, а завтра взялъ да и переѣхалъ: а я-то что тогда?... горю, да и только!

— Да я увѣренъ, Дарья Ивановна, что онъ ни за что не оставитъ васъ, сказалъ Андрей Павловичъ.

— А вы порука за него? Изручитесь, да и берите Наташу... а безъ того не могу, ей-ей не могу! кому-нибудь и со мной надо оставаться!... Это теперь все наше дѣло, а потому-то и говорю вамъ откровенно... О, будь Фирстъ Игнатьичъ мужъ мой, какая бы и для васъ-то выгода, какъ бы и васъ-то пристроила: у меня домъ, у него есть капиталецъ, — домикъ-то поправили бы. Здѣсь сами, а дружка-то половину вамъ съ Наташей — живите-себѣ, да поживайте.

У письмоводителя сердце юкнуло, взоръ просвѣтлѣлъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ онъ: это прекрасно!... Такъ Наташенька моя, Дарья Ивановна, если я устрою дѣло?

— Только устройте, нечего и говорить.

Андрей Павловичъ поцѣловалъ руку Дарьи Ивановны, и побѣжалъ къ Фирсту Игнатьевичу, который смирно занятъ былъ какими-то отчетами.

— Ну что? спросилъ онъ: говорили?

— Нѣтъ еще, Фирстъ Игнатьевичъ.

— Э, какой! Чего боитесь, Дарья Ивановна такая добрая женщина.

— Какъ-то страшно!

— Вотъ еще, что тутъ страшнаго.

— Да, вы когда-нибудь сватались?

— Я? нѣтъ.

— То-то и есть, что онъ ихъ-то какъ-то легко говоритъ, а извольте-ко о самомъ себѣ!

— Оно правда, сказалъ Фирстъ Игнатьевичъ, задумавшись:

испыталъ я это.... чортъ знаетъ, никакъ языкъ не поворотится... Придешь, думаешь, вотъ скажу, да и ни слова; а время-то уходитъ, да уходитъ! годы! хмъ! я бы давно ужъ женатъ былъ, да смѣлости нѣтъ!...

— А вы также влюблены въ кого-нибудь, Фирсть Игнатьичъ?

— Нѣтъ, что за влюбленъ; а хотѣлось бы судьбу пристроить: состарѣешься холостякомъ — и души не съ кѣмъ будетъ отвести въ четырехъ стѣнахъ.

— О чемъ же вы думаете, Фирсть Игнатьичъ?

— Подумаешь, любезный!

— Вотъ бы вы женились на Дарьѣ Ивановнѣ.

Фирсть Игнатьичъ повраснѣлъ.

— Нѣтъ, братъ, сказалъ онъ, вздохнувъ.

— Что же? Какая прекрасная женщина!

— Я самъ думалъ... да нельзя: она по сю пору такъ любить покойнаго мужа, только говорить объ немъ.... что жъ тутъ дѣлать?

— Хмъ! да я сейчасъ объ васъ говорилъ съ ней.... она говоритъ, что и не видывала такого прекраснаго человѣка какъ вы, что мужъ у нея былъ хорошій человекъ, а что ужъ вамъ и подобнаго нѣтъ....

— Неужели она говорила это? спросилъ, вскочивъ со стула, Фирсть Игнатьичъ.

— Тѣли еще говорила; да что жъ вы такъ смутились, Фирсть Игнатьичъ?

— Какъ же, братецъ, не смутиться, отвѣчалъ Фирсть Игнатьичъ: что жъ она говорила? Скажи, пожалуйста.

— Простъ, она влюблена въ васъ.

— Полно, братецъ, этого быть не можетъ!

— Ей-Богу; она сказала, что если вы переѣдете на другую квартиру, такъ она умретъ.

— Господи мой! вскринулъ Фирсть Игнатьичъ, употребивъ любимыя слова Дарьи Ивановны; но ему стало стыдно молодого человѣка, при которомъ онъ такъ забылся: полно, братъ, ты только смущаешь меня!

— Ей-Богу, нѣтъ! клянусь вамъ, что Дарья Ивановна безъ памяти отъ васъ.

— Полно, братъ, полно! чортъ знаетъ что говорить! какъ это можно!... Ей-Богу, я разсержусь!

— Не вѣриче, Фирсть Игнатьичъ? такъ я вамъ скажу, что отъ васъ зависитъ и мое счастье!

— Это какъ?

— Такъ! Общайте, что вы не будете противиться моему счастью.

— Съ какой стати я буду противиться? я-то что такое?

— А вотъ то же, что безъ васъ я не получу руки Натальи Павловны.

— Ты, братецъ, Андрей Павловичъ, загадки говоришь! что жъ такое? вѣрно въ посаженные отцы хотите меня взять.

— Да, въ посаженные отцы! Посмотрѣли бы вы, какъ Дарья Ивановна плакала.

— Плакала? да о чемъ же, братецъ?

— Она проговорилась мнѣ насчетъ васъ....

— Да говори, любезный другъ, Андрей Павловичъ.

— Когда я сдѣлалъ предложеніе, она заплакала и сказала: что жъ со мной будетъ, какъ я отдамъ дочь замужъ, а Фирсть Игнатьичъ съѣдетъ съ квартиры....

— Да съ чего она взяла, что я съѣду съ квартиры?

— Поневолѣ съѣдете, какъ домъ развалится, а чинить ей не начто.

— Никогда не съѣду, ни за что! на свой счетъ почию, да не съѣду!

— Я и увѣрялъ ее, что вы не съѣдете, но она и вѣрить не могла, расплакалась, да и проговорилась: говоритъ, вы же поруча мнѣ за Фирста Игнатьича: дѣло другое, если бѣ онъ былъ мужъ мнѣ, тогда, говоритъ, я и не задумалась бы выдать за васъ дочь, починила бы домъ, на одной половинѣ сами жили, а другую вамъ бы отдали.

Фирсть Игнатьичъ ходилъ по комнатамъ какъ помѣшанный; лицо его горѣло, глаза моргали: то теръ себѣ подбородокъ лѣвой рукой, то лобъ и все лицо правой; то запустивъ обѣ руки въ хохоль, приподнималъ его горой, и, наконецъ, ни слова не говоря вышелъ, и пропалъ.

— Вѣрно пошелъ къ Дарьѣ Ивановнѣ, подумалъ Андрей Павловичъ. Но Фирсть Игнатьичъ ходилъ по саду въ раздумьѣ, и проходилъ до полуночи.

На другой день Фирсть Игнатьичъ прислалъ сказать въ судъ, что по болѣзни онъ не можетъ быть у должности. Андрей Павловичъ побѣжалъ къ нему, и засталъ, что онъ продолжаетъ хо-

дить по вчерашнему изъ угла въ уголь, но лицо его блѣдно, руки устали работать около подбородка и лба, и висеть какъ плети.

— Чтò съ вами, Фирстъ Игнатьичъ?

Фирстъ Игнатьичъ вмѣсто отвѣта провелъ надъ головой кругъ рукою.

Андрей Павловичъ испугался.

— Голова кружится? спросилъ онъ.

Фирстъ Игнатьичъ только кивнулъ въ знакъ подтвержденія.

— Вамъ надо чего-нибудь принять; у Дарьи Ивановны есть разныя домашнія лекарства, я схожу къ ней.

И Андрей Павловичъ побѣжалъ къ Дарьѣ Ивановнѣ. Черезъ минуту, она, блѣдная, перепуганная, явилась съ сткляночками въ рукахъ.

Фирстъ Игнатьичъ вспыхнулъ, ноги его подкосились; онъ присѣлъ и взялся за голову.

— Воды, воды! вскричала Дарья Ивановна, и сама побѣжала въ кухню за водой.

— Выпейте скорѣе гофманскихъ, сказала она возвратясь, и начала было отсчитывать капли; но руки ея дрожали:— Не могу, руки трясутся; Андрей Павловичъ, налейте пятнадцать капель.... Успокойтесь, голубчикъ, Фирстъ Игнатьичъ, это все сейчасъ пройдетъ.... Отсчитали? давайте.... выпейте, голубчикъ Фирстъ Игнатьичъ.... Господи, благослови!...

Фирстъ Игнатьичъ выпилъ, и поцѣловалъ ручку Дарьи Ивановны.

— Вы бы прилегли, сказала она, прилягте, голубчикъ! уснойтесь.

Фирстъ Игнатьичъ прилегъ на диванъ, Дарья Ивановна и Андрей Павловичъ сѣли подлѣ него и молчали. Черезъ нѣсколько минутъ утомленные глаза Фирста Игнатьича закрылись.

Дарья Ивановна дала знакъ пальцомъ, что теперь надо дать уснуть Фирсту Игнатьичу, и на цыпочкахъ вышла изъ комнаты. Андрей Павловичъ вслѣдъ за ней.

— Чтò это съ нимъ сдѣлалось?

— Мнѣ кажется и вчерашняго дня онъ былъ нездоровъ; мы разговаривали объ васъ.

— Обо мнѣ?

— Да. Онъ, Дарья Ивановна, васъ очень любитъ, и сказалъ

мнѣ, что ни за что отъ васъ съ квартиры не съѣдетъ, хотя бы, говоритъ, чинить домъ пришлось на свой счетъ.

— Голубчикъ! да что жъ съ нимъ сдѣлалось вдругъ?

— Да заговорили о томъ, что вы покойнаго супруга очень любите... это, кажется, подѣйствовало на него.... онъ думаетъ, что вы никого ужъ такъ любить не можете.....

— Это кто ему сказалъ?

— Ему такъ кажется, потому что какъ пачинаетъ говорить съ вами о себѣ, а вы сведете разговоръ на покойнаго супруга.

— Ахъ, батюшки, да какъ же мнѣ его изъ головы выгнать, согласитесь сами.

— Оно, конечно, да всё лучше бы не упоминать.

— Право, не знаю, что можетъ это мѣшать, если бъ я еще его не добромъ поминала.

— Всё какъ-то не ловко.

— Да пожалуй, я постараюсь ни слова съ нимъ объ мужѣ не говорить.

Несмотря на данное слово, Дарья Ивановна не могла сдержать его. Отъ гофманскихъ капель Фирстъ Ивановичъ совершенно оправился.

— Она воскресила меня! говорилъ онъ Андрею Павловичу: не приди она, я бы умеръ.

Собравшись съ духомъ и подстрекаемый Андреемъ Павловичемъ, онъ наконецъ рѣшился объявить Дарьѣ Ивановнѣ задушевное свое желаніе сочетать судьбу свою съ ея судьбою.

— Теперь прекрасный случай, думалъ онъ: начну съ благодарности за участіе во мнѣ и за оказанную помощь, а потомъ и объявлю... Ну, съ Богомъ!

И вотъ, Фирстъ Игнатьичъ, разодѣвшись и прихоловшись, отправился на половину хозяйки. Вошелъ и смутился, поцѣловалъ ручку, съѣлъ и молчитъ. Дарья Ивановна, предчувствуя рѣшительную минуту, также была смущена и тяжело дышала.

— Дарья Ивановна, началъ наконецъ Фирстъ Игнатьичъ: я столько вамъ обязанъ, что ужъ и не знаю какъ благодарить.

— Помилуйте, Фирстъ Игнагъичъ, какая благодарность, вы какъ родной у меня.... отвѣчала Дарья Ивановна.

Фирстъ Игнатьичъ глубоко вздохнулъ.

— Если бъ я былъ такъ счастливъ... пачалъ онъ; но на бѣду Дарья Ивановна чихнула.

— Желаю здравствовать!

— Покорно благодарю! Вотъ видите ли, что правда? Покойный мой мужъ необыкновенно какъ.... (ахъ, дура, что это я?) прибавила про себя Дарья Ивановна, спохватившись.

— Что изволили сказать? спросилъ Ойрстъ Игнатьичъ.

— Ничего.... такъ, я вспомнила.... (Ахъ, ты Господи!). И Дарья Ивановна смутилась.

Приятная наружность Ойрста Игнатьича вдругъ обратилась въ суровую. Это замѣтила Дарья Ивановна.—Ахъ, дура, дура! подумала она: все дѣло испортила!

И на глазахъ ея невольно выступили слезы.

Ойрстъ Игнатьичъ посмотрѣлъ и вздохнулъ.

— Не угодно ли въ пикетъ? сказала Дарья Ивановна, желая отвлечь разговоръ отъ всѣхъ возможныхъ воспоминаній.

— Если прикажете!

Но о предложеніи Ойрстъ Игнатьичъ уже ни слова.

— Нѣтъ, братъ, сказалъ онъ на другой день Андрею Павловичу: какое предложеніе, когда по-сію-пору только-что вспомнить о мужѣ, тотчасъ и слезы на глазахъ.

— Ей-ей, вы ошибаетесь!

— Нѣтъ, любезный другъ!

— Ну, позвольте мнѣ за васъ объясниться съ Дарьей Ивановной.

— Нѣтъ, это не ловко! Спасибо, братъ, у меня у самого языкъ есть, да дѣло не въ томъ!

Послѣ усиленныхъ просьбъ и убѣжденій Ойрстъ Игнатьичъ согласился, наконецъ, чтобъ Андрей Павловичъ былъ его сватомъ. Дѣло рѣшилось; однако же и тутъ, въ минуту объясненій, Дарья Ивановна дала промаху: не кстати упомянула о мужѣ и заплакала, но по простотѣ души тотчасъ же призналась, что она плачетъ не объ немъ, а съ досады на себя.

Когда душа въ человѣкѣ расцвѣтаетъ, все вокругъ него начинаетъ цвѣсти. Домикъ Дарьи Ивановны какъ-будто снова одѣлся цвѣтомъ: крыша покрылась желѣзнымъ листомъ, стѣны законопатились, снаружи обились новымъ тесомъ, внутри обкѣились обоями. Помолодѣли и Ойрстъ Игнатьичъ и Дарья Ивановна, точно какъ-будто кто обшилъ ихъ новымъ тесомъ, обкѣилъ алыми обоями — весело смотреть, какъ все приходитъ въ порядокъ, строится по общей ихъ мысли. О Наташенькѣ и Андрей Павловичъ нечего и говорить. Наташенька трамла-ла, трамла-ла по комнатѣ, отъ радости, а Андрей Павло-

вѣтъ то и дѣло: голубчикъ мой, потялуй меня! Словомъ — *День веселія насталъ, всѣ утѣхи прилетѣли, птички громко всѣ за- пѣли.*

А въ городѣ не одна уже, а всѣ дамы говорятъ: «Я говорила, что Ойрестъ Игнатьичъ не даромъ стоитъ на квартирѣ у Дарьи Ивановны!»

Вотъ ужъ назначенъ и день свадьбы. Вдругъ почтальонъ при- носитъ Дарьѣ Ивановнѣ повѣстку: письмо со вложеніемъ *двад- цати тысячъ*. У Дарьи Ивановны подкосились отъ ужасу ноги. Господи, Боже мой, откуда такой кладъ? повторяетъ она, торо- пысь въ почтовую экспедицію.

Тамъ самъ почтмейстеръ встрѣчаетъ и принимаетъ ее подъ руки, помощникъ провожаетъ, а почтальоны почтительно кланя- ются.

— Изрядная сумма! изъ Шклова! сказалъ почтмейстеръ, раз- рывавъ толстое письмо съ пятью печатами и вручая ей.

— Господи, Боже мой! отъ кого жъ это изъ Шклова?... «Лю- безная тѣтушка... съ годъ назадъ вы писали ко мнѣ... просили прислать... тогда у меня ей-ей ничего не было... Теперь очень радъ служить вамъ...» — Вася!... ахъ дорогій мой Вася! прогово- рила Дарья Ивановна, едва переводя дыханіе.

— Вѣрно вамъ на свадьбу подарокъ?

— Отъ племянника, отвѣчала Дарья Ивановна.

— Наташа, Наташа! вскричала она, прибѣжавъ домой. Смотри- во! читай!

Наташа стала читать письмо.

— Голубчикъ мой! вскричала Дарья Ивановна, когда Ната- шенька прола: «Вы, да Наташенька только и родныхъ у меня!» Кто бы подумалъ, что изъ такого повѣсы выйдетъ порядочный человекъ? ну?

— «Наташенькѣ я везу жениха...» Чортъ съ нимъ! вскричала Наташенька, вотъ еще!

— Ахъ, да читай, Наташа, навязывать не будутъ!

— «Моего пріятеля, графа...»

— Графа! вскричала Дарья Ивановна, вотъ тебѣ разъ.. Ахъ, голубчикъ мой! графа!... скажи, пожалуйста!... вотъ, кто бы ожи- далъ!

— Чортъ съ нимъ, маменька, съ графомъ! сказала Наташень- ка, бросивъ письмо и заплакавъ.

— Что ты это, съ ума сошла! вскричала Дарья Ивановна, под- нявъ письмо съ полу. «Пожалуйста наймите богатѣй домъ, со

всей роскошью, да налейте моей сестричкѣ, будущей.... графинѣ.... моднаго платья.... и разныхъ уборовъ.... чтобъ все было на знатную ногу....» Голубчикъ мой! слышишь, Наташа?... « На расходы посылаю двадцать тысячъ....» На расходы двадцать тысячъ! « а самъ привезу все приданое, шалей, матерій.... драгоценныхъ вещей....» Господи! да онъ вѣрно въ миллионщики попалъ!... Слышишь, Наташа, везетъ тебѣ какое приданое?... шали, брилліанты.... ахъ, ты, мой отецъ!... «Поторопитесь все устроить.... недѣли черезъ двѣ я непременно буду....» Черезъ двѣ недѣли! да можно ли въ двѣ недѣли справиться!...

Наташенька, вслушавшись въ слова матери, вдругъ зарыдала.

— Чтѣ ты это, моя милая, воешь?

— Какъ же мнѣ не плакать.... Богъ знаетъ, чтѣ это такое будетъ!... дали слово Андрею Павловичу.... все готово къ свадьбѣ.... а тутъ вдругъ....

Наташенька не могла кончить, всхлипыванья стѣснили ей дыханіе, она закрыла лицо руками, бросилась ничкомъ на диванъ, и разливалась горячими слезами. Мать испугалась.

— Наташа, Наташа, душа моя! вскричала Дарья Ивановна: ахъ, дура, я, въ самомъ дѣлѣ! у меня вѣдь и изъ головы вонь.... крестная съ нами шла!... Ахъ, Господи! чтѣ жъ я буду дѣлать?... прислалъ двадцать тысячъ на приданое.... везетъ графа въ женихи.... чтѣ я буду дѣлать?... Вотъ не было горя, пришелъ мать! Наташа, да скажи ты хоть словечко!

— Чтѣ жъ буду я говорить? просили братца мѣшать моему счастью!...

— Ну, кто просилъ его? я просила, чтѣ ли?

— Чортъ просилъ!

— Такъ бы ты и говорила: подлинно не въ-время такое счастье.... Графъ! чтѣ жъ мы будемъ дѣлать, какъ онъ пріѣдетъ? вѣдь нельзя же не приготовиться!

— Приготовляйтесь какъ хотите, маменька, а я умру!

— Это чтѣ такое? ты думаешь, что я взяла, да такъ тебя и отдамъ графу?... да мнѣ будь онъ хоть разграфъ, я ему скажу: Извините, ваше сіятельство, за счастье бы почла имѣть такого зятя, да ужъ дочка сговорена, а слово не берутъ назадъ!

— Конечно, не берутъ, сказала Наташенька, приподнявшись съ дивана и отирая слезы: мало ли графовъ, да князей, не за всѣхъ же выходить замужъ..... пусть себѣ ищутъ графинь; а я не графиня, да и ничего въ свѣтѣ не возьму, чтобъ быть графиней-то.

— Не знаю, что́ дѣлать мнѣ съ этими тысячами, что́ прислалъ Вася?

— Бросьте ихъ, маменька, да и только!

— Скажи, пожалуйста! а Вася пріѣдетъ; скажеть: Что́ жъ это? тѣгенька, вы въ лачужкѣ живете?

— Что́ братцу за нужда, въ чемъ бы мы ни жили, хоть въ курятникѣ?

— Какая ты глупая! вѣдь ему стыдно будетъ показать графу насъ.... въ такомъ нарядѣ.... въ какихъ-нибудь ситцевыхъ платьишкахъ.

— Пусть его стыдится, а намъ не стыдно, сказала Наташенька: гдѣ жъ намъ взять лучше?

— Такъ для этого-то онъ и прислалъ двадцать тысячъ, чтобы мы пристойно, какъ слѣдуетъ по модѣ принарядились.

— Ни за что! вскричала Наташенька, я и не выйду къ нему.

— Скажи, пожалуйста! коли прикажутъ, такъ выйдешь!

— Ни за что!

— Какъ? послушаться матери? Такъ такова ты дочь?... Хорошо! прекрасно! за мои труды и попеченія! спасибо!

Наташенька залилась снова слезами, опять зарыдала.

— Я чувствую, сказала она, что вы меня хотите выдать за графа, Богъ съ вами!

— Господи! вскричала и Дарья Ивановна, прослезясь: въ этихъ тысячахъ чортъ сидитъ!... Нѣтъ, Богъ съ ними! запрю ихъ до пріѣзда Васи, и отдамъ назадъ!... Не хочу я ихъ, проклятыхъ! не нужны они мнѣ!

И Дарья Ивановна спрятала конвертъ съ деньгами въ коммодъ, приласкала Наташу и помирлась съ ней.

До Фирста Игнатьича и Андрея Павловича дошли слухи, что Дарья Ивановна получила двадцать тысячъ отъ племянника; но они ни слова объ нихъ. И Дарья Ивановна молчить.

— Чрезъ нѣсколько дней совершилась свадьба матери и дочери.

— Фирстъ Игнатьичъ, голубчикъ, сказала Дарья Ивановна: возьмите, пожалуйста, спрячьте къ себѣ, двадцать тысячъ, деньги моего племянника, Васи.

— Онъ къ вамъ, душа моя, прислалъ ихъ на сохраненіе?

— На какое сохраненіе! прочитайте письмо, Богъ знаетъ что пишетъ, да я.... Богъ съ ними!... Пріѣдетъ, пусть возьметъ назадъ.

Фирстъ Игнатьичъ прочиталъ письмо и покачалъ головою.

— Чтò жъ вы, голубчикъ, ничего не говорите? неужто я худо поступила?

— Нѣтъ, вы, душа моя, поступили какъ слѣдуетъ быть: Богъ съ ними, прїѣдетъ, пусть возьметъ назадъ.

Прошли двѣ недѣли, три недѣли, мѣсяць, годъ; а племянникъ Дарья Ивановны не является съ графомъ.

Объ немъ почти забыли и думать, а деньги лежатъ въ сохранности въ шкатулкѣ у Ѳпрета Игнатьича.

И Ѳпретъ Игнатьичъ и Дарья Ивановна посмотрятъ иногда, тутъ ли пакетъ съ надписью «двадцать тысячъ В. П. Дмитрикаго», и скажутъ: «Богъ съ нимъ, прїѣдетъ, возьметъ назадъ».

А Наташенька такъ счастлива за Андреемъ Павловичемъ, что позавидовать не грѣхъ.

Она ужъ няичитъ миленькую Леночку на рукахъ; а братца ѳя нѣтъ, какъ нѣтъ. Иногда она говоритъ Андрею Павловичу, цѣлуя его и дочь:

— Когда братецъ прїѣдетъ, я спрошу его: чтò лучше: графство и богатство, или вотъ эта радость?... Агу! Леночка! Агушенькп-агу!

— Дай-ко мнѣ ее на руки, скажетъ Андрей Павловичъ.

— Извини, не дамъ! пошелъ прочь! няичись съ своими бумагами!

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПИКИЛЬО АЛЫАГА,

ИЛИ

МАВРЫ ПРИ ФИЛИПЦЬ-ТРЕТЬЕМЪ.

=

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СКРИБА.

=

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Фернандъ поскакалъ въ Хенаресъ съ двойнымъ восхищеніемъ: во-первыхъ, оттого что могъ освободить Пикильо; во-вторыхъ, оттого что самъ освобождался отъ объясненія съ министрами. Получивъ приказаніе явиться въ Мадридъ, онъ не сомнѣвался, что происшествіе въ сантаремскомъ замкѣ навлечетъ ему непріятностей, и довѣріе короля, который удостоилъ его личнаго и почетнаго порученія, служило ему вознагражденіемъ за нагонку отъ министра.

Онъ прибылъ въ монастырь около полудня и тотчасъ же потребовалъ свиданія съ настоятелемъ.

— Отца Хероме невозможно теперь видѣть, отвѣчалъ привратникъ.

— Скажи ему или пріору, что я присланъ отъ короля.

Привратникъ минутъ черезъ пять воротился съ запискою:

« Отецъ Хероме поручаетъ мнѣ засвидѣтельствовать сеньору донъ Фернанду д'Альбайдѣ совершенное его почтеніе и извиняюсь, проситъ обождать нѣсколько минутъ: настоятель и братія заняты важнымъ церковнымъ обрядомъ.

« Пріоръ Эскобаръ ».

— Что же у васъ сегодня, праздникъ, что ли какой? спросилъ Фернадъ.

— Постриженіе, отвѣчалъ привратникъ. Пожалуйста, сеньоръ, я проведу васъ въ пріемную.

Прождавъ въ пріемной около получаса, Фернадъ потерялъ терпѣніе и вышелъ, чтобы отыскать настоятеля. Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ езуитовъ, которые длиною цѣпью по-парно возвращались изъ церкви и расходились по келліямъ. Вперед шли настоятель и пріоръ и съ ними ценопостриженный молодой монахъ, который все смотрѣлъ въ землю.

— Почтеннѣйшій отецъ настоятель, я пріѣхалъ по порученію его величества, короля, сказалъ Фернадъ, подошедъ къ Хероме.

При этихъ словахъ, при этомъ голосѣ друга, молодой монахъ быстро подвѣлъ голову.

— Пикильо! вскричалъ Фернадъ.

Монахъ бросился къ нему въ объятія и зарыдалъ. Всѣ слезы, долго замкнутыя въ сердцѣ, разомъ вырвались на свободу.

— Вы!.... вы, Фернадъ!.... о! скажите мнѣ!.... говорите мнѣ объ ней!.... о моихъ друзьяхъ!.... о Іесидѣ!

— Полно, полно, успокойтесь! говорилъ Фернадъ съ сострадательною улыбкой: вы скоро увидите всѣхъ: я отвезу васъ къ нимъ!.... Почтеннѣйшій отецъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ настоятелю: извольте прочесть это королевское повелѣніе, въ силу котораго вы имѣете немедленно освободить задержаннаго вами Пикильо Альбагу.

— Пикильо уже не существуетъ, холодно отвѣчалъ настоятель: здѣсь только братъ Лунсъ Альбага.

— Что вы хотите сказать? вскричалъ Фернадъ, отступивъ на шагъ.

— Я хочу сказать, что сегодня, въ день Святаго Людовика,

молодой братъ нашъ, Алъиага, прознесъ обътъ отреченія отъ міра.

— Чтò это значить?... Нѣтъ! тутъ чтò-нибудь, да не такъ!.... Тутъ кроется какой-нибудь обманъ. Я протестую отъ имени короля!....

— Потрудитесь обдумывать ваши слова, сеньоръ кавалеръ, спокойно возразилъ настоятель: эта заблудшая душа сама пришла къ вамъ. Пресыщенный міромъ грѣшникъ самъ на колѣняхъ умолялъ насъ примирить его съ небомъ.

— Возможно ли! вскричалъ Фернадъ, обращаясь къ Алъиагѣ.

— Да.... должно было, отвѣчалъ тотъ, потупивъ глаза: скажите мнѣ по-крайней-мѣрѣ.... это единственное мое утѣшеніе.... скажите мнѣ, что жертва моя не напрасна. Іесидъ освобожденъ?

— Іесидъ никогда не былъ задержанъ! отвѣчалъ Фернадъ съ удивленіемъ: я доведу его до дому. Онъ укрывался въ безопасномъ мѣстѣ и теперь уже получилъ совершенное прощеніе.

— Такъ Анха одна была въ опасности?... Чтò же, ее освободили изъ темницы инквизиціи?

— Помилуйте, чтò вы! Герцогиня всегда была свободна. Нынче же она опредѣлена статсъ-дамою при королевѣ.

Молодой монахъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и торопливо сталъ чего-то искать по карманамъ.

— Однако жъ.... это письмо.... письмо.... вотъ! вотъ!.... читайте! это пишетъ Деласкаръ д'Альберикъ.... мой отецъ. Онъ не обманетъ меня.

Фернанду, короткому другу и товарищу Іесиды, очень хорошо извѣстенъ былъ почеркъ Деласкара.

— Это не д'Альберикъ писалъ! сказалъ онъ, взглянувъ на письмо.

— Не д'Альберикъ! повторилъ Пикильо и поблѣднѣлъ какъ мертвецъ.

— Мнѣ кажется, продолжалъ Фернадъ, я сейчасъ видѣлъ такой почеркъ.

Онъ вынулъ изъ кармана записку Эскобара и сравнилъ. Ошибиться было невозможно.

— Это писалъ пріоръ Эскобаръ! сказалъ онъ.

Пикильо страшно вскрикнулъ и упалъ за-мертво. Фернадъ бросился поднимать его. Эскобаръ тоже хотѣлъ помочь.

— Оставьте! оставьте! вскричалъ Фернадъ, отталкивая его: это вы убили, убили несчастнаго! Я говорилъ, что тутъ есть

обманъ, предательство, за которое вы будете отвѣчать передъ Богомъ и передъ людьми. Но Пикильо свободенъ. Я беру его по повелѣнію короля.

— Онъ не выйдетъ отсюда, сказалъ Хероме, ставъ между Фернандомъ и Пикильо. Король имѣлъ право надъ Пикильо, но не имѣеть никакихъ правъ надъ Луисомъ Аллыагой, монахомъ ордена езуитовъ и моимъ подчиненнымъ..... Отнесите его въ келлію, прибавилъ онъ, обращаясь къ другимъ монахамъ и указывая на безчувственнаго.

— Я не позволю, я не потерплю этого! кричалъ Фернандъ.

— Насиліе тутъ будетъ бесполезно, сеньоръ кавалеръ, спокойно замѣтилъ настоятель: вы только повредите себѣ.

Фернандъ очень хорошо понималъ, что монахъ говорилъ правду; однако жъ вскричалъ:

— Я протестую противъ лукавства и предательства, которыхъ онъ сдѣлался жертвою! Я протестую противъ обѣта, который не можетъ имѣть силы!

— Позвольте вамъ замѣтить, что обѣтъ произнесень и постриженіе совершенно въ законномъ порядкѣ, возразилъ Эскобаръ.

— Неправда! всѣ права и законы нарушены! Вы держали молодаго человѣка какъ колодника.

— Нѣтъ, какъ послушника.

— Онъ и послушничьяго сроку не выждалъ!

— Выждалъ. Онъ былъ у насъ полтора мѣсяца.

— Полтора мѣсяца! А нуженъ годъ.

— Годъ, по большей мѣрѣ, или три мѣсяца, по меньшей мѣрѣ. Такъ буквально сказано въ регламентѣ.

— Ну, что жъ! вскричалъ Фернандъ съ бѣшенствомъ: вѣдь сами же вы сознаетесь, что онъ провелъ у васъ всего полтора мѣсяца!

— Да два мѣсяца въ монастырѣ Айгадорскомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ архіепископъ Рибейра. Итого—три мѣсяца послушничества. Слѣдовательно, двумя недѣлями больше нежели на крайній случай нужно.

Фернандъ, видѣ себя, бросился, чтобы задушить монаха.

— Извольте, извольте, братъ мой! сказалъ Эскобаръ съ смиреніемъ: я вижу, вамъ легче будетъ задушить меня нежели отвѣчать.

Фернандъ, задыхаясь отъ ярости, выбѣжалъ изъ монастыря, вскочилъ на лошадь и во весь опоръ помчался въ Мадридъ.

Долго Алъига оставался въ безпамятствѣ. Когда же пришелъ въ себя, увидѣлъ стѣны своей келліи, напой съ распятіемъ и, прямо передъ собою, отца Хероме.

Несчастнѣйшій съ ужасомъ вскрикнулъ:

— Фернандъ! Фернандъ!... гдѣ вы? Не покидайте, спасите меня!

— Его нѣтъ здѣсь, отвѣчалъ езуитъ.

— Не можетъ быть!... Неужели онъ оставилъ меня посреди враговъ моихъ!

— Не враговъ, а братьевъ, смиренно отвѣчалъ Хероме.

— Вы мой братья? вы?... которыхъ я ненавижу и презираю!.. вы.... болѣе низкіе и жестокіе чѣмъ самъ Рибейра.... Онъ по крайней мѣрѣ употреблялъ только насиліе, а вы употребили подлое предательство! Съ насиліемъ его палачей я еще могъ бороться. Но какъ защититься противъ низкаго обмана?

— Сынъ мой, усюкойся и выслушай меня....

— Не хочу! не хочу я слушать предателей!

— Мы обязаны были приобщить тебя къ святой истинѣ....

— И начали со лжи!

— Цѣль оправдываетъ средства. Наша цѣль благая: мы ведемъ тебя въ царство небесное....

— По дорогѣ черезъ адъ!

— Края чаши горьки, но она заключаетъ въ себѣ усладительное питье.... Ты скоро будешь радъ, что сталъ нашимъ....

— Никогда! никогда я не буду вашимъ!

— Проживешь нѣсколько времени съ нами, увидишь....

— Никогда, говорятъ вамъ! Я не останусь здѣсь! Я свободенъ... я хочу быть свободенъ!

— Сынъ мой, ты далъ обѣтъ Богу....

— Да, я Богу далъ обѣтъ и Богъ знаетъ, что обѣтъ мой ничего не значить, потому что онъ вынужденъ неправдою. Не говорите мнѣ о Богѣ! вы оскорбляете Его, вы оскорбляете Его имя вашимъ лживымъ языкомъ!

— Сынъ мой, спокойно продолжалъ езуитъ: позволъ же замѣтить тебѣ, что есть законы Божескіе на небесахъ, но есть и законы монастырскіе на землѣ. Чтѣ по-ближе, то впередъ и исполняется. Поэтому ты прежде всего будешь принужденъ по-

кориться законамъ монастырскимъ, какъ самымъ непосредственнымъ. Законъ монастырскій говоритъ, во-первыхъ, что ни одинъ монахъ не смѣетъ выходить за ограду монастыря безъ позволенія настоятеля; слѣдовательно....

— Если меня стануть держать силою, и я употреблю силу, чтобы вырваться изъ вашихъ рукъ! вскричалъ Пикильо: и я всюду буду разглашать, какими способами вы населяете ваши монастыри.... Я скажу Рибейръ, какъ вы склоняете невѣрующихся....

— А мнѣ, сынъ мой, остается еще замѣтить тебѣ только одно. Мы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень уважаемъ архіепископа Рибейру и сознаемъ, что средства, которыя онъ употребляетъ къ обращенію закореѣныхъ еретиковъ, имѣютъ свою благую и полезную сторону. Мы такъ уважаемъ эти средства, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами употребляемъ ихъ.

— Чтѣ вы хотите сказать? вскричалъ Пикильо.

— Мы даже нѣсколько усовершенствовали ихъ, продолжалъ езуитъ: у насъ здѣсь есть нѣсколько образцовыхъ *мѣшковъ*, въ которые мы прячемъ ожесточенныхъ еретиковъ, остающихся глухими ко всѣмъ увѣщаніямъ, и въ-особенности тѣхъ, которые по злобѣ и ненависти готовы очернить и оклеветать нашъ орденъ.

— Оклеветать! вскричалъ Пикильо въ бѣшенствѣ: оклеветать! Развѣ это возможно? Развѣ ваше коварство и низость не превосходятъ все, чтѣ только возможно изобрѣсти? И вы могли надѣяться, что я останусь между вами; что я назову васъ братьями!... Выслушайте меня: я не похожъ на васъ: я никого не могу обмануть, ни даже врага. Къ вамъ, и къ Эскобару, и ко всему вашему ордену я клянусь питать вѣчную, непримиримую ненависть!... Эту клятву я даю совершенно по собственному побужденію. И я сдержу ее. Теперь вы знаете меня. Теперь зовите вашихъ палачей и тюремныхъ сторожей. Прикажите открыть ваши мѣшки....

— Хорошо, хорошо; по-позже, можетъ-быть, спокойно возразилъ Хероме: но теперь ты нездоровъ, у тебя горячка, сынъ мой. Мы подождемъ, когда ты выздоровѣешь. А чтобы это не замедлилось, я тотчасъ же пришлю тебѣ врача.

Настоятель вышелъ и черезъ полчаса потомъ явился монахъ, который у езуитовъ исполнялъ должности врача и аптекаря.

Онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ Пикильо въ жестокой горячкѣ,

которая продолжалась нѣсколько дней. Во все это время езуиты стерегли больного неотлучно. Потомъ когда опасность миновала, его стали навѣщать рѣже и рѣже, и, наконецъ, оставляли выздоравливающаго по цѣлымъ днямъ одного.

Однажды, вечеромъ, раздумывая о своемъ положеніи и перебирая въ памяти всѣ коварства и хитрости, которыхъ сдѣлался жертвою, онъ отъ скорби и негодованія пришелъ въ такое волненіе, что горячка воротилась.

— Нѣтъ! повторялъ онъ: нѣтъ!... Я накажу злодѣевъ, которыхъ люди оставляютъ не наказанными!... Да, да! продолжалъ онъ восторженно: Я исполню долгъ... Начну съ Эскобара... потомъ настоятеля....

Онъ всталъ и совершенно одѣлся.

— Они нарядили меня въ эту езуитскую одежду, говорилъ онъ: хорошо. За дѣло! Пора!...

Одѣтый въ долгополый черный кафтанъ съ нахлобученнымъ капюшономъ, Пикильо вошелъ въ келлію Эскобара.

Пріора не было, къ счастью для него, потому что Пикильо, въ припадкѣ ярости, безъ-сомнѣнія, задушилъ бы его.

— А! нѣтъ!... ушелъ?... укрывается?... говорилъ Пикильо въ бреду: но я найду, найду!... А между-тѣмъ есть еще другіе, которыхъ ждетъ кара!... Идемъ къ другимъ.... идемъ къ отцу Хероме!...

Онъ твердыми шагами спустился съ лѣстницы и перешелъ черезъ дворъ. Было уже темно. Звонили ко всеобщей. Но вмѣсто того чтобы слѣдовать за другими монахами въ церковь, Пикильо пошелъ прямо въ келлію настоятеля. Оттуда выходилъ монахъ съ порожнею корзиной. То былъ Паоло, прислужникъ и повѣренный настоятеля. Онъ хотѣлъ запереть дверь на ключъ и съ удивленіемъ остановился передъ таинственнымъ посѣтителемъ, хотѣлъ спросить его, но Пикильо схватилъ его за руку и глухимъ голосомъ сказалъ:

— Молчать!

— А! вы одинъ изъ тѣхъ, которыхъ отецъ-настоятель ожидаетъ къ себѣ сегодня?

— Да... одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Богъ посылаетъ. Отопри!

Прислужникъ отперъ. Пикильо вошелъ въ келлію и очутился одинъ въ темнотѣ.

— И его тоже нѣтъ! сказалъ Пикильо: да, да!... Я слышалъ, звонили ко всеобщей.... Онъ тамъ.... Онъ прійдетъ.... Я подожду

его. Онъ не уйдетъ отъ моего мщенія... Я жду его!... Я жду его!

Онъ сѣлъ на первое попавшееся кресло и, озираясь въ темной кельи, примѣтилъ на полу слабый свѣтъ, который выходилъ черезъ какую-то щель.

— А! вскричалъ молодой монахъ: у нихъ свѣтъ приходитъ не сверху, а снизу!

И онъ подошелъ къ свѣтлой щели, гдѣ предполагалъ найти дверь. То была большая картина, которая отодвигалась и маскировала входъ въ другой покой. Обыкновенно эта картина придвигалась такъ плотно, что никто не могъ подозрѣвать за нею ничего кромѣ стѣны, но на этотъ разъ Паоло, вѣроятно, считалъ слишкомъ большія предосторожности излишними. Пиккильо едва взялся за край рамы, таинственная дверь сама отворилась и его внезапно поразили яркій свѣтъ отъ множества свѣтъ.

То была небольшая, но довольно роскошно убранная комната, вовсе не похожая на келью монаха. По серединѣ стоялъ накрытый столъ съ четырьмя приборами, уставленный отборными, ни мало не дешевыми яствами и дорогими винами. Мягкія, шелковые кресла, казалось, приглашали садиться. По-далѣе, у задней стѣны, стоялъ такой же мягкій диванъ съ пуховыми подушками. По сторонамъ дивана два узкихъ прохода были завѣшены зелеными тафтяными драпировками.

Пиккильо съ изумленіемъ обозрѣвалъ все это и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Оттого ли, что внезапный переходъ изъ мрака въ яркій свѣтъ произвелъ противодѣйствующее потрясеніе, или припадокъ горячки просто миновалъ, но Пиккильо мало-по-малу пришелъ въ себя, отеръ лобъ, снова осмотрѣлся вокругъ и старался припомнить, зачѣмъ пришелъ. Да! онъ пришелъ отомстить за предательство; онъ хотѣлъ совершить убійство; хотѣлъ наказать преступленіе другимъ, еще большимъ преступленіемъ. Но, слава Богу, заблужденіе миновало, горячка прошла. Пиккильо чувствовалъ только изнеможеніе и слабость во всѣхъ членахъ. Онъ хотѣлъ поспѣшно воротиться въ свою келью, но тутъ послышались шаги.... Не разсуждая, чтѣ дѣлаетъ, Пиккильо бросился на-удачу за одну изъ тафтяныхъ драпировокъ. То была небольшая темная комната, которая служила настоятелю гардеробною и была увѣшана платьями, на которыя отецъ Хероме всегда былъ очень разборчивъ. Онъ щеголялъ всѣмъ, чѣмъ только возможно было щеголять въ его званіи. Въ гардеробной Пиккильо очень кстати наткнулся на кресла: ноги у него подкашивались.

Черезъ минуту въ освѣщенную комнату вошли двое. По голосу Пикильо узналъ Эскобара. Другой голосъ, къ великому удивленію молодаго человѣка, былъ женскій и тоже знакомый, — голосъ графини д'Альтамира. Полагая, что могъ ошибиться, Пикильо осторожно отодвинулъ край драпировки и глазами убѣдился, что то дѣйствительно была графиня.

— Мы первые пришли! говорила она: а гдѣ же отецъ-настоятель? Ему бы, кажется, слѣдовало подавать примѣръ исправности... по-крайней-мѣрѣ въ своемъ монастырѣ!

— Чтò жъ дѣлать, графиня! отвѣчалъ Эскобаръ: иногда и самыя примѣрные попадаютъ въ неисправности.

— Но, право, отцы мои, продолжала графиня, осматривая столъ: вы слишкомъ издерживаетесь на меня! Я пріѣхала поговорить о дѣлѣ, а вы для меня устраиваете праздникъ!

— Мы полагали, что графиня пріѣдетъ изъ Мадрита, утомится дорогой и легкая закуска будетъ не лишнею.

— Легкая закуска, конечно... но вѣдь это совершенный и роскошный ужинъ... И какъ все здѣсь изящно! Точно будоаръ!

— Однако жъ далеко до будоара графини д'Альтамира.

— Можетъ-быть. Но всё-таки... это мѣсто довольно... довольно соблазнительное... особенно одинъ на одинъ. Какъ вы думаете?... А мы вѣдь съ вами почти одинъ на одинъ!

— Какъ почти? возразилъ Эскобаръ съ удивленіемъ: мнѣ кажется, что насъ здѣсь дѣйствительно только двое.

— А ваша добродѣтель въ-третьихъ! весело вскричала графиня: ваша добродѣтель, которой вы не считаете, отецъ мой, и которая, однако жъ, должна входить въ расчетъ.

— Конечно... конечно, отвѣчалъ съ замѣшательствомъ Эскобаръ.

— Надобно признаться, продолжала графиня: это большое счастье, что вы отказались отъ міра: вы въ немъ были бы слишкомъ страшны для многихъ... вы, который въ такомъ совершенствѣ обладаете даромъ убѣдительнаго краснорѣчія!

— Опасность была бы не такъ велика, какъ вы представляете. Моя наружность, слава Богу, уничтожила бы дѣйствіе моего краснорѣчія.

— Это не всегда вѣрно, возразила графиня съ кокетствомъ: бываютъ люди, которые не смотрятъ, когда слушаютъ.

— Я самъ одинъ изъ такихъ, графиня, и это теперь, быть-можетъ, мое счастье.

— Да, да! я очень вѣрю, что вы никогда не обращали своихъ глазъ ни на что другое кромѣ вашихъ книгъ.... Интересно было бы заставить васъ позабыть ихъ.

— Это трудно, графиня: онъ всегда передо мною и я поклялся никогда не закрывать ихъ.

— Однако жъ, если бы я, напримѣръ, попросила васъ закрыть?... Неужели вы отказали бы мнѣ?

— Нѣтъ, графиня.

— Какъ же бы вы согласили это съ вашею клятвой не закрывать?

— Ничего, я положилъ бы заложку, отвѣчалъ монахъ съ улыбкою.

— А! вскричала графиня со смѣхомъ: вотъ прекрасное средство! Это только вы, почтеннѣйшій отецъ Эскобаръ, умѣете такъ хорошо соглашать противорѣчія!

Тутъ вошелъ настоятель.

— А гдѣ же, я не вижу герцога Уседы? спросилъ онъ озираясь.

— Герцогъ не могъ пріѣхать, отвѣчала графиня: онъ остался при дворѣ по причинамъ, которыя я вамъ сейчасъ объясню.

— А какъ же Паоло сказалъ мнѣ, что одинъ уже пришелъ?

— Это я пришелъ прежде всѣхъ, отвѣчалъ Эскобаръ.

— Ну, такъ прошу садиться.... Графиня, не угодно ли?

— Но совершенно ли мы безопасны? спросила съ усмѣшкою графиня.

— Совершенно, отвѣчалъ настоятель: всѣ огни въ монастырѣ потушены; всѣ двери заперты; вся братія спитъ.

— Мы спокойно можемъ поговорить о дѣлѣ, прибавилъ Эскобаръ.

— Поговоримъ. Дѣло очень важное.

Альиага напрягъ все свое вниманіе. Это было удобно, потому что онъ слышалъ каждое слово, даже шепотомъ сказанное. Отведя немножко драпировку, онъ могъ даже видѣть собесѣдниковъ и наблюдать за игрою ихъ физиономій.

— Важность въ томъ, продолжалъ настоятель, чтобы обезпечить прежде всего....

— Низверженіе Лермы! вскричала графиня.

— Нѣтъ, существованіе и вліяніе нашего ордена, возразилъ Хероме.

— Я примѣчаю, сказала графиня, что, когда рѣчь идетъ о моихъ дѣлахъ, вы всегда начинаете съ вашихъ.

— Чтобы вѣрнѣе достигнуть вашей цѣли, возразилъ езуитъ: наши пользы тѣсно связаны и нашъ обходъ вѣрнѣе подвигаетъ насъ впередъ.

— Прямой путь рѣдко бываетъ самый кратчайшій, замѣтилъ Эскобаръ: это предразсудокъ, отъ котораго уже начинаютъ отъказываться.

— И такъ, продолжалъ настоятель, дѣло идетъ о томъ, какъ нашему ордену утвердиться въ Испаніи совершенно, открыто и явно.

— Въ-тихомолку уже дозволяется, замѣтилъ Эскобаръ: но открыто и явно едва-ли будетъ можно.

— Однако жъ, я надѣюсь, что будетъ можно! вскричалъ Хероме.

— А я не надѣюсь, продолжалъ Эскобаръ: Испанія страна вовсе не по насъ и мы пришли не по Испаніи. Инквизиція гораздо болѣе по нутру мрачнымъ и важнымъ Испанцамъ, которые любятъ вѣрить, но не разсуждать. Инквизиція, со своими безусловными формами, не допускающая ни какого сомнѣнія, внушаетъ имъ и страхъ и любопытство. Этого имъ и нужно. Они бѣгутъ на ея всесоженія и процессіи такъ же, какъ и на бой быковъ. Насъ, управляющихъ не силою, а ловкостью, они не понимаютъ. Намъ нуженъ народъ разсуждающій, остроумный, или по-крайней-мѣрѣ такой, который считаетъ себя остроумнымъ. Франція намъ болѣе прилична. Тамъ нѣтъ ни костровъ, ни пытокъ, ни тайнаго судилища. На насъ нападаютъ замысловатыми насмѣшками, острыми эпиграммами; но мы себѣ можемъ продолжать свое и, между-тѣмъ какъ они забавляются своимъ умомъ, мы можемъ пользоваться своимъ.

— Да, правда, отвѣчалъ Хероме, истинное наше отечество, истинная наша столица всегда была по ту сторону Пиренеевъ. Но это не мѣшаетъ намъ трудиться надъ распространеніемъ нашихъ завоеваній и увеличеніемъ средствъ. Франція намъ поможетъ: она и теперь помогаетъ. Я вчера получилъ тайныя письма отъ самаго могущественнаго и самаго искуснаго изъ нашихъ братьевъ.... Чтобы пріобрѣсть уваженіе и благосклонность такого короля, каковъ Генрихъ-Четвертый, конечно, нужна большая ловкость.

— Да, нужно и по-больше этого: нужны дѣйствительныя добродѣтели и истинный талантъ. Генриха-Четвертаго не проведешь наружностью: если онъ удостоилъ отца Коттона своей довѣренности, то значитъ отецъ Коттонъ того заслуживаетъ.

— Да, отецъ Коттона совершенно преданъ Генриху и служить ему усердно.

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричала графиня.

— Да. У Генриха были измѣнники даже въ самомъ совѣтѣ. Вильроа черезъ Николая д'Ота находился въ постоянныхъ тайныхъ сношеніяхъ съ Лермою. Отецъ Коттонъ все открылъ королю. Французская королева Марія Медичи, и ея повѣренныя Элеонора Галиган и Кончина, также вели тайную переписку въ Испаніей. Мало этого! Даже сама любовница короля, маркиза де-Вернѣль, была подкуплена испанскимъ посланникомъ, Балтасаромъ де-Сунигой, креатурою Лермы. Все открылъ отецъ Коттонъ!

— И Генрихъ не остался въ долгу, замѣтилъ Эскобаръ: руанскій эдиктъ воротилъ нашихъ братьевъ изъ изгнанія.

— Наконецъ, продолжалъ настоятель, въ прошедшемъ году я самъ, черезъ одну изъ моихъ духовныхъ дочерей, довольно искусно провѣдалъ объ интригѣ, которая клонилась ни больше ни меньше какъ къ тому, чтобы выдать Испанцамъ Марсель. Начальникъ города, Луизъ де-Мерегъ, договаривался объ этомъ съ Лермою, черезъ посольскаго секретаря. Я увѣдомилъ объ этомъ отца Коттона, который увѣдомилъ короля. Генрихъ не то, что нашъ! Генрихъ дѣйствуетъ самъ и самъ понимаетъ дѣло. Удовольствившись въ заговорѣ, онъ тотчасъ приказалъ отрубить графу де-Мерегу голову и Лерма остался съ носомъ. Но всѣ эти темныя интриги доказывали Генриху нечистыя намѣренія Испанія или, лучше сказать, Лермы и Сандовала, и онъ рѣшился однимъ ударомъ уничтожить и испанскаго министра и Испанію.

— А! вотъ, наконецъ, дѣло доходитъ и до нашихъ интересовъ! вскричала графиня.

— Я вамъ говорилъ, что дойдемъ.

— И это серьезно правда?

— Очень серьезно, отвѣчалъ настоятель, подавая графинѣ кусокъ курючатки, между-тѣмъ какъ Эскобаръ наливалъ вина.

— Король Генрихъ ничего не предпринимаетъ слегка и шабумъ, продолжалъ Хероме: онъ задолго напередъ готовится свои дѣла и никогда не полагается на случай. Судя по извѣстіямъ, какія я получилъ отъ аббата Коттона, планъ Генриха удивителенъ, обширенъ и непогрѣшимъ. Если бы теперь Лерма и узналъ объ немъ, такъ не могъ бы ничего сдѣлать: ужъ поздно....

— Что же это такое? спросилъ Эскобаръ.

— А вотъ, что прежде Филиппъ-Второй ходилъ крестовымъ походомъ на протестантовъ; теперь Генрихъ Французскій воздвигнетъ всѣхъ протестантовъ на Испанію. Голландія, Швеція, всѣ лютеранскіе князья Германіи, Венеція, Швейцарія и Савоя становятся подъ его знамена.

— Да, это страшная война! вскричала графиня.

— Помилюте! возразилъ Эскобаръ: да это революція, которая совершенно преобразуетъ лицо Европы! Какъ тутъ устоять герцогу Лермъ!

— Особенно, когда кромѣ парадныхъ куколъ нѣтъ ни одного порядочнаго солдата подъ ружьемъ, прибавилъ Хероме: и когда въ казначействѣ не обрѣтается ни одного мараведиса наличныхъ. И дайте только французскому королю выступить въ походъ, тогда герцогъ Лерма, который ничего не могъ предвидѣть и ничего не умѣетъ предупредить, ни защитить короля, ни охранить вѣрернаго ему государства.... Герцогъ Лерма уже не можетъ остаться министромъ и удержать въ рукахъ бразды правленія. Онъ падетъ невозвратно и съ нимъ падетъ его братъ Сандоваль.

— А съ Сандовалемъ и вліяніе инквизиціи, прибавилъ Эскобаръ.

— Мѣсто ея заступитъ нашъ орденъ.

— И мѣсто фра-Гаспара Кордовы займетъ у короля аббать Хероме, который въ Испаніи будетъ столько же могущественъ и еще могущественнѣе нежели аббать Коттонъ во Франціи, сказалъ Эскобаръ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ съ улыбкою настоятель.

— И въ одинъ прекрасный день, продолжалъ Эскобаръ, нашъ отецъ Хероме отдастъ намъ поклонъ кардинальскою шляпой.

— Если только отдастъ поклонъ, когда будетъ носить такую шляпу! замѣтила графиня. Однако жъ всѣмъ этимъ мечтамъ мѣшаетъ одно маленькое обстоятельство.

— Какое?

— Онъ несбыточны.

— Какъ такъ?... сдѣлайте одолженіе! вскричалъ настоятель, оставивъ рюмку съ хересомъ, которую подносилъ ко рту.

— Вы работаете для другихъ, продолжала графиня: если герцогъ Лерма и падетъ, не вы наследуете ему во власти и вліяніи....

— А кто же?

— Сейчасъ я вамъ скажу: король влюбленъ.

— Это мы знаемъ.

— Да, но онъ влюбленъ не въ ту, на которую мы рассчитывали, не въ Карменъ, а въ другую.

— Да, это жаль.... Герцогъ Уседа намъ рассказывалъ.

Пикильо удвоилъ вниманіе.

— Король, продолжала графиня: король, который никого и ничего въ мірѣ не любилъ и котораго я считала даже неспособнымъ любить, вдругъ запыхалъ самую пламенную, самую неизменною страстью къ этой Анхѣ....

Пикильо затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

— Да, да, мы слышали, сказали езуиты.

— А слышали ли вы, что она уже при дворѣ, что она статсъ-дама?

— И это знаемъ. Но скажите, что же королева?

— Королева?... Королева, кажется, умѣе насъ всѣхъ вмѣстѣ. Она не показала министру ни какого гнѣва и супругу не сдѣлала ни какой сцены. Напротивъ, она гораздо хитрѣе разрушила ихъ планы, и предупредила ихъ: она первая сдѣлала Анху своею любимицей, своей подругой, своимъ другомъ; она оказываетъ ей столько довѣрія и привязанности, что та подъ опасеніемъ самой черной неблагодарности уже не можетъ измѣнить ей,

— Что же король?

— Король ничего. Онъ въ восхищеніи, что каждый день можетъ видѣть свою возлюбленную, каждый день можетъ говорить съ нею. Больше онъ и не требуетъ. Оттого-то и нѣтъ надежды, чтобы любовь его скоро прошла. А между тѣмъ Анха, любимая королевой, обожаемая королемъ, такъ могущественна, что и сама того не подозрѣваетъ. Она покуда еще не думаетъ пользоваться своею силой. Но ей стѣнитъ только захотѣть и все передъ нею преклонится. Самъ герцогъ Лерма переломится какъ сухая тростянка. Теперь уже не его нужно бояться, а герцогини Анхи Сантаремъ. Когда же Лерма будетъ свергнутъ, то довѣренными и сильными будутъ тѣ, на кого она взглянетъ милостиво.

— Но въ такомъ случаѣ еще ничего не потеряно, замѣтилъ Хероме: герцогиня Сантаремъ до-сихъ-поръ, кажется, заслуживаетъ всякаго уваженія....

— Можно узнать, кто управляетъ ея совѣстью, прибавилъ Эскобаръ: можетъ-быть, этимъ путемъ....

— Да, конечно! возразила графиня, угадавъ мысли почтеннѣйшихъ отцовъ, которые уже готовы были покинуть ее,

чтобы обратиться къ другому свѣтилу : конечно , это не трудно!...

— Такъ что жь! Если легко овладѣть ею....

— Оно легко для всѣхъ, кромѣ меня и васъ, отцы мои.

— Какъ такъ! вскричали езуиты съ удивленіемъ.

— Миѣ не легко , потому что я ея смертельный и объявленный врагъ; потому что между нами происходили вещи, которыя не забываются.

— Можетъ-быть, что вамъ невозможно, графиня, сказалъ Эскобаръ: по мы....

— А вамъ и подавно! Вы и почтеннѣйшій отецъ Хероме оскорбили ее въ томъ, кто ей дороже всего.

— Полноте!

— Увѣряю васъ. И не ждите отъ нея ни пощады, ни помилованія.

— Что это значить? Объяснитесь, пожалуйста! сказалъ Эскобаръ , устремивъ на графиню взглядъ , который искалъ правды не въ словахъ, а въ глазахъ и проникалъ въ глубину души.

— Извольте , отцы мои. Вы знаете одного молодого монаха, котораго прежде звали Пикильо Алльягой?

— А вынче Лунсомъ Алльягой, въ память Святаго Людовика, его патрона, подъ заступничествомъ котораго онъ произнесъ священный обѣтъ, сказалъ настоятель.

— Это послѣдній братъ , котораго мы приняли , прибавилъ Эскобаръ.

— Приняли!... Кажется, вы немножко понудили его, отцы мои, возразила графиня.

— Да будетъ воля Божья, какъ бы она ни совершилась, отвѣчалъ езуитъ.

— Такъ слушайте же. Мой племянникъ, донъ-Фернандъ д'Альбайда... прекрасный молодой человѣкъ....

— Мы знаемъ его, перебилъ настоятель, начиная съ безпокойствомъ поглядывать на своего пріора: онъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный молодой человѣкъ, только немножко горячъ и слишкомъ откровененъ....

— Вамъ онъ такого упрека не дѣлаетъ , почтеннѣйшій отецъ. Нѣсколько дней тому назадъ, онъ пришелъ ко миѣ взбѣшенный, въ ярости, виѣ себя, и рассказалъ моей племянницѣ Карменъ и ея подругѣ Аихъ, что посредствомъ низкой, подлой измѣны... посредствомъ перехваченнаго или подмѣненнаго письма....

— Далѣе, далѣе! перебилъ Эскобаръ : этотъ анекдотъ мы знаемъ.

— Говорите же, какое отношеніе между этимъ Пиккльо и королевскою любимицей?

— А вотъ какое : это ея братъ.

— Братъ! вскричали езуиты въ одинъ голосъ : не можетъ-быть!

— Братъ, за котораго она поклялась отомстить, прибавила графиня, съ злобною радостью слѣдя за выраженіемъ страха на лицахъ езуитовъ.

Съ пол-минуты длилось молчаніе.

— Чтò же вы думаете, отцы мои, продолжала графиня: можно овладѣть Анхой?

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Эскобаръ.

— Это какимъ образомъ.

— Черезъ того же Лунса Аллыагу. Это былъ бы не первый и не послѣдній подобный случай.

— Нѣтъ, братъ мой, не надѣйтесь, возразилъ настоятель: вы знаете, какъ упрямъ этотъ крещеный Мавръ; вы знаете, какъ онъ клялся вѣчно питать вражду къ намъ съ вами.

— Э! это ничего. Я его урезонию. Если мало-по-малу вытащить его въ люди, да указать дорогу честолюбію впереди... много можно сдѣлать съ человѣкомъ. Но для этого нужно бы, чтобъ Аллыага теперь уже дѣйствительно принадлежалъ намъ.

— Какъ! развѣ онъ не вступилъ въ вашъ орденъ?

— Тò-то нѣтъ еще! съ досадою отвѣчалъ Эскобаръ: въ силу послѣдней буллы папы Павла-Пятаго трехъ мѣсяцевъ послушничества достаточно для постриженія въ монахи. Но можно быть монахомъ и не быть езуитомъ; можно быть езуитомъ и не быть монахомъ. Это одно до другаго не касается. А чтобъ быть езуитомъ,—необходимо выдержать два года послушничества. Такъ гласитъ уставъ нашего ордена. Слѣдовательно, Лунсъ Аллыага еще не нашъ.

— И никогда нашимъ не будетъ, прибавилъ настоятель: добровольно онъ никогда не согласится... Развѣ, можетъ-быть, строгость... оковы.... темница....

— А сестра его! возразила графиня: если вы засадите въ темницу ея брата, она уничтожитъ вашъ орденъ въ Испаніи.

— Правда, сказалъ Эскобаръ.

— И въ этомъ ей еще помогутъ и Лерма, и Сандоваль, и Рибейра! продолжала графиня.

— Правда, сказалъ Хероме, и съ смущеніемъ посмотрѣлъ на Эскобара.

— Совершенная правда, подтвердилъ пріоръ.

— Нѣтъ средствъ обезоружить такую непріятельницу, продолжала графиня.

— Нѣтъ средствъ склонить ее на свою сторону, прибавилъ Эскобаръ.

— Такъ остается одно: уничтожить ее, помолчавъ сказалъ Хероме.

— Да! это единственное средство! подхватила графиня: и я готова помогать вамъ всѣмъ, чѣмъ могу. Я на все готова.

— На все ли, графиня?

— На все! вскричала она, и глаза ея засверкали зловѣщимъ огнемъ ненависти и мстительности.

— А когда настанетъ минута, вы не испугаетесь, не затрепещете?

— Мнѣ испугаться средства погубить смертельнаго врага?... О! вы, стало-быть, не знаете меня!

И сердце графини видимо билось отъ ярости, глаза метали молніи.

— Какъ она хороша! сказалъ Хероме, трогая Эскобара рукой и не спуская глазъ съ графини.

— Да, хороша!.... Но вы хотѣли сказать, отецъ - настоятель?...

— Я говорю, продолжалъ Хероме, что есть только одно средство избавиться отъ такого врага.... Правду сказать, это средство....

— Какое же оно? говорите! съ нетерпѣніемъ спросила графиня.

— Оно немножко опасно. Впрочемъ, есть много примѣровъ въ исторіи, гдѣ говорится многихъ о женщинахъ-геронняхъ, совершившихъ подвиги храбрости для уничтоженія враговъ.

— Напримѣръ? спросила графиня.

— Напримѣръ, Юдифъ, сказалъ Эскобаръ.

Графиня посмотрѣла сперва на пріора, потомъ на настоятеля, какъ-будто хотѣла измѣрить всю глубину ихъ мысли. Езульты потушили глаза и опять съ пол-минуты царствовало молчаніе.

— Юднѣ! повторила графиня.

— Примѣръ дурно выбранъ, отвѣчалъ Хероме: меча и крови не нужно. Я только хотѣлъ сказать....

— Понимаю! понимаю! вскричала графиня: но.... вы думаете, это позволительно?

— Разберите! разсудите! вскричалъ Эскобаръ: нѣтъ правила безъ исключенія. Уничтожить врага по злобѣ, по ненависти и единственно для того, чтобы повредить ему.... Это, конечно, непозволительно. Но когда это дѣлается для того, чтобы отразить его нападеніе, лишить его возможности вредить намъ, когда мы ограждаемъ себя, то это законная оборона. Я написалъ цѣлую книгу объ этомъ предметѣ. Я дамъ вамъ прочесть эту книгу, графиня.

— Покорно васъ благодарю. Но отецъ-настоятель раздѣляетъ ли ваше мнѣніе?

Настоятель въ знакъ согласія поклонился.

— Такъ вы совѣтуете, отецъ мой?... вы сдѣлали бы сами.... вы раздѣлите всѣ случайности?

— Непремѣнно! отвѣчалъ Хероме съ жаромъ.

— А я сдѣлаю еще больше, прибавилъ Эскобаръ: я напередъ даю вамъ обоемъ отпущеніе и беру весь грѣхъ на свою душу.

— Вы такъ увѣрены, что Богъ проститъ?

— Безъ-сомнѣнія. Притомъ, Богъ всемогущъ: Онъ или охранитъ или не охранитъ нашего врага. Если Ему не угодно, чтобы врагъ этотъ погибъ, вы ничего не можете сдѣлать; если же Онъ такъ судилъ, то случай представится вамъ самъ собою.

— Конечно, правда.... Но какимъ же способомъ?...

— А вотъ погодите, перебилъ настоятель: братъ-пріоръ, сходите, пожалуйста.... вотъ вамъ ключъ.... въ моемъ дорожномъ ящикѣ есть флакончикъ съ розовыми каплями.... вы знаете.... принесите, потрудитесь.

Эскобаръ взялъ ключъ и свѣчу и пошелъ къ той драпировкѣ, за которою сидѣлъ Пикильо.

Пикильо затрепеталъ. Холодный потъ проступилъ у него на всемъ тѣлѣ.

— Не здѣсь! не здѣсь! вскричалъ Хероме: куда вы?... въ другомъ кабинетѣ!

— Ахъ! правда.... Я и забылъ! отвѣчалъ Эскобаръ и пошелъ къ другой драпировкѣ.

Черезъ двѣ минуты онъ воротился съ красивымъ флакончикомъ, въ которомъ заключалась розовая жидкость.

— Вотъ, сказалъ настоятель, принимая флаконъ: посмотрите, графиня, и выслушайте. Нѣсколько капель этой жидкости нужно налить въ воду или въ другое какое-нибудь питье.... По вкусу нельзя примѣтить: вкусу нѣтъ никакого. Этого мало: вдругъ, сначала, эти капли не произведутъ никакого дѣйствія.... Нелѣзя, мѣсяцы пройдутъ и ничего не будетъ примѣтно. Но мало-помалу, день за днемъ, послѣдуетъ тайное, глухое разложенеіе организма и черезъ три или четыре мѣсяца, смотря по приему, а едва примѣтною, но свѣдающею болѣзною послѣдуетъ вѣрнѣя смерть.... и самый подозрительный глазъ не откроетъ никакихъ слѣдовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала графиня, взявъ и съ любопытствомъ разсматривая флаконъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія. За это я вамъ ручаюсь. Впрочемъ, если хотите примѣровъ, извольте. Филиппу-Второму извѣстно было свойство этой жидкости. Оттого донъ Хуанъ Австрійскій, герой Лепанта и Нидерландовъ, котораго пылкое честолюбіе и слава беспокоили короля Испаніи, умеръ тринадцати лѣтъ отъ роду.... отъ истощенія силъ....

Въ эту минуту на монастырской башнѣ пробило двѣнадцать. Езуиты встрепнулись. Графиня д'Альтамира успѣшно спрятала флаконъ въ карманъ.

— Какъ поздно! сказалъ Хероме: какъ время уходитъ.

— Да, мнѣ пора ѣхать, сказала графиня: прощайте, отцы мои.

— Я провожу васъ, графиня, сказалъ Эскобаръ: вѣдь ваша карета стоитъ у задней калитки?

— Да.... потрудитесь.

Они ушли, а настоятель самъ принялся тушить свѣчи. Последнюю онъ унесъ съ собою и Пикильо слышалъ, какъ картина задвинулась. Въ комнатѣ стало совершенно темно.

Минутъ черезъ десять Альиэгъ даже послышалось, что настоятель храпитъ въ своей келліи.

Онъ осторожно вышелъ изъ засады, ощупью пробрался между стульями къ потаенной двери и приложилъ ухо.

— Спитъ! сказалъ онъ просебя: онъ можетъ спать, устроивши такое дѣло!...

И Пикильо затрепеталъ отъ ужаса. Анха въ опасности! Жизни Анхи грозятъ неумолимые и безсовѣстные враги, а онъ въ рукахъ у тѣхъ же самыхъ враговъ! И нѣтъ никакого средства выйти изъ западни!

— Нѣтъ! нѣтъ! думалъ онъ: нужно вырваться на свободу, во

что бы то ни стало!... И я буду свободен! Я не хочу... я не обязанъ оставаться... я слышалъ это отъ ~~нихъ~~ самихъ.... И чтобы отомстить имъ.... если уже я не могу совершенно свергнуть съ себя ярмо обѣта.... чтобы отплатить имъ зломъ за зло, я лучше перейду къ доминиканцамъ.... Да, но прежде всего ~~нужно~~ выйти отсюда, прибавилъ онъ озираясь въ темнотѣ, въ которой уже начиналъ различать предметы.

Онъ вспомнилъ, что скоро заблаговѣстятъ къ заутренѣ, и настоятель долженъ будетъ отправиться въ церковь; тогда, вѣроятно, найдется случай выйти по-крайней-мѣрѣ изъ его келліи. Онъ рѣшился ждать.

Вдругъ въ келліи настоятеля послышался шумъ. Кто-то поспѣшно отворилъ дверь.

— Кто тамъ?... Что случилось? громко спросилъ Хероме.

— Это я, отецъ настоятель, я!

— Что же вы, Эскобаръ? зачѣмъ въ такую пору?

— Странное и ужасное происшествіе случилось!

Альиага приложилъ ухо къ потайной двери.

— Проводивши графиню, продолжалъ Эскобаръ: я, прежде чѣмъ легъ спать, хотѣлъ взглянуть, что дѣлаетъ нашъ больной... Альиага.... и представьте себѣ....

— Ну, что же?

— Его нѣтъ! Онъ убѣжалъ! ушелъ!

— Сохрани, Боже! вскричалъ настоятель, вскочивъ: неужели мщеніе его сестры начинается? Неужели король приказалъ нарушить всѣ наши права и силою ворваться въ монастырь?

— Я сначала то же думалъ. Но нѣтъ, съ этой стороны по-крайней-мѣрѣ вы можете успокоиться. Извнѣ въ монастырь никто не приходилъ. Все было тихо, все въ порядкѣ, только Альиаги нѣтъ.

— Но какъ же онъ могъ уйти?

— Можетъ-быть онъ видѣлъ, какъ я провожалъ графиню....

— Этого еще не доставало!... Если онъ видѣлъ, если онъ знаетъ, что женщина была у насъ въ монастырѣ!....

— Онъ не упуститъ сказать королевской любимицѣ....

— Его нужно схватить.... схватить во что бы то ни стало!.... спрятать въ подземелье и тогда сказать, что онъ ушелъ. Пусть ищутъ!

— Да, но какъ его схватить?

— Нужно употребить всѣ средства. Я сейчасъ сдѣлаю распоряженіе.

Въ эту минуту заблагоуѣстили къ заутренѣ. Езуиты вышли изъ келлій.

Алыагъ стало страшнѣе прежняго. Выйти ли теперь? Если онъ выйдетъ и встрѣтитъ какого-нибудь монаха, гибель неизбежна. Ему грозитъ вѣчная темница, а можетъ-быть и смерть. Съ другой стороны, остаться значило быть открытымъ часомъ позже. Которой же опасности отдать предпочтеніе? Но скоро Пикильо увидѣлъ, что и выборомъ ему затрудниться нечего. Потайная дверь оказалась запертою съ другой стороны задвижкой. Надо было по-необходимости ждать, что будетъ.

Подумавши, Пикильо разсудилъ, что скоро прислужникъ долженъ прійти, чтобы убрать слѣды пиршества, которые еще оставались какъ были, тогда можно будетъ уйти, и несчастный уже рѣшался на крайность, если не успѣетъ укрыться тайно: онъ хотѣлъ оглушить прислужника ударомъ, даже убить если будетъ нужно. Но прошло съ полчаса, а прислужникъ, къ счастью своему, не являлся. Между тѣмъ Пикильо успѣлъ надумать и вдругъ ему пришла свѣтлая мысль. Онъ пошелъ въ кабинетъ, въ которомъ сидѣлъ во время ужина, выбралъ тамъ настоятельскій кафтанъ и надѣлъ. Росту онъ былъ почти совершенно одного съ настоятелемъ. Поверхъ кафтана онъ надѣлъ голубую ленту съ крестомъ изъ кедроваго дерева, знакъ отличія хенаресскихъ аббатовъ; къ поясу прицѣпилъ богатые четки, а въ руки взялъ молитвенникъ, которыхъ у Хероме было вѣсколько. Въ этомъ нарядѣ, опустивъ капюшонъ на лицо, онъ приготовился и ждалъ.

Прошло еще съ полчаса и Пикильо услышалъ шаги въ келліи настоятеля. Это былъ Паоло. Онъ отодвинулъ задвижку и картину. Пикильо стоялъ у стѣны подлѣ самаго входа. Паоло вошелъ съ фонаремъ, котораго свѣтъ падалъ прямо впередъ, такъ что державшій его не могъ видѣть предметовъ по сторонамъ. Сверхъ-того Паоло несъ большую пустую корзину и съ просьяны протиралъ глаза. Онъ сдѣлалъ два шага въ комнату, а Пикильо тикомько ступилъ за дверь и прокрался вовнъ изъ келліи.

Счастье сопутствовало ему. Онъ, никого не встрѣтивши, прошелъ черезъ дворъ до самой келліи привратника, который держалъ надъ молитвенникомъ, но увидѣвши настоятеля, вскопчалъ и почтительно поклонился.

У Пикильо такъ трепетало сердце, что онъ не покушался на поддѣлку голосу, а только повелительнымъ жестомъ приказалъ

отворить калитку. Привратникъ повиновался и калитка отворилась.

Дохнувъ отраднѣмъ воздухомъ свободы на порогъ темницы, Пикильо чуть не измѣнилъ себя: сердце у него забилося такъ сильно, что онъ чуть не вскрикнулъ. Но страхъ былъ еще слишкомъ великъ. Дрожащею ногой переступилъ онъ черезъ роковой порогъ и съ минутой продолжалъ идти медленно, пока могъ предполагать, что привратникъ смотрѣлъ вслѣдъ, потомъ оглянулся и пустился бѣжать, что было силы.

Пробѣжавъ двѣ, три улицы, онъ опять остановился, чтобы отдохнуть и осмотрѣться. Но городъ былъ ему такъ мало знакомъ, что осматриваніе ни къ чему не вело. Пикильо хотѣлъ отыскать цирюльника Гонгарелью. Но какъ отыскать кого-нибудь въ незнакомомъ городѣ и въ такую пору, когда всѣ улицы пусты, когда повсюду господствуетъ темень и тишина какъ въ гробу? Наконецъ, на перекресткѣ двухъ улицъ, Пикильо встрѣтилъ человѣка, повидному, довольно порядочнаго, въ широкомъ черномъ плащѣ.

— Сеньоръ кавалеръ, не можете ли вы указать мнѣ лавку цирюльника Гонгарелью?

— Съ удовольствіемъ, почтеннѣйшій отецъ. Во второй улицѣ направо, послѣдняя лавка по правой сторонѣ.

Альбиага поблагодарилъ и пошелъ. На поворотѣ въ указанную улицу ему показалось, будто кто идетъ слѣдомъ. Онъ оглянулся, и не видя никого поспѣшно пошелъ далѣе. Силы его уже истощались. Ему нуженъ былъ скорый отдыхъ и подкрѣпленіе.

Незнакомецъ вѣрно указалъ дорогу. По вѣвѣскѣ не трудно было отличить лавку цирюльника, но она была, разумѣется, заперта. Пикильо не скоро достучался. Но наконецъ окно отворилось.

— Кто тамъ?

— Другъ.

Гонгарелью усомнился, потому что примѣтилъ кафтанъ езуита.

— У меня много друзей, возразилъ онъ: но я никого не брѣю въ такую пору: боюсь другу обрѣзать носъ или ухо.

И онъ затворилъ окно.

— Гонгарелью! закричалъ молодой человѣкъ почти съ отчаяніемъ.

— Ну, что же, помилуйте! отвѣчалъ благоразумный цирюль-никъ.

— Вы не узнаете меня, Гонгарельо?... Я Пикильо!

— Пикильо Аллыага! вскричалъ цирюльникъ и вторично захлопнулъ окно, но только затѣмъ, чтобы отворить дверь.

Цирюльникъ былъ въ восхищеніи и разсыпался въ привѣтствіяхъ и извиненіяхъ, что съ-разу не узналъ своего друга, благодѣтеля и избавителя, потомъ проклялъ себя и свою неловкость, когда узналъ о подмѣнѣ письма, которое не умѣлъ искуснѣе передать по принадлежности.

— Вы!.... вы монахъ!.... монахъ! кричалъ онъ въ отчаяніи: вы, добрый, прекрасный, честный человекъ..... езуитъ! Это ужасно!.... И я..... я одинъ виноватъ въ этомъ!..... Этого Богъ никогда не проститъ мнѣ....

Пикильо насилу успокоилъ добраго цирюльника.

Было уже свѣтло на дворѣ, когда болтливый цирюльникъ далъ своему дорожному гостю уснуть. Но зато Пикильо проспалъ потомъ цѣлый день. Вечеромъ онъ рѣшился ѣхать въ Мадридъ. Гонгарельо нарядилъ его въ свѣтское платье, заложилъ своего мула въ телѣжку и вызвался самъ довести гостя до мѣста.

Но едва они отѣхали три шага отъ дому, ихъ окружила толпа альгуасиловъ. Оторопѣвшаго цирюльника стащили съ телѣжки, двое полицейскихъ заняли его мѣсто и телѣжка помчалась гораздо быстрѣе нежели предполагалъ ѣхать Гонгарельо.

— Я погибъ.... и по своей глупости! говорилъ себѣ Пикильо: въ домѣ друга не слѣдовало искать пріюта. Можно было представить себѣ, что Хероме и Эскобаръ прежде всего обѣщутъ домъ цирюльника Гонгарельо.

Однако жъ скоро Пикильо примѣтилъ, что его везутъ не въ монастырь къ езуитамъ, а въ Мадридъ.

Черезъ нѣсколько часовъ догадка его оправдалась, когда телѣжка остановилась у воротъ палатъ инквизиціи.

У архіепископа Рибейры было столько важныхъ дѣлъ, что онъ, конечно, уже забылъ о дѣлѣ Пикильо. Но данный полиціи приказъ не былъ отмѣненъ и потому, хотя наблюденія за входами и выходами изъ езуитскаго монастыря уже не продолжались съ прежнею точностью, однако жъ «порядочный человекъ» въ черномъ плащѣ, проводивъ подозрительнаго аббата до лавки цирюльника и подслушавъ имя Пикильо, всё-таки вспомнилъ о желаніи архіепископа и, въ надеждѣ выслужиться, принявъ нужнымъ мѣры къ поимкѣ бѣглеца.

На-утро Пиккильо Аллыага представили полиціймейстеру инквизиціи.

— Вы Пиккильо Аллыага?

— Я.

— По приказанію архієпископа вы чуждаго я долженъ держать васъ подъ стражею за отказъ отъ рещенія.

— Я окрещенъ.

— Окрещенъ? Это странно! Го, въ такомъ случаѣ, я долженъ задержать васъ за побѣгъ изъ монастыря езуитовъ, къ которому вы принадлежите.

— Я не езуитъ и не хочу быть езуитомъ.

— Это странно! Но я долженъ же задержать васъ за что-нибудь!

— И онъ написалъ: « Задержанъ, за то, что не принадлежать къ нашимъ ».

— Напротивъ, вскричалъ Пиккильо: я хочу быть вашимъ! Я самъ пришелъ бы завтра просить васъ объ этомъ. Я желаю вступить въ орденъ доминиканцевъ.

— Неужели?... Это странно!

— Увѣряю васъ.... мнѣ всё-равно, въ вашъ ли орденъ вступать или въ другой, лишь бы я былъ сейчасъ освобожденъ.

— Я представлю вашу просьбу кому слѣдуетъ, отвѣчалъ полиціймейстеръ: вы будете приняты въ орденъ, но что касается до свободы.... за это я вамъ не ручаюсь. Вы сюда затѣмъ приведены, чтобъ быть задержаннымъ. Ктому же, я ужъ и написалъ, что вы задержаны, а въ дѣловыхъ бумагахъ подкабливать нельзя; вы знаете. Нужно донести начальству.

— А мнѣ нужна.... мнѣ необходима свобода! вскричалъ Пиккильо съ отчаяніемъ.

— Вы, безъ-сомнѣнія, будете освобождены. Потерпите. Я донесу начальству. Дѣло ваше пойдетъ въ совѣтъ инквизиціи, а совѣтъ представить мнѣніе великому инквизитору.

— Въ совѣтъ!... потомъ великому къ инквизитору! Но сколько же на это пойдетъ времени?

— Мѣсяцъ, не больше.... будьте спокойны.

— Мѣсяцъ! вскричалъ Аллыага видя себя: мѣсяцъ! не больше!... А между-тѣмъ графиня.... Аиха!... Будетъ поздно!... я не успѣю спасти ее отъ злодѣевъ!... Помилуйте! продолжалъ онъ, обращаясь къ полиціймейстеру: мнѣ невозможно ждать цѣлый мѣсяцъ. Мнѣ нужна свобода сейчасъ, сію-минуту: дѣло идетъ о жизни и смерти человѣка!

— Что жь дѣлать, батюшка! отвѣчала полиціймейстеръ пожимая плечами: порядокъ! порядокъ того требуетъ. Я не могу для васъ нарушить служебнаго порядка.

— Порядокъ! когда, между-тѣмъ какъ вы наблюдаете вашъ порядокъ, человѣкъ можетъ сто разъ погибнуть!

— Что жь дѣлать, батюшка! Это не моя вина.

— Такъ по-крайней-мѣрѣ сверхъ вашего проклятаго порядка, сейчасъ доложите обо мнѣ великому инквизитору сами.... прошу васъ. Скажите ему, что мнѣ нужно поговорить лично съ герцогомъ Лермой. Я долженъ открыть ему тайну.... но только ему самому.... тайну, отъ которой зависитъ спасеніе министра и государства.

— О-го! Что же это такое? расскажите.

— Я вамъ сказалъ, что не могу говорить объ этомъ (ни съ кѣмъ кромѣ самаго министра. Отведите меня къ нему или по-крайней-мѣрѣ призовите его сюда. Если вы не сдѣлаете этого, вы за все будете отвѣчать.

— Неужели? Это удвительно!.. Но правду ли вы говорите, почтеннѣйшій?... Чтобы мнѣ не попастьъ съ вами въ просакъ, если я нарушу служебный порядокъ!

— Я вамъ не совѣтую долго думать объ этомъ, если вы не хотите навлечь на себя важную и опасную отвѣтственность.

— Ну, хорошо, хорошо; увидимъ. Я доложу.

— Поспѣшите.

Альбюгу отвели въ темницу, а полиціймейстеръ внесъ его дѣло въ число экстренныхъ и доложилъ не въ очередь, скорѣе другихъ. Но прошла цѣлая недѣля, покуда оно дошло до инквизитора, а Пиккьяло между-тѣмъ томился въ темницѣ и жизнь Анха была въ опасности.

Анха, по возвращеніи изъ Толедо, уже не хотѣла жить въ домѣ графини д'Альтамбра. Будучи вдовою, герцогиней Сантаремъ и полною властью надъ собою хозяйкой, она и своей сестрѣ Карменъ предложила пріютъ у себя. Графиня д'Альтамбра, разумѣется, сопротивлялась этому, но ничего не могла сдѣлать съ статсъ-дамою и любимицею королевы.

Анха почти каждый вечеръ бывала у королевы и никогда прежде Маргарита не видывала своего супруга у себя такъ часто. Удовольствіе, которое король находилъ въ бесѣдѣ съ Анхой, было такъ чисто; уваженіе, которое онъ къ ней питалъ, было такъ истинно, что онъ не опасался признаваться въ этомъ. Самая опасная добродѣтель не оскорблялась бы нѣмой, но глубокой стра-

сти, о которой все свидѣтельствовало, и которой ни что не измѣняло. Если сердце Анхи могло быть оболежено, то именно только этимъ путемъ. Король безъ искусства и безъ расчета нашелъ самое лучшее средство приобрести ея дружбу. Поставленная между королемъ, который любилъ ее, и королевою, своею благодѣтельница, Анха не была смущена ни на минуту. Не имѣя ни честолюбія, ни тайныхъ намѣреній, она вела себя такъ честно и откровенно, что самая злонамѣренная клевета не могла бы найти ни какой вѣры, ни опоры.

Любимица королевы была довольна своею судьбой, особенно когда увидѣла Іесиду на свободѣ, но сердце ея еще страдало за Пикилью. Она знала Испанію и понимала, что ни власть, ни протекція не могли разрушить монашескаго обѣта. Она придумывала только средства вырвать Пикилью изъ рукъ Хероме и Эскобара, отъ которыхъ опасалась новыхъ интригъ. Хероме, правда, сказалъ Фернанду, что отнынѣ одинъ имѣетъ права на своего новообращеннаго, но Анха развѣдала, что, для того чтобъ быть езуитомъ, нуженъ двухъ-лѣтній срокъ.

Узнавъ объ этомъ, Фернандъ взбѣсился на почтеннѣйшихъ отцовъ и вторично отправился въ хенаресскій монастырь, но уже не нашелъ тамъ Пикилью. Хероме и Эскобаръ очень смущались, когда Фернандъ строго и рѣшительно сталъ требовать выдачи челоуѣка, котораго у нихъ не было. Трудно было увѣрить въ этомъ Фернанда, который уже не вѣрилъ езуитскимъ клятвамъ, однако жъ, наконецъ увѣрили.

Отдѣлавшись отъ д'Альбайды, езуиты разсудили и догадались, что опасность отъ королевской любимицы становится ощутительною, и согласно этому торопили графиню д'Альтамира.

Встревоженная новымъ извѣстіемъ, Анха цѣлую ночь провела въ томительной безсонницѣ, придумывая средства къ отъисканію и освобожденію несчастнаго. Не нашедши никакого, она рѣшилась наконецъ все открыть королевѣ. Но для этого нужно было дожидаться полудня. Раньше королева никого не принимала. Анха съ мучительнымъ нетерпѣніемъ дождалась урочнаго времени, пошла и всё-таки пришла слишкомъ рано. Нужно было подождать около получаса, потому что королева еще не возвращалась съ молитвы изъ домашней церкви. Это было въ Буэнь-Ретиро. Анха рѣшилась дожидаться возвращенія королевы въ проходной залѣ нижняго этажа, которая съ одной стороны вела во внутренніе покои, съ другой въ домашнюю церковь, а съ третьей выходила въ дворцовый садъ. Всѣ двери стояли на-

стежь, потому что день былъ чрезвычайно жаркій. Испанское солнце почти отвѣсно метало свои лучи какъ раскаленные стрѣлы на опаленную землю.

Анха встрѣтила Хуаниту и узнала, что королева, по какому-то непредвидѣнному случаю, воротится изъ церкви еще позже обыкновеннаго. Утомленная до изнеможенія, Анха сѣла на диванъ.

— Какой несносный жаръ! сказала она, напрасно стараюсь освѣжиться опахаломъ.

— Ужасный!... Не угодно ли вамъ лимонаду, сеньора? Я вамъ принесу того, который приготавливаю для королевы.

— Ахъ, пожалуйста, добрая Хуанита! Я очень рада выпить чего-нибудь. Хуанита побѣжала и черезъ нѣсколько минутъ воротилась съ стаканомъ лимонаду на серебряномъ подносѣ. Но Анха между-тѣмъ прислонилась въ уголъ дивана и заснула.

— Бѣдняжка! какъ она утомилась! подумала Хуанита и тихонько поставила лимонадъ на столъ, чтобы Анха, проснувшись, тотчасъ увидѣла его, а сама пошла по своему дѣлу.

Анха спала. Сладкій сонъ рисовалъ ей вайденнаго и освобожденнаго Пикильо.

Въ это время на песчаной дорожкѣ передъ крыльцомъ послышались легкіе шаги и шелковое платье съ шорохомъ задѣвало за вѣтви кустовъ. Анха не просыпалась. Въ дверяхъ появилась женщина. То была графиня д'Альтамбра. Примѣтивъ Анху, она остановилась, долго, пристально смотрѣла на спящую и лицо ея то блѣднѣло, то краснѣло. Графиня трепетала: ее волновала страшная мысль.

— Если Богу угодно.... онъ самъ укажетъ случай! подумала она, вспомнивъ слова езуита.

Случая болѣе удобнаго и пожелать было невозможно.

Графиня осмотрѣлась кругомъ. Никого не было. Прислушалась. Ни звуку! Даже звойный воздухъ молчалъ. Только сердце ея громко стучало въ груди.

Она прошлась по залѣ мимо Анхи. Анха не пробуждалась. Анха спала крѣпко. Графиня подошла, еще разъ пристально посмотрѣла на свою жертву, потомъ поспѣшно вынула изъ кармана флакончикъ, налила нѣсколько капель въ лимонадъ и опять ушла въ садъ.

Походивъ нѣсколько минутъ по отдаленнымъ аллеямъ, она воротилась, подошла къ окну и заглянула промежду вѣтвей кустарника.

Анха всё спала и полный стаканъ стоялъ подлѣ нея.

— Что же она принесетъ къ вѣтъ? говоритъ себѣ графиня съ дрожью и страхомъ.

И ей хотѣлось потрясти вѣтвями кустарника, чтобы разбудить спящую. Но, она сѣлась быть примѣстною въ странномъ положеніи, она ушла въ конецъ сада, гдѣ встрѣтила вѣсколько придворныхъ дамъ, которыя также прогуливались въ ожиданіи выхода королевы изъ церкви.

Когда онѣ потомъ, черезъ полчаса, проходили воъ вѣтѣ: черезъ садовую залу, Анки уже не была.

На подносѣ стояла пустой стаканъ.

Черезъ вѣсколько дней послѣ этого происшествія правитель дѣлъ и тюремный смотритель инквизиціи донъ Малуэло Эскеведо получили слѣдующую записку:

« Внесите въ списки ордена молодого монаха, который, какъ вы говорите, имѣетъ сообщить первому министру важныя свѣдѣнія, и потому прикажите проводить его во дворецъ, къ герцогу Лермъ, который уже предуведомленъ.

« Великій инквизиторъ *Сандоваль-и-Рохлакъ* ».

Эта записка отворила Аллыагъ ворота инквизиціи въ такую минуту, когда онъ уже приходилъ въ совершенное отчаяніе въ страданія, которыя онъ дотогъ претерпѣлъ въ жизни, ничего не зная въ сравненіи съ страхомъ и томленіемъ послѣднихъ осьми дней.

Онъ находился почти подлѣ Анки и не могъ помочь ей!.. Смерть висѣла надъ ея головой и онъ не могъ отворотить ее!.. Но наконецъ онъ освободился и могъ бѣжать къ ней!

Онъ подписалъ актъ вступленія въ орденъ Святаго Доминика и въ сопровожденіи чиновника инквизиціи отправился къ герцогу Лермъ, который жилъ въ королевскомъ дворцѣ не изъ тщеславія, но по благоразумію, для того чтобы на всякой случай всегда быть при особѣ короля.

Пиккльо рассчитывалъ на довольно продолжительную бесѣду съ министромъ и очень неприятно удивился, когда увидѣлъ огромную толпу предупредившихъ его посѣтителей. Тутъ были люди всехъ званій, и чиновные, и духовныя, и военные, и даже дамы. Всего болѣе просителей толпился у дверей, черезъ которыя министръ долженъ былъ войти, чтобы отправиться въ свой кабинетъ.

Аудіенціи слѣдовало начаться въ десять часовъ, но приближъ двѣнадцать, а министръ еще не приходилъ. Нетерпѣніе просителей возрастало; дневной жаръ и духота въ комнатѣ еще болѣе.

Но несмотря на то, что окна и двери въ королевскій паркъ стояли настежь, никого не соблазняли ни тѣнитыя аллеи, ни роскошные цвѣтники: никто не думалъ выйти прогуляться.

Наконецъ и роковая дверь открылась.

Толпа вздрогнула отъ удовольствія. Но въ ту же минуту радость остыла и смѣнилась трудно затаеннымъ ропотомъ.

Вошелъ не министръ, а его секретарь и любимецъ донь Родригъ Кальдеронъ графъ д'Олива. Это былъ человекъ дѣтъ тридцати-пяти; виднаго, стройнаго росту; ловкій и изящный. Голову онъ держалъ высоко даже тогда, когда отвѣчалъ поклономъ на поклонъ. Во взглядѣ свѣтилось столько же ума и принципиальности, сколько гордости и дерзости.

— Извините, господа, что заставилъ васъ дожидаться, сказалъ онъ, отдавая толпѣ легкий кругообразный поклонъ, и пошелъ къ кабинету.

— Да, надобно признаться, что подождали! отрывисто сказалъ одинъ надменный хидальго, которому слишкомъ большаго труда стоило скрыть свою досаду: приемъ назначенъ въ десять, а теперь двѣнадцать. Я попрошу господина секретаря принять меня прежде другихъ, потому что меня ждутъ у короля.

— Кто вы? спросилъ секретарь.

— Графъ де-Биваръ! отвѣчалъ хидальго съ значительнымъ удареніемъ.

— Не имѣю чести знать, отвѣчалъ Кальдеронъ съ самымъ непростительнымъ хладнокровіемъ.

— Если бы сеньоръ Кальдеронъ читалъ исторію, онъ увидѣлъ бы, что одинъ изъ моихъ предковъ, донь Родригъ де-Биваръ, по прозванію Сидъ-Кампеадоръ, начальствовалъ надъ королевскою арміею. Я также имѣю честь служить при его королевскомъ величествѣ.

— Въ передней, прибавилъ кто-то въ толпѣ, вполголоса, но такъ, что всѣ слышали.

— Я читалъ исторію, графъ, отвѣчалъ съ непоколебимой важностью секретарь, и видѣлъ, что cadaго де-Бивара всегда ставили на приличное ему мѣсто.

По всему собранію съ легкимъ шумомъ пробѣжалъ насмѣшливый и одобрителный смѣхъ. Потомокъ Сиды-Кампеадора съ досады до-крови укусылъ себѣ губу. Секретарь ушелъ въ кабинетъ.

Аудиенція началась. Инспекторъ министерской канцеляріи, донь Гусманъ, приглашалъ въ кабинетъ то того, то другаго, а графъ

де-Биварь всё ждалъ и не прежде десятаго попалъ въ очередь. Изъ этого Пикильо заключилъ, что и ему тоже придётся еще многихъ обождать. Притомъ же онъ хотѣлъ говорить не съ секретаремъ, а съ самимъ герцогомъ Лермой. Какъ ни велика была сила правой руки министра, Аллыага не могъ вѣрить ей свою государственную тайну, которая вмѣстѣ съ тѣмъ касалась и предмета еще болѣе драгоцѣннаго и важнаго, Аихи.

Занятый этою мыслью, Пикильо покинулъ приемную залу, вышелъ въ садъ и скоро, самъ того не примѣчая, очутился въ другомъ концѣ его, передъ большимъ цвѣтникомъ, гдѣ пышно росли самые дорогіе и рѣдкіе цвѣты.

Какой-то молодой человѣкъ, средняго росту и замѣчательной благородной наружности, очень дѣятельно рвалъ эти цвѣты и собиралъ въ букетъ. Онъ былъ такъ занятъ, что не примѣтилъ какъ подошелъ монахъ, который въ задумчивости также чуть не наткнулся на него.

— Кто вы? чтѣ вамъ нужно? вскричалъ молодой человѣкъ, вдругъ выпрямившись.

Пикильо смутился и не зналъ, чтѣ отвѣчать.

Но разглядѣвъ монашескую одежду ордена Святаго Доминика, молодой человѣкъ перемѣнилъ выраженіе и почтительно поклонился.

— Извините, сеньоръ, сказалъ Аллыага: я, кажется, заблудился здѣсь, въ саду. Позвольте спросить.... вы, вѣроятно, изъ здѣшнихъ?...

— Да, я здѣшній, отвѣчалъ незнакомецъ съ улыбкою.

— Такъ сдѣлайте милость, укажите мнѣ дорогу, чтобы я могъ воротиться въ приемную залу министра.

— А! вы хотите видѣть министра?

— Да, я желалъ бы видѣть его. Я готовъ купить это свиданіе цѣною всей моей крови, но.... нѣтъ возможности.

— Отчего же?

— Да тамъ столько народу, что не добьешься.

— Можетъ-быть, я могу вамъ помочь.... сказалъ незнакомецъ.

— Какъ, сеньоръ! вы имѣете здѣсь такое вліяніе?

— Не много имѣю.... но готовъ употребить его для васъ.

— Благодарю васъ!... тысячу разъ благодарю! Такъ сдѣлайте же милость, доставьте мнѣ свиданіе съ самимъ министромъ, да только теперь же, сейчасъ.

— Сейчасъ трудно. Но если хотите, я могу доставить вамъ свиданіе съ королемъ.

— Съ королемъ! вскричалъ Пькильо съ радостью; но потомъ одумался и прибавилъ: да! но это всё не то!

Незнакомецъ покраснѣлъ и сказалъ:

— Отчего же не то? Развѣ король меньше можетъ сдѣлать нежели министръ?

— О! безъ-сомнѣнія нѣтъ.... Но мое дѣло касается болѣе до министра. Впрочемъ, всё-равно.... Я могу поговорить и съ королемъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи это даже лучше.

— Ну, и прекрасно. Такъ пойдите со мной.

Они пошли къ королевскимъ покоемъ.

— Какъ васъ зовутъ, почтеннѣйшій отецъ? дордою спросилъ незнакомецъ.

— Луисъ Алъбага.

— Алъбага! вскричалъ незнакомецъ и остановился: не родственникъ ли вы нѣкоторому Пькильо Алъбагъ.... Я бы очень желалъ знать, гдѣ онъ.

— Это я самъ, сеньоръ.

— Вы!...

Незнакомецъ посмотрѣлъ на Пькильо такъ пристально, что тотъ смутился. Онъ не понималъ, отчего его темное имя производило такое впечатлѣніе.

— Такъ это васъ езуиты принудили вступить въ монашество, какъ мнѣ рассказывалъ д'Альбайда?

— Точно такъ, сеньоръ, отвѣчалъ Пькильо съ возрастающимъ замѣшательствомъ: но.... я не помню, чтобы имѣлъ когда-нибудь удовольствіе видѣть васъ.

— Можетъ-быть. Я самъ вижу васъ впервые.

— Откуда же такое участіе....

— А! возразилъ незнакомецъ съ улыбкой: я люблю вашего друга, Фернанда д'Альбайду.... Ктому же васъ знаетъ герцогиня Сантаремъ.

— Объ ней-то я и хочу говорить съ королемъ.

— Неужели? Такъ говорите! говорите! въ чемъ дѣло?

— Ее нужно защитить, охранить. Она въ опасности.... Ее хотятъ убить.

— Кто эти несчастные, которые замышляютъ такое преступленіе! вскричалъ незнакомецъ внѣ себя: горе имъ за одну мысль!

Пиккильо обрадовался, что нашел такого восторженного покровителя.

— Да, продолжая онъ: злодѣйство это замышляютъ сильные, опасные люди... изъ самымъ знатныхъ при дворѣ...

— Тихе!... молчите, почтеннѣйшій отецъ, перебылъ незнакомецъ, схвативъ Аллыагу за руку.

Въ примыкавшей аллеѣ онъ примѣтилъ группу офицеровъ и придворныхъ, которые почтительно поклонились.

— Д'Альбайда, подите сюда! крикнулъ онъ одному изъ нихъ.

При этомъ имени Аллыага вздрогнулъ отъ удивленія, а Фернандъ затрепеталъ отъ радости, нашедши въ Буонъ-Ретиро друга, котораго считалъ погибшимъ въ рукахъ езуитовъ.

— Пиккильо! вскричалъ онъ: Пиккильо у вашего величества!

— Король! вскричалъ изумленный Аллыага.

— Онъ самъ, отвѣчалъ Филиппъ, знакомъ приглашая молодыхъ людей въ крытую аллею, гдѣ ихъ никто не могъ слышать: я обѣщаль вамъ доставить свиданіе съ королемъ. Говорите. Помните, что никто, ни даже герцогъ Лерма не долженъ знать того, о чемъ мы станемъ говорить. Вы и Фернандъ д'Альбайда одни исполните мои приказанія.

— Что же случилось, ваше величество? спросилъ встревоженный Фернандъ.

— Противъ насъ составляютъ подлый заговоръ!

— Противъ особы вашего величества?

— Всѣ-равно!... противъ подруги королевы.... противъ особы, которую я уважаю и почитаю.... противъ герцогини Сантаремъ! Ее хотятъ убить!

— Аиху? вскричалъ Фернандъ, поблѣднѣвъ отъ ужасу.

— Да, отвѣчалъ Пиккильо: ей грозитъ величайшая опасность.

— Кто же смѣетъ грозить ей? спросилъ Фернандъ, положивъ руку на ефесъ шпаги: говорите, ваше величество, приказывайте... куда бѣжать?... всю кровь мою, если нужно....

— Хорошо, Фернандъ, хорошо; благодарю тебя, сказалъ король, взявъ его за руку: но успокойся.... видишь, какъ поблѣднѣлъ.... на себя не похожъ! Ты по-крайней-мѣрѣ изъ тѣхъ, на которыхъ я могу положиться, и тебя ничто не испугаетъ. А дѣло, какъ видно, требуетъ большаго мужества. Противъ насъ дѣйствуютъ, говорятъ, люди сильные.

— Всѣ-равно! мы изобличимъ ихъ! вскричалъ Фернандъ.

— Мы вырвемъ Аиху изъ рукъ ея враговъ! вскричалъ Аллыага.

— Да, да! мы спасемъ ее! съ жаромъ прибавилъ король.

Для умѣющаго читать въ глубинахъ сердецъ, любопытно бы было зрѣлище этого страннаго положенія трехъ человекъ, столь различныхъ по состоянiямъ, одушевленныхъ одною мыслью, однимъ страхомъ, одною любовью; трехъ человекъ, которыхъ одно имя дѣлало такими согласными союзниками и которыхъ одно слово лишнее могло бы, можетъ-быть, сдѣлать врагами.

— Говорите! говорите! повторяли король и Фернандъ; назовите намъ злодѣевъ!

— Кто бы они ни были, прибавилъ король, я сейчасъ подпишу повелѣнiе арестовать ихъ.

— А я исполню это повелѣнiе, хотя бы оно стоило мнѣ жизни! подхватилъ Фернандъ: говорите же, говорите, Пикильо. Кто они?

Но Пикильо молчалъ.

Голову его осадилъ рой мыслей, на которыя онъ дотодѣ и не впадалъ. Отъ него требовали, чтобы онъ назвалъ преступныхъ. Исполнить требованiе значило назвать не только Хероде и Эскобара, которые дали злодѣйскiй совѣтъ, но и графиню д'Альтамира, которая взялась совершить преступленiе, и герцога Уседу, который всѣмъ имъ содѣйствовалъ. Графиня д'Альтамира была тѣтка Фернанда и Карменъ и сестра донъ Хуана д'Агилара. Опозорить ее—значило озорить все семейство, которому онъ такъ много обязанъ. Чтѣ касается до Уседы, то Богъ одинъ знаетъ, не совершить ли Пикильо еще болѣе тяжкаго преступленiя, ставъ противъ него обвинителемъ.

— Ваше величество, удостойте выслушать меня, сказалъ онъ: надѣюсь, вы не усомнитесь въ истинѣ моихъ словъ... И вы, Фернандъ, тоже. Я свидѣтельствую, какъ частный человекъ, какъ членъ священнаго ордена, прибавилъ онъ краснѣя: свидѣтельствую передъ Богомъ и передъ вами, что я знаю всѣхъ участвующихъ въ этомъ заговорѣ, но не могу назвать ихъ.

— Кто же вамъ мѣшаетъ? спросилъ Фернандъ съ гнѣвомъ.

АлЪига посмотрѣлъ на друга и отвѣчалъ:

— Мой долгъ.... священныя обязанности.

— Вы на исповѣди узнали эту тайну? спросилъ король.

— Да, ваше величество.... точно такъ, отвѣчалъ АлЪига ухватившись за эту идею.

— Но какъ же тогда спасти Анху? воскричалъ Фернандъ.

— Какъ оградить герцогиню? прибавилъ король.

— Я.... я одинъ охраню ее, если вы позволите. И, клянусь, я спасу ее или самъ умру!

— Но.... кто же она вамъ? спросилъ король съ безпокойнымъ видомъ.

— Апха?... Она мнѣ сестра.

Король посмотрѣлъ на Фернандъ и тотъ подтвердилъ показаніе. Съ этой минуты расположеніе Филиппа къ молодому монаху стало несомнѣнно.

— Я вамъ дамъ подписанный моею рукою актъ, которымъ впередъ одобряю всѣ мѣры, какія вы примете къ уничтоженію преступныхъ замысловъ и къ пораженію враговъ герцогини! вскричалъ онъ.

— Главное для этого нужно, чтобы я могъ постоянно быть при ней, отвѣчалъ Пиккльо: чтобы я могъ наблюдать за нею, а это наблюденіе невозможно, когда меня принудятъ проживать въ монастырѣ.

— Да, вамъ нужно жить на свободѣ, сказалъ король.

— Не худо бы имѣть мѣсто при дворѣ, прибавилъ Фернандъ.

— Да, конечно. Но какъ это сдѣлать? Теперь нѣтъ вакантнаго мѣста, а создать новое, значитъ поспорить съ великимъ инквизиторомъ. Это цѣлая война, не говоря уже о подозрѣніи, которое можно возбудить.

— Въ штатѣ королевы есть вакантное мѣсто, ваше величество, съ живостью замѣтилъ Фернандъ: духовникъ ея величества умеръ.

— Ахъ! правда, правда! вскричалъ король съ радостью: но это опять-таки зависить отъ инквизитора и отъ министра: они замѣщаютъ всѣ эти должности. А я знаю, Лерма ужъ обѣщалъ Уседѣ, дать это мѣсто кому-то изъ его клиентовъ.

— Если только за этимъ стало, скромно замѣтилъ молодой монахъ, такъ я надѣюсь получить мѣсто духовника ея величества.

— Вы, Пиккльо! вскричалъ Фернандъ.

— Вы! вскричалъ король: вы надѣетесь заставить Лерму нарушить слово, данное сыну? вы хотите заставить его сдѣлать что-нибудь, чего онъ не хочетъ? Я бы не взялся за это.... Я, король.

— А я, отвѣчалъ Пиккльо съ тою же скромностью: если ваше величество позволите испробовать, я надѣюсь успѣть.

Король и донъ Фернандъ съ удивленіемъ переглянулись.

— Хорошо, сказалъ Филиппъ : вы можете сейчасъ приступить къ дѣлу. Вотъ герцогъ Лерма идетъ къ намъ.

Герцогъ въ самомъ дѣлѣ подходилъ и изъ-дали старался разгадать, что за люди и о чемъ такъ за-просто бесѣдуютъ съ королемъ. Узнавъ д'Альбайду онъ нахмурился. Новое и совершенно незнакомое лицо монаха произвело еще болѣе непріятное впечатлѣніе на временщика, котораго безпокоила малѣйшая тѣнь между имъ и королемъ.

— Любезный герцогъ, сказалъ король : у этого молодого монаха есть до васъ просьба, и я желалъ бы, чтобы вы ее исполнили.

Министръ съ обязательно улыбкой почтительно поклонился. Король съ Фернандомъ пошелъ продолжать прогулку.

Оставшись наединѣ, министръ сталъ вглядываться въ монаха такимъ сердитымъ и недоувѣрчивымъ взоромъ, который испугалъ бы всякаго другаго просителя. Никто изъ коротко знавшихъ герцога не осмѣлился бы просить его въ подобную минуту. Пикильо тоже глядѣлъ на министра, но его занимали другія мысли : этотъ могущественный сановникъ, дѣйствительный властитель испанской монархіи, этотъ герцогъ Лерма могъ быть ему не чужой. Быть-можетъ, въ его жилахъ течетъ родная кровь. И между-тѣмъ какъ герцогъ приготовлялъ для перваго вопроса самый гнѣвный и презрительный тонъ, монахъ Луисъ Аллыага съ тихою грустью думалъ :

— Что, если это мой дѣдъ?

— Ну, что же? спросилъ герцогъ, видя, что проситель молчитъ.

— Его величество уже изволило сказать, я имѣю просьбу до вашей свѣтлости.

— Напрасно, это бесполезно, проворчалъ министръ.

— Я еще не сказалъ, чего прошу, съ удивленіемъ возразилъ Пикильо.

— Вы, разумѣется, ищете мѣста?

— Точно такъ, ваша свѣтлость.

— Но, у меня нѣтъ мѣста. Всѣ розданы, заняты.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу....

— Чего еще?

— Позволенія оказать вамъ огромную услугу.

— Мнѣ?

— Да, вашей свѣтлости.

— Кто же вы? спросилъ герцогъ съ удивленіемъ.

— Мошахъ Луисъ Аллыага.

— Пиккильо Аллыага! повторилъ герцогъ, обозрѣвая его съ головы до ногъ: такъ это вы просили свиданія со мною по важному дѣлу, какъ вы говорите?

— Оно такъ важно, что отъ него зависить спасеніе важной свѣтлости.

— Но развѣ вы не видѣлись съ Кальдерономъ? Онъ скажетъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Этого довольно.

— Онъ ничего не можетъ сказать вашей свѣтлости, потому что я ему ничего не сказалъ.

— Отчего же?

— Я два часа прождалъ въ вашей передней и, не дождавшись вашей свѣтлости, ушелъ.

— Прекрасно! Вы добиваетесь мѣсть и не умѣете подождать!

— Я ничего не добиваюсь, ваша свѣтлость.

— Такъ чего же вы хотите?

— Я уже сказалъ: хочу оказать вамъ услугу.

— Какую же, когда вы рассказали сперва королю, что хотите разсказать мнѣ!

— Нѣтъ, я его величеству не рассказывалъ того, что до васъ однихъ касается.

Герцогъ вдругъ смягчился и нахмуренный лобъ его на минуту прояснился. Онъ сдѣлалъ Аллыагѣ знакъ, чтобы тотъ пошелъ съ нимъ, и они продолжали разговоръ прохаживаясь по аллеѣ, противоположной той, куда пошелъ король.

— Говорите, я слушаю, сказалъ министръ.

— Давно уже противъ вашей свѣтлости составленъ заговоръ, продолжалъ Пиккильо: васъ хотять свергнуть и посадить на ваше мѣсто другаго. Въ этомъ нѣтъ ничего ни новаго, ни необыкновеннаго. То, что тутъ ново и необыкновенно, что вамъ, можетъ быть, покажется неслыханнымъ, ужаснымъ, непостижимымъ, такъ это имя того, кто управляетъ заговоромъ.

— Кто же это? спросилъ герцогъ встревожившись.

— Это.... вашъ сынъ, герцогъ Уседа.

Несчастный отецъ вскрикнулъ и, остановившись, зарылъ лицо руками.

— Я вамъ говорилъ, что это покажется вамъ неслыханнымъ, невозможнымъ.

— Здѣсь все возможно! глухо проговорилъ герцогъ.

Первый крикъ вырвался у отца: это былъ крикъ скорби. Но

всѣмъ ватѣмъ явился министръ. Онъ схватилъ Пикильо заруку и, задыхаясь отъ ярости, сказалъ:

— Я давно подозрѣвалъ это!

— Вы!.... неужели? вскричалъ Пикильо въ свою очередь съ изумленіемъ.

— Да, да! доканчивайте, почтенѣйшій отецъ, оказалъ герцогъ, болѣе и болѣе смягчась къ необыкновенному пресителю.

— Съ герцогомъ Уседой въ этомъ заговорѣ участвуютъ графиня д'Альтамира и езуиты аббатъ Хероме и пріоръ Эскобаръ.

— Ну, такъ и есть! Это очевидно! Графиня мнѣ смертельный врагъ, а сынъ за нею ухаживаетъ.... для меня, какъ онъ говорить! На дняхъ онъ ѣздилъ въ Хеваресъ и третьяго дня опять... ноѣ къ своему духовнику Эскобару.... Я видѣлъ все это и не хотѣлъ вѣрить. О! когда человѣкъ сдѣлается министромъ, когда достигнетъ власти, у него не должно быть ни семейства, ни родныхъ: это рожденные его враги. Но.... я увижу, я узнаю.... Мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Благодарю васъ, почтенѣйшій отецъ. Прощайте..... Да! кстати, о какомъ мѣстѣ вы просили?

— Вы сказали, что у васъ нѣтъ свободныхъ.

— Можетъ-быть найдется. Черезъ то, что вы мнѣ открыли, могутъ опростаться многія.

— Мнѣ нужно только одно. До другихъ мнѣ нѣтъ дѣла.

— Какое же вамъ нужно?

— Мѣсто духовника при королевѣ.

Герцогъ старался скрыть замѣшательство и, помолчавъ, отвѣчалъ:

— Конечно.... я бы очень желалъ.... но это не отъ меня зависитъ: это зависитъ отъ великаго инквизитора. Вы, я вижу, принадлежите къ его ордену, но, кажется, еще недавно.... не больше нѣсколькихъ дней.

— Съ сегодняшняго утра только.

— Ну, вотъ видите! А требуете одного изъ первыхъ мѣстъ при дворѣ! Для этого нужно оказать услуги, которыя....

— Я еще не кончила, ваша свѣтлость.

— Какъ! То, что вы мнѣ сказали....

— Это еще ничего не значить, холодно отвѣчалъ Пикильо: тутъ дѣло шло только о министрѣ, котораго неблагодарный сынъ хочетъ свергнуть. Это не новость: министръ каждый день мо-

жетъ упасть. Неблагодарные тоже не рѣдкость: вездѣ ихъ много, прибавилъ Пикильо, взглянувъ на герцога, такъ, что тотъ смутился; но то, что мнѣ еще остается открыть вамъ, будетъ гораздо по-важнѣе, потому что касается не одного министра, а судьбы цѣлой Испаніи.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что Испанія погибла, если вы не поспѣшите принять мѣры и.... если только не поздно.

Тогда Пикильо въ подробности и совершенно ясно изложилъ министру всѣ планы Генриха-Четвертаго, планы, которыхъ герцогъ Лерма никакъ не подозрѣвалъ. Это невѣдѣніе и эта безпечность были бы совершенно невѣроятны, если бы не было исторіи, которая подтверждаетъ ихъ своимъ свидѣтельствомъ. У герцога Лермы не было сдѣлано ни малѣйшаго приготовленія къ отраженію страшной лиги, которая грозила Испаніи нашептвіемъ. Не было ни одного вооруженнаго судна, ни одного порядочнаго полка подъ ружьемъ. Не было даже гарнизоновъ на границахъ. А между-тѣмъ планъ Генриха-Четвертаго уже начиналъ исполняться. Генрихъ ждалъ только нѣмецкихъ союзниковъ, чтобы выступить въ походъ.

Герцогъ, блѣдный, едва переводилъ дыханіе и напрасно стараясь скрыть отъ монаха свое смущеніе.

— Откуда у васъ эти свѣдѣнія? спросилъ онъ наконецъ дрожащимъ голосомъ.

— Это моя тайна. Но какая надобность, откуда, лишь бы свѣдѣнія были вѣрны. Извольте справиться.

— Я справлюсь, справлюсь.... Но... говорили ли вы объ этомъ королю?

— Нѣтъ. Я знаю, что его величество не любитъ заниматься государственными дѣлами.

— Да, да.... хорошо. Молчите же и передъ другими. Никому не говорите объ этомъ. Вы мнѣ общаете?

— Клянусь, если угодно.

— Хорошо. Вы будете духовникомъ королевы, кто бы ни были ваши сонскатели, сказалъ министръ совершенно твердымъ голосомъ. Хорошо, что я еще не отдалъ приказъ, хотя уже подписалъ. Онъ теперь со мною.

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу, смялъ и изорвалъ.

— Я общалъ отдать это мѣсто въ распоряженіе герцогу Уседѣ, который сегодня хотѣлъ прійти за бумагой.

Вдругъ министръ вздрогнулъ.

— Чтѣ съ вами? спросилъ Пикильо.

— Ничего, отвѣчалъ герцогъ, тотчасъ же оправившись; вотъ и онъ идетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, герцогъ Уседа вышелъ изъ дворца и направился въ ту сторону, гдѣ завидѣлъ отца.

Пикильо полагалъ, что произойдетъ страшная сцена. Ничего не бывало. Министръ принялъ сына съ ласковою улыбкой.

— Я вижу, сказалъ онъ: вы пришли за опредѣленіемъ вашего кліента на мѣсто духовника королевы. Но вы находите меня въ истинномъ замѣшательствѣ. Я уже не могу распорядиться этимъ мѣстомъ.

— Однако жъ, вы обѣщали мнѣ, батюшка! возразилъ Уседа, измѣнившись въ лицѣ.

— Правда, холодно отвѣчалъ министр: но кто же нынче можетъ поручиться за возможность сдержать свое слово?

— И мнѣ вы не сдержали слова! мнѣ! вашему сыну!

— Чтѣ жъ дѣлать? Лучше не сдержатъ сыну, чѣмъ другому кому. У сына я найду больше снисхожденія къ моему положенію. Я былъ принужденъ.... А вы хотѣли отдать это мѣсто Эскобару?

— Да. Онъ человѣкъ достойный, съ дарованіями....

— Вѣрю. Вы должны уважать его: у него въ рукахъ ваша совѣсть, сказалъ министръ съ такимъ выраженіемъ, которое вполне могъ понять только Пикильо. Но королю не угодно было опредѣлить Эскобара. Онъ самъ назначилъ этого молодаго доминиканца Луиса Аллыагу и мнѣ нельзя же воспротивиться назначенію его величества.

Уседа съ изумленіемъ и бѣшенствомъ посмотрѣлъ на Пикильо, но встрѣтилъ такой гордый и грозный взглядъ, что принужденъ былъ тотчасъ же отворотиться. Министръ привѣтно махнулъ рукой молодому монаху и ближайшею аллеей поспѣшилъ во дворецъ.

Примѣтивъ короля, который съ Фернандомъ возвращался съ другаго конца сада, Уседа, пристыженный и разъяренный, побѣжалъ ему на встрѣчу. Онъ постоянно пользовался милостью Филиппа и несомнѣнно надѣялся взять верхъ надъ безвѣстнымъ монахомъ, мелкимъ искателемъ счастья. Онъ съ горечью жаловался на несправедливость и оскорбленіе, которыхъ сдѣлался жертвою.

Король посмотрѣлъ на Фернанда съ удивленіемъ, которое невозможно описать; и весело сказалъ Уседа:

— Какъ! вашъ отецъ не сдержалъ вамъ слова?

— Не сдержалъ, ваше величество. Неправда ли, это... не великодушно?

— Онъ отдалъ мѣсто Луису Альбага?

— Да, онъ сейчасъ самъ объявилъ мнѣ.

— Это удивительно! сказалъ король.

— Между-тѣмъ онъ говоритъ, что вы, ваше величество, принудили его; вы приказали отдать предпочтеніе не мнѣ, а какому-то бродячему неизвѣстному монаху!

— Вы этому не повѣрите. Вы знаете, что герцогъ и вашъ дядюшка Сандоваль назначаютъ людей на всѣ эти мѣста. Мнѣ остается только утверждать ихъ выборъ.

— Но этого вы теперь не сдѣлаете, ваше величество.

— Почему же нѣтъ? Вы знаете, что я не люблю поперечить вашему отцу, особенно тогда, когда дѣло идетъ объ опредѣленіи очень даровитаго и достойнаго молодаго человѣка, какъ увѣрять донъ Фернандъ д'Альбайда.

При этомъ всѣ трое подошли къ тому мѣсту, гдѣ оставался Пикильо.

— Да будетъ извѣстно, что мы утверждаемъ выборъ нашего министра, сказалъ король, положивъ руку на плечо молодому монаху: мы уважаемъ дарованія и благоправіе и назначаемъ Луиса Альбагу духовникомъ при особѣ нашей супруги.

Сказавъ это, король дотронулся до шляпы и ушелъ съ Фернандомъ въ покои.

Герцогъ Уседа, въ-конецъ смущенный, остался наединѣ съ Пикильо, который подступилъ къ нему и, пристально взглянувъ въ глаза, сказалъ:

— Вы сами хотѣли, чтобы я пошелъ въ монахи. Не обвиняйте же никого въ моемъ опредѣленіи, въ-особенности помните, что вы напрасно, годъ тому назадъ, выгнали меня изъ своего дворца. Нерѣдко случается, что маленькій человѣкъ бываетъ лучше большому.

Между-тѣмъ герцогъ Лерма, до крайности встревоженный и испуганный всѣмъ, что слышалъ, побѣжалъ къ своему брату Сандовалу, котораго нашелъ въ восхищеніи. Великій инквизиторъ снова и еще съ большимъ жаромъ уже нѣсколько мѣсяцевъ предавался своей религіозно-политической мечтѣ и вмѣстѣ съ Ри-

Бейрой усердно трудился надъ общими къ любимымъ проектомъ, въ исполненіи котораго они поставали благоденствіе и славу Ибрагін. Хотя они и принуждены были отложить изгнаніе Маврѣвъ, однако жъ никогда не покидали этого намѣренія. Твердая воля королевы; видимое покровительство, которое она оказывала Маврамъ; опасеніе, что она примирится съ королемъ, захватить власть и дать ходъ езуитамъ, если доминиканскій орденъ явно не поладитъ съ нею, побуждали, какъ мы видали, и упорство Сандовала и fanaticкое рвеніе архіепископа Валенсійскаго. Но задерживающіе потоки становятся тѣмъ женственнѣе и вѣрвѣе совершенно разрушаютъ преграды.

Монахи ждали только случая. Этотъ случай, по мнѣнію Сандовала, представился. Онъ полагалъ, что любовь короля къ Анхѣ уничтожила всякое вліяніе королевы и, слѣдовательно, ея покровительство Маврамъ также становилось ничтожнымъ и безсильнымъ. Слѣдовательно, можно начать дѣйствовать. Нужно заставить короля подписать повелѣніе объ изгнаніи и тотчасъ же исполнить это повелѣніе. Для этого уже отпразднаны въ Валенсію два или три полка, — всю военную силу, кака у Испаніи тогда была въ распоряженіи. Такойъ былъ удивительный планъ, который Сандоваль съ наслажденіемъ развивалъ передъ герцогомъ Леридѣ. Но министръ перебилъ его рѣчь довазательствомъ, что, напротивъ, никогда обстоятельствъ не были менѣе благоприятны исполненію такого предпріятія, и что самая любовь короля къ Анхѣ становилась новою преградой.

— Это отчего? вскричалъ Сандоваль.

— Оттого, что Анха Мавританка! Оттого, что она дочь Деласкара д'Альберика.

— Можетъ ли быть! вскричалъ инквизиторъ въ недоумѣніи: и король это знаетъ?

— Нѣтъ еще, кажется.

— Нужно сказать ему.... нужно извлечь изъ этого пользу, изгнать всѣхъ и ее первую. За насъ грома ватикана, папа, кардиналы и отлученіе.

— Э! да не въ этомъ теперь важность! вскричалъ министръ съ нетерпѣніемъ: мы съ вами здѣсь помышляемъ о томъ, какъ истребить горсть вредныхъ и жалкихъ враговъ внутреннихъ, тогда какъ настоящій непріятель подходитъ извнѣ, когда вся монархія можетъ обрушиться и похоронить насъ подъ своими развалинами.

Онъ разсказалъ ему о протестантской лигѣ, которой душу и славу составлялъ король французскій, и призвался, что при настоящемъ состояніи арміи и казны, не виднѣть никакого средства загородить Генриху дорогу въ Мадридъ, если ему угодно будетъ пожаловать.

Великій инквизиторъ остолебѣлъ.

— Однако жъ, сказалъ онъ, — Марія-Медичи и всѣ ея друзья на нашей сторонѣ. Они, за наши деньги, довольно усердно помогали намъ въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ.

— Да; но нынче Лувръ не то, что Эскуріаль: тамъ довольно интригъ.... можетъ-быть и больше чѣмъ у насъ, но тамошнія дворскія интриги нисколько не имѣютъ вліянія на ходъ дѣлъ при такомъ королѣ какъ Генрихъ, который все видитъ самъ! Я не вижу никакого человѣческаго средства отвести грозу.

— Такъ небо доставитъ намъ какое-нибудь! вскричалъ инквизиторъ.

— Папа и инквизиція? возразилъ министр: это громаы безсильные, оружія иззубренныя. Съ ними ничего не сдѣлаешь противъ Генриха, хотя онъ и католикъ. Вы видите, что католичество не помѣшало ему стать во главѣ протестантской лиги и идти на Испанію. Нѣтъ, нѣтъ, на папу тутъ нечего надѣяться.

— Однако жъ, если буря минуетъ насъ, если она будетъ отвращена и разбѣяна прежде нежели успѣетъ разразиться, перестанете ли вы тогда колебаться, присоединитесь ли, наконецъ, рѣшительно къ намъ съ Рибейрой и согласитесь ли дѣятельно помочь намъ въ великомъ дѣлѣ во славу вѣры и отечества?

— О! тогда, конечно.... безъ-сомнѣнія! отвѣчалъ министр, который въ эту минуту готовъ былъ согласиться на все, что угодно.

— Такъ поклянитесь же, что, если войны не будетъ, если дѣла съ Франціею устроятся, вы приступите къ изгнанію Мавровъ.

— Клянусь.

— И посвятите этому великому дѣлу всѣ ваши усилія, всѣ средства государства.

— Клянусь.

— Ну, хорошо, хорошо, любезный братецъ. Въ такомъ случаѣ еще есть надежда. Богъ побораетъ за насъ!

Великій инквизиторъ пошелъ молиться, а министръ сталъ раздумывать, какъ бы оградить по-крайней-мѣрѣ себя, если ужъ

невозможно спасти Испанію. Онъ не могъ похвалиться большою дальновидностію въ государственныхъ дѣлахъ, зато отлично предусматривалъ свои личныя выгоды. Онъ тогда года съ два уже принадлежалъ къ духовному сословію, въ которое вступилъ тотчасъ по смерти жены. Этотъ поступокъ, разумѣется, приписали частію супружеской скорби, частію набожности министра. Никто не догадался, что это была домашняя политика. Онъ задумалъ, на случай утраты благъ свѣтскихъ, приготовить себѣ вознагражденіе благами церковными. Можно лишиться мѣста министра, но кардиналу еще оставалась надежда быть папою. Поэтому Лерма спалъ и видѣлъ, какъ бы добиться кардинальства. Онъ уже хлопоталъ въ Римѣ, но теперь пришло такое время, что слѣдовало усилить настоятельныя просьбы и подвинуть дѣло поспѣшнѣе. Онъ пошелъ писать въ Римъ.

Между-тѣмъ Пикильо вышелъ, свободный и сильный покровительствомъ, изъ дворца, въ который вступилъ почти какъ арестантъ. Всякій другой на его мѣстѣ былъ бы ослѣпленъ счастіемъ и блестящею перспективой, которая открывалась передъ нимъ впереди. Онъ духовникъ королевы и черезъ Анху, безсомнѣнія, скоро можетъ свискать ея милость; онъ уже пользуется расположеніемъ и довѣріемъ королевы; онъ почти властелинъ надъ герцогомъ Лермой, потому что обладаетъ важнѣйшими его тайнами; онъ, сынъ Хпральды, Мавръ, бродяга, можетъ сдѣлаться столько же могущественнымъ какъ самъ министръ или великій инквизиторъ. Но въ душѣ его не было честолюбія. Его занимала только одна мысль: спасти Анху, если еще не поздно.

Прежде свиданія съ обожаемою сестрой, Пикильо поспѣшилъ къ графинѣ д'Альтампра.

Графиня была нездорова и не принимала.

— Она должна принять меня! строго возразилъ монахъ: скажите ей, что я Луисъ Алльяга.

Это имя, вѣроятно, и здѣсь произвело впечатлѣніе. Отца Луиса Алльягу попросили войти.

Однако жъ графиня не солгала, сказавшись нездоровою. Владившіеся глаза и блѣдное лицо доказывали томленіе безсонницей. Въ нѣсколько дней она стала на себя не похожею. Она, которая столько лѣтъ уже поддерживала побѣдительную войну съ временемъ, вдругъ какъ-будто признала себя побѣжденною: она лишилась красоты. Нервическій, судорожный трепетъ непрерывно потрясалъ ея черты и глухая, отрывистая рѣчь обнаруживала досаду и нетерпѣніе.

— Это вы! сказала она Альмега: какими судьбами?

— Намъ не дичего тратить много времени, графиня. Я сейчасъ объясню вамъ причину моего прихода, но прежде выслушайте меня горничную.

— Для васъ, почтеннѣйшій отецъ? спросила графиня съ насмѣшливою улыбкой.

— Нѣтъ, графиня, для васъ.

Горничная вышла.

— Графиня, продолжать Альмега, когда двери затворились: вы поклялись погубить дѣвушку, которую я поклялся защищать. Это моя сестра, Анха.

— Что за мысль! возразила графиня съ надменною, презрительной улыбкой: мнѣ клясться погубить герцогиню Сантаремъ! Для этого ей не нужно моего содѣйствія... любимица короля...

— Сумѣете оградить свою честь и доброе имя, перебилъ Никаньо: въ этомъ можете положиться на насъ, графиня. Вы очень хорошо сказали: она для этого не нуждается ни въ чьемъ содѣйствіи. Но не такъ легко ей будетъ оградить свою жизнь отъ покушеній подлыхъ убійцъ.

— Что вы хотите сказать? вскричала графиня вздрогнувъ.

И она устремила на молодого человѣка безпокойный и угрожающій взглядъ.

— Ваше встревоженное лицо достаточно объяснило бы все, что я хочу сказать, если бы мнѣ нужны были объясненія. Но мы здѣсь не въ монастырѣ у езуитовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы уже вышли, сказала графиня, стараясь оправиться: говорятъ, вы бѣжали отъ нихъ?

— Да, графиня, у всякаго свой вкусъ: мнѣ не нравилось быть въ езуитскомъ монастырѣ. Но есть знатныя дамы, которыя въ этомъ отношеніи не похожи на меня... Однако жъ, оставимъ езуитовъ и ихъ обычаи; оставимъ намеки и извороты и станемъ говорить откровенно. Анха мѣшаетъ вамъ и вы поклялись уничтожить ее.

— Я, сударь? вскричала графиня съ высококомѣрнымъ негодованіемъ.

— Вы хотите убить ее...

— Послушайте, такая клевета...

— Отравить!

— Ваша новая одежда не защититъ васъ, сеньоръ Никаньо Альмега. Я жестоко накажу васъ за это оскорбленіе.

Она встала и хотѣла позвонить, но Пикильо схватилъ ее за руку и принудилъ сѣсть.

— Сперва выслушайте меня. Если бы я хотѣлъ только погубить васъ, я не былъ бы здѣсь: я подалъ бы мою жалобу въ судъ инквизиціи, къ которому самъ нынче принадлежу какъ членъ, и вы и ваши сообщники теперь уже были бы подъ пѣткой. Но вы тѣтка Фернанда д'Альбайды и Карменъ; вы сестра донъ Хуана д'Агилара, моего благодѣтеля и втораго отца. Это спасаетъ васъ. Я буду молчать, но съ условіемъ: вы откажетесь отъ вашего намѣренія, если еще не поздно, если, продолжалъ онъ, приталено вглядываясь въ смущенное лицо графини, если вы еще не исполнили его.

— Я! возразила графиня, трепеща вслѣдъ тѣломъ о какомъ намѣреніи вы говорите?

— Вы это знаете лучше меня. И Богъ тоже знаетъ.

И важнымъ, торжественнымъ голосомъ, какъ судья, который произноситъ приговоръ, Пикильо прибавилъ:

— Вы отъ отца Хероме получили хрустальный флаконъ...

Графиня воскликнула.

— Съ золотой крышкою, украшенною изумрудомъ.

Графиня закрыла лицо руками. Пикильо продолжалъ:

— Въ этомъ флаконѣ заключается ядъ... медленный, но убійственный.

Графиня упала на колѣни и протянула руки.

— Хорошо. Вотъ, теперь вы на своемъ мѣстѣ. Но вамъ не нужно просить меня: вы не мнѣ, а вашему благородному брату обязаны помилованіемъ. Онъ видитъ насъ обокъ въ эту минуту, и, его именемъ я требую, графиня, отдайте мнѣ флаконъ.

— Отдать! вскричала графиня, бросивъ на Пикильо блуждающій отъ ужасу взглядъ.

— Отдать сейчасъ же. Я не могу оставить вамъ оружіе, которое вы носите противъ моей сестры. Отдайте.

— Но... отецъ мой...

— Я требую! грозно вскричалъ Пикильо: или донъ Хуанъ д'Агиларъ уже не защититъ васъ и я не ирошу.

Графиня, шатаясь, встала, отворила небольшую шкатулку и вынула флаконъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, сказала она возвращаясь: вы скажете мнѣ, какимъ образомъ вы открыли эту тайну?

— Нѣтъ, этого вы никогда не узнаете, а я и впередъ буду

пользоваться этимъ средствомъ, чтобы тотчасъ же узнавать всѣ замыслы, какіе еще могутъ родиться у васъ.

Графиня не могла удержать движенія досады и ярости, однако успѣшила подавить ихъ и подала Аллыагѣ флаконъ.

Пиккильо посмотрѣлъ и вскрикнулъ отъ ужасу. Ядъ употребляли! Это было очевидно, потому что въ флаконѣ оставалось не болѣе трехъ четвертей жидкости. Пиккильо поблѣднѣлъ и зашатался. Графиня бросилась къ нему, но тутъ весь гнѣвъ его воротился. Помышляя уже только объ отмщеніи за сестру, онъ вскричалъ:

— Преступленіе совершенно! Я не обязанъ ни щадить, ни милловать васъ.

Онъ пошелъ къ дверямъ. Графиня унала ему въ ноги.⁴

— Клянусь вамъ! говорила она: клянусь вамъ, я не употребляла этого флакона! Хероме далъ мнѣ его такъ, какъ видите!... Клянусь вамъ Богомъ и всѣми святыми!...

И примѣтивъ, что Пиккильо ухватился за эту надежду и остановился въ нерѣшимости, она продолжала съ выраженіемъ искренности, которая казалось вырывалась прямо изъ сердца:

— Вы вѣдь сами знаете! вы видѣли этотъ флаконъ прежде чѣмъ онъ достался мнѣ.

— Неужели Алха доселѣ была пощажена?

— Ей нечего опасаться, отвѣчала графиня съ видимымъ смущеніемъ.

— Вы клянетесь?

— К чему моя клятва?.. Вы сами увидите, что я говорю правду. Вѣдь вы знаете, какъ дѣйствуетъ этотъ ядъ.

— Да, черезъ мѣсяцъ онъ начинаетъ убивать, а этотъ флаконъ десять дней былъ въ вашихъ рукахъ.

— Но я его не употребляла, клянусь вамъ!... Если же я васъ обманываю, если малѣйшее дѣйствіе его окажется на герцогинѣ Сантаремъ, то вѣдь вы всегда имѣете возможность отмстить мнѣ!...

— Да, и тогда ничто не остановитъ моего мщенія. Въ этомъ можете быть увѣрены. Что касается до Хероме и Эскобара, которыхъ я не могу наказать, не задѣвши васъ, скажите, что я прощаю имъ съ условіемъ, чтобы они остерегались оскорбить Алху. На этомъ условіи мы заключаемъ миръ, а ильтъ, такъ будетъ война! Прощайте.

Въ тотъ же вечеръ изумленіе и страхъ обуяли почтеннѣйшихъ отцовъ езуитовъ, въ хенаресскомъ монастырѣ.

Какимъ образомъ Пикильо овладѣлъ тайною? Это было необъяснимое, непостижимое, сатанинское колдовство! Ни графиня д'Альтамира, ни езуиты не могли придумать ни какого объясненія. Но когда еще Эскобаръ узналъ, что Пикильо отбилъ у него мѣсто духовника королевы, то рѣшительно вышелъ изъ себя. Почтеннѣйшіе отцы такъ озлобились противъ бывшаго своего ученика и брата, что торжественно поклялись враждовать до смерти, до послѣдней капли крови. Вслѣдствіе этого, разумѣется, прежде всего рѣшили предложить ему миръ, союзъ и дружбу.

— Но его не проведешь, замѣтилъ Эскобаръ: онъ нашъ воспитанникъ.

— Онъ недолго былъ у насъ! возразилъ Хероме.

— Всѣ-равно: наши уроки не забываются. Основныя начала навсегда остаются.

— Впрочемъ, продолжалъ настоятель, Алъиага только хвастаетъ, что знаетъ всѣ наши тайны. Самой важной онъ, конечно, не знаетъ: иначе онъ открылъ бы ее.

— Правда, подтвердила графиня.

— Онъ принялъ бы какія-нибудь мѣры, особенно теперь.

— Справедливо, сказала графиня съ радостью.

Съ этой минуты она стала дышать свободнѣе и начала успокоиваться. И въ самомъ дѣлѣ, недавно, въ страшной тайнѣ, случилось гораздо болѣе важное происшествіе, о которомъ Алъиага не зналъ. На этомъ Хероме и друзья его основывали свои надежды и успѣхъ новыхъ замысловъ.

Пикильо и Анха свидѣлись. Радость Анхи была такъ нѣжна, такъ жива и восторженна, что въ одну минуту вознаградила Пикильо за всѣ его страданія. Живя въ домѣ сестры, онъ видѣлъ осуществленіе самыхъ великолѣпныхъ своихъ надеждъ. Съ утра до вечера дни его протекали подлѣ Анхи. Ему она довѣряла свои радости, свое горе, самыя тайныя мысли.... не всѣ, быть-можетъ, но она скрывала отъ него только тѣ, которыя желала скрыть отъ себя самой. Безпрерывно помышляя о любимомъ братѣ, она всячески старалась украсить жизнь, которую онъ пожертвовалъ для нея. Она сама убрала его покои и библіотеку со всею роскошью, какую только могло доставить огромное богатство. Дни, въ которые она не бывала при дворѣ, совершенно посвящались ему. Подлѣ своей сестры и Карменъ Пикильо на-

шелъ опять счастливейшіе дни своей жизни, такіе же, какіе проводилъ въ домѣ д'Агилара.

Но изъ тронхъ друзей самая веселая и самая счастливая была Карменъ. Она видѣла приближеніе минуты, когда должны были исполниться всѣ ея надежды. Наступилъ срокъ ея свадьбы съ Фернандомъ.

— Да, говорила Анха съ нѣжною улыбкой: черезъ двѣ недѣли Карменъ выйдетъ замужъ и тебѣ, братецъ, въ новомъ твоёмъ положеніи, останея по-крайней-мѣрѣ та надежда, что ты можешь благословить ее.

— Да, я надѣюсь! вскричала Карменъ: и мое счастье еще увеличится, когда я получу его изъ рукъ друга.

— Ахъ, возразилъ Пикильо: я, напротивъ, опасаясь, что принесу и вамъ несчастье, которое всюду преслѣдуетъ меня.

— Но здѣсь по-крайней-мѣрѣ его цѣтъ съ тобою? сказала Анха: мы уже не разстанемся. И Исидъ тоже будетъ всегда съ нами.

И она сказала ему о своемъ давно принятомъ намѣреніи никогда не выходить замужъ.

Одна эта мысль исполняла всѣ желанія молодаго монаха. Онъ забылъ всѣ свои невольцыя лишенія и жертвы и былъ бы совершенно счастливъ, если бы одна неотступная тревожная мысль не смущала его веселья и не наводила безсонницы. Несмотря на клятвы графини д'Альтамыры, онъ не могъ успокоиться. Она могла обмануть его, чтобы выиграть время и избѣжать мщенія. Каждый день онъ всматривался въ черты Анхи, сперва съ сомнѣніемъ, потомъ со страхомъ и трепетомъ: онъ не могъ не примѣтить, что она измѣнялась. Анха со дня на день блѣднѣла и худѣла. Карменъ и даже Исидъ ничего не примѣчали, а Фернандъ почти никогда не взглядывалъ на нее и большею частію приходилъ въ тѣ часы, когда она бывала при дворѣ. Но отъ проницательнаго взгляду Пикильо не могло укрыться страданіе Анхи. Онъ видѣлъ какъ она изнемогала, и какъ черезъ силу старалась казаться веселою и принимать участіе въ радости Карменъ.

Однажды, оставшись наединѣ съ сестрою, Пикильо пристально смотрѣлъ на нее и самъ блѣднѣлъ и трепеталъ.

— Чтѣ съ тобою, братецъ? спросила она: что ты такъ смотришь на меня?

— Миѣ кажется, что ты измѣняешься.

— Я? возразила Анха краснѣя: не думаю.

— У тебя нѣтъ тайнаго, внутренняго страданія?

— Почему ты такъ думаешь?

— Я вижу, я угадываю.

Аиха, только-что покраснѣвшая, поблѣднѣла какъ смерть.

— Видишь! вскричалъ Пикильо: ты напрасно скрываешься.

Признайся, что ты чувствуешь? Скажи мнѣ все!

— Молчи, молчи! не спрашивай! вскричала Аиха, почти на колѣняхъ.

— Я знаю, какая опасность угрожаетъ тебѣ, продолжалъ Пикильо.

— Нѣтъ, братецъ, опасности нѣтъ.

— Есть! есть больше нежели ты полагаешь. И чтобы предохранить, чтобы спасти тебя, если еще есть время, я лучше открою тебѣ всю истину.

— Говори, братецъ. Что бы это ни было, я все могу выслушать, говори.

И, собравъ всю свою твердость, Аиха стала слушать холодно и неподвижно какъ статуя.

Пикильо рассказалъ ей объ ужасномъ замыслѣ графини д'Альтамира; о томъ, какъ открылъ эту тайну, и о своемъ послѣднемъ свиданіи съ графиней.

По-мѣрѣ-того какъ онъ говорилъ, Аиха приходила въ себя: блѣдныя щеки и губы ея воротили свой живой цвѣтъ; лобъ прояснился и сердце успокоилось.

— Только-то! сказала она, когда Пикильо кончилъ.

— Какъ! вскричалъ Пикильо, изумленный ея спокойствіемъ: это не поражаетъ тебя? Развѣ ты не поняла, когда я тебѣ говорилъ, что тебя хотѣли отравить?

— Слышала.

— Если же ты уже сдѣлалась жертвою!

— Пусть!... Дай Богъ, чтобы это было такъ, братецъ! вскричала она вдругъ, какъ-бы въ помѣшательствѣ.

— Что съ тобой? что ты хочешь сказать? съ ужасомъ спросилъ Пикильо.

— Напрасно ты остановилъ графиню.... Пусть бы она кончила.

— Отчего же такъ?... Отвѣчай мнѣ!

— Отчего?... отчего? говорила она приходя въ себя: оттого что я съумасшедшая!... У меня, видишь ты, здѣсь и здѣсь (она приложила руку къ сердцу и къ головѣ) есть острая боль, ко-

торая никогда не покидает меня... и это боль такая, что я часто думаю, что лучше бы мнѣ было умереть.... Но это пройдет, влянусь тебѣ. Успокойся, братецъ.

— Нѣтъ нѣтъ, я не могу успокоиться! Ты помнишь.... съ того времени, о которомъ я тебѣ говорю.... не была ли ты гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ графиней д'Альтамира?... не была ли ты у нея?

— Одинъ разъ или два, я видѣлась съ нею при дворѣ.

— Ты ничего не принимала изъ ея рукъ?

— Нѣтъ, братецъ.... сколько я помню, ничего не брала.

— Ничего съѣстнаго, ни какого питья?

— Ничего, божусь тебѣ!

— Однако жъ флаконъ всё-таки былъ употребленъ! вскричалъ

Пикильо.

— Покажи мнѣ этотъ флаконъ, сказала Анха.

— На что тебѣ?

— Такъ, я хочу посмотрѣть. Развѣ мнѣ не позволено быть любопытною.

— На, посмотри.

Она осмотрѣла флаконъ со вниманіемъ.

— Какъ странно! сказала она потомъ.

— Что ты! что ты дѣлаешь?

— Хочется разбить.

— Нѣтъ, нѣтъ, не разбивай. Для страха графини нужно чтобы онъ былъ въ нашихъ рукахъ. Это улика ея преступленія.

— Ну, хорошо, я спрячу его.

— Пожалуй, но только будь осторожнѣе.

— Не беспокойся, братецъ. Я всегда осторожна.

Несмотря на это обѣщаніе, Пикильо продолжалъ наблюдать и чѣмъ ближе мѣсяцъ подходилъ къ концу, тѣмъ болѣе, казалось, болѣзнь Анхи развивалась. Но кромѣ ея брата никто не примѣчалъ этого. Правда, что Анха истощала всѣ усилія, скрываясь отъ другихъ и не боясь измѣнить себѣ только передъ однимъ братомъ, который молча смотрѣлъ на нее и страдалъ ея страданіемъ. Этимъ однимъ онъ почти облегчалъ его.

День, назначенный для свадьбы, приближался. Оставалось еще двое сутокъ. Королева принимала живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ. Она хотѣла почтить вѣнчаніе своимъ присутствіемъ и желала, чтобы оно было совершено съ приличною пышностью въ дворцовой церкви. Она говорила объ этомъ съ своимъ духовни-

комъ, котораго съ первой же минуты приняла чрезвычайно благо-склонно. Это былъ братъ Анхи и Иесидо и, сверхъ-того, у самого Луиса Алъяга было довольно достоинствъ, чтобы заслужить рае-положеніе.

Пикильо уже исполнялъ должность духовника королевы, но бумаги еще не были ему выданы. Наканунъ свадьбы Карменъ онъ отправился въ инквизицію, чтобы получить ихъ.

Донъ Мануэло Эсковедо былъ тѣмъ-то занятъ въ другомъ от-дѣленіи и Пикильо дожидался его. Въ приемной было довольно много просителей, которые также ждали, кто правителя дѣлъ, кто очереди доступа въ кабинетъ великаго инквизитора. Число ихъ увеличилось, когда явился еще одинъ человекъ стран-наго виду, въ черной, очень поношенной одеждѣ; лѣтъ тридцати, худой, желтый, съ блѣдными, тонкими губами и мрачнымъ, по-тушленнымъ взглядомъ.

— Бѣдный! подумалъ Пикильо, таковъ и я здѣсь былъ нѣ-сколько недѣль тому назадъ. Онъ тоже, вѣроятно, ходитъ только затѣмъ, чтобы ждать здѣсь.

Пикильо ошибся. Незнакомецъ, примѣтивъ, что у двери каби-нета тѣснится большая толпа, поднялъ блуждающій взоръ; чер-ты его оживились и онъ, съ выраженіемъ вдохновеннаго, вскри-чалъ :

— Пустите! пустите! *Coeli asperite portas!* (Небу отворите двери!)

Удивленная толпа раздвинулась; стоявшій у дверей экзекуторъ учтиво подошелъ къ незнакомку и сказалъ :

— Пожалуйте.

Лицо незнакомца приняло прежнее мрачное выраженіе. Онъ сложилъ руки на груди, потупилъ глаза и медленно вошелъ въ кабинетъ великаго инквизитора. Въ толпѣ просителей пробѣжалъ глухой ропотъ неудовольствія. Многие ждали очереди съ самаго утра и не могли безъ досады видѣть, что пришедшій послѣ всѣхъ вошелъ первый. Досада эта возрасла еще болѣе, когда незнакомецъ, очевидно пользуясь какимъ-то особеннымъ правомъ, самымъ бесовѣстнымъ образомъ продлилъ свое свиданіе съ ве-ликимъ инквизиторомъ.

Между-тѣмъ воротился донъ Мануэло Эсковедо и выдалъ от-цу Луису Алъягѣ документы.

Въ эту минуту дверь кабинета отворилась и незнакомецъ вы-шелъ такъ же важно какъ вошелъ.

— Вы знаете этого человѣка? спросилъ Альяга у правителя дѣлъ.

— Нѣтъ. Я знаю только, что онъ Французъ. По его бумагамъ, которыя я читалъ, онъ родился въ Ангулемѣ и былъ тамъ школьдымъ учителемъ.

— А какъ его зовутъ?

— Равальякомъ. Онъ теперь возвращается во Францію.

Аиха не одна была предметомъ опасеній для Пикильо. Состояніе Иесида также тревожило его. Иесидъ былъ уже не тотъ, ятò прежде, какъ къ брату, такъ и къ друзьямъ. Фернандъ д'Альбайда нѣжно любилъ его и очень удивлялся непонятной перемѣнѣ.

— Кто бы этому повѣрилъ прежде! говорилъ онъ своей невѣстѣ: Иесидъ сталъ честолюбивъ.

— Неужели?

— Да. Видишь, какъ онъ воспользовался приглашеніемъ королевы. Каждый день бываетъ при дворѣ. Я сначала думалъ, что онъ это дѣлаетъ для того, чтобы охранять Аиху....

— Да, разумѣется! это естественно! вскричала Карменъ.

— Вѣрю. Это могло быть такъ сначала. Но теперь Иесидъ бываетъ во дворцѣ даже тогда, когда Аихи тамъ нѣтъ. Онъ почти не выходитъ изъ пріемной залы. Нѣтъ царедворца болѣе усерднаго. Почести, отличія и титулы, очевидно, ослѣпили его. Онъ добивается чего-нибудь.

— Чего же?

— Не знаю. По законамъ Филиппа-Второго некрещенный Мавръ не можетъ занимать никакого мѣста въ государственной службѣ.

— Но нельзя ли ему помочь какъ-нибудь?

— Трудно. Впрочемъ, до-сихъ-поръ онъ еще ничего не просилъ. Никто не знаетъ, чего ему хочется. Но каковъ бы ни былъ предметъ его желаній, ему трудно будетъ достигнуть цѣли, несмотря на вліяніе Аихи и Пикильо, который тоже входитъ уже въ большую силу. Между-тѣмъ бѣднаго Иесида узнать нельзя. Онъ, типъ красоты и изящества; онъ, первый изъ привлекательныхъ кавалеровъ Испаніи, сталъ на себя не похожъ! Сохнетъ, худѣетъ, и характеръ, добрый, откровенный, веселый, превратился въ мрачный и брюзгливый.

— Ахъ! какая это гадкая страсть, честолюбіе! вскричала Карменъ.

Фернандъ говорилъ правду: Иесидъ съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе и приводилъ брата въ отчаяніе. Пикильо наблюдалъ за нимъ, видѣлъ опустошенія, которыя съ каждымъ днемъ больше производила какая-то тайная болѣзнь. Иесидъ пожирала какъ-будто горячка. Сердце его, наполненное рыданіями, часто, казалось, готово было надорваться.

— Развѣ ты не видишь меня, Иесидъ? говаривалъ тогда Пикильо: развѣ ты не хочешь, чтобы я утѣшалъ, чтобы я плакалъ съ тобою? Откройся же, братъ мой! скажи мнѣ все!

— Не могу! отвѣчалъ Иесидъ: но останься здѣсь, со мною. При тебѣ мнѣ легче.

Аиха говорила ему почти то же, и Алльяга, можетъ-быть болѣе несчастный нежели оба они, обнимъ служилъ опорой и утѣшителемъ. Вся жизнь его проходила въ стараніяхъ облегчить страданія, которыхъ онъ не понималъ, которыя однако жъ раздѣлялъ, забывая свои собственныя. Такимъ образомъ онъ благородно выполнялъ клятву жить для своихъ ближнихъ. На него одного падали всѣ ихъ скорби, но онъ не изнемогалъ подъ этимъ бременемъ: онъ каждый день почерпалъ новыя силы въ пламенной и высокой любви, которая наполняла его сердце, въ самоотверженіи и даже въ новой своей вѣрѣ, которую принялъ по принужденію, но начиналъ уже любить, потому что эта вѣра въ чистотѣ своей — другъ несчастныхъ и слабыхъ, утѣшеніе немощныхъ и страждущихъ.

Иесидъ отъ оцѣпенѣнія пробудило одно слово отца.

« Пріѣзжай, сынъ мой! ты мнѣ нуженъ, писалъ д'Альберикъ: « пріѣзжай тотчасъ. »

И какъ ни велика была надъ Иесидомъ власть «честолюбія», которое влекло его ко двору, какъ говорилъ Фернандъ, онъ тотчасъ же побѣжалъ къ Аихѣ, объявилъ о своемъ отъѣздѣ и въ тотъ же день отправился. Это было наканунѣ свадьбы Карменъ. Аиха была занята распоряженіями, которыя она, какъ заботливая мать, всѣ взяла на себя. Бодрость и силы ея удваивались: ее поддерживала та мысль, которая обновляетъ истощенныя силы путника, когда онъ видитъ, что цѣль уже близка.

Вечеромъ она приказала никого не принимать и сидѣла съ Карменъ, которая говорила ей о своемъ счастьи. Аиха исполняла свой долгъ преданности до конца: у нея достало духу слушать и улыбаться. Потомъ доложили, что швея принесла подвѣнечное платье и просила сеньору Карменъ примѣрить. Карменъ векрык-

нула отъ радости и поцѣловала Анху на прощанье, какъ-будто уже не надѣялась увидѣть ее въ тотъ вечеръ: дѣло предстояло не маловажное и требовало времени.

Анха была очень рада этому уходу: онъ избавлялъ ее отъ принужденія. Она вздохнула свободнѣе и, опустивъ голову на грудь, предалась единственной своей отрадѣ: она вольна была чувствовать свое несчастье.

Но скоро стукъ подѣхавшаго экипажа снова пробудилъ ее отъ мечтаній и, несмотря на данное въ передней приказаніе, дверь отворилась. Вошелъ Фернандъ д'Альбайда. Жениха нельзя было не пустить къ невѣстѣ.

— Извините, герцогиня, сказалъ онъ съ смущеніемъ: мнѣ сказали, что Кармень здѣсь, съ вами.

— Она сейчасъ была здѣсь. Но, я думаю, вамъ нельзя будетъ видѣть ее. Она примѣриваетъ свое подвѣнечное платье.

— Да.... тогда, конечно, нельзя, сказалъ Фернандъ, и смущеніе его увеличилось.

Съ минутоу оба молчали и это еще болѣе приводило Фернанда въ замѣшательство. Анха казалась совершенно спокойною. Она поспѣшила завести разговоръ и чрезвычайно ловко говорила о предстоящемъ торжествѣ, о чести, которую всѣмъ имъ оказываетъ королева своимъ присутствіемъ.

Фернандъ не отвѣчалъ.

Анха заговорила о Карменъ, о ея красотѣ и добродѣтеляхъ и въ-особенности о преданной и безпредѣльной любви, которую она питала къ своему жениху, къ своему мужу.

Фернандъ всё молчалъ и смотрѣлъ въ землю. Грудь у него волновалась.

Наконецъ Анха указала ему на стрѣлку часовъ.

— Это очень натурально, что женихъ забываетъ время въ домѣ у невѣсты, сказала она съ улыбкою: однако уже поздно, а завтра вы рано должны опять явиться сюда.

Она встала. Фернандъ тоже всталъ и, собираясь идти, сказалъ:

— Выслушайте меня! Я исполняю то, что вы требовали; я повинуюсь вамъ.... Жертва, которую я считалъ невозможною.... завтра будетъ приписана.

Анха въ свою очередь хранила молчаніе.

— Вѣрный чести и долгу, я сдержу слово, данное д'Агилару и вамъ.... Но больше не требуйте.

Анха посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Да, я устоялъ противъ всёхъ терзаній, я нашелъ столько смѣлы, что могъ жить, и жилъ для того, чтобы сдержать клятву, дать руку и имя дочери д'Агилара. Но съ этимъ оканчиваются мои обязанности.... Я буду хозяиномъ моей жизни и,.... завтра, Анха.... завтра я перестану страдать. Прощайте.

— Фернандъ! вскричала она: останьтесь!.... Останьтесь!... я вамъ приказываю!

Фернандъ остановился у двери.

— Нѣтъ, Фернандъ, продолжала Анха: ваши обязанности этимъ не оканчиваются. Сдержать клятву такимъ образомъ—значитъ совершенно нарушить ее, значитъ погрѣшить противъ чести. Вы донь Хуану д'Агилару обѣщали отдать его дочери не только руку и имя. Чтѣ онъ вамъ говорилъ? Вѣдь я слышала! Онъ вѣрилъ вамъ счастье своей дочери. «Сдѣлай ее счастливою!» говорилъ онъ. А вы, донь Фернандъ д'Альбайда, грандъ испанскій, вы подняли руку и отвѣчали. «Клявусь исполнить!» И эту клятву вы полагаете сдержать, лишая Карменъ всего ея счастья; всего чтѣ она любитъ; осуждая ее на вдовство, на вѣчныя слезы, на смерть, быть-можетъ! Пусть донь Хуанъ д'Агиларъ встанетъ изъ могилы и скажетъ, этого ли онъ требовалъ отъ своего племянника.

— Вы, можетъ-быть, правы, отвѣчалъ Фернандъ, потупя голову: но если я поступлю иначе, она будетъ еще несчастливѣе. Я лучше желаю, чтобы она оплакивала меня мертвого, чѣмъ ненавидѣла бы какъ пзмѣнника. Я чувствую, что у меня никогда не станетъ ни умѣнья, ни силы, ни смѣлости скрыть любовь, которая жжетъ мое сердце. Она восторжествовала надо мной и надъ моимъ разсудкомъ. Я изнемогаю.

— Чтѣ же вы скажете.... вы, военный человекъ и полководецъ.... чтѣ вы скажете о томъ изъ вашихъ солдатъ, который разсудитъ, что опасность слишкомъ велика въ сраженіи, куда вы его посылаете, и рѣшится лучше бѣжать? Какъ вы назовете такого солдата?

— Конечно.... трусомъ, отвѣчалъ Фернандъ, краснѣя.

— И, конечно, вы не станете подражать ему! Какъ бы ни трудно было ваше дѣло, вы исполните его. Вы сдѣлаете побѣдить себя! вы управите своимъ сердцемъ и своимъ взоромъ. У васъ достанетъ твердости быть несчастнымъ, лишь бы она была счастлива.

— Нѣтъ! это невозможно!

— Невозможно! повторила Аиха съ презрѣніемъ: невозможно имѣть твердости!.... Но у меня же достаетъ ея, а я — женщина!

При этомъ словѣ Фернандъ вскрикнулъ отъ восторгу и протянулъ къ Аихѣ руки.

— Молчите, молчите! продолжала она: это слово вырвалось у меня нечаянно.... Это слово покрываетъ меня стыдомъ, но я не пожалѣю объ немъ, если оно можетъ придать вамъ твердости.

— Теперь мнѣ все вѣроятно! Говорите, приказывайте!

— Хорошо, слушайте. Я, такъ же какъ донъ-Хуанъ д'Агиляръ, вѣрю вамъ счастье Карменъ, моей сестры и друга. Пусть всѣ ваши минуты будутъ посвящены ея счастью; пусть всѣ ваши силы будутъ устремлены на то, чтобы скрыть и забыть всякую иную любовь. Вы завтра же уйдете съ нею. Я попрошу королеву, она доставитъ вамъ мѣсто губернатора въ Валенсіи или Гренадѣ. Ваше имя и ваши заслуги даютъ вамъ право на это.

— А вы, Аиха!.... вы?....

— Я?.... я вамъ скажу: поступая такимъ образомъ вы очистите меня въ собственныхъ моихъ глазахъ. Чувствомъ, за которое сейчасъ красѣла, я буду гордиться, когда увижу, что предметъ его — предметъ достойный. Поѣзжайте, Фернандъ, поѣзжайте и возьмите съ собою мое уваженіе и мою дружбу. Обо мнѣ не беспокойтесь. Я уже привыкла къ несчастію. Если же оно окажется выше силъ моихъ.... если я изнемогу, вы, въ утѣшеніе себѣ, скажете: я не одинъ страдалъ.

Фернандъ вѣ себя вскричалъ:

— Я повинуюсь! я повинуюсь!.... Я буду достоинъ васъ! Моя твердость сравняется съ вашею. Клянусь вамъ, Карменъ будетъ счастлива, хотя бы это стоило мнѣ всей моей крови....

— Тише! сказала Аиха, прислушиваясь: вы не слышите шороху?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Фернандъ: я ничего не слышу.... Развѣ вѣтеръ пошевелилъ эту драпировку.

— Прощайте, сказала Аиха: уже поздно. Прощайте.... до завтра.

Фернандъ уѣхалъ.

— Странно! думала Аиха, оставшись одна и снова прислушиваясь: мнѣ казалось, будто кто ходитъ въ комнатѣ.

Она приподняла драпировки и посмотрѣла. Никого не было.

— Нѣтъ, я ошиблась.

Однако жъ она не ошиблась.

Примѣривая подвѣнечное платье, Карменъ услышала стукъ знакомаго экипажа и, поспѣшно кончивъ нарядъ, который на этотъ разъ былъ весь впору, тихонько пошла въ гостиную, гдѣ, какъ ей сказали, ея ожидаетъ женихъ.

Она хотѣла неожиданно обрадовать Фернанда, хотѣла ему первому показаться въ нарядѣ, который на другой день уже не можетъ произвести на него такого впечатлѣнія, потому что сдѣлается достояніемъ не его одного, потому что женихъ долженъ будетъ раздѣлить удовольствіе съ цѣлою толпою чужаго народу.

Сердце у нея трепетало отъ радости, когда она воображала, какъ тихонько подкрадется и вдругъ явится передъ сестрою и женихомъ въ полномъ блескѣ.

Съ этою мыслью она приподняла одну дверную драпировку и остановилась за второю, когда услышала свое имя.

— Милые! они только обо мнѣ и думаютъ! подумала она и стала подслушивать.

И въ нѣсколько секундъ все ея счастье рушилось, все существованіе уничтожилось. Она видѣла, правда, что имѣетъ самую благородную, самую великодушную подругу; но эту подругу Фернандъ любитъ и она любитъ Фернанда! Онъ женится на Карменъ только длятого, чтобы сдержать слово д'Агилару. И эта жертва, можетъ-быть, будетъ стоять жизни двумъ существамъ, которыхъ Карменъ любитъ больше всего на свѣтѣ.

Блѣдная, бѣгле своего подвѣнчнаго платья, въ праздничномъ нарядѣ и убранная цвѣтами, бѣдняжка выслушала свой разговоръ и чувствовала приближеніе смерти. Ей хотѣлось закричать: «Неблагодарные! я прощаю вамъ! Будьте счастливы... пусть я одна умру». Но голосъ замеръ на губахъ ея. Боясь упасть въ обморокъ, она отступила на шагъ, за первую драпировку и тамъ перевела духъ. Въ эту-то минуту Анхѣ послышался шорохъ. Покуда уходилъ Фернандъ, покуда они прощались, Карменъ въ онѣмѣніи, въ безпамятствѣ воротилась въ свою комнату и просила у неба только одной милости, — смерти.

На другой день домъ герцогини Сантаремъ гудѣлъ отъ необычайнаго движенія. Толпа слугъ суетливо бѣгала взадъ и впередъ по комнатамъ и корридорамъ. На дворѣ музыканты полка, которымъ командовалъ Фернандъ д'Альбайда, наигрывали торжественныя и веселыя піесы. Королевскіе пажи пришли, обремененные подарками, которые Маргарита посылала невѣстѣ. Къ

крыльцу одинъ за другимъ подѣзжали экипажи всей испанской знати.

Первая прѣехала графиня д'Альтамбра и, какъ близкая родственница, прямо прошла въ уборную невѣсты, чтобы присмотрѣть за туалетомъ.

Аиха была въ залѣ. Блѣдная, но прекрасная, съ улыбкой на губахъ, съ сіяніемъ отъ брилліантовъ на головѣ и съ смертью въ сердцѣ, она принимала гостей и исполняла всѣ обязанности хозяйки, съ достоинствомъ царицы. Въ одно время, черезъ двѣ противоположныя двери вошли донъ Фернандъ д'Альбайда, въ богатомъ костюмѣ, украшенный знаками испанскаго града, и тихій, скромный молодой аббатъ Луисъ Алляга. Посреди всей раззолоченой толпы онъ видѣлъ только одну Аиху и ужаснулся ея блѣдности; но, встрѣтивъ ея взглядъ, снова воротилъ свою бодрость. Ждали только невѣсты. Но невѣста не являлась.

Наконецъ дверь, на которую всѣ уже смотрѣли съ нетерпѣніемъ, отворилась и, вмѣсто невѣсты, вмѣсто Карменъ, вошла графиня д'Альтамбра, совершенно разстроенная и перепуганная. Былъ ли этотъ ужасъ истинный или притворный, но только графиня рассказала, что нашла свою племянницу въ горячкѣ, въ страшномъ бреду, произносящую безсвязныя рѣчи, прерываемыя рыданіями, и припадокъ этотъ дотога силенъ, что можетъ имѣть ужасныя слѣдствія, если не будутъ приняты быстрыя мѣры.

Фернандъ, Аиха и Пикильо побѣжали къ Карменъ. Гости стали разѣзжаться и съ удивленіемъ разсуждали между собою объ этомъ необыкновенномъ случаѣ.

— Это, кажется, еще въ первый разъ избытокъ счастья производитъ такое дѣйствіе, говорили нѣкоторые.

Впродолженіе осьми дней отчаявались въ жизни Карменъ. Впродолженіи осьми дней Аиха, Фернандъ и Пикильо не отходили отъ больной. Фернандъ стоялъ на колѣняхъ у постели, вымаливалъ у неба выздоровленія невѣсты, которой клялся въ вѣчной любви и клялся чистосердечно. Онъ прежде не думалъ, что столько любитъ ее. Пикильо молился за друга своей юности, за дочь донъ Хуана д'Агилара, а Аиха, пожимая руки Карменъ, шептала на-ухо:

— Я съ тобой иду, ты не одна умрешь, сестра!

Наконецъ, на девятый день, горячка ослабла. Молодость восторжествовала надъ смертельною болѣзнью.

Карменъ была слаба, но спокойна. Встрѣтивъ взоры Фернан-

да и Анха она отворотилась, но къ Пикильо протянула руки какъ къ единственному другу, который еще оставался ей вѣреть; какъ къ единственному сердцу, которое еще не измѣнило ей. И когда всѣ трое обступили ее, она рукою дала имъ знакъ, что еще не можетъ говорить и желаетъ остаться одна. Это одобрилъ и врачъ.

Два дня продолжалось это уединеніе. Докторъ повторялъ, что совершенно ручается за выздоровленіе и Фернадъ и Анха удивлялись, что больная не хочетъ видѣть ихъ.

На третій день Карменъ позвала Пикильо.... и только его! Они бесѣдовали часа два. Послѣ этого Карменъ пожелала видѣть сестру и жениха. Когда они вошли, больная была спокойна: лицо ея сіяло ангельскою добротой и упованіемъ. Она подала имъ руки, улыбалась имъ какъ прежде и привлекла ихъ ближе. Анха глазами искала Пикильо и примѣтила его въ углу комнаты, на колѣняхъ, тихо плачущаго.

— Это не хорошо, Пикильо! сказала Карменъ: я призвала тебя, чтобы ты придалъ мнѣ твердости, а ты самъ же отнимаешь ее у меня! Поди же сюда, поди сюда, ко мнѣ.... и вы тоже, друзья мои, сядьте по-ближе.... Я еще слаба, я не могу говорить громко.

Она остановилась, какъ-будто собираясь съ силами, но въ самомъ дѣлѣ только для того, чтобы скрыть свое волненіе.

— Фернадъ, Анха, милые мои, выслушайте меня. Я была очень больна.... я думала, что покину васъ и никогда больше не увижу.... Въ ту минуту когда я чувствовала, что жизнь оставляетъ меня и душа готова улетѣть въ иной, безвѣстный міръ, мнѣ вдругъ стало страшно.... я подумала о скорби, которую причиню вамъ, и мнѣ захотѣлось жить.... для васъ, друзья мои... для того, чтобы вы не плакали обо мнѣ.... И я молилась Пресвятой Дѣвѣ.... я пламенно просила ее и дала обѣтъ, если спасетъ меня отъ смерти, посвятить всю жизнь мою ей, Богородицѣ.

— Чтѣ вы! чтѣ вы сдѣлали? вскричалъ Фернадъ.

— Я обѣщала постричься, отвѣчала Карменъ: и тотчасъ же почувствовала, какъ смерть удаляется. Горячка утихла и глаза прозрѣли.... Я увидѣла васъ, друзья мои! Жизнь и счастье мое воротились.... и теперь, мнѣ кажется, я слышу небесный голосъ, который говоритъ мнѣ, что я буду спокойна и счастлива, когда исполню обѣтъ мой.

— И вы исполните его? вскричали Анха и Фернадъ.

— Развѣ клятва можетъ быть нарушена, друзья мои? Если вы челоуѣку дадите слово, продолжала она глядя на нихъ съ выраженіемъ нѣжной доброты: я увѣрена, вы останетесь вѣрны ему. А я дала слово Богу.

— Но прежде этого ты дала слово Фернанду! возразила Аиха: ты должна быть его женою.... ты любила его!

— Если бы я не любила его, съ живостью отвѣчала Кармень: могла ли бы я сдѣлать то, что сдѣлала?....

— Что вы говорите? вскричалъ Фернандъ.

— Я говорю, что я желаю только вашего счастья, отвѣчала Кармень.

Опасаясь измѣнить себѣ, бѣдняжка пріостановилась и потомъ съ улыбкою кротости продолжала:

— Если бы я умерла, вы были бы очень несчастны, Фернандъ, не правда ли? Вы очень стали бы жалѣть о нѣжномъ и преданномъ другѣ. А такъ, по-крайней-мѣрѣ, вы всегда будете видѣть меня. Я буду принадлежать не вамъ, но только Богу! Къ Нему, я надѣюсь, вы не станете ревновать меня..... Чувство ревности должно быть.... очень горько!

— Неужели же вы думаете, что на подобное пожертвованіе легче смотрѣть? вскричалъ Фернандъ: нѣтъ, Кармень, это невозможно! вы не откажетесь отъ меня, вы не покинете меня!

— Мнѣ васъ покинуть?.... Никогда! никогда! вскричала она съ живостью: я буду молиться за васъ.... Мнѣ больше нечего будетъ дѣлать. Я буду молить Бога, чтобы Онъ послалъ кого-нибудь, кто бы это, чтобы любилъ васъ больше меня.... это, я думаю, невозможно.... но по-крайней-мѣрѣ кого-нибудь, кому бы позволено было осчастливить васъ..... Это единственное мое желаніе и Богъ исполнитъ его.

— Но я, возразилъ Фернандъ: я никогда не соглашусь на это!

— И я также нѣтъ! прибавила Аиха.

— Пикильо! Пикильо! сказала Кармень: помоги мнѣ. Смотри, они оба возстали противъ меня, а я больна и слаба. Защити меня.

— Да, сказалъ Альбага: клянусь вамъ, я все употребилъ, чтобы заставить ее отказаться отъ этого намѣренія, но она непоколебима: она дала клятву, обѣтъ. Она не можетъ жить, если обманетъ Бога; она сойдетъ съ ума, она убьетъ себя....

— Ты это сказала? вскричала Аиха съ ужасомъ.

— Да, я это сказала и исполню, спокойно отвѣчала Карменъ. Да, друзья мои, не смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ. Я въ полномъ умѣ. Дайте же мнѣ выполнить намѣреніе, котораго я уже не могу переѣвить. Я уже не принадлежу людямъ: я принадлежу Богу. Я одѣлаю, какъ ты, Пикильо: я постригусь и мы будемъ братья и сестра на небѣ, какъ были на землѣ. Въ Пампелунѣ, гдѣ мы провели наше дѣтство, есть монастырь, Благовѣщенскій... Помнишь, Аиха, какъ мы ходили туда въ церковь? Помнишь старушку настоятельницу?... Она была такая добрая до насъ!... Передъ болѣзнию... когда я была такъ счастлива... я писала къ ней, извѣщая о моей свадьбѣ. Монахини отвѣчали мнѣ, что бѣдная настоятельница уже не можетъ благословить меня; она умерла.

— Умерла! сказала Аиха.

— Да. Ты, сестрица, въ большой силѣ у королевы, и ты тоже, Пикильо. Выпросите мнѣ это мѣсто. Королева и до меня такъ ласкова: она согласится. Я буду настоятельницей... Полвоте, друзья мои, не плачьте! Я буду близко батюшки... Онъ вѣдь тамъ поконится и ждетъ меня. Будьте спокойны, Фернандъ, я скажу ему, что вы честно выполнили свой долгъ и держали слово до конца... или по-крайней-мѣрѣ, что я сама не дала вамъ сдержатъ его... я и небо, которому все мы должны повиноваться. Не правда ли?

Хотя въ ту пору такія быстрыя, неожиданныя отреченія отъ свѣта были довольно обыкновенны у самыхъ знатнѣйшихъ и даже царственныхъ особъ, какъ напримѣръ Карль-Пятый, однако жъ Аиха и Фернандъ надѣялись, что Карменъ недолго будетъ считать ненарушимою клятву, которую произнесла въ бреду горячки. Они и не подозрѣвали высокаго самопожертвованія своего друга. Они не знали, что и она тоже приносила себя въ жертву для нихъ, и еще надѣялись заставить ее отказаться отъ постриженія.

Тщетная надежда! Карменъ оставалась непоколебимою.

Посреди интригъ, состязаній и сплетней, которыя волновали дворъ испанскій, посерединѣ событій политическихъ, на которыя царедворцы, увлекаемые вихремъ собственныхъ страстей и интересовъ, едва имѣли время обратить вниманіе, все умы были однако жъ заняты однимъ явленіемъ, довольно загадочнымъ. Оно

всѣхъ поражало и никто не брался объяснить его. Это было состояніе королевы.

Съ мѣсяць уже Маргарита на себя не походила. Она таяла какъ свѣча. Самые искусные врачи не понимали ея странной болѣзни, которая издѣвалась надъ всею ихъ опытностью и надъ всѣми ихъ попытками. Королева умирала, но безъ страданій. Это было смертное томленіе безъ болѣзни.

Когда лучшіе друзья ея, когда Анха спрашивала, что она чувствуетъ, она отвѣчала:

— Ничего. Я не чувствую ни какой боли... Мнѣ хорошо; я счастлива; я люблю васъ, а умираю!... Мнѣ хочется жить, а я чувствую, какъ жизнь уходитъ отъ меня. Поспѣшимъ! поспѣшимъ!... Скажите, что я могу сдѣлать, чтобы вы были богаты, могущественны или счастливы?... Говорите, потому что скоро я уже ничего не въ-состояніи буду сдѣлать для васъ.... Скоро меня не станетъ.

Она уже уступила просьбамъ Карменъ, несмотря на слезы Анхи. Карменъ получила мѣсто настоятельницы въ пампелунскомъ Благовѣщенскомъ Монастырѣ, но до полного назначенія должна была напередъ выдержать годъ послушничества. Карменъ хотя и желала скорѣе начать испытаніе, скорѣе выѣхать изъ Мадрита, однако жъ ее удерживало сомнительное состояніе покровительницы: она не хотѣла оставить королеву больную.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло со времени свиданія Пикильо съ графиней д'Альтамира.

— Да! думалъ онъ: видно, графиня правду говорила. Готовность-то была, но случая, вѣроятно, не было. Преступленіе не совершено. Я пришелъ въ-время, чтобы спасти сестру.

И въ самомъ дѣлѣ, Анха была всегда печальна и задумчива въ-особенности со времени отреченія Карменъ; однако жъ состояніе ея не измѣнялось противъ прежняго. Она была всё такъ же прекрасна и всё такъ же обожаема. Любовь короля съ каждымъ днемъ возрастала. Эта любовь, сначала такая чистая и скромная, становилась, какъ легко можно было предвидѣть, постепенно всё болѣе и болѣе пламенною и петерпѣливою. Можетъ-быть, Филиппъ и не остался бы въ границахъ, которыя сначала поставилъ себѣ, но, надобно отдать ему справедливость, болѣзнь королевы отвлекала его отъ всякихъ покушеній. Въ немъ пробуди-

лась прежняя привязанность къ Маргаритѣ. Онъ сталъ ходить къ ней уже для нея самой, а не для Анхи.

Между-тѣмъ болѣзнь всё усиливалась. Королева уже не выходила изъ своихъ покоевъ. Анха, Кармень и Хуанита были постоянно при ней. Особенно же Пикильо не отходилъ отъ своей царственной духовной дочери. Съ давнихъ поръ онъ уже зналъ страданіе и свыкъся съ нимъ. Онъ мужественно переносилъ его самъ и искусно облачалъ у другихъ и зналъ чѣмъ утѣшить.

Королева, привыкшая къ сухости и строгости священниковъ, предшествовавшихъ Алъягъ, была удивлена и восхищена, что нашла друга тамъ, гдѣ прежде встрѣчала только неумолимыхъ судей. Тѣ говорили ей только о догматахъ, обрядахъ и строгихъ правилахъ вѣры; Алъяга указывалъ ей на нравственный смыслъ и на вѣчныя истины. Другіе пугали ее; онъ успокоивалъ. Другіе говорили объ адѣ; онъ говорилъ о небесахъ. У тѣхъ она слышала только гулъ громовъ; съ Алъягой она видѣла, какъ Милосердый и Вездѣсушій принималъ ее въ объятія.

Оттого Маргарита по цѣлымъ днямъ проводила въ своей комнатѣ съ аббатомъ Лунсомъ Алъягой. Алъяга пользовался полнымъ ея довѣріемъ. Однако жъ оставалась еще тайна, которой она не рѣшалась довѣрить ни другу, ни служителю алтаря. Одна эта тайна еще обременяла ея сердце; одинъ этотъ невольный грѣхъ еще лежалъ на ея душѣ. Чѣмъ болѣе она чувствовала приближеніе кончины, тѣмъ болѣе сознавала, что должно исповѣдаться, но у нея не ставало силъ.

— Да, говорила она Алъягъ, который догадывался, что у нея еще есть тайная, сиѣдающая мысль: да, правда, мнѣ еще нужно вымолить у неба одно прощеніе, нужно сложить еще одинъ грѣхъ въ твои руки, отецъ мой... но не сегодня... Завтра, завтра... Дай мнѣ еще одинъ день.

Дни проходили и скоро долженъ былъ наступить послѣдній...

По-мѣрѣ-того какъ Маргарита приближалась къ роковой чертѣ, при дворѣ, по городу и даже по всей Испаніи разносились самые странные, самые зловѣщіе и противорѣчашіе слухи.

Архіепископъ Рибейра, инквизиторъ Сандоваль и всѣ члены инквизиціи всюду распространяли мѣтвіе, что небесная кара постигла королеву; что болѣзнь такая быстрая, необъяснимая и непонятная, очевидно, объясняетъ присутствіе перста Божіяго.

Богъ наказываетъ Маргариту за покровительство еретикамъ-Маврамъ.

Съ другой стороны слухъ, не менѣе зловѣщій, носился особенно въ народѣ. Говорили, будто герцога Лерма самъ, изъ своихъ рукъ, отравилъ королеву, и рассказывали обстоятельства и подробности, частію очень странныя, частію довольно вѣроятныя.

Слухъ этотъ посѣянъ былъ съ такимъ искусствомъ, что выходилъ изъ разряда случайной клеветы и принималъ видъ обдуманнаго и разсчитаннаго обвиненія, пущеннаго въ ходъ людьми свѣдущими по этой части.

Почтеннѣйшіе отцы езуиты были не чужды этого темнаго дѣла.

Они разнесли этотъ слухъ въ высшихъ классахъ народа, гдѣ его приняли съ жадностью, сколько изъ привязанности къ королевѣ, столько же, и еще больше, изъ ненависти къ первому министру.

Графиня д'Альтамира, безпрестанно осуждая нецѣпность этихъ вѣстей, не мало содѣйствовала къ распространенію ихъ въ первыхъ домахъ Мадрита.

Убѣжденіе это въ народѣ дотога укрѣпилось, что герцогъ Лерма на улицахъ уже подвергался оскорбленіямъ. Въ его карету уже метали грязью и камнями. Министръ, совершенно невинный въ дѣлѣ, которое ему приписывали, чрезвычайно встревожился, но затруднительное положеніе по дѣламъ внѣшней политики и домашнія огорченія мѣшали ему отыскивать источники этихъ слуховъ и наказать ихъ изобрѣтателей.

Въ это самое время Сандоваль, воротившись къ своей любимой мысли объ изгнаніи Мавровъ, послалъ полки въ Валенсію и тогда же Деласкаръ д'Альберикъ, провѣдавъ о дѣйствіяхъ инквизитора и министра, призвалъ къ себѣ Иесда.

Мавры разсудили, что нужно принять самыя поспѣшныя мѣры къ отвращенію грозящей опасности. Чтобы инквизиторъ и министръ не выманили тайнаго повелѣнія, нужно было предупредить ихъ у короля. Деласкаръ послалъ Иесда исполнить это черезъ Анху и Пикилью.

Иесидъ тайно воротился въ Мадридъ и, хорошо знакомый со всѣми ходами во дворецъ, рано утромъ пошелъ прямо къ Альагъ, который жилъ подлѣ моельни королевы.

Въ дверяхъ моельни его встрѣтила Хуанита.

— Вы здѣсь, сеньоръ Исидъ! вы въ Мадридѣ! вскричала она съ удивленіемъ.

— Тише, Хуанита! Надобно, чтобы кромѣ Пикильо никто не зналъ, что я здѣсь. Мнѣ сейчасъ нужно видѣть его.

— Это не трудно: онъ всегда дома, чтобы не отлучаться отъ королевы.... Она очень больна.

— Очень больна! вскричалъ Исидъ, блѣднѣя.

— Да. Она никуда не выходитъ кромѣ этой моельни. Вотъ дверь въ ея покои; вотъ мѣсто исповѣдника, продолжала она, указывая на мебель въ родѣ кивота или шкафа, изъ чернаго дерева, съ золоченою рѣшеткой и фиолетовымъ шелковымъ занавѣсомъ: а вотъ квартира аббата Алльяги.

— Хорошо, я пойду къ нему.

Но дверь была занерта. Хуанита постучала. Отвѣта не было.

— Онъ, вѣрно, вышелъ. По утрамъ онъ иногда прогуливается въ паркѣ. Пойдемте, такъ встрѣтимъ его.

— Ты забываешь, что я не хочу, чтобы меня видѣли, возразилъ Исидъ.

— А! хорошо; такъ подождите здѣсь, въ моельной. Черезъ четверть часа, — никакъ не больше, — Пикильо непременно воротится.... А нето, пожалуй, я сбѣгаю, поишу его.

— Да, лучше сходи, поищи, а я здѣсь подожду.

Хуанита хотѣла идти, но въ эту самую минуту въ корридорѣ послышался голосъ графини д'Альтамира.

— Вотъ бѣда! сказалъ Исидъ: графиня увидитъ меня.... здѣсь, въ моельнѣ королевы!

Что было дѣлать? Оставались только два выхода: покои королевы, гдѣ находились дежурные и дверь въ корридоръ, откуда шла графиня. Исидъ былъ въ страшномъ замѣшательствѣ.

— Подите сюда, сказала Хуанита, отворивъ золоченую рѣшетку мѣста исповѣдника.

— А если меня увидятъ?

— Не увидятъ, если задернете занавѣсъ.

— Но вѣдь это — мѣсто христiанскаго священника! сказалъ Исидъ, вдругъ отступивъ.

— Что жъ дѣлать!.... На минуту — ничего.

Исидъ не могъ рѣшиться. Ему, Мавру, казалось, что онъ погрѣшитъ противъ своей вѣры, если сядетъ на мѣсто, которое

христиане называютъ судилищемъ покаянія. Но графиня д'Альтамира подходила къ дверямъ. Хуанита втокнула Іесиду и затворила рѣшетку. Какъ ни быстро это было сдѣлано, однако жъ графиня входя примѣтила движеніе рѣшетки и занавѣса, который Іесидъ только-что успѣлъ задернуть.

Въ это самое время и королева медленно вышла изъ своихъ покоевъ и спросила о духовникѣ. Графиня д'Альтамира, отъискивая всякій малѣйшій поводъ подслужиться, отвѣчала, что видѣла, какъ аббатъ Аллыага занялъ свое мѣсто. Хуанита, разумѣется, не посмѣла противорѣчить и всѣ вышли изъ моленной, потому что королева обыкновенно оставалась одна съ своимъ духовникомъ.

Мargarита осталась одна. Но Іесидъ не зналъ этого: онъ думалъ, что, можетъ-быть, графиня д'Альтамира или кто-нибудь изъ придворныхъ дамъ еще находится при королевѣ, и не смѣлъ ни пошевелиться, ни заговорить. Притомъ онъ каждую минуту ожидалъ прибытія Пиккльо, который найдетъ мѣсто свое занятымъ и подлогъ откроется. Тревожимый этимъ страхомъ, онъ уже хотѣлъ лучше добровольно выйти, чѣмъ дожидаться открытія, какъ-вдругъ передъ рѣшеткою кто-то упалъ на колѣни и тихій голосъ произнесъ:

— Отецъ мой!

То былъ голосъ Margarиты. Но она говорила такъ тихо, что Іесидъ счелъ за вѣрное, что въ моленной есть придворные. Іесидъ молчалъ и жадно вслушивался въ звуки милаго голоса, который приводилъ его въ трепетъ отъ страха и любви.

— Отецъ мой! говорила Margarита: я хочу... я не могу долѣе скрывать тайны, которая тяготѣетъ на моей душѣ... Завтра уже будетъ поздно... у меня не станетъ силъ. Я очень преступна... Я люблю!... Да, я люблю втайнѣ, безмолвно... но давно! Это любовь невольная. Я боролась съ нею, скрыла ее... никто не узналъ, ни даже онъ!... и я говорила себѣ: Богъ, можетъ-быть, проститъ. Но чего Онъ не проститъ, шептала она понизивъ голосъ, такъ это то, что человѣкъ, любимый мною—Мавръ! врагъ нашей вѣры....

Тутъ шумъ отворившейся двери прервалъ королеву. Margarита оглянулась и вскрикнула отъ ужасу.

Вошелъ Аллыага.

Margarита въ страшномъ смятеніи, видѣ себя, вскочила и побѣжала на встрѣчу духовнику, какъ-будто ища защиты.

— Чтò съ вами, ваше величество? Чтò съ вами? Говорите, ради Бога! вскричалъ Алльяга, испугавшись ея встревоженнаго состоянiя.

— Это вы, Алльяга! говорила она: вы! но кто же.... сейчасъ.. тамъ.... слышалъ?...

Тутъ черезъ золоченую рѣшетку дрожащая рука выбросила засохшiй гранатовый цвѣтокъ, который упалъ къ ногамъ королевы.

Лучъ надежды блеснулъ въ душѣ Маргариты, но не смѣя вѣрить мысли, которая ей представилась, она вскричала:

— Нѣтъ! нѣтъ! это невозможно!...

Впродолженiи секунды, которую длилась эта сцена, Пиккильо, озабоченный состоянiемъ королевы, ничего не примѣтилъ. Онъ посадилъ ее въ кресло и побѣжалъ въ корридоръ, чтобы позвать на помощь Хуаниту и другихъ женщинъ.

Тогда Маргарита, рѣшившись во чтò бы то ни стало, узнать судьбу своей тайны, бросилась къ исповѣдническому мѣсту и невольно вскрикнула отъ радости.

Иесидъ упалъ къ ея ногамъ и вскричалъ, какъ нѣкогда въ подземельѣ, въ Валь-Парайсо:

— Одинъ Богъ! Одинъ Богъ и я! Это будетъ тайна моей жизни!

— Это тайна моей могилы! прибавила Маргарита.

Послышались шаги призванныхъ на помощь.

— Туда!... туда!... сказала она, указывая на комнату Алльяги.

Иесидъ поспѣшно ушелъ и затворилъ за собою дверь.

Алльяга и женщины пришли. Маргарита безъ чувствъ упала къ нимъ на руки.

За этимъ обморокомъ послѣдовало только короткое возвращенiе къ памяти и тогда уже весь дворъ тѣснился вокругъ кровати, чтобы видѣть, какъ королева умираетъ. Явилось духовенство и начались церковные обряды, а къ вечеру по Мадриту разнеслась роковая вѣсть о смерти Маргариты.

Скоро объ этомъ узнала и вся Испанiя. Аиха и Пиккильо извѣстили своего отца. Иесидъ былъ не способенъ ни къ чему: отчаянiе слишкомъ подавило всѣ его силы.

Печальная новость очень поразила Деласкара д'Альберика и его соотчичей: они предвидѣли въ этомъ происшествiи слишкомъ много несчастья для себя. Смерть Маргариты отнимала у нихъ

всякую надежду. Кто теперь посмѣетъ оказать имъ покровительство? Они преданы въ руки гонителей и похоронный гулъ колоколовъ въ одно время возвѣщалъ имъ и смерть королевы и совершенное истребленіе ихъ самыхъ.

Однако жъ нѣсколько времени прошло, а спокойствіе ихъ еще не было нарушено ни какими пасмыслственными мѣрами.

Намъ извѣстны причины.

Герцогъ Лерма, въ страхѣ за Испанію и въ-особенности за свою власть, свои титулы и богатства, не могъ думать о Маврахъ. Все, что ему говорилъ Шкильо, было, къ несчастію, слишкомъ вѣрно. Бѣда оказалась еще больше нежели предполагали. Министръ видѣлъ приближеніе грозы и, не имѣя возможности отвести ее, старался по-крапней-мѣрѣ какъ можно болѣе скрывать отъ короля, а между-тѣмъ съ утроеннымъ жаромъ продолжалъ искательство при римскомъ дворѣ. Король самъ просялъ кардинальской шляпы для своего министра. Папа общалъ, но пожалованіе всё-еще задерживалось какою-то интригой, которой герцогъ Лерма ни какъ не могъ понять и трепеталъ, что шляпа опоздастъ, придетъ, когда уже будетъ поздно, когда гроза разразится.

Король французскій готовился отправиться къ своей арміи. Это было уже извѣстно. Генрихъ самъ объявлялъ это въ полномъ собраніи парламента и назначилъ свою супругу, Марію Медичи, регентшею. Вся Европа, весь міръ, всё знали о намѣреніяхъ Генриха, всё, кромѣ короля испанскаго. Но не трудно было скрыть эти происшествія отъ человѣка, который не привыкъ ни къ какимъ занятіямъ, а между-тѣмъ былъ занятъ вдругъ двумя или тремя мыслями.

Сначала онъ былъ совершенно занятъ своею скорбію. Онъ любилъ Маргариту и ея смерть глубоко огорчила его. Но потомъ другая мысль еще болѣе пугала и тревожила его.

Графиня д'Альтамбра, подъ предлогомъ вѣрноподданническаго участія въ монаршей скорби, нѣсколько разъ имѣла случай говорить съ королемъ и, съ искусствомъ образцовой собесѣдницы, запутывая и распутывая рѣчи, какъ было нужно и угодно, мало-по-малу совершенно ознакомила Филиппа съ носившимися по городу слухами объ отравленіи королевы.

Обвиненнаго въ этомъ преступленіи она, разумѣется, остереглась назвать. Но и того, что она открыла королю, было слишкомъ достаточно, чтобы встревожить его свыше всякаго выра-

женія. Онъ, но привычкѣ, все разсказалъ своему министру. Лерма сначала удивился и досадовалъ, что король все знаетъ, но потомъ, видя, что онъ знаетъ еще очень мало, пожалъ плечами и отвѣчалъ, что его величеству не слѣдовало безпокоиться изъ-за такой глупой клеветы и нелѣпаго празднословія. Филиппу того только и нужно было. Онъ дотога боялся всякой тѣни безпокойства, что и не желалъ разрѣшить сомнѣніе болѣе убѣдительными доказательствами.

Когда прошла первая скорбь, всю его душу опять заняла любовь къ Анхѣ. У Филиппа осталась только одна мысль, одна цѣль, — снискать любовь Анхи. Все, что могло отвлечь его отъ этого занятія, казалось ему ненавистнымъ и нестерпимымъ. Онъ радъ былъ вовсе не думать о государственныхъ дѣлахъ, и герцогъ Лерма могъ дѣлать, что ему угодно.

Но вдругъ спокойствіе это совершенно разстроила записка, которую король нашелъ у себя на столѣ.

Записка была такого содержанія:

« Если его величеству угодно знать подробности отравленія королевы и пастоящаго виновника ея смерти, если угодно знать опасности, которыя угрожаютъ ему самому, его славу и государство, то благоволите хранить эту записку въ тайнѣ отъ всѣхъ и приказать дежурному камергеру ввести сегодня вечеромъ въ кабинетъ его величества человека, который явится съ паролемъ «Филиппъ и Испанія».

Трудно выразить, въ какое состояніе привело короля это чтеніе. Несмотря на запрещеніе, онъ хотѣлъ тотчасъ же посоветоваться съ Лермой, то есть, все дѣло взвалить на него. Онъ не зналъ, на что рѣшиться, отказать ли или принять неизвѣстнаго обвинителя.

Терзаясь этою нерѣшимостью, онъ пошелъ прогуляться въ паркъ. Ему очень нуженъ былъ совѣтъ, но какъ и у кого просить совѣта?

На перекресткѣ двухъ аллея онъ встрѣтилъ Анху. Она со слезами на глазахъ бродила по любимымъ мѣстамъ Маргариты. При видѣ ея вся тревога у Филиппа исчезла: онъ рѣшился.

— Вы здѣсь, герцогиня! вскричалъ онъ: само небо посылаетъ васъ... Я очень несчастливъ!

Анха подошла.

— Я лучше всякаго понимаю скорбь вашего величества, отвѣчала она.

— Да, герцогиня, я знаю, Маргарита питала къ вамъ иѣжную дружбу. Но я надѣюсь, что вы и на меня смотрите какъ на друга?

— Всегда, ваше величество.

— Хорошо. Слушайте же. Вѣдь другъ у друга можетъ попросить совѣта?

— Въ этомъ было слишкомъ много чести для меня, ваше величество.

— Особенно, когда дѣло идетъ именно о королевѣ. Посмотрите.... Это важная тайна.... По-крайней-мѣрѣ я ни кому кромѣ васъ не довѣряю ея.... Прочитайте.

Аиха съ первыхъ словъ записки вскрикнула отъ ужасу и дочитывая дрожала всѣмъ тѣломъ.

— И что же? спросила она потомъ.

— Я думаю такъ же какъ и вы, отвѣчалъ король: это ужасно!... это адское дѣло!... Принять ли этого человѣка?

— Принять!... разумѣется, принять!... сегодня же, тотчасъ, если можно! вскричала Аиха съ живостью.

— Вы думаете?... Хорошо. И я такъ думалъ.

— Тутъ нечего колебаться. Въ такомъ дѣлѣ не должно пренебрегать ни малѣйшею бездѣлицей.

— Я и не колебался. Я думалъ только.... можетъ-быть, меня обманываютъ.

— Это вы увидите, когда станете допрашивать. Вы откроете обманщика въ чертахъ лица, во взглядѣ, въ голосѣ, а, главное, и прежде всего, вы рассмотрите доказательства, которые онъ вамъ представить.

— Да, конечно.

— И если онъ скажетъ правду, то не вамъ ли и мститъ за королеву, не вы ли и обязаны преслѣдовать преступныхъ и наказывать злодѣевъ?

— Конечно, конечно! это мой долгъ! вскричалъ король съ жаромъ. Но скажите мнѣ, герцогиня, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ: не поговорить ли напередъ съ министромъ?

— Тотъ, кто просить свиданія, требуетъ тайны.

— Правда.

— И если же это кто-нибудь изъ тѣхъ, кто не ладитъ съ герцогомъ Лермой?

— Очень можетъ быть: такихъ довольно много.

— И если то, что онъ имѣетъ сказать вамъ, можетъ какъ-нибудь относиться къ вашему министру, можетъ служить обвиненіемъ его въ какомъ-нибудь недосмотрѣ или пренебреженіи?

— Правда, правда. Я объ этомъ и не подумалъ.

— Въ такомъ случаѣ вы наказали бы челоуѣка за услугу, которую онъ хочетъ оказать вамъ: вы предали бы его въ руки сильнаго и опаснаго врага.

— Справедливо, справедливо. Я самъ приму этого незнакомца. Я посмотрю, разспрошу. Благодарю васъ, герцогиня.

И въ тотъ же вечеръ король лично отдалъ приказаніе дежурному камергеру — случилось, что это былъ герцогъ Уседа — приказаніе въ назначенный часъ ввести незнакомца по паролю.

Ровно въ девять часовъ незнакомецъ, закутанный въ плащъ, явился въ кабинетъ короля. Уседу король выслалъ и, оставшись наединѣ съ незнакомцемъ, приказалъ говорить.

Незнакомецъ откинулъ плащъ.

— Отецъ Хероме! вскричалъ король съ удивленіемъ.

— Точно такъ, ваше величество. Я, можетъ-быть, подвергаюсь величайшей опасности въ попыткѣ довести до васъ истину.

— Подъ моею защитой чего вамъ бояться?

— Враговъ многочисленныхъ, сильныхъ, страшныхъ, которые никогда не простятъ мнѣ, если я изобличу ихъ передъ Испанією и передъ правосудіемъ вашего величества.

— Такъ вы думаете.... такъ вы полагаете, что королева отравлена? спросилъ король съ волненіемъ.

— Я убѣжденъ въ этомъ и клянусь передъ Богомъ!

Король поблѣднѣлъ.

— Я назову и ядъ, продолжалъ Хероме: ядъ, который не оставляетъ ни какихъ слѣдовъ, но котораго дѣйствіе извѣстно всѣмъ, кто занимается науками. Дѣйствія его тѣ самыя, какія оказались на королевѣ....

— Кому же нужно было такое преступленіе? спросилъ король.

Хероме молчалъ.

— Маргариту всѣ любили.

— Однако жъ были люди, которые могли опасаться ея.

— Кто же?

— Народная молва указывает на человека очень могущественного и обремененного доверенностью вашего величества.

— О комъ вы говорите? вскричалъ король съ трепетомъ.

— Невозможно, чтобы ваше величество не изволили слышать... Вся Испанія въ эту минуту единодушно вопіетъ о мщеніи на него.

— Я ничего не знаю, простодушно возразилъ король.

— Это меня удивляетъ, ваше величество. Я же понимаю, какъ мнѣ удалось скрыть это отъ вашего величества.

— Но, наконецъ, говорите же! вскричалъ король съ нетерпѣніемъ: назовите его!

— Теперь я уже не знаю, смѣю ли я говорить, отвѣчалъ, езуитъ: и повѣрять ли мнѣ? Я вижу, его влияние слишкомъ велико и ужасно.

— Назовите его! вскричалъ король, вставая, съ нервическимъ трепетомъ.

— Извольте, ваше величество. Это — герцогъ Лерма.

— Лерма! вскричалъ Филиппъ, падая назадъ въ кресло, пораженный изумленіемъ и ужасомъ.

— Первый министръ вашего величества. Всѣ обвиняютъ его и вамъ легко узнать это, но я одинъ могу доказать.

— Говорите! говорите!

— Это случилось три мѣсяца тому назадъ, въ первый день по смерти духовника ея величества, когда королева ходила слушать обѣдню въ вашей капеллѣ. Возвращаясь въ свои покои по лѣстничному этажу, черезъ садовую залу, королева шла объ руку съ министромъ, въ сопровожденіи графини Гамби, маркизы д'Эскалонъ, герцогини Суниго, герцогини д'Оссунья и многихъ другихъ дамъ. Кажется и герцогиня Сантаремъ была тутъ же. Изъ кавалеровъ были герцоги Медина, Гусманъ и Уседа. Ваше величество можете всѣхъ ихъ спросить. Въ тотъ день солнце очень жгло. Королева была утомлена, присѣла въ одной изъ проходныхъ залъ, въ тѣни деревьевъ, передъ открытымъ окномъ и сказала:

— Я умираю отъ жажды!

Герцогъ Лерма, вмѣсто того чтобы приказать кому-нибудь, какъ того требовалъ даже этикетъ и что было бы натурально.... самъ побѣжалъ.... извольте слышать, ваше величество.... самъ побѣжалъ!

— Слышу, слышу.

— Онъ самъ побѣжалъ въ другую залу и черезъ минуту воротился съ стаканомъ лимонаду на серебряномъ подносе. Королева напилась.... выпила весь стаканъ и потомъ сказала:

— Въ этомъ лимонадѣ какой-то страшный вкусъ!

Король вскрикнулъ отъ изумленія.

— Эти слова всѣ слышали, кто тутъ былъ, продолжалъ езуптъ: а черезъ мѣсяцъ потомъ королева стала хворать. Черезъ два мѣсяца ея не стало!... Всѣ, кому извѣстно дѣйствіе этого яду, скажутъ вамъ, что именно столько времени нужно для его развитія. Потрудитесь сообразить эти обстоятельства и время припадковъ болѣзни, и распространившіеся слухи, можетъ-быть, не покажутся вашему величеству нецѣлостными. Что касается до меня, я не могу внушить вашему величеству моего убѣжденія, но скажу вамъ, вамъ однимъ: я знаю, что въ томъ стаканѣ былъ ядъ.

— Почему вы это знаете? вскричалъ король съ живостью.

— Я могъ бы представить самыя очевидныя и несомнѣныя доказательства, но способъ, какимъ я открылъ эту тайну, не дозволяетъ мнѣ говорить болѣе передъ людьми. Я могу только сказать вашему величеству: я знаю, въ томъ стаканѣ былъ ядъ.

Король, блѣднѣя и задыхаясь, смотрѣлъ на езуита съ сомнѣніемъ и ужасомъ. Онъ всё-еще колебался, боялся вѣрить и еще больше боялся отвергнуть истину. Вдругъ онъ вскрикнулъ. Ему пришла вдохновенная мысль. Онъ вскочилъ, схватилъ съ вала Евангеліе и сказалъ:

— Поклянитесь, отецъ Хероше! поклянитесь на этомъ! и я всему повѣрю.

Езуитъ немножко поблѣднѣлъ и на мгновеніе притихъ. Но тотчасъ же оправился и, поднявъ руку, торжественно сказалъ:

— Клянусь надъ Евангеліемъ, что герцогъ Лерма подалъ королевѣ стаканъ лимонаду изъ своихъ рукъ!... Клянусь, что въ этомъ стаканѣ былъ ядъ!

Король закрылъ лицо руками и нѣсколько минутъ кривилъ молчаніе. Онъ былъ уничтоженъ.

— Онъ! говорилъ потомъ Филиппъ съ глубокимъ огорченіемъ: онъ! которому я довѣрялъ все!... Онъ, котораго я такъ уважалъ за усердіе, за умъ и великія способности!...

— Чтò касается до усердія , то я , слава Богу , могу избавить ваше величество отъ напрасныхъ сожалѣній. И въ этомъ отношеніи я могу говорить не по одному только своему убѣжденію : я могу представить доказательства , что усердный министръ всегда обманывалъ ваше величество и довелъ васъ и ваше государство до краю пропасти , разорилъ финансы , уничтожилъ флотъ и предалъ беззащитную Испанію нашествію враговъ.

— Чтò ты говоришь? вскричалъ король съ ужасомъ.

— Теперь , въ эту минуту , почти вся Европа возстаетъ на васъ , а вы ничего не знаете , ваше величество ! Но вашъ министръ знаетъ и , вмѣсто того , чтобы подумать о вашей славѣ , о вашемъ спасеніи , думаетъ только о собственныхъ выгодахъ и побуждаетъ васъ просить для него кардинальской шляпы.

— Нѣтъ! это невозможно!... Къ такой низости , къ такому предательству Лерма неспособенъ! повторялъ король , которому трудно было вынести столько неожиданныхъ ударовъ вдругъ.

Но на этотъ разъ отцу Хероме и безъ езуитскихъ изворотовъ легко было доказать истину. Частныя письма , иностранныя газеты и всѣ документы , которые онъ разложилъ передъ королемъ , не допускали сомнѣнія и удивительно содѣйствовали къ тому , чтобы сдѣлать достовѣрнымъ и первое обвиненіе.

Всякій , даже болѣе мужественный и твердый нежели Филиппъ , содрогнулся бы передъ такимъ положеніемъ. Чтобы выдержать эту бурю и поправить столько бѣдствій , нужна была особенно вышешняя организація , одинъ изъ тѣхъ геніевъ , которые являютъ отъ времени до времени среди бурь или которые порождаются бурями и отъ колыбели призваны укрощать ихъ.

У Филиппа не было ни одного изъ качествъ , необходимыхъ въ его положеніи. Онъ былъ добръ и благочестивъ , но эти добродѣтели хороши только въ мирное время. Не будучи способенъ скоро рѣшиться на чтò-нибудь , онъ отпустилъ отца Хероме.

— Благодарю , отецъ мой , благодарю , говорилъ онъ : скоро мы увидимся..... Завтра я рассмотрю.... я подумаю.

Отецъ Хероме побѣжалъ къ графинѣ д'Альтамира , которая ожидала его , и вскричалъ :

— На этотъ разъ , клянусь , нашъ врагъ низложенъ!

Король провелъ ужасную ночь. Онъ вплоть до утра придумывалъ , на чтò рѣшиться , и , когда утро настало , не рѣшился ни на чтò. Ему очень хотѣлось одной Анхѣ повѣрить свое горе , но

Аиха, несмотря на свою красоту и любезность, не могла же удержать Франціи отъ войны съ Испаніей. Сверхъ-того у Филиппа были другія тайны, которыхъ онъ не смѣлъ довѣрить ни кому и которыя желалъ бы скрыть отъ самого себя. Онъ чувствовалъ необходимость отставить герцога Лерму, арестовать и предать суду, и это чувство дѣлало его несчастнѣйшимъ изъ людей. Такова власть привычки надъ слабою душой! Филиппъ такъ свыкся съ ярмомъ своего министра, что не смѣлъ сбросить его. Онъ трепеталъ отъ одной мысли, что можетъ освободиться.

Послѣ долгихъ колебаній онъ приказалъ наконецъ позвать отца Херома. Это былъ результатъ предвидѣнный. Езунтъ ожидалъ его и въ ту же минуту явился.

— У меня теперь нѣтъ надежды, кромѣ васъ, почтеннѣйшій отецъ. Подайте мнѣ совѣтъ. Чтò бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Вы нападаете на меня въ распахъ, ваше величество, отвѣчалъ езунтъ, который съ давнихъ поръ обдумалъ и предусмотрѣлъ каждый вопросъ: но я отвѣчу, какъ умѣю. Во-первыхъ, Богъ велитъ быть снисходительнымъ и Самъ подаетъ намъ примѣръ милосердія. Какъ ни велики наши прегрѣшенія, благость Его еще больше, Я постараюсь судить, какъ Богъ велѣлъ.

— Очень хорошо, почтеннѣйшій отецъ.

— На мѣстѣ вашего величества я не пустилъ бы въ огласку подробностей, которыя вчера изволили слышать и которыя уже слишкомъ всѣмъ извѣстны. Я не предалъ бы суду человека, который пользовался моею довѣренностью и даже дружбой.

Король одобрительно кивнулъ головою.

— Не говоря уже о томъ, продолжалъ езунтъ, что ваше величество, хотя и раздѣляете мое убѣжденіе, однако жъ, можетъ-быть, не въ состояніи будете собрать достаточныхъ матеріальныхъ доказательствъ его преступленія. Тогда вѣдь изъ этого вышла бы позорная исторія. Поэтому я лучше умолчалъ бы о страшномъ и таинственномъ убійствѣ. Я даже не сказалъ бы ни слова ему самому объ этомъ.

— Вы полагаете? сказалъ король, которому эта система была какъ-нельзя болѣе по-нутру.

— Я бы хранилъ съ нимъ объ этомъ тяжелое молчаніе. Это благородно, это достойно! Это единственный упрекъ, приличный монарху! Какое дѣло, что король не говоритъ? Лишь бы въ ду-

шѣ онъ зналъ. Лерма, конечно, не можетъ теперь остаться при дѣлахъ. Но завтра вашему величеству въ виду всѣхъ подданныхыхъ откроются уже дѣла не семейныя, а государственныя, которыя слишкомъ достаточно изобличаютъ министра, если не въ измѣнѣ, такъ по крайней мѣрѣ въ неосмотрительности и совершенной неспособности, такъ, что онъ уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ долѣе пользоваться довѣренностью своего государя и долженъ быть смѣненъ.

— Хорошо.

— Больше и не нужно. Ваше величество скажете небольшую рѣчь... нѣсколько строкъ... очень холодно, очень строго, но съ достоинствомъ, какое всегда свойственно вашему величеству. Я, если позволите, напишу конспектъ.

— Хорошо. Но кого же мы опредѣлимъ на его мѣсто?

— Въ этомъ случаѣ, ваше величество, я уже долженъ говорить правду на свою голову. Я, можетъ-быть, подвергнусь инцедию сына за низложеніе отца. Но, чтобы доказать вашему величеству, что я имѣю въ виду только благо Испаніи и не питаю ни какой личной вражды къ герцогу Лермѣ, я предложу герцогу Уседа.

— Прекрасно! сказалъ король.

Этотъ выборъ очень понравился ему, потому что онъ такимъ образомъ избавлялся отъ труда изучать новаго человѣка и привыкать къ новому праву. Герцогъ Уседа, давнишній знакомецъ, не представлялъ такихъ неудобствъ и всегда пользовался благо-расположеніемъ короля. А всего болѣе Филиппу нравилось, что Уседа не отличался ужасающимъ умомъ.

— Прекрасно! повторялъ онъ: такимъ образомъ дѣло обойдет-ся тихо, безъ насильственныхъ переворотовъ, семейно. Это будетъ не революція, а наследованіе. Ну, а вы, почтеннѣйшій отецъ?

— Я, ваше величество?... Я ничего не прошу, смиренно отвѣчалъ езуитъ: я увѣренъ, что ваше величество не забудете меня. Можетъ-быть вы прикажете вѣрнаго слугу наградить тою кардинальскою шляпой, которая назначалась измѣннику.

— Это по справедливости такъ слѣдуетъ! возразилъ король: я завтра же напишу въ Римъ....

— Я составлю конспектъ, если прикажете, ваше величество.

— Хорошо, составьте.

— Еще я попросилъ бы ваше величество за отца Эскобара, у котораго отбили мѣсто духовника королевы. Нельзя ли сдѣлать его духовникомъ вашего величества?

— Но у меня уже есть.... Гаепаръ Кордова.

— Онъ, говорятъ, очень боленъ.... нѣтъ надежды. Это подастъ намъ надежду...

— Хорошо, хорошо. Если Кордова умретъ, я вспомню о вашей просьбѣ. Но.... вотъ, чтò главное!... Лерму-то мы отставимъ, а какъ поправить его политическія ошибки? Какъ выйти изъ положенія, въ которое онъ насъ поставилъ?

— Мы заключимъ союзъ съ императоромъ, которому протестантская лига Генриха-Четвертаго угрожаетъ столько же, сколько и намъ.... Сверхъ-того, посредствомъ монашескихъ сообщений съ аббатомъ Коттономъ, духовникомъ короля французскаго и членомъ ордена езуитовъ, мы можемъ заранѣе знать всѣ предположенія Генриха, и, авось, Богъ поможетъ разрушить ихъ. Успокойтесь, ваше величество, и положитесь на нашъ орденъ. Мы соблюдаемъ ваши пользы какъ свои собственныя. Важное, существенное теперь въ томъ, чтобы герцогъ Лерма завтра не былъ министромъ.

— За это я вамъ отвѣчаю! съ живостью сказалъ король.

— Тогда будьте совершенно спокойны, ваше величество.

Отецъ Хероме почтительно поклонился и, въ восхищеніи, отправился къ графинѣ д'Альтамира, гдѣ его ожидали Уседа и Эскобаръ. Они вмѣстѣ сочинили обѣщанныя королю конспекты и приняли всѣ необходимыя мѣры, особенно же предупредили своихъ друзей при дворѣ и въ государственномъ совѣтѣ, Эскалововъ, Гусмановъ, Мединъ, словомъ, всѣхъ тайныхъ недоброжелателей герцога Лермы, то есть, бѣольшую часть совѣта и двора.

Съ другой стороны, Лерма, Сандоваль и ихъ приверженцы также провели ночь въ тревогѣ. Имъ извѣстно было, что король тайно принималъ езуита Хероме и скрылъ это отъ своего министра. Вѣсти извѣтъ также становились все хуже и хуже и такъ огласились, что уже невозможно было долѣе скрывать ихъ. Нужно было на другой день въ совѣтѣ все открыть королю. Паденіе министра представлялось неизбѣжнымъ, а кардинальской шляпы всё-еще не было. Въ народѣ молва тоже росла, оскорбленія дѣлались болѣе и болѣе явными, такъ, что всѣ друзья министра страшались уже за его жизнь.

Таково было положеніе партій, когда насталъ великій день за-сѣданія государственнаго совѣта.

Герцоги Медина, Гусманъ, Эскалонъ и Мендоса, всѣ враги министра, собрались первые. Они образовали отдѣльныя группы и разговаривали между собою вполголоса.

Потомъ пришелъ президентъ совѣта, маркизь Миранда, поставленный на это важное мѣсто герцогомъ Лермой и, слѣдовательно, преданный министру. Его окружило нѣсколько совѣтниковъ, также изъ созданій Лермы.

Примѣтивъ, что другіе члены о чемъ-то разговариваютъ, они тоже подошли къ разнымъ группамъ.

— Да, Ломбардія уже почти занята, говорилъ одинъ изъ противниковъ Лермы.

— Король Генрихъ, говорятъ, намѣренъ начать съ Верхней-Бургундіи, которую хочетъ присоединить къ Франціи, прибавилъ другой.

— Это ему безъ труда удастся, замѣтилъ герцогъ Медина: я недавно оттуда. Тамъ нѣтъ ни одного солдата для обороны, такъ, что, владѣя тамъ нѣкоторыми помѣстьями, я скоро буду подданнымъ французскаго короля.

— А чтоъ станется съ Испаніею? спросилъ Эскалонъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Гусманъ: но я знаю, что слѣдуетъ сдѣлать съ ея министромъ.

Это было сказано довольно громко. Друзья Лермы поблѣднѣли и, вмѣшавшись въ разныя группы, оставили маркиза Миранду одного.

— О чемъ вы это говорите, господа? надменно спросилъ удивленный президентъ: вы упоминали о нашемъ славномъ министрѣ.

— Онъ погибъ, отвѣчалъ Эскалонъ.

— Что?... Что это значитъ? вскричалъ президентъ, мѣняясь въ лицѣ и понизивъ тонъ: объясните, господа.

Ему объяснили дѣло и растолковали, что пришла пора служить уже не одному человѣку, а Испаніи, и что слѣдуетъ покинуть того, кто довелъ ее до краю гибели. Эти доводы, высказанные съ жаромъ, были тѣмъ убѣдительнѣе, что представлялись не одними противниками, но и приверженцами герцога Лермы, перешедшими уже въ непріятельскій станъ. Маркизь Миранда тоже готовъ былъ послѣдовать ихъ примѣру, но еще оставался въ нерѣшимости и всё повторялъ:

— Да! это опасно!... это опасно!...

Члены совѣта постепенно прибывали. Всѣ собрались, а герцога Лермы и Сандовалья еще не было. Это всѣхъ удивляло. Но никто не подавалъ виду, что замѣчаетъ ихъ отсутствіе. Только Медина шепнулъ Эскалону:

— Нѣтъ ли еще какихъ непріятныхъ вѣстей? Я видѣлъ, сегодня прискакалъ курьеръ изъ Франціи, но не къ министру, а къ инквизитору....

Тутъ вошелъ герцогъ Уседа.

Настала тишина. Всѣ взоры обратились къ восходящему свѣтлу.

Потомъ большой шумъ возвѣстилъ пришествіе короля.

Филиппъ, противъ обыкновенія, несъ кучу бумагъ и шелъ очень скоро и смотрѣлъ мрачно. Всѣ почтительно встали.

— Хорошо, хорошо, господа, сказалъ онъ отрывисто: садитесь. Намъ сегодня предстоитъ говорить о важныхъ дѣлахъ.

Всѣ сѣли. Король надѣлъ шляпу.

Входя онъ еще не осмѣливался взглянуть на герцога Лерму. Но потомъ, мало-по-малу осмотрѣвшись и примѣтивъ, что кресла министра и инквизитора пусты, ободрился и сказалъ съ горечью:

— Благодарю васъ за исправность, господа. Вы не изъ тѣхъ, которые боятся показаться въ минуту опасности.

При этихъ многозначущихъ словахъ по всему собранію пробѣжалъ тихій говоръ. Всѣ переглянулись и, казалось, говорили:

— Конечно! Министръ погибъ.

Тутъ вошли Лерма и Сандоваль.

Въ огромной залѣ совѣта слышался только стукъ маятника. Сандоваль казался мрачнымъ, но безстрастнымъ. Лерма былъ взволнованъ.

— Прошу прощенія у его величества и у высокаго совѣта, что заставилъ ждать, сказалъ онъ раскланиваясь: я совершенно невольно запоздалъ.

Въ собраніи, обыкновенно смирномъ и послушномъ, послышался ропотъ.

— Совершенно невольно.... продолжалъ герцогъ: я не могъ предвидѣть....

— Онъ ничего не можетъ предвидѣть! шепнулъ Эскалонъ Гусману.

— Да, господа, продолжалъ министръ, пристально взглянувъ

на Эскалона: я не могъ предвидѣть этого замедленія. Мою карету остановили, народъ окружилъ ее и металъ въ насъ камнями съ крикомъ, вѣсчеть котораго я прежде всего желаю объясниться передъ вами и въ-особенности передъ его величествомъ. Скажите мнѣ, откуда происходитъ молва, которая ходитъ обо мнѣ по городу? Кто изобрѣлъ ее? кто пустилъ въ ходъ?..

— Довольно! прервалъ король: мы знаемъ, что объ этомъ думать.

— Какъ, ваше величество! вскричалъ герцогъ съ негодованіемъ: что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, отвѣчалъ король съ нѣкоторымъ смущеніемъ, что мы васъ не обвиняемъ, герцогъ.... я желаю даже.... я хочу, чтобы объ этомъ предметѣ здѣсь не было рѣчи.... особенно съ вашей стороны: иначе.... я могу подумать.... что важность, которая приписывается негѣпому обвиненію, имѣетъ цѣлью.... отвлечь наше вниманіе отъ другихъ.... гораздо болѣе важныхъ и дѣйствительныхъ проступковъ и ошибокъ.

Король казался очень взволнованнымъ. Голосъ его при концѣ рѣчи сталъ гораздо слабѣе, нежели былъ вначалѣ. Но въ глазахъ всего совѣта монаршее неудовольствіе было выражено довольно сильно и министръ, по общему мнѣнію, упалъ совершенно.

— Я съ почтеніемъ жду упрековъ, которые вашему величеству угодно будетъ сдѣлать мнѣ, сказалъ министръ.

Король взглянулъ на бумагу, которую держалъ въ рукѣ, перебралъ нѣсколько другихъ, потомъ опять возвратился къ первой и, стараясь укрѣпить голосъ, сказалъ:

— Вся Европа вооружилась на насъ. Всѣ протестантскіе князья и государи составили лигу противъ Испаніи. Правда это?

— Правда, ваше величество, отвѣчалъ министръ.

— Говорятъ, французскій король собралъ грозную армию, болѣе шестидесяти тысячъ пѣхоты и многочисленную кавалерію, и что онъ, Генрихъ-Четвертый, душа и глава этого войска. Я полагаю, что это пустой слухъ.

— Нѣтъ, ваше величество, это правда.

Въ собраніи послышался ропотъ.

— Увѣряютъ даже, что на Ломбардію уже сдѣлано нашествіе: что герцогъ Савойскій готовится напасть на насъ, что Генрихъ уже отправляется изъ Парижа, чтобы принять начальство надъ арміей. Вѣрны ли эти извѣстія?

Герцогъ нѣсколько замаялся. Примѣтивъ это, Филиппъ еще болѣе ободрился и повторилъ громко :

— Я васъ спрашиваю, вѣрны ли эти извѣстія?

— Совершенно вѣрны, ваше величество.

— А такъ какъ вы до-сихъ-поръ не сочли нужнымъ сообщать намъ объ этихъ важныхъ событіяхъ и совѣту нашему ничего объ нихъ не было сказано, то мы должны полагать, что министръ принялъ надлежащія мѣры къ поддержанію чести Испаніи. Скажите намъ, сколько у насъ вооружено кораблей и сколько полковъ готовы выступить въ походъ?

— Позвольте мнѣ, ваше величество....

— Гдѣ собраны наши войска и какихъ генераловъ вы назначили командирами?

— Никто изъ насъ не получалъ приказанія! замѣтилъ Гусманъ.

— На границахъ нѣтъ ни одной роты, ни одного эскадрона, прибавилъ Медина: я недавно оттуда.

— Неужели мы беззащитно отданы на произволъ непріятелю? спросилъ Гусманъ.

— Отвѣчайте же королю! запальчиво вскричалъ Эскалонъ: отдайте отчетъ въ участіи и славѣ Испаніи, которую онъ вамъ ввѣрилъ.

— Да! отдайте отчетъ.... я требую! грозно сказалъ король, когда увидѣлъ, что всѣ его поддерживаютъ.

— Говорите! говорите! кричали члены со всѣхъ сторонъ, и каждый нападалъ на министра. Одинъ маркизъ Миранда еще не произносилъ своего мнѣнія. У него одного достало смѣлости.... молчать.

— Ваше величество, отвѣчалъ министръ, и вы, высокородные господа совѣтники, могу увѣрить васъ, что я никогда не переставалъ заботиться о славѣ и независимости Испаніи. Мнѣ не трудно было бы изложить вамъ въ подробности, какія я принималъ мѣры къ защитѣ нашихъ земель, въ какія входилъ сношенія къ подрыву этой лиги, какіе заключилъ договоры для сопротивленія ей....

— Такъ говорите же! вскричалъ король съ нетерпѣніемъ.

— Это значило бы употребить во зло вниманіе вашего величества.

Въ собраніи раздался громкій ропотъ.

— Да, я повторяю, это было бы совершенно бесполезно, ска-
Т. LXXVIII. — Отд. II.

заль министръ громкимъ голосомъ, покрывая гóлову собранія.

— Безполезно! вскричалъ Медина: почему же такъ?

— Потому что намъ уже нечего опасаться ви́шнихъ враговъ, отвѣчалъ министръ, озирая своихъ противниковъ: потому что армія короля французскаго не переступитъ за нашу границу; потому что союзъ протестантскихъ государей, составленный съ такими усціями и задѣвѣшій весь отъ одного человѣка, уже рухнулъ въ лицѣ своего предводителя. Генриха-Четвертаго уже нѣтъ.

При этой вѣсти все собраніе оцѣпенѣло.

— Король французскій умеръ! вскричалъ Уседа, блѣдный и самъ пораженный до-смерти.

— Умеръ, мрачно отвѣчалъ великій инквизиторъ: умеръ подъ ножомъ убійцы. Сегодня я получилъ изъ Парижа письма, въ которыхъ меня увѣдомляютъ, что король въ ту самую минуту, когда отправлялся въ соборъ на вѣнчаніе королевы, въ своемъ экипажѣ, пораженъ убійцею Равальякомъ, который при оставокѣ экипажа вскочилъ на подножку.

— Конечно, не такъ бы долженъ былъ умереть такой великій государь, замѣтилъ Лерма: и мы, по христіанскому долгу, оплакиваемъ его смерть.

— Мы оплакиваемъ смерть Генриха, продолжалъ инквизиторъ, и преклоняемся передъ благими опредѣленіями Всемогушаго, Котораго десница видимо наказала главу еретиковъ. Генрихъ погибъ въ ту самую минуту, когда заносилъ мечъ на католическій народъ, вѣрній Богу и святой Церкви.

— Богъ хранитъ Испанію! сказалъ король, снявъ шляпу и обративъ глаза къ небу.

— Да! поспѣшно подхватилъ министръ: но Богъ и безъ этого средства давалъ намъ возможность оградить себя отъ опасности. Марія Медичи съ прискорбіемъ смотрѣла на эту богопротивную войну. Она съ сожалѣніемъ отказывалась отъ союза, который я давно предлагалъ ей и которому противился король Генрихъ и его министръ. Но теперь Марія, регентша и поведительница Франціи, сама спѣшитъ предложить намъ миръ. Вотъ ея письма, доставленныя намъ черезъ герцога д'Эпернона и Кончини.

При этихъ словахъ всѣ лица прояснились, начиная съ короля.

— Въесто соперницы мы отнынѣ имѣемъ во Франціи дружественную націю, готовую помогать намъ оружіемъ и деньгами; вѣрную союзницу, которая смѣшаетъ свою кровь съ нашею, по-

тому что королева Марія предлагаетъ намъ двойной бракъ: она желаетъ выдать свою дочь за принца астурийскаго и женить сына, короля Людовика тринадцатаго, на нашей инфантъ Аннѣ Австрійской. Еще ли вы, ваше величество, и вы, госнода, находите, что я не берегу пользы и славу Испаніи?

— Да здравствуетъ герцогъ Лерма! вскричалъ маркизъ Миранда.

— Да здравствуетъ нашъ славный министр! повторила большая часть собранія.

Король, изумленный и смущенный, не зная, досадовать ему или веселиться. Уседа съ яростью въ сердцѣ побѣжалъ къ графинѣ д'Альтамирѣ и къ езуитамъ, съ извѣстіемъ, что никогда еще герцогъ Лерма не бывалъ болѣе смѣлымъ, болѣе славнымъ и болѣе повелостнымъ повелителемъ Испаніи.

По смерти королевы ничто уже не держало Карменъ въ Мадридѣ. Она понимала, что чѣмъ долѣе останется, тѣмъ менѣе будетъ имѣть силъ довершить жертву.

— Анха и Фернандъ любили другъ друга: въ этомъ она не могла сомнѣваться: она сама слышала. Выйдя за Фернанда, она сдѣлала бы несчастными троемъ. Когда же откажется отъ этого союза, то несчастною будутъ только она одна. Несмотря на мольбы Фернанда и слезы Анхи, Карменъ уѣхала въ памплонскій монастырь и поспѣшила начать искуеть.

Послѣ этого Анхѣ также ничего не оставалось дѣлать въ Мадридѣ. Она собралась ѣхать въ Валенцію, къ отцу, который такъ сильно любилъ ее, а между-тѣмъ доселѣ еще не пользовался, вполне любовью и пощечіями своей дочери.

Хуанита уже уѣхала впередъ, чтобы извѣстить о прибытіи Анхи, которую еще удерживала въ Мадридѣ болѣзнь Исиды.

Въ тотъ день, когда Пикильо пришелъ къ брату и сказалъ: «королева скончалась!» Исиды страшно вскрикнулъ и потомъ впалъ въ нѣмое, безчувственное отчаяніе, которое заставляло опасаться за его жизнь или по-крайней-мѣрѣ за рассудокъ. Онъ нѣблизь недѣль проводилъ безъ сна и ни слова не говоря ни съ Пикильо, ни съ Анхой.

Отъ времени до времени онъ тихо шепталъ: — Маргаритта, Маргаритта!... Потомъ, какъ-будто испуганный, озирался, закрывалъ голову руками и убѣгалъ. Пеночіи брата и сестры слы-

принималъ безответно, безъ признательности. Онъ не узнавалъ ихъ.

Наконецъ Пикильо вздумалъ подать ему перстень съ бирюзовымъ камнемъ, на которомъ было вырѣзано арабское слово: *Всегда*.

Тутъ разсудокъ Исиды, казалось, воротился. Къ удивленію Аихи, этотъ талисманъ воротилъ ея брата къ жизни. Но еще болѣе она удивилась, когда примѣтила, что это былъ перстень, который обыкновенно носила королева.

— Кто тебѣ далъ его, братецъ? вскричалъ Исидъ, затрепетавъ.

— Та, которой уже нѣтъ, но которая еще молится за насъ.

Исидъ упалъ на колѣни.

— Она велѣла отдать тебѣ этотъ перстень. Она приказала тебѣ жить и посвятить твоимъ братьямъ дни, которые ты посвящалъ ей. Будешь ли ты исполнять ея волю?

— Всегда, отвѣчалъ Исидъ поднося перстень къ губамъ.

Положили, что Исидъ, какъ-только позволитъ ему здоровье, отправится съ Апхою въ Валенсію. Донъ Фернандъ д'Альбайда также вскорѣ располагалъ поселиться тамъ въ своихъ богатыхъ и прекрасныхъ помѣстьяхъ, которыхъ давно уже не видалъ.

Въ сердцѣ его пробуждалась сладостная, но еще темная надежда, о которой онъ не смѣлъ говорить ни кому и въ которой самъ себѣ едва признавался. Онъ иногда упрекалъ себя въ этой надеждѣ, но всё-таки предавался ей.

Объ Аихѣ нельзя опредѣленно сказать, представлялась ли ей эта надежда или нѣтъ. Но вѣрно то, что они не говорили другъ другу объ этомъ, ни словомъ ни взглядомъ, хотя каждый день вмѣстѣ вспоминали о Карменъ. Передъ всегда присутствовавшимъ образомъ ея всякая другая мысль казалась имъ преступною. Сердце также имѣетъ свое вдовство, которое должно быть уважено и которое только время можетъ кончить.

Отъѣздъ Аихи былъ назначенъ, но она не могла покинуть дворъ и столицу не испросивъ согласія короля. Она попросила аудиенціи.

Всѣ эти сердечныя дѣла и семейныя распоряженія происходили во время тѣхъ важныхъ государственныхъ переворотовъ, о которыхъ мы разсказывали.

Герцогъ Лерма, только избавившись отъ бѣды, съ радостью и съ остаткомъ ужасу измѣрялъ глубину пропасти, изъ которой только чудо могло извлечь его. Онъ считалъ уже все погибшимъ

и видѣлъ что все спасено. Онъ торжествовалъ надъ событіями, надъ своими врагами и надъ своимъ королемъ. Его ослѣпленіе и безразсудство, благодаря счастью, зачтены ему въ дарованіе и въ высокую, тонкую политику. Никогда, во все продолженіе своего управленія, онъ не выдывалъ себя въ положеніи болѣе завидномъ и блестящемъ.

Миръ, надолго упроченный новыми союзами, давалъ ему льготу и время исправить прежнія ошибки, заживить раны государства, образовать армію, возстановить финансы и оживить торговлю и промышленность.

Но вмѣсто-того чтобы заняться этими великими и полезными работами, министр и братъ его Сандоваль думали только о томъ, какъ нанести Испаніи послѣдній смертельный ударъ.

Тотчасъ по одержаніи побѣды въ государственномъ совѣтѣ, великій инквизиторъ посѣдѣлъ напомнить Лермѣ обѣщаніе, данное въ дни опасности. Въ случаѣ, если избавится отъ угрожающей опасности, герцогъ далъ слово уже не противиться долѣе цѣлямъ неба и своего брата. Онъ обѣщалъ всю свою властію помогать инквизиціи въ дѣлѣ изгнанія Мавровъ.

Если бы министръ былъ волеяъ, онъ тотчасъ же принялся бы за другой крестовый походъ, гораздо болѣе важный и согласный съ его выгодами,—за немедленное и совершенное изгнаніе своихъ смертельныхъ враговъ, езуитовъ. Необыкновенная твердость, которую король показалъ въ совѣтѣ; строгость, съ которою онъ принималъ тамъ своего министра, и холодность и антипатія, которыя всё-еще были примѣтны въ обращеніи Филиппа съ первымъ любимцемъ, все это было дѣломъ отца Хероме.

Герцогъ понималъ, откуда происходили всѣ выпущенныя на него клеветы, все его зло, и онъ горѣлъ нетерпѣніемъ уничтожить шайку враговъ, которыхъ родной сынъ его былъ атаманомъ.

Министръ сдѣлался подозрительнымъ и сталъ со вниманіемъ во все входить самъ.

Свѣдѣнія, полученныя отъ Алъіага, всѣ оказались вѣрными. Министръ и инквизиторъ не могли не сознаться, что темный, безвѣстный монахъ услужилъ имъ лучше самыхъ преданныхъ друзей. Онъ ихъ спасъ. Всего же болѣе ихъ удивляло, что этотъ монахъ, истинно смиренный и скромный, не обнаруживалъ ни какого честолюбія и, казалось, старался спрятаться, тогда какъ, пользуясь довѣріемъ и расположеніемъ короля и королевы, могъ бы достигнуть большихъ почестей.

Министръ и инквизиторъ смотрѣли на него какъ на сильнаго союзника, которымъ, при случаѣ, можно было воспользоваться.

Случай не замедлилъ представиться.

Гаспаръ Кордова умеръ, какъ это уже предвидѣли езуиты. Нужно было назначить ему преемника. Отецъ Хероме явился къ королю и напомнилъ обѣщаніе назначить Эскобара, котораго и Уседа поддерживалъ всѣми силами противъ министра и въ особенности противъ инквизитора, который хотѣлъ замѣстить эту должность монахомъ изъ доминиканскаго ордена и предлагалъ одного своего родственника.

Къ великому изумленію Сандовала, у короля стало столько неслыханной отважности, что онъ рѣшительно отказалъ. Инквизиторъ, въ свою очередь, дерзко отказывался признать Эскобара, на котораго указалъ король. А такъ какъ согласіе короля и великаго инквизитора въ этомъ дѣлѣ было совершенно необходимо, то рѣшить этотъ вопросъ становилось не легко: король рисковалъ остаться безъ духовника. Это былъ бы невиданный позоръ.

Лерма вспомнилъ объ Аллыагѣ, который, по своей преданности и особенно по скромности, казался ему способнѣе и лучше всякаго другаго. Сверхъ-того Аллыага личный врагъ Хероме и Эскобара. Лучшаго духовника королю и требовать было невозможно. Инквизиторъ согласился, а король, уже испуганный тѣмъ, что покушался на сопротивленіе, не могъ отказать вторично, особенно когда ему предлагали брата Анхи. Эта тайна, кромѣ Деласкарова семейства, была извѣстна только ему и дояъ Фернанду.

Такимъ образомъ монахъ Луисъ Аллыага, ни мало не помышляя и себѣ невѣдомо, черезъ самого герцога Лерму достигъ званія королевскаго духовника, званія безвреднаго въ его лицѣ, но страшнаго въ лицѣ малѣйшаго интриганта.

Эскобаръ, увидѣвъ, что Пикильо вторично отбилъ у него шесто, несмотря на обѣщаніе короля и покровительство Уседы, усомнился въ усердіи своего покровителя. И съ этой минуты между союзниками возникло несогласіе, которое министръ вслѣдствіи старался усилить.

Между-тѣмъ Пикильо сталъ королевскимъ духовникомъ. Ему на роду было написано возвышаться черезъ своихъ враговъ.

Великій инквизиторъ, съ своей стороны, обѣщалъ герцогу Лермѣ помощь современемъ въ изгнаніи братства езуитовъ. Онъ самъ очень желалъ этого по многимъ причинамъ, но прежде все-

— Что вы имѣете сказать мнѣ, герцогиня? Говорите. Чего вы желаете?

— Поблагодарить ваше величество за всѣ милости, которыми меня осыпали, и проститься.

— Проститься!... Вы ѣдете? вскричалъ король и потомъ вполголоса, со вздохомъ, прибавилъ: я очень несчастливъ!

— Вы несчастливы, ваше величество?

— Да... съ нѣкоторыхъ поръ бѣда за бѣдой преслѣдуютъ меня.... Это послѣдній ударъ.

— Позвольте мнѣ не повѣрять этому, ваше величество. Мой отъѣздъ, конечно, не можетъ имѣть никакой важности.

— Выслушайте меня, герцогиня!...

Онъ на минуту остановился въ нерѣшимости, потомъ, собравъ всѣ свои силы, продолжалъ голосомъ, которому напрасно старался придать твердость:

— Я люблю васъ!... Да.... да!... Въ первый разъ это слово срывается съ моего языка.... но изъ этого слова вы не узнаете ничего новаго....

Аиха была слишкомъ прямодушна и честна, чтобы пускаться в увертки. Она молчала. Король продолжалъ:

— Да, вы очень хорошо знаете, что я давно люблю васъ, стало-быть, вы понимаете также, сколько меня огорчаетъ вашъ отъѣздъ. У меня не было никакого удовольствія, никакого счастья, кромѣ того, что я могъ видѣть васъ.

— Но я давно уже, со времени смерти королевы, не бываю при дворѣ, ваше величество.

— Вы находите нужнымъ сказать это? Неужели вы думаете, я не замѣтилъ? У меня такъ мало друзей, что когда одного недостаетъ, ни одного не остается. Вотъ что я чувствовалъ въ ваше отсутствіе! Васъ не было со мною, но вы были въ Мадридѣ. Я могъ встрѣтить васъ.... хоть напримѣръ на прогулкѣ, какъ тогда.... Этого не случилось, продолжалъ онъ печально, однако жъ могло случиться; я надѣялся, что случится.... И это уже что-нибудь значить: это по-крайней-мѣрѣ было чувствованіе въ моей жизни!

Выслушавъ это простое, безхитрое признание, Аиха не знала, что отвѣчать. Она прошептала нѣсколько выраженій почтительности и преданности королю....

— Да! вскричалъ Филиппъ съ горечью: къ королю! всё къ королю!... то есть, къ тому, котораго никто не любитъ.... къ тому, который осужденъ наслаждаться только почтениемъ и одно-

чествомъ!... Я вамъ скажу, герцогиня, у меня былъ только одинъ истинно счастливый день мнѣ, лучше сказать, часъ въ жизни: тотъ, когда я былъ вашимъ двоюроднымъ братомъ, донъ Августиномъ де-Вильяфлоромъ.... Съ-тѣхъ-поръ я васъ люблю.

— Позвольте ли, ваше величество, сказать вамъ...

— Говорите! Говорите со мною, какъ тогда.... говорите откровенно.... пожалуй, хоть посмѣйтесь надъ слабостью Филиппа.

— Никогда, ваше величество. Теперь, какъ и въ то время, я благодарю васъ за вашу дружбу. Но теперь, какъ и въ то время, я скажу: Почему Филиппъ другимъ уступаетъ власть, которую ему ввѣрилъ Богъ? Почему король въ своихъ священныхъ обязанностяхъ, въ своихъ великихъ трудахъ, не ищетъ развлечения отъ горестей, которыя легко разсѣются, лишь-только онъ захочетъ?

— Да! только вы говорили со мною такимъ образомъ.... Но не довольно указать на эту твердость, на эту силу воли: нужно дать мнѣ ихъ, а я нахожу ихъ у себя тогда только, когда вы здѣсь, когда я слушаю васъ! Не покидайте же меня, герцогиня. Я самъ собою ничѣмъ не могу быть, но черезъ васъ я буду всѣмъ, чѣмъ угодно!

И на глазахъ у Филиппа навернулась слеза, которая краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорила: — Оставайтесь!

— Я бы желала, ваше величество, но это невозможно.

— Оставайтесь, чтобы у меня достало силы распутать козни и изобличить измѣнниковъ, которые окружаютъ меня.

— Неужели правда, ваше величество?...

— Да, да! Вы помните, я говорилъ вамъ.... Все это правда.... Я вижу здѣсь только враговъ.... Я могу довѣряться только вамъ, а вы покидаете меня!

Филиппъ въ невыразимомъ волненіи упалъ на колѣни, схватилъ руку Анхи и, орошая ее слезами, вскричалъ:

— Это я! вашъ король.... нѣтъ, вашъ другъ умоляетъ васъ.... Оставайтесь, чтобы народъ, который теперь, быть-можетъ, презираетъ Филиппа, уважалъ и любилъ меня.... Оставайтесь, чтобы царствованіе мое было славно.... Оставайтесь, чтобы я могъ любить васъ; чтобы я могъ повергнуть къ вашимъ ногамъ этотъ скипетръ и эту корону, которыя мнѣ не нужны безъ васъ!...

— Ваше величество!... ваше величество!... встаньте! говорила Анха: прійдите въ себя, выслушайте меня!... Я не могу остаться въ этомъ дворцѣ, не погрѣшивъ противъ памяти королевы, вашей супруги и моей благодѣтельницы, не погрѣшивъ противъ мо-

его долга. Неужели вы думаете, что напоминая вамъ ваши обязанности, я могу забыть свои? Единственное мое достоинство, царство мое — моя честь. Это достоинство я сохранию, какъ совѣтую вамъ сохранить ваше. Не гнѣвайтесь за это слово, ваше величество. Будьте увѣрены, что ваша дружба мнѣ дороже вашего сана. У меня нѣтъ честолюбія. А если и есть, такъ только одно: я желаю остаться честною женщиной. Когда же я уступила бы вашимъ желаніямъ, вы, который любите меня, какъ говорите мнѣ, вы стали бы навсегда несчастны, потому что тотъ день, когда я сдѣлаюсь вашею любовницею, будетъ послѣднимъ днемъ моей жизни: я убью себя.

Аиха произнесла эти слова съ такою простою и убѣдительною откровенностью, что невозможно было сомнѣваться въ ихъ истинѣ.

Король содрогнулся, посмотрѣлъ нѣсколько времени на Аиху съ почтениемъ и потомъ вдругъ выпрямился. Лицо его просіяло новою мыслью, дыханіе освободилось.

— Вы правы, герцогиня, сказалъ онъ, и я вамъ докажу, что моя любовь достойна васъ. Не уѣзжайте, однако жъ. Дайте мнѣ еще недѣлю сроку. Въ этомъ вы не откажете вашему королю... вашему другу?

Аиха поклонилась въ знакъ согласія.

— Благодарю васъ, герцогиня. Общайте мнѣ также, что вы не уѣдете, не простившись со мною.

— Благодарю ваше величество за честь. Я буду ожидать вашихъ приказаній.

— Нѣтъ, не приказаній, а просьбы моей. Такъ черезъ недѣлю я жду васъ... въ эту же пору.

Герцогиня сдѣлала глубокой реверансъ и ушла.

Король провожалъ ее глазами и восхищался величественнымъ станомъ, благороднымъ выраженіемъ и царственною походкою Аихи.

— Да! говорилъ онъ съ жаромъ: она достойна того, что я хочу сдѣлать для нея. Это прекрасная и благородная мысль, которую только она могла внушить. И съ-тѣхъ-поръ какъ эта мысль родилась, мое безпокойство исчезло, настоящее уже не пугаетъ меня, будущее улыбается мнѣ. Что же будетъ, когда эта мысль осуществится?... Оно трудно, правда... но она правду говоритъ: стоитъ захотѣть и побѣдишь все препятствія, а на этотъ разъ я хочу!

Королю въ самомъ дѣлѣ пришла мысль, которую, вѣроятно, никогда никто не предположилъ бы у него и которую могла сдѣлать понятною только его любовь: онъ рѣшился жениться на герцогинѣ Сантаремъ и сдѣлать ее своимъ первымъ министромъ.

Чувствуя, что не можетъ жить безъ управы, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, чтобы имъ управлялъ не ненавистный герцогъ Лерма, а обожаемая Анха.

Филиппъ ни мало не ослѣплялъ себя насчетъ трудностей, которыя долженъ былъ преодолѣть для выполнения такого плана: ему предстояла борьба съ гордостью испанской знати, съ предрассудками и строгимъ этикетомъ двора.

Но если герцогинѣ Сантаремъ пельзя сдѣлаться королевою испанской, то ничто не мѣшаетъ ей быть женою короля. Онъ былъ вдовъ и свободенъ. Браки съ лѣвой руки въ то время совершались довольно часто и имѣли всю законную, присвоенную имъ силу. Въ самой Испаніи Марія Падилья сидѣла же на ступеняхъ трона короля донъ-Педро. Нужно было только привлечь на свою сторону нѣсколько сильныхъ лицъ въ духовенствѣ и при дворѣ, а вслѣдъ за тѣмъ и всѣ преклонять колѣни передъ новою королевою.

Филиппу очень не хотѣлось довѣрять этого плана герцогу Лермѣ и въ особенности великому инквизитору, а между тѣмъ они-то лучше всѣхъ и могли помочь ему. Уседа лучше нравился королю, но не имѣлъ ни какого вліянія. Отецъ Хероме, безъ сомнѣнія, могъ бы поддержать его при римскомъ дворѣ, но взять его въ союзники, значило вооружить противъ себя Лерму, Сандоуала и всю инквизицію. Королю пришла другая мысль.

На столѣ у него лежала красивымъ почеркомъ написанная тетрадь съ надписью: «Важное и секретное.»

То была записка архіепископа Рибейры. Она заключала въ себѣ самыя убѣдительныя доказательства необходимости какъ-можно скорѣе изгнать Мавровъ изъ Испаніи. Король не читалъ этой записки. Онъ увидѣлъ только имя и вспомнилъ, что этотъ человекъ могъ послужить ему.

Рибейра имѣлъ большой вѣсъ въ инквизиціи и во всей Испаніи. Народъ почиталъ его чуть не за святаго и благословенный имъ бракъ необходимо долженъ былъ снискать всеобщее одобреніе.

Рибейра былъ тогда въ Валенсіи. Король собственноручною запиской просилъ его немедленно пріѣхать, но только тайно. Архіепископъ полагалъ, что король хотеть говорить съ нимъ о проектѣ изгнанія, и явился съ невѣроятною быстротой.

Лицо его сіяло, глаза блестяи, когда онъ сѣлъ противъ короля на стулъ. Онъ испытывалъ неизъяснимое наслажденіе автора, который видитъ свое сочиненіе на столѣ у государя.

— Онъ безпрестанно читаетъ! думалъ авторъ.

— Я призвалъ васъ для важнаго дѣла, преосвященнѣйшій, сказалъ король.

— Онъ читалъ мою записку! повторилъ про себя архіепископъ.

— Для дѣла, которое чрезвычайно близко моему сердцу.

— Прекрасно! думалъ Рибейра, кланяясь.

— Которое дивно и ночью не выходитъ у меня изъ головы.

— Вижу, вижу! сказалъ Рибейра, самодовольно взглянувъ на свою тетрадь.

— Какъ.... видите? съ удивленіемъ спросилъ король.

— Ваше величество позволите говорить о моей запискѣ?

— Нѣтъ, преосвященнѣйшій.

— Однако жъ ваше величество позволши читать?

— Нѣтъ еще.

Если бъ король былъ немножко по-меньше занятъ своею мыслію, онъ примѣтилъ бы молніеносный взглядъ преосвященнѣйшаго архіепископа и совершенное превращеніе его лица при словахъ: «Нѣтъ еще».

— Однако жъ дѣло идетъ о торжествѣ вѣры! съ жаромъ вскричалъ Рибейра.

— Мы объ этомъ послѣ поговоримъ. Выслушайте меня напередъ.

Благочестивый архіепископъ, полагавшій, что дѣло его уже совершенно рѣшено, впалъ въ глубокое уныніе, когда увидѣлъ что оно еще вовсе не начиналось, и ему потребовалось все его терпѣніе или, лучше сказать, вся сила желанія видѣть исполненіе своихъ плановъ, чтобы удѣлать королю хоть нѣкоторое вниманіе.

Король съ жаромъ, ловкостью и остроуміемъ, которыхъ архіепископъ никогда не предполагалъ въ немъ, изложилъ свою идею; но Рибейра, всё поглядывая на свою ветронутую записку, покачивалъ головой и, наконецъ, объявилъ, что считаетъ дѣло совершенно невозможнымъ.

Король поблѣднѣлъ, и закусивъ губу сухо отвѣчалъ:

— Ну, хорошо, господинъ архіепископъ. Мы васъ утруждать не станемъ. Мы обратимся къ кому-нибудь другому.

— Ваше величество, я отвѣчалъ по душѣ и совѣсти. Съ такою же откровенностью я намѣренъ говорить и о предметѣ, но

новоду котораго составлена эта записка. Дѣло идетъ о вашихъ подданныхъ.

Король не слушалъ.

— Въ запискѣ, которую я имѣлъ честь представить вашему величеству.....

— Хорошо, хорошо; я просмотрю, холодно перебилъ король и взявъ тетрадь со стола бросилъ далѣе на грудѣ неопредѣленно отложенныхъ бумагъ.

— Въ этой запискѣ, продолжалъ архіепископъ смутившись: я имѣлъ честь изъяснить вашему величеству....

Король всталъ и началъ въ волненіи ходить по комнатѣ.

Архіепископъ понялъ, что сдѣлалъ такую же ошибку въ-отношеніи къ королю, какую тотъ сдѣлалъ въ-отношеніи къ его запискѣ. А какъ это была главная пружина его жизни и какъ онъ держался за свой проектъ такъ же крѣпко, какъ король за свой, то сообразивъ, подобно Эскобару, цѣль, рассудилъ, что можно немножко покривить душой и что дѣла сами по себѣ невозможныя, вмѣстѣ съ другими становятся исполнимыми.

Онъ громко кашлянулъ, чтобы обратить на себя вниманіе короля, который уже забылъ объ немъ.

— Я остаюсь при моемъ мнѣніи, сказалъ онъ.

— Какое ваше мнѣніе? спросилъ король.

— Мнѣ жаль, что ваше величество не изволили читать моей записки.

Король въ нетерпѣніи пожалъ плечами.

— Ваше величество нашли бы тамъ статью, которая прямо относится къ предложенному мнѣ вопросу.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ король подходя къ архіепископу.

— Бываютъ предположенія, которыя съ перваго взгляду кажутся безгрѣшными и которыя, однако жъ, становятся совершенно позволительными, смотря по тому, какъ будутъ исполнены. Позвольте же мнѣ, ваше величество, сохранить откровенность моихъ мнѣній и свободу совѣсти.

— Позволяю, позволяю! съ живостью отвѣчалъ король.

— Я не одобряю брака, въ который ваше величество желаете вступить. Онъ возбудитъ неудовольствіе народа и дворянства и я не знаю, можетъ ли онъ быть приятенъ Богу.

Король началъ обнаруживать нетерпѣніе и Рибейра поспѣшилъ прибавить:

— Но....

Король утихъ.

— Но если предварительно списать одобрение людей и благословение небесное дѣломъ великимъ, благочестивымъ и всѣмъ желаннымъ, дѣломъ полезнымъ вѣрѣ и государству, о, тогда, ваше величество — позвольте мнѣ говорить откровенно — тогда это другой вопросъ.

— Понимаю, сказалъ король.

— Тогда всѣ умы были бы расположены принять мнѣнія вашего величества и всякій сказалъ бы, что, упрочивъ счастье своихъ подданныхъ, король имѣетъ полное право подумать о своемъ собственномъ счастьи. А если бы какіе-нибудь строгіе казуисты и нашли, что дѣло не совсемъ чисто, можно отвѣчать, и я первый скажу: — Нѣтъ, дѣло безгрѣшное, потому что оно уже искуплено, а гдѣ есть искупленіе, тамъ уже нѣтъ грѣха. У насъ же здѣсь есть искупленіе, и еще какое!... искупленіе широкое, такъ, что грѣхъ заглаживается прежде совершенія.

— Понимаю, повторилъ король, хотя понималъ еще очень мало.

— И такъ, ваше величество извольте одобрять идеи, которые заключаются въ моемъ проектѣ?

— Одобряю, одобряю! вскричалъ король: я совершенно вѣрю, что онѣ хороши и полезны.

— Если бы ваше величество позволили въ скорѣйшемъ времени поднести столь пламенно и давно всѣмъ желанный указъ...

— Я подпишу все, что вы хотите.... общаю вамъ!

— А я осмѣлюсь обѣщать вашему величеству, что вашъ братъ будетъ одобренъ инквизиціею и всѣми вашими подданными и обрѣтетъ благословеніе небесное.

— Я согласенъ, я согласенъ! вскричалъ король въ восхищеніи: но съ условіемъ, чтобы вы взяли на себя устроить это дѣло у инквизитора и даже у министра, съ которыми я теперь желаю говорить о подобномъ предметѣ.

— Я все беру на себя, отвѣчалъ также восхищенный архіепископъ.

— И по-скорѣй какъ-можно!

— Обѣщаю вашему величеству и праму только одной милости.

— Чего же вы хотите?

— Благоволите прочесть мое записку.

— Хорошо, хорошо; сейчасъ примусь читать.

Король воротилъ несчастную рукопись изъ изгнанія и развернулъ при глазахъ архіепископа, но, не дочитавъ первой страни-

и, опять оставилъ и съ восторгомъ принялся мечтать о герцогинѣ Сантаремъ и объ ея удивленіи, когда она, по обѣщанію, придетъ проститься.

Рибейра между-тѣмъ успѣшилъ въ палаты инквизиціи, гдѣ нашелъ Сандовалъ и герцога Лерму.

— Господа! вскричалъ онъ величаво: дѣло вѣры выиграно! Покуда вы разсуждаете, я дѣйствую; покуда вы ищете средствъ къ бою, я торжествую побѣду! Король одобрилъ мою записку и изгнаніе Мавровъ опредѣлено. Король сейчасъ подпишетъ повелѣніе: стѣять только представить.

Инквизиторъ и министръ остолебѣли отъ радости и удивленія. Одинъ воображалъ видѣть все христіанство у своихъ ногъ, другой ощущалъ кардинальскую шляпу на своей головѣ. Рибейра въ подробности разсказалъ имъ свое совѣщаніе съ королемъ, но, по-мѣрѣ-того какъ онъ говорилъ, лица ихъ стали омрачаться.

— Такъ вотъ, такимъ образомъ, продолжалъ Рибейра съ торжествующимъ видомъ: стѣять только позволить королю жениться и онъ все подпишетъ.... И все это я устроилъ!

— Мало же вы устроили, сказалъ Сандовалъ съ мрачнымъ видомъ: вы, какъ видно, не знаете, что та, на которой король намѣренъ жениться....

— Ну, что?

— Герцогиня Сантаремъ — дочь Делакара д'Альберика, Мавританка.

— И даже не крещеная, прибавилъ Лерма.

Архіепископъ опустилъ руки.

Допустить союзъ короля съ мавританскою кровью, даже тайно, было очевидно невозможно: такого грѣха и позору инквизиціи не могла одобрить, на такую антиполитическую мѣру министръ не могъ согласиться, потому что, женившись на Мавританкѣ, король естественно уже не можетъ подписать повелѣнія объ изгнаніи ея братьевъ.

— Но какъ же король ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ, самымъ важнымъ затрудненіемъ! вскричалъ Рибейра.

— Король самъ этого не знаетъ.

— Ну, такъ будемте подражать ему. Мы тоже не обязаны знать. Лишь бы повелѣніе было подписано, а объ остальномъ пусть подумаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Сандовалъ: вѣдъ архіепископъ взялся женить его на христіянкѣ.

— А не на Мавританкѣ! вскричалъ Рибейра: а когда Мавры будутъ изгнаны, и герцогиня Сантаремъ отправится туда же.

На этомъ и порѣшили.

На другой день министръ и обѣ духовныя особы отправились къ королю.

Онъ ожидалъ ихъ съ нетерпѣніемъ, потому что то былъ осьмой день, въ который Анха, по условію, должна была прійти прощаться.

— Согласно обѣщанію, которое я далъ вашему величеству, сказалъ Рибейра: мы принесли къ подписанію повелѣніе, которое должно прославить ваше царствованіе. Дѣло, котораго не посмѣлъ предпринять Карлъ-Пятый и о которомъ Филиппъ-Второй только мечталъ, волею вашего величества исполняется и такимъ образомъ навсегда упрочивается безопасность престола и единство вѣры въ Испаніи.

Онъ почтительно поднесъ пергамень. Король пробѣжалъ глазами.

— Я вижу, сказалъ онъ: я вижу, мнѣ предлагаютъ изгнать и сослать въ Африку значительную часть моихъ подданныхъ.... И этотъ проектъ вы, господа, одобрили и подписали?

— Да, ваше величество.

— И вы тоже, герцогъ?

— Да, я считаю это самую полезною мѣрой, какую друзья могутъ присовѣтовать вашему величеству.

— Ваше мнѣніе тутъ, конечно, очень важно. А могу ли я надѣяться на такое же единодушіе въ дѣлѣ, о которомъ архіепископъ, вѣроятно, говорилъ вамъ?

— Преосвященнѣйшій извѣстилъ насъ, что вашему величеству угодно жениться на одной изъ своихъ подданныхъ....

— Да, господа.

— На особѣ знатнаго роду?

— На герцогинѣ Сантаремъ.

— На особѣ воспитанной въ католической, апостольской и римской вѣры?

— Безъ-сомнѣнія.

— Если такъ, сказалъ инквизиторъ, взглянувъ на своихъ товарищей, то я не вижу ни какого препятствія.

— И я тоже не вижу, сказалъ министръ.

— И я не вижу ни какого! прибавилъ архіепископъ.

— Такъ вы сейчасъ составите и подпишете актъ? вскричалъ король.

— Да, ваше величество, а вы между-тѣмъ изволите подписать это повелѣніе.

— Нѣтъ, господа, я прежде всего хочу отпраздновать свадьбу....

— Отчего же такъ, ваше величество? вскричалъ архіепископъ съ безпокойствомъ: это очень задержать наше дѣло!

— Ничего, сказалъ король: если я хорошо понялъ, что вы говорили мнѣ вчера; если въ моемъ бракѣ есть грѣхъ и требуется искупленіе, какъ вы объясняете, то мнѣ напередъ хочется согрѣшнить, а потомъ уже искупить. Я располагаю подписать повелѣніе по выходѣ изъ церкви. Если подданные мои благословяютъ меня за это повелѣніе, какъ вы говорите, то пусть благословляютъ въ торжественный день вмѣстѣ и мою жену. Такъ поспѣшите же, отцы мои, кончить дѣло, въ которомъ, мы всѣ, кажется, совершенно согласны.

Совѣтники переглянулись съ смущеніемъ, которое еще увеличилось, когда король, совершенно противъ своего обыкновенія, твердо и ясно объявилъ, что не намѣренъ ничего подписывать, ни запыматься какими бы то ни было дѣлами до своей свадьбы.

Министръ и его товарищи полагали, что у короля есть подозрѣніе, что онъ предупрежденъ. Ничего не бывало: онъ просто спѣшилъ.

— Ну, что же, господа? спросилъ онъ, замѣтивъ ихъ замѣшательство.

— Есть нѣкоторое затрудненіе, ваше величество, сказалъ инквизиторъ.

— Какое еще затрудненіе? вскричалъ король, блѣднѣя.

— Ваше величество полагаете жениться на христіянкѣ?

— Конечно. А развѣ герцогиня Сантаремъ не христіянка? Развѣ она не исповѣдуетъ римско-католической вѣры?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Ахъ, Боже мой! неужели она лютеранка или кальвинистка?

— Хуже, ваше величество.

— О, Боже мой!... Жидовка!

— Еще хуже. Она Мавританка.

— Мавританка! вскричалъ король съ прискорбіемъ и ужасомъ.

— Она дочь Деласкара д'Альберика, изъ Валенсіи. Деласкаръ воспиталъ ее внѣ своего дома, въ тайнѣ, чтобы сохранить ей свою вѣру.

— Да, ваше величество, прибавилъ Рибейра: выходитъ, что король католическій хотѣлъ жениться на некрещеной Мавритавкѣ.

— Къ-счастію, продолжалъ Лерма, мы успѣли собрать справки и, чтобы спасти ваше величество....

— Вы хотѣли заставить меня подписать ссылку, а можетъ-быть и смерть той, которую я люблю! вскричалъ король.

— Я смотрѣлъ только на моего государя, возразилъ герцогъ.

— Да, да, я знаю, сказалъ король съ горечью: вы не любите королеву испанскихъ.... Есть какой-то демонъ, который преслѣдуетъ меня во всю мою жизнь.... Господа, мы вмѣстѣ разсмотримъ, дѣйствительно ли Богу угодно, чтобы я отказался отъ своихъ желаній или не будетъ ли, можетъ-быть, пріятно Небу обращеніе герцогини Сантаремъ.... Тогда, кажется, не будетъ никакого препятствія нашему союзу съ нею.

Совѣтники вздрогнули.

— Но какъ бы то ни было, продолжалъ король: вѣрно то, что я не стану гнать женщину, которую счелъ достойною моей руки. Я уважаю ее и буду защищать ее и ея братьевъ и никогда не позволю употребить противъ нихъ какое бы то ни было насиліе.

— А я, вскричалъ пылкій архіепископъ: я никогда не допущу ваше величество до отлученія отъ Церкви!

— Мы обязаны заботиться о спасеніи вашей души, прибавилъ инквизиторъ.

— И о благѣ вашей державы, еще прибавилъ министръ.

Но что ни говорили совѣтники, у короля былъ одинъ отвѣтъ:

— Не подпишу этого повелѣнія, никогда не подпишу!

Напрасно ему грозили гнѣвомъ паны, громами ватикана, возставіемъ всего народа: онъ всё повторялъ:

— Никогда не подпишу!

Вдругъ лицо его, раскаленное жаркимъ споромъ, страшно поблѣднѣло; голосъ замеръ на губахъ; крупныя капли поту выступили на лбу и глаза, въ которыхъ свѣтились надежда и любовь, мрачно и блуждая, устремились на маленькую записку, которая лежала, дотоѣ непримѣченная, на столѣ.

— Я подпишу! вскричалъ онъ вдругъ: извольте, господа, я подпишу!

Совѣтники изумились и обрадовались такому неожиданному обороту. Король продолжалъ:

— Давайте! давайте повелѣніе... сейчас! Я подпишу!

— Мы уже имѣли честь представить вашему величеству...
Вотъ оно.

— Хорошо. Я сейчасъ прочитаю.

Но вмѣсто повелѣнія король опять схватилъ и вторично прочиталъ записку, которая производила на него такое ужасное впечатлѣніе.

«Ваше величество, Аиха обманываетъ васъ. Она страстно влюблена въ донъ-Фернандъ д'Альбайду. Поэтому она и распорядилась свадьбу Карменъ д'Агиларъ. Поэтому же она ѣдетъ въ Валенсію, куда отправляется и донъ-Фернандъ, чтобы жениться на ней».

Записка была писана тою же рукой какъ и прежняя. Очевидно было, что ее писалъ преданный другъ.

Этотъ преданный другъ была графиня д'Альтамира. Она, какъ женщина опытная и прозорливая, давно уже примѣтила, что Фернандъ любитъ Аиху гораздо болѣе своей невѣсты, а въ день свадьбы, пришедши въ уборную и найдя Карменъ въ бреду, изъ нѣсколькихъ несвязныхъ словъ разгадала всю тайну.

Подложить записку королю было не трудно: его камердинеръ, Латоръ, получилъ это мѣсто черезъ герцога Уседу, отъ котораго продолжалъ получать вдвое больше жалованья, нежели отъ двора.

Король задумался надъ запиской. Совѣтники, не понимая откуда къ нимъ подоспѣла такая дивная помощь, съ трепетомъ выжидали минуты развязки. Наконецъ король какъ-будто пробудился и вскричалъ:

— Перо! перо!... подайте мнѣ перо!

Инквизиторъ подалъ перо, министръ развернулъ пергаментъ, архіепископъ подвинулъ чернилицу...

Въ эту минуту лакей доложилъ о герцогинѣ Сантаремъ.

Король бросилъ перо и вскричалъ съ гнѣвомъ:

— Герцогиня Сантаремъ! А! очень радъ видѣть! Пусть войдетъ. Извините, господа.... Мы послѣ кончимъ наше дѣло.

Въ движеніяхъ и въ голосѣ короля было столько повелительнаго выраженія, что никто не смѣлъ ослушаться. Всѣ вышли. Дорогоу герцогъ бросилъ страшный взглядъ на несчастнаго лакея, который такъ некстати пришелъ съ докладомъ, и на другой же день отставилъ его.

Дотолѣ король въ своей любви зналъ только одно страданіе, — разлуку съ любимой; одинъ страхъ, что она не любитъ его. Ему и въ голову не приходило, что это сердце, нечувствительное къ нему, могло питать привязанность къ другому. Словомъ, онъ никогда не знавалъ ревности и вдругъ она, какъ всякая новая страсть, овладѣла всѣмъ существомъ его.

При видѣ Анхи вся кровь у него прилила къ сердцу. Онъ былъ блѣденъ; губы дрожали и волненіе становилось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ старался скрыть его.

— Чтò съ вами, ваше величество? спросила испуганная Анха.

— Еще спрашиваетъ!... Неблагодарная!...

И тогда все, чтò было въ его сердцѣ гнѣву, страсти и страданія, вырвалось однимъ потокомъ.

Это былъ уже не тотъ скучающій лѣнивѣцъ, не тотъ равнодушный повелитель, котораго ничтò не трогало, ни даже бѣдствіе народа: это былъ оскорбленный, ревнивый любовникъ. У ревности есть свое краснорѣчіе, одинаковое для всѣхъ, для послѣдняго поденьщика, какъ и для царя. Взбѣшенный Филиппъ, забывая свой санъ и все на свѣтѣ, осыпалъ Анху упреками, угрозами, презрѣніемъ, ненавистью и кончилъ тѣмъ, что упалъ къ ея ногамъ въ упоеніи отъ гнѣву и любви.

Анха напрасно старалась укротить бурю, которой ни какъ бы не появилась безъ имени Фернанда.

— Чѣмъ же я заслужила упреки вашего величества? спросила она, наконецъ, когда голосъ ея въ-состояніи былъ проникнуть до слуху разъяренного короля: развѣ я измѣнила данному слову?

— Нѣтъ.... нѣтъ! Но зачѣмъ вы дали слово Фернанду?

— Развѣ я общалась вашему величеству мое сердце и мою любовь?

— Нѣтъ, но зачѣмъ вы отдали ихъ д'Альбайдѣ?... Посидѣте ли вы отречься?... Развѣ вы не затѣмъ и ѣдете въ Валенсію, чтобы выйти за него замужъ?... Отвѣчайте же мнѣ!... Отчего вы не отвѣчаете?

— Оттого что вы не даете, ваше величество. Позвольте, и я отвѣчу.

— Позволить! вскричалъ король: позволить!... когда я на колѣняхъ умоляю: говорите!... скажите мнѣ правду!

— Всю правду скажу, ваше величество. Я не знаю, кто это могъ обвинять меня передъ вашимъ величествомъ въ любви къ Фернанду....

— Такъ это неправда? вскричалъ король, съ восторгомъ протянувъ къ ней руки.

Аиха отступила, опустила глаза и отвѣчала:

— Правда, ваше величество.

— И вы смѣете признаться въ этомъ.... мнѣ!

— Да, ваше величество. Но этимъ и ограничивается мое преступленіе, клянусь вамъ! Я хотя имѣю право располагать моею рукой, однако жъ ни кому не давала слова. Я ѣду въ Валенсію не затѣмъ, чтобы выйти замужъ, а затѣмъ чтобы свидѣться съ отцомъ.... Мой отецъ Деласкаръ д'Альберикъ, Мавръ.

— Знаю.

— Онъ воспиталъ меня въ вѣрѣ своихъ предковъ.

— Знаю, знаю! повторилъ король съ досадой: такъ вы говорите, что вы никогда не выйдете за Фернанду д'Альбайду?

— Этого я не говорила, ваше величество.

— Какъ! вскричалъ король съ новою яростью: даже этого утѣшенія, даже этой надежды она не оставляетъ мнѣ!... Такъ что же вы говорили?

— Я говорила только, что теперь, въ эту минуту, ни за что на свѣтѣ не соглашусь выйти за него.

— Отчего же только теперь?

— Оттого, что онъ былъ женихомъ Карменъ д'Агиларъ, лучшаго моего друга, моей сестры, и я никогда не выйду за него, покуда могу думать, что Карменъ еще любитъ его.

— Прекрасно! Но вѣдъ Карменъ, кажется, собирается идти въ монастырь?

— Она уже вступила, ваше величество.

— Кто позволилъ?

— Королева.

— Напрасно! Я никогда не позволилъ бы. А потомъ! продолжалъ онъ съ гнѣвомъ: потомъ, когда Карменъ кончитъ годъ послушничества и пострижется совсѣмъ.... Что вы тогда намѣрены дѣлать?

— Не знаю, ваше величество.

— Если Фернандъ захочетъ жениться на васъ, что вы сдѣлаете?

— Не знаю.

— Вы обманываете меня! Вы знаете! отвѣчайте же, отвѣчайте! Если онъ вамъ предложитъ руку, что вы сдѣлаете?

Аиха преклонила колѣно и сказала съ кротостью:

— Тогда.... быть-можетъ, ваше величество, я попрошу у васъ позволенія принять его предложеніе.

— У меня!

— У васъ. Вы слишкомъ добры и слишкомъ справедливы, чтобы отказать мнѣ въ этомъ позволеніи.

— Я! вскричалъ онъ: я соглашусь!... Но вы не знаете, что я самъ хотѣлъ жениться на васъ! прибавилъ онъ почти съ отчаяніемъ.

— Вы!... Боже мой! возможно ли?

— Спросите!... спросите Лерму, который сейчасъ вышелъ отсюда; спросите инквизитора! Они вамъ скажутъ, что я хотѣлъ посадить васъ на тронъ испанскій, хотѣлъ сдѣлать васъ королевой!

— Но я не захотѣла бы этого! съ живостью возразила Аиха. Я слишкомъ уважаю ваше величество, я слишкомъ люблю вашу славу, чтобы позволить вамъ унизиться до брака съ подданною. Испанія стала бы порицать васъ, инквизиція прокляла бы... Вѣдь я Мавританка!

— Такъ что жъ?

— Они ненавидятъ мою кровь, мою вѣру.

— А я.... я люблю тебя! Смотри!... видишь?... вотъ повелѣніе, которое они хотятъ заставить меня подписать.... повелѣніе объ изгнаніи твоихъ соплеменниковъ и твоего отца.

— Возможно ли!

— Повелѣніе, которое навсегда изгоняетъ ихъ изъ Испаніи и осуждаетъ на смерть въ чужой сторонѣ. И это повелѣніе....

— Вы не подпишете его! вскричала Аиха.

— Никогда!... если ты будешь любить меня.... если ты будешь моею....

— Я не могу, ваше величество, но.... не подписывайте!

— Небу такъ угодно и Богъ велить.... воѣ они говорятъ это. Но я не послушаюсь ихъ, если ты будешь моею... если ты согласишься....

— Я не могу нарушить моего долга, ваше величество.

— Такъ и я же не могу! вскричалъ король внѣ себя: а долгъ мой велить мнѣ быть немилосивымъ.

— Умилосердитесь, ваше величество! помилуйте! вскричала Анха, упавъ на колѣни: умоляю васъ!

— Я тоже напрасно умолялъ тебя. Ты отвергла меня. Ты любишь другаго.

— Я не буду любить его больше.... я откажусь, клянусь вамъ!

— Этого мнѣ мало. Ты видишь, теперь у меня уже нѣтъ больше силы на борьбу, нѣтъ силы на великодушіе. Тѣ, за кого ты просишь, не могутъ быть несчастіе меня, потому что я умираю.... я умру безъ тебя.

Анха страшилась возраженіями еще болѣе усилить раздраженіе короля и потому только сложила руки и тихо умоляя шептала:

— Но честь моя, ваше величество! долгъ мой!

— Честь твоя! вскричалъ Филиппъ внѣ себя: честь твоя принадлежитъ твоему королю.... а долгъ твой спасти твоего отца. Если ужъ любовь моя безсильна надъ тобою, продолжалъ онъ съ возрастающимъ раздраженіемъ: если ужъ я ничего не могу получить ни отъ твоей нѣжности, ни отъ твоего состраданія, то я обращаюсь къ другимъ чувствамъ. Я посмотрю, сильнѣе ли твоя ненависть къ королю, чѣмъ любовь къ отцу и братьямъ.

— Помилуйте, ваше величество! помилуйте! повторяла Анха, ползая на колѣняхъ.

— Нѣтъ помилованія, нѣтъ! вскричалъ король и, схвативъ Анху за руку прибавилъ: слушай! ты прійдешь сюда.... завтра вечеромъ.... ночью.... завтра, завтра!... слышишь ли? Тогда я разорву это повелѣніе и навсегда упрочу счастье и благосостояніе твоихъ соплеменниковъ. Но ты прійдешь!... я жду тебя.... здѣсь.... завтра.... Ты общаешься?... Ты клянешься?

— Никогда! никогда! вскричала Анха, вскакивая.

— Молчи! возразилъ король, зажимая ей ротъ: тогда уже не я, а ты подпишешь разореніе и смерть твоего отца!

— Отца! повторила Анха съ ужасомъ: мнѣ быть причиною смерти отца!

Потомъ она съ движеніемъ ужасу вскричала :

— Помилуйте! помилуйте!... Я прійду!

Король вскрикнулъ отъ радости. Глаза у него заблестѣли счастіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это преступленіе! поспѣшно прибавила Аиха: нѣтъ, никогда! никогда!...

Но король, опасаясь этого возврата, уже бросился въ другую комнату, чтобы не слышать ничего послѣ согласія.

Несчастная Аиха упала на колѣни и, воздѣвъ глаза и руки къ небу, вскричала :

— О, Боже мой! спаси и вразуми меня!

=

ШИКИЛЬО АЛЛЫАГА,

или

МАВРЫ ПРИ ФИЛИПЪ-ТРЕТЬЕМЪ.

==

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СКРИБА.

==

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

==

Бернардъ Сантоваль и архіепископъ Рибейра давно уже при-
няли мавры къ выполнению своего плана. Въ Валенсіа, въ Грe-
надѣ, во всей Андалузіи, въ Аррагоніи и въ обѣихъ Кастиліяхъ
изступившіе распространяли самыя злобныя слухи и возмущали
противъ Мавровъ все испанское народонаселеніе.

Записка Рибейры, которой король не читалъ, ходила изъ
руки въ руки по всему государству и производила сильное впе-
чатлѣніе, не только на духовенство, но и на самыхъ могущест-
венныхъ и богатыхъ гражданъ.

Она утверждала, между прочимъ, что Мавры постоянно ве-
дутъ заговоры и что недавно еще, когда Испаніи грозила бѣда,
отвращенная единственно гонимъ и прозорливостью герцога
Лермы, они, узнавъ о приготовленіяхъ Генриха-Четвертаго,
предлагали предводителю лиги золота и войскъ. Если бы ко-

роль Генрихъ, по особенному чуду, не умеръ, Испанія увидѣла бы себя вдругъ окруженною со всѣхъ сторонъ внѣшними и внутренними врагами. Такое событіе могло повториться, и когда, при первой внѣшней войнѣ, всѣ Мавры возмутся за оружіе, Испанцы, подобно своимъ предкамъ, принуждены будутъ преклониться подъ ярмо побѣдителей или искать убѣжища въ ущельяхъ горъ Астуріи.

Эти разсужденія сильно поражали высшій классъ. А для убѣжденія народа, Рибейра прибѣгъ къ другому средству. Говорили о заговорѣ, который клонился будто бы къ тому, чтобы призвать въ Испанію султана мароккского. Разсказывали, будто Мавры обѣщали ему возстать, лишь-только онъ появится, выставить полтораста тысячъ войска въ подкрѣпленіе ему, помочь разграбить церкви, осквернить святыни и захватить все монашество и духовенство. Этотъ-то заговоръ, говорили, открыть инквизиціею.

Молва разрослась и навела ужасъ на народъ. Монахи изобрѣтали странныя, чудесныя разсказы, которые ходили изъ устъ въ уста и всё болѣе и болѣе увеличивали общій страхъ.

Говорили, будто въ Дарокѣ въ воздухѣ слышался бой барабановъ въ ту самую минуту, когда изъ монастыря начинался крестный ходъ; будто въ Валенсіи впродолженіи нѣсколькихъ дней сряду видѣли блестящее бѣлое облако, испещренное кровавыми полосами; будто явилась икона Божіей Матери, облитая потомъ и будто колоколъ въ Вильялѣ нѣсколько разъ звонилъ самъ собою.

Умы, такимъ образомъ настроенные, ожидали какого-нибудь великаго событія и Рибейра правду говорилъ королю, что всѣ уже единодушно желали повелѣнія, которое сдѣлалось столь пагубнымъ для Испаніи.

Исидъ получилъ всѣ эти извѣстія изъ Валенсіи и пришелъ къ Анхѣ.

Это было на другой день послѣ ея свиданія съ королемъ.

Анха была блѣдна. Она всю ночь провела безъ сна, въ молитвѣ и въ заклинаніяхъ тѣни своей матери, чтобы та подала ей совѣтъ.

— Намъ не должно терять времени, сестра, сказалъ Исидъ: нужно сегодня же ѣхать въ Валенсію.

— Отчего же непременно сегодня?

— Отецъ и всѣ братья наши въ опасности. Наше мѣсто при нихъ.

Онъ разсказалъ ей часть того, что мы знаемъ, и прибавилъ, что жизнь Деласкара уже подвергалась опасности: разъяренная чернь, подстрекаемая тайными клеветами инквизиціи, хотѣла поджечь его домъ.

Анха затрепетала.

— Мало этого, продолжалъ Иесидъ: весь испанскій флотъ собранъ у нашихъ береговъ и всѣмъ войскамъ приказано идти на Валенсію и Гренаду. Противъ насъ замышляютъ недоброе. Но знаю, какъ отецъ думаетъ отвратить грозу, но онъ пишетъ мнѣ, что для спасенія вѣры и братьевъ готовъ на послѣднюю крайность и считаетъ все дозволеннымъ.

— Онъ это сказалъ? вскричала Анха, и поблѣднѣла больше прежняго.

— Вотъ его письмо. Онъ напередъ проситъ у насъ прошенія за свой поступокъ, но онъ увѣренъ, что мы раздѣлимъ его мученіе и не поколеблемся принести въ жертву все, что имѣемъ самаго драгоцѣннаго.

— Онъ это сказалъ? повторила Анха съ ужасомъ.

— Посмотри сама.... Вотъ его послѣднія слова: спасемъ братьевъ и потомъ умремъ.

Анха дрожащею рукой взяла письмо и стала читать.

— Что съ тобой, сестра? спросилъ Иесидъ, примѣтивъ смертную блѣдность ея лица.

— Оставь мнѣ это письмо, братецъ, сказала она, запрятывая его на груди, и потомъ прибавила: да.... ты правъ, намъ не должно оставаться здѣсь.... нужно ѣхать. Приготовь все къ отъѣзду.... Приготовь карету сегодня къ вечеру. Отцу, вѣрно, хочется взглянуть на дочь.... Ты отвезешь меня, Иесидъ.

Иесидъ пошелъ, но, оглянувшись, увидѣлъ, что Анха замата-лась, и поспѣшно воротился.

— Я испугалъ тебя, сестрица, сказалъ онъ заботливо: я слишкомъ круто и неожиданно сообщилъ тебѣ горькія вѣсти, которыя, впрочемъ, можетъ-быть, и не оправдаются. Отецъ, авось, сумѣетъ отвратить бѣду.

— Нѣтъ, это будетъ стоить ему жизни! возразила Анха.

Но потомъ, оправившись отъ своего волненія, она продолжала:

— Конечно.... можетъ-быть.... Я сама надѣюсь, что враги наши не рѣшатся истребить нашихъ братьевъ. Пикильо позвали въ палаты инквизиціи. Онъ скажетъ намъ, что тамъ определено, и,

думать-быть сегодня же ты отравилъся къ отцу съ совѣсти-
емъ, что король и его министръ навсегда отказались отъ своихъ
жестокихъ намѣреній.

Она произнесла послѣднія слова съ такою видимою тягостью,
что Исидъ опять вскричалъ:

— Ты стараешься скрыть, сестра, но ты страдаешь!

— Нѣтъ, ничего.... Въ которомъ часу ты думаешь ѣхать?

— Часовъ въ одиннадцать вечера.

— Хорошо; я буду готова.

— Карета будетъ ожидать тебя.

— Только не здѣсь.... Мнѣ не хочется возвращаться въ этотъ
домъ.

— Отчего такъ?

— Умашешь. Дожидайся меня у дворца, у маленькаго подъѣзда,
на половинѣ королевъ.... ты знаешь?

Исидъ ведрогнулъ.

— Знаю, сказалъ онъ. Но зачѣмъ тамъ?

— Затѣмъ, что лучше.... никто не увидитъ, какъ мы поѣ-
демъ.... потому еще по другимъ причинамъ, которыя ты узна-
ешь.... послѣ скажу.

— Отчего же не теперь?

— Отчего? повторила она, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ: не спра-
шивай, умоляю тебя!... Поди, теперь, прибавила она, сложивъ
руки.

Исидъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, однако уважилъ
тайну. Онъ вспоминалъ, что самъ нѣкогда желалъ, чтобы другіе
увидѣли его тайны.

Оставшись одна, Анжа долго пробыла какъ-будто въ отъищені-
и. Она перечитала отцовское нисѣмо и съ блуждающими гла-
зами нѣсколько разъ повторила слова:

«Вы согласитесь со мною, дѣти мои: вы не поколеблетесь для
спасенія нашей вѣры и для блага братьевъ пожертвовать всѣмъ,
что имѣете самаго драгоценнаго. Спаси ихъ и умереть —
нашъ долгъ».

— Я исполню твою волю, отецъ мой, шептала она: я спасу
братьевъ и сегодня Исидъ повезетъ къ тебѣ твою дочь.... мерт-
вую.

Она преклонила колѣна и стала молиться.

Ободрившись послѣ этого, она встала и взяла хрустальный
амантъ, который Никколо отнялъ у графини д'Альтамыры. Анжа

нѣсколько минутъ смотрѣла на него пристально, какъ на единственнаго друга, какъ на единственную надежду.

Изъ него убыло едва нѣсколько капель. Принявъ остальшее, можно было надѣяться на скорую и вѣрную смерть.

Не опасаясь уже пережить свой стыдъ, Аиха вдохнула свободнѣе, но эта бодрость скоро опять оставила ее, когда мысль обратилась на будущее, которое ожидало ее и отъ котораго она отказалась.

Еще нѣсколько времени, и Фернандъ, котораго она любила, могъ бы предложить ей руку и сердце. Еще нѣсколько времени, и она принадлежала бы ему, она могла бы тайную свою любовь открыто объявить передъ цѣлымъ свѣтомъ!... А теперь должно было лишиться вмѣстѣ и этого счастья и любви Фернанда и, быть-можетъ, даже его уваженія.

Умереть и подвергнуться его презрѣнiю! Эта мысль превосходила ея силы. Она хотѣла по-крайней-мѣрѣ написать ему, сказать все... Но тогда жертва становилась невозможною: Фернандъ не дозволилъ бы ни за что па свѣтъ.

— Нѣтъ! говорила она: нѣтъ! пусть онъ лучше завтра все узнаетъ. Однако жъ.... онъ былъ такъ добръ, такъ преданъ мнѣ... я не могу навсегда покинуть его и не проститься.

И она написала къ нему только одно слово: «Прійдите».

Черезъ нѣсколько минутъ донъ Фернандъ д'Альбайда явился.

— Вы писали мнѣ! вскричалъ онъ съ радостью: вы зовете меня! и.... видите, какъ я поспѣшилъ.

— Благодарю васъ, сказала Аиха съ нѣжной улыбкой: я желала поговорить съ вами.

— Въ чемъ я могу служить вамъ? Говорите, приказывайте!

— Нѣтъ, отвѣчала Аиха печально: мнѣ не о чемъ просить васъ.

— Чего же вы хотите?

— Я хотѣла только видѣть васъ, Фернандъ.

Фернандъ затрепеталъ отъ радости. Въ глазахъ у него свѣтился восторгъ, котораго языкъ не смѣлъ выразить.

— Да, продолжала Аиха: я хотѣла видѣть васъ и поблагодарить за все, чѣмъ обязана вамъ. Вы посвятили мнѣ свою жизнь. Вы покорились моей волѣ, моему взгляду; вы обрекли молчанiю вашу любовь; вы имѣли твердость отказаться отъ меня!... Для меня вы жертвовали собою, для меня вы страдали!... Чѣмъ мнѣ вознаградить васъ за все это? У меня ничего нѣтъ... кромѣ од-

этого слова, но.... если я хорошо знаю васъ, то, я думаю, этого слова вамъ будетъ довольно. Слушайте же, Фернандъ.... Я люблю васъ!

Она произнесла это слово не застѣнчиво, не съ потупленнымъ взоромъ, а со слезами и любовью въ глазахъ и какъ-будто вся душа ея вылетала изъ устъ, вмѣстѣ съ этимъ звукомъ.

Фернандъ, пораженный изумленіемъ, въ восторгѣ упалъ на колѣни и осыпалъ поцѣлуями прекрасныя руки, которыхъ Анха не отнимала. Но вдругъ онъ съ новымъ изумленіемъ вскочилъ, когда примѣтилъ, что Анха зарыдала.

— Чтѣ это? вскричалъ онъ: чтѣ значитъ ваша скорбь.... послѣ такого признанія?

— Это первый и послѣдній день моей любви, отвѣчала Анха.

— Чтѣ вы хотите сказать?

— Я не увижу васъ болѣе, Фернандъ.... я не должна видѣть васъ. Вамъ должно отказаться отъ меня.

— Это отчего?

— Не спрашивайте. Вы знаете меня. Если уже я.... я, которая люблю васъ, которая гордилась бы, если бы могла отдать вамъ мою жизнь и украсить вашу.... если я говорю такимъ образомъ, то вы понимаете, Фернандъ, что судьба воздвигаетъ между нами новое неодолимое препятствіе.

— Какое же еще?

— Не спрашивайте!... Довольно вамъ знать, что всѣ страданія, какія бы вы ни вообразили, не сравняются съ тѣмъ, чтѣ я теперь испытываю.

— Такъ скажите же мнѣ, отчего вы такъ страдаете?...

— Сказать! вскричала Анха, отступая съ ужасомъ: нѣтъ, я ошиблась: есть пытка, еще ужаснѣе той, которую я теперь испытываю. Она состояла бы въ открытіи.... Нѣтъ, я не за этимъ хотѣла видѣть васъ. Я хотѣла только проститься....

— Проститься!... Вы покидаете меня?

— Я сказала, что такъ должно. Забудьте обо мнѣ.

— Но это невозможно!... невозможно!

— Простите, Фернандъ. Послѣдняя моя мысль принадлежитъ вамъ.... первой и единственной моей любви.

— И вы хотите, чтобы я забылъ васъ! вскричалъ Фернандъ въ упоеніи отъ ея словъ: и вы хотите, чтобы я отказался отъ васъ въ такую минуту!

— Такъ должно! такъ должно! повторяла Аиха съ отчаяніемъ: поспѣшите!... потому что.... то, что я теперь говорю, я еще могу сказать вамъ.... но скоро....

— Скоро?... что? вскричалъ Фернадъ съ ужасомъ: что это значитъ? ради Бога, говорите!

— Теперь невозможно, но послѣ.... я общаю вамъ.... вы узнаете. Да, продолжала она стараясь собрать всѣ свои силы: завтра вы получите отъ меня письмо.

— Завтра?... Поклянитесь, что я завтра узнаю все.

— Клянусь вамъ.

— Чѣмъ?

— Моею любовью, Фернадъ.

При этомъ словѣ, несмотря на страхъ и сомнѣнія, въ сердцѣ Фернанда опять возродилась надежда. Конечно.... и сама Аиха говорила.... страшное препятствіе снова могло разлучить ихъ и помѣшать счастью, но развѣ есть препятствія, непобѣдимыя для любви? И послѣднее слово Аихи непрерывно отдавалось въ сердцѣ Фернанда. Одного этого слова для него было довольно, чтобы одолѣть всѣ препятствія и перенести всякую невзгоду.

Аиха съ состраданіемъ смотрѣла на его улыбку надежды и счастья и печально сказала:

— Идите! идите!... Чего вы ждете?

— Еще одной милости, отвѣчалъ онъ.

Аиха, блѣдная и неподвижная, не отвѣчала. Фернадъ подошелъ къ ней и, обвивъ рукою стройный, тонкій станъ, шепнулъ на-ухо:

— Аиха! милая!... одинъ поцѣлуй!...

Аиха затрепетала, но не уклонилась. Она думала:

— Я еще могу, я еще достойна его!

Фернадъ съ порывомъ прижалъ ее къ своему сердцу и горящія губы его встрѣтились съ ея губами. Они были холодны какъ мраморъ.

Фернадъ вскрикнулъ. Аиха рукою давала ему знать, чтобы удалился, и онъ въ отчаяніи и въ восторгѣ убѣжалъ.

Едва онъ скрылся за дверь, Аиха схватила перо и принялась писать къ нему.

Она признавалась ему во всемъ и просила прошенія.... не въ смерти, которою хотѣла купить уваженіе Фернанда, но въ преступленіи, черезъ которое эта смерть становилась необходимою.

Много разъ перо выпадало у нея изъ рукъ, много разъ она останавливалась, готовая изорвать письмо и отказаться отъ своего намѣренія.... но она вспоминала объ отцѣ! Эта мысль оживляла ея мужество и придавала силы исполнить жертвоприношеніе.

Пикидьо еще не возвращался изъ палатъ инквизиціи. Отецъ, вѣроятно, также узналъ новость, о которой говорилъ Іесидъ, и отецъ, конечно, также ходатайствовалъ за своихъ братьевъ у Сандовади и у герцога Лермы. Усилія эти были бесполезны: Аиха знала это. Она знала, что грозное повелѣніе зависѣло отъ короля или, лучше, отъ нея самой.... отъ нея зависѣла судьба цѣлаго народа, его благосостояніе и изгнаніе, его жизнь и смерть.

Наступала ночь. И чѣмъ ближе подходила роковая минута, тѣмъ болѣе возрастали нерѣшимость и ужасъ Аихи. Она почти не сводила глазъ съ часовой стрѣлки, которая, казалось, облетала роковые круги. Пробило семь, потомъ осемь, потомъ девять часовъ и съ каждымъ часомъ сердце дѣвушки билось сильнѣе и сильнѣе. Голова у нея горѣла и воображенію представлялись грезы, какъ въ горячкѣ.

Она видѣла Фернанда передъ собою на колѣняхъ, умоляющаго и заграждающаго ей дорогу, и готова была повиноваться ему. Но вдругъ она переносилась на улицы Валенсіи и слышала звонъ колокола въ Вильялѣ. То былъ сигналъ къ начатію рѣзни!

Цѣлыя семейства Мавровъ напрасно старались укрыться отъ испанскихъ кинжаловъ. Посреди толпы разъяренные монахи, съ мрачными лицами, съ ножомъ въ одной, съ крестомъ въ другой рукъ, кричали: «Бей ихъ! бей!»

Ни женщинамъ, ни дѣтямъ не было пощады!

Потомъ она видѣла отца, котораго преслѣдовалъ убійца; отца, который говорилъ ей: «Спаси меня, дочь моя! спаси меня!» Она бросилась, чтобы обвить его руками, загородить своимъ тѣломъ, но было уже поздно! Кровь старика брызнула на нее.... Она видѣла его у ногъ своихъ, видѣла сѣдые волосы его въ грязи....

Въ эту минуту часы пробили десять.

Аиха страшно вскрикнула. Даже колоколъ въ Вильялѣ не произвелъ бы на нее впечатлѣнія ужаснѣе этого.

Не колеблясь, не разсуждая болѣе, она накинула мантилю и плотный воаль и поспѣшно вышла изъ дому. Ночь была темная.

Аиха, какъ-будто спасаясь отъ угрызений совѣсти, сначала нѣсколько времени бѣжала бѣгомъ, потомъ остановилась. Свѣжесть воздуха мало-по-малу успокоила ея волненіе. Разсудокъ возвращается, а съ нимъ и весь страхъ.

Она осмотрѣлась вокругъ. Ей казалось, что всѣ прохожіе осматриваютъ ее съ любопытствомъ, что всѣ читаютъ ея стыдъ на лицѣ у нея. Она своротила съ большой улицы и пошла ко дворцу окольными, безлюдными переулками.

Но тамъ страхъ ея еще болѣе усилился. Черезъ нѣсколько времени ей послышался шагъ и она увидѣла, что какой-то человѣкъ въ плащѣ изъ-дали слѣдуетъ за нею. Чтò если это воръ, разбойникъ! если онъ хочетъ убить ее!...

— Тѣмъ лучше! думала Аиха. Самъ Богъ посылаетъ мнѣ смерть.

Она повернулась и рѣшительно пошла назадъ, навстрѣчу къ кинжалу.

Но, къ удивленію ея, человѣкъ въ плащѣ поспѣшно удался. Она продолжала свой путь и скоро очутилась у одного изъ заднихъ выходовъ королевскаго дворца.

Тутъ она опять примѣтила, что кто-то приглядываетъ за нею. Это, по росту, былъ уже не тотъ человѣкъ, котораго она прежде видѣла, но и этотъ поспѣшно удался, когда увидѣлъ, что на него обратили вниманіе.

Аиха стояла у двери въ небольшую комнату, передъ узкимъ, темнымъ корридоромъ, по которому рѣдко кто изъ придворныхъ хаживалъ, потому что онъ служилъ почти потаеннымъ сообщеніемъ между покоями короля и королевы и для особенно довѣренныхъ лицъ, допускаемыхъ къ тайной аудіенціи.

Когда Аиха вступила въ эту темную, уединенную комнату, ей показалось, что она перешагнула за порогъ позору и отверженія. Она понимала, что теперь для нея уже все кончено, что гибель ея неизбежна и что спасенія нѣтъ никакого.

Входя, она примѣтила человѣка, который какъ-будто ожидалъ ея. Она вздрогнула и хотѣла воротиться, но не было возможности: то былъ довѣренный королевскій камердинеръ Латоръ. Король очень рѣдко давалъ ему подобныя порученія и эта новость не мало восхищала и удивляла его. Ему очень хотѣлось заглянуть въ лицо таинственной посѣтительницы, но оно было закрыто двойнымъ воалемъ. Онъ догадывался только, что незнакомка приходитъ на первое свиданіе, потому что она трепетала всѣмъ тѣломъ, дотога, что едва держалась на ногахъ.

— Сенъора, сказалъ онъ съ видомъ покровителя: его величество король поручилъ мнѣ проводить васъ къ нему.

Аиха стояла неподвижно какъ статуя.

Латоръ вѣжливо предложилъ ей руку, но она съ гордымъ движеніемъ отвергла эту честь.

Каммердинеръ почтительно поклонился и сказалъ про себя:

— Вѣрно, знатная!

Потомъ онъ отворилъ дверь въ корридоръ и, взявъ канделябръ съ двумя свѣчами, пошелъ впередъ, указывать дорогу. Онъ шелъ медленно, потому что Аиха едва передвигала ноги и опиралась о стѣны, чтобы не упасть.

Наконецъ они пришли во внутренніе покои короля и бѣдная дѣвушка почувствовала, что силы и бодрость совершенно оставляютъ ее. Къ-счастію, тамъ никого не было.

— Сенъора, сказалъ каммердинеръ, его величество приказалъ сказать вамъ, что онъ самъ хотѣлъ встрѣтить васъ, но въ половинѣ десятаго къ нему явился великій инквизиторъ и министръ, которыхъ онъ, къ-сожалѣнію, не могъ не принять. Его величество занимается съ ними важнымъ дѣломъ, которое извѣстно сенъорѣ.... Это собственныя слова его величества. Но король проситъ васъ успокоиться и быть увѣренною, что онъ ни зачѣмъ въ мірѣ не отречется отъ своего слова.

Аиха рукою дала знать каммердинеру, что уже слышала довольно. Опъ поклонился и вышелъ.

Послѣ этой встрѣчи съ учтивымъ, но всё-таки дерзкимъ лакеемъ, Аиха еще болѣе устыдилась своего поступка и положенія. Она еще болѣе ужаснулась, когда подошла такъ близко къ безчестію, что объ немъ уже зналъ одинъ посторонній. Она почувствовала презрѣніе къ себѣ самой и глубокое отвращеніе отъ жизни.

— Нѣтъ! нѣтъ! я не останусь здѣсь! вскричала она, вставая съ дивана, на который сѣла отъ утомленія: еще есть спасеніе! еще можно бѣжать!....

Но было уже невозможно. Она услышала поспѣшные шаги, вскрикнула и, въ смятеніи, въ ужасѣ, упала на колѣни. Дверь отворилась и кто-то вошелъ.

— Пощадите!.... пощадите! вскричала Аиха, простирая руки.

— Чтѣ это?.... женщина здѣсь!.... сказалъ съ удивленіемъ знакомый голосъ.

Аиха подняла глаза.

Дверь отворилась не изъ королевскаго кабинета, а изъ корридора, откуда вошла сама Анха.

— Пикильо! вскрикнула она съ ужасомъ и, изнемогая подъ внезапными ударами сильныхъ ощущеній, зашаталась, закрыва глаза и лишилась чувствъ.

Пикильо, въ испугѣ и недоумѣніи, подбѣжалъ и поднялъ ее на руки. Она была блѣдна какъ смерть.

— Анха! говорилъ онъ: сестра моя!.... ты здѣсь!... въ такую пору!.... Зачѣмъ ты пришла?

Дѣвушка не могла отвѣчать: она безъ памяти лежала, склонивъ голову на плечо брата. Пикильо, извѣдавшій ужъ много терзаній, ощущалъ еще одно новое, дотолѣ не знакомое. Страшное подозрѣніе молніей блеснуло въ его умѣ. Ядовитая змѣя доползла до его сердца и раздирала его острымъ жаломъ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу.... и онъ напрасно старался объяснить себѣ свое чувство.

— Тутъ есть подлый замыселъ! думалъ онъ: но я разрушу его и горе тому, кто его устроилъ!... Это моя кровь.... это моя сестра!.... я долженъ защищать ея честь и жизнь!

Такъ думалъ онъ. Но другой тайный голосъ шепталъ ему:

« Ты защищаешь не только сестру, а другое, еще болѣе драгоценное тебѣ существо.... Твое бѣшенство происходитъ отъ любви..... это ревность!....»

— Ну, пусть!.... да, да! вскричалъ онъ: это ревность!.... ревность! Анха!... Анха! отвѣчай мнѣ. Тебя насильно притащили сюда? Говори же! Вѣдь я здѣсь.... я отобью тебя, отниму у враговъ.... Только скажи: ты противъ воли пришла сюда?.... Кто тебя принудилъ? Говори.... хотя бы самъ король! прибавилъ онъ скрежеща зубами.

Въ эту минуту послышался голосъ короля, который выходилъ изъ своего кабинета въ большую залу, подлѣ этой комнаты. Король громко и съ досадою говорилъ Латору:

— Зачѣмъ же ты тотчасъ не пришелъ сказать мнѣ, что она дожидается?

Отвѣту камердинера нельзя было разслышать, но очевидно стало, что Анха сама пришла къ королю.

Невозможно описать, чтò тогда почувствовалъ Пикильо. Въ нѣсколько секундъ въ умѣ его родились два или три намѣренія, одно другаго ужаснѣе. Но послѣднею мыслью было какъ-можно скорѣе спасти Анху и, не разсуждая, не разчитывая, возможно ли, онъ схватилъ дѣвушку на руки.

Гнѣвъ и ревность утронвали его силы. Онъ бросился въ корридоръ, заперъ за собою дверь на задвижку и скорыми шагами удался съ своею добычей.

Черезъ секунду потомъ противоположная дверь открылась и король съ трепещущимъ сердцемъ вошелъ въ комнату, гдѣ его ожидало счастье, какъ онъ полагалъ.

Комната была пуста. Онъ осмотрѣлся вокругъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Мы не пытаемся описать его изумленіе, безпокойство и отчаяніе.

Между-тѣмъ какъ онъ обрывалъ всѣ звонки, звалъ и спрашивалъ Латора, изумленнаго не меньше его величества, Аллыага, со страхомъ въ душѣ, поспѣшно пробирался съ своею ношей по темному корридору. Онъ хотѣлъ-было отнести ее на половину королевы, но опасался встрѣтить кого-нибудь и рассчиталъ, что всего лучше скорѣе совсѣмъ выпроводить Анху изъ дворца.

Къ-несчастію, она всё-еще была въ обморокѣ. У Аллыаги достало бы силъ донести ее до дому, но что сказали бы люди, встрѣтивъ монаха, доминиканца, несущаго на рукахъ молодую женщину по улицамъ Мадрита? Но другаго средства не оставалось. Надобно было рѣшиться.

Онъ вышелъ на улицу. По этой улицѣ и днемъ очень рѣдко кто ходилъ, а по ночамъ она оставалась совершенно пустою и темною. Пикильо бодро ступилъ нѣсколько шаговъ, но вдругъ остановился съ изумленіемъ и ужасомъ. Передъ нимъ стояли два человѣка въ плащахъ. Вѣроятно, тѣ самые, которые слѣдили за Анхой.

Они поспѣшно подошли къ Аллыагѣ.

— Погибли мы! подумалъ онъ.

Незнакомцы быстро окинули взоромъ дѣвушку и монаха, котораго, казалось узнали, и вздрогнули. Потомъ одинъ изъ нихъ подошелъ еще ближе и шепнулъ :

— Слава Богу, братъ! Ты всѣхъ насъ вырѣчилъ.

Аллыага изумился, но не смѣлъ спрашивать самимъ небомъ посланнаго покровителя. Тотъ продолжалъ :

— Что вы хотите дѣлать? Располагайте нами.

— Нужно бы увезти за городъ, отвѣчалъ Пикильо, сообразивъ, что сантаремскій домъ всего менѣе удобенъ для убѣжища.

— Хорошо, сейчасъ отправимъ.

— Но какіе образы?

— За угломъ, въ той улицѣ, мы видѣли карету, запряженную четверкою добрыхъ муловъ. Кучеръ, какъ видно, ждетъ кого-то. Приудимъ его. По какой дорогѣ вы думаете отправить?

— Но хенаресской.... Но теперь всё ворота заперты.

— Мы назовемъ имя, отъ котораго всё отвергнется.

Никильо всё болѣе и болѣе изумлялся. Незнакомецъ свиснулъ и въ ту же минуту явилось еще нѣсколько человѣкъ въ черныхъ плащахъ. Они, по его приказанію, окружили карету, которая стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца, за угломъ переулка. Кучеръ и хозяинъ экипажа отчаянно отбивались. Незвѣстные упили ихъ и приказывали молчать.

— Нѣтъ! я не стану молчать! громко кричалъ молодой человѣкъ: я потребую суда за такой грабегъ!

Алъяга съ изумленіемъ узналъ голосъ Іесида, подбѣжалъ и, схвативъ его за руку, вскричалъ:

— Молчите, говорю я вамъ, повинуйтесь! Помогите намъ вывести изъ Мадрида эту женщину и вы будете довольны наградою. За это я вамъ ручаюсь.

Іесидъ въ свою очередь изумился узнавъ Никильо и Анху.

— А!... это другое дѣло.... сказалъ онъ съ замѣшательствомъ: за доброе слово.... и за награду.... можно помочъ. Я къ вашимъ услугамъ, госнеда.

Черезъ минуту потомъ Анха сдѣла безопасно въ каретѣ, между двумя братьями.

— Что это значить? вскричалъ Іесидъ.

— Молчи, узнаешь. Вели ѣхать на хенаресскую дорогу.

Караулъ у городскихъ воротъ былъ уже предупрежденъ верховымъ, который проводилъ карету до заставы. Іесидъ выѣхалъ на большую дорогу.

Все, что мы рассказали со времени выхода Алъяга изъ королевскихъ покоевъ, случилось меньше нежели въ десять минутъ. Движеніе экипажа и свѣжестъ ночнаго воздуха въ открытой волѣ наконецъ привели въ чувство дѣвушку, которую можно было бы почесть за мертвую, такъ она была холодна и неподвижна.

— Гдѣ я? спросила она, очнувшись и съ ужасомъ осматриваясь вокругъ.

— Подлѣ насъ, подлѣ твоихъ братьевъ, отвѣчалъ Іесидъ, обнявъ ее.

— Это ты, братец! это ты! сказала она, вскрикнувъ отъ радости; потомъ, вспомнивъ происшедшее, прибавила: вы спасли меня, но погубили себя!

И она рассказала имъ сцену, которая, два дня тому назадъ, происходила у нея съ королемъ; рассказала о повелѣнн, которое изгоняло ихъ всѣхъ изъ отечества; рассказала, какое условіе король опредѣлилъ за уничтоженіе этого повелѣнія и Іесидъ вскрикнулъ отъ негодованія при мысли, за какую цѣну хотѣли продать имъ спасеніе.

— Да, говорила дѣвушка, описывая братьямъ свои терзанія, отчаяніе и борьбу: да, чтобы спасти отца и всѣхъ васъ, я рѣшилась обречь себя позору и отверженію! Но успокойтесь, продолжала она, показывая стклянку, которая такъ хорошо была знакома Альбагъ: я не пережила бы этого позору; я молилась. Богъ, вѣрно, судилъ иначе. Да будетъ Его святая воля. Но что теперь дѣлать? что будетъ съ нами? Ты все молчишь, Пикильо. Говори же!

Пикильо, вмѣсто отвѣту опустилъ голову на руки и заплакалъ.

— Прости! прости мнѣ, сестра! говорилъ онъ.

— Въ чемъ же ты виноватъ?

— Въ низкомъ подозрѣнн... Мое сердце раздирала страшная мысль, которой я никогда не прощу себѣ!... Знаешь ли ты, что когда я увидѣлъ тебя въ покояхъ короля, мнѣ пришла мысль, которую я съ трудомъ подавилъ...

— Какая же?

— Я хотѣлъ убить тебя!

— Благодарю, братъ мой! сказала Анха, подавая ему руку: если судьба опять доведетъ меня до такой крайности, не забудь этого обѣщанія.

— Нѣтъ! нѣтъ! вскричалъ Іесидъ: это невозможно! Каковы бы ни были гнѣвъ и страсть короля, невозможно, чтобы онъ рѣшился на такую несправедливую, такую негѣпную, такую неполитическую мѣру! Онъ не захочетъ довести Испанію до гибели. Впрочемъ, мы должны открыть ему глаза. За насъ стоятъ всѣ бароны Валенсіи, которыхъ наше изгнаніе навсегда разорило бы. Они помогутъ намъ. Успокойтесь, успокойтесь. Еще есть надежда. Между-тѣмъ, что бы ни случилось, по-крайней-мѣрѣ мы спасли сестру.

На зарѣ они остановились въ Хенаресѣ и перемѣняя муловъ,

у воротъ нестоялаго двора, увидѣли Педральви, который, какъ дѣятельный слуга, также хлопоталъ около дорожнаго экипажа.

— Педральви! вскричалъ Пикильо: какъ ты сюда попалъ?

— Съ сеньоромъ Деласкарромъ д'Альберикомъ, который ѣдетъ въ Мадридъ.

— Батюшка! Батюшка здѣсь! вскричали молодые люди въ одинъ голосъ.

Иесидъ и Пикильо выскочили изъ кареты и, высадивъ Анху, черезъ минуту окружили отца.

— Куда вы, дѣти? спросилъ обрадованный старикъ, обнявъ каждого нѣсколько разъ.

— Мы ѣхали къ вамъ, въ Валенсію.

— Тамъ теперь единственное мое убѣжище, прибавила Анха.

Братья рассказали старику опасность, которой Анха подвергалась, и ея самопожертвованіе. Деласкаръ слушалъ и трепеталъ отъ ужасу и изумленія.

— Возможно ли! вскричалъ онъ: ты хотѣла погубить себя за насъ! Но кто же тебѣ далъ право на это? кто тебѣ позволялъ?

— Вы сами, батюшка, отвѣчала Анха, подавая ему письмо.

— Дѣ, возразилъ старикъ: я сказалъ, что должно пожертвовать всѣмъ, что имѣешь, состояніемъ и жизнью. Но честь, дочь моя, честь такое имущество, которымъ мы не въ-правѣ располагать произвольно. Мы должны сохранять ее невредимую, какъ получили. Да! продолжалъ онъ съ жаромъ и обративъ глаза къ небу: наше имущество и наша жизнь могутъ принадлежать королю, но наша честь принадлежитъ Богу!...

Анха упала на колѣни и обняла колѣни отца.

— Встань, дочь моя, сказалъ онъ: встань, моя милая! Я надѣюсь, что спасеніе не будетъ стоить намъ такъ дорого. Если только духъ тьмы и заблужденія не совершенно овладѣлъ королемъ и его совѣтниками, они согласятся на мое предложеніе.

— А если не согласятся? спросилъ Иесидъ.

— Тогда, нечего дѣлать, придется покинуть родину и отправиться умирать на чужой землѣ.

— Есть и другое средство, сказалъ Иесидъ съ мрачнымъ выраженіемъ.

— Какое?

— Защищать эту родину съ оружіемъ въ рукахъ и умереть въ ней, если уже нельзя жить.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ старикъ: будемъ еще надѣяться.... Но носившимъ: минуты дѣроги. Если речевое нововѣствіе будетъ подписано, всѣ усилія наши останутся тщетными.

Анха затрепетала и Иесидъ сомнительно кивнулъ головою. Однѣ Пикильо раздѣляли надежды старика.

— Я поѣду съ вами! вскричалъ онъ: герцогъ Лерма долженъ выслушать васъ.

— Это-то самое трудное, отвѣчалъ Деласкаръ: говорить, до министра почти невозможно добратся.

— Доберемся! Я проведу васъ. Будьте спокойны.

Рѣшили Иесиду и Анхѣ продолжать путь въ Валенсію, а Аляга въ воротиться съ Деласкаромъ въ Мадридъ.

Черезъ нѣсколько часовъ потомъ старшій Мавръ остановился въ сантаремскомъ домѣ, который Анха предоставила отцу въ полное распоряженіе. Но Деласкару вѣсегда было отдыхать: онъ отправился во дворецъ, къ герцогу Лермѣ.

Въ передней могущественнаго министра, — болѣе могущественнаго чѣмъ когда-либо, — тѣснилась такая толпа жаждающихъ милостей и милостей, что Деласкару, конечно, не пробраться бы до заштнаго порогу. Но при видѣ аббата Луиса Аляга, королевскаго духовника, толпа разступилась и почтительно очистила дорогу къ двери министерскаго кабинета.

— Войти мнѣ съ вами, битюшка? спросилъ Пикильо.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Деласкаръ: нѣкоторыя слова мои министр долженъ слышать одинъ. Присутствіе третьяго помѣшаетъ дѣйствию ихъ. По окончаніи свиданія я расскажу тебѣ, что случится.

— Хорошо, я подожду.

Потомъ, обратившись къ эскутору, Аляга сказалъ:

— Доложите его свѣтлости... что сенъоръ дона Альбертъ Деласкаръ желаетъ видѣться съ нимъ.

При этомъ имени и титулѣ, который напоминалъ бывшее докровительство королевы, министр съ удивленіемъ всталъ. Это непредвидѣнное посѣщеніе, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нѣсколько смущало его.

— Вы въ Мадридѣ, сенъоръ Альбертъ!

— Сейчасъ пріѣхалъ, ваша свѣтлость.

И зная, что минуты министра сочтены, особенно когда онъ принимаетъ противъ воли, Деласкаръ посѣщавшаго присутствіе въ дѣлу.

— Я пришелъ отъ имени всѣхъ Мавровъ, поговорить....

— Просить? поправилъ министръ.

— Нѣтъ, посоветоваться насчетъ собственной пользы вашей свѣтлости и насчетъ пользы Испаніи.

Герцогъ посмотрѣлъ на просителя съ удивленіемъ и невольно почувствовалъ почтеніе, когда замѣтилъ сѣдые волосы и величественный видъ старика. Деласкаръ продолжалъ:

— Вы, ваша свѣтлость, такъ обременены дѣлами и окружены такимъ множествомъ людей, которымъ нужно скрывать отъ васъ истину, что вамъ она, можетъ-быть, покажется не бесполезною новостью. Я желаю оказать вамъ эту услугу, если позволите.

Потомъ, развернувъ небольшую записку, въ которой были отмѣчены цифры и факты, Деласкаръ доказалъ, что все земледѣліе, вся промышленность и вся торговля государства находятся въ рукахъ Мавровъ; что Испанія изнемогла отъ войнъ и особенно отъ переселеній въ Америку, которыя лишили ее третьей части населенія; что Мавры напротивъ, не занимаются военной службой и никогда не переселяются, оттого число ихъ каждыя десять лѣтъ удваивается; что оно въ настоящую минуту простирается до двухъ слишкомъ милліоновъ вѣрныхъ подданныхъ короля испанскаго, которые обрабатываютъ три четверти пространства земли Андалузіи, обѣихъ Кастилій, Гренады, Мурсіи и даже Каталоніи; что Мавры провели дороги, прорыли каналы, исправили русла рѣкъ и связали всѣ города Испаніи торговыми сообщеніями; что Валенсія, Малага, Барселона и Кадисъ, порты, въ которые стекаются богатые произведенія мусульманской промышленности, приносятъ королю огромныя пошлинны, отъ которыхъ надобно будетъ отказаться; что фабричные города опустѣютъ, плодородныя поля останутся невоздѣланными и всѣ источники народнаго богатства изсякнутъ, когда Мавры будутъ изгнаны изъ Испаніи.

Все это подтверждалось цифрами, изъ которыхъ многія были очень хорошо извѣстны министру. Зато онъ и слушалъ не безъ страха.

Дотолъ Сандоваль и Рибейра говорили ему только о торжествѣ вѣры, о волѣ неба и о благословеніяхъ христіанства. Деласкаръ показалъ ему вопросъ съ другой стороны, съ которой, къ стыду своему, министръ никогда еще не разсматривалъ его. Онъ, расточитель, которому всѣхъ богатствъ Испаніи казалось мало на

удовлетвореніе его прихотей, не могъ безъ трепету подумать, что доходы эти убавятся больше чѣмъ на треть. Жажда богатства равнялась у Лермы только его честолюбію. Онъ былъ не скупъ: сундуки его всегда были пусты. Онъ сгребалъ золото не для того, чтобы беречь, но для того чтобы сыпать его горстями.

Онъ призадумался надъ страшною перспективой, которую Деласкаръ искусно раскрылъ передъ нимъ. Старикъ далъ ему надуматься и потомъ спокойно продолжалъ:

— Увѣряютъ, что многіе совѣтники короны требуютъ подписи повелѣнія объ изгнаніи; но вы, ваша свѣтлость, не захотите, чтобы при вашемъ управленіи принята была мѣра, которая неминуемо должна разорить государство; вы не захотите, чтобы отъ временъ герцога Лермы считался упадокъ Испаніи.

Герцогъ вздрогнулъ. Деласкаръ, не спуская съ него глазъ, съ жаромъ продолжалъ:

— Напротивъ, вы захотите, чтобы черезъ васъ она процвѣла болѣе чѣмъ когда-либо; чтобы черезъ васъ улучшились финансы, армія и флотъ. И все это стѣить одного слова.

— Вы обладаете такимъ секретомъ? спросилъ министръ съ улыбкой.

— Я пришелъ предложить его вашей свѣтлости и ничего не возьму за труды.

— Чтò жъ надобно дѣлать? продолжалъ Лерма въ томъ же тонѣ.

— Ничего, ваша свѣтлость, вовсе ничего. Оставьте только дѣло, какъ есть. Если правительство откажется отъ повелѣнія, которое, говорятъ, уже приготовлено, то Мавры, отъ имени которыхъ я пришелъ къ вашей свѣтлости, охотно согласятся на новышеніе податей цѣлою четвертью противъ того, что уже платять.

Герцогъ невольно придвинулъ свое кресло къ Деласкару и удвоилъ вниманіе. Деласкаръ продолжалъ.

— Ихъ считаютъ ненадежными подданными короля, а они жаждутъ служить ему и вызываются содержать двѣнадцать полковъ, которые всегда и вездѣ готовы будутъ проливать свою кровь за честь Испаніи. Ихъ обвиняютъ, будто они поддерживаютъ тайныя сношенія съ аравійскими державами, а они готовы вербовать флотъ, который будетъ постоянно охранять торговлю береговъ государства. Ихъ обвиняютъ въ ненависти къ

католикамъ, а они предлагаютъ выкупъ за всѣхъ христіанъ-невольниковъ въ Африкѣ.

Изумленный герцогъ хотѣлъ что-то сказать.

— Погодите, сказалъ Деласкаръ: корабли и солдаты ничего не значатъ, когда сундуки казны пусты. Чтобы напомнить ихъ, мы предлагаемъ немедленно внести двѣнадцать милліоновъ реаловъ.

— Неужели! вскричалъ Лерма съ величайшимъ изумленіемъ: такъ вы, Мавры, стало-быть, очень богаты?

— Я столько довѣряю вашей свѣтлости, что откровенно скажу правду, холодно отвѣчалъ Деласкаръ: мы можемъ составить несметныя капиталы и..... если мы вывеземъ ихъ изъ Испаніи во Францію, въ Англію, въ Голландію.....

— Понимаю, понимаю! съ живостью вскричалъ герцогъ: соперники наши обогатились бы всѣми сокровищами.....

— Которыхъ лишится Испанія, подхватилъ Деласкаръ. Это была бы мѣра столь не искусная, что одна помрачила бы навсегда славу самаго мудраго правленія.

— Правда! подумалъ герцогъ, прикусивъ губу, и въ волненіи всталъ.

— Благovolите подождать еще минуту, ваша свѣтлость, сказалъ Деласкаръ: я еще не кончилъ.

— Что же еще? спросилъ министръ съ удивленіемъ и любопытствомъ.

— До-сихъ-поръ я говорилъ только отъ имени моихъ братьевъ, продолжалъ Мавръ: но я, будучи богаче ихъ всѣхъ, не хочу отстать отъ нихъ. Я родился на испанской землѣ и желаю умереть на ней. Въ мои лѣта, ваша свѣтлость, не мѣшаетъ позаботиться о могилѣ, и я хочу, чтобы моя была обезпечена, какъ-бы дорого это мнѣ ни стоило.

— Значить, вы хотите поставить себѣ великолѣпный памятникъ?

— Нѣтъ, простую плиту. Но эту плиту пусть положатъ въ Валенсіи, посреди могилъ моихъ отцовъ, а на плитѣ пусть сдѣлаютъ надпись: «Et ego in Hispania!» (И я въ Испаніи!) Мнѣ такъ хочется этой надписи, что я готовъ при жизни купить своимъ наследникамъ право вырѣзать ее на моей надгробной плитѣ за милліонъ реаловъ....

— Что вы! вскричалъ министръ: такая сумма....

— Слишкомъ ничтожна, да, конечно! перебилъ Деласкаръ, съ

умысломъ по-свѣдѣму изъясняя возраженіе министра: вы правы, она должна быть достойна того, кому я осмѣливаюсь предложить ее; она должна быть достойна могущественнаго министра, который спасетъ Испанію. Я предлагаю два милліона.

— Что вы, что вы, сеньоръ Альберикъ! вы, кажется, съ ума сходите!

— Что жъ дѣлать, ваша свѣтлость! Я привыкъ сидѣть смиренно и не желаю переѣзжать съ мѣста на мѣсто.

Они были одни. Никто не могъ подслушать ихъ и Деласкаръ очень хорошо понималъ, что дѣлалъ, когда сберегъ этотъ аргументъ для конца. Онъ мѣтилъ вѣрно. Отъ этого и всѣ предшествовавшія разсужденія представились уму герцога выпуклые и яснѣе. Внутренно убѣжденный, хотя и не смѣлъ сознаться, онъ съ замѣшательствомъ повторялъ :

— Какъ!... сеньоръ Альберикъ.... неужели вы въ самомъ дѣлѣ хотите....

— Я прошу вашу свѣтлость осчастливить меня и, кстати, Испанію тоже. Не отнимайте у короля вѣрныхъ его подданныхъ и у королевства — рукъ, которыя питаютъ его.

— Правда, сказалъ герцогъ, подумавши : я еще не разсматривалъ вопроса съ этой точки зрѣнія. Я, слава Богу, привыкъ довольно быстро схватывать предметы и, съ первыхъ вашихъ словъ, обнялъ это дѣло со всѣми его выгодами и невыгодами. Я объявлю вамъ съ откровенностью государственнаго человѣка, что мнѣніе мое совершенно измѣнилось, и если бы дѣло зависѣло отъ меня....

— О!... каковы бы ни были наши противники, вашей свѣтлости не трудно будетъ восторжествовать надъ ними. Пользаясь и спасенію государства все другое должно покоряться, и кто осмѣлится воспротивиться такимъ доводамъ, тотъ — врагъ государя и отечества; того самого должно осудить и изгнать.

— Правда, но это люди могущественные и высоко поставленные.

— Какіе же это люди? Что я ихъ не вижу?

— Вы не видите ихъ! вскричалъ министръ.

— Тотъ, съ кѣмъ я говорю, заслоняетъ ихъ, отвѣчалъ Деласкаръ: онъ стоитъ выше ихъ всѣхъ и одной его воли достаточно, чтобы переломить всѣ прочія силы, и если бы я былъ на мѣстѣ....

— Что жъ бы вы сдѣлали?

— Я былъ бы въ восхищеніи, что имѣю свое собственное мнѣніе, что мнѣ одному принадлежитъ слава спасенія и благодѣтельствванія Испаніи.

— Да, это не дурная мысль.... Я подумаю. Но.... если я прийму на себя такую отвѣтственность, если я рѣшусь, наконецъ.... Деласкаръ затрепеталъ отъ радости.

— Кто мнѣ поручится за исполненіе вашихъ обѣщаній?... Въдь я здѣсь договариваюсь за государство: я обязанъ блюсти его пользы и не могу обязываться безъ ручательства.

— Во-первыхъ, холодно отвѣчалъ старикъ, два милліона реаловъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, завтра же будутъ доставлены вашей свѣтлости черезъ довѣренное лицо.

— Кто же это довѣренное лицо?

— Аббатъ Луисъ Алліага.

— Очень хорошо, сказалъ герцогъ и съ радостью прибавилъ про себя: Алліага вмѣшался въ это дѣло! Это удивительно! Съ нѣкотораго времени счастье такъ и сыплется на меня, и все черезъ него!... А потомъ? спросилъ онъ вслухъ, обращаясь къ Мавру.

— Потомъ, отвѣчалъ Деласкаръ, двѣнадцать милліоновъ реаловъ, которые назначены въ казну государства, будутъ внесены втеченіи осьми дней черезъ меня и за моимъ поручительствомъ.

— Вы ручаетесь? вскричалъ министръ съ удивленіемъ.

— Да, ваша свѣтлость, и всякій скажетъ вамъ, что я въ-состояніи поручиться.

— Какъ! неужели вашего состоянія для этого довольно!...

— Слишкомъ довольно, холодно отвѣчалъ Мавръ: мнѣ семьдесятъ-первый годъ отъ-роду, ваша свѣтлость, а шестьдесятъ-первый годъ какъ я работаю. Чтò же касается до войска и флота, которые мы обязываемся вооружить, и до исполненія прочихъ нашихъ обѣщаній, я, мой сынъ Исидъ и четверо другихъ богатѣйшихъ родоначальниковъ нашего народа, отдаются въ ваши руки заложниками. За первую измѣну слову и за первую попытку къ возмущенію, мы отвѣчаемъ головами.

Въ голосѣ, въ глазахъ, въ осанкѣ старика было столько достоинства, мужества и правдивости, что герцогъ, увлеченный неодолимымъ очарованіемъ, а можетъ-быть и проблескомъ патріотизма, который иногда встрѣчается даже у государственныхъ людей, вскричалъ съ жаромъ:

— Я вѣрю, вѣрю вамъ, сеньоръ Альберикъ!

— Такъ вы принимаете наши предложенія, ваша свѣтлость?

— Принято, рѣшено.

— Вы поклянетесь, ваша свѣтлость?

— Клянусь.

Старикъ крѣпко пожалъ министру руку и сказалъ:

— Богъ слышалъ вашу клятву и скоро Испанія будетъ благословлять васъ. Завтра утромъ аббатъ Альиага принесетъ вамъ два милліона, а я сегодня же отправляюсь къ своимъ.

Деласкаръ поспѣшилъ въ сантаремскій домъ, гдѣ Пикильо ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Старикъ подробно, почти слово въ слово разсказалъ свой разговоръ съ герцогомъ. Пикильо не зналъ огромныхъ средствъ, которыми могъ располагать д'Альберикъ, и сначала испугался-было обязательствъ, какія старикъ принималъ на себя. Но тотъ объяснилъ ему, что пожертвовать частію своего состоянія для спокойствія своихъ братьевъ, сохранить еще довольно для себя и своей семьи.

Впрочемъ, Деласкаръ былъ слишкомъ искусный капиталистъ, чтобы не понять, что новые налоги, которые онъ и его соплеменники предлагали казпѣ, съ лихвою выручатся расширеніемъ промышленности и торговли Испаніи, когда права Мавровъ будутъ обезпечены. Спекуляціи лучше и благороднѣе этой не могло быть. За утверженіе ея Мавры предлагали своему отечеству богатство, могущество и спокойствіе.

Увѣренный въ успѣхъ, Деласкаръ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ, чтобы лично доставить въ Валенсію, Мурсію и Гренаду счастливую вѣсть, между-тѣмъ какъ Педральви, по его приказанію, проѣдетъ съ тою же вѣстью Старую и Новую Кастилію, Аррагопію и Каталонію.

Альиага пришелъ къ министру съ двумя милліонами реаловъ, въ векселяхъ важнѣйшихъ европейскихъ городовъ.

Его провели черезъ кабинетъ въ одинъ изъ внутреннихъ покоевъ и просили подождать. Министръ былъ на совѣщаніи у своего брата Сандовала.

— Хорошо, я подожду, сказалъ Альиага.

Онъ сѣлъ, но вдругъ опять вскочилъ и чуть не вскрикнулъ отъ удивленія при видѣ большой картины, которая висѣла на противоположной стѣнѣ.

То былъ портретъ молодого монаха, портретъ, совершенно похожій на Пикильо. Онъ на минуту отвратилъ глаза отъ кар-

тины и увидѣлъ то же самое въ большомъ венеціанскомъ зеркалѣ.

— Чей это портретъ? спросилъ онъ слугу, едва одолѣвая свое волненіе.

— Это портретъ сына его свѣтлости.

— Герцога Уседы?

— Точно такъ, почтеннѣйшій аббатъ. Королевскій живописецъ написалъ этотъ портретъ, когда герцогу Уседѣ было лѣтъ двадцать пять.

— Но зачѣмъ же онъ въ монашескомъ костюмѣ?

— Какъ, развѣ вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Вы не знаете? Да вѣдь это извѣстный обычай! Въ Испаніи, всякій сынъ знатной фамиліи въ часъ рожденія причисляется къ какому-нибудь ордену. Герцогъ Уседа причисленъ къ ордену доминиканцевъ и велѣлъ написать свой портретъ въ этомъ костюмѣ, тѣмъ болѣе, что портретъ спачала назначался въ подарокъ инквизитору; но, не знаю почему, герцогъ Лерма удержалъ его у себя.

— А!... теперь я понимаю, отчего онъ похожъ на меня, сказалъ Алъяга.

— Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же костюмъ, сказалъ слуга и вдругъ вскрикнулъ съ величайшимъ изумленіемъ: да и лицо-то то же самое!... совершенно то же самое!... Можно подумать, что портретъ вышелъ изъ рамы!... Вотъ чудеса!... Чтò это такое?

— Ничего; просто, игра случая, отвѣчалъ Алъяга, стараясь улыбнуться: всѣ монахи другъ на друга похожи.... Оставьте меня.

Слуга ушелъ въ совершенномъ замѣшательствѣ и нѣсколько разъ оглядывался на монаха и на портретъ.

Это обстоятельство произвело въ Алъягѣ невыразимое волненіе.

— Сходство, вѣрно, не воображаемое; вѣрно, поразительное, говорилъ онъ себѣ, когда оно такъ подѣйствовало и на слугу!

И тутъ всѣ прежнія сомнѣнія возродились въ его умѣ и душою овладѣло отчаяніе. Онъ устремилъ глаза на портретъ и говорилъ себѣ съ яростью:

— Если я обязанъ жизнью этому человѣку, котораго ненавижу... если его кровь течетъ въ моихъ жилахъ, такъ, стало быть мнѣ можно было любить Анху, мнѣ можно было искать ея любви!

И, сказавъ это, онъ опустилъ голову на грудь, гдѣ еще ны-

дала любовь, гдѣ огонь всё-еще скрывался подъ пепломъ. Тутъ онъ увидѣлъ свою монашескую одежду, знакъ новой вѣчной дреградѣ между нимъ и Анхой, и снова проклялъ виновниковъ своего несчастія. Въ эту минуту вошелъ герцогъ Лерма.

Альиага поспѣшилъ скрыть свое волненіе, однако герцогъ замѣтилъ его и спросилъ о причинѣ.

— Я думалъ объ общихъ нашихъ врагахъ, отвѣчалъ Альиага съ трудомъ: объ Эскобарѣ и Хероме.

— Прекрасно, сказалъ герцогъ: мы скоро займемся ими. Я хочу наказать ихъ рукою ихъ же сообщника, Уседы. Вы будете отищены.

— Я, ваша свѣтлость? Я не прошу мщенія.

— Вы не просите, но мы обязаны сдѣлать это для васъ. Я сейчасъ еще говорилъ объ этомъ съ великимъ инквизиторомъ. Никто изъ тѣхъ, которыхъ мы начинивали золотомъ, не оказывалъ намъ такихъ услугъ какъ вы, аббатъ Альиага.

— Въ чемъ же, ваша свѣтлость?

— Развѣ не вы предупредили меня объ измѣнѣ Уседы и объ интригахъ графини д'Альтамиры и езуитовъ? Развѣ не вы увѣдомили меня о лигѣ короля французскаго противъ Испаніи? Развѣ не вы, наконецъ, спасли насъ отъ величайшаго изъ всѣхъ несчастій?

— Вы преувеличиваете мои услуги, ваша свѣтлость.

— Нѣтъ. Вѣдь мы уже не видали ни какихъ средствъ. Король былъ глухъ ко всѣмъ убѣжденіямъ великаго инквизитора и къ моимъ. Очевидно было, что впередъ Анха одна будетъ управлять судьбами государства, потому что Филиппъ намѣревался руководствоваться только волею своей любовницы.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Пикильо съ принужденною улыбкой.

— Увѣряю васъ.... Но вы сами знаете. Когда же мы стали настаивать, онъ ушелъ, не удостоивъ насъ отвѣта. Онъ оставилъ насъ въ кабинетѣ и побѣжалъ въ свои покои, гдѣ его ожидала герцогиня Сантаремъ! Мы стояли на краю гибели. Но вы, своимъ смѣлымъ, отважнымъ подвигомъ, спасли насъ. Вы похитили любимицу.

— Кто вамъ сказалъ?

— Наши фискалы, которымъ было поручено слѣдить за герцогиней и которые не посмѣли покуситься на то, что вы такъ удачно исполнили. Вы не предупредили насъ, но это всё-равно.

Вы дѣйствуете: это лучше словъ. Вы и сегодня пришли по важному дѣлу, о которомъ еще не сказали намъ ни слова.

— Да, ваша свѣтлость, я принесъ вамъ два милліона реаловъ, которые Деласкаръ д'Альберикъ поручилъ мнѣ....

— Я знаю, и вы слишкомъ преданный другъ нашъ, чтобы мы могли что-нибудь скрывать отъ васъ въ этомъ дѣлѣ. Вы раздѣлите съ нами всѣ его выгоды.

— Я ничего не хочу.... я ничего не прошу! съ живостью возразилъ Алъига: вамъ однимъ, герцогъ, принадлежитъ честь и слава этого благороднаго дѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ!... Тѣмъ болѣе, что мы ежедневно, ежечасно, по вашему положенію при королѣ, — имѣемъ нужду въ васъ. Мы ничего не можемъ сдѣлать безъ вашей помощи.

— Вы можете быть увѣрены въ ней.

— Знаю.

— Я готовъ помогать вамъ всѣми силами въ дѣлѣ, которое вы предприняли и которое теперь, я надѣюсь, не представляетъ уже ни какихъ затрудненій.

— Напротивъ! очень большія затрудненія. Дѣло становится сложнѣе чѣмъ когда-либо.

— Это какимъ образомъ?

— Я вамъ скажу, потому что вы человѣкъ не только преданный, но и разсудительный. Я общалъ этому Деласкару д'Альберикъ....

— Вы дали ему клятву, ваша свѣтлость.

— Знаю.

— Онъ рассчитываетъ на нее.

— Это-то меня и смущаетъ.

— Отчего же? Условія, которыя онъ предлагаетъ, не столько выгодны для него, сколько для васъ.... и для государства!

— Правда, и я готовъ согласиться на эти условія.... я желалъ бы даже.... но я говорилъ съ братомъ Сандовалемъ.... сейчасъ....

— И что же?

— Да то, что мнѣ прислали кардинальскую шляпу.

— Вамъ, ваша свѣтлость?

— Да. Римскій дворъ общалъ и вотъ теперь прислалъ. Если же Ватиканъ исполняетъ свои обѣщанія, то какъ же мы не исполнимъ своихъ?

— А обѣщанія, которыя вы дали Деласкару д'Альберикъ?

— Правда, но вы понимаете, аббатъ, что между папою и какинь-нибудь Мавромъ нельзя колебаться въ выборѣ. Это и Сандоваль говоритъ, это и совѣтъ инквизиціи десять разъ повторилъ мнѣ сегодня.... Я не могу обмануть его святѣйшество, я не могу измѣнить клятвѣ, которую далъ папѣ: это значило бы украсть кардинальскую шляпу, которую онъ мнѣ прислалъ.... Это стоило бы отлученія отъ Церкви!... Дѣло идетъ о всей моей будущности и о моемъ спасеніи!

— А будущность и спасеніе Испаніи, которую изгнаніе Мавровъ навсегда разорить!... а благоденствіе, котораго вы ее лишаете? а богатства, которыя были ей обѣщаны?...

— Въ этомъ-то и состоитъ вопросъ! вскричалъ министръ: это то и нужно согласить, и Сандоваль нашелъ средство.

— Какое?

— Объ этомъ я и хочу посовѣтоваться съ вами, почтеннѣйшій аббатъ.... во-первыхъ, чтобы услышать ваше мнѣніе, во-вторыхъ, для того чтобы вы убѣдили короля употребить это средство, въ случаѣ, если онъ станетъ колебаться, что у него, къ несчастію, нынче случается довольно часто.

— Какое же это средство? спросилъ Аллыага.

— Вотъ оно: Мавры предлагаютъ намъ условія невѣроятныя, баснословныя!...

— Знаю.

— Они сулятъ намъ огромныя суммы.

— И вы отказываетесь?

— Нѣтъ; мы не можемъ и не должны допустить, чтобы такіе капиталы были вывезены за границу.

— Конечно!

— Вотъ, что говоритъ Сандоваль: если Мавры предлагаютъ намъ такую огромную долю изъ своихъ богатствъ, то, значить, имѣютъ еще въ нѣсколько разъ больше.

— Безъ-сомнѣнія.

— Стало быть, чтобы сохранить для государства эти богатства, стоить только прибавить въ повелѣніи статью: Мавровъ изгнать, а имущество ихъ конфисковать въ казну....

— Что вы говорите! вскричалъ Аллыага съ ужасомъ и негодованіемъ.

— Я говорю, что мы подъ смертною казнью запретимъ Маврамъ увозить съ собою деньги и драгоценности. Это придумалъ Сандоваль и этимъ все устранивается, какъ-нельзя лучше. Мавры

будутъ изгнаны, а богатства ихъ останутся въ Испаніи. Какъ вы объ этомъ думаете?

— Я думаю, что это подлость! вскричалъ Пикильо громовымъ голосомъ: и что изобрѣтатель такого предложенія достоинъ поруганія всего свѣта и потомства.

— Какъ!... какъ!... бормоталъ озадаченный министръ: вы... вы, аббатъ Аллыага, говорите такимъ образомъ!... вы, котораго мы помѣстили при королѣ!... вы, на котораго мы рассчитывали!

— Вы и теперь можете рассчитывать, если угодно: это отъ васъ зависитъ, герцогъ. Отвергните недостойный совѣтъ вашего брата.. Откажитесь лучше отъ кардинальской шляпы, чѣмъ отъ своей чести, и исполните ваше обѣщаніе, сдержите клятву! Объявите отъ имени короля повелѣніе, что Мавры отнынѣ почитаются такими же подданными Испаніи какъ и прочіе, и я склоню короля подписать это повелѣніе, я стану опять тѣмъ, чѣмъ былъ, — вѣрнымъ слугою вашей свѣтлости, преданнымъ помощникомъ и исполнителемъ вашихъ желаній.

— Не могу, не могу! Я принялъ, я обѣщалъ. Папскій легатъ взялъ съ меня клятву.

— Самъ папа не можетъ приказать клятвoprеступленія! вскричалъ Аллыага: вы вчера клялись Деласкару! Самъ папа не можетъ одобрить того, что запятнало бы все христіанство и ниспровергло бы всѣ законы — божескіе и человѣческіе!

— Что вы говорите!...

— Изгнаніе Мавровъ—беззаконная несправедливость, а конфискація—грабежъ!

— Что вы, что вы, аббатъ!... Я удивляюсь!... Я не узнаю ни вашей разсудительности, ни вашего усердія къ пользамъ отечества! Положимъ, для частнаго человѣка... Но правила министра могутъ быть иногда не согласны съ правилами частнаго человѣка: это ничего не значитъ. Политика извиняетъ и позволяетъ много вещей... и когда вы размыслите....

— Я уже размыслилъ. Я иду къ королю...

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Я намѣренъ сказать ему правду, объяснить ему истинныя пользы его государства и его собственныя.

— Это не ваше дѣло, почтеннѣйшій аббатъ. Вы приставлены къ нему только для очищенія совѣсти его величества.

— А вы думаете, что бѣдствіе народа не касается до совѣсти

государя? Желаю, чтобы ваша совесть не укорила васъ, герцога. Впрочемъ, это ваше дѣло и до меня не касается. Но если вы приготовляете угрызенія совѣсти королю, то я обязанъ, по долгу званія, защитить и предохранить его.

— Вы не пойдете къ королю! сказалъ министръ, загоразивая аббату дорогу: онъ теперь говоритъ съ инквизиторомъ и съ папскимъ легатомъ.

— Я пойду. Я имѣю право входить во всякое время и воспользуюсь моимъ правомъ.

— Послушайте, сказалъ министръ: если вы располагаете вооружиться противъ насъ, противитесь нашимъ намѣреніямъ... вспомните, что рука, которая подняла васъ, можетъ и низвергнуть.

— Я не просилъ мѣста, на которое вы поставили меня, ваша свѣтлость. Но, занявъ его, я далъ слово исполнять всѣ сопряженныя съ нимъ обязанности, и исполняю. Можете ли вы сказать то же самое, ваша свѣтлость?

— Вы забываете, чѣмъ обязаны мнѣ, надменно возразилъ герцога.

— Я напередъ выплатилъ всѣ мои долги: вы сами сознались. Да! я постоялъ за васъ противъ иноземца, — то былъ долгъ Испанца. Я постоялъ за васъ противъ предательства вашего роднаго сына. То былъ долгъ честнаго человѣка. Но здѣсь оканчивается нашъ союзъ, ваша свѣтлость. Я не хочу имѣть дѣла съ тѣмъ, кто для кардинальской шляпы измѣняетъ государю и отечеству.

— Это слово дорого будетъ стоить вамъ! вскричалъ герцога.

— Я знаю, что гнѣвъ вашъ страшенъ, герцога, отвѣчалъ Альбага: я знаю, что все покорствуешь вамъ, что вы властны покушаться на все, даже на деспотизмъ и несправедливость. Словомъ, вы на вершинѣ могущества. Но не забудьте, что самыя высокія деревья первыя подвергаются опасности отъ грозы!

— Вотъ, на что вы надѣетесь!...

— Да, вы сами досказали мою мысль. Вы часто выговаривали мнѣ, что у меня нисколько нѣтъ честолюбія и я сдѣлаюсь честолюбивымъ..... не длятого чтобы самому возвыситься, а длятого чтобы низвергнуть васъ!

И онъ вышелъ.

Герцога съ безпокойствомъ проводилъ его глазами и сказалъ:

— Онъ королевскій духовникъ..... И я самъ его опредѣлялъ. Это большая ошибка!

Но вслѣдъ затѣмъ лицо министра оварилось самодовольною и самоуверенною улыбкой.

— Да! но я кардиналъ! сказалъ онъ: герцога Лерму можно было свергнуть. Кардинала не свергнешь. Трудно поссориться съ римскимъ дворомъ, съ инквизиціею и съ челоуѣкомъ, который держитъ въ рукахъ судьбу цѣлаго государства. Король теперь, если и захочетъ, такъ не посмѣетъ, а Алъига что сдѣлаетъ?..... Соединится съ моими врагами, съ езуитами и съ моимъ сыномъ? Тѣмъ лучше! пусть соединяется: однимъ ударомъ всѣхъ уничтожу.

Алъига между тѣмъ спѣшилъ къ королю.

Филиппъ со времени похищенія Анхи еще не смыкалъ глазъ. Безпокойство и неизвѣстность терзали его тѣмъ болѣе, что онъ никому не смѣлъ доверить ихъ. Какъ онъ ни желалъ объяснить это таинственное и досадное приключеніе, однако жъ чувствовалъ, что оно имѣетъ смѣшную сторону, которой должно остаться въ тайнѣ. Поэтому онъ и Латору строго наказалъ молчать, а тотъ тотчасъ же все пересказалъ графинѣ д'Альтамирѣ.

Филиппъ не осмѣливался сдѣлать никакой попытки, которая бы могла пустить въ огласку имя герцогини Сантаремъ, и все ждалъ отъ нея какого-нибудь извѣстія. Онъ зналъ, что герцогиня была въ его покояхъ, что она пришла сама, что она ожидала его и... онъ упустилъ свое счастье такимъ непостижимымъ образомъ! Всего же непостижимѣе ему казалось, что Анха не подаетъ о себѣ желанной вѣсти.

Онъ прождалъ два дня, но долѣе уже не могъ. Послалъ Латора съ письмомъ въ сантаремскій домъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣту. Письмо воротилось нераспечатанное. Герцогиня исчезла изъ Мадрита и никто не зналъ, гдѣ она.

Король чуть не сошелъ съ ума. Его лицо, его обращеніе такъ переѣнились, что всѣ приближенные ужаснулись. Добрый и кроткій Филиппъ сдѣлался вдругъ нестерпимо раздражительнымъ и сердитымъ. Нервическіе его припадки отражались на всемъ окружающемъ: онъ не зналъ, на комъ вымѣстить свое несчастіе, но въ-особенности, повидному, возненавидѣлъ герцога Лерму и инквизитора Сандовала, которыхъ пуще всѣхъ обвинялъ въ своей неудачѣ. Они своимъ посѣщеніемъ не кстати и своими докучными убѣжденіями задержали его, когда Анха была въ его покояхъ.

Однажды утромъ припадокъ раздражительности усилился еще ужаснѣе обыкновеннаго. Колокольчикъ задрезжалъ такъ страшно, что Латоръ съ трепетомъ побѣжалъ въ кабинетъ.

Король, блѣдный, вѣ себя, съ разстроеннымъ лицомъ, едва могъ говорить отъ волненія. Онъ приказалъ камердинеру тотчасъ же послать курьера за Фернандомъ д'Альбайдой, чтобы немедленно явился.

Между-тѣмъ какъ исполнялось это приказаніе, король отъ времени до времени перечитывалъ и съ бѣшенствомъ мялъ записку, которую нашелъ на своемъ столѣ.

Записка была такого содержанія:

« Ваше величество недостойнымъ образомъ обмануты. Въ тотъ самый вечеръ, когда вы ожидали герцогиню Сантаремъ къ себѣ, она уѣхала изъ Мадрита въ каретѣ съ донь-Фернандомъ д'Альбайдой. Оба тайно отправились въ Валенсію, гдѣ теперь, вѣроятно, уже обвѣнчаны.»

Видъ бѣднаго короля могъ бы возбудить жалость въ самыхъ жестокихъ врагахъ. Гнѣвъ, ревность, презрѣніе искажали все его черты и помрачали разумъ. Онъ былъ почти помѣшанъ, однако жъ еще не совсѣмъ вѣрилъ, чтобы Анха могла поступить такъ предательски.

— Ну, что? д'Альбайда идетъ? спросилъ онъ камердинера, когда тотъ воротился.

— Нѣтъ, ваше величество. Его нѣтъ въ Мадритѣ.

— Гдѣ же онъ? спросилъ король, поблѣднѣвъ какъ смерть.

— Говорятъ уѣхалъ въ Валенсію.

— Когда?

— Три дня тому назадъ.

Король вскрикнулъ отъ ярости, потомъ сказалъ камердинеру:

— Ступай! оставь меня!....

И онъ предался всему своему отчаянію, всей своей ярости. Онъ клялся отмстить Фернанду и въ-особенности Анхѣ и всему ея роду и племени. Онъ отыскивалъ въ умѣ, изобрѣталъ средства унижить ее и доказать ей свое равнодушіе, свое презрѣніе, свою ненависть.

Въ эту минуту и между-тѣмъ какъ Аллыага былъ у министра, королю доложили о приходѣ великаго инквизитора съ папскимъ легатомъ.

Они увѣдомили короля, что папа Павелъ-Пятый возвелъ его

перваго министра, герцога Лерму въ самъ кардинала, и говорили, что римскій дворъ, представляя двору испанскому это новое доказательство искренней пріязни, надѣется наконецъ на исполненіе обѣщанія, которое Филиппъ далъ Церкви и котораго все христіанство такъ давно уже ожидаетъ съ нетерпѣніемъ, — изгнать еретиковъ-Мавровъ.

Король крикомъ радости перебилъ рѣчь инквизитора, который готовился подкрѣпить свое предложеніе новыми убѣдительными доводами.

— Хорошо! хорошо! вскричалъ онъ: съ вами это повелѣніе?

— Со мной, ваше величество.

— Прочитайте его!

Сандоваль съ восхищеніемъ бросилъ на легата торжествующій взглядъ и громко началъ читать повелѣніе, которое состояло изъ семи статей.

Первою статьею повелѣвалось всѣмъ Маврамъ безъ исключенія оставить Испанію. Подъ смертною казнью, всѣ, мужчины, женщины и дѣти, втеченіи трехъ дней должны были приготовиться къ отправленію за границу изъ назначенныхъ мѣстъ, гдѣ ихъ ожидали корабли.

Второю статьею опредѣлялась конфискація всего ихъ имущества въ пользу казны и бароновъ, на землѣ которыхъ они проживали. Смертная казнь угрожала тѣмъ, кто дерзнетъ утаить или уничтожить что-нибудь изъ своего добра.

Третья статья касалась дѣтей, моложе четырехъ лѣтъ, которые могли остаться въ Испаніи, съ условіемъ....

— Давайте! давайте! сказалъ король, полагая, что инквизиторъ уже кончилъ чтеніе: давайте! Я въ восхищеніи, что почтеннѣйшій легатъ можетъ засвидѣтельствовать при римскомъ дворѣ все, что мы дѣлаемъ во вниманіи къ святѣйшему папѣ.

— Все будетъ доложено его святѣйшеству, отвѣчалъ легатъ съ поклономъ: онъ не меньше и ожидалъ отъ старшаго сына Церкви, отъ короля «весьма католическаго». Я сегодня же отправлю курьера, чтобы подъ сводами Святаго Петра загремѣло: «Тебѣ Бога хвалимъ».

— И мы будемъ молиться во всѣхъ церквахъ Испаніи, прибавилъ инквизиторъ.

Король взялъ перо и, укрѣпленною гнѣвомъ рукою, не колеблясь, почти самъ себя не понимая, подписалъ осужденіе двухъ милліоновъ подданныхъ.

— Душевно поздравляю, ваше величество, съ этигь достославнымъ повелѣніемъ! вскричалъ инквизиторъ: и, если позволите, ваше величество, я еще осмѣлился бы посовѣтовать.... удалитесь отъ просьбъ и докучливыхъ убѣжденій, съ которыми обступитъ васъ.

— Какъ такъ? спросилъ король.

— Эти Мавры даже между нашими вѣвють столькихъ покровителей и друзей....

— Я никого не стану слушать; я откажу.

— Ваше величество такъ добры, что это будетъ тревожить васъ. Я на вашемъ мѣстѣ сейчасъ уѣхалъ бы въ Вальядолидъ.

— Уѣхать! уѣхать въ Мадрида.... изъ этого дворца! вскричалъ король съ живостью: лучше этого придумать невозможно!... Воздуху! воздуху мнѣ нужно! Мнѣ тяжело, я задыхаюсь здѣсь! прибавилъ онъ, положивъ руку на грудь.

Инквизиторъ, не давъ королю времени опомниться, въ минуту все приготовилъ къ отъѣзду, подъ предлогомъ прогулки, такъ, что никто даже изъ свиты не зналъ, куда король ѣдетъ.

Черезъ четверть часа потомъ курьеры поскакали по всѣмъ дорогамъ, ко всѣмъ епископамъ королевства, съ вѣстью о торжествѣ вѣры и съ строгимъ приказомъ ко всѣмъ видерокамъ провинцій и губернаторамъ городовъ немедленно исполнить повелѣніе объ изгнаніи Мавровъ.

Сандоваль и инквизиція торжествовали; Рибейра проливалъ слезы умиленія, а герцогъ Лерма говорилъ себѣ съ улыбкой:

— Будущій честолюбецъ Аллыага плохо начинается. Онъ не умѣлъ выбрать времени для ссоры съ нами и ему теперь столько же трудно будетъ свергнуть меня, сколько спасти Деласкара и Мавровъ.

И дѣйствительно, когда Аллыага пришелъ, все было кончено: незаконное дѣло совершено.

Духовнику, какъ и всѣмъ оставшимся во дворцѣ, сказали, что король поѣхалъ прогуливаться. Аллыага остался дожидаться. Онъ не хотѣлъ упустить ни минуты по возвращеніи короля, но продолжалъ до ночи и все напрасно. Тогда, утомленный тревожнымъ ожиданіемъ и неизвѣстностью, онъ рѣшился наконецъ отправиться домой, гдѣ къ величайшему огорченію своему нашелъ слѣдующую записку, которую король послалъ къ нему передъ отъѣздомъ:

«Я ѣду въ Вальядолидъ. Я несчастнѣйшій изъ людей. Пріѣз-

«жайте ко мнѣ скорѣе, любезнѣйшій Алліага. Я не жду утѣшенія ни отъ кого кромѣ васъ».

Что случилось? Что побудило короля къ тайному отъѣзду? Объ этомъ теперь Алліага не могъ спросить ни герцога Лерну, ни его брата. А самое ужасное было то, что онъ потерялъ двѣнадцать часовъ времени. И столько же еще было нужно, чтобы доѣхать изъ Мадрита въ Вальядолидъ.

Пикильо не задумался. Онъ былъ измученъ усталостью и съ утра ничего не ѣлъ, однако жъ тотчасъ бросился въ карету, скакалъ всю ночь и къ утру прибылъ въ Вальядолидъ. Король приказалъ никого не пускать къ себѣ, но это приказаніе не касалось духовника его величества.

Для аббата Алліаги не было замковъ на дверяхъ.

Онъ съ трудомъ узналъ короля: такъ двадцать четыре часа страданія извѣстны всѣ черты Филиппа. Первый гнѣвъ его остылъ. Оставалась только скорбь. При видѣ Пикильо онъ могъ въ крайней мѣрѣ заплакать и нашелъ облегченіе.

— Братъ мой! братъ мой! вскричалъ онъ: помоги мнѣ! спаси мою душу! Все кончено для меня и мнѣ кажется, что я уже ни во что не вѣрю!

Скорбь сближаетъ разстоянія. Пикильо очутился въ объятіяхъ короля.

— Что случилось? спросилъ Пикильо въ испугѣ: какое несчастіе грозитъ государству или вашему величеству?

— Она уѣхала! вскричалъ король: она вышла замужъ.... за Дельбайду!

— Кто, ваше величество?

— Герцогиня Сантаремъ.

Алліага поблѣднѣлъ; но скоро оправился и успѣшилъ отвѣтить:

— Вамъ ложно донесли, ваше величество: моя сестра не выходитъ замужъ.

— Но она уѣхала изъ Мадрита.... съ нимъ, съ Фернандомъ.... ночью.... въ одной каретѣ!

— Это неправда! неправда! возразилъ Алліага: Фернандъ вызванъ въ Валенсію тамошними баронами, для совѣщанія объ общихъ и драгоцѣннѣйшихъ пользахъ своего края. Онъ уѣхалъ, но уѣхалъ одинъ.

— А я вамъ говорю, что онъ увезъ герцогиню Сантаремъ.

— Я могу доказать вашему величеству противное.

— Какимъ образомъ?

— Однимъ словомъ: я самъ увезъ герцогиню.

— Вы, аббатъ? вскричалъ король, въ величайшемъ изумленіи: зачѣмъ?

— Затѣмъ, что отдаваясь вашему величеству, она поклялась умертвить себя, а я не хотѣлъ, чтобы вы приняли на свою душу такой грѣхъ передъ Богомъ.

Король поблѣднѣлъ.

— Лишать дѣвушку чести и жизни — грѣхъ.

— Не обвиняйте меня! не обвиняйте меня, отецъ мой! Увѣрю васъ передъ Богомъ, Который читаетъ мои мысли, я хотѣлъ жениться на ней.

Пикильо вздрогнулъ и сказалъ холодно:

— Кто же вамъ немѣшалъ?

— Герцогъ Лерма и инквизиторъ. Они утверждаютъ, что мнѣ невозможно жениться на Мавританкѣ, и теперь, если бы я и хотѣлъ, такъ уже нельзя: они въ присутствіи папскаго легата доказали мнѣ....

— Чтò они доказали? спросилъ Пикильо, трепеща отъ ужаса.

— Они доказали мнѣ, что Мавры — еретики и что они губятъ государство.

— Напротивъ! напротивъ! Не они губятъ государство! вскричалъ Альбага и съ одушевленнымъ краснорѣчіемъ въ немногихъ словахъ развернулъ передъ королемъ истинную, вѣрную картину настоящаго состоянія Испаніи, картину, которой никто еще не показывалъ Филиппу. Онъ доказалъ ему, что Испанія должна погибнуть не отъ Мавровъ, которые обогащаютъ ее своими трудами, а отъ ослѣпленія инквизитора, отъ фанатизма Рибейры и отъ тщеславія герцога Лермы.

Каждое слово пугало и оглушало короля. Онъ блуждающими глазами смотрѣлъ на духовника и вдругъ вскричалъ:

— Довольно! довольно!... Уже поздно! Все кончено.... Я подписалъ!

Пикильо вскрикнулъ отъ глубокой скорби.

— Подписали!... подписали! повторялъ онъ съ отчаяніемъ: вы подписали!...

— Да... я былъ внѣ себя... я былъ взбѣшонъ... и меня убедили.....

Онъ рассказалъ все, какъ было, и потомъ, глядя на отчаяніе и гнѣбную скорбь Альбаги, самъ съ ужасомъ и раскаяніемъ оглянулся на преступное дѣло, къ которому его принудили.

— Но неужели нѣтъ средства воротить это повелѣніе? вскричалъ Алъяга.

— Невозможно!... Я подписалъ въ присутствіи папскаго легата, который уже донесъ въ Римъ.... Повелѣніе уже обнародовано по всей Испаніи..... и, можетъ-быть, уже приводится въ исполненіе.

Тутъ пришли сказать Алъягѣ, что его спрашиваютъ. Онъ вышелъ и, черезъ минуту воротившись, сказалъ королю, что знатнѣйшіе бароны Валенсіи, опасаясь ужаснаго удара, который имъ грозилъ, пріѣхали въ Мадридъ и оттуда въ Вальядолидъ, просятъ короля, чтобы не разорялъ ихъ и не повергалъ въ отчаяніе изгнаніемъ лучшихъ вассаловъ, отнятіемъ единственныхъ производительныхъ рукъ на поляхъ и заводахъ.

— Не будучи допущены къ вашему величеству, продолжалъ Алъяга, они обратились съ своей просьбой ко мнѣ. Угодно ли вамъ выслушать ихъ?

— Но чтó я скажу имъ? вскричалъ король съ отчаяніемъ: зло несправимо!

— Можетъ-быть и можно исправить, возразилъ Алъяга: можно по-крайней мѣрѣ умѣрить, облегчить его.... если вашему величеству будетъ угодно.

— Такъ пусть войдутъ! пусть войдутъ!

Мы не станемъ описывать отчаянія всѣхъ благородныхъ дворянъ, которые любили своихъ вассаловъ еще болѣе нежели свои богатства. Исторія сохранила память объ ихъ усердныхъ стараніяхъ въ пользу Мавровъ, объ отеческой преданности и попеченіяхъ, которыми они осыпали несчастныхъ до послѣдней минуты; она сохранила также имена нѣсколькихъ благородныхъ Испанцевъ, которые великодушно защищали права человѣчества и честь государства, открыто возставъ противъ жестокостей инквизиціи, Рыбейры и герцога Лермы.

То были Фернандъ д'Альбайда, герцогъ Гандія, котораго огромное имѣніе совершенно разстроилось съ изгнаніемъ Мавровъ; то были графы д'Аланьясъ, де-Буколь, д'Анна, де-Синаркасъ и герцогъ Маньеда.

Когда они пришли къ королю, Пикильо, чтобы защитить честь своего государя, объявилъ, что король испанскій въ пользу вѣры принужденъ былъ принять мѣру, которую самъ оплакиваетъ, и желаетъ, сколько возможно, смягчить ее.

Чтобы поля и работы на фабрикахъ не остались совершенно

покинутыми, Альбага предложилъ позволить нѣкоторой части Мавровъ остаться въ Испаніи. Баронамъ предоставлялось право выбрать изъ десяти семействъ одно, для того, чтобы оставшіеся могли научать христіанъ въ искусствахъ и ремеслахъ, которыми они въ то время обладали почти исключительно.

Баронамъ Валенсіи, Фернанду и самому королю слишкомъ нужно было, чтобы нѣкоторыя особы изъ Мавровъ остались въ Испаніи, такъ, что мѣру эту тотчасъ же приняли.

Фернандъ д'Альбайда, счастливый мыслью, что можетъ сохранить себѣ Анху и Иесида, въ тотъ же день поспѣшно отправился обратно въ Валенсію.

Съ свойственнымъ всѣмъ влюбленнымъ эгоизмомъ, онъ величайшимъ несчастіемъ почиталъ въ этомъ дѣлѣ удаленіе той, которую любилъ. Успокоенный на этотъ счетъ, онъ все остальное уже не ставилъ ни во чтѣ. Онъ даже радовался, что нибѣтъ случая и право оказать Анхѣ покровительство и, следовательно, скорѣе можетъ предложить ей руку.

Мы уже сказали, что великій инквизиторъ Сацдоваль и архіепископъ Рибейра не замедлили обнародовать повелѣніе, а всѣ мѣры къ исполненію уже были предварительно приготовлены, такъ, что вмѣстѣ съ полученіемъ извѣстія начались и дѣйствія.

Всѣмъ командирамъ флота заранее было дано тайное приказаніе явиться со своими кораблями въ назначенное время въ Аликанте, въ Денію и во всѣ порты королевства Валенсіи, гдѣ въ то же время были сосредоточены и сухопутныя войска, чтобы подавить возстаніе, если Мавры покусятся на сопротивленіе.

Донаскаръ д'Альберикъ былъ въ Гренадѣ, когда получилъ извѣстія отъ Пикильо черезъ нарочнаго. Выслушавъ рассказъ о ссуданіи Альбага съ Лермою, старикъ ужаснулся и увидѣвъ, что у гонителей его нѣтъ ни чести ни совѣсти. Онъ поспѣшилъ въ Валенсію, гдѣ уже господствовало отчаяніе. Лавки и мастерскія были уже заперты, и всѣ работы покинуты. По улицамъ бродили толпы смущеннаго и огорченнаго народа. Мужчины, работники, съ почернѣвшими руками, съ загорѣлыми лицами, въ негодовавіи взглядывали на небо и какъ-будто требовали суда за неправду, которую терпѣли на землѣ. Женщины и дѣти рыдали. Солдаты, которымъ приказано было разгонять сборища, били всѣхъ саблями или топтали лошадьми.

— У насъ нѣтъ отечества! кричали несчастные: нѣтъ убища! насъ гонять съ земли, которую мы обработали и обогати-

тели!... Намъ не оставляють ничего, ни даже плода нашихъ трудовъ! Вотъ признательность! вотъ правосудіе христіанъ!

Таково было состояніе города, когда Деласкаръ вступилъ въ свой домъ, который стоялъ противъ дому губернатора, на одной улицѣ.

Иесидъ и Анха со слезами встрѣтили старика. Важнѣйшіе старшины мавританскихъ семействъ также собрались къ Деласкару, котораго привыкли почитать своимъ главою. Толпа съ каждою минутой увеличивалась и, когда Деласкаръ явился, все простерли къ нему руки. Женщины становились передъ нимъ на колѣни и, подавая своихъ дѣтей, кричали:

— Спаси ихъ!

— Братья! отвѣчалъ Деласкаръ: несчастіе наше велико, но оно еще не больше нашего мужества!

— Какъ же намъ избавиться отъ бѣдствія?

— Не знаю. Но я пришелъ раздѣлить его.

Эти слова и видъ уважаемаго старика нѣсколько возстановили тишину въ собраніи.

— Отправимся! вскричали нѣкоторые старшины: не станемъ просить у враговъ ни помилованія ни сроку. Унесемъ съ собою благоденствіе, которымъ они намъ обязаны! Пусть это будетъ нашимъ мщеніемъ.

Но эта мысль не удовлетворяла женщинъ: онѣ со страхомъ представляли себѣ опасности и лишенія, которымъ съ дѣтьми должны будутъ подвергнуться въ изгнаніи и на долгомъ пути.

Предстояло не только отказаться отъ богатыхъ и прекрасныхъ долинъ Валенсіи и сказать вѣчное прощаніе родному краю: онѣ не знали, что съ ними сдѣлаютъ потомъ; онѣ страшились, что ихъ и дѣтей ихъ задушатъ, какъ-скоро онѣ ступятъ на корабли.

— Да! вскричалъ Иесидъ: отъ христіанъ всего можно ожидать. Лучше взяться за оружіе! лучше умереть съ честію въ битвѣ за достояніе и за семью, чѣмъ безмысленно отдаваться въ руки палачамъ. Въ Испаніи еще есть горы и ущелья, гдѣ мы можемъ укрыться отъ тирановъ, какъ укрывались наши предки. Вершины Альпухарраса и тѣснины Альбарасина скажутъ вамъ, какъ можно жить и умереть независимо. На этихъ горахъ, орошенныхъ нашею кровью, какъ поля Валенсіи орошены потомъ, современемъ можетъ-быть выростутъ мстители.

— Да! да! за оружіе! вскричали все молодые люди.

— Погодите! возражалъ Деласкаръ д'Альберикъ; вы хотите

взяться за оружіе? Но гдѣ оно у васъ? Какъ вы безъ всякаго приготовленія и безъ запасовъ будете бороться съ многочисленною арміею, которая окружаетъ насъ съ моря и съ суши? Чтѣ вы поставите противъ ихъ пушекъ? Бѣдные ремесленники и землепашцы! чѣмъ вы станете сражаться? Привычные къ работѣ, а не къ походамъ, и несвѣдующіе ни въ тактикѣ ни въ дисциплинѣ, какъ вы устоите противъ старыхъ испанскихъ полковъ, уже оцѣпившихъ все королевство подъ начальствомъ опытныхъ офицеровъ? Берегитесь лучше, чтобы ваша безразсудная отважность не доставила Испанцамъ предлога, котораго они доселѣ напрасно искали,—предлога къ оправданію своей жестокости. Не давайте законнаго виду ихъ незаконію, не уменьшайте ихъ преступленія. Пусть стыдъ и позоръ вполне падутъ на нихъ передъ глазами всего свѣта. Отправимся!... отправимся искать убѣжища у нашихъ братьевъ, дѣтей Измаила. У нихъ мы найдемъ защиту: они нашей вѣры. Правда, намъ, обвинявшимъ, придется снова работать тяжело, чтобы воротить потерянное благосостояніе, но... лучше тяжкій трудъ въ Африкѣ, чѣмъ рабство въ Испаніи!

— Правда! правда! закричали старики.

— Чтѣ касается до вашихъ опасеній, продолжалъ Деласкаръ, обращаясь къ женщинамъ: они несомнѣтельны. Для чего жъ бы было Филиппу собрать все эти корабли у нашихъ береговъ? Для чего дѣлать такія огромныя приготовленія къ переезду, если есть намѣреніе истребить насъ на пути? Развѣ не нашлось бы средства исполнить это и съ меньшими издержками? Вѣдь мы здѣсь все въ его власти. Если ему угодно приказать, чтобы насъ передушили, развѣ не станетъ рукъ исполнить такое преступленіе? или развѣ не станетъ архіепископовъ и папъ, чтобы благословить и разрѣшить его? Нѣтъ, нѣтъ! онъ не захочетъ прибавить такого дорогаго и совершенно бесполезнаго предательства къ стыду, которымъ уже покрылъ себя и котораго достаточно для запятнанія цѣлаго поколенія царей. Не бойтесь ничего. Отправимся!

— Отправимся! отправимся все! повторила толпа.

— Нѣтъ, не все! возразили нѣкоторые Испанцы, вошедшіе въ это время въ залу.

То были валенсійскіе бароны и Фернандъ д'Альбайда.

Фернандъ въ плотной толпѣ Мавровъ съ перваго взгляду отыскалъ Анху и сверкающими отъ радости глазами уже сказалъ ей: «Успокойся! я пришелъ спасти тебя!»

— Да, друзья мои, вскричалъ онъ обращаясь къ собранію: мы желали бы спасти всѣхъ васъ, но не можемъ. По-крайней-мѣрѣ мы пытались нѣкоторыхъ изъ васъ избавить отъ изгнанія. Да, благородный и великодушный д'Альберикъ! и вы, старѣйшины этого собранія, вы можете сохранить себѣ отечество и богатства ваши и можете потомъ изъ-дали помогать вашимъ братьямъ.

Онъ объяснилъ имъ послѣднее королевское опредѣленіе, по которому десятому семейству дозволяется остаться въ Испаніи.

Крики радости и благословенія покрыли конецъ Фернандовой рѣчи. Но эта радость скоро остыла. Мавры съ безпокойствомъ стали поглядывать другъ на друга и, казалось, спрашивали: «Кому же остаться, кому уйти?»

Наконецъ всѣ обратились къ Деласкару д'Альберикъ.

— Ты изъ роду нашихъ царей, нашихъ истинныхъ государей; ты, послѣдній изъ Абенсерражей, останься, останься въ нашемъ отечествѣ, чтобы современемъ опять открыть и намъ дорогу. Но выбери самъ тѣхъ, которые должны остаться съ тобою.

— Да, да! выбери, выбери! кричала толпа.

Деласкаръ всталъ и въ собраніи воцарилась глубокая тишина.

— Братья! сказалъ онъ твердымъ голосомъ: прежде всего я отъ имени вашего поблагодарю дочь Фернанда д'Альбайду и всѣхъ благородныхъ бароновъ, великодушныхъ покровителей нашихъ, которые старались смягчить наше бѣдствіе. Меня удивляетъ, что они выхлопотали такую уступку, что король согласился и что инквизиція еще не уничтожила ее. Это доказываетъ, что подъ уступкою кроется западня. Они для себя, а не для насъ притворяются милосердными. Они оставляютъ нѣкоторыхъ изъ насъ, потому что еще имѣютъ нужду въ рукахъ и въ искусствѣ Мавровъ для управленія и наученія своихъ. Этого одного для насъ достаточно, чтобы отвергнуть предлагаемую милость. Но есть еще и другія, болѣе важныя побужденія. Кто изъ насъ захочетъ отдѣлить свою участь отъ участи своихъ братьевъ? Кто захочетъ остаться въ страцѣ, откуда они изгнаны, и сохранить отечество, когда у нихъ его не станетъ? Чтò касается до меня, я не хочу. Я иду туда, куда и всѣ.

При этихъ словахъ зала огласилась криками одобренія и восторгу.

— Да! продолжалъ старикъ, подавая руку Іесиду и Анхъ: и дѣти мои отъ меня не отстадутъ!

— Никто! никто не отстанетъ! подхватила толпа.

— Такъ отправимся! сказали все въ одинъ голосъ.

Фернандъ съ отчаяніемъ посмотрѣлъ на Аиху, а она, со слезами на глазахъ, указала ему на небо и на отца.

Скоро намѣреніе валенсійскихъ Мавровъ сдѣлалось извѣстнымъ по всей Испаніи. Кастильскіе, гренадскіе, арагонскіе и каталонскіе, также все вмѣстѣ покинули свои дома и собрались на берегу, чтобы жить и умереть съ братьями. Что же касается до статьи повелѣнія, которою дозволялось оставить въ Испаніи дѣтей до четырехъ-лѣтняго возрасту, то ни одна мать не хотѣла слышать объ ней: какова бы ни была участь, которая ожидала ихъ на чужой сторонѣ; каковы бы ни были опасности пути, всякая лучше хотѣла видѣть дѣтей умпрающихъ у себя на рукахъ, чѣмъ отдать христіянамъ, которые во имя своего Бога совершали такую варварскую жестокость.

Въ назначенные порты стеклось такое множество народа, что приготовленныхъ кораблей оказалось мало. Пользуясь этимъ предлогомъ, Фернандъ д'Альбайда и валенсійскіе бароны пытались замедлить исполненіе повелѣнія, но вице-король валенсійскій, донъ Касарепа и архіепископъ были неумолимы. Фернандъ и друзья его добились только того, что Маврамъ дозволили на свой счетъ нанимать и вооружать суда для переѣзда. Для семейства Дела-скара, Педральви сторговался съ однимъ неаполитанскимъ капитаномъ, Джіампетри, который прежде перѣдко возилъ товары богатаго Мавра въ Кадисъ, Неаполь и Марсель. Къ-несчастью, у Джіампетри на этотъ разъ не было сформированнаго экипажа, а матросы вдругъ стали рѣдки, потому что всякій, кто былъ побогаче, спѣшилъ пользоваться правомъ плыть на наемномъ суднѣ. Однако жъ капитанъ пошелъ искать людей и завернулъ для этого въ гостиницу Сирены, гдѣ матросы обыкновенно собирались погулять.

— А сколько людей вамъ нужно? спросилъ его тамъ широкоплечій, дюжій мужикъ, похожій на контрабандиста.

— Да человекъ двѣнадцать, по-крайней-мѣрѣ.

— Ну, у меня есть десятка полтора.

— Гдѣ?

— Это мое дѣло. А сколько вы дадите?

— По двадцати піастровъ на брата за проѣздъ отсюда до Аджира.

— Хорошо. А чистыми получимъ?

— Будь спокоенъ: мое судно занимается для Деласкара д'Альберика.

При этомъ мени глаза у матроса засверкали мрачною радостью.

— Для Мавра Деласкара! вскричалъ онъ съ живостью.

— Для него самого.

— А! это другое дѣло! Тогда мы не за двадцать, а за десять пиастровъ готовы идти.

— А! я понимаю! сказалъ капитанъ Джампетри: ты знаешь Деласкара д'Альберика! Ты имѣлъ съ нимъ дѣла и, вѣрно, также въ долгу у него за что-нибудь.

— Да, отвѣчалъ матросъ съ двусмысленною улыбкой: намъ нужно по квитаться.

— Что жъ, вотъ и случай! Я сегодня же скажу его сыну, Исиду....

— Нѣтъ, нѣтъ.... Не нужно. У насъ съ тобой торгъ конченъ, а съ Деласкаромъ я послѣ сосчитаюсь.

— Такъ кончено?

— Кончено.

Они разстались.

Фернадъ между-тѣмъ пришелъ къ Анхѣ.

— Вы пришли проститься? печально спросила Анха.

— Я? Напротивъ.

— Что вы хотите сказать?

— Что я не оставлю васъ. Вы отправляетесь, и я тоже.

— Какъ, Фернадъ!... Ваше имя, ваше званіе, ваши обязанности, требуютъ, чтобы вы остались въ Испаніи. Оставьте для меня отечество.... землю, гдѣ покоятся ваши предки.... это не хорошо.... я не дозволю такой жертвы!

— Лишиться васъ развѣ не значитъ принести еще большую жертву?

— Но послѣдовать за изгнанницей, за Мавританкой!... За это, вѣдь вы сами можете лишиться вашего состоянія и, быть-можетъ, подвергнетесь гоненію.

— Какое мнѣ дѣло до этого, если вы меня любите!

Анха, вѣроятно, сочла не нужнымъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Она потупила глаза и продолжала:

— Но вы христіанинъ, вы подданный короля Филиппа, вы испанскій офицеръ: развѣ у васъ нѣтъ обязанностей? Позвоительно ли вамъ упустить ихъ и не запятнаеть ли это чести Кастильца и дворянина?

— Выслушайте меня, отвѣчалъ молодой человѣкъ спокойно: я уже обдумалъ все, о чемъ вы мнѣ говорите. Но есть слово, которое ниспровергаетъ всѣ мои расчеты и разсужденія. Это слово, Анха,—я люблю васъ! Однако жъ я не дешево продаю мое имя и мою честь: и то и другое принадлежитъ вамъ и я долженъ защищать ихъ, хотя бы только для того, чтобы поднести ихъ вамъ въ незапятнанномъ видѣ. Будьте же увѣрены, что если бы Испаніи грозила война, если бы король имѣлъ нужду въ моей рукѣ и призывалъ бы меня подъ свои знамена, я не подумалъ бы отказаться отъ моей должности: это, какъ и вы говорите, значило бы, запятнать свой гербъ и унижить званіе испанскаго гранда. Я лучше умру чѣмъ соглашусь на это. Но, слава Богу, король теперь въ мирѣ со всею Европой. Я могу подать въ отставку и проситься за границу. Получу и тогда....

— Тогда? повторила Анха, затрепетавъ.

— Поѣду съ вами. Мое отечество будетъ тамъ, гдѣ вы; ваша участь будетъ моею.

Тропнутая Анха подала ему руку.

— Вы не подвергнетесь опасностямъ путешествія безъ меня, продолжалъ Фернандъ: я завтра ѣду съ вами.

— Нѣтъ, Фернандъ, возразила Анха, опустивъ глаза въ землю: это невозможно.

— Кто же мнѣ помѣшаетъ? Въ дни благоденствія вы, герцогиня Сантаремъ, признались мнѣ въ вашей любви и теперь, будучи несчастною изгнанницей, не имѣете права отнять ее у меня, потому что ваше несчастіе принадлежитъ мнѣ: я требую его, какъ вашей любви, какъ вашей руки. Вы не можете отказывать; вы должны быть моею.

— Не могу, Фернандъ.

Фернандъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Не теперь, по-крайней-мѣрѣ, поспѣшила прибавить Анха....

— Отчего?

— Оттого что.... на этотъ бракъ нужно еще другое согласіе, кромѣ моего.

— Согласіе вашего отца?

— Нѣтъ.... отецъ уже согласенъ.

— Такъ вы говорили ему?

— Говорила, отвѣчала дѣвушка краснѣя: но есть еще столько же необходимое и столько же священное согласіе.

— Чье же?

— Согласіе Карменъ, вашей невѣсты.

— Карменъ! Но она, вѣдь, посвятила себя Богу.... она от-казалась отъ свѣта и разрѣшила меня отъ даннаго слова.

— Но моего слова она мнѣ еще не разрѣшила! вскричала Ан-ха: я сестра и другъ ея. Она мнѣ не давала права отнять у нея жениха, котораго она любила, и покуда она не дозво-литъ и не одобритъ этого союза, я буду смотрѣть на него какъ на измѣну противъ донъ Хуана д'Агилара и его до-чери.

Она подала руку молодому человѣку и прибавила:

— Вы должны понимать это, Фернандъ.

— Да, да! я понимаю, отвѣчалъ онъ, опустивъ голову на грудь.

— Такъ вмѣсто того, чтобы покидать Испанію и слѣдовать за мною, поѣзжайте въ Пампелуну, въ Благовѣщенскій Мона-стырь, гдѣ Карменъ уже доживаетъ годъ послушничества.... Ска-жите ей всю правду.

— Я скажу, что люблю васъ и что вы мнѣ позволили....

— Нѣтъ.... напротивъ, только она можетъ позволить вамъ.

— Если жъ она позволить?...

— Тогда пріѣзжайте за отвѣтомъ.... ко мнѣ.

— Куда?

— Въ Алжиръ, гдѣ я буду ожидать васъ.

Въ виду этой надежды, сладостныя мечты о будущемъ заго-родили настоящее и молодые люди ободрились. Для нихъ изгна-нія уже не существовало, потому что они надѣялись раздѣлить его.... Только время разлуки приводило Фернанда въ отчаяніе. Его ожидали дни такіе долги!

— Поторопите отъѣздомъ, чтобы приблизить свиданіе! сказала Анха.

Фернандъ съ восторгомъ прижалъ ее къ своему сердцу.

— Поѣзжайте, прибавила она: повинуйтесь вашему долгу какъ я моему. Еще нѣсколько дней разлуки.... и тогда соединимся на-всегда.

Роковой срокъ приближался къ концу. Повелѣніе исполня-лось. На четвертый день съ утра, всѣ колокола благовѣстили, дымъ камильницъ наполнялъ всѣ христіянскія церкви; архіепис-копъ Рибейра въ полномъ облаченіи торжественно служилъ въ соборѣ благодарственный молебень за то, что успѣлъ уничто-жить богатство, населеніе и благоденствіе Испаніи.

Въ эту минуту довершалось страшное, безразсудное и жестокое дѣло, которое во всей Европѣ возбудило содроганіе и которое самъ Ришліё называлъ «самымъ смѣлымъ и самымъ варварскимъ поступкомъ, о какомъ только упоминаетъ исторія въ ковѣ».

Безчисленныя семейства Мавровъ, старики, женщины и дѣти, покинувъ дома и имущество, съ отчаяніемъ въ сердцахъ, со слезами на глазахъ, въ послѣдній разъ прощались съ прекраснымъ небомъ и съ полями Валенсіи, гдѣ родились и гдѣ прежде надѣялись умереть. Скоро плотная толпа покрыла берегъ. Болѣе полтораста тысячъ Мавровъ изъ всего королевства Валенсіи собрались въ одно мѣсто. По правую и по лѣвую сторону, на берегу же, стояли подъ ружьемъ кастильскіе полки съ многочисленною артиллеріей, которая, такъ же какъ и пушки съ кораблей, готова была грянуть на беззащитную толпу при первой попыткѣ къ сопротивленію, при первомъ крикѣ къ возмущенію. Ничего не было слышно кромѣ рыданій матерей, которыя прижимали къ груди своихъ дѣтей. Многихъ солдаты насильно волокли и толкали къ кораблямъ, отрывали отъ берега. Корабли были болѣею частію военныя и мало приспособленныя къ транспортамъ. Несчастныхъ изгнанниковъ тысячами нагружали подъ тѣсныя палубы, гдѣ они задыхались отъ недостатка воздуха. Всякое требованіе отвергалось, всякая жалоба наказывалась. Кто изъ братьевъ или мужей осмѣливался защищать своихъ или угрозить испанскому солдату, того безъ милосердія бросали въ море.

Деласкаръ д'Альберикъ съ Анхой тоже пришелъ къ берегу, гдѣ стояло судно капитана Джіампетри. Старикъ словомъ и взглядами ободрялъ своихъ слугъ и всѣхъ окружающихъ и готовился уже войти на бортъ какъ-вдругъ, оглянувшись, съ удивленіемъ примѣтилъ, что Іесида нѣтъ.

— Сынъ мой!.... сынъ мой!.... гдѣ онъ? вскричалъ старикъ.

Педральви подбѣжалъ къ нему и шепнулъ:

— Не спрашивайте!.... Христіане могутъ услышать.

Потомъ, отошедши съ Деласкаромъ и съ Анхой по-дальше отъ толпы, Педральви прибавилъ:

— Нынче ночью Іесидъ получилъ вѣсть изъ Альбарасинскаго Ущелья. Всѣ Мавры-горцы еобрались тамъ. Они не хотятъ разстаться съ своей землей, остаются. Они полагаютъ, что могутъ удержаться въ тѣснинахъ и между утесовъ противъ притѣсн-

телей и отомстить за братьевъ. Они писали Исиду: насъ двадцать тысячъ, но намъ нуженъ предводитель. Мы ждемъ тебя!

— И онъ уѣхалъ! сказалъ старикъ, затрепетавъ.

— И хорошо сдѣлалъ, батюшка: сказала Анха. Богъ сохранить и защитить его!

— И я желалъ бы быть съ нимъ, замѣтилъ Педральни: но онъ взялъ съ меня слово, что я провожу насъ до Африки. Я потомъ могу воротиться.

— Ты хочешь воротиться?

— Да. Какъ только вы будете въ безопасности, я непременно ворочусь къ Исиду, чтобы сражаться подлѣ него. Кто знаетъ, можетъ-быть я и пригожусь ему.

Деласкаръ и Анха признательно пожали руки вѣрному слугѣ.

— Да будетъ по предопредѣленію Аллаха! сказалъ потомъ старикъ и пошелъ съ дочерью и слугами на корабль къ капитану Джампетри.

Мало-по-малу другіе корабли также нагрузились и снялись съ якорей. Берегъ опустѣлъ. Остались только кастильскіе полки и нѣкоторые валенсійскіе помѣщики, которые съ стѣсненнымъ сердцемъ и со слезами на глазахъ прощались съ своими вассалами и съ богатствомъ:

Фернандъ, повинувшись своей возлюбленной, въ тотъ же день поѣхалъ въ Пампелуну, но, прибывъ въ Каэнсу, былъ настигнутъ курьеромъ изъ Мадрита, съ повелѣніемъ отъ короля и отъ министра.

Что случилось съ нимъ, когда онъ прочиталъ это повелѣніе!

Ему поручали начальство надъ тремя полками и походъ противъ Мавровъ, которые возмутились въ Альбарасинскомъ Ущельѣ подъ предводительствомъ Исиды:

Король, послѣ свиданія съ валенсійскими баронами въ Вальядолидѣ, воротился со своимъ духовникомъ въ Мадридъ. Онъ уже не могъ обойтись безъ Алъяги и съ каждымъ днемъ вліяніе молодого монаха усиливалось по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ никогда не говорилъ съ королемъ о политикѣ, во-вторыхъ, король по цѣлымъ днямъ могъ говорить объ Анхѣ.

Въ Алъягѣ произошла большая перемѣна. Дотошъ у него не было честолюбія, теперь онъ сталъ честолюбивъ: ему хотѣлось поправить бѣдствія, причиненныя роковымъ повелѣніемъ,

котораго онъ не могъ предупредить. Онъ понималъ, что возмраженіе братьевъ будетъ зависѣть отъ его вліянія и могущества. Для нихъ, а не для себя онъ хотѣлъ приобрѣсть это могущество.

Возвратить своему королю спокойствіе, Испаніи благоденствіе и Маврамъ отечество, вотъ что составляло единственную цѣль его жизни. Никогда еще у честолюбца не бывало болѣе высокаго и болѣе благороднаго помысла.

А Филиппъ мечталъ только объ Анхѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что Анха не покинетъ Испаніи. Онъ дозволилъ именитѣйшимъ семействамъ Мавровъ остаться на своей землѣ и не сомнѣвался, что семейство д'Альберика первое воспользуется этимъ позволеніемъ. Его тревожила только мысль, какъ найти средство воротить герцогиню Сантаремъ изъ Валенсіи въ Мадридъ. Эта мысль занимала его во всю дорогу изъ Вальядолида въ Буаъ-Ретиро. Онъ посадилъ духовника въ свою карету и оба ѣхали, погруженные въ раздумье. Давно уже у нихъ царствовало глубокое молчаніе, какъ-вдругъ король, пробудившись отъ мечтаній, быстро спросилъ :

— Какъ вы думаете, аббатъ, Анха любитъ кого-нибудь?

Пиккльо въ изумленіи встрепенулся и такъ же быстро отвѣчалъ :

— Нѣтъ, ваше величество.

— Однако жъ меня увѣряли въ противномъ.

— Вамъ говорили неправду, ваше величество.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ король съ удовольствіемъ: вы думаете, что мнѣ нагали? Мнѣ говорили о Фернадѣ д'Альбайдѣ.

— Это ложь! отвѣчалъ Альяга съ убѣжденіемъ.

Однако жъ, при этомъ имени, при этой мысли, которая никогда еще не приходила ему въ голову, онъ почувствовалъ смертельный холодъ въ сердцѣ.

— Вы совершенно увѣрены въ этомъ, отецъ мой? спросилъ король.

— Увѣренъ, ваше величество, и могу доказать.

— Чѣмъ?

— Однимъ словомъ: Анха открываетъ мнѣ все, сообщаетъ самыя тайныя свои мысли; она открыла мнѣ любовь вашего величества и свое намѣреніе лишить себя жизни. Но она никогда не говорила мнѣ, своему брату, о Фернадѣ.

— Да, это можетъ служить доказательствомъ. Однако жъ въ тотъ день, когда я убѣждалъ ее быть моею, она не отрицалась, она почти призналась мнѣ, что питаетъ тайную привязанность, любовь.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Пикильо, поблѣднѣвъ: въ такомъ случаѣ она, вѣроятно, придумала эту ложь, чтобы уклониться отъ вашего величества, потому что для нея честь — первое сокровище, которое она ставитъ выше всего, даже выше любви короля.

— Правда! правда! вскричалъ Филиппъ съ радостью: мнѣ и въ голову не приходило, что оно такъ можетъ быть!

И онъ снова погрузился въ мечты, на этотъ разъ довольно приятныя, сколько можно было судить по ясному лицу его.

Лицо Пикильо, напротивъ, омрачилось и нахмурилось. То, что онъ сейчасъ назвалъ ложью, уже казалось ему не слишкомъ невозможнымъ. Однако жъ молчаніе Анки въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, было бы такимъ вѣроломствомъ, какое трудно себѣ представить, и потому онъ рѣшительно старался прогнать докучливую мысль.

Онъ повторялъ себѣ, что Анка никого не любитъ и не можетъ любить, однако жъ сердце его всё трепетало, голова горѣла — и онъ чувствовалъ, какъ прежняя его привязанность къ Фернанду вдругъ превратилась въ холодность, чтобы не сказать больше.

Неожиданный вопросъ короля опять заставилъ его встрепетаться.

— Скажите, отецъ мой, можно ли христіанину жениться на Мавританкѣ?

— Лучше жениться чѣмъ опозорить, отрывисто отвѣчалъ Алъяга.

— Я не объ этомъ спрашиваю. Я желаю знать, можно ли богоугодными дѣлами или пожертвованіями искупить такой грѣхъ или за нимъ неизбежно должна послѣдовать погибель души?

— Не думаю, ваше величество.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ король съ радостью: вы думаете, что такой бракъ не прогнѣвитъ Бога?

— Люди, конечно, прогнѣваются, но Богъ — едва-ли.

— Такъ, вы думаете, Богъ проститъ?

— Увѣрю васъ.

— А если желающій жениться на Мавританкѣ — король?

— Все-равно.

— Неужели!

— Передъ Богомъ это совершенно всё-равно.

— Такъ вы готовы дать мнѣ отпущеніе такого грѣха?

— Впередъ, если угодно.

— И вы возьмете на себя всю отвѣтственность?

— Передъ Богомъ, берусь, ваше величество, но передъ людьми не за что не отвѣчаю.

— Однако жъ, продолжалъ король: если въ этомъ бракѣ еретичка сдѣлается христіяноу, если она окрестится! Видѣ это было бы торжество вѣры, спасеніе души, и самый Римъ въсто осужденія долженъ будетъ благословить меня.

— Но сама особа, о которой вы говорите, согласится ли перемѣнить свою вѣру, даже для короны?

— Въ такомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ убѣдить ее, почтеннѣйшій отецъ мой.

— Мнѣ, ваше величество!

— Кому же исполнить это лучше васъ, котораго преданность и усердіе....

— Никогда! никогда! ваше величество! вскричалъ Пиккильо съ негодованіемъ, котораго не могъ преодолѣть.

— Отчего же?

— Оттого, что меня могли бы обвинить, что я для себя и для сестры употребилъ во зло положеніе, которое занимаю при особѣ вашего величества, и довѣренность, которой вы меня удостоиваете.

— Э! какія пустыя затрудненія! вскричалъ король. Но.... мы объ этомъ послѣ поговоримъ.... подумаемъ.

Король опять задумался и Пиккильо тоже. Устыдившись досады, которую почувствовалъ сначала, Пиккильо мужественно старался удалить мысли, которыя неволью осаждали его, и когда ему наконецъ удалось овладѣть собою, когда онъ хладнокровно разсмотрѣлъ странное предложеніе короля, то началъ понимать, что никогда судьба не могла представить ему и семейству д'Альберика болѣе счастливаго случая къ достиженію общаго желанія. Униженные Мавры поднялись бы выше чѣмъ когда-либо. Это значило обезпечить не только ихъ возвратъ, но и вѣчный союзъ между племенемъ побѣдителей и племенемъ побѣжденных; словомъ, прихоть страсти Филиппа могла быть оправдана даже разуужденіемъ здравой и великодушной политики.

Оставалось узнать, одобритъ ли этотъ планъ герцогиня Санта-

ремъ. Но если она, для спасенія отца и братьевъ, не поколебалась пожертвовать честью и жизнью, то вѣроятно ли, чтобы она не согласилась принять это спасеніе уже не съ позоромъ и смертью, а съ трономъ королевы испанской? Каковы бы ни были тайныя ея чувствованія, она не должна колебаться, а Аллыагъ казалось, что ему всё-таки легче будетъ видѣть Анху королевою противъ воли, чѣмъ маркизою д'Альбайда по собственному желанію.

Король и его духовникъ еще были заняты каждый своими мыслями объ этомъ предметѣ, когда карета вѣхала въ Мадридъ и остановилась у крыльца Буэнъ-Ретиро.

На-утро герцогъ Лерма, встревоженный этимъ скорымъ возвращеніемъ, поспѣшилъ явиться. Король сидѣлъ запершись въ кабинетѣ и писалъ.... Къ кому? Вѣроятно, къ герцогинѣ Сантаремъ. Въ залѣ передъ кабинетомъ сидѣлъ у окна Луисъ Аллыага, погруженный въ глубокое раздумье.

Герцогъ-кардиналъ подошелъ къ нему, и Аллыага всталъ.

— Ну, что, аббатъ Аллыага? спросилъ министръ съ насмѣшливою улыбкой: понимаете ли вы теперь, что вамъ лучше бы было оставаться въ нашихъ рядахъ? Вы хотѣли остановить повелѣніе, а оно подписано и обнародовано. Вы хотѣли верочить его, а оно исполнено, и безъ шума, безъ возмущенія, безъ малѣйшаго сопротивленія. Я сейчасъ получилъ донесеніе. Архіепископъ Рибейра и вицерой Касарена сообщаютъ мнѣ по этому дѣлу подробности, о которыхъ я спѣшу доложить его величеству.

— Конечно, ваша свѣтлость, холодно отвѣчалъ Аллыага: вы побѣдили. Но если такая побѣда останется безнаказанною, то, значить, ни на землѣ, ни на небѣ нѣтъ правосудія. Однако жъ, правосудіе, слава Богу, есть.

— Что вы хотите сказать? надменно спросилъ герцогъ-кардиналъ.

— Тѣ, что я уповаю на правосудіе небесное и жду его. Я буду очень счастливъ, если послужу ему орудіемъ.

— Вы! вскричалъ герцогъ, съ презрѣніемъ оглядывая противника: вы хотите свергнуть меня, братъ Аллыага? Подумайте только, что падая я раздавлю васъ!

— Я согласенъ и на это условіе.

Въ эту минуту король вышелъ изъ кабинета и поспѣшно, съ открытымъ, веселымъ лицомъ подошелъ къ Аллыагъ, но уви-

дѣвъ герцога-кардинала, остановился. Лицо его омрачилось и приняло строгое выраженіе.

Онъ сѣлъ. Пиккльо остался стоять, а герцогъ, не дожидаясь королевскаго приглашенія, взялъ кресло и тоже сѣлъ, не снимая шляпы: новый санъ давалъ ему право на это.

Король удивился, но оправился и холодно сказалъ:

— А!... точно, точно, кардиналъ, вы вправѣ.

Потомъ онъ обратился къ Альбагѣ и прибавилъ съ любезностью:

— Садитесь, аббатъ.

— Ваше величество, сказалъ съ важностью министр: я пришелъ доложить объ исполненіи монаршаго вашего повелѣнія. Все государство благословляетъ своего короля и со всѣхъ сторонъ раздаются изъявленія любви и признательности.

Король поблѣднѣлъ.

— Знаю, знаю! сказалъ онъ, отрывисто, перебивая рѣчь министра: я уже видѣлъ отчаяніе разоренныхъ валенсійскихъ бароновъ.

— Жалобы пѣсколькихъ непокорныхъ интригантовъ не помѣшаютъ порядку и миру господствовать на всѣхъ концахъ государства.

— Однако жъ, холодно замѣтилъ Пиккльо, мнѣ извѣстно, что Альбарасинскія Горы и окрестныя долины не совсѣмъ наслаждаются этимъ порядкомъ и миромъ. Тамъ тридцать тысячъ Мавровъ теперь уже взяли за оружіе.

— И вы этого не знали, герцогъ-кардиналъ? спросилъ король.

— Зналъ, ваше величество.

— Отчего же вы мнѣ не говорили?

— Чтобы не беспокоить ваше величество изъ-за бездѣяны. Донъ Августинъ Мехія, бывшій губернаторъ антверпенскій, командированный въ Валенсію, уже идетъ на Альбарасинъ со всѣми войсками, которыя были тамъ собраны. Подъ его начальствомъ туда же назначено еще двое храбрыхъ генераловъ, донъ Альваръ Гуманъ и донъ Фернандъ д'Альбайда.

— Фернандъ! вскричалъ Пиккльо съ удивленіемъ.

— По моему распоряженію онъ сегодня долженъ получить приказаніе и, вѣроятно, уже отправился въ горы. Бунтовщики скоро будутъ истреблены. Важно то, что повелѣніе вашего величества совершенно исполнено. Скоро въ Испаніи не останется

ни одного Мавра. Валенсійскіе теперь уже плывутъ къ Тангеру и Орану. Я съ удовольствіемъ могу доложить вашему величеству, что всѣ до одного отправлены.

— Всѣ? спросилъ король.

— Всѣ, ваше величество.

— Исключая однако жъ тѣхъ семействъ, которымъ мы позволили остаться въ Испаніи?

— Извините, ваше величество, сказалъ министръ, взглянувъ на Пикильо: не знаю, кто могъ подать королю такой совѣтъ. Это долженъ быть врагъ его славы. Это значило уничтожить часть великаго и славнаго дѣла и подвергнуть имя вашего величества пренебреженію невѣрныхъ.

— Чтò это значитъ?

— Мавры презрѣли и отвергли милость вашего величества. Никто не хотѣлъ разлучиться съ братьями.

Пикильо вскрикнулъ отъ изумленія и восхищенія.

— А д'Альберникъ? спросилъ король.

— Отправился, ваше величество.

— А дочь его, герцогиня Сантаремъ?

— Уѣхала съ нимъ же.

Король оцѣпенѣлъ. Потомъ, бросивъ на министра гнѣвный взглядъ, закричалъ:

— Вы сейчасъ же, сію-минуту отправите въ Валенсію курьера.... Пусть скачетъ день и ночь и отдастъ вицерою приказаніе немедленно отправить вслѣдъ за ними лучшую на ходу яхту изъ всего вашего флота.... чтобы догнали и сейчасъ же воротили герцогиню Сантаремъ! Понимаете! Если втеченіи осьми дней она не будетъ въ Испаніи, вашъ племянникъ Касарена подастъ въ отставку отъ должности вицероя валенсійскаго.

— Но.... ваше величество....

— Вы прикажете арестовать его и привезти сюда, въ Мадридъ, чтобы онъ далъ отчетъ въ своемъ поведеніи.

— Нужно, однако жъ, вскричалъ министръ, съ гнѣвомъ глядя на духовника: пужно научить слугъ вашего величества....

— Повиноваться королю, почтительно замѣтилъ Альяга: это я всегда дѣлаю, и ваша свѣтлость также.

— Аббатъ Альяга правъ, сказалъ Филиппъ въ восхищеніи, что министра озадачили: исполняйте волю вашего короля, герцогъ-кардиналъ.

Король съ духовникомъ вышелъ и оставилъ министра въ

остолбенѣніи передъ этою необыкновенною стойкостью. Правда, его величество былъ твердъ тогда только, когда дѣло касалось Ахи.

Приказаніе было слишкомъ рѣшительно. Не исполнить его значило бы сдѣлать слишкомъ большую дерзость. Курьеръ тотчасъ же отправился въ Валенсію и министръ вечеромъ пришелъ доложить объ этомъ королю.

Король не принялъ его.

На-утро онъ снова явился. Король былъ занятъ со своимъ духовникомъ и никого не принималъ. На третій день аббатъ Луисъ Альбага уѣхалъ куда-то съ порученіемъ, о которомъ король не считалъ нужнымъ извѣстить своего министра. Втеченіи дня Эскобаръ и отецъ Хероме были у герцога Уседы; потомъ Уседа провелъ цѣлый вечеръ у короля, а министръ всё-таки не получилъ приглашенія.

Все это пугало Лерму. Но его тревожили еще и другія обетательства.

Со времени изданія повелѣнія объ изгнаніи Мавровъ, обвиненія и клеветы на министра пошли въ ходъ съ удвоенною силой. Доказывали, что герцогъ-кардиналъ и великій инквизиторъ именно для этой цѣли извели королеву. Она одна мѣшала ихъ намѣреніямъ. Ея смерть была необходима и фанатики не ужаснулись преступления.

Тысячи подробностей, развитыхъ и пополненныхъ пересудами, безпрестанно подкрѣпляли эту молву и возводили ее на степенъ рѣшенныхъ и доказанныхъ дѣлъ. Такъ смотрѣлъ на это весь высшій классъ, но всякій, или изъ уваженія къ министру или изъ своихъ видовъ благоразумія, остерегался говорить вслухъ.

Въ народѣ меньше церемонились. На герцога-кардинала и на великаго инквизитора вездѣ указывали, какъ на убійцу королевы. Въ Бургосѣ и въ Овiedo, во время какого-то народнаго праздника, сожгли двѣ соломенные куклы, которыя изображали Лерму и Сандовалю. Пожалованное министру римскимъ дворомъ достоинство кардинала не заглушило ни этой молвы, ни негодованія народнаго.

Въ самомъ Толедо, гдѣ Сандоваль числился архіепископомъ, коррехидоръ со своими альгуасилами, несмотря на дѣятельное пособіе инквизиціонной полиціи, не могъ помѣшать обращенію въ народѣ ругательныхъ книжекъ и позорныхъ картинъ. Одна

изъ этихъ картинъ , между-прочимъ , изображала герцога Лерму, стоящаго на колѣнахъ передъ эстрадою , на которой лежала королева съ кинжаломъ въ груди. Кровь изъ раны лилась на черную широкополую шляпу герцога и, окрашивая ее, постепенно превращала въ кардинальскую.

Для герцога очевидно стало, что всѣ эти клеветы, распущенныя езуитами сначала тайнѣ, расходились и разрастались теперь сами собою.

Онѣ достигли и до Рима. Папа уже почти раскаявался, что произвелъ новаго кардинала и старые кардиналы сердились, что приобрѣли такого товарища. Невозможно было, чтобы слухи не дошли до короля. Герцогъ чувствовалъ это. Только этимъ и могла объясниться непостижимая холодность Филиппа къ своему министру.

Но какъ было начать объясненіе, котораго король очевидно избѣгалъ, и въ которомъ герцогъ-кардиналъ въ доказательство невинности всѣ-таки не могъ представить ничего кромѣ личныхъ увѣреній и клятвъ? Правда, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, король не могъ, хотя бы и хотѣлъ, отставить министра, котораго слишкомъ хорошо ограждали и римскій дворъ и послѣдніе подвиги и самая сложность политическихъ отношеній. Герцогъ-кардиналъ былъ нуженъ, необходимъ Испаніи и королю. Но онъ уже не пользовался ни довѣріемъ, ни благосклонностью своего государя, а о расположеніи народа никогда прежде не заботился, потому что надѣялся обойтись безъ него. Онъ предвидѣлъ, что впослѣдствіи, когда дѣла распутаются, когда въ государствѣ водворится миръ и спокойствіе и когда онъ будетъ мѣше нуженъ, презрѣнный монахъ Луисъ Алъиага можетъ сдѣлаться страшнымъ противникомъ и столько же неумолимымъ врагомъ, сколько былъ преданнымъ сообщникомъ и другомъ. Склонить его снова на свою сторону уже не было возможности. Онъ еще, правда, не примирился съ езуитами, но онъ могъ воротиться къ нимъ и тогда этотъ союзъ будетъ чрезвычайно опасенъ.

Лерма разсудилъ, что нужно споспѣшить истреблять враговъ поодиначкѣ, покуда они не успѣли еще соединиться.

Сандовалья еще не было въ Мадридѣ. Лерма письменно увѣдомилъ его о своемъ положеніи и просилъ споспѣшить возвращеніемъ. Изгнаніе Мавровъ разохотило министра на государственныя подвиги : ему захотѣлось по-скорѣе совершить и другой, —

изгнать езуитовъ. Но прямо предложить королю къ подписанію подобное повелѣніе было бы неловко. Министръ рѣшился поворотить на окольную дорогу, чтобы прямѣе достигнуть цѣли.

Герцогъ-кардиналъ былъ занятъ этими мыслями, когда къ нему въ кабинетъ вошелъ сынъ его, герцогъ Уседа, который съ участіемъ спросилъ о причинѣ его задумчивости.

Министръ взглянулъ на сына съ самымъ ласковымъ, отеческимъ выраженіемъ.

— Сынъ мой! любезный сынъ мой! сказалъ онъ: у меня большое горе.

— Какое, батюшка?

— Мнѣ нуженъ совѣтъ друга.... друга искренняго, твердаго и умнаго.... Вотъ, о чемъ я думалъ, и Богъ услышалъ мою молитву. Онъ послалъ мнѣ тебя.

— Говорите, батюшка.

— Съ нѣкоторыхъ поръ ты часто бывалъ у короля.

— Каждый вечеръ.

— Онъ по-прежнему милостивъ къ тебѣ.

— Да, очень.

— Радуюсь. Оно и мнѣ кстати. Ты можешь мнѣ уничтожить нѣкоторыя подмыя интриги.

— Интриги противъ васъ?... Не можетъ быть!

— Можетъ быть, когда есть. У меня хотять отнять не только власть, но и дружбу моего государя.

— Какъ! вскричалъ Уседа: но вѣдь это было бы недостойно!...

— Оно хуже нежели недостойно, мрачно возразилъ министръ: тѣмъ болѣе, что тѣ, которые стараются свергнуть меня, мнѣ же всеѣмъ обязаны.

— Это низко! вскричалъ Уседа: низко!... Я другаго названія не приберу.

— Еще хуже, они пользуются моимъ довѣріемъ, они осыпаны моими благодѣяніями, продолжалъ министръ, пожимая сыну руку и чувствуя ея трепеть; однимъ словомъ, они связаны со мною узами крови, они принадлежать къ моему семейству!

Уседа поблѣднѣлъ и, напрасно стараясь скрыть свое замѣшательство, бормоталъ:

— Не можетъ быть, не можетъ быть! Вы не можете повѣрять такому обвиненію.

— Оно доказано мнѣ. Заговоромъ противъ меня управляетъ маркизь Касарена, твой двоюродный братъ, мой племянникъ.

— И онъ тоже! подумалъ Уседа съ удивленіемъ и радостью, увидѣвъ, что отецъ нисколько не подозрѣваетъ его самого.

Онъ поспѣшилъ оправиться и съ притворною скорбью, опустивъ руки, вскричалъ:

— Родной вашъ племянникъ!... человекъ, котораго вы осыпали благодареніями.... котораго сдѣлали почти обладателемъ цѣлой провинціи!... ближайшій нашъ родственникъ!

— Да; это-то меня и останавливаетъ.... отъ этого-то я и несчастливъ! вскричалъ кардиналь: я сначала хотѣлъ-было простить, смолчать, замаять это дѣло, однако жъ польза государства и личная моя безопасность принуждаютъ меня дѣйствовать. Чтò ты посовѣтуешь мнѣ, сынъ мой?

Уседа искренно ненавидѣлъ своего двоюроднаго брата Касарену.

— Я думаю, отвѣчалъ онъ съ живостью, что вы въ этомъ случаѣ не можете поступить слишкомъ строго: заговоръ противъ министра — государственное преступленіе.

— Такъ ты думаешь, что нужно дѣйствовать въ этомъ духѣ?

— Да, батюшка, я такъ думаю.

— Но такое преступленіе вѣдь можетъ стоить головы.

— И по-дѣломъ! вскричалъ Уседа, желая строгостью сужденія отклонить отъ себя всякое подозрѣніе.

— Благодарю васъ, герцогъ Уседа, вдругъ холодно сказалъ кардиналь: я подпишу приговоръ, которъй вы сами произнесли себѣ.

— Себѣ! вскричалъ пораженный Уседа.

— Да, сударь, себѣ, потому что предатель и заговорщикъ — вы! вскричалъ кардиналь громовымъ голосомъ: если же, по вашему мнѣнію, измѣна племянника заслуживаетъ смертной казни, то почему сказать, чего заслуживаетъ измѣна сына?

И онъ быстро развернулъ передъ нимъ всѣ подробности его интриги съ Эскобаромъ, Хероме и графиннею д'Альтампра и злобно распушенные ими слухи.

— Хорошо ли я знаю дѣло? спросилъ кардиналь, кончивъ.

У Уседы не достало ни довольно хитрости, ни довольно дерзости, чтобы вывернуться изъ такого положенія. Онъ упалъ отъ пу въ ноги и вскричалъ:

— Пощадите, простите, батюшка!

— Вы уже не имѣете права называть меня этимъ именемъ, отвѣчалъ кардиналъ: вы видите передъ собою только министра, который или казнитъ или помиуетъ васъ, смотря по услугамъ, какія вы окажете ему.

— Приказывайте.... ваша свѣтлость. Я готовъ на все....

— Это мы увидимъ. Сегодня совѣтъ. Я прошу васъ присутствовать въ немъ и согласно вашему поведенію тамъ опредѣлю или наказаніе или прощеніе.

— Чтò вамъ угодно, чтобы я сдѣлалъ?

— Это вы увидите. Пойдемте.

Кардиналъ повелъ сына въ засѣданіе тайнаго совѣта, гдѣ въ тотъ разъ разсматривалось очень важное дѣло и приняты мѣры, которыя всѣмъ совѣтникамъ приказано было хранить въ величайшей тайнѣ.

Но езуиты, вѣроятно, и тамъ имѣли не одного друга, потому что на другое же утро Эскобаръ явился къ графинѣ д'Альтамира, которая смутилась.

— Знаете, чтò говорить, графиня?

— Нѣтъ, не знаю.

— Говорятъ, вчера въ тайномъ совѣтѣ разсуждали объ изгнаніи езуитовъ.

— Я этого не знала.

— Можетъ-быть. Но герцогъ Уседа тамъ присутствовалъ.

— Я нынче рѣдко вижу герцога.

— Онъ вчера провелъ вечеръ у васъ.

— Да.... но это точно былъ вечеръ.... у меня было много чужихъ.

— Никого не было.... одинъ герцогъ Уседа.

— Такъ я окружена шпионами! вскричала графиня съ досадой: я уже не вольна въ моихъ поступкахъ?...

— Я не это хотѣлъ сказать, отвѣчалъ Эскобаръ медовымъ голосомъ: я только хотѣлъ попросить....

— То есть, лучше сказать, принудить опять къ чему-нибудь! надменно возразила графиня: вы всегда такъ просите! Вы хотите совершенно покорить себѣ малѣйшую мою волю и водить меня въ уздѣ.... Неужели вы думаете, что я не примѣчаю этого?

— Право, графиня, я не узнаю васъ....

— А я знаю васъ, отцы мои, очень хорошо и давно! Въ дружескомъ союзѣ нашемъ у васъ всегда была только одна мысль.... ваша польза. Нашею вы не дорожите. Не прогнѣвайтесь же, если я послѣдую вашему примѣру. Я не знаю лучшаго.

— Чтѡ это значить, графиня?

— Это значить, что я впередъ намѣрена держаться вашего собственнаго правила: всякой за себя, а Богъ за всѣхъ. Другаго мнѣ и не нужно. Я не знаю, чтѡ дѣлается, и знать не хочу. Чтѡ бы ни случилось, я не намѣрена ни компрометировать себя, ни вмѣшиваться во чтѡ бы то ни было, въ томъ убѣжденіи, что вы, при обыкновенной вашей ловкости и великомъ умѣ, со славою выпутаетесь изъ всѣхъ затрудненій. Я остаюсь нейтральною, отецъ мой, и все, чтѡ я могу сдѣлать въ память прежней нашей дружбы, будетъ состоять въ желаніи вамъ всякаго благополучія.

Сказавъ это, она сдѣлала глубокой реверансъ и ушла.

— О-го! сказалъ езуитъ: друзья наши покидаютъ насъ, союзники удаляются. Зданіе нашего ордена, вѣрно, очень расшаталось, когда всѣ такъ боятся быть раздавленными его паденіемъ? Посмотримъ.

Эскобаръ пошелъ къ Уседѣ. Тотъ сначала не хотѣлъ вдаваться въ открытое сраженіе и думалъ укрѣпиться за запертыми дверьми; но, разсудивъ, что объясненіе было во всякомъ случаѣ неизбежно, рѣшился выдержать его, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Онъ принялъ езуита очень предупредительно и ласково.

— Прекрасно, что вы пришли, почтеннѣйшій отецъ! вскричалъ онъ: я очень желалъ видѣть васъ.

— Мы слышали, что на насъ собирается гроза, герцогъ.

— А!... вы уже знаете?

— Да; вчера въ совѣтѣ объ насъ говорили.

— Да; объ этомъ-то я и хотѣлъ увѣдомить васъ.

— Однако жъ вы не поторопились, потому что мы стороною узнали!

— Чтѡ жъ дѣлать, почтеннѣйшій отецъ! отвѣчалъ Уседа съ смущеніемъ: дурныя вѣсти, вы знаете, всегда скоро ходятъ. Правда.... я не могу скрыть отъ васъ.... вчера, въ совѣтѣ, въ такую минуту, когда всего менше можно было ожидать, герцогъ-кардиналъ вдругъ выступилъ противъ нашего ордена съ такими обвиненіями, съ такими страшными вещами, съ такими нелѣпостями.... что я горѣлъ отъ негодованія.

— Да, я знаю.

— А! вы знаете? вскричалъ Уседа съ радостью.

— Да, ваше негодованіе было такъ сильно, что вы онѣмѣли: вы не нашли ни одного слова въ нашу защиту.

— Какъ же можно было!... Меня и безъ того уже подозрѣ-

вають въ дружбѣ и союзѣ съ вами! Самъ министръ такъ увѣренъ въ этомъ, что во все время засѣданія не спускалъ глазъ съ меня. Малѣйшее слово, малѣйшее движеніе въ вашу пользу, обнаружало бы нашу связь и удвоило бы его раздраженіе противъ васъ. Я для вашей же пользы молчалъ.

— Покорно васъ благодаримъ, герцогъ, что вы были столько благоразумны и мужественны, что смолчали, сказалъ Эскобаръ съ насмѣшливою улыбкой. Но когда балотпировали предложеніе министра....

— Я воспротивился.

— Какимъ образомъ?

— Я положилъ черный шаръ.

— Этого никто не видалъ!

— Поэтому-то и можно было. Но я увѣряю васъ, и.... можетъ-быть, вамъ уже извѣстно.... въ урнѣ былъ одинъ черный шаръ.

— Да, только одинъ. А трое друзей уже увѣрили насъ, каждый за себя, что они положили этотъ черный шаръ. Вы — четвертый!

— Это я... я положилъ, клянусь вамъ!

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, ваша свѣтлость.... когда вы увѣряете. Но когда герцогъ Лерма при всѣхъ предложилъ вамъ составить докладъ....

— Я согласился.... это правда, краснѣя отвѣчалъ Уседа.

— И даже очень предупредительно согласился, ваша свѣтлость.

— Это было нужно.... необходимо.

— Для чего же? спросилъ езуитъ, устремивъ на друга проницательный взглядъ.

— Для чего.... для чего!... повторялъ герцогъ въ замѣшательствѣ: для того что это единственная услуга, которую я могъ оказать вамъ.... а въ настоящихъ обстоятельствахъ это даже огромная услуга.

— Въ какомъ же отношеніи, ваша свѣтлость?

— Вы уже знаете, что совѣтъ почти единогласно одобрилъ предложеніе министра доложить объ этомъ дѣлѣ королю. Послѣ этого нельзя же не составить доклада. Не мнѣ, такъ другому поручили бы. Многіе совѣтники даже сами вызывались. Если же это исполнилъ бы кто-нибудь менѣе меня преданный вамъ, въ не имѣли бы никакой надежды....

— Понимаю. Вы для нашего спасенія взялись составить этот докладъ.

— Разумѣется.

— Вы выставите нашъ орденъ съ лучшей стороны?

— Нѣтъ.... этого нельзя.... невозможно!

— Нельзя? Въ такомъ случаѣ ужъ лучше было бы предоста-
вить дѣло какому-нибудь открытому врагу.

— Какая разница! вскричалъ герцогъ: право, я не понимаю, какъ вы, почтеннѣйшій отецъ Эскобаръ, съ вашимъ тактомъ, съ вашею проникательностью, не примѣчаете выгоды имѣть противникомъ человѣка, который желаетъ вамъ добра и который расположенъ смягчить, прикрыть дѣло и представить его, если не въ совершенно выгодномъ свѣтѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ сколько возможно менѣе ярко въ невыгодномъ.

— Понимаю, понимаю! вы располагали намъ самимъ поручить составленіе этого доклада.

— Какъ? спросилъ Уседа съ удивленіемъ.

— Мы составимъ, будьте спокойны, продолжалъ езуитъ: мы ни мало не уклонимся отъ вашей идеи: докладъ представить насъ въ свѣтѣ сколько возможно менѣе невыгодномъ.

— Невозможно!... Я не могу.... не могу поручить вамъ! Подумайте, чтѣ изъ этого выйдетъ!

— Выйдетъ, что мы будемъ спасены.

— Но я.... я погибну! Министру извѣстны мои тайныя сношенія съ вами и наши старанія свергнуть его. Не знаю, кто ему сказалъ, но онъ все знаетъ!

— Все!... Не можетъ быть. Есть вещи, которыя происходили только между нами и Богомъ. Министръ не можетъ знать того, чтѣ касается до.... королевы, прибавилъ езуитъ шопотомъ.

— Слова Богу, этого онъ не знаетъ, кажется. Но онъ знаетъ столько, что можетъ предать насъ суду за государственное преступленіе и.... казнить.

— Васъ! своего сына!... Полноте!

— Меня, меня!

— Нѣтъ, нѣтъ; онъ ужаснется такой мысли вникто, даже врагъ не подастъ ему такого совѣту.

— Ему уже подали этотъ совѣтъ.

— Кто это могъ быть жестокъ до такой нелѣпости?

— Я самъ.

— Вы! вскричалъ Эскобаръ и посмотрѣлъ на Уседа съ вы-

раженіемъ, которое казалось, говорило: — Вы становитесь не-
стижимымъ!

— Да, я, повторилъ Уседа съ нетерпѣніемъ. Министръ про-
силъ моего совѣта, какъ поступить съ мятежниками. Я думалъ,
что рѣчь идетъ о маркизѣ Касаренѣ, котораго я ненавижу, и я
далъ совѣтъ, а герцогъ-кардиналъ поклялся исполнить, если я
буду продолжать связи съ вами. Вы видите, что дѣло идетъ о
моей головѣ, и, я долженъ признаться вамъ, она мнѣ дороже
вашей.

— И справедливо, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Эскобаръ съ по-
клономъ: ваша голова во всѣхъ отношеніяхъ дороже моей. И
мнѣ уже ничего не остается сказать, какъ-скоро вы и графиня
д'Альтамира первые разрываете союзъ съ нами.... какъ-скоро
всякій изъ насъ разрѣшается отъ своихъ клятвъ и становится
воленъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

— Разумѣтся! вскричалъ Уседа съ радостью и лаской: защи-
щайтесь, какъ умѣете..... Я буду въ восхищеніи! Выпутайтесь,
если можете..... Я противиться не стану..... напротивъ! Если я
могу помочь вамъ безъ опасности для себя..... то вы можете
быть увѣрены....

— Вы очень милостивы, ваша свѣтлость, очень милостивы!
возразилъ езуитъ съ поклономъ: мы не смѣемъ безпоконить васъ...
«Всякой за себя, а Богъ за всѣхъ!» какъ говорить графиня д'Аль-
тамира.

Эскобаръ откланялся и Уседа остался въ восхищеніи, что такъ
дешево отдѣлался.

Онъ сѣлъ писать докладъ, между-тѣмъ какъ езуитъ пошелъ
къ герцогу-кардиналу. Его не приняли.

Сколько Эскобаръ ни добивался, сколько ни увѣрялъ, что при-
шелъ оказать министру величайшую услугу, дверь герцога Лер-
мы не отворялась для езуитовъ. Отвергнутые со всѣхъ сторонъ,
почтенные отцы не знали, къ какому святому прибѣгнуть. До ко-
роля дойти прежде можно было только черезъ Уседа и графи-
ню д'Альтамиру, которые измѣнили. Къ бывшему своему питом-
цу Альиэгъ обратиться не смѣли. Ктому же королевскаго ду-
ховника не было въ Мадридѣ: онъ уѣхалъ куда-то съ тайнымъ
порученіемъ. Положеніе братства было критическое. Езуиты ви-
дѣли неизбѣжную гибель. Но у нихъ былъ еще Эскобаръ, кото-
раго геній росъ въ опасностяхъ и который поклялся спасти
свой орденъ, если ему дадутъ волю дѣйствовать.

Отец Хероме далъ ему открытый листъ и сверхъ-того свое благословеніе.

Эскобаръ отправился.

Король никому кромѣ Алліага не хотѣлъ поручить возвращенія Анхи въ Мадридъ. Опасаясь злонамѣренности и фанатизма Рыбейры и всѣхъ дѣйствовавшихъ съ архіепископомъ за-одно, онъ далъ своему духовнику самое обширное полномочіе и Алліага умѣлъ имъ пользоваться.

Когда отправленная вице-роемъ яхта воротитъ семейство д'Альберика въ Валенсію, Алліага долженъ былъ принять его подъ исключительное свое покровительство и увѣдомить сестру о намѣреніяхъ короля, склонить на согласіе и доказать, что это единственное средство воротитъ современемъ Мавровъ изъ изгнанія.

Аббатъ Лунсъ Алліага путешествовалъ въ королевской кареты, съ гербами, запряженной четверкой отличныхъ муловъ въ богатой сбруѣ. Его сопровождалъ небольшой отрядъ почетной конной стражи.

«Я ли это?.... я ли, бѣдный Пикильо?» говорилъ онъ самъ себѣ, глядя на окружающую его царскую пышность и на окрестность, по которой еще недавно шелъ пѣшкомъ, гонимый какъ бродяга и переряжаясь въ разныя рубища, чтобы укрыться отъ альгуасиловъ и отъ разбойника Бальсейро.

И въ какое короткое время судьба его измѣнилась! Какъ странно онъ достигъ такой высокой степени противъ воли, толкаемый обстоятельствами и даже самими врагами! А между-тѣмъ, оглянувшись назадъ, воротившись въ глубину сердца, былъ ли Лунсъ Алліага счастливѣе Пикильо? Нѣтъ. То, что онъ выигралъ, не стоило того, что онъ проигралъ: богатство и почести не замѣняли ему разрушенныхъ надеждъ на счастье.

Въ первый разъ проходя по богатымъ долинамъ Валенсіи, онъ былъ бѣденъ и искалъ неизвѣстной родни. Его отвергали, презирали, но онъ любилъ, онъ почиталъ себя любимымъ. Ему принадлежала будущность и ничто не казалось ему невозможнымъ. Теперь онъ достигъ одной изъ высшихъ степеней, на какія можетъ подняться человѣкъ: онъ пользовался полнымъ довѣріемъ своего государя; онъ былъ богатъ и могущественъ. Но ни одно изъ его желаній не исполнилось: ему запрещалось любить; онъ принужденъ былъ замкнуть въ самомъ себѣ самыя лучшія, самыя естественныя чувствованія человѣка; онъ, которому столь

многіе завидовали; онъ, который могъ все,—онъ не могъ никому сказать о своей любви и о своемъ несчастіи.

Всѣ эти мысли почти такъ же быстро смѣнялись въ головѣ Альиаги, какъ быстро экипажъ уносилъ его черезъ поля, прежде оживленныя, населенныя, цвѣтущія, теперь — уже опустѣвшія, мертвенныя.

Уже не видно было землепашца за работой, не слышно было звонкой пѣсни ремесленника. Повсюду пустота и безмолвіе. Только кое-гдѣ на поляхъ покинутый плугъ на неконченной бороздѣ показывалъ, что хозяина его неожиданно оторвали отъ труда и отъ надежды на жатву.

Около одного большого дерева, подлѣ дороги, Альиага примѣтилъ толпу альгуасиловъ и инквизиціонныхъ служителей. Это были первые люди, какихъ онъ встрѣтилъ, проѣхавъ довольно большое разстояніе.

— Вотъ! подумалъ онъ: вотъ, что надолго будетъ единственнымъ произведеніемъ этой земли!

Альгуасилы и инквизиціонные служители почтительно выстроились, когда увидѣли королевскій экипажъ. Тогда Альиага разглядѣлъ, что позади ихъ находилось человекъ тридцать какихъ-то несчастныхъ, блѣдныхъ, полунагихъ людей обоого пола, скванныхъ по-двос.

— Что это такое? спросилъ Альиага.

— Отсталые арагонскіе Мавры, которыхъ мы ведемъ въ Валенсію, ваше преподобіе, почтительно отвѣчалъ сержантъ альгуасиловъ. Нельзя было всѣхъ разомъ отправить. Этихъ еретиковъ такъ много! Я думаю, еще мѣсяцъ пройдетъ, покуда королевское повелѣніе совершенно исполнится.

— Но въ королевскомъ повелѣніи не сказано, чтобы ихъ волокли въ цѣпяхъ какъ преступниковъ.

— Правда, ваше преподобіе. Но такъ удобнѣе.

— Имъ?

— Нѣтъ, намъ. Легче усмотрѣть.

— Король не хочетъ также, чтобы они шли нагишемъ. Это вы ихъ такъ оборвали?

— Да, мы осматривали, нѣтъ ли спрятанныхъ денегъ или золотыхъ вещей. Но... срамъ сказать, ваше преподобіе! У этихъ Мавровъ, которые слыли всѣ богачами, нѣтъ за душой ни марavedса!

— Это очень просто: имъ запретили брать съ собой имущество.

— Да, конечно, ваше преподобіе, но они, еретики, такъ упрямы и злы, что все свое нмущество зарыли въ землю, такъ, что ничего не найдешь и не достанется никому!

«А! этого Сандоваль и Лерма не разчитали!» подумалъ Алъяга.

Онъ приказалъ отворить дверцы кареты и вышелъ. Первый попавшійся ему на глаза Мавръ былъ молодой, статный мужчина съ гордымъ и благороднымъ лицомъ. Онъ былъ почти совѣшмъ нагъ и связанъ, но не покорялся униженію: въ чертахъ его выражался только гнѣвъ и жажда мщенія.

Вглядѣвшись, Алъяга вспомнилъ, что видѣлъ этого Мавра въ Валь-Парайсо, у Деласкара д'Альберика, и сердце его затрепетало, какъ-будто встрѣтило кого-нибудь роднаго.

— Тебя, кажется, зовутъ Альгамаромъ? спросилъ онъ ласково: ты изъ слугъ Іесида?

Мавръ вздрогнулъ.

— Не бойся, братъ, прибавилъ Пикильо шопотомъ, взявъ его за плечо: положишься на меня.

При словѣ «братъ» Мавръ посмотрѣлъ на монаха съ удивленіемъ, которое еще увеличилось, когда по данному знаку альгуасилы успѣшили развязать несчастному руки.

Алъяга подошелъ къ другимъ Маврамъ, которые сидѣли и лежали въ разныхъ положеніяхъ въ тѣни, подъ деревомъ.

— Вы далеко шлп... вы отдыхаете? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ сержантъ, сдѣлали приваль. Надобно повѣсить одного молодца.

— Это за чтѣ? вскричалъ Пикильо.

— Зато, что онъ до насъ любезнѣе другихъ. У него въ поясѣ было зашито около сорока червонцевъ.

— И вы за это хотите повѣсить его?

— Безъ-сомнѣнія. Мы не одного ужъ повѣсили.

Алъяга вскрикнулъ отъ негодованія и быстро подошелъ къ приговоренному. Взглянувъ на него, онъ затрепеталъ отъ новаго изумленія.

— Возможно ли! вскричалъ онъ: это вы, Гонгарелью?

При этомъ восклицаніи, при этомъ вопросѣ бѣдный цирюльникъ, уже полумертвый отъ страху, встрепенулся отъ удивленія.

Пикильо обратился къ сержанту и приказалъ развязать несчастливца!

— Но законъ, ваше преподобіе.... въ королевскомъ повелѣніи сказано: смертная казнь тому, кто утатъ деньги или цѣнную вещь, а онъ хотѣлъ отъ насъ утатъ сорокъ червонцевъ....

— Возвратите ихъ ему, перебилъ Пикильо. Второе, дополнительное повелѣніе дозволяетъ этимъ бѣднымъ людямъ брать съ собою необходимое на дорогу.

— Но, ваше преподобіе.... мнѣ даны особенныя приказанія....

— Отъ кого?

— Отъ его свѣтлости герцога-кардинала и отъ великаго инквизитора.

— А со мной есть повелѣніе отъ самого короля. Не угодно ли прочтати?

Альиага показалъ сержанту писанное собственною рукою Филиппа-Третьяго и снабженное королевскою печатью повелѣніе, которымъ аббату Лунсу Альиагъ предоставлялась полная власть и распоряженіе, въ случаѣ нужды, начальствами всѣхъ городовъ и мѣстъ, гдѣ будетъ проѣзжать.

— А! это другое дѣло! сказалъ сержантъ, почтительно кланяясь: что прикажете, ваше преподобіе?

— Во-первыхъ, развязать руки всѣмъ этимъ несчастнымъ. Пусть они идутъ свободно.

Потомъ онъ приказалъ одному изъ своихъ вершинковъ достать изъ кареты мѣшокъ съ золотомъ и сталъ раздавать Маврамъ. Альгамару досталась двойная доля.

— Но что же вы дѣлаете, ваше преподобіе? вскричалъ альгуасиль: вѣдь законъ формально запрещаетъ Маврамъ унести съ собою золото!

— Свое, возразилъ Альиага: а это золото королевское! Будучи принужденъ, ради пользы Церкви, одобрить повелѣніе объ изгнаніи, король хочетъ по-крайней-мѣрѣ смягчить зло и затѣмъ посылаетъ меня. Какъ васъ зовутъ, сеньоръ сержантъ?

— Карденіо де-ла-Тромба.

— Сеньоръ Карденіо де-ла-Тромба, я поручаю этихъ бѣдныхъ людей особенному вашему вниманію. Ведите ихъ небольшими переходами и со всевозможными льготами. Я прежде васъ буду въ Валенсіи и увижу вашъ отрядъ. Если кто-нибудь опять лишится своего добра или потеритъ притѣсненіе, вы будете отвѣчать мнѣ.

Альгуасиль почтительно поклонился, а Мавры, простирая въ Альиагъ развязанныя руки, съ радостью и благодарностью саго-

словами его. Одинъ Гонгарельо еще не могъ оправиться отъ одъпенѣнія. Услышавъ голосъ Пикильо, онъ сначала подумалъ-было, что старинный знакомецъ его, также схваченный, пришелъ раздѣлить съ соплеменниками бѣдствіе и изгнаніе. Но когда услышалъ, что молодой монахъ говоритъ тономъ начальника и повелѣваетъ отъ имени короля; когда увидѣлъ съ какою покорностью исполнялись эти повелѣнія, и когда самъ онъ снова избавился отъ смерти по одному слову Пикильо, то рѣшительно заключилъ, что это его ангель-хранитель и упалъ къ нему въ ноги.

— Встань и садись въ карету, сказалъ Пикильо: ты побѣдишь со мною.

— Какъ, ваше преподобіе! съ удивленіемъ возразилъ сержантъ: вы хотите взять съ собою этого Мавра? Въ качествѣ чего же?

— Въ качествѣ цирюльника. Мнѣ нуженъ цирюльникъ. А онъ лишь бы былъ доставленъ въ Валенсію, — въ каретѣ или пѣшкомъ, — это всё-равно.

— Однако жъ, ваше преподобіе...

— Повинуйтесь полномочному короля, сеньоръ альгуасиль! съ важною сказалъ Пикильо.

Альгуасиль снова низко поклонился и замолчалъ.

Алъяга посадилъ цирюльника съ собою въ карету, привѣтливо кивнулъ на прощанье Маврамъ и поѣздъ помчался далѣе. Гонгарельо, озадаченный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, всё-еще смотрѣлъ на своего спутника оторопѣвшими глазами.

— Гдѣ я? спросилъ онъ наконецъ.

— Подлѣ друга.

— Да, вы всегда были моимъ спасителемъ.

— А ты развѣ не былъ моимъ? Ты забылъ, какъ укрывалъ меня въ своей цирюльнѣ, въ Хенаресѣ?

— Какой великолѣпный экипажъ!

— А твою телѣжку помнишь? Теперь мы сосчитались.

— Нѣтъ, не совѣмъ! возразилъ цирюльникъ, осматривая шелковые мягкія подушки съ золотыми бахромами и кистями: не совѣмъ! мнѣ придется много сдачи дать!... Неужели все это ваше?

— Нѣтъ, королевское.

И Гонгарельо еще болѣе удивился, когда узналъ, что сидитъ въ собственной каретѣ короля.

Вечеромъ того же дня они остановились въ богатой гостини-

ищѣ. При одномъ имени аббата Лунса Аллыаги, духовника его величества, хозяинъ и слуги засуетились съ такимъ раболѣпиемъ, какое можно найти только у самыхъ высоколѣрныхъ народовъ. Самъ Гонгарельо начиналъ мало-по-малу заражаться общою почтительностью къ королевскому духовнику и полномочному повѣренному. Опъ совсѣмъ забылъ о Пикильо, бродягѣ и слугѣ бандита Бальсейро : онъ видѣлъ только важное духовное лицо, могущественнаго любимца и обладателя всѣми тайнами государства. И когда пришло время садиться за столъ, онъ едва осмѣлился опуститься на край своего стула и не рѣшался развернуть салфетку.

— Ужъ ты, кажется, не смѣешь и въ голодѣ сознаться! сказалъ Пикильо съ улыбкой, примѣтивъ смущеніе своего товарища.

— Да... правда.

— Полно! Я не хочу, чтобы мое могущество отнимало у тебя аппетитъ. Пей и ѣшь, Гонгарельо.

— За ваше здоровье, сеньоръ.

И Гонгарельо храбро принялся ужинать.

Въ тотъ же вечеръ Аллыага писалъ къ королю о томъ, что случилось на дорогѣ, и просилъ позволенія оставить цирюльника Гонгарельо при себѣ, въ видѣ слуги. Письмо оканчивалось такъ :

« Чтобы несчастная мѣра, принятая герцогомъ Лермой и его братомъ Сандовалемъ, хоть сколько-нибудь принесла пользы государству, повелите, ваше величество, отмѣнить конфискацію и дозволить Маврамъ брать съ собою свое имущество съ условіемъ, чтобы часть, какую вы опредѣлите, отдавалась въ казну. Такимъ образомъ по-крайней-мѣрѣ изгнанники избавятся отъ крайней нищеты, ваше величество заслужите благословенія, а казна пріобрѣтетъ огромныя суммы, которыя безъ того исчезнутъ совершенно. Съ другой стороны нужно посѣлшить пріисканіемъ средствъ къ восстановленію земледѣлія, иначе лучшія поля въ королевствѣ сдѣлаются безплодными. Мавры одинъ у насъ занимались земледѣіемъ и знали свое дѣло. Испанцы ничего въ этомъ не смыслятъ и даже презираютъ ремесло пахаря. Нужно облагородить его въ ихъ глазахъ. Для этого я предложилъ бы назначить пожалованіе дворянскихъ грамотъ тѣмъ изъ Испанцевъ, которые займутся сельскимъ хозяйствомъ и отличатся въ немъ. »

Черезъ вѣсколко дней потомъ, къ великому изумленію Испаніи и герцога Лермы, явились два королевскія повелѣнія, которыя Филиппъ издалъ не, спросясь своего министра. Онъ только прислалъ ихъ въ государственнѣйшій совѣтъ, который поспѣшилъ привести въ исполненіе.

Однимъ изъ этихъ повелѣній Маврауъ дозволялось брать съ собою половину своего имущества, съ условіемъ отдачи другой половины въ казну. Другимъ опредѣлялись дворянскія грамоты всѣмъ Испанцамъ, которые отличатся на поприщѣ земледѣлія.

Прочитавъ эти повелѣнія, герцогъ-кардиналъ оторопѣлъ тѣмъ болѣе, что они заслужили всеобщее одобреніе. Никто не сомнѣвался, что министръ самъ предложилъ эти мѣры, и всѣ поздравляли его и льстецы превозносили благодѣтеля отечества до небесъ. Даже враги сознавались, что министерство Лермы отличается великими и благодѣтельными подвигами и что герцогъ-кардиналъ — опора и слава Испаніи.

А Пикильо, счастливый добромъ, которое сдѣлалъ втайнѣ, продолжалъ свой путь, покровительствуя своимъ присутствіемъ, утѣшая словомъ бѣдныхъ изгнанниковъ, которыхъ встрѣчалъ и которые со всѣхъ концовъ государства тянулись къ берегамъ Андалузін.

Онъ тотчасъ же доносилъ королю о всякой несправедливости, о всякомъ злоупотребленіи, которыя примѣчалъ, и жатва эта была такъ обильна, что Филиппъ часто не имѣлъ средствъ къ отвращенію и пособію. Однако жъ начиналъ понимать, какъ государь добрый, но слабый, можетъ надѣлать столько же зла, сколько злой деспотъ. Онъ ужаснулся проклятій и ненависти, которыя герцогъ накопилъ на его голову. Онъ ясно увидѣлъ пропасть, въ которую его увлекли. Но онъ не могъ быть рѣшительнымъ и доброта боролась въ немъ съ слабостью. Все мужество его въ эту минуту состояло въ томъ, что онъ рѣшился остановиться, не итти далѣе. Для принятія болѣе положительныхъ мѣръ онъ дожидался возвращенія Пикильо.

Пикильо прибылъ въ Карраскосу, къ предѣламъ Альбараснискихъ Горъ, которыя хотѣлъ переѣхать, чтобы отправиться въ Куэзсу и оттуда въ Валенсію.

Черезъ деревню, въ которой онъ остановился, наканунѣ проходили войска, которыя поѣли всю провизію, такъ, что трактирщикъ, чтобы накормить королевскаго духовника, принужденъ былъ собрать контрибуцію со всѣхъ своихъ соседей.

Наконецъ обѣдъ кое-какъ сочинился. Пикильо садился за столъ одинъ, потому что Гонгарельо былъ куда-то посланъ съ порученіемъ и долженъ былъ воротиться позже. Въ сосѣдней комнатѣ слышался шумъ.

— Что тамъ такое? спросилъ Пикильо.

Трактирщикъ, снявъ колпакъ и расшаркиваясь, просилъ его преподобіе не беспокоиться. Шумѣлъ какой-то уставшій и проголодавшійся монахъ, который непремѣнно требовалъ обѣда, а трактирщикъ не брался удовлетворить это требованіе за немѣннимъ средствъ.

— Такъ пусть войдетъ сюда! вскричалъ Аллыага: скажи ему, что я приглашаю его къ моему обѣду. Авось, достанетъ. Будемъ сыты.

Трактирщикъ исполнилъ приказаніе, а монахъ не заставилъ долго просить.

Онъ вошелъ, низко поклонился и, откинувъ копышонъ, вскрикнулъ:

— Пикильо!

— Эскобаръ!

Это былъ онъ.

Езуитъ съ удивленіемъ и завистью смотрѣлъ на пышность, которая окружала бывшаго его воспитанника; на раболѣпное усердіе трактирной челяди, на слугъ въ королевской ливреѣ и на роскошный по обстоятельствамъ обѣдъ, къ которому Пикильо приглашалъ его какъ хозяинъ.

— Вѣдь это онъ мое мѣсто занимаетъ и мнѣ имъ обязанъ! думалъ езуитъ.

Аллыага, узнавъ Эскобара, всталъ и сказалъ:

— Приглашеніе, предложенное незнакомому путешественнику, можетъ-быть не совсѣмъ пріятно будетъ отцу Эскобару. Я прикажу отправить половину этого обѣда въ особую комнату.

— Для чего же? возразилъ езуитъ, подходя: я буду въ отчаяніи, если обезпкою ваше преподобіе. Можно ненавидѣть другъ друга, прибавилъ онъ шопотомъ, а всё-таки обѣдать вмѣстѣ. Это ни къ чему не обязываетъ.

— Я никого не ненавижу, холодно отвѣчалъ Аллыага.

— Разумѣется! вскричалъ Эскобаръ съ улыбкой: вы исполняете долгъ гостепріимства. Вы хозяинъ.

— У меня это не пустыя слова, а правила, и правила евангельскія, которыя вы должны знать лучше меня.

— Конечно, потому что я преподавалъ ихъ вамъ.

— А я исполняю.... Приборъ отцу Эскобару!

Приборъ подали и два врага принялись вмѣстѣ обѣдать, взаимно наблюдать и поглядывая другъ на друга съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, — Эскобаръ, потому что не довольно хорошо зналъ намѣренія Аллыаги, а Аллыага, потому что слишкомъ хорошо угадывалъ мысли Эскобара.

Когда подали десертъ и когда слуги вышли, езуитъ первый повелъ атаку.

— Ну, чтѣ, почтеннѣйшій братъ мой, сказалъ езуитъ, посмотрѣвъ на Аллыагу съ выраженіемъ безмолвнаго восхищенія: не предсказывалъ ли я вамъ? Не говорилъ ли я, что въ наше время монашеская ряса — единственное средство достигнуть знатности, богатства, могущества. Какую вы дорогу сдѣлали, и въ какое короткое время!... А вы еще не хотѣли вѣрить мнѣ, отвергали мои спасительные совѣты.... Мало этого: вы осыпали меня оскорбленіями и ненавистью, меня, первую причину вашего неслыханнаго счастья!... Потому что, безъ меня.... позвольте вамъ сказать откровенно.... вы были бы ничтѣ.

Пикильо обратилъ дотогу потупленные глаза на езуита и тотъ увидѣлъ въ нихъ столько сожалѣнія, столько отчаянія, что въ недоумѣніи замолчалъ.

Всѣ прошедшія скорби вдругъ пробудились у Пикильо. Его отягченная грудь, его блѣдныя щеки, дрожація губы и глаза, въ которыхъ сквозь слезы сверкало негодованіе, все очевидно доказывало Эскобару, что онъ заблуждался. Онъ видѣлъ это; однако жъ, несмотря на всю свою тонкость, не могъ вполнѣ понять, чтѣ происходило въ душѣ Аллыаги.

— Да! вскричалъ молодой человекъ: вамъ! вамъ я обязанъ всѣми моими терзаніями, всѣми моими несчастіями!... Не напоминайте мнѣ объ нихъ, или.... вы противъ воли моея пробудите во мнѣ ту ненависть, о которой вы сейчасъ говорил и которую я стараюсь подавить. Оставимъ воспоминанія, прогонимъ всѣ эти мысли.

Онъ остановился и сдѣлалъ усиліе, чтобы овладѣть собой, но тяжкій стонъ всё-таки вырвался.

Бываютъ скорби, которыя тѣмъ сильнѣе пробуждаются, чѣмъ болѣе стараешься подавить ихъ.

Пикильо просидѣлъ нѣсколько времени, закрывъ лицо руками; потомъ, устыдившись своего волненія въ присутствіи непріятеля,

вдруг оправился и съ холоднымъ спокойствіемъ, которое изумило самого Эскобара, сказалъ :

— Будемте говорить о другомъ. Вы изъ Мадрита, почтенный братъ?

— Да.

— Чтò новаго?

— Обь этомъ васъ нужно спросить. Вы обладаете всеми тайнами королевства.

— Все нѣтъ. А если бы и было такъ....

— То чтò же? спросилъ съ живостью Эскобаръ.

— То, разумѣется, я сохранилъ бы ихъ въ тайнѣ. Но вы оставили университетъ, въ которомъ ваше присутствіе такъ нужно, и путешествуете въ такомъ краю, гдѣ даже трудно найти обѣдъ. Это чтò-нибудь значить.... если только это не тайна?

— Все нѣтъ. Я отправился въ это путешествіе съ намѣреніемъ, которое, признаться, нѣсколько измѣнилось, когда я встрѣтилъ васъ. Я ѣхалъ къ великому инквизитору, который теперь, такъ же какъ и вы, путешествуетъ по Андалузіи. Я хотѣлъ оказать ему значительную услугу, но теперь думаю лучше оказать ее вамъ.

Альбиага молча поклонился.

— Я хотѣлъ сообщить ему тайну, которая лучше будетъ скрошена въ вашихъ рукахъ.

Альбиага опять молча поклонился.

— По-крайней-мѣрѣ я найду въ этомъ болѣе пользы.

— А! это другое дѣло. Говорите, братъ Эскобаръ. Я васъ слушаю.

— Герцогъ-кардиналъ опредѣлилъ васъ къ мѣсту, которое вы занимаете, и можетъ вывести васъ еще далѣе. Ваше счастье зависитъ отъ его счастья.

Альбиага молчалъ.

— Покуда онъ поднимается, и вы поднимаетесь. Если онъ упадетъ, и вы упадете. Поэтому вы должны быть совершенно преданы ему. Неправда ли?

Альбиага не отвѣчалъ.

— А я, для его пользы,—то есть, для вашей,—могу доставить вамъ блестящее и непогрѣшимое средство уничтожить его враговъ, заглушить злую молву, которая ходитъ на его счетъ, и навсегда упрочить его могущество. Эту великую услугу, за кото-

рую онъ радъ будетъ заплатить всѣми своими сокровищами, и могу оказать ему однимъ словомъ.

— Вы?

— Я.

— Но это, конечно, не изъ одного усердія къ пользамъ министра. Вы, вѣроятно, видите тутъ немножко и своей?

— Я полагаю, что это вопросъ совершенно лишній между людьми, которые достаточно знаютъ другъ друга. Поэтому и безъ околичностей приступаю прямо къ дѣлу. Герцогъ-кардиналъ, какъ вамъ, можетъ-быть, извѣстно, намѣревается изгнать изъ Испаніи орденъ езуитовъ, какъ изгналъ Мавровъ.

— Неужели?

— Да, и это вторая большая ошибка....

— Или, лучше сказать, искупленіе первой. Такъ по-крайней-мѣрѣ я думаю.

— Я думаю не такъ, и если министръ согласится отказаться отъ этого намѣренія, если онъ обезпечитъ наше утвержденіе въ Испаніи; если онъ представитъ намъ ручательство, я сообщу ему тайну, которая спасетъ и упрочитъ его власть. Чтѣ вы объ этомъ скажете?

Эскобаръ пристально глядѣлъ Алъягѣ въ глаза и, казалось, хотѣлъ проникнуть въ глубину души, чтобы тамъ прочитать мысль, потому что слова онъ ни во чтѣ не ставилъ.

— Если вы ко мнѣ думаете обратиться съ этимъ предложеніемъ, отвѣчалъ Алъяга, то я замѣчу вамъ, что тутъ будетъ одно затрудненіе.

— Какое же?

— Я вовсе не хлопочу о поддержаніи власти герцога Лермы....

Эскобаръ изумился. Алъяга продолжалъ:

— Напротивъ, я желаю свергнуть его.

— Правду вы говорите?

— Я сказалъ это ему самому, въ глаза. Это единственная моя цѣль, единственное мое желаніе.... И я свергну его! прибавилъ онъ съ силою, помолчавъ не много.

— Хорошо, сказалъ Эскобаръ, оправившись отъ своего удивленія: и это хорошо. Если я могу помочь вамъ....

— Вы хотите помочь? вскричалъ Алъяга въ свою очередь съ удивленіемъ.

— Отчего же нѣтъ? Я пришелъ спасти его, но я готовъ

и погубить. Мнѣ всё-равно. Последнее даже лучше. И такъ, прибавилъ онъ съ улыбкою, придвигая свой стулъ: условимся.

— Это невозможно! отвѣчалъ Аллыага.

— Чтò жъ мѣшаетъ?

— Прошедшее.

— Помыслите! Помнить прошедшее такъ же неосновательно, какъ вѣрить въ будущее. Для человѣка разсудительнаго и одного настоящаго достаточно.

— Въ прошедшемъ, въ настоящемъ и въ будущемъ, между нами всегда была, есть и будетъ ненависть.

— Да какая до этого надобность! Вѣдь я говорю вамъ не о дружбѣ, а о дѣйстви. Дѣло идетъ о низверженіи герцога Лермы.

— А если жъ я могу низвергнуть его самъ, одинъ?

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Я поялся и исполню. Для этого мнѣ не нужно ни содѣйствія, ни союзниковъ. Поэтому я не могу принять вашихъ предложеній и предоставляю вамъ губить или спасать министра по вашему усмотрѣнію.

— Это ваше последнее слово, аббатъ Аллыага?

— Последнее. Дѣлайте, чтò вамъ угодно, лишь бы мы не встрѣтились ни на одномъ полѣ, ни подъ однимъ знаменемъ.

Онъ холодно поклонился и ушелъ въ свою комнату. Эскобаръ смотрѣлъ ему вслѣдъ, съ недоумѣніемъ, отъ котораго долго не могъ оправиться.

— Проклятый человѣкъ! сказалъ онъ: его ни обезоружить, ни обмануть, ни понять невозможно!... Видно, что нашъ воспитанникъ!

Въ отчаяніи, что потерялъ цѣлый вечеръ въ бесплодной борьбѣ съ непобѣдимымъ непріателемъ, Эскобаръ рано утромъ ушелъ изъ трактира, не простясь съ королевскимъ духовникомъ, и поспѣшно продолжалъ путь съ намѣреніемъ выолнить первый свой планъ.

Онъ надѣялся лучше сладить съ Сандовалемъ, который учился не у Лойолы, а у Доминика.

Эскобаръ отправлялся въ Куэнсу, гдѣ надѣялся застать инквизитора. Но на половинѣ пути отъ послѣдняго ночлега, на склонахъ Альбараснскихъ Горъ, езуита остановила цѣпь испанскихъ часовыхъ, которые не совѣтовали ему продолжать опасный путь.

черезъ горы. Это предостереженіе подтвердили и офицеры передоваго отряда генерала донъ Августина де-Мехія, который вскорѣ прибылъ туда же.

Донъ Августинъ де-Мехія былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, средняго росту, съ важною и строгою физиономіей. Онъ уже тридцать лѣтъ ходилъ по походамъ, набрался опытности и особенно отличился въ Нидерландской Войнѣ. Это былъ Испанецъ стараго покою. Онъ говорилъ мало, хорошо дрался, еще лучше командовалъ, не полагался на случай и умѣлъ ждать, чтобы лучше успѣть.

У него служилъ капитанъ донъ Діего Фахардо, который мало походилъ на своего командира. Испанское чванство и хвастливость донъ Діего Фахардо довелъ до высшей степени совершенства. Нѣсколько удачныхъ дуэлей дотога вспучили самонадѣяность и дотога глубоко убѣдили его въ совершенной непобѣдимости, что онъ одною своей шпагой смѣло брался остановить цѣлую армію.

— Сеньоръ Фахардо, сказалъ ему командиръ: съ осмью сотнями, которыми командуете, и съ четырьмя сотнями, которыя я еще прикомандирую къ вамъ, поднимитесь на горы, на высоту Окавы.

— И оттуда ударить на бунтовщиковъ?

— Нѣтъ; вы утвердитесь на одной изъ плоскихъ возвышенностей между Альбарасинномъ и Терюзлемъ.

— И распорядитесь тамъ, чтобы разогнать всю эту мавританскую сволоочь?

— Нѣтъ; вы только отвезете снаряды и артиллерию и подождете....

— Подождать, генераль!... Испанцамъ ждать, когда врагъ передъ глазами!

— Вы подождете, съ важною продолжалъ генераль: я отдалъ донъ Фернанду д'Альбайдѣ приказаніе исполнить такое же движеніе по другую сторону горъ. Онъ идетъ отъ Куллы и Бекасаля.

— Позвольте замѣтить, ваше превосходительство: вы слишкомъ много церемонитесь съ этими дрянными бунтовщиками, не стоящими имени солдатъ.

Донъ Августинъ, не слушая замѣчаній капитана, продолжалъ съ тою же важною:

— Донъ Фернандъ отрѣжетъ непріятелю дорогу къ морю, бри-

гадирь Гомара — Аррагонію, а я, собравъ главный корпусъ въ Оканѣ, произведу нападеніе.

— А я, генералъ?

— Вы, донъ Діего, дождетесь мятежниковъ, которыхъ мы погонимъ къ вамъ. Стоя на крѣпкой позиціи, съ хорошею артиллерією, вы легко можете истребить ихъ.

— Разумѣется! Но это слишкомъ мѣшкотно. Если позволите, ваше превосходительство, я предложилъ бы другое средство, но дѣйствительнѣе.

— Говорите.

— Позвольте мнѣ самому, съ моимъ батальономъ, вымѣсть эти горы. Осмѣлюсь сказать, что Мавры, которые хорошо знаютъ меня, нигдѣ не устоятъ. Въ крайнемъ случаѣ, мнѣ не нужно даже и баталіона противъ такого непріятеля: я взялъ бы нѣсколькихъ альгуасиловъ и коррехидора съ палкою. Эта сволочь не стѣдитъ того, чтобы испанскій дворянинъ обнажилъ шпагу для нея.

— Позвольте же и мнѣ вамъ замѣтить, донъ Діего, что вы не знаете, что значитъ война въ горахъ, возразилъ командиръ: и вамъ также не извѣстно число непріятелей.

— Это правда, генералъ, гордо отвѣчалъ донъ Діего, я никогда не считаю непріятелей. Я знаю только, что это стыдъ и срамъ посылать испанскаго солдата сражаться съ землепашцами, ремесленниками и фабричными. Я объявляю вашему превосходительству, что съ такимъ непріателемъ не намѣренъ употреблять другаго оружія кромѣ фухтелей.

— И прекрасно! какъ вамъ угодно. Лишь бы мои приказанія были исполнены.

Донъ Августинъ со своимъ штабомъ ускакалъ, а Діего Фахардо, покраснѣвшій отъ негодованія и гордости, неохотно принялся исполнять приказаніе начальника. Батальонъ сталъ строиться.

Тутъ съ передовой цѣпи привели одного схваченнаго Мавра, котораго капитанъ вздумалъ употребить какъ проводника, если можно, прямо къ предводителю мятежниковъ Иесиду д'Альберку, чтобы получить цѣну за его голову, двадцать тысячъ червонцевъ. Эти деньги капитанъ Діего уже заранѣе назначилъ въ раздачу своему баталіону.

Плѣнному Мавру грозилъ смерть на медленномъ огнѣ. Онъ долго не рѣшался на выборъ, но наконецъ за жизнь и свободу согласился повести Испанцевъ въ такое мѣсто, гдѣ они и

захватить и истребить главныя силы инсургентовъ, вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ.

— Слышите! вскричалъ донь Діего своимъ подчиненнымъ: всё они, собаки, таковы. Чтобы самому избавиться отъ смерти, этотъ трусъ своеручно готовъ повѣсить всѣхъ своихъ братьевъ!

Мавръ посмотрѣлъ на него изъ-подъ лобя и потомъ съ веселымъ видомъ поспѣшно прибавилъ:

— Что жъ дѣлать! Какъ ни худо жить, а всё умирать не хочется.

Донъ Діего скомандовалъ баталіону маршъ и приказалъ двоимъ солдатамъ идти впереди подлѣ проводника, съ ружьями на-готовѣ, чтобы при первой попыткѣ къ побѣгу или измѣнѣ раздробить ему голову. Колонна двинулась.

Эскобаръ воспользовался совѣтомъ не ѣхать черезъ горы и отправился въ Куэйсу, другою дорогою. Онъ слишкомъ высоко цѣнилъ соображеніе, ловкость, могущество разсужденія и доказательствъ, чтобы уважать грубую матеріальную силу. Разрѣшеніе вопросовъ инагою казалось ему недостойнымъ разумной природы человѣка. Дикіе звѣри умѣютъ только душить другъ друга. Одинъ человѣкъ умѣетъ обманывать. Въ этомъ заключается его нравственное превосходство, которымъ достойный отецъ езуитъ превосходно умѣлъ пользоваться.

Эскобаръ нашелъ Сандоваля въ Вальпарайсо.

Предложенія, которыя Деласкаръ д'Альберикъ сдѣлалъ министру, чтобы заставить отиѣнить повелѣніе объ изгнаніи; полки и флотъ, которые онъ обѣщалъ содержать; двѣнадцать милліоновъ назначенныхъ въ казну государства и два милліона, обѣщанные самому герцогу, — все это доказывало, что Мавры очень богаты. Глупо было бы выпустить изъ рукъ такія богатства.

Носился слухъ, будто Деласкаръ увезъ свои сокровища, но это было несправедливо.

Вицерой валенсійскій, маркизь Касарена, приказалъ тщательно обыскать судно, на которомъ отправлялось семейство д'Альберика. Ничего не нашли.

Слѣдовательно, все имущество скрывалось въ которомъ-нибудь изъ домовъ Мавра. Подозрѣніе очень естественно пало на великолѣпную дачу въ Вальпарайсо, любимое жилище Деласкара.

Поэтому Сандоваль и отправился туда. Но всё его поиски оста-

лись тщетными. Онъ, правда, нашелъ жилище, устроенное и убранное съ царскою роскошью; нашелъ картины великихъ мастеровъ, статуи, бронзовыя и мраморныя вазы и много дорогѣй утвари, но золота и чеканной монеты ни одной.

Деласкаръ и Исидъ одни знали о существованіи подземелья мавританскихъ царей. Королева Маргарита, вѣрная своему слову, унесла довѣренную ей тайну съ собою въ могилу. Сокровища погибли для казны.

И по всей Испаніи было такъ.

Мавры, передъ отправленіемъ въ изгнаніе, похоронили всѣ свои сокровища, предпочитая лучше никогда не найти ихъ въ нѣдрахъ земли, чѣмъ оставить въ рукахъ гонителей. Такимъ образомъ изгнаніе Мавровъ не произвело въ финансовомъ отношеніи тѣхъ результатовъ, которыхъ ожидали Лерма и Сандоваль. Они получили за свой подвигъ только всеобщее омерзение и негодование Европы.

Сверхъ-того раздосадованный, взбѣшенный инквизиторъ получилъ еще новыя непріятныя вѣсти. Противъ него и противъ герцога-кардинала со дня на день сильнѣе и грознѣе поднималась молва объ отравленіи королевы. Долѣе затыкать уши отъ этой молвы уже не оставалось возможности. Инквизитору уже писали изъ Рима объ этомъ и министръ безпрестанно получалъ письменныя увѣщанія.

— Оправдайтесь! Докажите вашу невинность! кричали имъ со всѣхъ сторонъ.

Но какъ оправдаться? Какія представить очевидныя и убѣдительныя доказательства? Гдѣ найти ихъ? У кого искать? Этого ни великій инквизиторъ, ни министръ не умѣли придумать. Между-тѣмъ они оба понимали необходимость открытаго оправданія передъ лицомъ всей Испаніи и передъ цѣлымъ свѣтомъ. Безъ этого они должны были погибнуть и, несмотря на короля, котораго водили на помочахъ, несмотря на свое полновластіе, общественное мнѣніе, еще болѣе полновластное, наконецъ низложило бы ихъ.

Великій инквизиторъ былъ жертвою всей этой тревоги, когда получилъ въ Вальпарайсо записку такого содержанія :

«Если великому инквизитору угодно знать тайну, которая чрезвычайно важна для него, для государства и для герцога-кардинала, то благоволятъ принять на нѣсколько минутъ преданнаго друга, который пишетъ эти строки».

— Преданный другъ! вскричалъ Сандоваль: пусть войдетъ! пусть войдетъ!

Дверь въ кабинетъ отворилась и вошелъ пріоръ хенаресскаго езуитскаго монастыря.

— Это вы, братъ Эскобаръ!

— Я самъ, ваше высокопреосвященство.

— Такъ эту записку не вы писали? продолжалъ Сандоваль съ насмѣшливою улыбкой: въ ней говорится о преданномъ другѣ.

— Я самъ этотъ другъ.

— То есть.... я знаю, зачѣмъ вы пришли. Но уже поздно!

Сандоваль взялъ со стола одну бумагу и продолжалъ съ улыбкою:

— Вы видите, что я занимаюсь вами, почтеннѣйшій.... и не я одинъ. Недавно о достойныхъ отцахъ-езуитахъ шла рѣчь въ государственномъ совѣтѣ.

— Знаю, ваше высокопреосвященство.

— Да, и нашъ любезный племянникъ, герцогъ Уседа, по порученію совѣта составилъ докладъ о достойномъ братствѣ, о нравственности и правилахъ его. Докладъ составленъ очень хорошо.

— О! у свѣтлѣйшаго герцога столько ума!

— Да, есть.

— И есть откуда позаимствоваться.

— Докладъ ясенъ, точенъ, правдивъ, словомъ, громоносенъ для васъ. Онъ клонится къ немедленному изгнанію вашего ордена изъ всѣхъ испанскихъ владѣній, съ предоставленіемъ права поселиться, гдѣ заблагоразсудите.

— Герцогъ Уседа очень милостивъ.

— Его заключеніе принято министромъ, который прислалъ мнѣ докладъ къ подписанію, а я отправлю къ королю. Черезъ нѣсколько минутъ депеша будетъ отправлена, продолжалъ инквизиторъ, приготовляя сургучъ и печать и придвигая зажженную свѣчу.

— Нѣтъ, ваше высокопреосвященство, холодно сказалъ Эскобаръ: она не будетъ отправлена.

Великій инквизиторъ посмотрѣлъ на езуита съ удивленіемъ, какъ-будто не довѣряя своимъ ушамъ, и потомъ нахмуривъ брови спросилъ:

— Чтѣ это значить?

— Это значить, что вы слишкомъ разсудительны, чтобы вы-

слать изъ государства людей, которые въ эту минуту одни въ состояніи спасти честь вашу и герцога-кардинала Лермы и утвердить навсегда вашу власть.

— Что это значитъ, братъ Эскобаръ? вскричалъ инквизиторъ съ возрастающимъ изумленіемъ, но уже не такъ строго: объяснитесь.

— Не могу, покуда у меня передъ глазами будетъ этотъ предметъ, отвѣчалъ езуитъ указывая на докладъ: онъ смущаетъ мои понятія и перепутываетъ мысли.

— Я это понимаю, отвѣчалъ инквизиторъ недовѣрчиво: но мнѣ прежде всего нужны доказательства, очевидныя доказательства, которыя бы я могъ напечатать и разослать по всей Испаніи.

— Я тоже такъ понимаю..... вамъ нужны достовѣрныя и очевидныя доказательства, что ни вы, ни герцогъ-кардиналъ не были ни виновниками, ни сообщниками виновныхъ въ умерщвленіи королевы.

— Да, это намъ необходимо.

— Знаю, ваше высокопреосвященство.

— Но какимъ образомъ вы можете доказать это?

— Однимъ словомъ.

— Какимъ?

— Указаніемъ на истинныхъ виновниковъ,—разсказавъ, доказавъ и подписавъ, если нужно, точное и правдивое повѣствованіе дѣла, какъ оно было, до малѣйшихъ подробностей.

— Я васъ слушаю. Говорите, братъ Эскобаръ.

— Я уже имѣлъ честь докладывать, что смущаетъ меня и омрачаетъ мысли.

Великій инквизиторъ ваялъ докладъ и зажегъ на свѣчѣ.

— А! теперь я начинаю видѣть яснѣе! сказалъ Эскобаръ мѣлкимъ голоскомъ: теперь туманъ между нами разсѣивается, хотя, конечно, можно составить и другой докладъ королю.

— Конечно, холодно повторилъ инквизиторъ.

— Я предвидѣлъ это и желалъ избавить ваше высокопреосвященство отъ труда.

— Что это значитъ?

— Что я уже составилъ другой докладъ. Вотъ онъ.

Езуитъ подалъ инквизитору сложенную вчетверѣ бумагу, которую тотъ развернулъ и съ нетерпѣніемъ пробѣжалъ.

Это действительно былъ докладъ. Но уже не такой, какой со-

ставилъ герцогъ Уседа. Здѣсь таланты, благочестіе и добродѣтели ордена езуитовъ были превознесены до небесъ и особенно много говорилось о чрезвычайныхъ заслугахъ, оказываемыхъ воспитанію юношества въ хенаресскомъ университетѣ. Польза и необходимость присутствія езуитовъ доказывались самымъ осязательнымъ образомъ и всѣ доказательства натурально вели къ заключенію утвердить ихъ пребываніе въ Испаніи на вѣчныя времена.

— Понимаю, понимаю, сказалъ Сандоваль съ досадой, потомъ опомнившись, прибавилъ съ любезностью: можетъ-быть..... можетъ-быть, я и не откажусь.... даже одобрю и подпишу этотъ докладъ. Но не теперь, послѣ, когда оцѣню важность дѣла, которое вы мнѣ сообщите. Покуда я еще не имѣю причины вѣрить вамъ.

— Положимъ такъ, ваше высокопреосвященство. Но въ такомъ случаѣ я буду подражать вамъ и открою покуда только половину тайны.

— Отчего же не всю?

— Это отъ васъ будетъ зависѣть. Я могу напередъ разсказать, какъ было дѣло, а потомъ назвать имена и представить доказательства.

Инквизиторъ, трепеща отъ нетерпѣнія и любопытства, сдѣлалъ Эскобару знакъ, чтобы сѣлся, и, придвинувъ къ нему свое кресло, приготовился слушать.

— Вы изволите помнить день, когда умеръ духовникъ королевы?

— Это к чему?

— Это обстоятельство довольно важное. Вотъ, почему. Это было воскресенье. Королева, не имѣя своего проповѣдника, отправилась къ обѣднѣ въ капеллу короля. Въ тотъ самый день совершенно преступленіе. Вотъ какимъ образомъ. Возвращаясь изъ капеллы въ свои покои, королева проходила черезъ садовыя залы нижняго этажа. Она была окружена большою свитою и герцогъ Лерма шелъ съ нею рядомъ. День былъ очень знойный. Королева жаловалась на нестерпимую жажду и министръ, какъ служивый кавалеръ, самъ побѣжалъ въ другія комнаты, чтобы отдать приказаніе, между-тѣмъ какъ утомленная королева сѣла на диванъ. Герцогъ побѣжалъ въ комнату, гдѣ дремала, сидя на диванѣ, одна молодая особа, изъ придворныхъ. Передъ нею, на мраморномъ столѣ, стоялъ серебряный подносъ съ стаканомъ лимонаду.....

Это обстоятельство, по виду, ничтожное, требует однако жъ предварительныхъ объясненій... весьма важныхъ.

Великій инквизиторъ удвоилъ вниманіе.

— Эта молодая придворная особа, которой я не назову по имени, но которую вы безъ труда узнаете, не нравилась многимъ знатымъ людямъ при дворѣ, потому именно, что слишкомъ нравилась одному изъ знатнѣйшихъ. Такъ какъ она мѣшала нѣкоторымъ честолюбивымъ и другимъ планамъ, то рѣшились избавиться отъ нея и въ тотъ самый день приступили къ исполненію предпріятія. За нѣсколько минутъ до прихода герцога Лермы, ловкая рука, неизвѣстная никому кромѣ меня, опустила нѣсколько капель яду въ лимонадъ, который стоялъ передъ спящею. Убийцы не сомнѣвались, что она выпьетъ его, какъ-только проснется. Случай рѣшилъ иначе и опрокинулъ всѣ соображенія. При входѣ министра она въ испугѣ вскочила и, узнавъ, чего онъ ищетъ, сама предложила свой лимонадъ, выставляясь подать его королевѣ. Министръ, опять какъ вѣжливый кавалеръ, не допустилъ, самъ схватилъ подносъ и поспѣшилъ услужить ея величеству. Онъ не зналъ, что подаетъ ей медленный, но вѣрный, убійственный ядъ, отъ котораго она черезъ два мѣсяца умерла. Отсюда всѣ слухи, которые ходятъ насчетъ министра и на вашъ счетъ; отсюда страшное обвиненіе, которое тяготеетъ надъ вашими головами.

— Понимаю, понимаю! сказалъ инквизиторъ, поблѣдивъ отъ разсказу езуита.

— Теперь вы все знаете, прибавилъ Эскобаръ.

— Напротивъ! я ничего не знаю, покуда вы не назовете мнѣ имени.

— А мнѣ кажется, что вы уже сами угадали ихъ.

— Нѣтъ, клянусь Святымъ Іаковомъ, нѣтъ!

— Ну, такъ вашему высокопреосвященству стоить сдѣлать только одинъ знакъ....

И ловкій езуитъ глазами указалъ на докладъ, который нужно было подписать.

Инквизиторъ понялъ и взялъ перо. Покуда онъ чертилъ первыя буквы своей подписи, Эскобаръ вполголоса медленно говорилъ:

— Особа, которая бросила ядъ въ стаканъ спящей герцогини Сантаремъ, называется графинею д'Альтамира, а тотъ, кто управлялъ этимъ заговоромъ,—вашъ племянникъ, герцогъ Уседа!..

Инквизиторъ вскрикнулъ и уронилъ перо, не кончивъ подписки.

— Эхъ! равно сказалъ! подумалъ Эскобаръ.

— Мой племянникъ! вскричалъ Сандоваль: сынъ министра, герцога Уседа?

— Онъ самъ.

— Но какимъ образомъ вы это знаете?

— Какимъ образомъ? повторилъ Эскобаръ, взявъ печать и сургучъ и подкладывая инквизитору подъ руку: отъ нихъ самихъ: Я духовникъ герцога Уседы, а отецъ Хероме духовникъ графини д'Альтамыры.

— И они признались вамъ во всѣхъ этихъ подробностяхъ?

— Во всемъ.

— А кто докажетъ другимъ, такъ же какъ мнѣ, истину этого происшествія? Кто возьметъ на себя отвѣтственность?

— Отецъ Хероме предвидѣлъ это возраженіе вашего высокопреосвященства. У меня съ собою бумага, на которой Хероме собственною рукою написалъ все дѣло, и которую я тоже готовъ подписать.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ инквизиторъ съ радостью.

— Я сейчасъ же, здѣсь, подпишу.... Но извините, я мѣшаю вамъ приложить печать къ докладу.

И онъ съ почтительнымъ поклономъ отступилъ.

Инквизиторъ отдалъ Эскобару подписанный докладъ королю, а езуитъ подписалъ и отдалъ страшный доносъ на герцога Уседу и графиню д'Альтамыра.

— Никто кромѣ меня и васъ не знаетъ объ этомъ? спросилъ инквизиторъ.

— Никто, ваше высокопреосвященство. Я просилъ свиданія у герцога-кардинала, но не получилъ. Потому я хотѣлъ сообщить вамъ эту тайну черезъ одного изъ вашихъ.... черезъ заклатаго вашего слугу, который всѣмъ обязанъ вамъ.

— Черезъ кого же?

— Черезъ Лупса Алъягу.

— Несчастный! что вы хотѣли сдѣлать!...

— Да я и не сдѣлалъ, когда онъ объявилъ мнѣ, что ненавидитъ васъ и герцога-кардинала, и намѣренъ свергнуть васъ обоихъ.

— Онъ сказалъ вамъ это?

— Я, разумѣется, не повѣрилъ ему. Но это все равно....

— Да, да! онъ человекъ опасный!

— По-крайней-мѣрѣ очень хитрый.... Поищи его, когда онъ доводитъ скрытность до того, что иногда даже говорить, что думаетъ!

— Онъ сначала самъ непрощеный служилъ намъ и оказалъ важныя услуги, а теперь, неблагодарный! замышляетъ нашу гибель!

— И нашу тоже! прибавилъ Эскебаръ съ смиреннымъ негодованіемъ.

— Онъ общій нашъ врагъ, и врагъ тѣмъ болѣе опасный, что мы сами помѣстили его при королѣ.

— Но развѣ рука, которая посадила, не можетъ ссадить его?

— Попробуемъ, по-крайней-мѣрѣ.

— А мы, если можемъ помочь, ваше высокопреосвященство, съ удовольствіемъ....

— Хорошо, мы воспользуемся вашею услужливостью.

Езуитъ почтительно поцѣловалъ руку у великаго инквизитора и запечатлѣлъ союзъ Лойолы и Доминика на гибель Луиса Альяги.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

KOSMOS.

(МИРОЗДАНИЕ.)

=

ПРИМЪЧАНІЯ.

20. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отклоненіе магнитной стрѣлки остается неизмѣннымъ или по-крайней-мѣрѣ гдѣ совершается медленное въкое отклоненіе, можемъ мы опредѣлить мѣжевыя линіи посредствомъ компаса, не принимая въ счетъ поправокъ отклоненія стрѣлки, и не опасаясь, чтобы начертанныя нами границы мѣстности, не измѣнились отъ дѣйствія земнаго магнетизма: «The whole mass of West-India property», говоритъ Сиръ Джонъ Гершель, «has been saved from the bottomless pit of endless litigation by the invariability of the magnetic declination in Jamaica and the surrounding archipelago during the whole of the last century, all surveys of property there having been conducted solely by the compass». См. Robertson въ Philos. Transact. for 1806. P. II стр. 348, on the permanency of the compass in Jamaica since 1660. Въ Англіи магнитное отклоненіе измѣнилось въ теченіи этого времени на цѣлыя 14°.

21. Я показалъ въ другомъ моемъ сочиненіи, что дошедшія до насъ документы о путешествіи Колумба, могутъ служить основаніемъ для опредѣленія трехъ точекъ Атлантической линіи безъ отъ Проанія, именно для 13-го сентября 1492 года, для 21-го мая 1492 года, и для 16-го августа 1498 года. Атлантическая кривая линія безъ отъ Америки,

то время была обращена от СВ на ЮЗ. Она касалась югоамериканскаго материка не много къ востоку от мыса Кодера, между-тѣмъ какъ это прикосновеніе теперь замѣчается на сѣверномъ берегу Бразиліи. (Humboldt, *Examen critique de l'hist. de la Geogr.* Т. III, стр. 44 — 48). Изъ книги Жильбера *Physiologia nova de Magnete* ясно видно (и этотъ фактъ очень-замѣчательный) что въ 1600 году отклоненіе около Азорскихъ острововъ равнялось 0 (lib. IV cap. I); точно также какъ во время Колумба. Мнѣ кажется, я доказалъ въ *Examen critique* (Т. III, стр. 54) основываясь на документахъ, что извѣстная демаркаціонная линія, посредствомъ которой папа Александръ VI, раздѣлилъ западное полушаріе между Португалією и Испанією, была проведена не черезъ самый западный изъ Азорскихъ острововъ, потому что Колумбъ хотѣлъ обратить физическое раздѣленіе въ политическое. Онъ обращалъ очень-много вниманія на поясъ (гауа), «гдѣ компасъ не отклоняется, гдѣ воздухъ и море, (последнее покрытое поростами), являются иными, гдѣ начинаютъ дуть холодные вѣтры и гдѣ (такъ онъ заключалъ по невѣрнымъ наблюденіямъ надъ полярною звѣздою) видъ (шарообразность) земли измѣняется».

22. Вопросъ весьма интересный для задачи о физическихъ причинахъ земнаго магнетизма, состоитъ въ томъ: два столь удивительныя изогоническія овалы будутъ-ли въ теченіи столѣтій подвигаться въ своей заключенной формѣ или стануть подвигаться развиваясь и расходясь? Въ Восточно-Азіатскомъ узлѣ отношеніе увеличивается снаружи во внутрь, въ узлѣ или овалѣ южнаго океана происходитъ противоположное; во всемъ южномъ океанѣ къ востоку отъ меридіана Камчатки неизвѣстно нынче ни одной линіи безъ отклоненія, ни одной линіи, которой отклоненіе было-бы меньше 2° (Эрманъ въ *Poppend. Annalen.* Часть XXI, стр. 129). Но, кажется, что Корнелій Шутенъ въ день пасхи 1616 года нашелъ, вѣснаго къ югостоку отъ Нукагивы, подъ 15° южной широты и 132° западной долготы, следовательно посреди нынѣ заключенной изогонической системы, отклоненіе равное нулю. (Hansteen, *Magnetismus der Erde*, 1819. V. 28). Не подобно забывать при всѣхъ томъ, что мы можемъ преслѣдовать направленіе магнетическихъ линій, только тамъ гдѣ онѣ появляются на поверхности.

23. Arago въ *Annuaire* 1836 стр. 284 и 1840 стр. 330—338.

24. Gauss, *Allg. Theorie des Erdmagnetismus.* § 31.

25. Duperré, de la configuration de l'équateur magnétique, въ *Annales de Chimie*, томъ XLV, стр. 371 и 379. (Смотри также Морфе, въ *Mémoires présentés par divers savans à l'Académie royal des Sciences.* Т. III, стр. 132).

См. замѣчательную карту изоклиническихъ линій въ Атлантическомъ океанѣ въ 1825 и 1837 годахъ въ *Contributions to terrestrial magnetism*, 1840, стр. 139.

27. Humboldt, Ueber die secularë Veränderung der magnetischen Inclination, в Poggend. Annalen. Часть XV, стр. 322.

28. Gauss, Resultate der Beob. des magnetischen Vereins im Jahr 1838, § 21; Sabine, Report on the variations of the magnetic Intensity, стр. 63.

29. Вотъ какимъ образомъ былъ открытъ законъ увеличенія магнитнаго напряженія (вообще) по мѣрѣ увеличенія магнитной широты. Когда я хотѣлъ въ 1798 году присоединиться къ экспедиціи, предпринятой капитаномъ Боденымъ для путешествія вокругъ свѣта, то Борда, принимавшій дѣятельное участіе въ исполненіи моихъ плановъ, посоветывалъ мнѣ производить наблюденіе надъ перпендикулярною стрѣлкою подъ различными широтами въ обѣихъ полушаріяхъ, на магнитномъ меридіанѣ, чтобы узнать одинакова-ли или различна магнитная сила. Во время моего путешествія въ Американскія тропическія страны, я сдѣлалъ это наблюдение одною изъ главныхъ задачъ моего предпріятія. Я замѣтилъ, что таже стрѣлка, которая въ десять минутъ въ Парижѣ совершала 245, въ Гаваннѣ 246, въ Мексикѣ 242 колебанія, оказывала въ столько-же времени въ San Carlos del Rio Negro 2,6 (шир. $1^{\circ} 53'$ сѣв. $80^{\circ} 40'$ зап. долг.) 216; въ Перу на магнетическомъ экваторѣ, то есть на линіи, гдѣ отклоненіе $= 0^{\circ}$ только 211. Въ Линѣ (шир. $12^{\circ} 2'$ юж.) опять 219 колебаній. Слѣдовательно, въ 1799 — 1803 годахъ, я нашелъ, что если изобразить всю силу на магнетическомъ экваторѣ, на Перуанскомъ Андискомъ хребтѣ между Misipatza и Sacamaria $= 1,0000$, то она выразится для Парижа 1,3482; для Мексики 1,3155, для San Carlos del Rio Negro 1,0480; для Лины 1,0773. Когда въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, 26-го Фримера XIII года я въ своемъ разсужденіи, котораго математическая часть была обработана господиномъ Био, развилъ законъ измѣненія напряженности земнаго магнетизма, и доказалъ существованіе его нумерически, изчисленіемъ наблюденій, произведенныхъ во ста четырехъ различныхъ точкахъ, то этотъ фактъ былъ признанъ за совершенно новое открытіе. Уже по прочтеніи этого разсужденія, какъ Био (Lamétheric, Journal de Physique, Tome LIX, стр. 446, прим. 2) очень-опредѣленно говоритъ и какъ я повторилъ въ Relation hist. T. 1, стр. 262, прим. 1, господинъ де Россель сообщилъ шесть своихъ наблюденій надъ качаніями стрѣлки, произведенныхъ уже 1791—1794 на Вандименовой землѣ, на Явѣ и Амбоннѣ. Этими наблюденіями также доказывается существованіе закона уменьшенія магнитной напряженности въ Индѣйскомъ архипелагѣ. Надобно предполагать, что де Россель, не замѣтилъ въ собственномъ своемъ трудѣ правильности увеличенія и уменьшенія напряженности, потому что до прочтенія мною моего разсужденія онъ этого не говорилъ нашимъ общимъ друзьямъ Лаулау, Деламбру, Прони и др. Объ этомъ, конечно не маловажномъ физическомъ законѣ. Только въ 16-мъ году, спустя четыре года послѣ моего возвращенія изъ Америки,

произведенныя имъ наблюденія явились въ свѣтъ въ Voyage d'Entrecasteaux. Т. II. стр. 287, 291, 321, 480 и 644. Во всѣхъ *магнетическихъ таблицахъ напряженности*, появившихся до-сихъ-поръ въ Германіи (Hausteen, Magnet. der Erde, 1819. стр. 71; Gauss, Beob. des magnet. Vereins. 1838 стр. 36 — 39; Erman, Physikal. Beob. 1841, стр. 529 — 579), въ Англіи (*Sabine, Report on magnet. Intensity 1838 стр. 43 — 62; Contributions to terrestrial Magnetism 1843*) и во Франціи (*Becquerel, Traité d'Electr. et de Magnét. Т. VII, стр. 354 — 367*), обыкновенно приводятъ замѣченныя на какомъ-нибудь мѣстѣ земнаго шара колебанія къ силѣ, которую я нашелъ на магнитномъ экваторѣ въ сѣверномъ Перу; въ отношеніи къ этой произвольно принятой единицѣ, напряженность магнитной силы въ Парижѣ считается въ 1,348. Гораздо древнѣе наблюденій адмирала Росселя, наблюденія *Ламанона*, произведенныя имъ во время несчастной Экспедиціи *Лаперуза*, въ промежутокъ времени между пребываніемъ на Teneriffe (1785), до прибытія въ Макао (1787), присланные имъ въ Академію. Извѣстно навѣрное (*Becquerel, томъ VII, стр. 320*), что уже въ іюль 1787 они находились въ рукахъ Кондорсе; не смотря на всѣ старанія они однакожъ донынѣ не отысканы. У капитана Дюперре есть копія съ одного очень-важнаго письма Ламанона къ тогдашнему непремѣнному Секретарю Академіи, неупомянутаго въ Voyage de Lapérouse. Тамъ именно сказано: «que la force attractive de l'aimant est moindre dans les tropiques qu'en avançant vers les poles, et que l'intensité magnétique déduit du nombre des oscillations de l'aiguille de la boussole d'inclinaison change et augmente avec la latitude.» Если бы Академія Наукъ, до предполагаемаго тогда возвращенія несчастнаго Лаперуза, считала себя въ правѣ, вѣченіе 1787 года публиковать истину, открытую тремя, незнавшими другъ друга путешественниками, однимъ послѣ другаго, то теорія земнаго магнетизма обогатилась бы новымъ классомъ явленій 18-ю годами ранѣе. Это простое описаніе явленій, можетъ-быть, въ нѣкоторой степени оправдываетъ замѣчаніе, помѣщенное въ третьемъ томѣ моего Relation historique (стр. 615): «Les observations sur les variations du magnétisme terrestre auxquelles je me suis livré pendant 32 ans au moyen d'instrumens comparables entre eux en Amerique, en Europe et en Asie, embrassent, dans les deux hémisphères, depuis les frontières de la Dzungarie chinoise jusque, vers l'ouest, à la Mer du Sud qui baigne les côtes du Mexique et du Pérou, un espace de 188° de longitude, depuis les 60° de latitude nord jusqu'aux 12° de latitude sud. J'ai regardé la loi du décroissement des forces magnétiques, du pôle à l'équateur, comme le résultat le plus important de mon voyage américain.» Хотя не совсемъ достоверно извѣстно, но очень вѣроятно, что Кондорсе прочелъ письмо Ламанона отъ іюля 1787 года въ одномъ изъ засѣданій парижской Академіи Наукъ; такое простое чтеніе я считаю за настоящее обнародованіе (*Annuaire du Bureau des Longitudes*

1842 стр. 463). По этому первенство открытія закона безспорно принадлежить спутнику Лаверуза; но законъ измѣненія напряженности земнаго магнетизма, съ перемѣною широты, остававшійся долгое время забытымъ, занялъ свое мѣсто въ наукѣ, какъ я смѣю думать, только послѣ обнародованія наблюдений, произведенныхъ мною съ 1798 до 1804 годъ. Предметъ и длинота этого замѣчанія не покажутся странными тѣмъ, кто знакомъ съ новѣйшею исторіею магнетизма, и сомнѣніями, которыя она породила, и по опыту, знаетъ, что труды, которыми человекъ занимался цѣлыя пять лѣтъ непрерывно, не смотря на затрудненія тропическаго климата и отважность горныхъ путешествій, чего нибудь да стоятъ.

30. Maximum напряженности на всей земной поверхности по собраннымъ доселѣ наблюдениямъ составляетъ 2,052, а minimum — 0,706. Оба явленія замѣчены на южномъ полушаріи: первое подъ 73° 47' южной широты и 169° восточной долготы, на З.С.З. (WNW) южнаго магнитнаго полюса, въ той точкѣ, гдѣ капитанъ Джемсъ Россъ нашелъ наклоненіе стрѣлки = 87° 11' (*Sabine, Contributions to terrestrial Magnetism. 1843 № 5, стр. 231*); второе, замѣченное Эрманомъ, подъ 19° 59' южной широты и 37° 24' западной долготы, въ 80 миляхъ къ востоку отъ Бразильскаго берега провинціи Espiritu Santo (Erman, Phys. Beob. 1841 стр. 570) въ той точкѣ, гдѣ наклоненіе составляетъ только 7° 55'. Слѣдовательно, напряженности отнѣсая другъ къ другу какъ 1 къ 2,906. Долгое время думали, будто самая сильная напряженность земнаго магнетизма только въ два съ половиною раза больше самой слабой, являющейся на поверхности нашей планеты (*Sabine, Report on magn. Intensity, стр. 82*).

31. О янтарѣ (*succinum, glassum*) Плиніи въ XXXVII, 3, говоритъ: «Genera ejus plura. Attritu digitorum accepta calorіs anima trahunt in se paleas ac folia arida quæ lævia sunt, ac ut magnes lapis ferri ramenta quoque». (Plato in Timæo стр. 80; Martin, Etudes sur le Timée, T. II, стр. 343 — 346; Strabo XV стр. 703. Casaub.; Clemens Alex. Strom. II, стр. 370, гдѣ находится довольно странное различіе между τὸ σοῦχλον и τὸ ἤλεκτρον). Если Фалесъ въ Аристот. De anima I, 2 и Гленій въ Diog. Laertio I, 24 приписываютъ магниту и янтарю душу, то это одушевленіе есть не что иное какъ намекъ на движущее начало.

32. «Магнитъ притягиваетъ желѣзо, какъ янтарь — самыя малыя горчичныя зерна. Какъ бы дуновеніе вѣтра таинственно пробѣгаетъ чрезъ нихъ и сообщается имъ мгновенно.» Эти слова принадлежатъ Куо-фо, Китайскому панегиристу магнита, писателю, который жилъ въ началѣ четвертаго столѣтія (Klaproth, Lettre à M. A. de Humboldt, sur l'invention de la boussole, 1834 стр. 125).

34. «The phenomena of periodical variations depend manifestly on the action of solar heat, operating probably through the medium of thermo electric currents induced on the earth's surface. Beyond this

rude guess—however, nothing is as yet known of the physical cause. It is even still a matter of speculation, whether the solar influence be a principal, or only a subordinate cause in the phenomena of terrestrial magnetism. (Observ. to be made in the Antarctic Exped. 1840 стр. 35).

34. Барловъ, въ Philosoph. Transact. for 1822, страница 1 и 117; Сиръ Давидъ Брюстеръ, Treatise on Magnetism стр. 129. Задолго до Джиберта и Гаука уже было сообщено въ китайскомъ сочиненіи У-ца-цу, что эоидъ ослабляетъ направляющую силу магнитной стрѣлки (Кларпотъ, Lettre à M. A. de Humboldt, sur l'invention de la boussole, стр. 99).

35. См. сочиненіе on Terrestrial Magnetism въ Quart. Review, 1840 Vol. LXVI, стр. 271 — 312.

36. Въ то время, когда я сдѣлалъ первое предложеніе объ учрежденіи этихъ обсерваторій (сѣти станцій, снабженныхъ сравнительными инструментами), я не смѣлъ надѣяться дожить до того времени, когда оба полушарія, благодаря совокупной дѣятельности превосходныхъ физиковъ и астрономовъ, а болѣе всего постоянному покровительству двухъ правительствъ, Россійскаго и Великобританскаго, покроятся *магнетическими обсерваторіями*. Въ 1806 и 1807 гг. я съ своимъ другомъ и сотрудникомъ господиномъ *Ольтмансомъ* наблюдалъ въ Берлинѣ движеніе стрѣлки, въ особенности во время солнцестоянія и равноденствія, въ продолженіе отъ 5 до 6 дней и столькихъ же ночей непрерывно часть за часомъ, и часто каждые полчаса. Я убѣдился, что рядъ непрерывныхъ наблюденій, (*observatio perpetua*), производимыхъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, должно предпочесть отдѣльно производимымъ наблюденіямъ въ продолженіи многихъ мѣсяцовъ. Магнетическій телескопъ Пронн, повѣшенный, подъ стекляннымъ колпакомъ, на некрученной ниткѣ давалъ возможность измѣрять углы въ семь или восемь секундъ на поставленномъ вдали, нѣлко раздѣленномъ, во время ночи лампами освѣщенномъ кружкѣ. Уже въ это время *магнетическія возмущенія* (буря), которыя повторялись иногда въ продолженіи многихъ одна за другою слѣдующихъ ночей, въ одѣ и тѣ же часы, побудили меня выразить живое желаніе, чтобы подобные инструменты были поставлены на Западъ и Востокъ Берлина; для того, чтобы можно было различать общія явленія земнаго магнетизма, отъ возмущеній, происходящихъ въ не одинаково согрѣтой земной корѣ, или въ атмосферѣ, гдѣ образуются облака. Мой отъѣздъ въ Парижъ и политическія тревоги, потрясавшія въ то время всю западную Европу, воспрепятствовали исполненію этой мысли. Великое открытіе сдѣланное въ 1820 *Эрстедомъ*, которое пролило свѣтъ на внутреннюю связь между электричествомъ и магнетизмомъ, наконецъ обратило всеобщее вниманіе на періодическія измѣненія электромагнетическаго напряженія земнаго шара. *Араго*, который за нѣсколько лѣтъ до того началъ длинный, непрерывный рядъ извѣстныхъ часовыхъ наблюденій, посредствомъ превосходнаго компаса отклоненія Гамби, сравнивая свои на-

блюденія съ наблюденіями производимыми въ то же время въ Казань, доказалъ, какую выгоду можно извлечь изъ измѣреній соответственныхъ отклоненій. Возвратясь въ Берлинъ, послѣ осемнадцати-лѣтняго пребыванія во Франціи, осенью 1828 г. я устроилъ небольшую магнетическую обсерваторію, въ намѣреніи продолжать наблюденія, начатыя въ 1806 году, но главное для того, чтобъ учредить сѣть наблюденій въ извѣстные часы въ Берлинѣ, Парижѣ и Фрейбергѣ (въ глубинѣ 35 сажень подь поверхностью земли). Одновременность возмущеній и параллелизмъ движеній стрѣлки, въ октябрь и ноябрь 1829 г. были тогда изображены графически (Poggend. Annalen, часть XIX, стр. 357, табл. I — III). Предпринятая въ 1829 г. по приказанію Россійскаго Императора экспедиція въ сѣверную Азію, доставила мнѣ случай привести въ исполненіе планъ свой въ обширныхъ размѣрахъ. Этотъ планъ былъ развитъ комиссіею, назначенною Россійскою Императорскою Академіею Наукъ; благодаря покровительству Начальника Горнаго Корпуса, Графа *Канкрин*, и усердному содѣйствію Профессора *Кунфера*, магнетическія станціи были устроены отъ Николаева чрезъ Екатеринбургъ, Барнаулъ и Нерчинскъ до Пекина. Въ лѣтописяхъ науки 1832 годъ составляетъ эпоху, когда знаменитый основатель всеобщей теоріи земнаго магнетизма, *Фридрихъ Гауссъ*, поставилъ на Геттингенской Обсерваторіи приборы, построенные по новымъ началамъ. Магнетическая обсерваторія была кончена въ 1834 г. и въ томъ-же году (Resultate der Beob. des magnetischen Vesens im Jahr 1838, стр. 135 и Poggend. Annalen, часть XXXIII, стр. 426). Гауссъ при содѣйствіи остроумнаго физика *Вильгельма Вебера*, познакомилъ большую часть Германіи, Швеціи и всей Италии съ своими инструментами и своею методою. Вотъ зародыщъ того магнетическаго общества, котораго центръ въ Геттингенѣ. Начиная съ 1836 г. общество назначило четыре дня въ году, когда продолженіе 24-хъ часовъ должны производиться наблюденія, но эти эпохи не согласуются съ срочными сутками, которые принимаю я (равноденствій и солнцестолній). До того времени Великобританія, обладающая всемірною торговлею и обширѣйшимъ мореплаваніемъ, не принимала никакого участія въ движеніи, котораго результаты общали съ 1828 года подвигнуть впередъ науку о земномъ магнетизмѣ. Приглашеніе сдѣланное мною изъ Берлина, въ апрѣлѣ 1836 года, президенту королевскаго общества ученыхъ, Герцогу Суссекскому, (Lettre de Mr. Humboldt à S. A. R. le duc de Sussex, sur les moyens propres à perfectionner la connaissance du magnétisme terrestre par l'établissement des stations magnétiques et d'observations correspondantes,) увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Въ письмѣ своемъ я настаивалъ на то, чтобы постоянныя обсерваторіи были учреждены въ Канадѣ, на островѣ Св. Елены, на Мысѣ Доброй Надежды, на Иль де-Франсе, въ Цейлонѣ, и въ Новой Голландіи, пунктахъ, которыхъ важность я указалъ за пять лѣтъ до этого. Королевское Общество назначило особый коми-

теть, который предложил правительству 1) учредить постоянныя магнетическія обсерваторіи въ обѣихъ полушаріяхъ; 2) назначить экспедицію къ южному полюсу. Извѣстно сколько въ этомъ отношеніи наука обязана благородному содѣйствію Серъ Джона Гершеля, Себина, Айри и Клонда, а также покровительству British Association for the advancement of science, собиравшемуся въ Ньюкестлѣ въ 1838 году. Въ июнѣ 1839 было рѣшено послать экспедицію къ южному полюсу, и начальство надъ нею было поручено капитану Джемсу Кларкъ-Россу. Эта экспедиція блистательно окончила свое дѣло; она обогатила науку множествомъ географическихъ открытій, и результатами наблюдений, произведенныхъ въ одно время въ осми или десяти магнетическихъ станціяхъ.

37. Въмѣсто того, чтобы считать причиною теплоты внутренности земнаго шара, переходъ матеріи изъ газообразно облачнаго состоянія въ твердое, Амперъ приписываетъ это явленіе, продолжительному химическому дѣйствію ядра, состоящаго будто-бы изъ металловъ земель и щелочей, на окисленную уже кору земли. «On ne peut douter, говорить онъ въ своей *Théorie des phénomènes électrodynamiques*, (1826 стр. 199) qu'il existe dans l'intérieur du Globe des courants electro-magnétique et que ces courants sont la cause de la chaleur qui lui est propre. Ils naissent d'un noyau métallique central composé des métaux que sir Humphry Davy nous a fait connaître, agissant sur la couche oxydée qui entoure le noyau.

38. Замѣчательное соотношеніе между кривизнами магнетическихъ линій и мѣрами изотермами было открыто сэръ Давидомъ Брюстеромъ; см. *Trans. of the Royal Society of Edinburg*, часть IX, 1821 стр. 318; и *Traité de Magnétisme*, 1837, стр. 42, 44, 47 и 268. Брюстеръ принимаетъ два полюса холода (poles of maximum cold) въ сѣверномъ полушаріи, одинъ въ Америкѣ на пересѣченіи 73° широты и 102° западной долготы, близъ мыса Вокера; другой въ Азій 73° шир. и 78° восточной долг. По его мнѣнію существуютъ два меридіана наибольшаго зноу, и два другіе меридіана наибольшаго холода. Уже въ шестнадцатомъ столѣтіи, Акоста писалъ, что по землѣ находятся четыре линіи безъ уклоненія, основываясь на замѣчаніяхъ одного очень опытнаго португальскаго мореходца. (*Historia natural de les Indias*, 1589, кн. 1 глава 17). Это мнѣніе, какъ кажется, было не безизвѣстно Галлею, основателю теоріи о четырехъ магнитныхъ полюсахъ, по-крайней-мѣрѣ суля по спорамъ Генри Бонди (автора *Longitude found 1676*) съ Бекборо. См. *Examen critique de l'hist. de la Géographie*, Т. III, стр. 60.

39. Галлей въ *Philos. Trans. V. XXIX*, стр. 1714 — 1716 № 341.

40. Дове въ *Poggend. Annal. Ч. XX*, стр. 341; Ч. XIX, стр. 386. Стрѣлка отклоненія почти тоже, что воздушный электрометръ, котораго отклоненіе показываетъ возрастающее напряженіе электричества, прежде нежели это напряженіе достигаетъ той степени силы, при которой оно

обнаруживается искрою (шолніею). Смот. также остроумныя мнѣнія Кемпе въ его *Lehrbuch der Meteorologie*, часть III, стр. 511 — 519; Сэръ Давидъ Брюстеръ, *Treatise on Magnétisme*, стр. 380. О магнетическихъ свойствахъ пламени или блестящихъ дугъ, производимыхъ Бузенскою, угольно-цинковою батареею, смотри *Casselmann's Beobacht.* (Magburg 1844, стр. 56 — 62).

41. Аргеландеръ, въ запискѣ о сѣверномъ сіяніи, присоединенной къ донесенію читанному въ Физико-Экономическомъ Кенигсбергскомъ обществѣ, томъ I 1834, стр. 257 — 264.

42. Результаты наблюденій *Лоттена*, *Брава* и *Сильверстрема*, проведенныхъ зиму въ Бозекопѣ на берегахъ Лапландіи (подъ 70° широты) и видѣвшихъ, втеченіе 210 ночей, 160 сѣверныхъ сіяній, помѣщены въ *Comptes rendus de l'Acad. des Sciences*, Т. X, стр. 289, и въ *Météorologie* Мартена 1843, стр. 453, *Аргеландеръ* въ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ Кенигсбергскомъ обществѣ. Т. I, стр. 259.

43. Джонъ *Франклинъ*, *Narrative of a journey to the shores of the Polar Sea in the years 1819 — 1822*, стр. 552 — 597; *Тинеманъ* въ *Edinburgh. Philos. Journal*. Vol. XX, стр. 366; Фаркварсонъ, тамъ же, Vol. VI, стр. 392; Врангель, *Phys. Beob.* стр. 59. *Парри* видѣлъ даже днемъ большую дугу сѣвернаго сіянія; *Journal of a second Voyage, performed in 1821 — 1823*, стр. 156. Нѣчто подобное было замѣчено въ Англіи 9-го сентября 1827 г. Среди бѣлаго дня видна была свѣтлая дуга вышиною въ 20° и свѣтящаяся подымающаяся изъ нея столбы въ той части неба, которая прояснилась по окончаніи дождевой тучи. *Journal of the Royal Institution of Gr. Britain* 1828 г. января, стр. 429.

44. По возвращеніи моемъ изъ Америки я описалъ тонкія, какъ будто дѣйствіемъ отталкивающихъ силъ, очень равномерно перерванныя кучки облаковъ (*cirrocumulus*), подъ именемъ *полярныхъ полосъ* (*bandes polaires*); я далъ имъ это названіе, потому что точка, гдѣ сходилась перспективно эти полосы, сначала совпадала съ магнитнымъ полюсомъ, такъ что параллельные ряды хлопьевъ шли по направленію магнитнаго меридіана. Другою особенностію этого загадочнаго феномена было слѣдующее: точка, гдѣ сходились эти полосы, попеременно то возвышалась, то понижалась; въ другое время она постоянно подвигалась впередъ. Обыкновенно, полосы образуются только въ одной части неба, и ихъ движеніе сначала бываетъ направлено отъ юга къ сѣверу, а потомъ постепенно отъ востока къ западу. Мнѣ кажется невозможнымъ приписывать это подвиганіе впередъ поясовъ измѣненіямъ воздушныхъ токовъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Эти полосы находятся въ совершенномъ покоѣ, когда воздухъ чистъ и погода весьма ясная; это случается гораздо чаще подъ тропиками, чѣмъ въ умѣренномъ и холодномъ поясахъ. Я наблюдалъ такое явленіе на Андской цѣпи, почти подъ экваторомъ, на высотѣ 14000 фу-

товъ, и въ сѣверной Азии въ равнинахъ Красноярска, на югѣ отъ Бухтарминска, и каждый разъ оно развивалось такъ правильно, что не возможно отрицать, чтобы въ немъ не принимали участія всеобщія, далеко распространенныя силы природы. См. важныя замѣчанія *Кельма* (*Vorlesungen über Meteorologie*, 1840, стр. 146; 1840, стр. 146), и новѣйшія замѣчанія Мартена и Бравэ (*Météorologie* 1843, стр. 117). Араго замѣтилъ въ Парижѣ южныя полярныя полосы, состоявшія изъ весьма тонкихъ облаковъ, 23-го іюня, 1844 г. и *темные* лучи, которые выходили изъ дуги, образовавшейся въ направленіи отъ востока къ западу.

45. Жители Шетландскихъ острововъ называютъ сѣверное сіяніе the merry dancers. Кендалъ въ *Quarterly Journal of Science, new Series, Vol. IV*, стр. 395.

46. Смотри превосходное сочиненіе *Мюллера* въ новомъ изданіи *Gehler's Physik. Wörterbuch*. Часть VII, стр. 113—268, и въ особенности стр. 158.

47. *Фаркварсонъ* въ *Edinb. Philos. Journal*, Vol. XVI, стр. 304; *Philos. Transact. for 1829*, стр. 113.

48. *Кельма*, *Lehrbuch der Meteorologie*. Т. III, стр. 498 и 501.

49. Смотри *Араго* о сухихъ туманахъ, которые въ 1783 и 1831 годахъ, свѣтились ночью, въ *Annuaire du Bureau des Longitudes* 1832, стр. 246 и 250; и объ особенныхъ явленіяхъ свѣта въ облакахъ безъ дождя, смотри *Notices sur le Tonnerre* въ *Annuaire pour l'an 1838*, стр. 279 — 285.

50. *Герод.* IV, 28. Древніе утверждали (Плн. II, 80), будто Египетъ не подверженъ землетрясеніямъ; это опровергается тѣмъ что египтяне были поставлены въ необходимость возстановить колесъ Мемнона (*Letronne, La Statue vocale de Memnon* 1833, стр. 25 — 26). Справедливо однакожъ, что Нильская долина лежитъ внѣ круга потрясенія Византии, Архипелага и Сиріи (*Идемаръ*, ad Aristot Meteor, стр. 584).

51. *Сенъ-Мартенъ* въ ученыхъ замѣчаніяхъ на Лобо, *Hist. du Bas-Empire*. Т. IV, стр. 401.

52. *Гумбольдта*, *Asie centrale*, Т. II, стр. 110 — 118. О различіи между потрясеніями земной поверхности и лежащихъ подъ нею слоевъ, см. *Гь-Люссакъ*, въ *Annales de Chimie et de Physique*, томъ XXII стр. 429.

53. Tutissimum est cum vibrat crispante ædificiorum ægerim; et cum intumescit assurgens alternoque motu residet, innoxium et cum concurrentia tecta contrario iectu arietant; quoniam alter motus alteri reniunt. Undantis inclinatio et fluctus more quadam volutatio infesta est, aut cum in unam partem totus se motus impellit. Plin. II, 82.

54. Даже въ Италіи начинаютъ постигать независимость землетрясеній отъ метеорологическихъ явленій, и отъ *вида*, который небо имѣетъ передъ потрясеніями. Численныя данныя Фридриха *Гюффмана* совершенно согласны съ опытами Палермскаго Аббата Шина; см. Немертвныя сочиненія Гюффмана, часть II, стр. 366—375. Я самъ замѣчалъ нѣсколько

разъ красноватый туманъ, подымавшійся незадолго передъ землетрясеніемъ такъ, 4 ноября 1799 года я почувствовалъ два значительныя потрясенія въ одно время съ сильнымъ громовымъ ударомъ (Relation hist. кн. IV, глава 10); Туринскій Физикъ *Вазалли Банди* видѣлъ, что Вольтовъ электрометръ во время долго продолжавшагося Пиньерольскаго землетрясенія (отъ 2 го апрѣля до 17 мая 1808 г.) сильно колебался (Journal de Phys. T. LXVII, стр. 291). Но туманы, внезапныя измѣненія воздушнаго электричества и безвѣтрія, не находятся въ необходимой связи съ землетрясеніемъ; несправедливо было-бы ихъ приписывать какое-нибудь значеніе; потому что въ Кито, Перу, Чили, въ Канадѣ и Италіи замѣчали также много землетрясеній, какъ при самой ясной, совершенно безоблачной погодѣ, такъ и при самомъ свѣжемъ, какъ береговомъ такъ и морскомъ вѣтрѣ. Но соглашаясь, что землетрясенія, не бываютъ ни предшествуемы ни предвозвѣщаемы никакимъ метеорологическимъ знакомъ, даже въ тотъ самый день, когда они происходятъ, не должно при всемъ томъ отвергать нѣкоторыхъ народныхъ вѣрованій, которыя приписываютъ вліяніе на нихъ временамъ года (весеннія и осеннія равноденствія) появленіе дождя послѣ долгой засухи подъ тропиками, и перемѣнъ муссоновъ, потому что связь процессовъ метеорологическихъ съ процессами, происходящими во внутренности земной коры, донынѣ мало еще извѣстна. Численныя изслѣдованія о раздѣленіи землетрясеній по различію временъ года, сдѣланныя съ большою точностью Гоффомъ, Петромъ Меріаномъ и Фридрихомъ Гоеманомъ, доказываютъ, что землетрясеніе чаще случается въ эпохи равноденствій. Странно, что *Плиній* въ концѣ своей фантастической теоріи землетрясеній называетъ это страшное явленіе *подземною зривою*; но еще любопытнѣе причины, по которымъ онъ употребляетъ это странное названіе. Онъ находитъ сходство между этими двумя явленіями грохотанія, такъ часто сопутствующаго землетрясеніямъ, сколько потому что упругія силы, возрастающія своимъ напряженіемъ потрясающія землю, скопляются во внутреннихъ пространствахъ земли, когда ихъ нѣтъ въ атмосферѣ! *Ventos in causa esse non dubium reor. Neque enim unquam intremiscunt terræ, nisi sopito mari cæloque adeo tranquillo, ut volatus avium non pendeant, subtracto omni spiritu qui vehit; nec unquam nisi post ventos conditos scilicet in venas et cavernas ejus occulto afflatu. Neque aliud est in terra tremor, quam in nube tonitruum; nec hujus aliud quam cum fulmen erumpit, incluso spiritu Inctante et ad libertatem exire nitenti.* (Plin. II, 79). Впрочемъ у *Сенеки* (Nat. Quæst. VI, 4—31) довольно сильно развитъ зародышъ всего, что до нашего времени было замѣчено и наговорено относительно причинъ землетрясенія.

ни до землетрясений, ни послѣ ихъ не возмущается, приведенъ мною въ Rel. hist., томъ I, стр. 311 и 513.

56. *Гумбольдтъ*, Rel. hist., томъ I, стр. 515 — 517.

57. О Ганахуатскихъ *bramidos*, смотри мой *Essai politique sur la Nouvelle Espagne*, томъ I, стр. 303. Подземное грохотаніе безъ примѣтнаго потрясенія въ глубинѣ рудниковъ, и на поверхности земли (городъ Ганахуато лежитъ въ 6420 ф. надъ уровнемъ моря) не было слышно на близкой сплошной возвышенности, а только въ горной части *Cierrry* отъ *Cuesta de los Aguilares*, неподалеку отъ Марфиля, до сѣверной части *Santa Rosa*. Звучныя волны не достигли до нѣкоторыхъ областей *Cierrry* находящихся въ 6 или 7 миляхъ отъ Ганахуато, вблизи источника кипящей воды Санъ-Хосе де Команильясъ. Трудно представить себѣ какія мѣры были приняты правителями этого цевтра произведеній промышленности, въ то время, когда ужасъ наведенный на жителей, подземнымъ громомъ достигъ высшей степени. «Семейство, которое бѣжитъ изъ города заплатитъ 1000 піастровъ штрафу, если оно богато, а бѣдное подвергнется двухъ-мѣсячному заключенію въ тюрьму. Миліція предписывается возвращать бѣгущихъ». Замѣчательнѣе всего самоувѣренность правительства (*el Cabildo*); вотъ что я прочиталъ въ одной изъ прокламацій (*Proclames*): «Правительство, въ своей мудрости (*en su Sabiduria*) предвидѣло-бы дѣйствительную опасность; и тогда само предложило бы жителямъ искать спасенія въ бѣгствѣ; покуда оно считаетъ достаточнымъ продолжать крестные ходы.» Сдѣлался голодъ, потому, что жители плоской возвышенности опасаясь «*truenos*» перестали подвозить хлѣбъ. — И древнимъ также было извѣстно подземное грохотаніе, безъ потрясеній; *Aristot. Meteor. II*, стр. 802, *Plin. II*, 80. Странное грохотаніе, слышанное отъ марта 1822 г. до сентября 1824 г. на Далматскомъ островѣ Меледѣ (въ 4 миляхъ отъ Рагузы) и удовлетворительно описанное Парчемъ, иногда, однакожъ, сопровождалось потрясеніями земли.

58. *Дрексъ*, *Nat. and statist. View of Cincinnati*, стран. 232, и 238; *Мигель* въ *Transactions of the Litt. and Philos. Soc. of New-York*, Vol. I, стр. 281 — 308. Въ Пивьеролѣ вода въ сосудахъ находилась въ движеніи и продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

59. По-испански: *gocas que hacen ruente*. Эти совершенно иѣстныя перемены потрясеній, передаваемыхъ высшими слоями земной коры, имѣютъ нѣкоторую аналогію съ замѣчательнымъ явленіемъ, замѣченнымъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Саксонскихъ рудникахъ: въ глубокихъ серебряныхъ рудникахъ Маріенбургскихъ, въ Саксонскихъ рудныхъ горахъ, были ошущаемы сильныя землетрясенія, тогда какъ на поверхности земли не было и слѣдовъ ихъ. На оборотъ, въ ноябрѣ 1823 года, работавшіе въ Фалунскихъ и Перебергскихъ рудокопняхъ люди не замѣти-

ли тѣхъ сильныхъ потрясеній, которые привели въ ужасъ всѣхъ жителей на поверхности земли.

60. *Серъ Александръ Борнессъ*, *Travels into Bokhara, Volume I*, стр. 18; и *Ваатенъ*, *Mem. on the Usbek State* въ *Journal of the Asiatic Soc. of Bengal, Vol. III*, стр. 337.

61. *Philos. Transact. Vol. XLIV*, стр. 414.

62. О частомъ повтореніи землетрясеній въ Кашмирѣ, смотри *Тройероузъ* переводъ древняго Раджатарангини, часть II, стр. 297, и *Reisen* Карла *Гювеля*, часть II, стр. 184.

63. *Страбонъ lib. I*, стр. 100, *Casaub.* Что выраженіе *πυλὸς διαίψου ποταμῦ* означаетъ не глян (изверженіе пла) а лаву, доказываетъ одно мѣсто изъ Страбона, *lib. VI*, стр. 412. Сравни. *Walter über Abnahme der vulkanischen Thätigkeit in historische Zeiten*, 1844, стр. 25.

64. См. превосходное твореніе Бишофа. *Wärmelchre des inneren Erdkörpers.*

65. Объ артезіанскихъ огненныхъ колодцахъ (Го-тчингъ) въ Китаѣ и о древнемъ употребленіи носимаго въ бамбуковыхъ тростяхъ газа въ горѣ Хіунгъ-тчеу, смотри Клапрота въ моей *Asie centrale*, томъ II, стр. 519 — 530.

66. *Буссенго* (*Annales de Chimie, Томъ LII*, страница 181) не замѣтилъ соляной кислоты въ газахъ, изверженныхъ вулканами Новой Гренады, между тѣмъ какъ *Монтцигелли*, при изверженіяхъ Везувія въ 1813 году нашелъ ее въ огромномъ количествѣ.

67. *Гумбольдтъ*, *Recueil d'Observ. astronomiques, T. I*, стр. 311 (*Nivellement barométrique de la Cordillère des Andes № 206*).

68. *Адольфъ Броньяръ* въ *Annales des Sciences naturelles*, томъ XV, стр. 225.

69. *Бишофъ* въ упомянутомъ сочиненіи, стр. 324, прим. 2.

70. *Гумбольдтъ*, *Asie centr.*, томъ I, стр. 43.

71. О теоріи *исовотермовъ* (хтонисотермовъ) смотри остроумныя изслѣдованія *Кунфера* въ *Poggend. Annalen, Voyage dans l'Oural*, стр. 382 — 398 и въ *Edinb. Journal of Science, new Series, Vol. IV*, стр. 355. Смотри *Кельца Lehrb. der Meteor, Ч. II*, стр. 217, и о поднятіи хтонисотермовъ въ горныхъ странахъ, *Бишофа*, стр. 174 — 198.

72. *Леопольдъ фонъ Бухъ* въ *Poggend. Ann. Ч XII*, с. 405.

73. Температура дождевыхъ капель въ Куманѣ, имѣла 22,°3 въ то время, когда температура воздуха, за нѣсколько минутъ до того равнялась 30° — 31° и во время дождя показывала 22°,4; смотри мое *Relat. hist.*, Т. II, стр. 22. Первоначальная температура дождевыхъ капель, зависитъ отъ высоты облачнаго слоя и отъ количества теплоты, которую солнечные лучи сообщили верхней его поверхности; но эта температура измѣняется во время паденіе дождя. Когда пары начинаютъ образо-

ваться въ капли, то по причинѣ освобожденія скрытаго теплорода, они имѣютъ температуру высшую, противу окружающей ихъ средней температуры верхнихъ слоевъ атмосферы: падая, онѣ проходятъ сквозь свои воздуха болѣе теплые; становятся теплѣ сами и увеличиваются въ объемѣ, стущая водяные пары, заключающіеся въ этихъ слояхъ; (Bischof, *Wärmehlehre des inneren Erdkörpers*, стр. 73); но это разгоряченіе съ другой стороны ослабляется потерей теплорода чрезъ испареніе самыхъ капель. Охлажденіе атмосферы во время дождя (не принимая въ расчетъ того, что вѣроятно, составляетъ принадлежность электрическаго процесса совершающагося во время дождей при грозахъ) можно приписать первоначально низкой температурѣ, приобретенной каплями въ высшихъ слояхъ атмосферы, далѣе холодности верхнихъ слоевъ воздуха, увлекаемаго этими каплями, и наконецъ испаренію увлажненной земли. Таковъ обыкновенный ходъ явленія и если въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ дождевыя капли бываютъ теплѣ (*Гумбольдтъ*, *Rel. hist.* Т. III, стр. 513) нижняго, окружающаго ихъ воздуха, то причины этого, кажется, надобно искать въ существованіи верхнихъ теплыхъ токовъ или въ большемъ согрѣваніи *солнечными лучами* не густыхъ, но далеко растянутыхъ облаковъ. Араго очень остроумно объясняетъ (въ *Annaire pour 1836*, стр. 300) связь между величиною и увеличеніемъ объема дождевыхъ капель съ явленіемъ дополнительныхъ радугъ. Это ученое изслѣдованіе показываетъ, какъ оптическій феноменъ, точно изслѣдованный, можетъ пояснить намъ самые трудные метеорологическіе вопросы.

74. По основательнымъ изслѣдованіямъ Буссенго, кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что температура земли подъ тропиками въ очень незначительныхъ глубинахъ вообще равна средней температурѣ воздуха. Я считаю достаточнымъ привести здѣсь слѣдующіе примѣры:

Мѣста въ тропическомъ поясъ, гдѣ производились изслѣдованія.	1 футъ подъ поверхностію земли.	Средняя температура воздуха.	Высота надъ поверх. моря, выраженная въ Париж. футахъ.
Гахакиль.....	26°,0	25°,6	0
Ансерма нуево.....	23°,7	23°,8	3231
Зупія.....	21°,5	22°,5	3770
Попаянъ.....	18°,2	18°,7	5564
Кито.....	15°,5	15°,5	8969

Сомнѣнія о теплотѣ земли подъ тропиками, къ которымъ, можетъ быть, я самъ подаю поводъ своими наблюденіями въ пещерѣ Карине (Смечу

del Guacharo) (Rel. hist., томъ II, стр. 191—196), исчезаютъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что я сравнивалъ предполагаемую среднюю воздушную температуру монастыря Карпе (подъ 18°,5) не съ *воздушною температурою* пещеры (18°,7) а съ *температурою подземнаго русла* (16°,8); впрочемъ я уже самъ сказалъ (Rel. hist., Т. III, стр. 146 и 194), что воды, текущія съ горъ, легко могли смѣшаться съ водами пещеры.

75. *Буссенго* въ *Annales de Chimie*, томъ LII, стр. 181. Температура водъ въ источникѣ *Chaudes-Aignes* въ Оверни только 80°. Надобно также замѣтить, что *Aguas calientes de las Trincheras* на югѣ отъ *Портокабеджо* (Венецуелы), вытекающія изъ трещинъ гранита, вдали отъ всѣхъ вулкановъ, имѣютъ ровно 97° теплоты, между тѣмъ, всѣ какъ источники на склонахъ еще дѣйствующихъ вулкановъ (*Пасто*, *Котопахи* и *Тунгурага*) имѣютъ температуру только отъ 36°—54°.

76. Кассотисъ (колодезь Святаго Николая) и Кастальскій источникъ (при подошвѣ *Федриаль*) описаны у *Павзанія* X. 24,5 и X. 8,9; *Пирена* (*Акрокерингозъ*) у *Страбона*, стр. 379; *Еразинскій* источникъ (на горѣ *Хаонъ* къ югу отъ *Аргоса*) у *Геродота* VI, 67 и *Павзан.* II, 24,7; источникъ *Едемось* (въ *Евбеѣ*), изъ которыхъ одна имѣютъ 31°, а другіе отъ 62° до 75° теплоты, (*Страбонъ* стр. 60 и 447, и *Атенией* II. 3,73); теплые ключи *термовильскіе* при подошвѣ *Эты*, которыхъ температура 65° въ *Павзон.* X. 21,2. (Изъ рукописи профессора *Курціуса*, ученаго спутника *Отфрида Мюллера*).

77. *Plin.* II, 106; *Seneca*, *Epist.* 79, § 3, изданія *Рукофа.* (*Бюфортъ*, *Survey of the Coast of Caramania* 1820. Статя *Яваръ*, при *Делликташѣ*, древнемъ *Фазелисѣ*, стр. 24). Срав. *Ctesias*, *Fragmen.* гл. 10, стр. 250, изд. *Бера*; *Страбонъ* lib. XIV, стр. 665 *Sasaub.*

78. *Араго* въ *Annuaire pour* 1835, стр. 234.

79. *Acta s. Patricii.* стр. 555, изд. *Рюйнарта*, томъ II, стр. 385, *Мацони.* *Dureau de la Malle* впервые обратилъ вниманіе на это замѣчательное мѣсто въ своихъ *Recherches sur la Topographie de Cartage*, 1835, стр. 276. (Срав. *Seneca*, *Nat. Quæst.* III, 24).

80. *Гумбольдтъ*, *Relation historique* Т. III, стр. 562—567; *Asie centrale*, Т. I, стр. 43, Т. II, стр. 505—515; *Vues des Cordillères*, *Plin.* XLI. О *Macalubi* (по арабски *makhlub*, взрывнутый, отъ корня *khalaba*) и о томъ, какъ «земля извергаетъ жидкую землю», см. *Solinus*, глава 5: *idem ager Agrigentinus eructat limosas scaturigines, et ut venæ fontium sufficiunt rivis subministrandis, ita in hac Siciliae parte, solo nunquam deficiente, æterna rejectatione terram terra evomit.*

81. См. прекрасную небольшую карту острова *Ниспроса* въ *Ross*, *Reisen auf den griechischen Inseln*, Ч. II, 1843, стр. 69.

82. *Леопольда фонъ-Буза*, *Phys. Beschreibung der Canarischen Inseln*, стр. 326; его же über *Erhebungskratero und Vulkane*, въ *Poggend. Ann.*,

часть XXXVII, стр. 169. Уже *Страбонъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ оны упоминаетъ объ отдѣленіи Сициліи отъ Калабріи, очень хорошо различаетъ двоякое образованіе острововъ. «Нѣкоторые острова», говоритъ оны (lib. VI, стр. 258, изд. Casaub.), — «отломки матерой земли; другіе поднялись изъ моря, что еще и теперь случается. Острова открытаго океана (находящіеся вдали отъ материковъ), вѣроятно, были подняты со дна морскаго; напротивъ того находящіеся при мысахъ кажутся (по здравому смыслу) оторванными отъ материка».

83. *Ocrae Fisove* (*Mons Vesuvius*) на древнемъ умбрскомъ языкѣ (*Lassen, Deutung der Eugubinischen Tafeln, im Rhein. Museum 1832, стр. 387*); слово *ocrae*, по всей вѣроятности, чисто умбрское, и означаетъ, даже по *Фесту* *гору*. Этна значила-бы *горящую или свѣтящую гору*, если бы по *Фоссу* *Ἄιτη* былъ греческій звукъ, сродный съ *ai'eo* и *ai'eos*; но остроумный *Парти* сомнѣвается въ греческомъ происхожденіи его по этимологическимъ причинамъ, также потому что Этна во все не служила свѣтящимъ маякомъ для Эллинскихъ моряковъ и путешественниковъ, какъ непрерывно дѣйствующій *Стромболи* (*Strongyle*), (*Odys. XII, 68, 202 и 219*), хотя географическое положеніе этой горы у него показано не совсѣмъ точно. Я думаю, что корня слова Этна, надлежало бы искать въ языкѣ древнихъ *Сикулійцевъ*. По *Діодору* (V, 6), *Сиканцы*, то есть, уроженцы Сициліи (народы, населявшіе островъ до *Сикулійцевъ*) вынуждены были изверженіями Этны, продолжавшимися многіе годы, искать убѣжища въ западной части острова. Древнѣйшее описаніе изверженія Этны находится у *Пиндара* и *Эсхила*; оно случилось при *Геронтѣ*, во 2-мъ году 75 олимпіады. Вѣроятно, *Гезіодъ* имѣлъ свѣдѣнія объ опустошительныхъ изверженіяхъ Этны еще до основанія греческихъ колоній; однакожъ касательно названія *Ἄιτη* въ текстѣ *Гезіода* есть сомнѣнія, о которыхъ я упоминаю въ (*Examen. crit. de la Géogr. T. I, стр. 168*).

84. *Seneca, Epist 79.*

85. *Aelian, Var. hist. VIII, 11.*

86. *Petri Bembi Opuscula (Aetna Dialogus), Basil. 1556, стран. 63:* «quicquid in Aetnae matris utero coalescit, nunquam exire ex cratere superiore, quod vel eo incendere gravis materia non queat, vel, quia inferius alia spiramenta sunt, non fit opus. Despumant flammis urgentibus ignei rivi pigro fluxu totas delambentes plagas, et in lapidem indurescunt».

87. См. мое описаніе вулкана *Хорульо*, его *Hornitos* и поднятаго *ша-пау* въ *Vues des Cordillères*, таблица XLIII, стр. 239.

88. *Humboldt, Essai sur la Géographie des Plantes et Tableau physique des Régions équinoxiales, 1807, стр. 130 и Essai géogn. sur le Gisement des Roches, стр. 321.* Впрочемъ большая часть вулкановъ *Явы* показываетъ намъ, что не отъ устройства, не отъ положенія и не отъ абсолютной высоты вулкановъ зависитъ *совершенный недостатокъ потоковъ лавы*

при продолжающейся внутренней дѣятельности (Леоп. фонъ Бухъ, Descrip. phys. des Canaries, стр. 419; Рейнвартъ и Гоенавъ въ Poggend. Ann., часть XII, стр. 607).

89. См. сравненія мошхъ измѣреній, съ измѣреніями Соссюра и графа Минто въ Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1822 и 1823, стр. 30.

90. Pimelodes Cycloppus, см. Гумбольдта, Recueil d'Observations de Zoologie et d'Anatomie comparée, томъ I, стр. 21—25.

91. Леопольдъ фонъ-Бухъ въ Poggend. Ann., часть XXXVII, стр. 179.

92. О химическомъ происхожденіи желѣзнаго блеску въ вулканическихъ массахъ, см. Mitscherlich въ Poggend. Ann., часть XV, стр. 630. О выхожденіи водородохлорной кислоты изъ кратеровъ, см. Гэ-Люссака въ Annales de Chimie et de Phys., часть XXII, стр. 243.

93. См. прекрасные опыты надъ охлажденіемъ каменныхъ массъ въ Vischof's Wärmelehre, стр. 384, 443, 500 и 512.

94. См. Берзеліуса и Вёлера въ Poggend. Ann., часть I, стр. 221 и и часть XI, стр. 146; Гэ-Люссака въ Annales de Chimie, томъ XXII, стр. 422; Битофа, Reasons against the Chemical Theory of Volcanos въ англійскомъ изданіи его ученія о теплотѣ, стр. 297—309.

95. По геогностическимъ понятіямъ Платона, развитымъ въ Федонѣ, Пирифлегетонъ въ отношеніи къ вулканической дѣятельности играетъ почти ту же самую роль, какую мы нынѣ приписываемъ земной теплотѣ увеличивающейся по мѣрѣ углубленія и расплавленному состоянію внутреннихъ слоевъ земли (Phædon ed. Ast. стр. 603 и 607, прим. стр. 808 и 817). «Внутри земли и вокругъ нея находятся подземные каналы разныхъ величинъ. Вода течетъ тамъ въ изобиліи; также много течетъ и большихъ потоковъ огню и жидкаго ила болѣе или менѣе чистаго; послѣдніе подобны потокамъ грязи, которые въ Сициліи предшествуютъ изверженію огненныхъ потоковъ, и подобно имъ, наводняютъ всѣ встрѣчающіяся имъ на пути мѣста. Пирифлегетонъ изливается въ обширную страну, полную сильнаго огню, и образуетъ тамъ озеро, болѣе, чѣмъ наше море кипящее водою и иломъ. Отселѣ мутный и тинистый, онъ движется вокругъ земли въ видѣ круга». Эта рѣка расплавленной земли и ила составляетъ столь важную *всеобщую* причину вулканическихъ явленій, что Платонъ съ намѣреніемъ присовокупляетъ слѣдующее замѣчаніе: «Таковъ Пирифлегетонъ; въкоторыя малыя части его образуютъ огненные потоки (*δι' ῥύακας*), вырываясь на поверхность земли, *ὡς μακροῦς* бы ни было *μῆστος* (*ὄψη ἀ'υ τικωῖ τῆς γῆς*)». Вулканическія окарины и потоки лавы, по этому,—части самаго Пирифлегетона, то есть, подземной, расплавленной, постоянно *движущейся* массы. А что *ὄψη ῥύακας*

означает потоки лавы, а не «огнедышанція горы», как думают Шнейдеръ, Пассовъ и Шлейермахеръ, видно изъ многихъ частію уже *Ужертво* (*Geographie der Griechen und Römer*, часть II, 1. страница 200) собранныхъ мѣстъ. *Ῥάξ* есть вулканическій феноменъ, разсматриваемый съ самой рѣзкой его стороны, — потокъ лавы; отсюда выраженіе: *ῥάξ*; Этим. Смотри *Aristot. Mirab. Ausc.*, томъ II, стр. 833 sect. 38 Беккеръ; *Фувалдъ III*, 116; *Феофрастъ de Lap.* 22, *Діодоръ V*, 6 и *XIV*, 59, гдѣ замѣчательны слова: «Многіе приморскіе города, находящіеся не вдалекѣ отъ Эты, были разрушены до основанія *ὑπὸ τοῦ καλονομένου ῥάξου*»; *Strabon VI*, стр. 269, *XIII*, стр. 628, и о знаменитомъ *кипищемъ* или Лелантійской равнины на Евбеѣ I, стр. 58, *Casaub*; наконецъ *Аппіана de Bello civili V*, 114. Намѣшка *Аристотеля* (*Meteor. II*, 2, 19) надъ геогностическими фантазіями Федона относится собственно только къ источникамъ рѣкъ, протекающихъ по земной *поверхности*. Въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ Платона изложено странное, но положительное указаніе, что изверженіе грязи предшествуетъ изверженію пламени». Для объясненія этого мѣста должно ли допустить, что рапалли и пепелъ, выброшенные изъ кратера во время вулканическо-электрической бури, смѣшавшись съ растопленнымъ снѣгомъ и дождевою водою, были приняты за *извернутый илъ*; или, что Платонъ, говоря о влажныхъ потокахъ ила (*ὑγροῦ πηλοῦ ποταμοῖ*) воспоминаетъ объ агригентскихъ грязяхъ (сальсахъ), извергающихъ глину при сильномъ грохотаніи, о которыхъ уже упомянуто выше (80 примѣчаніе). Въ этомъ отношеніи очень жаль, что въ числѣ утраченныхъ сочиненій Феофраста погубило и сочиненіе его «О вулканическомъ потокѣ въ Сициліи» (*περὶ ῥάξου τοῦ ἐν Σικελίᾳ*), о которомъ упоминаетъ *Диогенъ Лаэртій*, V, 39.

96. *Леопольда фонъ-Буха*, *Physikal. Beschreib. der Kanarischen Inseln*, стр. 326 и 407. Я сомнѣваюсь, чтобы вмѣстѣ съ Дарвиномъ должно было разсматривать центральные вулканы, какъ вообще образующіе вулканическія цѣпи небольшого протяженія, расположенныя на трещинахъ параллельно (*Geological Observations on the Volcanic Islands 1844*, стр. 127). Уже *Фридрихъ Гофманъ*, изучая группу Липарскихъ Острововъ, которую онъ такъ превосходно описалъ, и въ которой при Панаріи перекрещиваются двѣ трещины изверженія, надѣялся найти въ ней родъ посредствующаго члена, между признаваемыми *Леопольдомъ фонъ-Бухомъ* центральными и рядовыми вулканами (*Poggend. Ann. der Physik*, часть XXVI, стр. 81 и 88).

97. *Гульбольдта*, *Geognostische Beobachtungen über die Vulkane des Hochlandes von Quito*, въ *Poggend. Annalen*, часть XXXIV, стр. 194.

98. *Сенека*, говоря очень мѣтко о догадочномъ пониженіи Эты, замѣчаетъ въ 79-мъ посланіи: «Potest hoc accidere, non quia montis altitudo desedit, sed quia ignis evanuit et minus vehemens ac largus effertur: ob eandem causam, fumo quoque per diem segnore. Neutrum autem incredi-

bile est, nec montem qui devoretur quotidie minui, nec ignem non manere eundem; quia non ipse ex se est, sed in aliqua interna valle conceptus exæstuat et alibi pascitur: in ipso monte non alimentum habet sed viam». (Изд. Рахкоряна, томъ III, стр. 32). Страбонъ признаетъ существованіе подземнаго сообщенія «посредствомъ пустыхъ пространствъ» между вулканами Сицилія, Липари, Питекузы (Ишію) и Везувіемъ, «о которомъ можно предполагать, что онъ прежде горѣлъ и имѣлъ огненное горнило» (lib. I, стр. 247 и 238). Онъ прибавляетъ, что вся страна лежитъ надъ подземнымъ горниломъ.

99. Гумбольдтъ, *Essai politique sur la Nouvelle Espagne*, томъ II, стр. 173 и 175.

100. Объ изверженіи Метоны, смот. *Овидія Metamorph.* XV, 296 и 306.

Est prope Pitheam tumulus Træzæna sine ullis
 Arduus arboribus, quondam planissima campi
 Area, nunc tumulus; nam — res horrenda relatu —
 Vis fera ventorum, sæcis inclusa cavernis,
 Exspirare aliqua cupiens, luctataque frustra
 Liberiore frui cælo, cum carcere rima
 Nulla foret, toto nec pervia flatibus esset,
 Extentam tumefecit humum; ceu spiritus oris
 Tendere vesicam solet, aut direpta bicorni
 Terga capro. Tumor ille loci permansit, et at
 Collis habet speciem, longoque induruit ævo.

Это въ геогностическомъ отношеніи столь важное описаніе колоколообразнаго поднятія, удивительно согласно съ тѣмъ, что пишетъ *Аристотель* (*Meteor.* II, 8, 17 — 19) о поднятіи одного вулканическаго острова изверженія. Землетрясеніе прекращается тогда только, когда вѣтръ, ("авѣмос), причиняющій потрясеніе, прорвется сквозь земную кору. Это случилось недавно въ Гераклеѣ въ Понтѣ, и прежде въ Гіерѣ, одномъ изъ эоійскихъ острововъ. Въ Гіерѣ часть земли вздулась и, поднималась съ грохотомъ въ видѣ холма, до тѣхъ поръ, пока не вырвался изнутри земли сильный вихрь (*пневма*), и не извергъ искръ и пепла, которые покрыли находящійся вблизи городъ Липарейцевъ и достигли даже до нѣкоторыхъ городовъ Италіи». Въ этомъ описаніи періодъ поднятія земной коры очень хорошо отличенъ отъ самаго изверженія. *Страбонъ* (lib. I, стр. 59, Casaub) также описываетъ Метонскій феноменъ: «при городѣ Трезенѣ въ Герміонской Губѣ случилось изверженіе пламени, подвѣлась огненная гора, въ семь (?) стадій высоты, днемъ недоступная отъ жары и сѣрнаго запаху, а ночью

благоухающая (?): она отдала столько жару, что въ пяти стадіяхъ отъ нея море кипѣло, и на разстояніи двадцати стадій засыпано отломками утесовъ, выбрасываемыхъ volcano. О выѣшеніи минералогическомъ свойствѣ полуострова Метаны, см. Fiedler, Reise durch Griechenland, томъ I, стр. 257 — 263.

=

МЫСЛИ

ОБЪ ИСТОРИИ МАЛОРОССІИ.

=

Въ настоящее время наша отечественная исторія часть-отъ-ча-су проясняется и достигаетъ той сферы, въ какой мы всё же-лаемъ ее увидѣть. Очевиднымъ доказательствомъ служить то, что теперь любители отечественной старины постигаютъ, что историческое знаніе приобрѣтается путемъ строгаго, послѣдова-тельнаго анализа: слѣдуетъ открыть частности, поставить каждую на настоящее мѣсто и потомъ привести ихъ въ стройное тѣло ху-дожественною кистью; только тогда можемъ мы имѣть свою ис-терію, только тогда она откроетъ плодосное поле для размы-шленій политика и философа. А для этого недостаточно лѣтопи-сей, записокъ, исторій и даже государственныхъ актовъ, касаю-щихся общаго состава націи или дѣлъ политическихъ. Большая часть писавшихъ о русской исторіи впадали въ ту ошибку, что занимались исключительно такими данными, которыя касались всего отечества, и упускали частныя явленія, по видимому, не

важныя, по которыя имѣли вліяніе гораздо сильнѣйшее на жизнь народа; и оттого мы только скользили по верху нашего прошедшаго и впадали поневолѣ въ ложныя заключенія, забывалъ, что философствовать надъ исторіею нельзя, пока не разберемъ и не усвоимъ самыхъ мелочныхъ явленій. Земля наша такъ велика и обильна жизнью, что, даже и при строгомъ порядкѣ и единствѣ, всегда будутъ показываться явленія, зависящія отъ мѣстныхъ и этнографическихъ особенностей жителей; ктому еще русскій народъ, въ прошедшей жизни, раздѣлялся постоянно на особыя одна отъ другой, политическія и этнографическія, массы, и каждая масса имѣла свое долговременное отдѣльное существованіе. Поэтому, чтобъ исторія приняла ясный обзоръ науки, необходимо воспользоваться такими матеріалами, которые касаются частей Россіи, не только ея цѣлаго: мы должны узнать сперва какъ жили наши предки во всѣхъ углахъ русскаго міра и при всѣхъ обстоятельствахъ, а потомъ уже, собравши всѣ такія свѣдѣнія, узнаемъ какъ жилъ народъ нашъ.

«Памятники», изданные кіевскою комиссіею, показываютъ существующую потребность такого историческаго знанія. Это изданіе, кромѣ новости и свѣжести своихъ матеріаловъ, имѣетъ для исторіи два важнѣйшія достоинства. Во-первыхъ, едва-ли не первый разъ мы увидѣли въ немъ систематическое изложеніе историческихъ матеріаловъ, гдѣ каждый актъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, въ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ: это не произвольный наборъ всякой всячины, къ которому затруднительно бываетъ прибѣгать даже для справокъ и ссылокъ, но такое стройное собраніе, которое можно читать безъ скуки и съ удовольствіемъ. Во-вторыхъ, изданные матеріалы относятся къ юго-западной Руси, части нашего отечества весьма любопытной, но которой событія, къ сожалѣнію, не входили еще надлежащимъ образомъ въ русскую исторію.

Русскій народъ, какъ извѣстно, еще въ темныя времена язычества раздѣлялся на нѣсколько племенъ, которыя носили названія преимущественно по мѣстамъ жительства. Такое раздѣленіе сохранялось постоянно, и даже теперь не исчезло: достойно замѣчанія, что нынѣшнія частныя этнографическія названія совпадаютъ съ тѣми названіями, о которыхъ говорилъ Несторъ. Напримеръ, въ томъ самомъ краю, гдѣ жили *Древляне*, говорившіе нарѣчіемъ отличнымъ отъ сосѣдей, находится теперь *Польша*, тоже съ отличнымъ нарѣчіемъ. Нарѣчіе и даже образъ жизни

жителей черниговской губерніи, древнихъ Сѣверянъ, въ нѣкоторой степени отличны отъ жителей полтавской и кievской губерній, древнихъ Полянъ. Изъ этого можно видѣть, какъ неизгладимо сохраняются у насъ народныя признаки. Но во сто разъ важнѣе главные коренныя виды нашей народности. Независимо отъ мелкихъ, порой едва замѣтныхъ, отличій этнографическихъ, русскій народъ раздѣлялся и раздѣляется на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна называется сѣверно-русскою или велико-русскою, а другая южно-русскою или мало-русскою. Между ними никогда не прерывалось духовное единство, состоявшее въ тождествѣ Церкви и въ сходныхъ началахъ общественной и семейной жизни, одинаковыхъ даже и при различномъ устройствѣ. Но, тѣмъ не менѣе, судьба разлучила эти двѣ половины еще въ юношескія лѣта нашей исторической жизни; судьба повела ихъ по другимъ путямъ и развила отдѣльно ихъ особенности: образовывались два русскіе народа и оставили о себѣ два разные повѣствованія. Но какъ этнографическое различіе и политическое раздѣленіе не истребили между ними обонимъ духовной связи, то исторія каждого изъ нихъ, будучи отлична и самобытна отъ другой, представляетъ одну общую идею: обоюдное стремленіе обѣихъ расторгнутыхъ частей слиться въ одно тѣло. Въ самомъ дѣлѣ, чтѣ такое нескончаемыя войны и, то нарушаемые, то возобновляемые договоры князей московскихъ съ литовскими, потомъ съ королями польскими, какъ не слѣдствіе неистребимаго сознанія сѣверной Руси, ея правительства и народа, что она не полна, что ей слѣдуетъ соединиться съ другою половиною? Нѣтъ нужды говорить, какое важное мѣсто занимаютъ литовскія дѣла въ нашей исторіи: съ ними тѣсно связаны наши отношенія къ Крыму, къ Швеціи, ко всему Западу, такъ, что ежели Россія прежде Петра сблизалась уже съ Европою, если преобразователю пролагали дорогу его предшественники, то преимущественно это случалось черезъ отношенія наши къ Польшѣ, а идея этихъ отношеній была неизмѣнно одна: — сліянiе сѣверной Руси съ южною.

Несравненно сильнѣе проявилась эта идея въ жизни южной половины Руси: тамъ она была единственною пружиною, двигавшею всю массу народа въ продолженіи столѣтій; тамъ всякій, кто только не потерялъ русскаго чувства и имѣлъ возможность дѣйствовать въ политическомъ мiрѣ, сознавалъ ее хоть бы и не совершенно. Однимъ словомъ, это соединеніе было долго постоянною задачею русской исторіи. Поэтому, чтобы понять задачу

нашей исторіи, чтобъ увидѣть какъ жилъ русскій народъ, какъ чувствовалъ онъ, какъ смотрѣлъ на себя и на все окружающее, необходимо русскому историку держаться этой народной двойственности и обращать равное вниманіе на событія въ обѣихъ половинѣхъ Россіи, оживляемыхъ одною идеею, иначе его повѣствованіе будетъ не полно, взглядъ одностороненъ и, слѣдовательно, не вѣренъ.

Обозрѣвая нашу прошедшую жизнь со времени просвѣщенія русскаго народа христіанствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сначала гражданственности нашей, мы видимъ, что исторія наша представляетъ два различныя направленія, впередъ и назадъ, отъ цѣлаго къ дробленію и снова отъ дробленія къ цѣлому. Соединенная политически Россія при Ярославѣ, была въ такихъ же этнографическихкихъ границахъ, въ какихъ теперь находится русская земля, въ смыслѣ господствующаго славянскаго элемента. Съ половины одиннадцатаго столѣтія Русь начинаетъ дѣлиться, а дѣла дробиться, такъ что при такомъ направленіи, кажется, можно бы ожидать раздробленія на мельчайшія до возможности государственныя individua. Что вышло бы изъ этихъ независимыхъ мѣстечекъ и селъ, которыя, переносясь мысленно, въ тринадцатый вѣкъ, мы вправѣ могли бы надѣяться увидѣть черезъ два, три столѣтія, объ этомъ, конечно, мы не можемъ произносить рѣшительнаго сужденія, но имѣемъ возможность предполагать, что раздробленіе привело бы снова къ единству, потому что теряя между собою связь политическую, отдѣльныя части Руси не теряли нравственной связи, и, слѣдовательно, чѣмъ болѣе разстроивалась первая, тѣмъ сильнѣе и рѣзче выказывалась вторая, а она могла возродить новый порядокъ вещей. Татары не дали дойти до этого, они потрясли мгновенно и сильно русскую жизнь и оставовили направленіе удѣльности и дѣленія на части. Съ этихъ поръ исторія обгорѣлой, обезлюдненной Руси представляетъ другое направленіе: стремленіе къ единству, подобно какъ прежде мы видѣли стремленіе къ дѣлности. Первый изъ дѣятелей политическаго міра Россіи, показавшій такое стремленіе—былъ Данилъ, ему послѣдовали его преемники, на сѣверѣ, между-тѣмъ какъ Новгородъ подчинялъ своей власти пространство отъ Балтійскаго Моря до Печоры и Уральскихъ Горъ. Въ четырнадцатомъ столѣтіи это стремленіе выказалось уже слишкомъ ясно и шло успешно: на сѣверѣ московскіе князья получаютъ прочный перевѣсъ надъ удѣльными; на западѣ и

югѣ гениальный Литвинъ осуществляетъ идею Данила, подчинивъ своей власти Русь южную и западную. Удѣльность борется съ новымъ направлениемъ, но уже бессильно. Наконецъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ дробность кончилась совершенно: изъ Руси образовалось двѣ державы. Но въ то время, когда покореніе Новгородѣ и Пскова, паденіе князей рязанскихъ и стародубскихъ, открыли для Руси жизнь, новую, но тѣмъ неменѣе истинно русскую, на югѣ паденіе послѣдняго обломка удѣловъ кievскаго княжества не оставило надежды на новую жизнь русскую, предвѣстивъ смерть русскаго элемента. Все, что отличало русскую исторію до Татаръ, независимо отъ главныхъ элементовъ вѣры и языка, все это на сѣверѣ стало анахронизмомъ и мѣшало полному расцвѣту новой, лучшей національности: напротивъ, на югѣ, оно только и могло сохранить и вѣру, и языкъ, и народность. Слѣдовательно, для того чтобъ задача существованія нашего народа совершилась, чтобъ мы могли дойти до сознательнаго развитія такого состоянія, въ которомъ можно было бы сказать, не увлекаясь страстями времени, и при свѣтѣ здраваго ума, что дорога, по которой мы идемъ, есть истинно наша, необходимо было, чтобъ Русь старая, до-татарская, раздробляющаяся, удѣльная, вѣчевая, это смѣшеніе власти государя съ волею городскихъ дружинъ, уваженіе къ обычаямъ и отсутствіе права, геройская удаля, оживляющая толпу на-время противъ чужеземцевъ, а потомъ порождающая внутреннія смуты, все; что такъ рѣзко характеризовало безпокойное и возмущенное время Изяславовъ Мстиславичей и Мстиславовъ Удалыхъ, съ хорошими и дурными качествами народа, съ пылкою привязанностью къ религіи и съ вѣроломными союзами, съ сыновнею любовью дружинъ къ предводителямъ и съ мгновеннымъ увлеченіемъ общаніями и ласкою другаго сопоскателя власти, съ рыцарскою честью и съ хитро-простодушною политикою, чтобы вся эта старая Русь, исчезла передъ свѣтомъ новой жизни на сѣверѣ. Между-тѣмъ на югѣ все оставалось съ прежними началами, хотя бы и въ отличныхъ формахъ. И вотъ, какъ-бы чувствуя единымъ сердцемъ и думая единою мыслию, по выраженію лѣтописца, страна южно-русская, въ самое время паденія, воскрешаетъ въ себѣ прежнія угасающія начала: является казачество.

До-сихъ-поръ у насъ никто не хотѣлъ видѣть въ казачествѣ древней русской жизни. Ученые наши думали провозвѣстить великія истины, когда говорили будто казаки произошли изъ смѣ-

шенія народовъ; были попытки видѣть въ чертахъ лица и нравахъ нынѣшнихъ Южноруссовъ азіатское, а не славянское, производили ихъ и отъ Берендѣевъ, Половцевъ и отъ Норманновъ и на основаніи подобныхъ заключеній видѣли въ устройствѣ казацкомъ не русское начало; однимъ словомъ, рѣшили, что казаки есть народъ, начавшій жить только въ шестнадцатомъ вѣкѣ и неимѣющій кровной и нравственной связи съ Русью Владиміра и Ярослава, когда напротивъ, Южно-Руссы до Татаръ были такіе Великоруссы, каковы теперь жители московской и тульской губерній.

Мнѣніе это было господствующимъ въ Россіи въ прошломъ столѣтіи и часто вредило малороссіянамъ въ то время: люди правительственные, которымъ верховная власть поручала дѣла въ Малороссіи, заставляли иногда эту русскую страну терпѣть за то единственно, что они жителей ея не считали братьями. Существуютъ нѣкоторыя рукописныя сочиненія Малороссіянъ прошлаго вѣка, гдѣ видно желаніе доказать ту мысль, что Малороссія — страна русская и не заслуживаетъ подобнаго обхожденія Великоруссовъ. Сильнѣйшими изъ этихъ сочиненій можно привести два: *Разговоръ Великороссіи съ Малороссією*, гдѣ Великороссія не знаетъ откуда взялась Малороссія и думаетъ, что народъ ея произошелъ отъ сброда Ясовъ, Косоговъ, Половцевъ, и потому чуждъ русскаго элемента, а Малороссія, въ противность ей, представляетъ историческія доказательства своего русскаго происхожденія и такъ убѣждаетъ свою сестру, что та мирится съ нею и навсегда обѣщается признать ее за самую близкую родню. Другая, еще любопытнѣйшая, рукопись: *Разговоръ Банческула съ Хмельницкимъ въ царствѣ мертвыхъ*. Какой-то Банческулъ, родомъ Молдаванъ, служившій въ русской службѣ и имѣвшій важное мѣсто въ Малороссіи, и во всю жизнь пользовавшійся для своего корыстолюбія самыми незаконными средствами на счетъ Малороссіянъ, на томъ основаніи, что это народъ нерусскій, а чужой, завоеванный, и притомъ коварный, встрѣчается послѣ смерти съ Хмельницкимъ. Богданъ заводитъ съ нимъ разговоръ о Малороссіи, обличаетъ въ заблужденіи насчетъ происхожденія малороссійскаго народа и доказываетъ, что самая Великороссія обязана своимъ славянскимъ существованіемъ южной Руси, гдѣ первоначально образовалась русская держава. Эти сочиненія погребены подъ спудомъ неизвѣстности и не для чего было бы выводить ихъ на свѣтъ, если бъ и въ наше время

нѣкоторые не утверждали подобныхъ парадоксовъ, несмотря, что историческаго знанія о нашемъ отечествѣ нынче достаточно для опроверженія ихъ: большая часть мыслящихъ такимъ образомъ, конечно, сама сознаетъ, что отступаетъ отъ истины по особеннымъ причинамъ. Вспомнимъ, что дѣлали Поляки, желая доказать, что они владѣли южною Русью по древнему, неотъемлемому праву. Они, напимѣръ, увѣряли, что Галиція и Волинь съ незапамятныхъ временъ составляли собственность королевства польскаго и если были отторгнуты Владиміромъ-Святымъ, то на-время, и потомъ опять соединились съ законнымъ своимъ королевствомъ; выхваляя храбрость своего Болеслава, говорили, что онъ завоевалъ и подчинилъ себѣ Кіевъ и смотрѣлъ на кіевскаго князя, какъ на своего данника. Еще несправедливѣе поступали ихъ духовные: намъ случалось читать ихъ старопечатныя книги семнадцатаго вѣка, гдѣ всѣ привилегіи королей польскихъ, данныя православнымъ, перетолкованы такъ, какъ-будто онѣ относились только къ Уніатамъ, не обращая вниманія на то, что писацы тогда еще, когда не было Уніи. А нѣкоторые увѣряли, что самъ Владиміръ передъ смертію призналъ власть папы, и что съ-тѣхъ-поръ постоянно существовала по Руси партія, благопріятствовавшая видамъ римскихъ первосвященниковъ. Теперь, конечно, такіе толки могли бы только возбуждать смѣхъ; нѣтъ на свѣтѣ доказательствъ, чтобъ предки наши были Поляки и католики. И что же? Не знаемъ отчего явилась другая клевета на южную Русь. Признавая, что до Татаръ все было такъ, какъ говорятъ наши сухіе, но правдивые лѣтописцы, и какъ мы привыкли вѣрять, выдумали, будто со времени нашествія Мопголовъ, вся южная Русь или Малороссія, въ обширномъ смыслѣ этого слова, была, исключая Кіева, чистая степь, населенная вполсѣдствіи литовскими и польскими дворянами, выводившими на пустопорожня и никому не принадлежавшія земли своихъ рабовъ изъ Литвы, Бѣлороссіи и Польши *. На дѣлѣ выходитъ

* Сочинитель этого разсужденія намекаетъ, вѣроятно, на статью покойнаго В. А. Солонпына, помѣщенную въ Б. для Ч. въ то время, когда онъ завѣдывалъ отдѣленіемъ Критики. За смертію автора, трудно судить, въ какой степени точности мысль его понята здѣсь почтеннымъ сочинителемъ; но нѣтъ сомнѣнія, что, говоря о Литвѣ, онъ не отдѣлялъ отъ нея *Польшу*, гдѣ говорятъ на томъ же языкѣ какъ и на Волини, и подъ общимъ именемъ Польши не могъ не разумѣть въ то же время *Волини* и Червонной Руси, Галиціи, которыя были присоединены къ ней, такъ что разногласіе

противное : скорѣе Кіевъ можно бы имъ назвать степью, когда Даниилъ не нашелъ въ немъ пристанища ; а Малороссія, въ обширномъ смыслѣ этого слова, была въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ, густо усѣяна городами и селами и находилась даже въ цвѣтущемъ состояніи, принимая во вниманіе тогдашнее время разореній. Не говоря о Волыни и Галиціи, гдѣ находился центръ русской силы, гдѣ было множество городовъ, которыхъ теперь нѣтъ и слѣда, кромѣ тѣхъ, которыхъ названія существуютъ въ нынѣшнихъ мѣстечкахъ и селахъ, въ самой Подоліи, которую хотятъ представить по преимуществу чистою степью, въ тринадцатомъ вѣкѣ были *Снопогородъ*, *Брагинъ*, *Сколиця*, *Винница*, *Ушица*, *Микулинъ*, *Каменецъ*, *Звенигородъ*, *Новый городъ* и такъ далѣе. Конечно, справедливо то, что въ четырнадцатомъ и, особенно, въ пятнадцатомъ вѣкѣ, послѣ появленія крымскаго царства, народонаселеніе уменьшилось въ пограничномъ краѣ, по причинѣ опустошительныхъ татарскихъ набѣговъ, но всё-таки не исчезло ; множество семействъ выходили на жительство въ глубину южно-русской земли : въ Червоную Русь и на Волынь, а потомъ, когда явились казаки, защитники южной Руси отъ Татаръ, дѣти переселенцевъ возвращались на землю отцовъ своихъ, и такое-то возвращеніе хотѣли представить населеніемъ южной Руси Поляками и Литовцами, увѣряя при томъ, что эти переселенцы принесли съ собою нынѣшній малороссійскій языкъ. Это явная невозможность. Если бъ переселялись сюда изъ Бѣлоруссіи и принесли свой языкъ, то въ Малороссіи бы говорили такимъ языкомъ, какимъ теперь говорятъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, а не такимъ, какой употребляется въ Червонной Руси. Очевидно то, что переселенцы, приходившіе на жительство въ Подолію, Кіевію и Полтавщину, выходили изъ Червонной Руси, Волыни и люблинскаго воеводства, гдѣ и теперь простой народъ говоритъ языкомъ малороссійскимъ. Притомъ это подтверждается и историческими свидѣтельствами. Это-то населеніе, возвращаясь въ землю своихъ предковъ, и составило казачество, въ силу протыводѣйствія чужеземной власти, которой вліяніе ощутительно начало оказываться съ конца пятнадцатаго вѣка. Удивительно, какъ можно до-сихъ-поръ искать происхожде-

между двумя мнѣніями заключается, можетъ-быть, единственно въ значеніяхъ, приписываемыхъ съ той и съ другой стороны однимъ и тѣмъ же собственнымъ именемъ. *Ред.*

дія казаковъ , когда столько современныхъ писателей говорятъ, что они были Русскіе и подтверждаетъ сказанное нами выше о переселеніи изъ Червоной-Руси, Волыни и люблинскаго воеводства русскаго народа къ берегамъ Днѣпра и Днѣстра. Такъ напримѣръ Зиморовичъ обстоятельно говоритъ, что казачество составилось изъ тѣхъ жителей окрестностей Галича и Львова, которые хотѣли избѣжать повинностей, налагаемыхъ дворянствомъ (*angustias agrarias subterfudiebant*) и тѣмъ самымъ указываетъ, какое народонаселеніе переходило въ Малороссію въ XV и XVI вѣкахъ. Пишетъ тоже и Пясецкій, что казаки составились изъ русскаго народа, бѣжавшаго на Украину изъ *русскихъ* провинцій польскаго королевства, а русскими провинціями назывались Червоная-Русь и Волынь. То же свидѣтельствуетъ Михайло Литовець, повѣствуя какъ современное событіе, что русскій народъ, отягощенный повинностями, бѣжалъ на Украину, ища лучшей жизни и тамъ упражнялся въ битвахъ съ Татарами. Подтверждаетъ то же и Рудавскій, ясно говоря, что казаки составились *ex plebe russica*. Говорятъ то же и Коховскій и Гродскій, самъ бывший въ сношеніяхъ съ казаками. Согласно съ польскими историками, и южно-русскіе лѣтописцы все въ одинъ голосъ говорятъ, что когда король Казимиръ Ягеллоновичъ уничтожилъ кievское княжество и, чтобъ прочіе соединить русскій край съ польскимъ, ввелъ во всей Руси польское устройство, онъ учредилъ пожизненное помѣщичье право подъ названіемъ староствъ и кастелянствъ, усилилъ власть дворянства и образовалъ изъ военнаго сословія дружинъ княжескихъ и городскихъ, низшую степень дворянства, *шляхтичей*, даровавъ имъ и всему вообще высшему сословію права, клонившіяся къ угнетенію простаго народа; то прежде вольныя мѣстечки и села давались въ награду дворянамъ въ пожизненное владѣніе и, такимъ образомъ, вольные люди, но не шляхтичи, должны были сдѣлаться рабами. Тогда дворянство начало утѣснять своихъ подданныхъ, а простые люди не привыкли еще къ невольничьей жизни, по выраженію лѣтописи; и отважнѣйшіе, покидая свои жилища въ старостствахъ, ушли въ пустыя мѣста на берега Днѣпра, Копки, Самары, и тамъ жили въ непрерывныхъ войнахъ съ Татарами. Вскорѣ явился между ними гениальный человекъ, Остапъ Дашкевичъ, Русскій и православный, и далъ бѣглецамъ правильное устройство въ духѣ древней Руси: дѣла, касавшіяся всего общества, должны были рѣшаться посредствомъ *Рады*, народнаго

собрания, заступившаго мѣсто древняго вѣча, а исполнительная власть находилась въ рукахъ выборнаго чиновника, *атамана* или *гетмана*, котораго обязанность состояла въ правѣ судопроизводства, военнаго начальства и управленія. Онъ же поставлялъ второстепенныхъ чиновниковъ. Этотъ правитель имѣлъ то же значеніе что князь встарину: отличіе состояло въ томъ, что право князя, сверхъ народнаго призванія, опиралось еще на происхожденіе; но сначала и въ казацкомъ сословіи происхожденіе принималось во вниманіе: мы видимъ первыхъ казацкихъ начальниковъ изъ знатнѣйшихъ удѣльныхъ фамилій; впоследствии, когда эти фамиліи потеряли въ себѣ русскій элементъ, казачество избирало начальниковъ единственно по личнымъ достоинствамъ. Первоначально казачество явилось въ родѣ тѣхъ маленькихъ княжествъ, какія часто появлялись въ удѣльный періодъ и потомъ не рѣдко исчезали. Оно занимало по-днѣпровскій край съ городами Черкасами, Каневомъ, Трахтомировомъ, и сверхъ-того съ укрѣпленіемъ на островѣ Хортицѣ. Но какъ, по мѣсту жительства, казаки должны были вести безпрестанныя войны съ Татарами, врагами и грабителями южной Руси, то это удерживало ихъ въ постоянной связи съ южною Русью, изъ которой они выбѣжали, и за которую теперь должны были сражаться; защищая же южную Русь, они защищали и Польшу, съ которою южная Русь составляла одно политическое тѣло. И такъ, они скоро вошли въ составъ польскаго королевства, какъ русское вольное сословіе. Казачество имѣло двѣ идеи своего существованія: защищеніе христіанства отъ невѣрныхъ и охраненіе русской вѣры и народности отъ покушенія католиковъ и польскаго панства. И оттого-то покорность Церквѣ, черта удѣльности, отличаетъ южную Русь въ періодъ казацкій. По-мѣрѣ-того какъ глубже укоренялась польская власть въ южной Руси, вольные люди болѣе и болѣе попадали подъ иго аристократіи, а дворяне утрачивали русскіе нравы, русскій языкъ, а, наконецъ, утративъ и самую вѣру, сдѣлались совершенными Поляками, разорвали внутреннюю связь съ русскими своими подданными и, почитая ихъ народомъ чуждымъ для себя, начали поступать съ ними варварски. Тогда открылись возмущенія крестьянъ противъ владѣльцевъ, и казаки, столь близкіе къ крестьянамъ и по происхожденію, и по языку и по вѣрѣ, стали для послѣднихъ образцомъ свободнаго русскаго народа, такъ что сдѣлаться свободнымъ для крестьянина значило сдѣлаться казакомъ. Крестьяне

нашли себѣ способъ освобожденія, записываясь въ казацкое сословіе, и это сословіе такъ наконецъ увеличилось и, по мѣрѣ стремленія пановъ къ ограниченію его многочисленности и правъ такъ ожесточилось противъ дворянства, что въ XVII столѣтіи вспыхнуло всеобщее возстаніе южнаго русскаго народа, подѣ предводительствомъ казацкаго вождя. Всякій, искавшій свободы, вступалъ въ казаки, то есть, военное званіе и шелъ на брань противъ Польши и такимъ образомъ изъ отдѣльнаго вольнаго сословія образовалась цѣлая держава, которая, подобно Новгороду, Пскову и удѣльнымъ княжествамъ, остаткамъ раздробленной Руси, примкнула къ центру новой русской жизни, Московскому Царству, подѣ именемъ Малороссіи.

Вотъ въ короткихъ словахъ исторія такъ-называемой Малороссіи. Какъ-скоро исполнилась задача этого явленія въ нашей исторіи, сохранена была вѣра и народность въ южномъ краѣ русскаго міра, установилась идея соединенія всего достоянія Владимира и Ярослава въ одно политическое тѣло, казачество исчезло, какъ ненужный остатокъ древней русской жизни. А потому отлагая всторону всякія патріотическія *pro* и *contra*, можно приступить къ вопросу: на чьей сторонѣ была справедливость въ борьбѣ казачества съ Польшею? вопросу, который многихъ теперь занимаетъ. Представлять казаковъ какими-то кавалерами съ западными жантильными понятіями, выставлать на видъ ихъ великодушіе и скрывать пороки и варварство, и между-тѣмъ чернить ихъ враговъ даже съ примѣсью оскорбительной брани; вѣрить самому ложному сказанію, если оно льститъ народному самолюбію, и отвергать правдивое, если оно бросаетъ тѣнь на народный характеръ, это нелѣпо. Но съ другой стороны, всякій благоразумный мыслитель, изслѣдуя борьбу казачества съ польскимъ дворянствомъ, скажетъ, что правда была на сторонѣ казаковъ, какъ сословія, имѣвшаго задачею своихъ дѣйствій освобожденіе несчастнаго, угнетеннаго класса отъ убійственной олигархіи. Несмотря на то, есть несправедливые порицатели казачества, какъ есть пристрастные защитники. Мы читали и слышали самыя дикія сужденія о казакахъ, и увѣрены, что ихъ выпускають съ цѣлью унизить достоинство южно-русскаго народа. Эти сужденія кружатся въ общественномъ мнѣніи и вредять истинному взгляду на русскую Исторію.

Сколько помнитъ можемъ, противники казачества обыкновенно выставлать четыре клеветы на южно-русскій народъ: 1)

желая представить, что въ борьбѣ казаковъ съ Поляками, послѣдніе были правы, думаютъ это доказать тѣмъ, что казаки, въ обширномъ смыслѣ цѣлый народъ Украинскій при Хмельницкомъ, были бунтовавшіе холопы, хотѣвшіе освободиться отъ законной гражданской власти; 2) говорятъ, что Поляки вовсе не начали ни-съ-еого, ни-ст-того, утѣнять казаковъ и народъ русскій, а единственно хотѣли приучить буйную толпу къ порядку и повиновенію, искоренить своеволие, пагубное для нихъ и для сосѣдей, и что жестокости надъ казаками, преувеличенныя во сто разъ въ разсказахъ малороссійскихъ историковъ, происходили въ отмщеніе за разоренія, чинимыя этимъ необузданнымъ сословіемъ въ польскихъ областяхъ; 3) будто сословіе казачье, распространивъ по южной Русси, было нѣчто въ родѣ янычаръ или мамлюковъ, тиранская военная толпа, угнетавшая народъ и правившая страной деспотически; 4) будто народъ малороссійскій, подавленный московскимъ государямъ, измѣнялъ имъ нѣсколько разъ, по обыкновенному своему вѣроломству.

На первое положеніе не стоить возражать въ девятнадцатомъ вѣкѣ, чтобъ не доказывать аксіому.

Что касается второй клеветы, будто казаки возставали на Поляковъ за то, что Поляки хотѣли ихъ приучить къ порядку, то эта ложная мысль не новость: она давно служила отговоркою Полякамъ, когда они тѣснили русскій народъ. Татары дѣлали безпрестанныя нападенія на южную Русь, уводили изъ нея плѣнниковъ, для продажи въ Турціи; за это казаки вели съ ними безпрестанную войну, жгли крымскіе и ногайскіе улусы, нападали на турецкіе приморскіе города и отплачивали врагамъ ихъ же монетою. Турки жаловались Рѣчи Посполитой, а Полякамъ такія жалобы были на-руку, потому что одни казаки препятствовали панамъ совершенно поработить южную Русь, убить въ ней національное и религіозное самосознаніе и сдѣлать русскихъ рабовъ несмысленными, безчувственными къ побоямъ животными. Преслѣдуя казаковъ будто бы за то, что они раздражаютъ сосѣдей, паны только прикрывали благовидною причиною другое желаніе. Ослѣпленные эгоизмомъ, занятые мелочными распрями, предавши въ руки Жидовъ всю промышленную дѣятельность, паны бражничали въ своихъ замкахъ на счетъ несчастнаго русскаго народа и не помышляли о томъ, что Рѣчь Посполитая современемъ рухнетъ на посмѣяніе языкамъ, потому что, ради соотраданія къ хищническимъ ордамъ, не позволяли каза-

камъ воевать съ врагами христіанства и цивилизаціи, не позволяли имъ избавить Польши отъ опустошеній, открыть для ней море и способъ къ развитію торговли, доставить ей вліяніе на Востокъ, однимъ словомъ, не дозволяли казакамъ спасти Рѣчи Посполитой. Не къ гибели, а къ величію и благоденствію вело Польшу казачество уже и потому, что оно одно только, съ своимъ русскимъ взглядомъ, враждовало противъ губительной анархіи и уважало монархическую власть. Но панство польское опасалось, чтобъ казаки, возвысившись, не ограничили дворянскаго своеволія, и потому требовало, чтобъ они сложа руки сидѣли, когда Татары будутъ грабить русскія села. Сами польскіе историки сознаются въ томъ, что казаки были очень ужмы для Польши; вотъ, напримѣръ, что говоритъ Пясецкій: «узнаніе казаковъ принесло пользу частнымъ видамъ дворянъ и вредъ націи; наше потомство почувствуетъ вполнѣ это, когда, вмѣсто дѣятельнаго и всегда готоваго на брань казацкаго сословія, должно будетъ содержать на счетъ народа гарнизонъ въ Кодакѣ и обороняться отъ Татаръ наемными и, потому уже одному, невѣрными войсками». Несправедливо говорятъ, будто бы казаки грабили Польшу прежде чѣмъ Поляки сами подали поводъ къ непріязненнымъ противъ нихъ дѣйствіямъ. Не ссылаемся на русскихъ историковъ; сами польскіе единогласно признаютъ, что дворянство побудило казаковъ къ мятежамъ. Приведемъ нѣсколько тому доказательствъ. Грондскій, писатель достовѣрный, знавши казаковъ по сношеніямъ съ ними, въ своемъ сочиненіи *De bello cosassopolonico* (стр. 31 — 34), исчисляетъ болѣе пятнадцати причинъ возмущенія казацкаго сословія, и эти причины истекали отъ польскихъ пановъ и состояли въ несносныхъ поборакъ съ народа, тиранствѣ надъ подданными и болѣе еще въ униженіи греческой религіи. Коховскій, вездѣ восхваляющій подвиги своихъ соотечественниковъ противъ казаковъ и унижающій послѣднихъ, сознается также, что казацкіе мятежи произошли отъ притѣсненій со стороны дворянъ и въ-особенности отъ наглости Жидовъ (*Ann. Pol. climat.* 1 — 27). Львовскій каноникъ Іозефовичъ, въ своемъ лѣтописцѣ, выразился такъ о панахъ польскихъ: *Nobilitatem se supra homines aestimasse, et Cosacos per arrogantiam intolerabilem oppressisse*. То же читаемъ и въ «Польской исторіи» Рудаускаго, и самъ Пасторскій, до чрезвычайности пристрастный, признается, что и со стороны пановъ польскихъ была вина. И такъ, когда Поляки-историки, жившіе въ эпоху разгара вражды съ казацкимъ

сословіемъ, показали столько благородства, что не скрыли истинныхъ причинъ этой вражды, то не удивительно ли покажется, если въ девятнадцатомъ вѣкѣ есть люди, проповѣдующіе, будто одни казаки были виноваты, а Поляки правы?

Противники казачества говорятъ, будто казаки захватили власть въ Малороссіи и тиранствовали надъ народомъ. Видимъ изуродованіе исторической истины. Во-первыхъ, народъ образовалъ самъ изъ себя казачество, слѣдовательно, здѣсь и рѣчи быть не можетъ о завладѣніи казаками Малороссією; а во-вторыхъ, собственно казацкое сословіе не поработало прочихъ сословій: въ городахъ было правленіе независимое отъ казаковъ и основанное на магдебургскомъ правѣ, по которому сами мѣщане завѣдывали управою, въ селахъ были выбранные общиною войты, сотскіе, десятскіе. Помѣщичьихъ владѣній не было, а только ранговья, приписанныя къ чину, а не къ лицу, а всегда существовали правыя, по которымъ крестьяне работали на владѣвшаго ими чиновника. Если же случались злоупотребленія, то гдѣ обходится безъ нихъ! Встрѣчаемъ мы примѣры и вражды казацкаго сословія съ неказацкимъ, но всё-таки неказацкое сословіе не поддадало подъ ярмо казаковъ, а только происходили междоусобія; но гдѣ партіи борятся, тамъ нѣтъ поработенія.

Относительно къ упрекамъ, дѣлаемымъ Малороссіи въ невѣрности ея народа къ русскимъ царямъ, скажемъ, что, во-первыхъ, измѣны въ казацкомъ сословіи происходили отъ тѣхъ лицъ, которыя по жизни и понятіямъ были больше Поляки, чѣмъ казаки; а во-вторыхъ, народъ ихъ и не слушалъ. Чтобъ видѣть, какъ малороссіяне принимали крамолы своихъ ополчившихся соотечественниковъ, совѣтуемъ заглянуть хотя въ Коховскаго, гдѣ подробно описано, какое вліяніе произвела на народъ измѣна Выговскаго. Ни одинъ историкъ до-сихъ-поръ не сказалъ, чтобъ планы Мазепы имѣли соучастіе въ народѣ. Если же когда народъ оказывалъ неудовольствіе къ московскому правительству, то единственно изъ страха, чтобъ его не отдали снова Польшѣ.

Да когда бы казаки были невѣрны Россіи, то почему въ народной поэзій южно-русской, богатой памятью событій дотого, что каждая мысль и каждое чувство народное въ ней отразилось, не осталось ни одной пѣсни, гдѣ бы изъявлено было негодованіе къ правительству или соучастіе къ преступнымъ замысламъ крамольниковъ; напротивъ, народныя пѣсни говорятъ, что у Выговскаго было сердце, якъ камень, а разумъ бисовскій, а

Мазепѣ обыкновенный эпитетъ: *песѣ проклятый*. И потому, напрасно упрекають народъ южно-русскій приведеніемъ на память нѣкоторыхъ измѣнъ и крамолъ: онѣ неволью доставили честь народу, потому что послужили пробнымъ камнемъ къ испытанію его вѣрности къ законной власти. Однимъ словомъ, всѣ этого роду выходки беспильны унижить малороссійскій народъ и на нихъ бы не стоило обращать вниманія; но, къ сожалѣнію, ихъ нерѣдко выпускають въ свѣтъ люди, которые пользуются по своей учености заслуженною репутаціею въ публикѣ, а потому онѣ опасны въ томъ отношеніи, что запутываютъ прошедшія событія, и такъ какъ всякая ложная система вредить истинѣ въ наукѣ, то желательно было бы, чтобъ и клеветы на казаковъ и Малороссію разсѣялись отъ свѣта историческаго знанія. Изданіе, предпринятое Кіевскою Археографическою Коммиссіею — явленіе предрогоцѣнное въ этомъ отношеніи.

Собранные въ первомъ томѣ памятники раздѣляются на три отдѣла: въ первомъ заключаются акты, относящіяся до Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства. Братства были явленіемъ самымъ благороднѣйшимъ въ русской жизни и давно бы слѣдовало было на нихъ обратить вниманіе, но, къ сожалѣнію, онѣ извѣстны до-сихъ-поръ были только по имени. Акты, заключающіяся въ кіевскомъ изданіи, имѣють важное достоинство исторической новизны.

Въ началѣ семнадцатаго вѣка, когда въ южной Руси католичество пыталось искоренить православную вѣру, а польское дворянство русскую народность, православіе естественно должно было дать отпоръ насилию. Но какъ чисто христіанское ученіе Восточной Церкви строго воспрещаетъ всякія такія мѣры сопротивленія и самоподдержанія, въ которыхъ выказывалась бы вражда къ говителямъ и врагамъ, какъ и хитрость и бранчивая духовная полемика, и правило — цѣль освящаетъ средство, столь безсовѣстно употребляемое езуитами, православію были чужды, то оно противопоставило католичеству инаго роду оружіе. Православные думали утвердиться между собою духомъ любви противъ гоненія и показать не на словахъ, а на дѣлѣ и свое право и превосходство своей Церкви, состоящее преимущественно въ томъ, что она свято держалась чистаго ученія Апостоловъ и первыхъ Отцовъ Церкви. Для этого православные дворяне Волини, соединившись съ мѣщанами города Луцка, *видя, что нлцимъ любопрелестницы мудрованіемъ и мпнніемъ своимъ отъ Христовыя*

известныя вѣры вѣрныхъ премьниту тщатся (стр. 213), съ соизволенія константинопольскаго патріарха, построили въ Луцкѣ церковь Воздвиженія, учредили при ней богадѣльню и училище, обязались содержать ихъ на свой счетъ и сами всѣ, прильнувши къ такому учрежденію, составили общество, котораго основаніемъ было: находиться въ постоянномъ согласіи и поддерживать взаимно православіе примѣромъ чистыхъ нравовъ и добрыхъ дѣлъ. Такое общество названо братствомъ и утверждено грамотами патріарховъ. Главное условіе его было исповѣданіе Православной вѣры. Патріархъ Кирилль въ своей грамотѣ доказываетъ, что такое учрежденіе было не новостью, но составлено по образцу тѣхъ братствъ или конгрегацій, какія существовали между первыми христіанами. Положенія въ уставѣ юнаго братства, изданномъ комиссіею, были таковы: чтобъ сохранить многозначительную связь русской Церкви съ греческою, братство должно было находиться подъ непосредственною властію константинопольскаго патріарха, который посвящалъ, по соизволенію членовъ, пресвитера, а пресвитерь выбиралъ, также по согласію членовъ, изъ нихъ же четырехъ старость, и имъ ввѣрялась исполнительная часть ряду надъ братствомъ. Всѣ братья раздѣлялись на старшихъ и младшихъ: подъ первыми разумѣлись дворяне, подъ послѣдними мѣщане и простые люди, но между ними наблюдалось христіанское равенство, и это достойно замѣчанія, какъ отличіе обращенія дворянства православнаго съ простымъ классомъ, отъ обращенія съ низшими себя пановъ-католиковъ. Братья имѣли свои собранія, которыя раздѣлялись на большія и малыя: большія бывали по разу въ мѣсяцъ, а малыя каждую недѣлю въ воскресенье и сопровождались вкладомъ известной суммы въ общее казнохранилище. Собранныя деньги хранились у четырехъ старость, обязанныхъ давать въ нихъ строгій отчетъ въ большихъ засѣданіяхъ Братства и не могли употреблять ихъ иначе, какъ съ общаго рѣшенія въ одномъ изъ такихъ засѣданій. Каждый братъ обязывался избѣгать ссоръ и несогласій съ братьями; всѣ должны были помогать обѣднѣвшему или обидимому брату; дѣла каждаго были открываемы въ засѣданіи, братья подавали совѣты, иногда и присуждали провинившемуся брату наказаніе. Связь братьевъ не прерывалась и по смерти: молиться за умершихъ, присутствовать при отправленіи панихидъ по нимъ, считалось однимъ изъ главнѣйшихъ условій братства. Въ скоромъ времени учрежденъ былъ при братствѣ и

монастырь, въ которомъ иноки, сверхъ обыкновеннаго устава Святаго Василія, обязывались исполнять правила братскаго устава, такъ что братья раздѣлялись на мірскихъ и монашествующихъ: послѣдніе жили въ совершенной общинѣ съ первыми: они избирали игумена и четырнадцать монашескихъ чиновъ въ общемъ засѣданіи. Игуменъ и монахи имѣли вліяніе на свѣтскихъ, обличали ихъ проступки, давали совѣты къ спасенію, но свѣтскіе обязывались недопускать игумена до любоначалія и могли лишити его сана, по усмотрѣнію. Игумену и монахамъ предоставлялось попеченіе о церкви, надзоръ за церковными вещами, управленіе пѣвческою, но во всемъ они обязаны были совѣтоваться съ свѣтскими братьями. Содержаніе иноки получали отъ собственныхъ взносовъ съ cadaго поступающаго, отъ доходовъ со свѣчей и просфоръ, отъ огородовъ и земель, приписанныхъ къ братству и, наконецъ, отъ занятій ремеслами, въ числѣ которыхъ причлвѣйшимъ поставлено типографское. Всѣ доходы и расходы повѣрялись въ братскомъ засѣданіи. Впослѣдствіи, братство владѣло разными дареными имѣніями; нѣкоторыя изъ дарственныхъ записей сохранились и напечатаны въ «Памятникахъ». Но еще большее стараніе, говоритъ уставъ Монастыря Братскаго, «должны мы прилагать о церкви внутренней духовной. И потому игуменъ обязанъ такъ заботиться и стараться «о духовной церкви, то есть, о членахъ Христовыхъ, какъ о собственной душѣ и о своемъ спасеніи; то есть, непрестанно думать, съ другими совѣтоваться, и съ ними бывая на народной сходкѣ совмѣстно заботиться о томъ, какимъ способомъ овецъ Христовыхъ пасти и хранить въ оградѣ; какъ отступающихъ приводить къ вѣрѣ; какъ малодушныхъ и колеблющихся утверждать; какъ робкимъ придавать мужества; какъ освѣщать правдою вѣры сомнѣвающихся; какъ любимцевъ міра направлять къ любви Божіей; какъ скупцовъ и жадныхъ доводить до щедрости; однимъ словомъ, имѣть о спасеніи cadaго такое попеченіе, чтобы всякій членъ въ церкви Божіей получалъ личное и дѣйствительное лекарство отъ своей болѣзни душевной.»

Въ числѣ многихъ актовъ, относящихся до братства, помѣщенъ и уставъ Луцкой Школы, очень любопытный, потому что показываетъ взглядъ братій на просвѣщеніе. Основаніемъ просвѣщенія полагалось не многознаніе, не мірская мудрость, но кротость и благонравіе. Учили читать, писать, ариметикѣ, словеснымъ нау-

камъ и греческому языку; о латинскомъ не упоминается. Вѣроятно, основатели, обращая вниманіе на одинъ греческій языкъ, имѣли въ виду установить на Руси прочную связь съ греческимъ міромъ, что нужно было для религіознаго образованія и для поддержанія вѣры въ то время, ни чѣмъ такъ легко нельзя было разсѣять узловъ латинской діалектики, какъ свидѣтельствами святыхъ отцовъ въ оригиналѣ. Это прекрасное учрежденіе не укрылось отъ злобы католичества: « Въ 1634 году двадцать-четвертаго мая, схоластики езуитскаго коллегіума, подбучивши съ собою разнаго роду ремесленниковъ-католиковъ и униатовъ, ворвались въ дворъ братства съ палками, саблями и другимъ оружіемъ, разогнали побоями мальчиковъ изъ училища, били и мучили, нанося удары и кровавыя рапы бѣднымъ и увѣчнымъ людямъ въ богадѣльни, старикамъ и старухамъ, несмотря на ихъ увѣчья. Также палками и камнями били нѣкоторыхъ духовныхъ особъ, которыя вышедъ изъ своихъ келлій, увѣщевали тѣхъ злодѣевъ ласковыми словами не дѣлать такого неподобнаго насилія; а именно, игумену того монастыря, почтенному отцу Исаакію, нанесли удары камнями и кирпичами по рукѣ, спинѣ и шеѣ; а другихъ иноковъ въ догонъ палками или кольями по спинѣ, шеѣ, куда и чѣмъ попало жестоко и безжалостно били и наносили удары, оставляя знаки синіе, кровавые и опухоли весьма опасныя и кого только поймали, лишь бы только былъ Русскій, безъ всякаго состраданія саблями, палками, кирпичами били, колотили, мучили... разбили два сундука въ богадѣльнѣ, забрали деньги, побили камнями окна въ церкви. Дворъ церковный и церковь окровавили. » Такія неистовства совершались послѣ того цѣлую недѣлю надъ православными жителями Луцка. Любопытно видѣть, какъ православные защищались тогда отъ католиковъ: вмѣсто отплаты подобнымъ, вмѣсто браней и полемикъ, вмѣсто ожесточенія, они составили совѣщаніе, гдѣ положили *терпѣливо и покорно сносить всѣ обиды, не мстя за себя ни словами, ни проклятіями, ни иными поступками, ни черезъ какія средства* (стр. 224); а между-тѣмъ, признавая, что отступники потому сдѣлались таковыми, что были невѣжественны, неблагочестивы жизнію, властолюбивы и корыстолюбивы, положили стараться самимъ избѣгать подобныхъ слабостей и, напротивъ, преуспѣвать въ противоположныхъ имъ добродѣтеляхъ христіанскихъ. Духовнымъ *светоблице, чистотне, непорочне и справедливне вѣру церкве восточное и патриарховъ зѣ*

цѣлого и щираго сердца и души любить, грѣхъ, несправедливость и всякую нечистоту, фальшь, злости, не щирость такъ изъ духовныхъ якъ изъ свѣтскихъ выкореняти, бо пока въ насъ грѣси, вѣты не можно намъ повстати, наконецъ и смерти всякія яко мученицы охотне подымати; между-тѣмъ, укрѣпившись нравственною силою любви христіанской, распространять просвѣщеніе: книги на оборону благочестія писати, школы фундовати по мѣстехъ братства фундовати и проповѣдь въ церквахъ абы каждой недѣли и праздникоу была. Таковы мѣры къ защитѣ православія приняло Луцкое Братство въ своемъ совѣщаніи, за обнародованіе котораго нельзя достойно благодарить издателей. Это величайшее сокровище для исторіи нашей церкви и нашего народа. Таковъ былъ духъ православія въ южной Руси, столь истинно-христіанскій и совсѣмъ не сходный съ правилами католичества. Не должно слѣдовать, говорить въ концѣ это совѣщаніе, тому безбожному правилу, что если бѣ нанатѣму людей повлекъ съ собой въ адъ, никто не долженъ сказать ему: стой, что ты дѣлаешь! Если наши архіереи и другіе начальники допустятъ дѣлать себѣ замѣчанія и будутъ творить все предписанное, то отцы въ сынахъ, а сыны въ отцахъ пребывать будутъ, и такъ послѣдуетъ согласіе и приверженность къ нимъ народа (стр. 264). При такихъ условіяхъ и стараніяхъ и Унія должна прекратиться.

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ акты о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ поземельной собственности, въ-отношеніи къ крестьянамъ. Этотъ отдѣлъ любопытенъ и важенъ для исторіи нашего права и нашего стараго хозяйства, важенъ онъ потому, что указываетъ на несчастное состояніе крестьянъ подъ властію польскихъ пановъ. Уже давно Конискій увѣрялъ насъ, что паны отдавали на аренды Жидамъ православныя церкви. Поляки и противники казачества называли такія извѣстія ложью и указали на польскихъ и малороссійскихъ историковъ, которые объ этомъ не говорятъ ни слова. Въ самомъ дѣлѣ, и была причина сомнѣваться, потому что исторія Конискаго во многомъ не вѣрна и не точна; но теперь мы видимъ ясно и несомнительно, что Конискій правъ въ этомъ случаѣ до извѣстной степени. На страницѣ 96—112. «Кіевскихъ памятниковъ», напечатанъ листъ пана Якова Лыссаковского, данный арендаторамъ пану Якову Миклашевскому и Несвижскому Жиду Песаху, въ которомъ помѣщикъ отдаетъ на аренду имѣніе въ холмскомъ повѣ-

тѣ Слуць Черборскій и, вычисляя все угодья, какими арендаторы должны пользоваться, говорить: *Со всемъ правомъ, управленіемъ и властію ничего на себе, а ни на потомки свое право панованья и властности не зоставуючи и зо всіми малыми и великими съ тыхъ имень приходячими пожитками и доходами, зъ дворами, будованьемъ, загородами, виноградами, садами, хмельницами, гумнами оборами..... путными и ихъ службами съ церквами и подаваньемъ ихъ и зо всіми людьми тяглыми и не тяглыми и прочее.* Могутъ, впрочемъ, еще возразить: быть можетъ право на церкви относится не къ Жиду, а къ пану Миклашевскому; но въ записи это не оговорено и такъ какъ все управленіе дано обоимъ арендаторамъ на равныхъ правахъ и безъ исключеній въ пользу одного изъ нихъ, то, конечно, вправѣ мы предположить, что и управленіе церквами, постановленными наравнѣ съ скотскими дворами, относилось также къ Жиду. Въ другихъ напечатанныхъ здѣсь подобныхъ арендныхъ записяхъ, о церквахъ не говорится; но зато во всякой изъ нихъ представляется Жидамъ-арендаторамъ совершенно произвольный судъ надъ крестьянами, съ правомъ казнить ихъ смертью. На страницѣ 66—82 помѣщенъ листъ князя Пронскаго пану Адаму Буркацкому и Жиду Турейскому Абрамку, гдѣ сказано, что въ отдаваемыхъ имъ имѣніяхъ во Владимірѣ-на-Волыни, они (не только панъ, но и Жидъ) имѣютъ право *подданныхъ судити, винныхъ и непослушныхъ водлугъ выступковъ и безъ апелліаці до насъ карати бы тежъ и горломъ (смертію), а о тое мы сами, а ни потомки наши жаднои трудности имъ задавати не маемъ*; а на страницахъ 83—95 напечатанъ еще драгоценнѣйшій актъ, доказывающій, что и самимъ Жидамъ, безъ участія другаго арендатора, паны предоставляли тѣ же права: князь Григорій Коширскій отдалъ *славному пану Жиду Абрамку Шмойловичу и жентѣ его Риклѣ въ аренду мѣстечко Кошаръ, Кошуръ Старый, Кругель, Красnodубье, Городелецъ, дворъ и село Мезовъ и Мезову селище Борзовую Черемшанку, со всеми крестьянами и ихъ доходами, предоставляя арендатору подданныхъ всехъ судити, ридити, винныхъ и непослушныхъ подлугъ выступковъ ихъ винами и горломъ карати.* Послѣ этихъ памятниковъ, вопросъ кажется рѣшенъ и о возмущеніи малороссійскаго народа противъ Польши и о томъ, чѣмъ такое было панство польское.

Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ матеріалы для исторіи Малороссіи. Все акты, числомъ семьдесятъ шесть, относятся къ пер-

выишь двумя годами возстанія Хмельницкаго, 1648—1649, и исключая *регистра кравдъ казацкихъ*, напечатаннаго при статьѣ Маціевскаго о казакахъ и дневника послѣвъ королевскихъ, прїѣзжавшихъ въ началѣ 1649 года въ Переяславль, помѣщеннаго въ IV томѣ книги Нѣмцевича, *Zbiąg pamiećników o dawnej Polsce*, въ первый разъ, сколько поминить можно, появляются въ печатномъ мірѣ. Они важны, и потому что показываютъ состояніе умовъ въ то время, и потому что разъясняютъ порядокъ дѣйствій: въ лѣтописяхъ нашихъ встрѣчаются большія противорѣчія какъ въ числахъ, такъ и въ разсказахъ событій. Описанія нѣкоторыхъ пропшествій, заключающіяся въ этихъ актахъ, разногласятъ съ лѣтописями какъ польскими, такъ и русскими. Такъ напримѣръ, Коховскій, Рудовскій, Гродскій и малороссійская лѣтопись, говорятъ, что Хмельницкій убѣжалъ въ концѣ 1648 года въ Сѣчь а одна лѣтопись малороссійская назначаетъ даже время прибытія его въ Сѣчь первое декабря; прежде же того онъ пробылъ около, или болѣе, мѣсяца на островѣ Бучаѣ. Но изъ писемъ Луки Мясковскаго, служившаго тогда въ польскомъ войскѣ, видно, что Хмельницкій находился на Бучаѣ въ послѣднихъ дняхъ марта 1648, между-тѣмъ какъ Конискій полагаетъ въ это время взятіе Кодака. Въ лѣтописяхъ Коховскаго и книгѣ *Pamiętniki o wojnach kozackich* говорится о пораженіи Кривовоса Вишневецкимъ двадцать-пятого іюля 1648 года, а здѣсь то же пораженіе приписывается Доминику Заславскому, который, какъ мы думали прежде, стоялъ безъ дѣйствія подъ Глинянами въ то время. Наконецъ взятіе Кодака и желтоводская битва относятся къ маю 1648, а не къ апрѣлю, какъ слѣдовало бы думать. Помѣщено письмо Гродзицкаго, коменданта кодацкаго, отъ пятаго мая, изъ чего можно заключить, что Кодакъ былъ тогда еще не взятъ. Помѣщено также письмо снѣдика Львовскаго, гдѣ говорится, что сынъ Потоцкаго атакованъ былъ перваго мая, а совершенно разбитъ двадцать-шестаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ говорится, что паны гетманы пришли подъ Корсунь третьяго мая, а разбиты двадцать-шестаго. Здѣсь путаница въ событіяхъ. Какъ Хмельницкій могъ въ одно время дѣйствовать на различныхъ пунктахъ? По другимъ реляціямъ, здѣсь не помѣщеннымъ, видно, что желтоводская битва была въ апрѣлѣ, а корсунская пятнадцатаго мая, на Зеленой Недѣлѣ, а какъ въ тотъ годъ Свѣтлое Воскресеніе было въ одинъ день съ Благовѣщеніемъ, то это сказаніе достовѣрно. Если же битва желтоводская была въ

апрѣль, то и Кодакъ взять въ этомъ мѣсяцѣ, потому что плѣннаго Чарвецкаго, захваченнаго на Желтыхъ Водахъ, Хмельницкій отправилъ въ Кодакъ, изъ чего должно предположить, что въ письмѣ Гродзницкаго слѣдуетъ читать: отъ девятаго апрѣля, а не девятаго мая; въ противномъ случаѣ битва корсунская должна происходить уже въ июнѣ, между-тѣмъ какъ всѣ историки и реляціи полагаютъ ее въ маѣ.

Намъ остается только желать, чтобъ коммисія продолжала свои прекрасные труды и не замедлила познакомить насъ съ дальнѣйшими дѣянiями Хмельницкаго. Тогда эта знаменитая эпоха могла бы быть разработана какъ слѣдуетъ и оживиться подъ перомъ искуснаго историка-художника, а эта эпоха достойна мастерской кисти.

(Сообщено изъ Кіева.)

KOSMOS.

(МИРОЗДАНИЕ.)

ПРИМЪЧАНІЯ.

=

№ 1. Leopold von Buch, *Physikalische Beschreibung der Canarischen Inseln*, стр. 356 — 358, и въ особенности французской переводъ этого превосходнаго творенія *Description phys. des Iles Canaries*, стр. 402; также въ *Poggend. Ann.*, часть XXXVII, стр. 183. Въ позѣйшее время опять образовался подводный островъ въ Санторинскомъ кратерѣ. Въ 1810 году этотъ островъ находился въ 15 брассахъ ниже поверхности моря, въ 1830 году — только 3 — 4 брассъ. Онъ подымается круто въ видѣ огромнаго цилиндра, со дна морскаго; продолжающаяся подземная дѣятельность подводнаго кратера обнаруживается отдѣленіемъ сѣрникоислыхъ паровъ, при мѣшивающихся къ морской водѣ въ восточной бухтѣ Нео-Каммени, какъ и при Метанѣ въ Вромолими. Обитые мѣдью корабли часто бросаютъ якорь въ бухтѣ, для того чтобы мѣдная обшивка въ короткое время вычистилась и опять стала блестящею, естественнымъ или, лучше сказать, вулканическимъ способомъ. (Virlet въ *Bulletin de la Société géologique de France*, томъ III, стр. 109 и Fiedler, *Reise durch Griechenland*, томъ II, стр. 469 и 584).

2. Явленіе новаго острова близъ Азорскаго острова Санъ-Мигуель: 11 іюня 1638, 31 декабря 1719, 13 іюня 1811.

3. Prévost в Bulletin de la Société géologique, томъ II, стр. 34; Friedrich Hoffmann, Hinterlassene Werke, часть II, стр. 451—456.

4. «Accedunt vicini et perpetui Aethnæ montis ignes et insularum Aeo- lidum, veluti ipsis undis alatur incendium; neque enim aliter durare tot seculis tantus ignis potuisset. nisi humoris nutrimentis aleretur», (Justin. Hist. Philipp. IV, 1). Вулканическая теорія, которою начинается Юстиново физическое описаніе Сициліи, очень запутана. Толстые пласты сѣры и смолы, очень-тонкая, изобилующая пустотами, легко раскалывающаяся земля; сильное движеніе морскихъ волнъ, которые ударяясь о берегъ, захватываютъ и увлекаютъ воздухъ (вѣтеръ), для разведенія огня: вотъ элементы теоріи Трога Помпея, скопированной Юстиномъ. Имѣя въ виду, что воздухъ можетъ быть вѣсняемъ во внутренность земли, и долженъ тамъ поддерживать вулканической очагъ, древніе приписывали некоторымъ вѣтрамъ влияніе на вулканическую дѣятельность Этны, Пьеры и Стромболи (см. замѣчательное мѣсто въ Strabo lib. VI, стр. 275 и 276). Горный островъ Стромболи (Strongyle), считался жилищемъ Эола, «владителя вѣтровъ», потому, что мореплаватели предугадывали погоду по силѣ вулканическихъ изверженій Стромболи. Такая связь изверженій небольшого вулкана съ состояніемъ барометра и направленіемъ вѣтровъ (Leopold von Buch, Descr phys. des iles Canaries, стр. 334; Гофманъ въ Poggend. Annalen, часть XXVI, стр. 8) еще и нынѣ всѣми признается, не смотря на то, что мы не можемъ дать на это удовлетворительнаго объясненія по настоящему состоянію нашихъ свѣдѣній о вулканическихъ явленіяхъ и незначительныхъ переизмѣненіяхъ воздушнаго давленія, сопровождающихъ наши вѣтры. — Бембо, воспитанный въ Сициліи Греческими выходцами, очень пріятно рассказываетъ свои путешествія на Этну въ Aetna Dialogus (въ половинѣ 16 столѣтія). Здѣсь онъ развиваетъ теорію произванія морской воды въ очагъ вулкановъ и старается доказать необходимость близости моря для произведенія вулканическихъ явленій. При поднятій на Этну онъ задаетъ себѣ слѣдующій вопросъ: Explana potius nobis quæ petimus, ea incendia unde oriuntur et orta quomodo perdurent? In omni tellure nusquam majores fistulæ aut meatus ampliores sunt quam in locis, quæ vel mari vicina sunt, vel a mari protinus alluuntur: mare erodit illa facillime pergitque in viscera terræ. Itaque cum in aliena regna viam sibi faciat, ventis etiam facit; ex quo fit ut loca quæque maritima maxime terræ motibus subjecta sint, parum mediterranea. Habes quæ in sulfuris venas venti furentes inciderint, nude incendia oriuntur Aetnæ tuæ. Vides, quæ mare in radicibus habeat, quæ sulphurea sit, quæ cavernosa, quæ a mari aliquando perforata ventos admiserit æstuantes, per quos idonea flammæ materies incenderetur.

5. Срав. Gay-Lussac, sur les Volcans, въ Annales de Chimie, томъ XXII, с. 427; и Bischof, Wärmelehre, стр. 272. О противудѣйствіи вулканическаго очага давленію водяныхъ столбовъ, если только расширительная сила паровъ преодолеваетъ гидростатическое давленіе, побуждаютъ насъ заключить изверженія дыма и водяныхъ паровъ, видѣнные около Лансероты, Меландія и Курильскихъ острововъ во время изверженія соедѣственныхъ вулкановъ.

6. Abel-Rémusat, Lettre à Mr. Cordier въ Annales des Mines, томъ V, стр. 137.

7. Humboldt, Asie centrale, томъ II, стр. 30—33, 38—52, 70—80 и 426—428. Существованіе дѣйствующихъ вулкановъ въ Кордофанѣ, на отдаленіи 135 миль отъ Краснаго моря, недавно опровергнуто *Рюеллемъ* (Reisen in Nubien 1828, стр. 151).

8. Dufrenoy et Elie de Beaumont, Explication de la Carte géologique de la France, томъ I, стр. 89.

9. *Собокла*, Philoct. v. 971—972. О догадочной эпохѣ затуханія *Лемноскаго огня* во времена Александра. См. Buttmanн въ Museum der Alterthumswissenschaft томъ I, 1807, стр. 295; Dureau de la Malle въ Malte-Brun, Annales des Voyages, томъ IX, 1809, стр. 5; Ukert въ Bertuch Geogr. Ephemeriden, томъ XXXIX 1812, стр. 361; Rhode, Res Lemnicæ 1820, стр. 8, и Walter, über Abnahme der vulkan. Tätigkeit in historischen Zeiten 1844, стр. 24. Предпринятое Шуазелемъ гидрографическое поѣзданіе Лемноса на картѣ дѣлаетъ вѣроятнымъ то, что выгорѣвшій фундаментъ *Мосихла* вѣстѣ съ островомъ Хрисе, пустыннымъ мѣстопребываніемъ Филокета (Otfried Müller, Minyer, стр. 300), были уже давно поглощены моремъ. Ущелія въ скалахъ и утесы на сѣверовостокѣ Лемноса обозначаютъ мѣсто, на которомъ въ Эгейскомъ морѣ находился некогда продолжительно дѣйствовавшій вулканъ, подобный Этнѣ, Везувію, Стромболи и вулкану Липаровъ.

10. Срав. Reinwardt и Hoffmann въ Poggendorf's Annalen, часть XII, стр. 607; Леопольдъ фонъ Буль, Descr. des Iles Canaries, стр. 424 и 426. Грязныя, глинистыя изверженія Каргайрацо, въ то время, когда обрушился вулканъ 1698 г., также Lodazales Игалаты, и Мойя Пеллео суть подобныя вулканическія явленія на сплошной Китской возвышенности.

11. Въ одномъ изъ разрывовъ почвы окрестностей Тескуко, Тотонилько и Морана (Atlas géographique et physique, таблица VII), которые я первоначально (1803 г.) назначалъ для неизданной Pasigraphia geognostica destinada al uso de los Jovenes del Colegio de Minería de Mexico, я, въ 1832 г. являлъ плутоническія и вулканическія изверженныя породы *соды*

генетическими (образовавшимся во внутренности), а осадочные и флювиальные *эксгенетическими* (образовавшимся на поверхности земной коры). Въ принятой мною графической системѣ первыя породы были означены стрѣлою съ остриемъ къверху, а другія съ остриемъ внизъ. Эта система имѣетъ по-крайней-мѣрѣ ту выгоду, что разрѣзы, въ которыхъ нужно изобразить по большей части горизонтально расположенныя одна надъ другою осадочныя формации, не будутъ такъ грубо обезображены; въ большой части нынѣшнихъ профилей, изверженныхъ и проницающія жилки базальту, порфиру или сіениту означаются жилами восходящими вверхъ, совершенно произвольно и несогласно съ природою. Названія, предложенныя мною для палиграфически геогностическаго профиля, образованы по ботаническимъ терминамъ Декандоля (эндогеническій вмѣсто однодольный (*monocotyledon*), и эксгенетическій вмѣсто двудольный (*dicotyledon*). Но Моль доказалъ, что растенія однодольныя не развиваются изнутри къ наружи ни двудольныя снаружи внутрь. (*Линкэ; Elementa Philosophiæ botanicæ*, томъ I, 1837 стр. 287; *Endlicher и Unger, Grundzüge der Botanik*, 1843, стр. 89; и *Жюссель, Traité de Botanique*, томъ I, стр. 85). То, что я называю *эндогенетическими*, *Лиелль* въ своихъ *Principles of Geology*, 1833, Vol. III, стр. 374 называетъ «*netherformed*» или «*hypogene rocks*».

12. Срав. Леопольда фонъ *Буха* Ueber Dolomit als Gebirgsart, 1823, стр. 36, и его же о степени жидкости, какую должны имѣть плутоическія породы утесовъ при своемъ появленіи, равно какъ и о происхожденіи гнейса изъ сланцевъ, посредствомъ дѣйствія гранита и соединенныхъ съ его поднятій веществъ, также въ *Abhandl. der Akad. der Wissenschaft zu Berlin* изъ 1842, стр. 58 и 63, какъ и въ *Jahrbuch für wissenschaftliche Kritik*, 1840, стр. 135

13. *Дарвинъ*, *Volcanic Islands*, 1844, стр. 49 и 154.

14. Moreau de Jonnés, *Hist. phys. des Antilles*, томъ I, стр. 136, 138 и 543; Humboldt, *Relation historique*, томъ III, стр. 367.

15. При Тегица; Leopold von Buch, *Canarische Inseln*, стр. 301.

16. См. выше на 9 стр.

17. Bernhard Cotta, *Geognosie* 1839, стр. 273.

18. Леопольдъ фонъ *Бухъ*, Ueber Granit und Gneiss въ *Abhandlung der Berliner Academie*, изъ 1842 г., стр. 60.

19. Въ поднимающемся стѣнообразно и раздѣленномъ на узкія параллельныя отдѣльности гранитъ Колыванскаго озера, полевой шпатъ и амфибъ составляютъ главнѣйшую часть, а кристаллы титана. — рѣдки; *Гумбольдъ*

ма, *Asie centrale*, томъ I, стр. 295; Густава *Rose*. *Reise nach dem Ural*, часть I, стр. 524.

20. Гумбольдтъ, *Relation historique*, томъ II, стр. 99.

21. Плавъ Биря-тау, святой мною съ южной стороны, гдѣ находились палатки Киргизовъ, въ *Rose*, часть I, стр. 584. О гранитныхъ шарахъ, который ломается на чешуйчатыхъ отдѣльностяхъ, см. *Гумбольдта*, *Relat. hist.*, томъ II, стр. 597, и *Essai géogn. sur le Gisement des Roches*, стр. 78.

22. *Гумбольдта*, *Asie centrale*, томъ I, стр. 299 — 311 и рисунки въ *Rose's Reise*, часть I, стр. 611, эти рисунки изображаютъ характерное замѣченное Леопольдомъ фонъ Бухомъ, *изгибание* чешуй гранита.

23. Это замѣчательное разлѣшеніе пластами было сначала описано *Вейссомъ* въ *Karsten's Archiv für Bergbau und Hüttenwesen*, часть XVI, 1827, стр. 5.

24. *Dufrénoy et Elie de Beaumont*, *Géologie de la France*, томъ I, стр. 130.

25. Эти видѣряющіеся пласты діорита играютъ особенно важную роль въ найльскихъ рудокопняхъ близъ Штебена, въ *Poggendorf's Annalen*, часть XVI, стр. 558.

26. Въ южномъ и Башкирскомъ Уралѣ; *Rose*, *Reise*, часть II, стр. 171.

27. Г. *Rose*, *Reise nach dem Ural*, часть II, стр. 47 — 52, о тождественности элеолита и нефелина. Последній минералъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько большее количество извести, см. *Scheerer* въ *Poggend. Annalen*, часть XVII, стр. 359 — 381.

28. См. превосходные труды Мичерлиха въ *Abhandlungen der Berliner Akademie* изъ 1822 и 1823, стр. 25—41, въ *Poggendorf's Annalen*, часть X, стр. 137—152, часть XI, стр. 323—332, часть XII, стр. 213—216 (*Густавъ Rose Ueber Bildung des Kalkspath und Aragonits* въ *Poggend. Ann.*, часть XII, стр. 353—366; *Гейдлингеръ* въ *Transactions of the Royal Society of Edinburgh*, 1827, стр. 145).

29. *Лилль*, *Principles of Geology*, Vol. III, стр. 353 и 359.

30. Приведенное мною описаніе мѣстонахожденія гранита составляетъ общій или главный характеръ всей формаціи. Впрочемъ, видъ, который гранитъ имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даетъ поводъ думать, что эта порода имѣла нѣкоторую степень жидкости во время своего изверженія (смотри описаніе Нарымской цѣпи, находящейся на границахъ Китая, въ *Ro-*

ze, *Reise nach dem Ural*, часть I, стр. 599; тоже можно сказать и о трихитѣ (Dufrenoy et Elie de Beaumont, *Description géologique de la France*, томъ I, стр. 70). Въ текстѣ я говорилъ объ узкихъ трещинахъ, чрезъ которыя выстругались базальтическія породы; здѣсь я замѣчу, что есть обширныя щели, чрезъ которыя вышли наружу мелафירים (последнихъ не должно смѣшивать съ базальтами). О щели шириною въ 450 футовъ, чрезъ которую подвигался мелафиръ въ каменноугольныхъ копахъ при Корнбургѣ въ Горь-Еджъ, смотри интересное описаніе *Моргисона*, *The Silurian System*, стр. 126.

31. Сиръ Джемсъ *Гилль* въ *Edinb. Transact.* Vol. V, стр. 43, Vol. VI, стр. 71; Грегори *Вантъ* въ *Philos. Transactions of the Royal Society of London* въ 1804, часть II, стр. 279; Дартигъ и Флёрю де Бельвю въ *Journal de Physique*, томъ LX, стр. 456; *Бишофъ*, *Wärmelehre*, стр. 313 и 443.

32. Густавъ Розе въ *Poggendorf's Annalen der Physik*, часть XLII, стр. 364.

33. О диморфизмѣ сѣры въ *Мигерлица Lehrbuch der Chemie*, § 55 и 63.

34. О гипсѣ, какъ о кристаллѣ съ одною осью, о сѣрнокислой магнезин, о цинковыхъ и никкелевыхъ окислахъ, смотри *Мигерлица* въ *Poggend. Ann.*, часть XI, стр. 328.

35. *Коста*, Опыты въ Крѣзо надъ ломкостью полосоваго желѣза, въ *Ели де Бомона Mém. géol.*, томъ II, стр. 411.

36. *Мигерлица* о растяженіи кристаловъ отъ теплоты въ *Poggend. Ann.*, часть X, стр. 151.

37. О двойныхъ плоскостяхъ соприкосновенія слоевъ, см. *Ели де Бомонъ*, *Géologie de la France*, стр. 41; *Крицнера*, *Geognosie Thüringens und des Harzes*, стр. 40; *Ремера*, *Das Rheinische Uebergangsgebirge*, 1844, стр. 5—9.

38. Цвѣтъ кремезана, зависитъ не отъ одной описи желѣза, а также отъ примѣси глины, извѣсти и поташу: *Розе*, *Reise*, часть II, стр. 187; Объ образованіи яшмы чрезъ прикосновеніе съ діоритовымъ порфиромъ, аугитомъ и гиперштейномъ, см. *Rose*, часть II, стр. 169, 187 и 192. Сравни также часть I, стр. 427, гдѣ находятся изображенія шаровъ порфира, между которыми есть яшма въ содержащей извѣсть грауваккѣ Богословскихъ горъ, образовавшая въ слѣдствіе плутоическаго дѣйствія ауг-

ита; часть II, стр. 545, какъ *Luzboldts Asie centrale*, томъ I, стр. 486.

39. *Rose, Reise nach dem Ural*, часть I, стр. 586—588.

40. Для удостовѣренія себя въ вулканическомъ происхожденіи слюды очень важно вспомнить, что кристаллы слюды находятся: въ базальтѣ Богенскихъ горъ, въ лавѣ Везувія 1822 г. (*Montigelini, Storia del Vesuvio negli anni 1821 e 1822* § 99), въ отложенияхъ глинистаго сланца, обвитыхъ окаймленнымъ базальтомъ при Гогенфельсѣ неподалеку отъ Геролштейна на Эльбѣ (см. *Mügerlixa* въ *Leonhard, Basaltgebilde* стр. 244). О происхожденіи полеваго шпата въ глинистомъ сланцѣ чрезъ соприкосновеніе порфире между Ураломъ и Поиетомъ (Форезомъ) см. *Dufrenoy* въ *Géol. de la France*, томъ I, стр. 137. Въ Бретани, при Пенполѣ (томъ I, стр. 234), сланцы обвиты подобному соприкосновенію своимъ микроскопическимъ и явственнымъ характеромъ, взглядъ на который весьма изумилъ меня во время геогностическаго путешествія пѣшкомъ съ профессоромъ Кунтомъ по этой интересной странѣ.

41. Леопольдъ фонъ *Buchs* въ *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, изъ 1842 г. стр. 63 и въ *Jahrbüchern für wissenschaftliche Kritik*, Jahrgang 1840, стр. 196.

42. Ели де *Бомонъ* въ *Annales des Sciences naturelles*, томъ XV, стр. 362—372: «En se rapprochant des masses primitives du Mont Rose et des montagnes situées à l'ouest de Coni, on voit les couches secondaires perdre de plus en plus les caractères inhérents à leur mode de dépôt. Souvent alors elles en prennent qui semblent provenir d'une toute autre cause, sans perdre pour cela leur stratification, rappelant par cette disposition la structure physique d'un tison à moitié charbonné dans lequel on peut suivre les traces des fibres ligneuses, bien au-delà des points qui présentent encore les caractères naturels du bois». (Срав. также *Annales des Sciences naturelles*, томъ XIV, стр. 118—122 и г. фонъ *Деленъ*, *Geognosie*, стр. 553) Къ разительнѣйшимъ доказательствамъ преобразованія горныхъ породъ чрезъ плутоическое дѣйствіе принадлежатъ белемниты въ сланцахъ *Нуффененъ* (альпійской долины и хрящевыхъ ледяныхъ вершинъ, какъ и белемниты въ такъ называемомъ первобытномъ известнякѣ, найденныя г. Шарпантье на западномъ склонѣ Коль де Севьи, между Ениловъ де Монжове и Альпійскою хижиною де ла Ланшеттъ (*Annales de Chimie*, томъ XXIII, стр. 262) и показанныхъ мнѣ въ Бексѣ осенью 1822 г.

43. *Гофманъ* въ *Poggend. Ann.*, часть XVI, стр. 552. «Слой переходнаго глинистаго сланца Сосновыхъ горъ, которые могутъ быть преслѣдованы на протяженіи 4 миль, только на своихъ обоихъ предѣлахъ, которыми они соприкасаются съ гранитомъ, переобразовываются въ гнейсъ. Тамъ можно видѣть какъ гнейсъ, постепенно образуется и какимъ образомъ слюда и

полевой шпатель образовались въ глинистый сланецъ, который и безъ того содержитъ почти всѣ элементы этихъ минераловъ».

44. Въ томъ, что осталось намъ отъ искусственныхъ произведеній греческой и римской древности, замѣчаютъ недостатокъ яшмовыхъ столбиковъ и большихъ сосудовъ изъ яшмы, доставляемыхъ нынѣ только Уральскими горами. Минералъ, который обрабатываютъ на Алтаѣ за яшму есть прекрасной *лентогный* порфиръ. Название *«яшма»* по переводу съ семитическихъ языковъ, кажется по сбивчивымъ описаніямъ *Феофраста* (de Lap. 23 и 27) и *Плинія* (XXXVII, 8 и 9), причисляющаго яшму къ непрозрачнымъ драгоценнымъ камнямъ, относится къ отломкамъ яспахата и такъ называемой опалевой яшмы, называемой древними *Ясповиксомъ*. По этому *Плиній* считаетъ 11 дюймовой кусокъ яшмы за рѣдкость, какъ это видно изъ его взгляда: «magnitudine jaspidis undecim unciarum vidi nus, formatamque inde effigiem Neronis horacatam». По *Феофрасту* камень, называемый имъ *изумрудомъ*, изъ котораго вырѣзаны большіе обелиски, есть не иное что, какъ не совсѣмъ образовавшаяся яшма.

45. *Гумбольдтъ*, Lettre à Mr. Brochant de Villiers въ Annales de Chimie et de Physique, томъ XXIII, стр. 261; *Леопольдъ фонъ Бухъ*, Geogn. Briefe über das südliche Tyrol, стр. 101, 105 и 273.

45. Преобразование плотнаго известняка въ зернистый при посредствѣ гранита въ Пиренеяхъ (Montagne de Ranci.) см. *Дюфреноа* въ Mémoires géologiques, томъ II, стр. 440, и въ Montagnes de l'Oisans, см. *Ели де Бомонъ*, Mémoires géologiques, томъ II, стр. 379—415; при посредствѣ порфировъ диорита и пирокса (*Офитовъ*); *Ели де Бомонъ*, Géologie de la France, томъ I, стр. 72) между Тулузою и Севъ-Себастьяномъ, см. *Дюфреноа* въ Mém. géol., томъ II, стр. 130; при посредствѣ сіенита на островѣ Скай, гдѣ въ измѣнившемся известнякѣ еще видны окаменѣлости, г. фонъ *Дехенъ*, Geognosie стр. 573. Въ преобразованіи мѣла чрезъ соприкосновеніе съ базальтомъ въ размѣщеніи малѣйшихъ частицъ должна происходить замѣчательная перемѣна, чтобъ дать этой породѣ вытѣшную кристалловидность и зернистость, потому что по остроумнымъ микроскопическимъ изслѣдованіямъ *Эренберга* мѣловые частицы прежде образовали отдѣльные кольца. См. *Roggendorf's Annalen der Physik*, часть XXXIX, стр. 105; *Розе* часть XLII, стр. 354.

47. Пласть *зернистаго* известняка въ гранитѣ при Порто д'Оо и въ Монъ де-ла Лабуръ. См. *Шарпантье*, Constitution géologique des Pyrénées, стр. 144—146.

48. *Леопольдъ фонъ Бухъ*, Descr. des Canaries стр. 394; *Фидлера*, Reise durch das Königreich Griechenland, часть II, стр. 181, 190 и 516.

49. Я уже въ другомъ мѣстѣ упомянулъ о замѣчательныхъ словахъ *Оригена*, въ Philosophumena глава 14 (Орега изд. Деларю, томъ I,

стр. 893). Очень невѣроятно, чтобы Ксенофанъ принялъ отпечатокъ лавра (*τύπον θφης*) за отпечатокъ рыбы (*τύπον ἰψῆς*). Деларю несправедливо приицаетъ поправку Якова Гронобія, извѣннвшаго *лаврѣ* въ *сардельѣ*. Однако окаменѣніе рыбы вѣроятнѣе, чѣмъ естественное изображеніе Силена, которое, по мнѣнію каменоломщиковъ, (Plin. XXXVI, 5), во время ломки, выколото изъ Паросскаго мрамора, (горы Марпесса, Servius ad Virg. Aen. VI, 471).

50. О геогностическихъ отношеніяхъ окрестностей *луниаго города* Каррары (города луны, Strabo lib. V, стр. 222) см. *Сави*, *Observazioni sui terreni antichi Toscani* въ Nuovo Giornale de'Letterati di Pisa, № 63, и Гофманъ въ Karsten's Archiv für Mineralogie, часть VI, стр. 258 — 263, и его же Geogn. Reise durch Italien, стр. 244—265.

51. По гипотезѣ превосходнаго и очень опытнаго наблюдателя, *Карла фонъ Леонарда*; смотри его Jahrbuch für Mineralogie, 1834, стр. 329 и Бернгарда Котты, Geognosie стр. 310.

52. Леопольдъ фонъ *Бухъ*, Geognostische Briefe an Alexander von Humboldt 1824 стр. 36 и 82; его же Annales de Chimie, томъ XXIII, стр. 276 и Abhandlungen der Berliner Akademie 1822 и 1823 гг., стр. 83—156; г. фонъ *Дехенъ*, Geognosie стр. 574—576.

53. Гофмана, Geogn. Reise, обработанное фонъ Дехеномъ, стр. 113 119, 380 и 386 Poggendorff's Annalen der Physik, часть XXVI, стр. 41.

54. *Дюбреноа* въ Mém. géologiques, томъ II, стр. 145 и 179.

55. *Гумбольдта*, Essai géogn. sur le Gissement des Roches, стр. 93; Asie centrale, томъ III, стр. 532.

56. Ели де *Бомонъ* въ Annales des Sciences naturelles, томъ XV, стр. 362; *Мургисонъ*, Silurian System, стр. 286.

57. *Розе*, Reise nach dem Ural, часть I, стр. 364 и 367.

58. Леопольдъ фонъ *Бухъ*, Briefe, стр. 109—129. Срав. также Ели де *Бомонъ* о соприкисновеніи гранита съ слоями Юры въ Mém. géol, томъ II, стр. 408.

59. *Гофмана*, Reise, стр. 30—37.

60. О химическомъ процесѣ образованія желѣзнаго блеска см. *Гей-Люсака* въ Annales de Chimie, часть XXII, стр. 415 и Мичерлиха въ Poggend. Ann., часть XV, стр. 630. Въ пустотахъ обсидіана Серро дель Якаль, который я привезъ изъ Мексики, образовались кристаллы ольвина вѣроятно чрезъ возгонку (Густавъ *Розе* въ Poggend. Ann., часть X, стр. 323). По этому ольвинъ встрѣчается въ базальтѣ, въ лавѣ, въ обсидіанѣ, въ искусственныхъ окалинахъ, въ метеорныхъ каменьяхъ, въ сіенитѣ Еледалевскомъ и (въ видѣ гіалосидерита) въ ваккѣ на Кейзерштуль.

61. Константинъ фонъ *Бейтъ*, Ueber die Porphyrgebilde 1835, стр. 89—96; его же Beleuchtung der Wernerschen Gangtheorie 1840, стр. 6, К. фонъ *Вейссенбахъ*, Abbildungen merkwürdiger Gangverhältnisse 1836, фиг. 12. *Лентообразное* устройство жильовыхъ массъ, впрочемъ, не есть постоянное явленіе; точно также и порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ, не опредѣляетъ положительно ихъ относительной древности; см. *Фрейслебена* Ueber die sächsischen Erzgänge 1843, стр. 10—12.

62. *Мичерлиха* Ueber die künstliche Darstellung der Mineralien, въ Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin изъ 1822 и 1824 гг., стр. 25—41.

63. Въ шлакахъ были находимы кристаллы полеваго шпата, найденныя Гейномъ (въ мѣдиплавильныхъ печахъ неподалеку отъ Зангергаузена) и разложеныя Керстеномъ (Poggend. Ann., часть XXXIII, стр. 337); кристаллы аугита въ шлакахъ Сале (Мичерлихъ въ Abhandlung der Akademie zu Berlin, 1822 и 1823, стр. 40); кристаллы оливина (Schström въ Basaltgebilde von Leonhard стр. 506), слюды въ древнихъ окалинахъ Гаршенберга (Мичерлихъ въ сочиненіи Леонарда) стр. 506; магнитнаго камня въ окалинахъ Шатильюна на Сентъ (Leonhard, стр. 441); желѣзной окиси въ горючей глинтъ (Mitscherlich въ Leonhard, стр. 234).

64. Искусственно произведены: идокрась и гранатъ (Mitscherlich въ Poggendorff's Annalen der Physik, часть XXX, стр. 340), рубинъ (Годенъ въ Comptes rendus de l'Académie des Sciences, томъ IV, табл. I, стр. 999), оливинъ и аугитъ (Мичерлихъ и Бертъ въ Annales de Chimie et de Physique, томъ XXIV, стр. 376). Не смотря на то, что, по Густаву Розе, аугитъ и роговая обманка очень сходны по образованію кристалловъ и что ихъ химическій составъ почти одинаковъ, все таки еще никогда не встрѣчали роговой обманки вмѣстѣ съ аугитомъ въ шлакахъ; также не удалось химикамъ составить искусственно роговой обманки или полеваго шпату. (Mitscherlich въ Poggend. Ann., часть XXXIII, стр. 340 и Rose, Reise nach dem Ural, часть II, стр. 358 и 363). Смотри также Бедана въ Мém. de l'Acad. des Sciences, томъ VIII, стр. 221 и Бекерелевы остроумныя опыты въ его Traité de l'Electricité, томъ I, стр. 334; томъ III, стр. 218; томъ VI, стр. 148 и 185.

65. Д'Обюссонъ въ Journal de Physique, томъ XXVIII, стр. 128.

66. Leopold von Buch, geognost. Briefe, стр. 75—82, гдѣ доказывается въ одно время, что красный песчаникъ (мертвая порода тюрингенскаго флецоваго хребта) и виды каменнаго угля должны быть разсматриваемы, какъ произведенія изверженнаго порфѣра.

67. Открытіе миссъ Мери Эппингъ, нашедшей впервые копролиты рыбъ. Копролиты рыбъ и Ихтиозаура встрѣчаются въ Англіи (напримѣръ при Lyme Regis) въ такомъ количествѣ, что по выраженію Букландъ они раз-

смыслы на подобіе картофеля. См. Букландъ, *Geology considered with reference to natural theology*, Vol. I, стр. 188—202 и 305. Касательно надежды Гука to raise a chronology (вывести хронологію) изъ простаго изслѣдованія разломанныхъ и окаменѣлыхъ раковинъ, and to state the intervals of the time where in such or such catastrophes and mutations have happend, см. *Posth Works, Lecture Febr. 29, 1688.*

68. Леопольдъ фонъ Бухъ въ *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, 1837, стр. 64.

69. Онъ же, *Gebirgsformationen von Russland*, 1840, стр. 24—40.

70. Агассисъ, *Monographie des Poissons fossiles du vieux grès rouge*, стр. VI и 4.

71. Леопольдъ фонъ Бухъ въ *Abhandlungen der Berliner Academie*, 1838 стр. 149—168; *Beyrich, Beitr. zur Kenntniss des Rheinischen Uebergangsgebirges* 1837, стр. 45.

72. Агассисъ, *Recherches sur les Poissons fossiles*, томъ I, introduc.; стр. XVIII (*Davy, Consolations in Travel. Dial. III.*)

73. По Герману фонъ Мейеру,—Протозауръ. Ребро ящера, найденное будто бы въ горномъ известнякѣ Нотомберленда, по Ланлю (*Geology* 1832, Vol. I, стр. 148) очень сомнительно. Открывшій это ребро приписываетъ его пластамъ, покрывающимъ грубой известнякъ.

74. F. von Alberti, *Monographie des bunten Sandsteins, Muschelkalks und Keupers*, 1834, стр. 119 и 314.

75. Смотри остроумныя разсужденія Германа фонъ Мейера объ организаціи летучихъ ящеровъ въ *Palaeologica* стр. 228—252. На окаменѣломъ экземплярѣ *Pterodactylus crassirostris*, который найденъ также какъ давно известный *P. longirostris* (*Ornithoscepalus*) въ Золенгофенѣ, въ литографическомъ сланцѣ верхней Юрской формаци, Профессоръ Гольдфусъ нашелъ даже слѣды летательныхъ перепонокъ, съ оттисками искривленныхъ, влохистыхъ волосъ, изъ которыхъ швы имѣютъ до одного дюйма длины.

76. Cuvier, *Recherches sur les Ossemens fossiles*, томъ I, стр. LII—LVII (см. также таблицу геологическихъ эпохъ въ *Geology* Филлипса, 1837, стр. 166—185).

77. Агассисъ, *Poissons fossiles*, томъ I, стр. XXX и томъ III, стр. 1—52; Букландъ, *Geology*, Vol. I, стр. 273—277.

78. Ehrenberg über noch jetzt lebende Thierarten der Kreidebildung въ *Abhandlungen der Berliner Akademie* 1839, стр. 164.

79. Валансиенъ въ *Comptes rendus de l'Acad. des Sciences*, томъ VII, 1838, стр. 2 и 580.

80. Въ Weald-Clay, Беданъ, *Géologie* стр. 173. Число орнитолитовъ увеличивается въ третичныхъ пластахъ гипса (Кюве, *Ossemens fossiles*, томъ III, стр. 302—328).

81. Леопольд фонъ Бухъ въ *Abhandlungen der Berliner Akademie*, 1830, стр. 135 — 137.

82. Кепистотъ, *Flözgebirge Württembergs* 1843, стр. 135.

83. Онъ же, стр. 13.

84. Морчисонъ раздѣляетъ пестрый песчаникъ на два разряда, одинъ изъ нихъ,—верхняя тріада Алберти, другой—нижняя тріада, куда принадлежитъ Богезскій песчаникъ Эли де Бомона; цехштейнъ и красный песчаникъ образуетъ пермійскую систему. Морчисонъ считаетъ началомъ вторичныхъ формаций верхнюю тріаду, то есть верхній отдѣлъ нѣмецкаго *bunter Sandstein*; пермійская система, углистый извѣстнякъ или горный извѣстнякъ, дивонскіе и силурійскіе пласты составляютъ его палеозоическія формации. Въ этой системѣ мѣлъ и юрскій извѣстнякъ, называются высшими вторичными формациями; а кейперъ, раковинный извѣстнякъ и пестрый песчаникъ—нижними; пермійская система и углистый извѣстнякъ называются верхними, дивонскіе и силурійскія пласты вмѣстѣ взятыя, нижними палеозоическими образованиями. Основанія этой общей классификаціи развиты въ сочиненіи, въ которомъ неутомимый британскій геогностъ представить современемъ большую часть всей восточной Европы.

85. Кювье, *Ossemens fossiles* 1821 Т. I. стр. 157, 261 и 214. (см. Гумбольдтъ, *über die Hochebene von Bogota* въ *Deutsche Vierteljahrs-Schrift* 1839 часть I. стр. 117).

86. *Journal of the Asiatic Society* 1844 No 15 стр. 109.

87. Бейрихъ въ *Karstens Archiv für Mineralogie* 1844 томъ XVIII р. 218.

88. Превосходными трудами графа Штериберга, Адольфа Броньяра, Гепперта и Линдли.

89. С. Робертъ Браунъ, *Botany of Congo* стр. 42, и несчастнаго Дюрвиля въ запискѣ: *De la distribution des fougères sur la surface du globe terrestre*.

90. Сюда относятся цикадеи, открытыя графомъ Штерибергомъ и описанныя Корда въ древнихъ каменно угольныхъ формаціяхъ около Надица въ Богеміи, (2 породы *Cycadites* и *Zamites Cordai*; см. Гепперта, *Fossile Cycadeen* въ *Arbeiten der Schles. Gesellschaft für vaterl. Cultur.* 1843, стр. 33, 37, 40 и 50). Въ Верхне-Силезійской каменно угольной формации около Кенгсхютте найдена Цикадея, *Pterophyllum gonorrhachis* Goerpp.

91. Lindley, *Fossil Flora* No 15 стр. 165.

92. *Fossil Coniferae* въ *Geology* Бокланда, стр. 483 — 490. Вѣтемъ оказалъ большую услугу тѣмъ, что онъ первый открылъ существованіе кониферъ въ первобытной растительности древней каменно-угольной формации. Прежде принимали всѣ стволы деревъ, принадлежащихъ къ этой формации за пальмы. Виды породы *Agaucarites* свойственны не одной каменноугольной формации британскихъ острововъ, они встрѣчаются также въ верхней Силезіи.

93. Адольфъ Броньяръ, *Prodrome d'une Hist. des Végétaux fossiles* стр. 179, Бокландъ, *Geology* стр. 479, Eudlicher и Ungar, *Grundzüge der Botanik* 1843 стр. 455.

94. «By means of *Lepidodendron* a better passage is established from Flowering to Flowerless Plants, than by either *Equisetum* or *Cycas*, or any other known genus.» Lindly и Hutton, *Fossil Flora*. Vol. II стр. 53.

95. Кунтъ, *Anordnung der Pflanzenfamilien* въ его *Handb. der Botanik*, 307 — 314.

96. Каменный уголь не есть произведение огня, онъ образовался мокрью путемъ подъ вліяніемъ дѣйствія сѣрной кислоты; это доказывается, по остроумному наблюденію Гепперта (*Karsten*, *Archiv für Mineralogie*, часть XVIII стр. 530) кускомъ янтарнаго дерева, которое обращено въ черный уголь безъ измѣненія янтара. Относительно количества маленькихъ растеній въ массѣ угольныхъ пластовъ, см. Линкъ въ *Abhandl. der Berliner Akademie der Wissenschaften* 1838 стр. 38.

97. См. превосходный трудъ Шевалье въ *Comptes rendus de l'Acad. des Sciences* 1844. Т. XVIII. P. I. стр. 285. Сравнивая этотъ слой углерода, имѣющій въ толщину 7 линий съ пластами каменнаго угля, нужно еще принять въ соображеніе огромный вѣсъ лежащихъ надъ ними пластовъ горныхъ породъ, отъ котораго деревья принимаютъ сплюснутый видъ. «Такъ называемыя деревянные горы, на южномъ берегу Новой Сибири, острова, открытаго въ 1806-мъ году, состоятъ, по Геденштрему на высотѣ 30 саж. изъ горизонтальныхъ пластовъ песчаника, и слоевъ смолистыхъ деревьевъ. На вершинѣ горъ, эти стволы стоятъ перпендукулярно. Слой, наполненный наноснымъ лѣсомъ виденъ въ разстояніи 5 верстъ.» См. *Wrangel. Reise längs der Nordküste von Sibirien in den Jahren 1820 — 1824* часть I. стр. 102.

98. Эта согура есть Зойлятъ (по Азтечки *zoyat*) *Palma dulce* туземцевъ; см. Гумбольдтъ и Бопланъ *Synopsis Plant. acquinoct. Orbis Novi* T. I. стр. 302. Отличный знатокъ американскихъ языковъ, профессоръ Бушманъ замѣчаетъ, что *Palma Soyate* называется такъ въ *Vocabulario de la lengua Othomi* Хепеса и что азтецкое слово *Zoyat* (*Molina*, *vocabulario en Lengua Mexicana y castellana* стр. 25), встрѣчается въ названіяхъ мѣстъ Зойятитланъ и Зойяпайко около Хіалпы.

99. Около Баракоа и Кахось де Моа; см. дневникъ Колумба съ 25-го до 27-го ноября 1492 и Гумбольдта, *Examen critique de l'Hist. de la géogr. du Nouveau Monde* T. II. стр. 252 и T. III. стр. 23 Колумбъ обращалъ такое же вниманіе на всѣ явленія природы; онъ, первый, замѣтилъ разницу между *Podocarpus* и *Pinus*. Онъ говоритъ: я нахожу: «en la tierra aspera del Cibao pinos que pollevan pinas (шишки еловыя) pero por tal orden compuestos por naturaleza, que (los frutos) parecen azeytunas del Axarafe de Sevilla». Великій ботаникъ Риваръ, издавая свое прекрасное сочиненіе,

о цикадеяхъ и хвойныхъ растеніяхъ, не думалъ, что бы уже въ концѣ 17-го столѣтія, еще до Леритъ, Podocarpus былъ отдѣленъ однимъ моремъ отъ Abitinaeae.

100. Чарльзъ Дервинъ *Journal of the voyages of the Adventure and Beagle 1839*, стр. 271.

1. Геппертъ описываетъ еще три цикадей (виды породъ, *Cycadites* и *Pterophyllum*), найденныя въ антрацитовомъ глинистомъ славцѣ въ Альтцаттелъ и Коммотау въ Богеміи; онѣ, можетъ-быть, принадлежать къ періоду зоценскому (Görpert, въ приведенномъ сочиненіи, замѣчаніе 20 61 стр.

2. Бокландъ, *Geology* стр. 509.

3. Леопольдъ фонъ Бухъ, въ *Abhandl. der Akad. der Wiss. zu Berlin*, 1844 — 1815 стр. 161, и въ *Poggendorfs Annalen*, часть LX, стр. 575; *Etne de Beaumont* въ *Annales des Sciences nat.* Т. XIX, стр. 60.

4. См. Ели де Бомошъ, *Descrip. Geol. de la France*. Т. I, стр. 65; *Беданъ Geologie* 1844. стр. 209.

5. *Transactions of the Cambridge Philosophical Society* Vol. VI, P. 2, 1837, стр. 297. По мнѣнію другихъ писателей онѣ относятся другъ къ другу какъ 100: 284.

6. Въ средніе вѣки господствовало мнѣніе, будто море покрываетъ только 7-ю часть земной поверхности; мнѣніе это кардиналъ д'Алльи (*Imago Mundi* cap. 8.) основывалъ на апокрифической 4-й книгѣ Эдры. Колумбъ, всегда почерпавшій свои космологическія познанія изъ твореній Кардинала, старался всячески защищать это мнѣніе объ относительной незначительности морей, которое происходило еще и отъ невѣрно понятаго выраженія «рѣка Океана» см. Гумбольдтъ *Examen critique de l'hist. de la Geographie* Т. I, стр. 186.

7. Агаемеръ въ *Gudsona Geographi minores*, Т. II, стр. 4; см. Гумбольдтъ *Asie Centr.* Т. I, стр. 120 — 125.

8. Страбонъ, *lib. I* стр. 65 *Casaub.* см. Гумбольдта, *Examen critique* Т. I, стр. 152.

9. О средней широтѣ Сѣверо-Азіатскаго берега и настоящемъ названіи мыса Таймурскаго, (мысъ Сѣверо-Восточный) и мыса (Шалагскій мысъ) см. Гумбольдта, *Asie centrale* Т. III стр. 35 и 37.

10. Тамъ же Т. I, стр. 198 — 200. Южная оконечность Америки вѣсть съ Арипелагомъ, называющемся Огненною землею, находится въ меридианѣ Сѣверной части Баффинава залива и великой еще не исследованной полярной земли, принадлежащей можетъ-быть, къ Западной Гренландіи.

11. Страбонъ, *lib. II* стр. 92 — 108. *Casaub.*

12. Гумбольдтъ *Asie centrale* Т. III, стр. 25. Я обратилъ вниманіе (1817) въ моемъ сочиненіи, *De distributione geographica plantarum secundum coeli temperiem et altitudinem montium*, на эти столь важныя для климатологіи

и для человѣческой образованности, различія между изрѣзанными и неизрѣзанными материками. *Regiones vel per sinus lunatos in longa cognua porrectae, angulos littorum recessibus quasi membratim discerptae, vel spatia patentia in immensum, quorum littora nullis inissa angulis ambit sine anfractu Oceanus*" (стр. 81 и 182). Касательно отношенія длины береговъ къ поверхности материка (такъ сказать мѣры доступности его), см. изслѣдованія въ *Annalen der Erdkunde*, Berghaus, часть XII, 1835. Стр. 490. и *Physikal. Atlas*. 1839 No III, стр. 69.

13. Страбонъ lib. II, стр. 126, Casaub.

14. Уже Плиній говоритъ объ Африкѣ (V, I): *Nec alia pars terrarum rauciores recipit sinus*. Маленькій индійскій трехугольный полуостровъ по сию сторону Ганга представляетъ третью аналогическую форму. Въ греческой древности господствовали мѣтвнїа о правильномъ образованїи материковъ. Древнїе думали будто существуютъ четыре залива, между которыми Персидскій противополгается Гирканскому (то есть Каспійскому морю). (Арріенъ VII, 16; Плутархъ въ жизнеописанїи Александра, глав. 44; Дионисъ Періег. v. 48 и 630 p. II и 38. Бернг.). По Агезіанаку эти четыре залива и перешейки отражаются даже на лунѣ, (Plut. de Facie in orbe lunae. стр. 921, 19). Касательно terra quadrifida или четырехъ материковъ, изъ которыхъ два лежатъ къ Сѣверу, два къ Югу отъ экватора, см. Macrobius, Comiti, in Somnium Scipionis II, 9. Я подвергъ эту часть древней географїи, о которой господствуетъ много ложныхъ мѣтвнїи, новому, тщательному разбору въ *Examen crit. de l'hist. de la Géogr.* T. I, стр. 119, 145, 180 — 185, также и въ *Asie* T. II, стр. 172 — 178.

15. Флерье въ *Voyage de Marchand autour du Monde* T. IV, стр. 38 — 42.

16. Гумбольдтъ, въ *Journal de Physique* T. LIII, 1799, стр. 33 и *Rel. hist.* T. II, стр. 6, T. III, стр. 189 и 198.

17. Гумбольдтъ въ *Pogg. Annal. der Physik*, часть XL, стр. 171. Касательно замѣчательнаго образованія фюрдовъ на Юговосточной оконечности Америки, ст. *Darwin Journal*, (Narrative of the voyages of the Adventure and Beagle Vol. III). 1839, стр. 266. Параллельное направленіе обѣихъ горныхъ цѣпей продолжается отъ 5° южной, до 5° сѣверной широты. Перемѣна направленія берега около Арики кажется есть слѣдствіе измѣненія направленія трещины, надъ которою поднялись Cordillera de los Andes.

18. De la Beche, *Sections and Views illustrative of geological Phaenomena* 1830. Tab. 40; Charles Babbage, *Observations on the Temple of Segoris at Pozzuoli near Naples and on certain causes which may produce Geological Cycles of great extent*, 1834. «Если бы слей несчастья, тогдашнему въ 5 авг. нмѣ, былъ нагрѣтъ болѣе обыкновеннаго 100° градусами

по-Фар. то онъ поднялся бы на 25 футовъ. Согрѣтые слои глины напротивъ должны черезъ свое сжатіе произвести пониженіе почвы». Вычисленія Бишова надъ вѣковымъ возвышеніемъ Швеціи, предполагая, что, температура до плавленія раскаленнаго слоя, толщиною въ 140,000 футовъ, увеличивается только тремя градусами по-Реомюру, находятся въ его *Wärmelehre des Innern unseres Erdkörpers* стр. 303.

19. Доселѣ думали, будто тяжесть остается одинаковою на всѣхъ точкахъ поверхности. Вслѣдствіе новыхъ свѣдѣній о медленномъ подниманіи большихъ частей земной поверхности, эта гипотеза потеряла въ нѣкоторой степени свою достовѣрность. *Bessel, über Maass und Gewicht* въ *Schum, Jahrbuch für 1840*, стр. 134.

20. Часть II, (1810), стр. 389. См. Гальштрёмъ въ *Kongl. Vetenskaps-Academiens Handlingar*. (Стокгольмъ) 1823 стр. 30; *Lyell* въ *Philos. Transact. for 1835*, стр. 1; *Blom Stat. Beschrg. von Norwegen 1843*, стр. 89 — 116. Если, не раньше путешествія по Скандинавіи Леопольда фонъ Буфа, то все таки до изданія въ свѣтъ этого сочиненія, *Playfair* въ 1802 году, въ *Illustrations of the Huttonian Theory* § 393, выразилъ мнѣніе, что опускается не море, а что поднимается материкъ Швеціи; еще до *Playfair* Датчанинъ Иессенъ, (*Om Landjordens Stigning in Norge* въ *Nyt Magazin for Naturvidenskaberne*) говорилъ тоже самое. Всѣ эти мнѣнія оставались неизвѣстными нашему великому геогносту и не оказали никакого вліянія на успѣхи физической географіи. Иессенъ старался въ своемъ сочиненіи, *Kongeriget Norge fremstillet efter dets naturlige og borgerlige Tilstand Kjøbenhavn 1765*, отыскать причины измѣненія уровня въ отношеніи къ высотѣ береговъ по древнимъ замѣчаніямъ Цельзіуса, Кальма и Далина. Онъ приводитъ сначала неправильныя идеи, о возможности внутренняго роста камней, (каменистой почвы) но въ послѣдствіи говорить въ пользу поднятія отъ землетрясеній. «Не смотря на то», говоритъ онъ, что немедленно послѣ землетрясенія (при Эгерзундѣ) не было замѣчено такого поднятія, все таки черезъ это могли открыться пути для другихъ причинъ.

21. *Berzelius, Jahresbericht über die Fortschritte der physischen Wissenschaften*. No 18, стр. 686. Острова Сальтгольмъ, лежащій напротивъ Копенгагена и Борнгольмъ поднялись только на 1 футъ въ цѣлое столѣтіе. См. *Forchhammer* въ *Philos. Magazine Series III, Vol. II*, стр. 309.

22. Кейльгау въ *Nyt Mag. Nor. Naturvid.* 1832, часть I, стр. 105 — 254, часть II, стр. 57. *Bravais sur les lignes d'ancien niveau de la Mer 1843*, стр. 15 — 40. См. также *Darwin, On the Parallel roads of Glen-Roy and Lochaber* въ *Philos. Transact. for 1839*, стр. 60.

23. Гумбольтъ, *Asie centrale* T. II, стр. 319 — 324, T. III, стр. 549—551. Пониженіе уровня Краснаго моря было опредѣлено мало по мало барометрическими измѣреніями графа Берту, болѣе тщательными Рушгера и тригонометрически англійскимъ лейтенантомъ Саймондомъ. Изъ письма господина

Альдерсона къ географическому обществу въ Лондонѣ, которое было сообщено мнѣ другомъ моимъ, капитаномъ Вашингтономъ, видно, что тригонометрическимъ измѣреніемъ найдено, что разность между уровнемъ Мертваго Юря и самымъ высокимъ домомъ въ Яффѣ, равна 1506 футамъ. Альдерсонъ умалъ тогда (28-го ноября 1841 года), что Мертвое Море находится въ 814 ф. ниже уровня Средиземнаго. Въ новѣйшемъ извѣстїи, сообщенномъ лейтенантомъ Раймондомъ (Jameson, Edinb. New. Philos. Journal, Vol. XXIV, 1843, стр. 178), сказано, что общій результатъ двухъ тригонометрическихъ операций есть 1,231 футъ.

24. Sur la Mobilité du fond la Mer Caspienne, въ моеи Азіе centr. Т. II, стр. 283 — 294. Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ, поручила члену своему, академику Ленцу, въ 1830 году, поставить около Баку на полуостровѣ Аншеронѣ на различныхъ точкахъ постоянные знаки, показывающіе уровеньъ воды въ извѣстное время. Въ 1839-мъ году я тоже требовалъ въ одномъ изъ приложеній къ инструкціи, данной капитану Россу для его путешествія къ южному полюсу, чтобы вездѣ на скалахъ южнаго полушарія, гдѣ только есть возможность, были сдѣланы такіе же знаки какъ въ Швеціи и на Каспійскомъ Морѣ. Если бъ это было сдѣлано во время путешествія Буггенвида и Кука, то мы знали бы теперь—вѣковое поднятіе моря и суши есть ли явленіе всеобщее или только мѣстное, и существуетъ ли законъ направленія въ точкахъ, поднимающихся или опускающихся въ одно время.

25. О поднятіи и пониженіи почвы, и о различныхъ areas of alternate movements, см. Darwin's Journal, стр. 557 и 561 — 566.

26. Гумбольдтъ, Rel. hist. Т. III, стр. 232 — 234. См. также остроумныя замѣчанія о видѣ Земли и положеніи горныхъ цѣпей, въ Grundrissen der Erd-, Völker- und Staatenkunde. Отд. I. 1857, стр. 158 270 и 276 Альберхта фонъ-Роона.

27. Leopold von Buch, über die Geognostische Systeme von Deutschland въ его Geogn. Briefe an Alex. v. Humboldt. 1824, стр. 265 — 271, Elie de Beaumont, Recherches sur les révolutions de la Surface du Globe 1829, стр. 297 — 307.

28. Гумбольдтъ, Азіе Centrale Т. I, стр. 277 — 283. Смотри также мой Essai sur le Gissement des Roches 1822, стр. 57 и Relat. hist. Т. III. 244 — 250.

29. Азіе centrale, Т. I, стр. 284 — 286. Адриатическое Море также имѣетъ направленіе отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Digitized by Google
Т. LXXVIII. — Отд. III. 5.

30. De la hauteur moyenne des continents, въ Азіе centrale Т. I, стр. 82 — 90 и 165 — 189. Результаты, полученные мною, должны разсматривать какъ числовые предѣлы (nombres limites). Лапласъ принималъ среднюю вышину материковъ въ 3,078 футовъ, то есть, преувеличалъ ее цѣлою третью. Безсмертный геометръ (Mecanique céleste Т. V. стр. 14), былъ приведенъ къ этому результату нѣкоторыми гипотетическими соображеніями. Я доказалъ (Asie Centr. Т. I, стр. 93), что уже александрійскіе астрономы, по свидѣтельству Плутарха, (in Asimilio Paulo, cap. 15), думали, что такая глубина моря зависить отъ высоты горъ. Высота центра тяжести континентальныхъ массъ втеченіи столѣтій, подвержена, вѣроятно, малымъ переменахъ.

31. Zweiter geologischer Brief Эли де-Бомона къ Александру фонъ-Гумбольдту, въ Poggenдорфъs Annalen, часть XXV, стр. 1 — 58.

32. Гумбольдтъ, Relation hist. Т. III, chap. XXIX, стр. 614 — 530.

33. Смотри рядъ наблюденій, произведенныхъ мною на Южномъ Океанѣ отъ 05° сѣв. шир., до 13° 16' сѣв. шир. въ Азіе centr. Т. III, стр. 354.

34. On pourra (par la température des l'Océan sous le tropiques) attaquer avec succès une question capitale restée jusqu'ici indécise, la question de la constance des températures terrestres, sans avoir à s'inquiéter des influences locales naturellement fort circonscrites, provenant du deboisement des plaines et des montagnes, du dessèchement des lacs et des marais. Chaque siècle, en légant aux siècles futurs quelques chiffres bien faciles à obtenir, leur donnera le moyen peut être le plus simple, le plus exact et le plus direct de décider si le soleil, aujourd'hui source première, à peu près exclusive de la chaleur de notre globe, change de constitution physique et d'éclat, comme la plupart des étoiles, ou si au contraire cet astre est arrivé à un état permanent. Араго въ Comptes rendus des séances de l'Acad. des Sciences. Т. XI. г. 2. стр. 309.

35. Гумбольдтъ, Азіе centr. Т. II, стр. 321 и 327.

36. См. численные результаты тамъ же, Т. II, стр. 328 — 333. Посредствомъ геодезической нивелировки, произведенной по моей просьбѣ моимъ старымъ другомъ, генераломъ Боливаромъ, при помощи Ллойда и Фельмарка въ 1828-мъ и 1829-мъ годахъ, найдено, что уровень Южнаго Океана выше уровня Антильскаго Моря не болѣе какъ 3½ футовъ; даже что во время прилива одного и отлива другаго моря — бываютъ выше то одно, то другое изъ нихъ. Если принять въ соображеніе, что нивелировка производилась на пространствѣ 16 миль и на 933 точкахъ, то можно принять ошибку въ половину тоаза, новое доказательство равновѣсія водъ, обтекающихъ мысъ Горизъ (Араго въ Annuaire du Bureau des longitudes pour 1831

le T стр. 319). Судя по барометрическимъ измѣреніямъ, произведеннымъ мною въ 1799 и 1804-мъ годахъ, я предполагалъ, что, если есть разность между уровнями Южнаго Океана и Антильскаго Моря, то она не можетъ быть болѣе 3-хъ метровъ (9 футовъ 3 дюймовъ). См. моп Relat. hist. Т. III, стр. 555 — 557 и Annales de Chimie Т. I, стр. 55 — 64. Измѣренія, повидимому доказывающія возвышенность уровня воды въ Мексиканскомъ Заливѣ, и въ сѣверной части Адриатическаго Моря (черезъ соединеніе тригонометрическихъ работъ, Декрѣ и Шопена съ трудами швейцарскихъ и австрійскихъ инженеровъ), не заслуживаютъ особеннаго довѣрія. Несмотря на форму Адриатическаго Моря, всё-таки невѣроятно, чтобы уровень его въ сѣверной части былъ почти 26-ю футами выше уровня Средиземнаго Моря при Марсели и 23,4 выше Атлантическаго Океана. См. моп Asie centr. Т. II, стр. 332.

37. Бессель, über Fluth und Ebbe, въ Schumachers Jahrb. für 1838, стр. 225.

38. Относительная плотность водяныхъ частичекъ зависитъ (чего не различаютъ довольно тщательно въ изслѣдованіяхъ о причинѣ теченій), въ одно и то же время отъ температуры и отъ содержанія солей. Подводное теченіе приводящее къ тропическимъ странамъ полярныя воды, дѣйствовало бы въ совершенно противномъ направленіи отъ экватора къ полюсамъ, если бы причиною теченія было одно различіе въ содержаніи соли. Въ этомъ отношеніи географическое размѣщеніе температуры и плотность водяныхъ частичекъ, подъ различными широтами и долготами океана очень важны. Многочисленныя наблюденія Ленца, (Pogg. Ann. часть XX, 1830, стр. 129) и собранныя капитаномъ Бичи (Voyage to the Pacific Vol. II, стр. 727), заслуживаютъ особеннаго вниманія. Смотри также Гумбольдта Relat. hist. Т. I, 74 и Asie centrale Т. III, стр. 356.

39. Гумбольдтъ, Relat. hist. Т. I, стр. 63; Nouvelles annales des Voyages 1839, стр. 255.

40. Гумбольдтъ, Examen crit. de l'hist. de la Géogr. Т. III, стр. 100. Колумбъ прибавляетъ (Navarrète, Coleccion de los viages y descubrimientos de los Espannoles Т. I, стр. 260), что «это движеніе сильнѣе всего въ Антильскомъ Морѣ». Въ самомъ дѣлѣ Реннель называетъ ту страну (Investigation of currents. Стр. 23), not a current but a sea in motion».

41. Petrus Martyr de Angleria, de Rebus Oceanicis et Orbe Novo. Bas 1,523 Dec. III lib. VI, стр. 57. См. Гумбольдтъ, Examen crit. Т. II, стр. 250 — 257 и Т. III, стр. 106.

твердаго и жидкаго основанія атмосферы. *gr.* 250. *Relat hist.* Т. I, стр. der *Wiss.* zu Berlin aus 2. С

60. Гумбольдтъ. *Ramen crit.* Т. III, стр. 64 — 109.

isothermes, въ *Asie* ^{Гумбольдтъ говорилъ ему: maravillosamente} *Dios hizo sonar*

61. Джорджъ Фордъ. *de los atamientos de la mar Oceana, que estaban* *сбѣве*, въ *Schurm.* *Jal an fuertes, te dió las llaves.* Колумбъ рассказываетъ объ эл. 43, 67, 96. Въ письмѣ своемъ къ католическимъ монархамъ отъ 7-го июля 1492. *Divina* (Examen crit. Т. III, стр. 234.)

45. Boussingault, *cherches sur la composition de l'Atmosphère*, въ *Annales de Chimie et de Physique* Т. LVII, 1834, стр. 171 — 173; онъ же въ томъ же сочиненіи, LXXI, 1839, стр. 116. По Бусенгô и Леви, содержаніе угле-кислоты въ атмосферѣ въ Андильи, то есть, въ далекомъ разстояніи отъ городскихъ испареній, колебалось между 0,00028 и 0,00031 по объему.

46. Либихъ, въ *Die organische Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie* 1840, стр. 64 — 72. О вліяніи атмосферическаго электричества на образованіе азотно-кислаго амміаку, который при соприкосновеніи съ известью обращается въ углекислый. См. Boussingault, *Economie rurale considérée dans ses rapports avec la Chimie et la Météorologie*, 1844, Т. II, стр. 247 и 697 (см. также Т. I, стр. 84).

47. Леви, въ *Comptes rendus de l'Acad. des Sciences* Т. XVII, Р. 2, стр. 235 — 248.

48. Дюма въ *Annales de Chimie*, 3-me série, Т. III, 1841 стр. 257.

49. Въ этомъ изчисленіи не упомянуто объ углекислотѣ, выдыхаемой растеніями ночью, потому что этотъ избытокъ углекислоты достаточно уравнивается процессомъ дыханія растеній днемъ. См. Бусенгô *Econ. rurale* Т. I, стр. 53 — 68., Либихъ, *Organische Chemie*, стр. 16 и 4.

50. Гэ-Люссакъ въ *Annales de Chimie*, Т. LIII р. 120. Payen, *Mém. sur la composition chimique des végétaux* р. 36 и 42; Либихъ *Org. Chemie*. стр. 299 — 345. Бусенгô, *Econ. rurale* Т. I, стр. 142 — 153.

51. Пользуясь формулами, которыя Лапласъ не за долго до своей смерти представилъ въ *Bureau des Longitudes*, Буваръ въ 1827 году нашель, что часть ежечасныхъ колебаній давленія атмосферы, зависящая отъ притяженія луны, можетъ поднять барометръ въ Парижѣ не болѣе какъ на 0,018 миллиметра: между-тѣмъ, какъ одиннадцатилѣтними наблюденіями доказано, что тамъ среднее колебаніе барометра отъ 9-ти часовъ утра до 3-хъ часовъ по полудни = 0,756 миллиметра, отъ 3-хъ часовъ по по-

лудни до 9-ти часовъ вечера = КОЗМОСЪ.

des Sciences T. VII, 1827, стр. (II) Ирландія, которыхъ кли-

52. Observations faites pour constater la marche атмос-
raires du baromètre sous les Tropiques, въ мось I. неба имѣеть вліяніе
Voyage aux Régions Equinoxiales. T. III, стр. 270

53. Bravais въ Kamtz et Martius *Météorologie*
(шир. 51° 29') объемъ колебаній составляетъ еще = 0
для опредѣленія часовъ maximum и minimum на геогр. что
необходимо имѣть большое число наблюденій. См. опредѣленія часовыхъ
колебаній, собранныя на Фаульгорнѣ въ 1832, 1841-мъ и 1842-мъ
годахъ въ *Météorologie Martius* стр. 254.

54. Гумбольдтъ, *Essai sur la Géographie des Plantes* 1807 стр. 90.
Онъ же въ *Rel. hist.* T. III, стр. 313, и объ уменьшеніи давленія атмо-
сферы въ тропическихъ странахъ Атлантическаго Океана въ *Poggendorf*
Annalen der Physik, часть XXXVII, стр. 245 — 258 и стр. 469 — 486.

55. Досси въ *Comptes rendus* T. III, стр. 136.

56. Дове, über die Stürme, въ *Poggend. Ann.* часть LII, стр. 1.

57. Леопольдъ фонъ-Бухъ, *Barometrische Windrose* въ *Abhandl. der*
Akad. der Wissenschaften zu Berlin, 1818, 1819 стр. 187.

58. См. Dove, *Meteorologische Untersuchungen* 1837, стр. 99 — 343 и
остроумныя замѣчанія Кемца объ опусканіи западнаго вѣтру верхнихъ
воздушныхъ слоевъ въ высшихъ широтахъ, и общія явленія направленія
вѣтровъ, въ его *Vorlesungen über Meteorologie*, стр. 58 — 66, 196 — 200,
327 — 336, 353 — 364; Кемцъ въ *Schum. Jahrb. für 1838*, стр. 291—302.
Очень удачное и живое изображеніе метеорологическихъ явленій по-
мѣстилъ Дове въ своемъ небольшомъ сочиненіи: *Witterungs Verhältnisse*
von Berlin. 1842. Касательно равняго знанія мореходцевъ о превращеніи
вѣтровъ, см. *Chiurecca Viage al Magellanes* 1795, стр. 15. О замѣча-
тельномъ изрѣченіи Колумба, переданномъ намъ сыномъ его довь-Фер-
вандо Коломбомъ, въ *Vida del Almirante* глава 55, см. Гумбольдта. *Echa-
men critique de l'hist. de la Géographie*. T. IV стр. 253.

59. Мусунъ (по-малайски *musim*, *hippalus* Грековъ) происходитъ отъ
арабскаго слова *mausim*, извѣстное, опредѣленное время, когда собираются
пильгримы въ Мекку. Слово это перенесено на время года правильныхъ
вѣтровъ, получающихъ названіе свое отъ странъ откуда они дуютъ; такъ
говорять *Mausim* изъ Адена, Гуцерата, Мазабара и т. д. (*Lassen, jüdische*
Alterthumskunde 1843 часть I, стр. 211). О противоположномъ вліяніи

твердаго и жидкаго основанія атмосферы. (См. Дове въ *Abhandl. der Akad. der Wiss. zu Berlin aus dem J. 1842.* Стр. 230.)

60. Гумбольдтъ. *Recherches sur les causes des inflexions des lignes isothermes, въ Asie Central.* Т. III, стр. 103 — 114, 118, 122, 188.

61. Джорджъ Форстеръ *kleine Schriften*, часть III, 1794. стр. 87. Дове, въ *Schum. Jahrbucher f. 1841*, стр. 289. Кемцъ, *Météorologie*. Ч. II, стр. 41, 43, 67. 96. Араго, въ *Compt. Rend*, Т I, стр. 268.

62. Данте, *Divina Comedia, Purgatorio*, пѣснь III.

63. Гумбольдтъ, *sur les lignes isothermes* въ *Mémoires de physique et de chimie de la société d'Arcueil*. Т. III, Paris 1817, стр. 143 — 165, Найтъ, въ *Transactions of the horticultural Society of London*. Vol. I, стр. 32; Ветсонъ, *Remarks on the geographical Distribution of British Plants* 1835, стр. 60; Тревилянъ въ *Джемсона New. Edinb. Philos. Journal* No 18, стр. 154. Mahlman, въ его прекрасномъ переводѣ и обработкѣ моей *Asie Centrale*, часть II, стр. 60.

64. «*Hæc de temperie aëris, qui terram late circumfundit, ac in quo, longe a sole, instrumenta nostra meteorologica suspensa habemus. Sed alia est caloris vis, quem radii solis, nullis nubibus velati, in foliis ipsis et fructibus maturescentibus, magis minusve coloratis, gignunt, quemque, ut egregia demonstrant experimenta amicissimorum Gay-Lussacii et Thénardii de combustione chlori et hydrogenis, ope thermometri metiri nequib. Etæium locis planis et montanis, vento libe spirante, circumfusi aëris temperies eadem esse potest coelo sudo vel nebuloso; ideoque ex observatiombus solis termometricis, nullo adhibito Photometro, haud cognosces, quam ob causam Galliae septentrionalis tractus Armoricanus et Nervicus, versus littora, coelo temperato, sed sole raro utentia, vitem fere non tolerant. Egent enim stirpes non solum caloris stimulo, sed et lucis, quæ magis intensa locis excelsis quam planis, duplici modopantas movet, vi sua tum propria, tum calorem in superficie earum excitante.*» (Гумбольдтъ *de distributione geographica plantarum*. 1817, стр. 163 — 164.

65. Гумбольдтъ въ прим. сочин. стр. 156 — 161; *Мейенъ* въ своемъ *Grundriss der Pflanzengeographie* 1836, стр. 379 — 467; *Буссендъ*, *Économie rurale* Т. II, p. 675,

66. Въ слѣдующей таблицѣ, показано положеніе европейскаго виводья въ понижающемся порядкѣ, и также упадокъ его произведеній въ климатическомъ отношеніи, см. мою *Asie Centrale*, Т. III, p. 159. Къ приведеннымъ въ текстѣ Козмоса примѣрамъ виводья въ Бордо и Потсдамѣ, присо-
воуцены мною еще данныя прирейнскихъ и примайнскихъ странъ

(48°35' — 50°7' шир.). Шербургъ (Нормандія) и Ирландія, которыхъ климаты, повидимому, очень мало различаются отъ климата внутренней Европы, если мы будемъ судить о томъ по термометру, находящемуся въ тѣни, ясно доказываютъ, что постоянная ясность или облачность неба имѣетъ вліяніе на болѣе или менѣе быстрое созрѣваніе растеній.

Мѣста:	Широта.	Высота въ то-вахъ.	Годъ.	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Годъ наблюденій.
Бордо.	44°50	4	13,09	6,04	18,04	24,07	14,04	10
Страсбургъ.	48°35	75	9,08	1,02	10,00	18,04	10,00	35
Гейдельбергъ.	42°24	52	9,07	1,04	10,00	17,09	9,09	20
Мангеймъ.	49°29	47	10,03	1,00	10,04	19,05	9,08	12
Вюрцбургъ.	49°48	88	10,04	1,06	10,02	18,07	9,07	27
Франкфуртъ-на-Майнѣ.	50° 7	60	9,06	0,08	10,00	18,00	9,07	19
Берлинъ.	52°34	16	8,06	0,06	8,04	17,05	8,06	22
Шербургъ безъ вина.	49°39	0	11,02	5,02	10,04	16,05	12,05	3
Дублинъ.	53°23	0	9,05	4,06	8,04	15,03	9,08	13

Такое согласіе въ раздѣленіи годичной теплоты въ разные времена года, представляемое данными рейнской и майнской долинъ, свидѣтельствуетъ о точности произведенныхъ метеорологическихъ наблюденій. Къ зимнимъ мѣсяцамъ въ этой таблицѣ отнесены: декабрь, январь и февраль; что обыкновенно дѣлается въ метеорологическихъ таблицахъ. Градусы, какъ и во всемъ Козмосѣ, считаются по стоградусному термометру. Если сравнить качество вѣнъ франконскихъ или земель прибалтійскихъ съ среднею температурою лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ Вюрцбурга и Берлина, то, къ удивленію, откры-

вается, что разницы между ними только 1° и до 1° , 2; но весенняя температура разнятся 2° ; и время цветения винограда при позднихъ майскихъ морозахъ, послѣ холодѣйшей зимы также 2° , есть столь же важный элементъ, какъ время поздняго созрѣванія гроздй и дѣйствіе правильнаго не разсѣяннаго свѣту при ясномъ сіяніи солнца. Упомянутая въ текстѣ разница между истинною температурою земной поверхности и показаніями термометра въ тѣни, доказана результатами пятнадцатилѣтнихъ наблюдений Дове въ Чизвикскомъ Саду близъ Лондона (Bericht über die Verhandl. der Berl. Akad. der Wiss. August 1844 стр. 285).

67. См. мое сочиненіе über die Hauptursachen der Temperatur Verschiedenheit auf der Erdoberfläche in den Abhandl. der Acad. der Wissenschaft. zu Berlin, 1827, стр. 311.

68. Поверхность земли между Тобольскомъ, Томскомъ и Барнауломъ отъ Алтая до Ледовитаго Моря лежитъ не такъ высоко, какъ Мангеймъ и Дрезденъ; Иркутскъ, лежащій къ востоку отъ Енисея (208 тоазовъ $\frac{1}{3}$ ниже, Мюнхена.)

69. Гумбольдтъ, Recueil d'Observations astronomiques, T. I, стр. 126 — 140; Relation historique. T. I, стр. 119, 141 и 227; Біо, въ Connaissance des temps pour l'an 1841, стр. 90 — 109.

70. Авлеріусъ, De rebus oceanicis. Dec. II. lib. II, стр. 140 (ed. Col. 1574). Въ Сіерра де Санта Марта, котораго высочайшія вершины вздмываются, повидимому, за 18,000 футовъ (см. мое Rel. hist. T. III, p. 214), одна изъ его вершинъ называется еще, Pico de Gaiga.

71. Срав. мою таблицу высоты вѣчнаго снѣгу, въ обонхъ полушаріяхъ отъ $71\frac{1}{4}$ сѣвер. до $53^{\circ}54'$ южной широты въ Asie Centrale T. III, p. 360.

72. Дерривъ, Journal of the voyages of the Adventure and Beagle стр. 297. Вулканъ Аконкага въ то время не дѣйствовалъ, то и нельзя приписывать замѣчательнаго феномена безснѣжія (какъ иногда случается при Котопаху) внутренней теплотѣ, выходению изъ щелей раскаленнаго воздуху. (Джилльвизъ, въ Journal of Nat. Sciences, 1830, стр. 316.)

73. См. мою Second Mémoire sur les Montagnes de l'Inde, въ Annales de Chimie et de Physique T. XIV. стр. 5 — 55 и Asie Centrale, T. III, стр. 281 — 327. Несмотря на то, что основательные и опытные путешественники, Колеброкъ, Вебъ и Годжсонъ, Викторъ Жакмонъ, Форбсъ Ройль, Карлъ фонъ-Гюгелъ и Виньи, видѣвшіе Гималай собственными глазами, утверждаютъ, что снѣговая линія находится выше на тибетскомъ склонѣ; Джонъ Жераръ, геогностъ Макъ-Келландъ, издатель Calcutta

Journal и лейтенантъ Томасъ Гуттонъ, (Assistant Surveyor of the Agra Division), считаютъ этотъ фактъ сомнительнымъ. Появленіе моеѣ Asia Centrale снова воспламенило споръ объ этомъ предметѣ. Въ недавно вышедшей книжкѣ остъ-индскаго журнала Естественной Исторіи, (Mac. Clelland and Griffith, the Calcutta Journal of natural history, Vol. IV. 1844 January), еодержится замѣчательное и очень удовлетворительное замѣчаніе относительно высоты свѣговой линіи на Гималаѣ. Господинъ *Bammens* (Bengal Service) пишетъ изъ лагеря Семулка при рѣкѣ Косилла, въ провинціи Кумаонъ: «Хоть поздно, но я съ удивленіемъ читаю то, что Томасъ Гуттонъ пишетъ о предѣлѣ вѣчнаго снѣга. Изъ уваженія къ наукѣ я долженъ возстать противъ сказаннаго господиномъ Гуттономъ и тѣмъ сильнѣе, что г. Макъ-Клелландъ заходитъ слишкомъ далеко, говоря, что (Journal of the Asiatic Society of Bengal, Vol. IX. Калькутта 1840, стр. 575, 578 и 580) наука, обязана многимъ г. Гуттону за уничтоженіе слишкомъ распространеннаго ложнаго мнѣнія. Совершенно неосновательно думаютъ, будто всѣ путешественники, посѣщавшіе Гималайскія Горы, раздѣляютъ сомнѣнія Гуттона. Я одинъ изъ тѣхъ, которые чаще прочихъ посѣщали западную часть нашей огромной горной цѣпи. Черезъ ущелье Борендо я проникъ въ долину Буспа и въ низменную страну Кунавуръ и чрезъ высокій проходъ Рупонъ возвратился въ Ревайскія Горы Гурваль. Я пробрался къ источникамъ Джумны до Джумнотри, оттуда къ притокамъ Ганга, Мувдакни и Вишну-Алуквуда по Кадарнату и къ извѣстной свѣговой вершинѣ Нувидеви. Много разъ проходилъ я чрезъ ущелье Нити въ тибетскую сплошную возвышенность. Я самъ основалъ поселеніе Боте-Мегаль. Мое пребываніе среди горъ впродолженіи шести лѣтъ вводило меня въ непрерывныя сношенія съ европейскими и туземными путешественниками, отъ которыхъ я могъ получить самыя точныя свѣдѣнія о видѣ страны. Изъ всѣхъ собранныхъ мною свѣдѣній я убѣдился и готовъ вездѣ защищать это убѣжденіе, *что на Гималаѣ снѣговая линія на сѣверномъ (тибетскомъ) склонѣ находится выше, нежели на южномъ (индійскомъ)*. Господинъ Гуттонъ искажалъ вопросъ, думая опровергнуть взглядъ Гумбольдта на это явленіе; онъ возстаетъ противъ идеи, созданной его же фантазіею; онъ старается доказать, въ чемъ мы съ нимъ охотно соглашаемся, что на *нѣкоторыхъ горахъ* Гималая снѣгъ лежитъ дольше на сѣверномъ тѣмъ ка южномъ склонѣ». (Срав. выше замѣчаніе 5.) Если *средняя высота* тибетской сплошной возвышенности составляетъ 1800 тоазовъ (10800 футовъ), то ее можно сравнить съ плодоносною перуанскою плоскою возвышенностью Кахамарка. Но по этому самому она будетъ 1200 футами ниже сплошной возвышенности Боливія около озера Титикака и мостовой города Потози. Судя по вычисленіямъ Винье, произведеннымъ посредствомъ опредѣленія точки кипѣнія воды, Ладакъ лежитъ на высотѣ 1563

тоазовъ. Вѣроятно, такова же высота ГЛассы (Юль-Сунгъ), города населеннаго исключительно монахами, который китайскіе писатели называютъ *царствомъ радости*, и окруженнаго виноградниками. Неужели эти виноградники находятся не въ глубокихъ долинахъ?

74. *Dove*, Meteorologische Vergleichung von Nordamerica und Europa, въ Schumacher's Jahrbuch за 1841, стр. 311, и его Meteorologische Untersuchungen, стр. 140.

75. Среднее количество дождя, выпавшаго лѣтомъ въ Парижѣ съ 1805 по 1823 г. по Араго простиралось до 18 дюймовъ 9 линій; въ Лондонѣ (съ 1812 по 1827), по Говарду, до 23 дюймовъ 4 линій, въ Женевѣ, по одному способу наблюденія, въ 32 года — 28 дюймовъ 8 линій. Въ прибрежныхъ странахъ Индустана количество дождевой воды достигаетъ отъ 108 до 120 дюймовъ, а на островѣ Кубѣ въ 1821 г. составляла ровно 133 дюйма. См. о раздѣленіи количества дождевой воды по временамъ года въ средней Европѣ въ превосходныхъ наблюденіяхъ *Гиспарина*, *Шу* и *Брава* въ Bibliothèque universelle, Т. XXXVIII, стр. 54 и 264, Tableau du Climat de l'Italie стр. 76, и замѣчанія *Мартена* къ его французскому переводу Кемцева Vorlesungen über Meteorologie, стр. 142.

76. По *Бусенбо* (Économie rurale Т. II. стр. 693) въ Мармато (5°27' широты, на 731 тоазахъ высоты, котораго средняя температура = 20°,4) въ 1833 и 1834 годахъ среднее количество дождя составляло 60 дюймовъ 2 линіи, между-тѣмъ какъ въ Санта Фе де Богота (подъ 4°36' широты, 1358 ф. высоты, при средней температурѣ въ 14°,5) оно было только въ 37 дюймовъ и 1 линію.

77. См. о подробностяхъ этого наблюденія въ моей Asie Centrale, Т. III. стр. 85—89 и 567; о количествѣ паровъ въ низменной странѣ тропической Южной Америки мое Rel. hist., Т. I. стр. 242 — 248, Т. II. стр. 45, 164.

78. Кемль, Vorlesungen über Meteorologie, стр. 117.

79. Объ электричествѣ, развивающемся во время испаренія при высокой температурѣ, см. Пельтье въ Annales de Chimie, Т. LXXV. стр. 330.

80. Пулье въ Annales de Chimie Т. XXXV. стр. 405.

81. *Де-ла-Рива* въ его превосходномъ Essai historique sur l'Électricité, стр. 140.

82. *Пельтье* въ Comptes rendus de l'Acad. des Sciences, Т. XXII. стр. 307; *Беккерль* Traité de l'Électricité et du Magnétisme, Т. IV. стр. 107.

83. *Duport sur l'Électricité de l'air* (Bruxelles 1844) стр. 56—61.

84. *Гумбольдтъ, Relation historique*, Т. III. стр. 318. Я здѣсь обращаю вниманіе только на тѣ изъ моихъ опытовъ, въ которыхъ я не замѣчалъ движенія ни сверху внизъ, ни обратно, въ длинномъ трехъ-футовомъ проводникѣ Соссюрова электрометра, и на которомъ не было горящаго трута. Тѣмъ изъ моихъ читателей, которые хорошо знакомы съ спорными вопросами воздушнаго электричества, будетъ понятна цѣль такого ограниченія. Объ образованіи буръ подъ тропиками см. мое *Rel. hist.*, Т. II. стр. 46 и 202—209.

85. *Гэ-Люссака въ Annales de Chimie et de Physique*, Т. VIII. стр. 167. Разногласіе между взглядами Ламе, Беккреля и Шелльтіе чрезвычайно затрудняютъ рѣшеніе вопроса о причинѣ специфическаго раздѣленія электричества въ облакахъ, изъ которыхъ одни заряжаются положительнымъ, другіе отрицательнымъ электричествомъ. Отрицательное электричество, образующееся въ воздухѣ, вблизи водопадовъ, гдѣ вода непрерывно разбивается въ тончайшую влажную пыль — явленіе чрезвычайно замѣчательное; оно было открыто Траллемъ; я много разъ имѣлъ случай наблюдать его подъ разными широтами; для чувствительныхъ электрометровъ оно замѣтно на отдаленіи трехъ и четырехъ сотъ футовъ.

86. *Arago* въ *Annuaire du Bureau des Longitudes pour 1838*, стр. 246.

87. Тамъ же стр. 249—266 (Срав. стр. 268—279).

88. Тамъ же, стр. 388—391. Академикъ Беръ, которому наука обязана многими превосходными метеорологическими наблюденіями въ сѣверной Азіи, не имѣлъ въ виду чрезвычайной рѣдкости грозъ въ Исландіи и Гренландіи; онъ говоритъ только (*Bulletin de l'Acad. de St. Petersbourg*, 1839, мал), что въ Новой Землѣ и Шпицбергенѣ ему удавалось иногда слышать громъ.

89. Кемцъ въ *Schumacher's Jahrbuch* за 1838, стр. 285. (Сравненіе законовъ дѣленія теплоты на востокъ и на западъ, въ Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ, см. *Дове, Repertorium der Physik*, Т. III. стр. 392—395.)

90. *Исторію растений*, набросанную съ такимъ остроуміемъ *Эндрюгеромъ* и *Унгеромъ* (*Grundzüge der Botanik* 1843 стр. 449—468), я за пол-столѣтія до настоящаго времени отдѣлилъ уже отъ *географіи растений* слѣдующимъ образомъ (мои афоризмы къ *Unterirdische Flor*): «*Geognosia naturam animantem et inanimam vel, ut vocabulo minus apto, ex antiquitate saltem haud petito, utar, corpora organica æque ac inorganica considerat. Sunt enim tria quibus absolvitur capita: Geographia oryctologica quam simpliciter Geognosiam vel Geologiam dicunt, virque acutissimus*

Wernerus egregie digessit; Geographia zoologica, cujus doctrinæ fundamenta Zimmermannus et Treviranus jecerunt; et Geographia plantarum quam æquales nostri diu intactam reliquerunt. Geographia plantarum vicula et cognationem tradit, quibus omnia vegetabilia inter se connexa sint, terræ tractus quos tancant, in aerem atmosphæricum quæ sit eorum vis ostendit, saxa atque rupes quibus potissimum algarum primordiis radicibusque destruantur docet, et quo pacto in telluris superficie humus nascatur, commemorat. Est itaque quod differat inter Geognosiam et Physiographiam, *historia naturalis* perperam nuncupatam, quæ Zoognosia, Phytognosia et Oryctognosia, quæ quidem omnes in naturæ investigatione versantur, non nisi singulorum animalium, plantarum, rerum metallicarum vel (venia sit verbo) fossilium formas, anatomen, vires scrutantur. Historia telluris, Geognosia magis quam Physiographiæ affinis, nemini adhuc tentata plantarum animaliumque genera orbem inhabitantia primævum, migrationes eorum compluriumque interitum, ortum quem montes, valles, saxorum strata et venæ metalliferæ ducunt, ærem, mutatis temporum vicibus, modo purum, modo viciatum, terræ superficiem humo plantisque paulatim oblectam, fluminum inundantium impetu denuo nudatam, iterumque siccitam et gramine vestitam commemorat. Igitur Historia zoologica, Historia plantarum et Historia oryctologica, quæ non nisi pristinum orbis terræ statum indicant, a Geognosia probe distinguendæ.» (*Гумбольдтъ* Flora Fribergensis subterranea, cui accedunt aphorismi ex Physiologia chemica plantarum, 1793, стр. IX—X. О произвольныхъ движенiяхъ, о которыхъ говорится ниже въ текстѣ, см. замѣчательное мѣсто у *Аристотеля* въ de Coelo, II 2 стр. 284. изд. Беккера, гдѣ различiе между *одушевленными* и *неодушевленными* тѣлами замѣчается отъ внутренняго или внѣшняго обнаруживанiя движенiя. «Питающая душа растений», говоритъ Аристотель, не производитъ никакого движенiя, потому что растенiя «находятся въ тихомъ, непробудномъ свѣѣ». (Aristot. de generat. animal. X, стр. 778 изд. Беккера) и не имѣютъ желанiй, которыя возбуждали бы ихъ къ произвольному движенiю (Aristot. de somno et vigil. cap. I. стр. 455, изд. Беккера).

91. Записка *Эренберга* Ueber das kleinste Leben im Ocean, читанная въ Акад. Наукъ въ Берлинѣ 9 мая, 1844 г.

92. *Гумбольдтъ* Ansichten der Natur (2-е изд. 1826), Т. II. стр. 21.

93. О размноженiи чрезъ произвольное раздѣленiе производящаго тѣла и о поступленiи въ промежутки новыхъ веществъ, см. Ehrenberg von den jetzt lebenden Thierarten der Kreidebildung, въ Abhandl. der Berliner Akad. der Wiss. 1839, стр. 94. Примѣры величайшей производительной способности представляютъ намъ коловратки. Описание наискорѣйшаго развитiя масъ

въ твореніи *Эренберга* *Die Infusionsthierchen als vollkommene Organismen*, 1838, стр. XIII, XIX и 244. «Млечный путь этихъ организмовъ состоитъ изъ видовъ *Monas*, *Vibrio*, *Bactertum* и *Bodo*». Жизнь развита въ природѣ въ такомъ изобиліи, что малѣйшія инфузоріи живутъ паразитами на инфузоріяхъ большаго размѣру, и въ свою очередь сами служатъ жилищемъ для другихъ мельчайшихъ ихъ организмовъ. (С. 194, 211 и 512.)

94. Аристотель *Hist. animal.* V, 19 стр. 552, изд. Беккера.

95. Эренбергъ въ пр. соч. стр. XIV, 122 и 493. Кромѣ способности быстро размножаться, нѣкоторые изъ малѣйшихъ организмовъ одарены еще удивительною живучестью. Высушенные втеченіи 28 дней въ безвоздушномъ пространствѣ, посредствомъ хлористой извести и сѣрной кислоты при температурѣ 120°, они возвращались къ жизни. См. прекрасные опыты Г. *Дойера* въ *Mém. sur les Tardigrades et sur leur propriété de revenir à la vie*, 1842 стр. 119, 129, 131 и 133. Срав. вообще о возвращеніи къ жизни животныхъ, находившихся въ засохшемъ положеніи втеченіи многихъ лѣтъ *Эренберга* стр. 492—496.

96. О такъ-называемомъ первичномъ преобразованіи организованной или неорганизованной матеріи въ животныхъ и въ растеніяхъ, смотри статью Эренберга въ *Poggend. Annal. der Physik.* T. XXIV, стр. 1, 48, и его же сочиненіе «*Infusionsthierchen*» стр. 121—525 и *Иоанна Мюллера*, *Physiologie des Menschen* (4-е изданіе 1844 года) T. I, стр. 8—17. Мнѣ очень странно, что Св. Августинъ, разбирая вопросъ какимъ образомъ послѣ всемірнаго потопа острова могли снова населиться животными, почти принимаетъ гипотезу произвольнаго происхожденія организмовъ (*generatio spontanea, æquivoca, aut primaria*). *Si e terra exortæ sunt (bestiæ) secundum originem primam, quando dixit Deus: Producat terra animam vivam! multo clarius apparet non tam reparandorum animalium causa, quam figurandarum variarum gentium (?) propter Ecclesiæ sacramentum in Arca fuisse omnia genera, si in insulis, quo transire non possent, multa animalia terra produxit»* Augustinus de civitate Die, lib. XVI cap. 7. (Opera изд. Monach. Ordini S. Benedicti, T. VII Venet. 1732. стр. 422). Уже за 200 лѣтъ до Св. Августина мы находимъ въ отрывкахъ Трога Помпея между первобытнымъ осушаніемъ древняго міра сплошной возвышенности Азіи, и самопроизвольнымъ зарожденіемъ совершенно такую же связь какую видимъ въ теоріи великаго Линнея о земномъ раѣ и въ мечтаніяхъ 18-го столѣтія о баснословной Атлантидѣ: «*Quodsi omnes quondam terræ submersæ profundo fuerunt, profecto editissimam quamque partem decurrentibus aquis primum detectam; humillimo autem solo eandem aquam ditissime immorantam, et quanto prior quæque pars terrarum siccata sit, tanto prius ani-*

malia generare coepisse. Porro Scyttiam adeo aditiorem omnibus terris esse ut cuncta flumina ibi na'ra in Maesolim, tum deinde in Ponticum et Aegyptum mare decurrant Justin I. II cap. I. Ложное мнѣніе, будто земля Скивовъ есть сплошная возвышенность, такъ древне, что его можно найти ясно у Гиппократа (De aëre et aquis cap. 6 § 96 Сову) «Сквіоія», говорить онъ «есть высокая безводная равнина, которая, не будучи увѣчана горными хребтами всё болѣе и болѣе возвышается къ сѣверу».

97. Гумбольдтъ, Aphorismi ex Physiologia chemica plantarum въ Flora Fribergensis subterranea 1793 стр. 178.

98. О физиономикѣ растений см. Humboldt, Ansichten der Natur. T. II. стр. 1—125.

99. Aëtua Dialogus. Opuscula, Basil. 1556 стр. 53 — 54 Въ новѣйшее время Филиппи издалъ очень хорошую географію растений Эты, см. Linnæa, 1832, стр. 733.

100. Эренбергъ въ Annales des Sciences naturelles T. XXI, стр. 387—412, Гумбольдтъ, Asie Centrale, T. I, стр. 339—342. T. III стр. 96—161.

1. Шлейденъ über die Entwickelungsweise der Pflanzenzellen въ Archiv für Anatomie und Physiologie v. Müller 1838 стр. 137—176; его же Grundzüge der wissenschaftlichen Botanik T. I. стр. 191. T. II, стр. 11, Шванъ, Mikroskopische Untersuchungen über die Uebereinstimmung in der Structur und dem Wachsthum der Thiere und Pflanzen 1839. стр. 45 и 220. Ioh. Müller, Physiologie des Menschen 1840 T. II. стр. 614.

2. Шлейденъ Grundzüge der wissenschaftlichen Botanik 1842. T. I. стр. 192—197.

3. Въ своихъ разсужденіяхъ о народонаселеніи Британіи (Agricola cap. II.) Тацитъ очень хорошо отличаетъ то, что зависитъ собственно отъ вліянія климата, отъ того что въ племенахъ прибывшихъ изъ вѣгъ составляетъ древнюю неизмѣняемую принадлежность первоначальнаго типа. «Britanniam qui mortales initio incoluerunt, indigenæ an advecti, ut inter barbaros, parum compertum. Habitus corporis varii atque ex eo argumenta; namque rutilæ Calædoniam habitantium comæ, magni artus Germanicam originem adseverant. Silurum colorati vultus et torte plerumque crines et posita contra Hispania, Iberos veteres trajecisse, easque sedes occupasse fidem faciunt: proximi Gallis et similes sunt: seu durante origiuis vi, seu, procurrentibus in diversa terris, positio cæli corporibus habitum dedit». См. о неизмѣнности типовъ въ холодныхъ и жаркихъ гористыхъ странахъ Новаго свѣта, мое Relat. hist. T. I. стр. 498—503. и стр. 572—574.

4. См. объ Американскомъ племени вообще въ сочиненіи Stania Americana, Samul. George Morton 1839 стр. 62—86, и касательно череповъ, привезенныхъ Петлендомъ съ титикакскихъ возвышенностей, см. въ Dublin Journal of. medical and chemical Science Vol. V. 1834 стр. 475. Alcide d'Orbigny, l'homme américain considéré sous ses rapports physiologiques et moraux 1839 стр. 221. См также столь богатое этнографическими наблюденіями, путешествіе во внутренность Сѣверной Америки Максимилиана Привица Ней-Видскаго 1839.

5. (Стр. 379). Рудольфъ Вагнеръ, über Blendlinge und Bastarderzeugung въ его примѣчаніяхъ къ нѣмецкому переводу Притчардовой Natural-history of man. Т. I. стр. 174—188.

6. Притчардъ, часть I. стр. 431. Часть II. стр. 363—369.

7. Онесикритъ въ Страбонѣ XV стр. 690 и 695 Casaub. Велькеръ (Griechische Tragödien Т. III стр. 1078) думаетъ, что стихи приведенныя Страбономъ изъ Феодекта, взяты изъ потерянной трагедіи, посвященной быть названію Мемнома.

8. Joh. Müller, Physiologie des Menschen Т. II. стр. 768, 772—774.

9. Притчардъ Ч. I. стр. 295; Т. III. стр. 11.

10. Позднее появленіе турецкихъ и монгольскихъ племенъ какъ на Аму-Дарьѣ такъ и въ Киргизской Степи, противурѣчатъ мнѣнію Нибура, будто Скифы Геродота и Гиппократы — Монголы. Гораздо вѣроятнѣе, что Скифы (Сколоты) принадлежать къ Индо-Германскимъ Масса-Гетамъ (Алланамъ). Монголы, настоящіе Татары (последнее названіе въ послѣдствіи было совершенно несправедливо дано чисто турецкимъ племенамъ въ Россіи и Сибири) жили тогда далеко на востокѣ Азіи. См. мою Asie centrale Т. I. стр. 239 и 400, Examen critique de l'hist. de la Géog. Т. II. стр. 320. Отличный лингвистъ профессоръ Бутманъ, напоминаетъ, что Фердуси говоритъ въ своей поэмѣ Шахъ-Наме, начинающейся полумифологическимъ рассказомъ объ одной крѣпости Алановъ на берегу моря, куда хотѣлъ бѣжать Сельмъ, старшій сынъ царя Феридуна (вѣроятно за 200 лѣтъ до Кира). Киргизы такъ называемой Скифской степи — собственно Финское племя; они теперь еще въ своихъ трехъ ордахъ, вѣроятно, самый многочисленный изъ кочующихъ народовъ и уже въ шестомъ вѣкѣ обитали въ той самой степи, въ которой я ихъ видѣлъ. Грекъ Менадръ (стр. 380—382 изд. Nieb.) утвердительно рассказываетъ, что ханъ турковъ (Ту-Кію) подарилъ Земарху, посланному императоромъ Юстиномъ II въ 590-мъ году, киргизскую рабыню; онъ называетъ ее *херус*. У Абульгази также (Historia Mongolorum et Tatarorum) Киргизы называются Киркизь. Сходство пра-

вовъ тамъ, гдѣ природа даетъ народу главный характеръ — очень неосновательное доказательство происхожденія народовъ отъ одного племени. Степная жизнь поражаетъ у Туковъ (Ти, Тикю), у Башкиръ (Финновъ), у Киргизовъ, у Торгодъ и Джумаровъ (Монголовъ) тѣ же обычаи кочующихъ народовъ, то же употребленіе юртъ, возимыхъ на телѣгахъ и раскидываемыхъ около стадъ.

11. Wilhelm von Humboldt über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues въ его пространномъ сочиненіи Ueber die Kawi Sprache auf der Insel Iawa. Т. I, стр. XXI, XLVIII и ССХIV.

12. Politica Aristot. I. 3, 5, 6.

13. Wilhelm von Humboldt über die Kawi Sprache. Т. III. стр. 426.

—

ЮГАНЪ СИМОНЪ МАЙРЪ.

=

Въ жизни и въ искусствѣ, которое всегда, болѣе или менѣе служитъ отраженіемъ жизни, не безпримѣрны странныя, совершенно уединенныя явленія, стоящія внѣ всякой связи съ общей жизнью, и потому недоступныя большей части массы. Не намъ, конечно, судить, кто правъ, кто виноватъ въ этомъ случаѣ: эти ли слишкомъ индивидуальныя явленія, или масса, которая ихъ не понимаетъ: вопросъ этотъ слишкомъ тѣсно связывается съ значеніемъ индивидуальности, которая по-крайней-мѣрѣ въ настоящую эпоху — всё болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто общимъ идеямъ.

Но тѣмъ не менѣе, каково бы ни было значеніе этихъ слишкомъ особенныхъ, слишкомъ, такъ-сказать, техническихъ явленій, изученіе ихъ полно высокаго интересу. Обыкновенно, такія явленія или опережаютъ свою эпоху, какъ на примѣръ извѣстный романъ Сенанкура «Оберманнъ» или суть слѣдствія болѣзненнаго настроя, какъ на примѣръ, трагедія Захарія Вернера. Разумѣется, въ первомъ случаѣ несравненно важнѣе значеніе такихъ явленій, тѣмъ въ послѣднемъ; но мы думаемъ однако, что изуче-

нѣ болѣзненнаго настроенія челоѣческой природы не вовсе бесполезно для испытующаго ума.

Но въ искусствѣ — и по преимуществу въ искусствѣ, которое для разумѣнія своего требуетъ нѣкотораго посвященія въ свои тайны, кромѣ явленій болѣзненныхъ и явленій опередившихъ свою эпоху, есть еще явленія, которыя несмотря на свое истинное, неоспоримое превосходство, всегда постигаются только немногими избранными. Въ поэзін и даже въ живописи трудно указать на какой-нибудь подобный феноменъ, потому что поэзія доступна наиболѣе уму — а по старой пословицѣ: *regnonne ne se plaint de son esprit*; живопись же подлежитъ чувству зрѣнія.

И въ поэзін однако, можемъ мы указать на Жанъ-Поля Рихтера, въ котораго непременно нужно вчитаться, чтобы полюбить его и который несмотря на свое неоспоримое превосходство доступенъ только не многимъ.

Но есть одно искусство, искусство *par excellence* — искусство, которое непосредственные звуки голосу и непосредственные тоны возводитъ въ гармонію — и это искусство вообще дается слишкомъ немногимъ, слишкомъ тонкимъ организаціямъ. Въ музыкѣ поэтому нерѣдко встрѣтите вы высокія созданія, обреченныя, такъ-сказать, навѣки наслажденію и разумѣнію немногихъ, въ высокой степени правильныя и прекрасныя, но слишкомъ техническія.

Къ числу такихъ то явленій принадлежитъ и Юганъ Симонъ Майръ (Maug); нѣкоторыя подробности о жизни котораго мы рѣшились теперь сообщить нашимъ читателямъ.

Этотъ извѣстный, образованный и вообще всѣми вспоминаемый съ сожалѣніемъ Несторъ музыки, родомъ Баварецъ, прїѣхалъ въ Италію двадцати-четырехъ лѣтъ и въ продолженіи пятидесяти осьми лѣтъ, до послѣдней минуты жизни, во всѣхъ многочисленныхъ трудахъ своихъ остался настоящимъ честнымъ Нѣмцемъ; хотя по сю и по ту сторону горъ охотно дѣлають его Италианцемъ. Онъ первый пересадиъ нѣмецкую музыку на гесперійскія поля, слѣдовательно, былъ первымъ преобразователемъ италянскіе оперы; вскорѣ нашлись ему подражатели: Паеръ, Джеррали, Павези и другіе, даже самъ Россини.... всѣ они ясно увидѣли, что обыкновенное гармоническое ученіе и слишкомъ недо-

статочная инструментация итальянской оперы окончательно истощается въ средствахъ, если не оживить ихъ пѣмецкая школа. Церковную музыку въ Италиі онъ также поставилъ на высшую степень, въ особенности же когда лѣтъ сорокъ назадъ при церковномъ столѣтнемъ празднествѣ въ Новарѣ, одержалъ побѣду надъ всѣми своими соперниками, лучшими мастерами Италиі, въ числѣ которыхъ былъ и Цингарелли. Если нельзя Майра поставить на ряду съ кѣмъ-либо изъ великихъ пѣмецкихъ мастеровъ, даже и съ Винтеромъ, Вейглемъ (Veigl), съ послѣднимъ только въ отношеніи къ богатству оригинальныхъ мелодій, по въ многочисленныхъ его операхъ и церковной музыкѣ есть много оригинальнаго и классическаго, да и была ли возможность мастеру, разѣзжавшему нѣсколько лѣтъ сряду туда и сюда, сочинявшему ежегодно по три или по четыре оперы и писавшему много для церковныхъ торжествъ, изобрѣтать всегда изящное? Характеристика сочиненій его обоихъ поименованныхъ родовъ та, что они всегда не только удобны для пѣнія, но написаны кромѣ того съ большимъ вниманіемъ къ пѣвцу. Чрезвычайно жаль, что благодѣтельной реформѣ, произведенной имъ въ итальянской оперѣ, угрожаетъ гибелью нынѣшняя новая школа. Во всей Италиі обожали покойнаго маэстро, какъ композитора и какъ человѣка. Не бывъ любимцемъ счастья, онъ перенесъ въ продолженіи долгой своей жизни много горя, съ истинно христіанскимъ смиреніемъ; страдая нѣсколько лѣтъ отъ бѣльма, вынесъ неудачную операцію и при совершенной слѣпотѣ сохранилъ веселость духа. Привычное его чтеніе замѣняли ему пріатели или собственная его дочь; онъ даже приказывалъ изготавлять большія нотныя системы, иногда даже сочинялъ; еще лѣтомъ 1844, управлялъ музыкою въ церкви, гдѣ онъ былъ капельмейстеромъ; вообще отличался ласковостью ко всѣмъ и щедростью, часто съвыше обыкновенныхъ своихъ средствъ.

Вотъ обзоръ жизни и трудовъ этого столь замѣчательнаго человѣка, которое я составилъ изъ писемъ моего пріателя, князя И. П***, живущаго постоянно въ Италиі; онъ зналъ лично Майра, и вотъ что слышалъ отъ него самого :

Юганъ Симонъ Майръ родился четырнадцатаго іюня 1763 года, въ деревушкѣ Мендорфъ въ Баваріи, въ верхнедунайскомъ округѣ, недалеко отъ Ингольштадта; учился началамъ музыки у своего отца, органиста въ той же деревнѣ, и съ такимъ успѣхомъ,

что уже на седьмомъ году пѣлъ прямо церковныя сочиненія Лобрига и Кезингера. Черезъ годъ онъ порядочно игралъ на фортепьяно и даже пробовалъ писать вокальную музыку. За нѣсколько времени до уничтоженія ордена езуитовъ, онъ получилъ безвозмездное мѣсто въ ихъ коллегіумѣ въ Ингольштадтѣ; здѣсь изучалъ онъ humaniora, логику, физику, посѣщалъ послѣ того публичныя чтенія въ университетѣ и посвятилъ себя наукѣ правъ; между-тѣмъ страсть къ музыкѣ въ немъ не ослабѣвала, онъ учился почти самоучкою играть на употребительнѣйшихъ струнныхъ и духовыхъ инструментахъ и добывалъ себѣ пропитаніе игрою на органѣ въ кафедральной августинской церкви; въ 1787 поѣхалъ онъ съ барономъ Бессусомъ на его родину, Посціавіо, въ Граубинденъ и въ Тирано; въ Велтицѣ, впродолженіи двухлѣтняго своего тамъ пребыванія, написалъ много инструментальныхъ и вокальныхъ сочиненій, въ томъ числѣ двѣнадцать нѣмецкихъ пѣсней (напечатаны въ Регенсбургѣ), которыя такъ понравились, что меценатъ Майра повезъ его въ Бергамо, чтобы онъ тамъ изучилъ композицію подѣ руководствомъ капельмейстера Ленци. Не имѣя средствъ къ содержанію себя, Майръ нашелъ другаго благодѣтеля въ каноникѣ графѣ Пезенти, который послалъ его въ Венецію окончить ученіе, подѣ руководствомъ капельмейстера церкви святаго Марка, Бертони; однако жъ, Бертони, по преклонности лѣтъ своихъ, могъ только служить ему содѣлать, почему почти все нужное для композиціи приобрѣлъ онъ изъ книгъ или изученіемъ хорошей музыки. Когда вскорѣ потомъ на одномъ церковномъ служеніи услышали его обѣдню и вечерню, то тотчасъ сдѣлали ему предложеніе сочинить ораторію подѣ названіемъ: «*Jacoba Labano fugiens*», для Conservatorio dei Mendicanti; эта ораторія была исполнена въ присутствіи неаполитанскаго короля, великаго герцога тосканскаго и эрцгерцога миланскаго; послѣ этого сочинилъ онъ еще три ораторіи, изъ которыхъ чрезвычайно понравилась *Сизара*, гдѣ въ особенности отличалась знаменитая Сакетти, учительница пѣнія въ этой консерваторіи.

Вызванный великодушнымъ своимъ благодѣтелемъ обратно въ Бергамо, для того, чтобы посвятить у него все время сочиненію исключительно одной церковной музыки, Майръ былъ горестно пораженъ внезапною его смертію. Это заставило Майра вступить на театральное поприще, къ чему уговаривали его жившіе тогда въ Венеціи Пиччини и Винтеръ. Въ 1796 женился онъ на ученицѣ

своей, Анжіолѣ Вентуралі, которая черезъ годъ умерла отъ несчастныхъ родовъ. Отъ второй своей жены Лукреціи, младшей сестры первой, на которой онъ женился въ 1804 году, имѣлъ онъ только одну дочь, выданную послѣ за одного инженера.

Въ 1802 году, онъ получилъ мѣсто капельмейстера при церкви *Basilica di Santa Maria Maggiore* въ Бергамо; въ 1803 году сдѣлано ему почетное предложеніе занять директорское мѣсто при вѣнскомъ Италіанскомъ Театрѣ; въ 1806 году при театрахъ и концертахъ императорскаго Французскаго двора, въ 1808 году мѣсто ценсора въ миланской консерваторіи, при дрезденской капеллѣ и при многихъ другихъ: въ Петербургѣ, Лиссабонѣ, Лондонѣ и прочее; но онъ не принялъ ни одного изъ этихъ блестящихъ предложеній, изъ благодарности къ своему второму отечеству.

Въ 1805 году Майръ учредилъ въ Бергамѣ музыкальный лицей, для котораго написалъ: «*Piccolo Catechismo elementare*», «*Metoda di applicatura ossia per le regolari e piu commode posizioni delle dita sul cembalo*», «*Trattato per il Pedale*», и прочее; кромѣ-того перевелъ на италіанскій языкъ генераль-бассъ Ферстера, и написалъ также для упражненія воспитанницъ въ декламациі, нѣсколько фарсовъ: «*La prova dell'Academia finale*», «*Il piccoli Virtuosi ambulanti*», «*Il Giovedì grasso*», и прочее.

Въ 1809 году онъ учредилъ въ Бергамѣ «*Il Pio Istituto musicale*», для вспомошествованія престарѣлымъ художникамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ; далъ въ первый разъ въ Италіи Гайденово «Сотвореніе міра», въ бенефисѣ въ ихъ пользу и при этомъ случаѣ издалъ короткую біографію великаго маэстро.

Въ 1822 году, Майръ основалъ филармоническое общество подъ названіемъ *Unione Filarmonica*, имѣвшее цѣлію усовершенствованіе музыки.

Несмотря на огромную практически-музыкальную дѣятельность, онъ успѣлъ обработать «Разсужденіе о состояніи музыки у австрійскихъ государей», изъ которыхъ многіе отрывки помѣщены въ миланской музыкальной газетѣ, а именно: «Исторія музыки въ Бергамо», которая должна быть очень занимательна. Многія разсужденія, читанныя имъ въ бергамскомъ «*Atheneo*», котораго онъ былъ дѣятельнымъ членомъ и однажды президентомъ,

и въ томъ числѣ похвальную рѣчь Франкино *Taffurio*, котораго отецъ Беттино, родился въ провинціи Бергамо и другую Микеле Альберто да Каррара изъ Бергамо, который кромѣ многихъ медицинскихъ, философическихъ и богословскихъ сочиненій написалъ «*De choreis Mustarum*», и о происхожденіи музыки «*Cenni intorno all'Oratorio musicale ed ai Misteri che lo precedet-tero*».

Въ манускриптахъ находятся слѣдующія сочиненія Майра: «*Piano per una riforma del Conservatorio di Napoli*». «*Piano per l'istituzione di una cattedra di Musica nell'Univerisità di Pavia*». «*Parere intorno ad un apposito maestro per la compositione teatrale, e particolarmente per l'instromentazione* (для болонскаго лица). «*La vita di Clementi*». «*La vita di Santa Cecilia*». «*Traduzione dell'Trattato d'Armonia di Reicha*», и многія другія.

Въ 1838 году Майръ посѣщаль свое отечество, Баварію. Въ Мюнхенѣ и по возвращеніи въ Бергамо онъ былъ принятъ съ большими почестями, и на 78 году своей жизни (въ 1841) получилъ золотую медаль отъ филармоническаго общества, которое обязано ему своимъ существованіемъ. При жизни еще написана въ честь ему бездна стиховъ.

Майръ былъ членомъ слѣдующихъ обществъ: французскаго института, австрійскаго музыкальнаго общества, филармоническихъ обществъ: въ Миланѣ, Римѣ, Лоди, Туринѣ, Венеціи, Неаполѣ, Веронѣ, и многихъ другихъ.

Майръ скончался втораго декабря 1845. Похороны его были торжественны. Тысячи людей различныхъ сословій при нихъ присутствовали. По волѣ покойнаго на главныхъ церковныхъ воротахъ было написано:

Giovanni Simone Mayr.

Вотъ хронологическій списокъ лучшихъ его произведеній:

Драматическія сочиненія.

Saffo (опера-seria, написанная въ 1794 году, для театра Fenice, въ Венеціи): — «*Lodoiska*» 1796 года. «*Un pazzo ne fa cento*» (опера-buffo,

написанная въ 1796 году для театра S. Samuele). «Telemacco», (опера-серія написанная для театра Fenice, въ 1797 году). «Il Segreto и l'Intrigo della lettera» (два фарса, написанные для театра S. Mosè); Avviso ai maritati опера-бюффо, для театра Fenice); «Adriano in Siria» (опера-серія, для театра S. Benedetto). «Lauso e Lidia», (опера-серія для театра Fenice). «Che Originali», (фарсъ, написанный для театра San-Benedetto). «Amore ingegnoso» и «L'ubbidienza per astuzia» (два фарса, написанные въ 1799 году для театра San-Benedetto). Adelaide di Gueselino (опера-серія, написанная для театра Fenice). «L'Avaro» и «Lubino e Carlotta» (два фарса, написанные для театра San-Benedetto). L'Academia di Musica (фарсъ, для театра San-Samuale). «Gli Sciti» (опера-серія, для театра Fenice). «La Locandiera» (опера-бюффо) Il caretto del venditore d'aceto (фарсъ), и L'Imbroglione ed il Castigamatti (тоже фарсъ, написанный для театра San-Mosè). «Ginevra di Scozia» (опера-серія, одно изъ лучшихъ его произведений, въ 1801 году). Argene» опера-серія написанная въ 1802 году). «I Misteri Eleusini» (большая опера-серія, имѣвшая необыкновенный успѣхъ на театрѣ della Scala). «Ercole in Lidia» (опера-серія, написанная для вѣнскаго театра въ 1803 году) «Le finte rivali» (опера-бюффо), «Alonso e Sara» (опера-серія), и «Amor non ha ritegno» (фарсъ)—написаны въ 1804 году, для миланскаго театра. «Famori, o l'Eroe delle Indie» (опера-серія, для театровъ Венеціи). «Eraldo ed Emma» (прекрасная опера-серія, написана въ 1805 году для театра della Scala). «Da locanda in locanda e sempre in sala» (фарсъ, написанный въ Венеціи). «La Roccia di Frauenstein» (опера semi-серія, для театра Fenice), «Gli Americani» (опера-серія, написанная въ 1806 году). «Adelasia ed Alegrato» (прекрасная опера-серія въ 1807 году, для театра della Scala). «Ne l'un né l'altro» (опера-бюффа, написанная въ Венеціи). «I Cherusci» (опера-серія, написанная въ 1808 году для театра Argentina въ Римѣ). «Il ritorno d'Ulisse» (опера-серія, написанная въ Венеціи, въ 1809 году). «Raoul di Crequi», (прекрасная опера-серія, написанная для Милана въ 1810). «Amor non soffre opposizione», (опера-бюффо написана въ Венеціи). Il sacrificio d'Ifigenia, (одно изъ первоклассныхъ его произведений; написано въ Венеціи въ 1811 году). Tamerlano, (опера-серія, для Милана, въ 1812 году) «La Rosa bianca e la Rosa rossa», (лучшая изъ всѣхъ его оперъ, написанная въ 1813 въ Генуѣ; «Medea in Corinto» (прекрасная опера-серія, написанная въ этомъ же году для театра San-Carlo въ Неаполѣ). «Elcna», (опера-серія въ 1814). «Atar», (опера-серія) и «Le due Duchesse», (опера semi-серія, написанныя въ томъ же году какъ и «Elcna»). «Cora», (опера-серія, въ Неаполѣ, въ 1815 году). «Mennone e Zemira», (опера-серія, 1817 года). «Tauassa», опера-серія, въ Венеціи, въ 1818 году). «Le Danaidi», (опера-серія, въ Римѣ, въ 1819 году). «Alfrede il Grande», (опера-серія, въ Бергамо, въ 1821 году). «La Fedra» (опера-серія, въ Миланѣ, въ 1822 году).

«Demetrio» (орера-seria, написанная для Турина, въ 1824 году). Съ-тѣх-поръ Майръ пересталъ писать для театра; послѣдніе два года своей жизни онъ провелъ въ уединеніи, писалъ мало и то только церковную музыку. Кромѣ драматическихъ сочиненій Майръ писалъ много церковной музыки, ораторій и кантатъ; между этими его произведеніями первое мѣсто занимаютъ ораторія: «Jacob a Labano fugiens» (1791), «Sisara» (1793), «La Passione» (1794), «Alcide al Livio» (1809), «Il sacrificio di Jefe» (1810) «Arianno e Baeco» (1818), Atalia (1821), Santo Luigi Gonzago (1822), и «Bethovens Tod», (кантата, написанная въ 1827 году).

ВИКТОРЪ КАЖИНСКІЙ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ЭКОНОМІЯ

ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

И

СОСТОЯНІЕ ФИНАНСОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

=

XXII. О ВЪ ИСКУССТВЕННОМЪ КАПИТАЛѢ.

Искусственный денежный капиталъ, кромѣ вещественнаго и металлическаго, монетнаго капитала, состоитъ изъ знаковъ воображаемаго достоинства, имѣющихъ свойство денегъ, то есть, преимущественно изъ бумажныхъ денегъ. До известной степени сюда могутъ быть причислены и тѣ ассигнаціи, которыя создаются безъ взносу денегъ, какъ напримѣръ заемныя письма како-го-нибудь сельско-хозяйственнаго общества, потому что эти бу-

маги хотя и не имѣютъ дѣйствительнаго свойства денегъ, однако жъ замѣняютъ деньги. Преждевременныя полученія капитала въ посредствѣ учета векселей, также имѣютъ нѣкоторое сходство съ искусственнымъ капиталомъ.

Пока мѣсть ассигнаціи правительства выпускаются — онѣ составляютъ искусственный капиталъ; но когда онѣ уже такъ далеко зашли въ жизнь дѣйствительную, что покрываютъ часть истинной потребности въ ходячихъ знакахъ цѣнности, тогда перестаютъ быть искусственнымъ капиталомъ. Когда какой-либо банкъ выпускаетъ втрое больше ассигнацій противъ количества наличнаго фонда, то двѣ трети его билетовъ будутъ искусственнымъ капиталомъ.

Не будемъ говорить о недостаткахъ кредитныхъ денегъ и о катастрофахъ ими произведенныхъ; много было злоупотребленій, и даже неразъ безстыдно увеличивали искусственные капиталы, какъ недавно еще мы видѣли въ Сѣверной-Америкѣ. Банкъ штатовъ, при недостаточности контроля, добровольно погрязъ въ необозримыя торговыя спекуляціи; частныя или провинціальныя банки умножились до невѣроятности, и не будучи надлежащимъ образомъ устроены, выпускали кредитные билеты безъ всякой мѣры. Но, какъ мы уже сказали, лишнее приобрѣтеніе денегъ сопровождается всегда ненужными, несвойственными и преждевременными предпріятіями, жадностью спекуляціи и излишествомъ истребленія капиталовъ, то и не удивительно, что при такомъ состояніи дѣлъ, множество искусственныхъ капиталовъ употреблены были худо, много истрачено въ спекуляціяхъ и истреблено по-напрасну.

Эти и другія причины, а можетъ-быть и слишкомъ большое вмѣшательство правительства въ денежные обороты, произвели въ Сѣверной-Америкѣ извѣстную катастрофу, которая много ей повредила въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Кредитные билеты потеряли довѣріе; банки были осаждаемы; начался вымѣнъ на чистыя деньги; торговля и промышленность терпѣли застой и находились въ нерѣшимости; банкротства были безчисленные; земледѣліе не находило сбыта своимъ произведеніямъ. Самая Англія даже потеряла отъ этой катастрофы, а еще болѣе отъ долговъ Штатовъ, о которыхъ распространился влосѣдствіи.

Но можно спросить: неужели искусственные капиталы не приносятъ рѣшительно никакой пользы? Въ выпѣшнемъ положеніи дѣлъ, особенно въ образующихся государствахъ, капиталы эти

нужны и полезны, но только въ известной степени. Однако жъ степень эту нужно еще найти.

По нашему мнѣнію, искусственный капиталъ тогда полезенъ, когда онъ не только приноситъ свои проценты, но и погашается въ весьма непродолжительномъ времени; когда замѣняемый производимостью, искусственный капиталъ дѣлается частью естественнаго капитала и умножаетъ его. Напротивъ того, если искусственный капиталъ потребляется весь, или по частямъ, то падаетъ на естественный капиталъ народа въ видѣ убытка; если приноситъ одни только проценты, то остается всегда шаткимъ искусственнымъ капиталомъ.

Правда, что и тамъ даже, гдѣ нѣтъ излишества, не всѣ искусственные капиталы, равно какъ и естественные, должны быть обложены простыми и погасительными процентами; такъ какъ и при излишнемъ выпускѣ билетовъ кредитныхъ, не всегда искусственные капиталы должны непременно погибать. Но погашеніе иногда производится скоро, и даже весьма скоро и прибыль превышаетъ убытки, поэтому, говоря вообще, искусственные капиталы могутъ составлять нѣкоторый расчетъ.

Впрочемъ, мы чувствуемъ, что дѣйствительность не будетъ соответствовать теоріи, основанной на числахъ; это невозможно: поэтому необходимо придерживаться тѣхъ признаковъ, которые представляетъ намъ вообще ходъ дѣлъ человѣческихъ. Но все же изъ сказаннаго явствуетъ, какъ подобно быть осторожнымъ при составленіи искусственныхъ капиталовъ. По несчастію, люди всегда стремятся къ новостямъ и блеску безъ основательнаго разсмотрѣнія предмета. Истина всегда остается неизмѣнною, а только измѣняются люди и усматриваютъ всегда и вездѣ новыя истины.

XXIII. О цѣнности вещей.

Мы ежедневно имѣемъ дѣло съ цѣпностью вещей, но въ глаза намъ бросается только ея временное различіе; однако жъ способъ повышенія и пониженія цѣпности, равно какъ и ея уравненіе считается весьма замѣчательнымъ и, скажу даже, самымъ удивительнымъ вопросомъ общежитія. Для этого существуетъ особенное *Sensorium commune*.

Цѣпности объѣма переходятъ въ цѣпности денежныя, которыя получаютъ ближайшее опредѣленіе отъ взаимнаго оборота между собою, отъ настоящей цѣпности вещей, отъ конкуренцій продавцовъ и покупателей и отъ количества торговыхъ сдѣлокъ.

Настоящую цѣнность составляетъ то, что получаетъ каждый производитель на мѣсто употребленнаго имъ капитала какъ вознагражденіе, резервъ и барышъ, о чемъ мы выше подробно говорили. Эта настоящая цѣнность измѣняется отъ большей или меньшей цѣны производимаго, въ-особенности же отъ излишка или недостатка въ той или другой вещи, что относится болѣе къ суровымъ произведеніямъ, а по отношенію къ фабрикантамъ существуетъ только какъ исключеніе. Притомъ же, по степенію обстоятельствъ, настоящая цѣнность можетъ превзойти всякую нормальную цѣну, или же стать ниже ея и такимъ образомъ порождаетъ чрезмѣрные барыши или убытки.

По отношенію къ конкуренціи покупатель старается купить вещь какъ-можно дешевле, продавецъ — сбыть по-возможности дороже; но, какъ обомъ нужно скорѣе окончить дѣло, то они и сходятся на серединѣ. Если товаровъ слишкомъ много или мало, если число покупателей велико или мало, то товары продаются или дороже или дешевле противъ настоящей цѣнности, а разрывъ цѣнъ даетъ среднюю цѣну. Сверхъ-того существуютъ лѣтнія и зимнія цѣны.

По количеству торговыхъ оборотовъ, случаются въ цѣнности слѣдующія измѣненія:

1) Производимое не равно обходится всякому производителю: одному болѣе, другому менѣе. Въ-особенности это случается въ земледѣліи, гдѣ одно поле бываетъ урожайное, другое же неурожайное. Большое количество торговыхъ оборотовъ порождаетъ среднюю цѣну, при чемъ одинъ болѣе приобретаетъ, другой теряетъ. Но конкуренція имѣетъ вліяніе не на отдѣльныя лица, а на цѣлыя массы и обыкновенно ставитъ цѣну въ дешевое *medium*: въ случаѣ большой рѣдкости предмета производитъ *maximum*, въ случаѣ чрезмѣрнаго излишества *minimum* цѣны.

2) По причинѣ большого числа торговыхъ оборотовъ, соединяющихся съ конкуренціею, цѣна продажныхъ вещей неизмѣняется повсемѣстно; она по большей части бываетъ общая, если не одинаковая, то по-крайней-мѣрѣ приближительная, не только на пунктахъ великаго потребленія, какъ-то: въ большихъ городахъ, но даже и въ цѣлыхъ провинціяхъ.

3) По причинѣ большого количества торговыхъ оборотовъ образуются постоянныя цѣны въ-особенности для фабрикантовъ, для платы работникамъ при случаѣ и тому подобное, и цѣны эти, несмотря на измѣнчивость цѣнности вещей, остаются на одной точкѣ въ продолженіи долгаго времени, даже въ продолженіи че-

ловѣческой жизни. Такимъ образомъ въ большихъ городахъ можно спрашивать цѣну какого-либо предмета, имѣющагося во ставкахъ, — она вездѣ одинакова. То же происходитъ съ работою: парижскому дровосѣку, не торгуясь, платятъ пятнадцать су за распиливаніе одной *coise* дровъ для топлива. Вообще въ послѣднія тридцать лѣтъ цѣнность вещей мало измѣнилась въ образованныхъ европейскихъ государствахъ, и только у новыхъ народовъ цѣнность стремится къ увеличенію, а еще болѣе къ измѣненію.

Само собою разумѣется, что исключительные случаи обмана, или требованія излишней платы, не принимаются здѣсь въ соображеніе.

Выше приведенныя главныя положенія подлежатъ измѣненію тамъ, гдѣ случаются особенныя на это причины; касательно этого предмета замѣтимъ слѣдующее:

Когда въ какомъ либо государствѣ имѣется болѣе зерноваго хлѣба, чѣмъ нужно для годичнаго употребленія, и это обыкновенно бываетъ, то нечего опасаться недостатка. Но если жатва была скудна, хотя и достаточна на годъ, а будущій сборъ хлѣба невѣренъ, — цѣны повышаются тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше можно полагаться на скорый и дешевый подвозъ. Когда случится истинный неурожай, которому можно противопоставить только бережливость потребленія, суррогаты и подвозъ, то цѣны возвышаются до самой крайней степени. Напротивъ того, когда жатва весьма изобильна, то продавцы, въ особенности мелкіе, начинаютъ опасаться, что нельзя будетъ продать хлѣба въ достаточномъ количествѣ, чтобы покрыть сдѣлаиыя издержки и удовлетворить потребностямъ жизни, и цѣны понижаются до крайности.

При этихъ обонхъ случаяхъ — при изнѣствѣ продавцовъ и при недостаткѣ покупателей, — покупатели и продавцы стараются воспользоваться обстоятельствами и до крайности возвышаютъ или понижаютъ цѣны. Поэтому соразмѣрность уничтожается и, извѣстно по опыту, что въ плодородные годы цѣны слишкомъ падаютъ, въ неурожайные слишкомъ возрастаютъ. Въ обширныхъ, не весьма населенныхъ государствахъ, когда сообщенія не легки, то, по случаю отдаленности подвоза, цѣны дѣлають быстрые переходы, возвышаются до невѣроятности при тѣни опасенія, а когда послѣ торгующіе увидятъ, что хлѣба довольно, падаютъ такъ же низко при малѣйшей надеждѣ. Мы это неоднократно увидѣли въ нашей практикѣ. Измѣнчивое существо

цѣнности зерноваго хлѣба, непродолжительность сохраненія хлѣбныхъ растений и заключенія, дѣлаемая легкомысленно о предстоящей жатвѣ, составляютъ причины, по которымъ торговля зерновымъ хлѣбомъ, въ особенности обширная, подвергается довольно большимъ рискамъ. Адамъ Смитъ написалъ родъ похвального слова внутреннимъ закупателямъ зерноваго хлѣба, потому что они въ урожайные годы скупаютъ хлѣбъ, сохраняютъ его отъ возмншней потребительности и такимъ образомъ составляютъ запасъ на худые годы. Однако жъ, не отверая этого роду торговли, особенно когда заводятся запасные магазины, намъ кажется, что потребление хлѣба и пшци всегда одинаково въ хорошия и дурныя годы, и никто не можетъ заставить другихъ дѣлать запасы; когда же есть излишекъ въ зернѣ, то онъ остается непотребленнымъ въ житницахъ хлѣбопашцевъ, или въ магазинахъ торговцевъ зерновымъ хлѣбомъ. Люди же не имѣютъ ни какого вліянія на уменьшеніе цѣны; всегда стараются продавать свой запасъ какъ-можно дороже, а если ожидаютъ прибыли отъ вѣшняго вывоза, то всегда навѣрное имъ воспользуются. Хлѣбъ изъ житницъ хлѣбопашцевъ гораздо будетъ дешевле, потому что эти люди не могутъ легко прибѣгать къ монополіи.

Съ давнихъ временъ уже много говорятъ и пишутъ о хлѣбѣ, и о неурожайныхъ годахъ. Многіе считаютъ за большое счастье, когда цѣна хлѣба держится на среднемъ числѣ посредствомъ распоряженій правительства, и въ особенности посредствомъ большихъ запасныхъ магазиновъ. Предметъ этотъ слишкомъ обширенъ, чтобы мы могли разсматривать его подробно: замѣтимъ только то, что для существованія хлѣбопашца необходимо, чтобы цѣны на хлѣбъ были высокія въ неурожайные годы, потому что въ урожайные онъ не выручаетъ настоящей цѣны. Такимъ образомъ слѣдовало бы, для наполненія запаснымъ магазинамъ въ урожайные годы покупать хлѣбъ по высшей цѣнѣ, чтобы принести пользу хлѣбопашцамъ; въ худые же годы продавать, по той же причинѣ, дешевле нежели позволяютъ обстоятельства, а вообще всегда держать цѣну низко. Кто можетъ предвидѣть, кто можетъ знать, не воспослѣдуютъ-ли непрерывные урожаи, впродолженіи которыхъ запасы хлѣба испортятся? Кто увѣренъ, что не случится нѣсколько годовъ неурожайныхъ одинъ за другимъ, а между-тѣмъ магазины преждевременно опустѣли? Надо было еще замѣтить, что никакая страна не собирается хлѣбомъ до такой степени, чтобы можно было дѣлать большіе запасы и заставлять лежать зерно какъ мертвый капиталъ.

Средніе запасы покрываютъ часть только нужды, хотя и продаются по низкимъ цѣнамъ на случай дороговизны; зато частныя цѣны дѣлаются выше; никогда малымъ нельзя побѣдить большаго.

Впрочемъ, мы не намѣрены утверждать, чтобы не было полезно содержать, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, отдѣльные государственныя и мѣстные магазины: въ-особенности заслуживаютъ одобреніе магазины общинъ, въ которые каждый сельскій хозяинъ откладываетъ часть зерна, или которые могли бы ссудить его зерномъ, какъ напрямѣръ, въ Россіи, не столько для измѣненія цѣны, сколько для удовлетворенія нуждъ, въ-особенности если эти ссуды производятся для посѣва. Но мы то же знаемъ по опыту, какія затрудненія представляются съ зерновыми магазинами, и что они обыкновенно на случай нужды заключаютъ въ себѣ, вмѣсто наличнаго хлѣба, записки въ долговой книгѣ.

Упомянемъ мимоходомъ, что въ Великобританіи ожидаютъ улучшенія настоящихъ обстоятельствъ, если только подвозъ зерноваго хлѣба будетъ подожать твердо опредѣленной пошлины, а не часто измѣняющейся, какъ это до сихъ поръ было. Между-тѣмъ нельзя постигнуть, какъ не понимаютъ того, что такое учрежденіе приведетъ въ совершенный упадокъ англійское хлѣбопашество, потому что хлѣбопашецъ въ случаѣ неурожая долженъ имѣть вознагражденіе въ высокой цѣнѣ хлѣба, а между-тѣмъ вся Англія будетъ засыпана иностраннымъ дешевымъ привознымъ зерномъ. И такъ, хотя въ Англіи полагаютъ, что при опредѣленной пошлинѣ богатые земледѣльцы убавятъ плату за откупъ мызы, но это не можетъ никогда произойти, и не произойдетъ въ такой степени, чтобы поддержать мызинка противъ иностраннаго подвоза въ неурожайные годы. Притомъ же владѣтели имѣній будутъ потреблять менѣе. Вообще почти невозможно гнать изъ такого искусственнаго состоянія, какое производитъ старинный и неразъ измѣняемый англійскій законъ о хлѣбѣ, который разъ будучи введенъ, укоренилъ временныя затрудненія и сдѣлалъ ихъ постоянными. О подвозѣ хлѣба будемъ говорить вообще впоследствии.

Случаются еще особыя обстоятельства, порождающія необыкновенную цѣну на нѣкоторые предметы. Такія спеціальныя цѣны случаются во время войны, когда хлѣбъ дорогъ: иногда даже въ ожиданіи нашествія непріятеля вдругъ упадетъ въ цѣнѣ; при аукціонахъ, когда разъ дешево, другой разъ, противъ ожиданія, все продается дорого; при распродажѣ, когда кто не

может долѣе содержать дено или магазина, или если желаютъ распродать залежалый товаръ, при чемъ часто случаются обманъ; при модѣ, когда весь свѣтъ желаетъ имѣть одинаковую вещь; когда два человека, покупатель и продавецъ, пристрастились къ одной и той же вещи; при игрѣ, какъ то случилось въ Голландіи съ цвѣточною луковицею, гдѣ одинъ *Scmpere Augustus* продавался по двадцати тысячъ гульденовъ; при продажѣ изъ нужды, и еще при многихъ подобныхъ обстоятельствахъ.

XXIV. О совмѣстничествѣ.

Мы перазъ уже упоминали о послѣдствіяхъ совмѣстничества; теперь займемся этимъ предметомъ подробнѣе.

Совмѣстничество, которое желаемъ опредѣлить, можно назвать великимъ уравнивателемъ многихъ отношеній. Оно поощряетъ физическую и умственную дѣятельность человека и принуждаетъ его искать отъ нихъ возможно большихъ результатовъ. Сильное совмѣстничество порождаетъ много великихъ талантовъ разнаго рода, но зато и приводитъ трудности въ пріисканіи средствъ жизни, и ведетъ къ безправственности и проступкамъ. Прежде многіе придерживались матеріальнаго взгляда на предметы, считая совмѣстничество какимъ-то закодваннымъ словомъ; невозможно даже было говорить о какихъ-либо его ограниченіяхъ: теперь по большей части мнѣніе измѣнилось.

Мы раздѣлимъ совмѣстничество на сильное, среднее и слабое и посмотримъ, чтѣ оно порождаетъ на этихъ степеняхъ своего развитія, дешевизну или дорогизну; разберемъ также, нужно ли, чтобы совмѣстничество было неограниченное, или ограниченное, или чтобы находилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ сказать, подъ монополією.

Сильное совмѣстничество простирается преимущественно на грубую произведенія отъ хлѣбопашества, на ископаемая и на все то, чтѣ только подлежитъ покупкѣ и продажѣ съ вольной руки, или на публичномъ рынкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь должно господствовать неограниченное совмѣстничество и производить истинную цѣну вещей. Къ тому же разряду относимъ мы и простыхъ работниковъ.

Совмѣстничество можно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: касательно фабрикъ и касательно городской промышленности.

Извѣстно изъ опыта, что совмѣстничество фабрикъ порож-

дасть повнженіе цѣнъ; а когда оно простирается слишкомъ далеко, то производитъ чрезмѣрную дешевизну, во вредъ предпринимателей, а всего болѣе во вредъ фабричныхъ работниковъ, которыхъ плату и безъ того стараются уменьшить до крайности. Между тѣмъ невозможно, а хотя было бы и возможно, то нѣтъ никакихъ вѣрныхъ средствъ ограничить число и массу производимыхъ предметовъ; никто здѣсь не придумаетъ справедливой мѣры, никто не въ состояніи предугадать непредвидимыхъ обстоятельствъ, могущихъ случиться.

Средняя городская промышленность распадается тоже на многія отрасли; къ ней принадлежатъ: оптовой торгъ, различная продажа, издѣлія мастерскихъ и различные роды работъ, какъ то: постройки, очищеніе, освѣщеніе и тому подобное.

Слабое совмѣстничество господствуетъ частью въ разновѣснѣйшей продажѣ, частью въ многочисленныхъ издѣліяхъ особаго рода.

Мимоходомъ замѣтимъ здѣсь, что, хотя многія городскія издѣлія производятся и въ селеніяхъ, но это не представляетъ существенной разницы: только совмѣстничество здѣсь будетъ слабѣе.

Значительное совмѣстничество, при обширной торговлѣ, производитъ небольшія только прибыли, коммисіонерскіе доходы, куртажи. притомъ, если всѣ стараются употребить свои дарованія самымъ лучшимъ образомъ, совмѣстничество, по причинѣ соперованія многихъ, придаетъ торговлѣ болѣе жизни и разнообразія. Тамъ, гдѣ легко можно много выработать, человекъ становится лѣнливымъ и не стремится къ совершенству. Съ другой стороны, жалуются, и не безъ основанія, что обширность торговли и банкирскіе обороты находятся исключительно въ рукахъ нѣсколькихъ торговыхъ домовъ, а, съ другой стороны, что великое; все возрастающее, число купцовъ, коммисіонеровъ, маклеровъ и тому подобное, порождаетъ въ торговлѣ замѣшательства, риски, сумасбродство, а все это подкапываетъ твердость торговаго дѣла. Между тѣмъ этому воспренятствовать невозможно; это вредныя послѣдствія преувеличеннаго народонаселенія; а и такъ уже торговля обложена во многихъ государствахъ значительными налогами за торговля свидѣтельства, что достаточно можетъ воздержать многихъ отъ желанія заняться этими дѣлами.

Подъ именемъ различной продажи, мы собственно понимаемъ торговлю въ магазинахъ и лавкахъ, которая однако жъ можетъ производиться *en demi gros*. Она должна быть свободною; ограничивается немногою классификаціею, торговыми свидѣтельствами

и обыкновенными налогами; но не надобно полагать, чтобы умножение такого рода торговли производило, при совместничестве, дешезизну товаров: большею частью случается противное. *Frais* такой торговли умножаются по мѣрѣ умноженія количества торговых домовъ: будетъ ли продажа значительная, средняя или малая, всегда обыкновенныя издержки въ большихъ городахъ, наемъ магазиновъ, роскошное помѣщеніе, топливо, освѣщеніе, плата прислуги, остаются неизмѣнными; къ этому надобно еще причислить помѣщеніе и содержаніе самихъ торгующихъ, не говоря уже о необходимыхъ убыткахъ разнаго рода, о порчѣ товаровъ, объ измѣненіи моды на нихъ, объ ошибочномъ ихъ выборѣ, о недоимкахъ на покупателяхъ и тому подобное. Безъ сомнѣнія, продавецъ могъ бы заманить покупателей возможно низкими цѣнами, но, при ограниченномъ сбытѣ, ему не удобно продавать такъ дешево, какъ бы это было возможно при меньшемъ количествѣ мѣстъ продажи; притомъ же продавецъ не можетъ сбавить цѣну, ниже цѣны другихъ торговцевъ, разъ утвердившейся. Понятно, что мы здѣсь не говоримъ о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, по мѣрѣ возрастающаго народонаселенія и умноженія потребностей, умножаются и мѣста продажи; но обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на чрезмѣрное увеличеніе количества этихъ мѣстъ, что случается нынѣ во всѣхъ большихъ городахъ. Въ Парижѣ, даже на улицахъ только-что проходимыхъ, нижніе этажи домовъ переполнены лавками и магазинами, и трудно понять, какъ тамъ торговцы еуществуютъ, потому что покупатели довольно рѣдки. Естественно, что многое вывезится во внутреннія провинціи, многое высылается за границу, но и банкротства довольно часты. Домашнее житье большей части купцовъ весьма бережливое и даже бѣдное, несмотря на всю роскошь ихъ лавокъ и магазиновъ.

Мелочной торгъ въ лавочкахъ, по отношенію къ совместничеству, имѣетъ тѣ же послѣдствія какъ и торгъ въ магазинахъ, съ тою только разницею, что лавочники имѣютъ соразмѣрно болѣе выгодъ чѣмъ торговцы въ магазинахъ: при мелочной продажѣ малыми вѣсами и мѣрами, на одинъ грошъ, су, крейцеръ, на одну копѣйку, если цѣна не много только выше, можно получать гораздо больше барышей, и самыя большія массы народа ежедневно прхходятъ въ лавочки.

Разнощичій торгъ стоитъ еще одною степенію ниже и приноситъ самыя незначительныя барыши, если ему не помогаетъ об-

масть и распродажа негодного товару. О позволительности такой торговли будемъ говорить впоследствии.

Издѣлія мастеровъ, включительно со многими рукодѣліями, о которыхъ не будемъ упоминать подробно, подлежатъ такимъ же послѣдствіямъ, если число мастеровъ слишкомъ велико. Хотя ремесленники, содержащіе на главныхъ мѣстахъ торговли магазинны или лавки заготовленныхъ вещей, продаютъ свои издѣлія гораздо дешевле нежели сдѣланные по заказу; но зато доброта товара ниже, а такая продажа доставляетъ мастерамъ наличныя деньги; между-тѣмъ какъ заказныя вещи продаются дороже, потому что хорошій покупатель долженъ вознаграждать за неисправныхъ плательщиковъ.

Что касается до построекъ и вообще работъ необходимыхъ для содержанія города, то работники къ нимъ употребляемые принадлежатъ или къ сословію мастеровъ и тогда случается сказанное нами выше, или къ сословію пошевщиковъ и простыхъ работниковъ, которые подлежатъ послѣдствіямъ сильнаго совмѣстничества. Предприниматели должны быть разсматриваемы въ этомъ отношеніи какъ фабриканты или оптовые торговцы.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что предпріятія чрезмѣрнаго множества публичныхъ работъ образуютъ огромное количество строительныхъ работниковъ и должны послѣ безпрестанно продолжаться: въ противномъ случаѣ отнимаютъ занятіе у работниковъ, а многіе изъ нихъ, перемѣщенные изъ прежней своей сферы, не могутъ легко туда возвратиться.

Необходимое ограниченіе совмѣстничества относится по преимуществу къ слѣдующимъ случаямъ: 1) когда требуется нововведеніе известной отрасли промышленности; 2) когда нужно поддержать какой-либо родъ промышленности; 3) когда неограниченное соперничество можетъ сдѣлаться опаснымъ; 4) когда какой-либо предметъ промышленности необходимо ввѣрить людямъ пользующимся всеобщимъ довѣріемъ и то подъ контролемъ правительства.

Первый случай. Когда должно ввести какой-либо предметъ промышленности, для всѣхъ полезный и высокаго достоинства, то предпринимателямъ выдаютъ на него, по обстоятельствамъ, исключительныя привилегіи; потому что совмѣстничество немедленно при началѣ распространило бы его и подорвало. Такъ на-примѣръ случилось при учрежденіи постоянного морскаго пароходства на большія разстоянія. Однако жъ выдача привилегій нуждается въ большой предусмотрительности. То, что мы ска-

зали въ началѣ, относится естественно къ желѣзнымъ дорогамъ: когда бы, желая предоставить ихъ неограниченному совмѣстничеству, корыстолюбію и обману спекулянтовъ, позволили при одной желѣзной дорогѣ учредить другую, потому же направлению, то навѣрно обѣ пришли бы въ крайнее разореніе.

Второй случай. Надо было поддерживать и никогда не предоставлять неограниченному совмѣстничеству многіе промыслы высочайшей необходимости; умноженіе ихъ можетъ допускаться только при истинной потребности. Когда, напримѣръ, булочникъ не увѣренъ въ ежедневной распродажѣ своего хлѣба, когда мясникъ сомнѣвается продать ли онъ свою говядину, то они не могутъ существовать, а общество отъ этого терпитъ. Если аптекарь не имѣетъ скорого сбыта и большихъ прибылей, то не можетъ запасаться свѣжимъ матеріаломъ и откладывать старыи безъ употребленія: для больныхъ вредъ ужасный. Поэтому число лицъ, занимающихся такими промыслами въ большихъ и важныхъ мѣстахъ торговыхъ, ограничивается и можетъ быть умножено только въ случаяхъ потребности, даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ всего болѣе распространены идеи свободы. Иногда, напримѣръ въ Парижѣ, булочники принуждены содержать значительный запасъ муки, мясники большое количество скота на убой и по этому требуютъ значительныхъ капиталовъ.

Но такъ-какъ при такомъ ограниченіи промысла, многочисленная публика имѣетъ дѣло съ малымъ числомъ производителей и въ некоторыхъ образахъ находится въ ихъ рукахъ, то для ея обезпеченія введены тарифы, которые часто пытались уничтожить, но опыты заставляли опять къ нимъ возвращаться.

Третий случай. Сюда должны быть причислены аптеки и тоже, напримѣръ, трубочисты, потому что на нихъ лежитъ отвѣтственность за пожары, случившіеся отъ ихъ нерадѣнія; продажа ядовитыхъ веществъ, продажа пороху необходимо должна позволяться только лицамъ, пользующимся довѣренностью. Но все это принадлежитъ торговлѣ.

Четвертый случай. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, вексельные агенты въ Парижѣ, маклеры при коммерческихъ банкахъ, которые подлежатъ отвѣтственности, первые даже представляютъ залогъ и поэтому справедливо дать имъ исключительное право производить дѣла этого рода. Тоже сюда можно причислить, только въ высшей сферѣ, врачей и хирурговъ, потому что имъ позволяется исправлять свое дѣло только подъ извѣстными условіями.

Особеннаго рода ограниченіе промысла составляютъ привилегіи на изобрѣтеніе печатанія сочиненій, гравюры и тому подобное. Привилегіи на изобрѣтенія могутъ существовать, но польза отъ нихъ далеко не столь велика какъ многіе полагаютъ. Правда, что онѣ подстрекаютъ къ изобрѣтательности, но замедляютъ промыселъ; притомъ же, надобно замѣтить, часто случается, что много людей дѣлаютъ въ одно и то же время одно и то же изобрѣтеніе. Впрочемъ, по отношенію къ этому предмету, легко можно составить себѣ совершенно другое понятіе.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что послѣдствія совмѣстительства должны быть разсматриваемы практическимъ образомъ.

XXV. О торговлѣ.

Мы уже видѣли, что торговля составляетъ высшую степень производности; она приводитъ продуктъ къ потребленію, и чѣмъ болѣе способствуетъ сбыту, тѣмъ сильнѣе будетъ обратное ея дѣйствіе на нижнія степени производности. Напрасно было бы ободрять земледѣліе и промышленность тамъ, гдѣ сбытъ не возрастаетъ; попеченіе правительствъ относится справедливо къ той или другой отрасли торговли, если прочія сами по себѣ процвѣтаютъ.

По отношенію къ мѣстности, торговля бываетъ *внутренняя* и *внѣшняя*; по отношенію къ матеріалу *денежная* и *фондовая*, то есть, товарами; по отношенію къ образу дѣйствія *собственной торговлѣ деньгами или товарами, коммиссіонерская, пересылочная, между-народная, контрабандная*; два послѣдніе рода относятся только къ торговлѣ внѣшней; по отношенію къ массѣ *оптовая, различная, мелочная, разнощичья* по большей части внутренняя; то же бываетъ торговля *активная* и *пассивная*; по отношенію къ лицамъ—*товарищеская, личная* подъ какою-либо фирмою, или чисто *индивидуальная*.

Великая торговля товарами распадается на разныя отрасли, которыя болѣею частью производятся отдѣльно, напримѣръ: торговля хлѣбомъ, другими суровыми главными продуктами, хлопчатой бумагою, пенькою, льномъ, саломъ, деревомъ, москотильными товарами, фабрикатами и многими тому подобными. Различная торговля сложнѣе, но, при развитіи образованія, раздѣляется всегда на отдѣльные предметы. Мелочная торговля состоитъ изъ множества предметовъ ежедневнаго употребленія.

Торговля необходимо предполагает развозъ и перевозъ.

Многое изъ вышеупомянутаго всѣмъ извѣстно, и потому мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями.

Для всякаго государства, внутренняя его торговля имѣетъ наиболѣе важности, хотя бы даже результаты внѣшней торговли казались значительнѣе. Величайшіе обороты и прибыли дѣлаются самыми обыкновенными предметами торговли; наконецъ все переходитъ въ мелочную торговлю и прибыли возобновляются въ значительномъ количествѣ, потому что многіе люди только и живутъ ими.

Всѣ отрасли торговли полезны въ своемъ родѣ и ни одна не имѣетъ преимущества передъ другою. Пассивная торговля въ новообразованныхъ государствахъ соединяется обыкновенно съ комиссіонерскою и можетъ считаться полезнѣйшею, потому что гораздо выгоднѣе для хлѣбопашца, когда у него покупаютъ на его же дворѣ, чѣмъ если бы онъ принужденъ былъ вывозить хлѣбъ свой на рынокъ. Государство можетъ употреблять прибыльнѣе свои силы и свой капиталъ на силы природы, нежели обращать ихъ на активную торговлю и на снаряженіе кораблей. Оно такимъ образомъ уклоняется отъ многихъ нечаянностей, а и такъ современемъ торговля его можетъ сдѣлаться активной. О время! если бы только признавали твое достоинство!

Торговля товарами происходитъ или отъ спекуляціи, или только по наступающему требованію. Спекуляція старается достигнуть монополіи, приноситъ большіе барыши, но тоже весьма вредна. Торговля фондомъ изъ спекуляціи не болѣе какъ игра. Нѣкоторые товары по своей многочисленности особенно удобны для спекуляціи, напримѣръ: хлопчатая бумага, русское сало, составляющіе въ Англии, и даже въ Россіи, почти исключительный предметъ спекуляціи.

Коммиссіонерская торговля придаетъ биржамъ, которыя по большей части занимаютъ ею, напримѣръ петербургской и рижской, большую твердость существованія.

Международная торговля, доставляющая товары одного народа другимъ, подлежитъ многимъ нечаяностямъ и производится только у высоко образованныхъ, стѣсненныхъ въ собственно своей промышленности, народовъ и въ уединенныхъ торговыхъ пунктахъ. Обширная торговля Тира и Кароагена была международною торговлею.

Контрабандная торговля вредна и опозориваетъ правительство, ее поддерживающее; надобно сожалѣть о необходимости, въ ко-

торой паходится Остъ-Индія распродавать насильно весь свой опиумъ въ Китаѣ, чтобы платитъ товарамъ за фабрикаты, полученные изъ Великобританіи.

Мѣстоположеніе различныхъ земель способствуетъ болѣе или менѣе торговлѣ, — а это весьма важно. Въ Азіи торговые транспорты дѣлаются только посредствомъ каравановъ, по причинѣ опасностей и пустынь, также въ средней Африкѣ, въ Аравіи и прочее; но это способъ перевозокъ весьма затруднительный и дорогой. Рѣки, озера, каналы, шоссе, зимнія дороги сильно способствуютъ торговлѣ европейскихъ земель. Ни одно государство не имѣетъ столь обширныхъ естественныхъ и искусственныхъ водяныхъ сообщеній какъ Россія; ихъ можно еще умножить и онѣ умножаются. Санктпетербургъ считается первымъ складочнымъ мѣстомъ въ Европѣ, и даже въ цѣломъ свѣтѣ, для привозной торговли. Приморскія владѣнія, имѣющія обширный берегъ, состоящія изъ большихъ острововъ, весьма способны къ всемірной торговлѣ, и пользуются легкимъ вывозомъ своихъ произведеній. Лондонъ счастливо расположенъ для владычества торговли, но могъ бы имѣть еще лучше мѣсто. Константинополь выстроенъ на перешейкѣ, весьма удобномъ для береговой торговли, но его мѣстность слишкомъ высока, и онъ не имѣетъ никакихъ сообщеній съ внутренними провинціями. Парижъ расположенъ превосходно, чтобъ быть центральнымъ пунктомъ внутренней торговли и имѣть сообщеніе съ моремъ. Германія имѣетъ мало береговъ и пристаней; Балтійское Море слишкомъ опасно и удалено отъ всемірной торговли. Обладаніе хорошо расположенными пунктами торговли, ктому же приморскими, имѣющими пристани, чрезвычайно много способствуетъ богатству народа.

Государства обязаны помогать развитію торговли, однако жъ не упуская изъ виду первостепенной производимости хлѣбопашества и второстепенной — промышленности. Средства для достиженія этой цѣли составляютъ, — кромѣ учрежденія банковъ, — хорошій торговый уставъ, торговые законы, приличная свобода торговли, устранивіе затрудненій, облегченіе транспортовъ по рѣкамъ и озерамъ, улучшеніе дорогъ, пристаней, рейдовъ, поставленіе маяковъ и тому подобное. Мы упоминаемъ объ этихъ предметахъ только для того, чтобы начинающій въ наукѣ, могъ составить себѣ о ней общее понятіе.

Премія за привозъ, за вывозъ, за рыбную ловлю были бы довольно неодобрительнымъ средствомъ для поддержанія торговли,

потому что этимъ порождается какое-то искусственное состояніе. Если же преміи введены уже, то уничтоженіе ихъ сопровождается разстройствомъ. Возвратныя пошлины иногда могутъ быть полезными.

Обманы и грабежъ народнаго кораблеплаванія, не можетъ считаться ничѣмъ средствомъ содѣйствія торговли: они вынуждаютъ возмездіе. Поэтому взаимность заслуживаетъ предпочтеніе, но, по причинѣ нравственныхъ и коммерческихъ видовъ, трудно переимѣнить разъ существующее.

О запретительныхъ и охранительныхъ мѣрахъ, посредствомъ пошлины, приличнѣе говорить въ третьей части этого сочиненія, равно какъ и о такъ-называемой вольной торговлѣ, которую всѣ опредѣляютъ англійскимъ спонсоромъ — монополіа.

Вексели, биржи, бракъ, осмотры, застрахованіе и торговые совѣты составляютъ учрежденія, весьма полезныя для торговли.

Вексели и биржи — предметы всѣмъ знакомые: мы не видимъ надобности о нихъ распространяться.

Бракъ, то есть, послѣдняя сортировка извѣстныхъ товаровъ, а тѣмъ самымъ послѣднее дѣйствіе производительности передъ вывозомъ (бракъ нуженъ только для этой цѣли) основывается на двухъ причинахъ: 1) потому что нѣкоторые товары большаго объема не могутъ быть поставляемы всѣмъ одпаковой доброты. Сортировка однако жъ представляетъ замедленія, поэтому покупщики и продавцы содержатъ особенныхъ, опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, людей для избѣжанія упомянутаго недостатка. 2) Кредитъ вывозимыхъ товаровъ долженъ за границею охраняться, тѣмъ болѣе, что перазъ поставляютъ многое, чего покупатель не могъ пересмотрѣть. Поэтому для сортировки существуютъ особенные люди, присяжные браковщики, которые должны выдержать предварительный экзаменъ и отвѣчаютъ за сортировку. Браку могутъ подлежать только суровые и полу-суровые товары, сильнаго свойства, которые не легко портятся во время продолжительной перевозки какъ-то: пенька, ленъ, сало, деревянное масло, доски, деготь, щетина и тому подобное. Зерновой хлѣбъ не подлежитъ браку; онъ можетъ въ дорогѣ разогрѣться или испортиться другимъ какимъ-либо образомъ, браковкѣ не подлежатъ также художественные фабрикаты, тѣснаго свойства. Такъ какъ вышеупомянутые товары вывозятся изъ Россіи въ весьма значительномъ количествѣ, то бракъ здѣсь составляетъ предметъ великой важности. При ввозѣ сельдей сортировка тоже существуетъ. Многіе торговцы оспариваютъ пользу брака и желаютъ

свободнаго привоза, но это болѣе изъ личныхъ видовъ. Тоже часто случаются сплывыя ссоры между купцами твердой земли частію заграничными, которые доставляютъ товары въ гавани, и браковщиками за нерадѣніе въ сортировкѣ. Мы же считаемъ сортировку весьма полезною, хотя бы она и не всегда соответствовала своему назначенію.

Осмотру подлежатъ и нѣкоторые фабрикатъ, какъ-то: холщевые товары; они осматриваются особеннымъ для этого предмета назначенными людьми, которые ихъ одобряютъ и клеймятъ. Осмотръ тоже производится товарамъ, выдѣлываемымъ въ большихъ массахъ по сортамъ опредѣленнаго достоинства, какъ-то: парусина, грубый холстъ и тому подобное. Цѣль осмотра—поддерживать кредитъ товаровъ; по онъ вышелъ не много изъ употребленія, въ особенности со времени умноженія числа фабрикъ. Во Франціи однако жъ сильно теперь требуютъ инспекторскаго осмотра вывозимыхъ товаровъ, потому что французскіе товары при постепенно увеличивающемся нерадѣніи въ отдѣлкѣ, начинаютъ терять прежнее довѣріе. Хорошо вводить осмотръ для нѣкоторыхъ товаровъ, по онъ всегда остается ограниченнымъ по самому своему предмету, и мелочнымъ по отношенію къ вывозу, во всякомъ случаѣ онъ удобенъ болѣе для малыхъ государствъ, какъ напримѣръ, для Силезіи и Саксоніи.

Въ Европѣ существуютъ собственно страховыя общества, и за страхованіе по подпискѣ, какъ въ лондонскомъ кофейномъ домѣ Lloyd. И то и другое имѣетъ свою пользу. Страховая плата, опредѣляется возможною опасностію отъ времени года, войны, отдаленности подвоза, свойства морей и прочее. Такъ, напримѣръ, Черное и Балтійское Моря производятъ болѣе кораблекрушеній, и аварій, нежели перевозка чрезъ огромныя моря на большія разстоянія.

Коммерческіе совѣты, при рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ, представляютъ правительству практическое мнѣніе, выходящее часто односторонніи теоріи бюралистовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣты эти видятъ выгоды торговли въ всеобщаго соединенія; поэтому они не должны судить только о цѣломъ объемѣ торговли. Мануфактурные совѣты находятся въ вѣчномъ разногласіи съ коммерческими, желая всевозможной свободы для торговли, которая доставляетъ большое охрапеніе для промышленности. Правительство, полагающее получить выгоды отъ совокупности дѣйствія этихъ совѣтовъ, весьма ошибается; извѣстно, что враждебныя мнѣнія усливаются и уничтожа-

ють другъ друга, когда приходятъ въ соприкосновеніе: поэтому лучше было бы не ставить ихъ въ такое положеніе.

Разнощичья торговля, въ-особенности, такъ-сказать, кочующая повсемѣстно, не только приносить ущербы городамъ всѣмъ вообще, а малые приводитъ въ упадокъ, не только вредитъ полной торговлѣ и купцамъ платящимъ пошлины, но еще допускаетъ многіе обманы, и даже верѣдко служитъ покровомъ преступленіямъ; поэтому издавна стараются ее ограничить или развить въ особенную торговую отрасль. Узаконенія, касающіяся до этого предмета, различны и не принадлежатъ къ нашему предмету. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что города заслуживаютъ особеннаго попеченія правительства тамъ, гдѣ торговля и промышленность стоятъ на высокой степени развитія. Если бы города издревле не развились и не укрѣпились посредствомъ торговли и промышленности, они не находились бы въ цвѣтущемъ состояніи при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Между-тѣмъ предохранительныя мѣры противъ развозной торговли связаны съ большими затрудненіями; притомъ же торговля эта доставляетъ многимъ людямъ средства къ жизни. Впрочемъ, здѣсь необходимо обратить вниманіе на то, что многіе съѣстные припасы и мелкіе предметы ежедневной потребности могутъ быть развозимы для выгоды общества, не причиняя вреда государству; но не должно позволять развозить по домамъ многихъ значительныхъ фабрика-товъ.

Въ Россіи исконно существуетъ самая обширная кочующая торговля. Къ нижегородской ярмаркѣ, на которой каждый день тѣснится шестьдесятъ тысячъ человекъ, являются тысячи развозчиковъ. Здѣсь они открываютъ себѣ кредитъ на нѣсколько милліоновъ товарами, между которыми книги занимаютъ значительное мѣсто; послѣ развозятъ товары эти по всѣмъ странамъ, въ-особенности по отдаленнымъ провинціямъ, достигаютъ даже до глубины Сибири; ѣздятъ изъ барскаго двора въ барской дворъ, изъ деревни въ деревню, и даже останавливаются въ малыхъ городкахъ; торговые обороты свои они болѣею частію помнятъ наизусть. По истеченіи года являются опять къ ярмаркѣ, совѣстно уплачиваютъ свой долгъ и открываютъ себѣ новый кредитъ. Если который изъ нихъ умретъ, то на его мѣсто непременно приходитъ братъ, сынъ, отецъ или кто-либо изъ родственниковъ. Всѣ почти развозчики — крестьяне, по болѣею части изъ владимірской губерніи. Купцы желали бы уничтожить эту торговлю, но этому противится даже самое свойство страны:

сбытъ фабрикатовъ весьма бы умѣньшился; а вывѣ распростра-
 пенное между провинціальнымъ дворянствомъ чтеніе книгъ
 пришло бы въ совершенный упадокъ, равно какъ и въ малыхъ
 мѣстечкахъ, гдѣ постоянная книготорговля не находитъ доволь-
 но сбыта для своего существованія. Сибирскіе купцы жалуются
 всѣхъ болѣе на развозную торговлю, но она находитъ опору у
 фабрикатовъ. Во всякомъ случаѣ она вредитъ процвѣтанію го-
 родовъ.

Мы уже перазъ говорили о вѣшной торговлѣ хлѣбомъ; вну-
 тренняя же должна имѣть полную свободу. Между-народная
 хлѣбная торговля успѣлась относительно въ прошедшемъ сто-
 лѣтіи; цѣны стали выше, что, многія остзейскія провинціи по-
 чувствовали съ собственнымъ вредомъ. Причины этого заключа-
 ются въ улучшеніи и развитіи земледѣлія; но какъ оно имѣетъ
 свои предѣлы, то надобно полагать, что хлѣбная торговля сдѣ-
 лается прибыльнѣе по мѣрѣ возрастающаго народонаселенія.

Мы тоже замѣтили уже, что торговля хлѣбомъ весьма шатка,
commerce de grain — commerce de rien, и сдѣлалась во мно-
 гихъ земляхъ болѣе исключительною, чѣмъ постоянною; одна-
 ко жъ на Черномъ Морѣ она держится и весьма усиливает-
 ся при неурожаяхъ въ Турціи, Италіи, Англии и Франціи.
 Англійскіе законы о ввозѣ хлѣба весьма отяготительны для
 земледѣльческихъ народовъ, отъ непостоянства пошлиннаго
 тарифа на зерновые товары; нѣтъ возможности сдѣлать вѣр-
 ныя вычисления и спекуляція отъ этого страдаетъ. Для самой
 же Англии это другое дѣло; но полагаю, что можно бы придум-
 ать лучшую систему, по которой бы тарифъ не измѣнялся такъ
 часто и внезапно, а только по извѣстнымъ эпохамъ.

Все это приводитъ насъ къ всеобщему вопросу о свободномъ
 вывозѣ и ввозѣ хлѣба.

Не подлежитъ сомнѣнію, что естественный порядокъ вещей
 требуетъ полной свободы вывоза и ввоза зерноваго товара; но,
 принимая въ соображеніе уклончивость оцѣнки этого предмета
 въ разныхъ странахъ, имѣя въ виду большія или меньшія выго-
 ды охранительной системы, однимъ словомъ, судя по искусствен-
 ному состоянію вещей въ нашемъ вѣкѣ, можно заключить, что
 и хлѣбопашество должно тоже пользоваться умѣреннымъ охра-
 неніемъ, въ-особенности для того, чтобы сильнаго народонасе-
 ленія не ставить въ зависимость отъ иностранцевъ. Эти причины
 оправдываютъ Англію; мы не хотимъ однако жъ изслѣдывать,
 какъ много здѣсь дѣйствовали частные виды. Во всякомъ случаѣ.

необходимо, чтобы такой охранительный тарифъ былъ по-возможности умѣренъ, гдѣ же онъ не существуетъ, — мы бы не легко рѣшились присовѣтовать его введеніе.

Запрещеніе вывоза случалось въ новѣйшія времена, но только въ видѣ временныхъ мѣръ. Когда въ какомъ-либо государствѣ, особенно въ маломъ, но сильно-населенномъ, начинаютъ опасаться недостатка въ хлѣбѣ, когда притомъ сосѣдній народъ также страдаетъ, быть можетъ еще болѣе перваго и отъ него только ожидаетъ запасовъ хлѣба, а тамъ и прежде не было никогда вывоза, тогда запрещеніе можетъ оправдаться теоріею, если только оно основано на практической необходимости; при малѣйшемъ же сомнѣніи лучше оставить его всторонѣ.

Иногда назначали преміи тоже и за вывозъ зерноваго хлѣба.

=

ЭКОНОМІЯ

ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

И

СОСТОЯНІЕ ФИНАНСОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

=

Теперь займемся товарищескими предпріятіями, исключительно большими; малыя, образующія большую или меньшую фирму, не нуждаются въ подробномъ разсмотрѣніи.

Большія торговыя общества иногда пріобрѣтаютъ территориальную собственность, какъ Остъ-Индская Компанія,—иногда не имѣютъ ея, какъ Нидерландское *Maatschaft*, которое однако жъ держитъ, въ некоторымъ образомъ, въ монополіи нидерландскія колоніи.

Открытіе Америки, Остъ-Индія и плаваніе около Мыса-Доброй-Надежды положили основаніе территориальнымъ обществамъ. Многія существовали, рушились и исторія ихъ весьма занимательна; великолѣпныя предпріятія возвышались какъ зубчатый хребетъ Альпійскихъ Горъ. Нынѣ замѣчательна только англійская Остъ-Индская Компанія. Ея развитіе можно сравнить съ завоеваніями Рима: она въ непродолжительномъ времени, какъ-бы волшебствомъ, пріобрѣла огромное государство и средствами довольно ограниченными; покорила народъ собственными силами.

Очевидно, что территориальныя общества должны были въ началѣ своего существованія пользоваться монополіею торговыхъ оборотовъ и различными привилегіями; иначе они не достигли бы своей цѣли. Торговля общества менѣе приносятъ собственно торговыхъ барышей, чѣмъ частная торговля: они должны дѣйствовать наемными людьми. Въ этомъ заключается причина, по которой Остъ-Индская Компанія, послѣ пріобрѣтенія огромнаго поземельнаго владѣнія, предоставила по большей части полную свободу торговлѣ.

Поэтому рождается вопросъ: не полезнѣе ли была бы съ начала торговля свободная и не принесла ли бы народу значительнѣйшихъ прибылей? Какую пользу получаетъ Компанія отъ своихъ владѣній? Все издерживается на уплату долговъ, барыши акціонеровъ тоже не слишкомъ значительны и собственно не должны бы продолжаться тамъ, гдѣ дѣлаютъ долги; одна только Англія осталась въ чистой прибыли, которая состоитъ въ богатомъ призрѣніи нѣкоторой части ея дѣтей, въ великомъ участіи во всемірномъ богатствѣ и въ сокровищахъ набобовъ.

Между-тѣмъ мы полагаемъ, что частная торговля не могла бы въ началѣ укорениться и разростись огромнымъ деревомъ въ столь отдаленной странѣ, при различіи вѣроисповѣданія и обычаевъ, при недостаткѣ устройства, при случавшихся возстаніяхъ и при недоброжелательствѣ туземцевъ. Но участіе Англіи, посредствомъ Остъ-Индской Компаніи, во всемірномъ богатствѣ, было бы гораздо значительнѣе отъ частной, свободной торговли. Здѣсь тоже необходимо упомянуть объ учредительныхъ постановленіяхъ Компаніи, доставившихъ Остъ-Индіи большія торговые выгоды.

Наконецъ, почему Англія не могла, или не хотѣла преобразовать Остъ-Индію собственно въ государственную провинцію, чтобы на нее перелить часть своихъ долговъ? Вопросъ этотъ, сколь бы ни казался естественнымъ, останется для насъ постороннимъ; рѣшить его не такъ легко какъ повидному кажется.

За-атлантическія компаніи разныхъ народовъ составляютъ обширный предметъ, которымъ мы не можемъ заняться во всемъ его объемѣ, а представимъ его въ отрывкахъ.

Извѣстно, что компаніи принесли своимъ владѣтелямъ огромныя прибыли, но породили въ Европѣ жестокія войны; если изъ

прибылей колоніальныхъ вычтемъ военныя издержки, то балансы первыхъ весьма уменьшатся.

Главные прибыли колоній состоятъ въ пользованіи отличнѣею силою природы, въ работѣ невольниками, въ перемѣщеніи части народонаселенія, въ торговой монополіи и въ увеличеніи участія во всемірномъ богатствѣ.

Колоніи раздѣляются на два класса: 1) на хлѣбородныя колоніи, которыя производятъ вообще европейскіе продукты, какъ напримѣръ: Канада, сѣверная часть Американскихъ Штатовъ, часть Австраліи и другія и 2) на колоніи, доставляющія южныя произведенія. Второй классъ распадается на части, принимающія названія отъ своихъ главныхъ продуктовъ, какъ-то: колоніи кофе, сахару; тоже вестъ и остъ-индскія колоніи пріятныхъ кореньевъ.

Хлѣбородныя колоніи, находясь въ зависимости отъ метрополи, приносятъ прибыль своею дѣвственною почвою, принятіемъ недовольнаго или опаснаго излишка народонаселенія своей метрополи и монополіею, то есть, преобладаніемъ торговли государства, отъ котораго зависятъ. Если эти колоніи ссыльныя, то замѣняютъ тюремное заключеніе, отъ котораго освобожденные преступники по большей части совершаютъ новыя преступленія.

Правило, принятое Англіею учреждать почти во всѣхъ колоніяхъ провинціальныя парламенты, носить въ себѣ зародышъ будущаго ихъ освобожденія и самостоятельности при первомъ удобномъ случаѣ; и въ самомъ дѣлѣ, если они этого пожелаютъ, нѣтъ никакого основнаго права ставить имъ преграды. Остъ-Индія не составляетъ колоніи, она — союзное государство.

Сахарныя колоніи, надѣленные лучшимъ климатомъ и богатою почвою, приносятъ значительныя торговыя прибыли, но причинѣ монополіи и способствуютъ великимъ заведеніямъ обитателей метрополи. Но такъ какъ климатъ колоній этихъ убійственный для Европейца, то онѣ зависятъ исключительно отъ труда черныхъ невольниковъ или свободныхъ негровъ. Свобода негровъ, однако жъ, по самому ихъ характеру, не доставляетъ вѣрно того, чего отъ нея ожидали. Впрочемъ мы оставляемъ всторонѣ вопросъ о невольникахъ; онъ ведетъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только то, что свободная Франція еще почти ничего не сдѣлала для своихъ негровъ, а Англія вводила освобожденіе слишкомъ медленно, за что дорого поплатилась. Мы не можемъ также рас-

пространяться здѣсь о политическихъ видахъ, содѣйствовавшихъ столь сильно челоувѣколюбивымъ намѣреніямъ освобожденія негровъ.

Острова, производящіе пряные корни, и Ява включительно, воздѣлываются по большей части туземцами и китайскими выходцами; поэтому вопросъ о неграхъ здѣсь почти устраняется. Эти колоніи тоже удобны для богатыхъ заведеній жителей метрополіи; равнымъ образомъ принимаютъ излишекъ народонаселенія государства, отъ котораго зависятъ и приносятъ отчасти болѣе прибылей, нежели острова собственно производящіе сахаръ, принимая въ соображеніе нынѣшнее пониженіе цѣнъ на сахаръ и кофе.

Полуденныя части Сѣверной-Америки образуютъ средній классъ колоній и производятъ отчасти предметы мало или вовсе не принадлежащіе Европѣ, какъ-то: хлопчатую бумагу и рисъ; овѣ имѣютъ тоже вспомогательное населеніе невольниковъ, отъ которыхъ не хотятъ отказаться добрые, свободные люди, а при противорѣчій впадаютъ въ бѣшенство. Здѣсь однако жъ лежатъ зародышъ раздоровъ и распаденія, тѣмъ болѣе, что сѣверные и южные интересы фабрикъ и торговли находятся въ противоположности между собою.

Алжиръ можетъ сдѣлаться весьма важною, земледѣльческою колоніею, когда удастся вывести туземцовъ изъ нынѣшняго ненадежнаго состоянія войны и привести ихъ въ мирное состояніе. Но это сомнительно.

Колоніи требуютъ соразмѣрнаго торговаго и военнаго флота. Содержаніе кораблей, само-по-себѣ, не очень прибыльный, но необходимый предметъ; однако жъ надобно опасаться, что корабельный лѣсъ можетъ сдѣлаться современнымъ весьма рѣдкимъ, а желѣзо замѣняетъ его только отчасти. Не подлежитъ сомнѣнію, что военный флотъ особенно необходимъ государствамъ, обладающимъ колоніями; но вопросъ состоитъ въ томъ: нужно ли противопоставить Англіи большіе корабли? Военныя высадки въ Европѣ, а еще болѣе въ отдаленныхъ частяхъ свѣта весьма затруднительны и по большей части бесполезны; а между тѣмъ мелкая война противъ торговли, на большомъ пространствѣ, считается самою опасною.

Государства, не обладающія колоніями и не имѣющія поэтому

прочнаго основанія торговли въ другомъ полушаріи, могутъ однако жъ ее производить со многими государствами.

Полагаемъ, что лучше будетъ говорить о торговомъ балансѣ въ совокупности съ тарифомъ.

Еще повторяемъ: внутренняя торговля должна имѣть полную свободу; она не основывается на тарифѣ привозномъ, о которомъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а на различныхъ другихъ обстоятельствахъ.

Въ прежнія времена неразъ издавались утредительныя постановленія, ограничивающія внутреннюю торговлю; въ разныхъ государствахъ находились заставы между провинціями; неразъ препятствовали свободному развозу хлѣба; Германія недавно еще была покрыта таможенною сѣтью; наконецъ общій тарифъ далъ другое направленіе не только германской торговлѣ, но и самому народу въ различномъ отношеніи. Всему этому споспѣшествовали причины, поясненіе которыхъ не составляетъ принадлежности нашего предмета. Только одна Венгрія осталась до сихъ-поръ отдѣльною отъ другихъ нѣмецкихъ владѣній. Полицейское полезное устройство по отношенію къ внутренней торговлѣ существуетъ вездѣ по-необходимости.

Другія препятствія или разстройства внутренней торговли происходятъ отъ излишества спекуляцій и развоза, отъ опасныхъ предположеній, отъ банкротствъ, отъ войны, особенно при взаимной дѣятельности внутренней и виѣшней торговли. Все это не требуетъ поясненій.

Напротивъ-того, необходимо разсмотрѣть ближе таможенный контроль, привилегіи и монополіи.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ, если только товары перевезены за таможенную линію, торгъ ими совершенно свободенъ; въ другихъ же предписаны особенныя правила для разныхъ пограничныхъ полосъ государства. Въ Австріи еще существуетъ внутренний контроль, посредствомъ такъ-называемыхъ *болетовъ*, получаемыхъ торговцемъ при внесеніи пошлины и на которыхъ онъ долженъ подробно записывать кому продалъ свой товаръ; даже трактирщикъ долженъ вписать какому проѣзжающему продалъ бутылку заграничнаго вина; впрочемъ надѣяться, что въ этомъ отношеніи послѣдуютъ перемены, если до-сихъ-поръ не произведены уже. Однако жъ во всѣхъ государствахъ преслѣдуются неклеименные товары; это необходимо. Во всякомъ случаѣ то, что мы сказали въ началѣ о свободномъ торгѣ за та-

моженною линією, всего лучше для внутренней торговли; но по стеченію обстоятельствъ и «болеты» могутъ быть нужны. Иногда учреждаются опредѣленные пути для развоза. Преслѣдованіе же неклеименныхъ товаровъ, и строгій контроль порождаютъ контрбандный торгъ, хотя и не въ важной степени.

Сравнительное представленіе таможенныхъ учреждений и пошлинныхъ законовъ разныхъ государствъ, разсматриваемое критически, составило бы весьма полезную книгу; но это не относится къ нашему предмету.

Мы уже говорили о монополіяхъ и привилегіяхъ территориальныхъ торговыхъ компаній. Въ прежнія времена подобныя монополіи и привилегіи были достояніемъ частныхъ или малыхъ торговыхъ обществъ, или давались значительнымъ лицамъ въ государствѣ, или же просто продавались за деньги: одинъ имѣлъ исключительное право торговать чаемъ, другой пенькою, третій еще чѣмъ-нибудь. Мы предаемъ забвенію эту старину; замѣтимъ только, что *лиценціи* Наполеона были весьма странными и нелогическими произведеніями, однако жъ только въ извѣстныхъ случаяхъ.

Теперь же, при развитіи идей и понятій вѣка, монополіи и привилегіи могутъ имѣть мѣсто только въ особенныхъ случаяхъ; во-первыхъ, когда этого требуетъ существо дѣла, какъ напримеръ: желѣзныя дороги, изобрѣтенія, книгопечатаніе и тому подобное; во-вторыхъ, когда финансовая монополія правительства уступается частному лицу. О первомъ случаѣ мы уже говорили, второй же принадлежитъ къ составу финансовъ.

XXVI. О РАЗДѢЛЕНІИ ПРОМЫСЛА МЕЖДУ СЕЛЕНІЯМИ И ГОРОДАМИ.

Въ частности мы уже много говорили объ этомъ предметѣ, когда этого требовали другіе вопросы, нами рѣшаемые; остальное слѣдуетъ разсмотрѣть въ совокупности.

Въ древнія времена промышленность почти единственно заключалась въ городахъ; въ селеніяхъ господствовало хлѣбопашество, горные и лѣсные промыслы; малое только число необходимыхъ ремесленниковъ, какъ-то кузнецы, булочники и тому подобно, могли существовать въ селеніяхъ. Здѣсь мы говоримъ о средней и Западной Европѣ. Въ нѣкоторыхъ странахъ умноженіе народо-

населенія и особенныя обстоятельства породили издавна сельскую промышленность, такъ напримѣръ, въ Силезіи явились ткачи, въ Швейцаріи мастера деревянныхъ издѣлій. Это древнее состояніе имѣло свои выгоды; ему обязаны города, даже тѣ, которые теперь пришли въ упадокъ, своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, которое доказываютъ ихъ стѣны и публичныя зданія. Земледѣльческіе города даже пользовались этимъ положеніемъ вещей, потому что оно поддерживало и хлѣбопашество.

Когда крѣпость потеряла свое значеніе, хотя названіе ея удержалось послѣ этого долгое время, когда возросло народонаселеніе и образованность развилась, когда увеличились фабрики, когда начало господствовать цеховое угнетеніе въ городахъ, промышленность искала убѣжища въ селеніяхъ и развилась въ нихъ въ значительной степени. Тамъ существовало болѣе простору для помѣщенія, свобода отъ угнетенія городскихъ налоговъ и учрежденій, дешевизна необходимыхъ предметовъ для жизни, близость работниковъ и множество строеній уничтоженныхъ монастырей и дворянскихъ замковъ, удобныхъ для фабрикъ; все это споспѣшествовало водворенію промышленности въ селеніяхъ. Теперь видимъ множество фабричныхъ деревень, которыя кромѣ того занимаются земледѣліемъ или совершенно его оставили и завели множество удѣльныхъ фабрикъ. Это новое положеніе дѣлъ, котораго не могли произвести ни отклонить человѣческія силы, сильно подрываетъ благосостояніе городовъ, да и желѣзныя дороги не мало отъ него страдаютъ. Между-тѣмъ селенія получили близкія и дешевыя мѣста сбыта своихъ производеній, и не одинъ фабричный работникъ имѣетъ отъ самой малой обработки поля, почти половину своего содержанія. Для нравственности, состояніе это отчасти хорошо; потому что удерживаетъ работниковъ отъ переселенія въ города; но имѣетъ, быть-можетъ, также и вредныя послѣдствія: распространяя промышленность вмѣстѣ съ тѣмъ порождаетъ въ селеніяхъ городскіе пороки и болѣзни. Что же касается до массы производимости, то въ этомъ отношеніи оно очень прибыльно; при большемъ народонаселеніи, силы, не употребленныя на сильныя работы приводятся въ дѣйствіе промышленностью.

Въ восточныхъ государствахъ Европы, развитіе это происходило совершенно въ другомъ порядкѣ. Здѣсь не было римскихъ предавій, образовавшихъ первоначальное городское сословіе Італіи, Франціи, и прочія города, исключая нѣкоторые главные пун-

кты, не могли возрастать быстро и нынѣ еще усиливается съ трудомъ, потому что промышленность ископн водворилась въ селеніяхъ. Мы уже замѣтили, что въ Россіи, напримѣръ, фабричные и другіе работники приходятъ изъ селеній, что между прочимъ имѣетъ то величайшее достоинство, что препятствуетъ чрезмѣрному умноженію городского фабричнаго сословія, которое, при застоѣ въ работахъ, впадаетъ въ нищету. Крестьянинъ въ такомъ случаѣ возвращается въ деревню и, если даже ничего не выработалъ и не уплатилъ податей, то имѣетъ по-крайней-мѣрѣ кровь и ежедневную пищу: фабричное сословіе не соединяется, чтобы вынудить увеличеніе платы. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны города Ліонъ, Мюльгаузенъ, Бирмингемъ и многіе другіе, гдѣ въ промышленности преобладаетъ фабрикація; замѣчательны тоже многіе округи, — ихъ много въ Англіи, — гдѣ угольщики, горные и другіе работники составляютъ значительнѣйшую часть народонаселенія. Оставленіе работы, смятенія не улучшаютъ однако жъ состоянія работниковъ фабричныхъ, и еще менѣе ограждаютъ ихъ отъ несчастнаго состоянія; такіе беспорядки весьма обезпокоиваютъ жизнь общественную; а всего опаснѣе то, что невозможно предвидѣть какъ далеко можетъ зайти въ своемъ озлобленіи такой народъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

XXVII. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ПРИОБРѢТЕННАГО МЕЖДУ НАРОДОМЪ.

Не всѣ члены общества могутъ быть богатыми, и даже обладать хотя бы самымъ умѣреннымъ капиталомъ; тогда не нашлось бы охотниковъ для простой работы. Но всѣ должны бы получать то, что составляетъ справедливое вознагражденіе за ихъ трудъ; значительные лежачіе капиталы не должны бы скопляться въ маломъ числѣ рукъ; дѣйствующій же капиталъ необходимо раздѣлять между всѣми классами общества, если не относительно равно, то по-крайней-мѣрѣ такъ, чтобы однѣ не утопали въ богатствѣ, а другіе не пуждались въ необходимомъ для своей промышленности и не обременяли себя долгами. По несчастію, это утопія; иначе быть не можетъ. Нищета отъ колыбели, несчастія, собственныя вины, иго богатыхъ, все иначе устроятъ; можетъ статься это необходимо, чтобы воспламенить стремленіе,

напрягать всех людей и производить въ обществѣ жизнь и дѣятельность.

Тамъ, гдѣ образованность не достигла столь высокой степени развитія, зло еще не такъ велико; напримѣръ, въ Россіи въ рабочемъ классѣ народа весьма мало нищихъ. Съ развитіемъ образованія усиливается несоразмѣрность раздѣленія богатствъ: въ Парижѣ семьдесятъ тысячъ нищихъ, въ Ирландіи болѣе двухъ миліоновъ, по причинѣ историческихъ переворотовъ и дурнаго управленія; почти во всѣхъ государствахъ жалуются на приращеніе пролетаріевъ и нищихъ. Между-тѣмъ положеніе и степень зла въ этихъ государствахъ весьма различны: нигдѣ землевладѣніе не находится въ столь немногочисленныхъ рукахъ, нигдѣ нѣтъ столь огромныхъ капиталовъ, нигдѣ они столь неравномѣрно не распределены какъ въ Англіи; въ другихъ государствахъ несоразмѣрность находится по большей части въ городахъ и въ бѣдныхъ провинціяхъ.

Впрочемъ не всё-равно въ чьихъ рукахъ находятся наибольшія богатства: банкиръ, купецъ, промышленникъ употребляютъ ихъ съ прибылью, богатый землевладѣлецъ расточаетъ почти безъ пользы, если не служить государству. Самое лучшее мѣсто умѣреннаго богатства—среднее сословіе.

Человѣческія силы не много перемѣняютъ въ этихъ несоразмѣрностяхъ общества,—государственный человѣкъ долженъ на нихъ обращать вниманіе по-крайней-мѣрѣ вообще; однако жъ, обязанность правительства и достаточныхъ членовъ общества измѣнять ихъ или по-крайней-мѣрѣ имъ противодѣйствовать. Способъ этого противодѣйствія выражается въ приютахъ для бѣдныхъ, въ госпиталяхъ, въ содержаніи этихъ заведеній, въ снабженіи бѣдныхъ пищею, въ подаваніяхъ топливомъ и хлѣбомъ, въ сиротинныхъ домахъ, въ помощи освобожденнымъ преступникамъ, въ безплатныхъ училищахъ, въ пособіяхъ для провинцій, находящихся въ нуждѣ, въ богоугодныхъ заведеніяхъ разнаго роду и во всемъ тому подобномъ; все это частію учреждается правительствами, частію городами и корпораціями, частію общинами и частными лицами. Безъ-сомнѣнія, многое сдѣлано въ этомъ отношеніи, однако жъ можно сдѣлать еще болѣе. По счастливому случаю вниманіе общества сильно обращено на эту его темную сторону.

Во многихъ государствахъ существуетъ постановленіе, что каждая община должна прокармливать своихъ нищихъ, какъ напри-

миръ, въ Россіи. Въ Англіи подать на бѣдныхъ увеличилась до чрезвычайности и, наконецъ, если не ошибаюсь, дошла до осьми милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; она сопровождалась такими вредными послѣдствіями, что должна была измѣниться. Дошло до того, что изъ этой суммы получали вспомошествованіе не только истинно бѣдные и не имѣющіе работы, но даже и другія лица на лучшее содержаніе семейства; отчасти изъ этихъ суммъ дополнялась скудная плата фабричныхъ работниковъ. Притомъ же, это учрежденіе управлялось муниципально, а муниципальное управленіе въ подобномъ случаѣ весьма слабо, по самому своему существу. Такимъ образомъ подать на бѣдныхъ сдѣлалась въ нѣкоторомъ отношеніи способомъ уравниванія имуществъ между достаточными и пролетаріями. Притомъ еще измѣнилась система вспомошествованія: устроили рабочіе дома къ большому неудовольствію нищенствующихъ классовъ народа; и дѣйствительно, переходъ къ болѣе строгой системѣ не отличается человѣколюбіемъ, хотя и былъ вынужденъ необходимостью.

Несмотря на все то, что сдѣлано для бѣдныхъ классовъ народа, еще много осталось нищеты на свѣтѣ, особенно для тѣхъ людей, которые, при самомъ усиленномъ трудѣ, едва могутъ заработать на удовлетвореніе первѣйшихъ потребностей жизни. Въ дорогомъ Парижѣ обыкновенному работнику платятъ двадцать су въ сутки: можно ли же жить на эти деньги! Послѣ этого не удивительно, что рождаются коммунистическія идеи и издаются коммунистическіе журналы.

Кто можетъ поручиться, что не настанутъ когда-либо времена, когда необходимо будетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ, чтобы уничтожить въ обществѣ бѣдствія несоразмѣрнаго распредѣленія богатства; но мѣры эти не будутъ уже добровольными подаваніями.

XXVIII. О окончательное потребленіе.

Потребленіе во всемъ своемъ объемѣ, соотвѣтствуетъ большому или меньшему богатству народа и существеннымъ образомъ раздѣляется на публичное и частное.

Публичное потребленіе правительствъ, городовъ, общинъ и различныхъ учреждений, уступаетъ въ количествѣ частному потребленію; но у большей части народовъ весьма велико: поэтому

подати столь тяжелы. Известно, что сухопутныя и морскія силы государствъ составляютъ главный предметъ публичнаго потребленія. Не считаю нужнымъ скрывать, что во многихъ государствахъ потребленіе правительства могло бы быть ограничеиье; а иногда должно быть увеличиваемо. Главное препятствіе первому заключается въ томъ, что различныя правительства не могутъ согласиться во взаимпомъ уменьшеніи военныхъ силъ, а каждое естественно руководствуется своими видами. Впрочемъ мы не хотимъ упрекать здѣсь правительство за всякое потребленіе роскоши; надобно также замѣтить, что внезапное ограниченіе публичнаго потребленія породило бы многія разстройства и застои. Справедливо тоже, что если подати уже существуютъ, если разъ уже были уплачены, то обращеніе правительственныхъ доходовъ и расходовъ придаетъ много жизни обществу, потому что подати возвращаются посредствомъ расходовъ правительства въ прежнія руки; если бы онѣ оставались въ рукахъ плательщиковъ, то увеличилось бы частное потребленіе.

Частное потребленіе соразмѣряется съ распределеніемъ богатствъ между различными сословіями и классами и между частными лицами, ихъ составляющими. Первое опредѣляетъ способъ жизни каждаго сословія, каждаго класса; второе раздѣляетъ частныя лица на богатыхъ и бѣдныхъ. У народовъ богатыхъ, образъ жизни иногда не отвѣчаетъ ихъ богатству, потому что есть народы бережливые. У нѣкоторыхъ же народовъ жизнь слишкомъ роскошная, а это истинное бѣдствіе.

Всякая значительная переиьна въ обыкновенномъ ходу потребленія непреиьнно сопровождается потрясеніями. Поэтому весьма ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что въ случаѣ, когда, напримѣръ, въ Англіи, посредствомъ закона о ввозѣ хлѣба, доходы отъ имѣній уменьшаются, то уменьшеніе потребленія высшихъ классовъ вознаградится потребленіемъ нисшихъ. Предметы потребленія каждаго изъ нихъ слишкомъ различны, и все основано на этой разницѣ; можно полагать, что предметы, необходимые для нисшихъ классовъ, сдѣлаются дороже.

Что касается особеннаго употребленія производимыхъ, повторяемъ здѣсь то, что мы уже нѣсколько разъ говорили въ нашемъ обзорѣи.

Производительное потребленіе замѣняетъ вещь потребленную другою съ прибылью или вообще служитъ средствомъ произво-

дительности, какъ напримѣръ, семейная промышленность и все то, что составляетъ условіе продуктивности.

Потребленіе можно назвать непродизводительнымъ тогда, когда оно даетъ обратно только то, что было потреблено, — но безъ прибыли. Наконецъ существуютъ различныя степени истребляющаго потребленія, а именно:

- 1) Когда оно не даетъ даже равнаго потребленному.
- 2) Когда силы или капиталъ будутъ употреблены безъ возвратной равной имъ прибыли, для удовольствія; напримѣръ, если капиталъ употребляется на покупку драгоценныхъ камней.
- 3) Когда силы и капиталъ уничтожаются въ необдуманныхъ, худо веденныхъ и сумасбродныхъ предпріятіяхъ.
- 4) Когда случается истребленіе отъ войны, отъ другихъ несчастныхъ случаевъ, или отъ злонамѣренности.

Непродизводительное потребленіе, равно и истребляющее перваго класса, случается иногда при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ отъ неудачи, или отъ измѣнчивости цѣны.

Жизнь богачей, какъ занимающихся чѣмъ-нибудь, такъ и праздныхъ, по отношенію къ роскоши, принадлежитъ вся или по большей части ко второму классу истребляющаго потребленія; она не вознаграждается равнымъ. Но всё же жизнь эта не перестаетъ быть полезною, какъ можно было видѣть изъ всего предъидущаго, и служитъ для интересовъ бѣдныхъ, какъ мы выше замѣтили.

Третій классъ истребительнаго потребленія весьма естественный и, къ сожалѣнію, не долженъ существовать, потому что не всѣ люди имѣютъ врожденныя способности къ предпріятіямъ, а въ массѣ находится соразмѣрное число глупцовъ и сумасбродовъ, которыхъ мы обыкновенно не замѣчаемъ; въ большомъ свѣтѣ мы часто слышали: *il a déjà mangé frois fortunes*.

Четвертый классъ происходитъ отъ несчастныхъ случаевъ, иногда и отъ злонамѣренности. Подобно склонности къ подчиненію и сопротивленію, въ людяхъ есть духъ производства и сохраненія, или же разрушительности. Въ отдѣльныхъ лицахъ преобладаетъ послѣдній: они находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы портить что либо и наносить вредъ. Я помню, что во время моей студенческой жизни страсть порчи въ Германіи была гораздо сильнѣе теперешняго и только строгія наказанія защищали отъ погибели деревья на дорогахъ; теперь это измѣнилось, или по причинѣ развитія образованія, или навыка къ законамъ, или

потому что вещь сама собою устарѣла. Даже цѣлыя племена, какъ это замѣтилъ я и другіе, во время войны, имѣютъ болѣе склонности къ разрушенію чѣмъ другія; быть-можетъ, потому, что въ нихъ господствуетъ въ высшей степени своеволие и жолнота жизни. Такъ напримѣръ къ истребленію болѣе склонны Швабы чѣмъ сѣверные Германцы, а тѣ болѣе чѣмъ Славяне. Но на возвратныхъ походахъ, войска почти всѣхъ народовъ имѣютъ страсть разрушенія, даже въ своемъ собственномъ отечествѣ.

Вообще разрушительное истребленіе равно необходимо, какъ и производительное.

Если трудъ и капиталъ употребляются на производительность въ цѣлой своей массѣ, или по-крайней-мѣрѣ въ большей части, и притомъ сверхъ нужды, то на каждое отдѣльное лицо приходится извѣстная часть роскошнаго потребленія: тогда никто, вѣрно, не захочетъ заняться простою работою, въ-особенности черною. Когда нужно работать, тогда трудъ производить наслажденіе и отдохновеніе пріятнаго. Въ противномъ случаѣ рождается бѣдность. Поэтому необходимо, чтобы часть народнаго капитала истреблялась въ данное время. Естественно, что нѣкоторые собираютъ постепенно новый капиталъ, когда другіе потребляютъ истребительно въ томъ родѣ, какъ мы указали во второмъ его классѣ, совершенно такъ, какъ собирается всякій капиталъ.

Впрочемъ, мы не намѣрены утверждать, чтобы не могла существовать въ народѣ или, по-крайней-мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ его классахъ, даже слишкомъ истребительная потребительность. Исторія научаетъ насъ даже, что у различныхъ народовъ въ извѣстныя эпохи дворянство разорялось отъ расточительности, а послѣ поправляло свои дѣла при перемѣнѣ обстоятельствъ. У славянскихъ народовъ вообще всѣ землевладѣльцы склонны жить выше своего состоянія. Но все что расточаетъ высшее сословіе, то собираетъ нисшее и среднее; во всякомъ случаѣ однако жъ успѣхи народовъ въ умноженіи капиталовъ прекратились, неизвѣстно—къ добру или злу.

Не подлежитъ сомнѣнію, что расточаемость и собираніе капиталовъ одушевляютъ жизнь общества.

XXIX. О народномъ участіи во всемірномъ богатствѣ.

Приступаемъ къ весьма важному вопросу: какое участіе принимаетъ каждый народъ во всемірномъ богатствѣ? Могла ли ма-

для Англіи, хотя она надѣлена природнымъ и умственнымъ богатствомъ и производителнымъ характеромъ своихъ обитателей, достигнуть степеней своего изобилія, не имѣя участія во всемірномъ богатствѣ? Могла ли Голландія, несмотря на свою бережливость, дойти, безъ этого участія, посредствомъ колоній и торговли до того, чтобы удовлетворять своимъ богатствомъ чрезвычайнымъ государственнымъ расходамъ, какъ въ древніи времена Тиръ, Карфагенъ, Аяны, а послѣ Венеція? Вопросъ этотъ запутанъ, называя участіе во всемірномъ богатствѣ, то промышленностью, то дарованіями торговыми; не надобно забывать, что силы дарованія и промышленность потому только увеличили это участіе выше всякой соразмѣрности, что имъ содѣйствовало ис- силіе.

Участіе во всемірномъ богатствѣ значительно пріобрѣтается или прямо посредствомъ прибылей частной торговли, или не прямо возвратнымъ дѣйствіемъ богатства всемірныхъ торговцевъ на другіе народы.

Посредствомъ грабежа и насилія, Испанцы расхищали сокровища Америки и Востъ-Индіи, пріобрѣли неизмѣримыя пространства земель, исчерпали богатѣйшіе рудники и, однимъ словомъ, получили отъ этихъ колоній возможныя прибыли частной торговлею. Если же награбленные сокровища исчезли, то этому были другія причины; если Испанія не воспользовалась прибылями, то это вина ея собственная и вина обетательства. Если англійская, Востъ-Индская Компанія, послѣ пріобрѣтенія Остъ-Индіи получила мало выгодъ отъ огромныхъ доходовъ, то это вина ея управленія и отношеній. Дальнѣйшіе пріобрѣты были бы великии.

Частныя торговыя прибыли превосходятъ или отъ малочисленности метрополи, или отъ перевѣса дарованій и капитала въ торговлѣ, составляющей особый родъ насилія, или же отъ обмана, которому подвергаются дикіе народы, отдающіе вещи высотою достоинства за бездѣлки. Сюда причисляемъ тоже и невольничковъ; здѣсь человекъ похищаетъ силу другіхъ людей (крѣпостное состояніе не принадлежитъ къ этому предмету; оно не заслуживаетъ также порицанія, и состоитъ въ томъ, чтобы воздѣлывать землю для владѣльца и для работниковъ). Впрочемъ, само-по-себѣ разумѣется, что, желая получить значительное участіе во всемірномъ богатствѣ, народъ долженъ быть надѣленъ хорошимъ мѣстоположеніемъ, климатомъ, дарованіями, характеромъ и духомъ пріемчивости.

Мы довольствуемся здѣсь общимъ изложеніемъ, тѣмъ болѣе, что уже неразъ упоминали объ этомъ предметѣ; замѣтимъ только, что такъ какъ время паслиій прошло, хотя и не совѣтъ (Танги), и образованіе развилось во многихъ колоніяхъ, то пришла тоже и блестящая эпоха грабежей всемірнаго богатства; особенныя торговыя прибыли переходятъ во многихъ мѣстахъ въ естественныя; однако жъ разъ приобрѣтенное богатство остается, а порывъ его имѣетъ сильное вліяніе на торговлю.

Во всемірномъ богатствѣ участвуютъ косвенно тѣ народы, которые доставляютъ торговымъ государствамъ суровый матеріалъ, потому что ихъ сбытъ увеличивается. Чѣмъ болѣе Англія будетъ богата и цвѣтуща, тѣмъ лучше для Швеціи, Германіи и Россіи; но это косвенное участіе совершенно невинно.

XXX. Государство по отношенію къ политической экономіи.

Наша наука имѣетъ дѣло со всеми отраслями государственнаго управленія: высшее устройство, законодательство, полиція, дипломатія, юстиція, публичное просвѣщеніе, строенія публичныхъ аданій, финансы и прочее, по своему отношенію къ торговлѣ, должны непременно войти въ составъ излагаемой нами науки. Но, если бы мы желали приводить подробно всѣ частныя примѣненія этихъ отраслей въ политической экономіи, то естественно старались бы достигнуть слишкомъ многого и построннаго. Надобно только имѣть ихъ въ виду при изложеніи. Мы довольствуемся приведеніемъ здѣсь того только, что имѣетъ непосредственное вліяніе на нашу науку..

Хорошее законодательство, управленіе и бдительность законовъ, принадлежатъ сюда вообще какъ основныя условія публичной внутренней и внешней безопасности.

Обыквы, относящіяся къ народному приобрѣтенію, законы, постановленія и учрежденія произошли частью отъ правительствъ, частью родились въ древнія времена отъ самостоятельности городовъ, отъ муниципальнаго устройства, отъ прежнихъ отношеній землевладѣльцевъ и отъ обычаевъ. Источники эти часто перемѣшивались, или внослѣдствіи самое правительство привело уже существующее въ порядокъ. Постановленія эти относятся вообще къ слѣдующимъ предметамъ.

Для земледѣлія, исключая худо обдуманнаго распоряженія, не-

обходимы постановленія: для земской полиціи, полевыхъ работъ, собиравія вина, ирригаціонныхъ заведеній, сельскихъ конныхъ заводовъ, плотинъ, шлюзовъ, запрудъ, размежеванія полей, учрежденія поземельныхъ книгъ, свободы торга хлѣбомъ и прочая. Въ-особенности требуются исключительныя постановленія о лѣсоводствѣ.

Для фабрикъ, ремеслъ и другихъ промысловъ того же роду существуютъ различныя узаконенія, которыхъ мы нечислять не будемъ. Сюда принадлежитъ еще осмотръ, судъ, составленный изъ такъ называемыхъ во Франціи *prud'hommes*, рѣшающей несогласія между работниками и фабрикантами или подрядчиками, надзоръ полиціи за опасными ремеслами и тому подобное.

Для торговли нужно многое въ этомъ отношеніи, о чемъ мы уже отчасти говорили; теперь въ-особенности необходимо упомянуть о коммерческомъ судѣ.

Развозъ по сухому пути, по озерамъ, рѣкамъ, по морю требуетъ постановленій о дорогахъ, мостахъ, конторахъ транспортовъ, рѣчномъ и озерномъ судоходствѣ, береговыхъ строеніяхъ, пристаняхъ, рейдахъ и вообще о многомъ, чего мы уже коснулись въ нашемъ изложеніи.

Для семейной жизни существуютъ постановленія общинъ; для производительности весьма важенъ узаконенный образъ наследства по имуществу.

Къ народному просвѣщенію и приготовленію будущихъ слугъ умственныхъ служатъ: народныя училища, реальныя училища, особые институты земледѣльческіе, технологическіе, лѣсные и другіе, общества разнаго роду, примѣняющія къ практикѣ выученное и такимъ образомъ извлекающія изъ него пользу, собственно ученое образованіе въ различныхъ направленіяхъ, относящяся къ нашему предмету приготовленіемъ учителей.

Впрочемъ мы, подобно многимъ, другимъ полагаемъ, что простой народъ не долженъ быть слишкомъ образованъ, для собственнаго своего счастья и спокойствія; въ низшихъ училищахъ ученіе должно ограничиваться катехизисомъ, чтеніемъ, правописаніемъ, арифметикою. Прежде всего религіозное образованіе должно имѣть послѣдствія на всю жизнь людей. По самой своей природѣ, чело-вѣкъ существо религіозное, и какъ бы мы высоко ни стали въ философіи, она никогда не будетъ удобною для массы народа. Поэтому духовенство въ соразмѣрномъ количествѣ не должно быть считаемо обремененіемъ народа.

Полицейское устройство паспортнаго дѣла на все имѣеть вліяніе; необходимость паспортовъ и въ наше время неоспорима.

Теперь предстоитъ намъ весьма обширный и важный предметъ: устройство промышленности въ городахъ; въ селеніяхъ оно не можетъ дѣйствовать, развѣ только весьма ограниченно. Впродолженіи нашего изложенія, мы уже весьма многое сказали насчетъ этого предмета; но дополненіе необходимо.

Изъ слабаго устройства нѣкоторыхъ городовъ, послѣ паденія Западной Римской Имперіи, изъ оставшихся преданій, изъ самостоятельности другихъ городовъ, образовались исконнѣ у всѣхъ римскихъ и германскихъ народовъ большія и малыя гильдіи, цехи, сословія, корпораціи и прочее; изъ нихъ цехи были отчасти учрежденіемъ чисто политическимъ, какъ во многихъ вольныхъ городахъ. Сословія и гильдіи имѣли значительное вліяніе, сохранившееся по большей части донинѣ, на торговую и промышленную полицію, на науку и практику, на взаимную помощь, на опредѣленіе цѣнъ и тому подобное. Впрочемъ измѣненія этихъ учреждений столь разнородно сложны, что не могутъ быть здѣсь разсматриваемы, хотя и представляютъ много занимательнаго.

О самостоятельности промышленности семействъ и новыхъ измѣненіяхъ этихъ учреждений по причинѣ фабрикъ мы уже прежде говорили. Здѣсь мы должны неключительно заняться свободою промысла городского; въ селеніяхъ она естественно не можетъ быть ограничена.

Весьма справедливо уничтожены всѣ древнія постановленія: они заключали въ себѣ много несообразнаго, препятствовали развитію промысла, оставались при худыхъ издѣліяхъ, вывели промышленность изъ городовъ и весьма затрудняли распространеніе ремеслъ. Поэтому въ новѣйшія времена родилось мнѣніе о необходимости преобразовать всю старую готическую систему принужденія и доставить промышленности полную свободу, что исполнилось во многихъ мѣстахъ, хотя и встрѣчаемъ иногда нѣкоторыя ограниченія.

Однако жъ наконецъ случилось, что полная свобода промышленности породила тоже значительные недостатки; что ограниченія, состоящія нѣкоторымъ образомъ въ пошлинахъ за свидѣтельства торговли, въ классовыхъ податяхъ, въ городскихъ пошлинахъ и повинностяхъ, не въ состояніи предупредить нестройный приливъ промышленковъ, а тѣмъ самымъ, переполненіе

и недостаточность въ средствахъ жизни. Окончательное рѣшеніе этого вопроса еще остается въ неизвѣстности.

Если кто хочетъ знать наше мнѣніе, мы скажемъ, что ни въ какомъ случаѣ не должно возвращаться къ древней системѣ принужденія; но не должно также уничтожать корпорацій тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, а только сдѣлать ихъ доступными для всякаго способнаго и честнаго человѣка; что впрочемъ, уже по большей части и сдѣлано.

Въ Россіи система трехъ классовъ купеческихъ гильдій тѣсно соединена съ сословіемъ членовъ и съ финансами; притомъ неосновательно было бы преобразовывать это сословіе, когда въ него можетъ войти всякій, уплативъ только пошлины за свидѣтельство на торговлю. Промышленныя сословія, называемыя цехами, введены уже позже по образцу существовавшихъ въ другихъ государствахъ; они не затрудняютъ принятія кого-либо въ свои члены; только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городахъ нѣмецкихъ провинцій существуютъ и теперь старыя цеховыя учрежденія, называемыя привилегіями.

Тамъ, гдѣ уже господствуетъ полная свобода промышленности, необходимо принимать въ соображеніе общія и мѣстныя обстоятельства, чтобы придумать мѣры предотвращенія всюднейшихъ недостатковъ, если только они происходятъ отъ этой свободы, а не отъ другихъ общихъ обстоятельствъ, въ-особенности отъ умноженія народонаселенія.

=

V.

К Р И Т И К А.

=

МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ СБОРНИКЪ, 1846 ГОДА.

Жалобы на современную нашу литературу сдѣлались у насъ, какъ извѣстно, общимъ мѣстомъ. Трудно исчислить всѣ укоризны, какими осыпаютъ ее судьи призванные и тѣ, которымъ легче осуждать, чѣмъ дѣйствовать самимъ. Нельзя, чтобы въ числѣ этихъ укоризнъ не было основательныхъ, то есть, такихъ, коихъ причины скорѣе можно объяснить, чѣмъ оправдать. Труднѣе всего защититься ей отъ обвиненій, падающихъ на ея нравственную сторону. Здѣсь, къ сожалѣнію, сильно запятнали ее люди, употребившіе во зло сомнительный даръ дразнить толпу приманками умственныхъ наслажденій. Примѣтивъ, что она легко поддается этого роду новому для нея соблазну и готова платить за искушеніе деньгами, они призвали въ помощь виновницу многихъ успѣховъ на свѣтѣ—наглость, и смѣло, съ перомъ въ рукѣ, подъ священнымъ знаменемъ литературы, пошли на ловлю блга, ка-

кія обыкновенно даютъ людямъ толпа и пезастѣнчивая совѣсть. Но они ли одни были виноваты въ этомъ недобромъ дѣлѣ? Конечно нѣтъ. Когда общество даетъ почувствовать, что оно хочетъ быть обмануто, обманщики должны найтись; должны найтись люди, готовые удовлетворить вполне этой печальной потребности, способные добиться даже привилегіи на этотъ родъ спекуляціи и всегда правые передъ самими собою, тѣмъ, что вѣдь они дѣлають то, чего отъ нихъ требуютъ. Не всякому, конечно, пристанетъ эта роль; но для такой огромной драмы, какъ жизнь человѣческая, нужны роли многія и различныя. Вѣрно однако жъ то, что благородное дѣло мысли при такомъ направленіи умовъ низпадаетъ до ремесла, — а всего хуже, общество начинаетъ думать, что она для того и выставляется въ литературѣ, чтобы ее можно было купить для забавы и развлечения. Оно забываетъ, наконецъ, что мысль можно купить, но сдѣлать ее для купли нельзя. Ремесло дѣлаетъ куклу мысли, а настоящая мысль живая, прекрасная и тѣломъ и душою, можетъ родиться только въ нѣдрахъ сердца и убѣжденія. Бѣдная наша Литература должна была поести на себѣ совокупные грѣхи и дѣлателей и требователей. Увы! всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно, какъ они тяжки. Сколькимъ мелкимъ страстямъ и сплетнямъ, достойнымъ самыхъ темныхъ сферъ общества, послужила она поприщемъ! Сколько самолюбій, надутыхъ смѣшными притязаніями, разнеслось и разсыпалось по ней пылью! Сколько посредственностей, которыя въ общемъ неустройствѣ возвысившіеся до мѣсты таланту присвоенныхъ и не умѣвъ понять ихъ нравственной ответственности, расположились на нихъ, какъ встарину располагались въ провинціяхъ воеводы, получавшіе ихъ для того, чтобы лодермиться! Сколько, черезъ литературу, гнусныхъ тайныхъ изобидица въ себѣ зависть и корыстолюбіе! Чего ухо образованнаго человѣка никогда не слыхало въ обществѣ, то приходилось слышать и читать въ Литературѣ — грубые толки о барышахъ, занывы толкучаго рынку, жи всевозможныхъ видовъ: ложь лести, клеветы, самохвальства, ложь обѣщаній, ложь мысли и слогу. Какимъ порокомъ взялъ у судьбы на откупъ убѣжище щетинны, нравовъ, всѣхъ возвышенныхъ убѣжденій, чтобы въ насмѣшку имъ, поселиться въ немъ самому со своею безобразною семьей. И какіежъ козней не породило совмѣщество такъ называемыхъ литературныхъ выгодъ! Здѣсь было забыто все — приличіе, уваженіе къ достоинству писателя, даже жъ уму, по-

тому что совѣстники стараясь спльнѣе уязвить другъ друга, сочли наконецъ недостаточнымъ легкое оружіе остроумной насмѣшки, бросили его и устремились къ плоскостямъ и обыкновеннымъ или, лучше сказать, необыкновеннымъ ругательствамъ, то есть, принялись за дреколіе. Впрочемъ, нѣкоторые вообще показали себя уже вовсе неразборчивыми въ выборѣ оружія и не постыдились прибѣгать къ такимъ, отъ одного наименованія которыхъ у честнаго человѣка волосъ на головѣ становится дыбомъ и, какъ говорится, морозъ подираетъ по кожѣ. Такъ-то современная Литература наша, едва начавшая выходить изъ дѣтства, имѣла несчастіе попасть въ руки дурныхъ руководителей. Не мудрено, что въ ихъ темномъ обществѣ она заразилась было пороками, ей чуждыми, навлекшими на нее столь сильное негодованіе отъ людей благомыслящихъ, но не заботившихся отличить виновниковъ отъ жертвы. Въ этой же статьѣ мы увидимъ, что ей суждено подвергнуться новой отвѣтственности, Впрочемъ совершенно другаго, по-крайней-мѣрѣ не грязнаго рода.

Но есть укоризны, которыя терпитъ она вовсе несправедливо. Зачѣмъ, говорятъ нѣкоторые ревнители ея славы, она не даетъ публикѣ твореній важныхъ, обширныхъ? Зачѣмъ нынѣ нѣтъ у ней талантовъ, подобныхъ Карамзину, Жуковскому, Крылову, Пушкину? Они забываютъ, что всякій великій, или истинный талантъ есть выраженіе созрѣвшихъ идей своей эпохи. Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ могли литься въ свое время, потому что для нихъ образовались извѣстныя убѣжденія, вѣрованія, которыя могли служить и возбужденіемъ ихъ къ творческой дѣятельности и содержаніемъ твореній. Наше время есть время *переходное и приготовительное*. Мы призваны выработать стихіи для будущихъ, вѣроятно блистательнѣйшихъ явленій искусства, чѣмъ прежнія; но мы еще не выработали ихъ. И не легко намъ дѣлать наше дѣло. Тамъ, гдѣ прежде мчалась живая юношеская фантазія за обаятельными идеалами, или мысль только-что проснувшаяся, въ роскошномъ упоеніи образованности, играя, срывала готовые цвѣты знанія, чтобы украсить себя, или полюбоваться ими, — тамъ тяжелымъ раломъ науки и изысканій пришлось намъ глубоко взрывать упорную почву и сѣять не семена цвѣтовъ, а семена жатвы, можетъ-быть отдаленной, но великой, существенной, народопитательной. Судьба обрекла насъ не на зодческіе громкіе подвиги, а на скромное и честное добываніе и приготовленіе матеріаловъ. Должно исполнить ея волю.

Но мы не тщетно трудимся. Нельзя у современной литературы отнять заслуги, что ея направление день ото дня становится и мыслительнѣе и самобытнѣе. Талантъ въ наше время долженъ подчиниться гораздо труднѣйшимъ условіямъ, чѣмъ прежде; онъ долженъ совѣщаться не съ однимъ своимъ вдохновеніемъ, но съ исторіей, съ нуждами общества, съ преданіями и духомъ народа. Мы, такъ сказать, создали *строгость требованій*, которая будетъ ручаться за правоту и достоинство всякаго успѣху. Какъ бы ни были отрывочны, неполны, недостаточны нынѣшніе литературные труды и предпріятія, вы найдете въ нихъ уже смыслъ опредѣленный, цѣль, найдете, по-крайней-мѣрѣ стремленіе мыслить и поддерживать извѣстное начало. Въ доказательство всего этого, мы между прочимъ указываемъ читателямъ на два Сборника, почти въ одно время изданные въ Москвѣ, одинъ историческій и статистическій, другой ученый и литературный. Послѣдній будетъ служить предметомъ настоящаго разбора.

Мы просимъ почтенныхъ составителей этой книги простить намъ откровенность, съ какою мы выскажемъ наше мнѣніе о нѣкоторыхъ изъ ихъ трудовъ — мнѣніе во многомъ несогласное съ ихъ началами. Каковы бы ни были эти начала, мы увѣрены, что принявшіе ихъ служатъ благородно дѣлу литературы, считая его дѣломъ общественнымъ, которымъ неприлично ни играть по прихоти маленькихъ страстей, ни жертвовать грубымъ расчетамъ корысти. Мы высоко уважаемъ этотъ родъ нравственной заслуги, находя въ немъ духъ чисто-свойственный нашей эпохѣ и истинно просвѣщенному русскому сердцу. Но во имя того же драгоценнаго дѣла литературы, мы считаемъ себя обязанными возставать противъ всякой односторонности мнѣній, потому что она не согласна ни съ широтою русскаго ума, ни съ величіемъ истины, требующей жертвы столько же разумной, какъ и цѣломудренной. Мы только что начали разработывать стихіи нашей народной мысли, мы ищемъ опоръ для своихъ литературныхъ убѣжденій и стараемся привести въ извѣстность всѣ могущія насъ одушевлять начала. Что жъ выйдетъ, если прежде чѣмъ будутъ осмотрѣны вещи со всѣхъ сторонъ, мы станемъ составлять теоріи, системы и захотимъ сдѣлать ихъ господствующими, исключительными и непреложными? Мы еще не достигли той опредѣленности въ основныхъ нашихъ идеяхъ, во которой бы оставалось только или честно согласиться, или явно и нелицеприятно противорѣчить очевидной истинѣ. Мы должны еще не соглашаться,

а спорить: это признакъ, что мы изслѣдуемъ предметъ со всѣхъ сторонъ, что мы ищемъ истины, которая обыкновенно убѣгаетъ отъ своихъ преслѣдователей путями извилистыми и многосторонними. Вѣрный способъ никогда не постичь ее, есть мчаться за ней по одному и тому же направленію.

Въ «Московскомъ Сборникѣ» есть одна статья, возбуждающая особенное вниманіе критики странностію своихъ парадоксовъ, и искусствомъ, которое авторъ употребилъ, чтобъ сдѣлать невозможное, то есть, чтобъ сдѣлать ихъ истинами. Читатели, безсомнѣнія догадываются, что мы говоримъ о статьѣ господина Хомякова: *Мнѣніе Русскихъ объ иностранцахъ*. Прежде всего намъ показалось въ ней непонятнымъ, почему въ заглавіи ея употреблено слово: *Русскихъ*. Неужели почтенный авторъ увѣренъ, что всѣ Русскіе думаютъ объ иностранцахъ такъ, какъ онъ? Одно лицо можетъ высказать мнѣніе цѣлаго общества—это правда; но для этого нужно особенное умственное и нравственное полномочіе, которое до-сихъ-поръ у насъ дано было немногимъ. Вся статья господина Хомякова напротивъ, есть не иное что, какъ прямое противорѣчіе общественному смыслу и общепринятымъ понятіямъ. Она слишкомъ отзывается уединеннымъ трудомъ кабинета, въ которомъ, какъ извѣстно, пишутся часто вещи неслыханныя, никогда на мысль не приходившіе обществу. Отъ нея вѣетъ духомъ какой-то исключительности, сектаторства, никому недоступнымъ кромѣ малаго числа адептовъ, которыхъ прозвали у насъ славянофилами.

Вотъ опять поводъ къ нападкамъ на литературу. Въ то время какъ спасительное чувство омерзенія къ ея осквернителямъ готовитъ въ ней рѣшительный переломъ въ пользу чести и благородныхъ стремленій, въ то же время неожиданно овладѣла ею сильная страсть къ парадоксамъ. Къ чему это ей — молодой, учащейся, ей, которая должна составить себѣ репутацію въ образованномъ мірѣ и хорошимъ поведеніемъ и чистымъ, здравымъ вкусомъ—къ чему ей парадоксы? Не понимаемъ. Пусть тѣшится ими лукавый Западъ, у котораго все идетъ въ дѣло; парадоксы его забавляютъ усталаго отъ суровыхъ и тяжелыхъ работъ по части всемірной исторіи, а если, наконецъ, они надоѣдаютъ ему своею назойливостію, онъ напускаетъ на нихъ свой зрѣлый опытъ, событія, свою окрѣпшую въ разумѣ діалектику—одни ловятъ, другіе защищаются или бѣгутъ, и изъ этихъ гимнастическихъ упра-

жизней выходить впоследствии много новаго и умнаго. У насъ парадоксы рѣшительно ни къ чему не служатъ. Они даже вредны; они сбиваютъ съ толку здравый русскій смыслъ, чрезвычайно вѣрный, ясный, разсудительный, когда онъ дѣйствуетъ просто и открыто, дѣйствуетъ по своимъ собственнымъ внушеніямъ, и очень шаткій, скорый на всякія умозрительныя пакости, когда его начнутъ стѣснять теоріями. По неопытности, или по безвѣчности, а можетъ-быть и по врожденной склонности къ догматичности и простотѣ, онъ сначала останавливается въ какомъ-то раздумьѣ, упорствуетъ, притворяется покорнымъ, если ужъ его слишкомъ идеализируютъ и, наконецъ, видя, что его рѣшительно хотятъ вести туда, куда ему идти не хочется, онъ ложится на какія-нибудь нелѣпыя выдумки, начинаетъ вовсе ничего не дѣлать и вспоминая старину, грезить по восточному. И вотъ передъ нимъ все мерещатся въ видѣ нескончаемо-длинныхъ фантастическихъ узоровъ мысли, и идеи роятся какими-то Полканами, Бовами, бабами-Ягами. Совершенный хаосъ! Непостижимо кажется, какъ умы, достойные всякаго уваженія, произвольно свѣшать уклоняться отъ путей, по которымъ обыкновенно ходитъ умъ. Впрочемъ, нѣтъ такого страннаго явленія на свѣтѣ, которое бы не имѣло своихъ законныхъ и естественныхъ причинъ. Если въ литературѣ нашей отчасти возникъ духъ противорѣчія всему общелогическому и общепринятому, то этому есть основаніе—и оно гораздо лучше выведенныхъ изъ него слѣдствій. Выше замѣчено, что въ ней быстро усиливается стремленіе къ самобытности; но обѣщая самую счастливую будущность, оно вырабатываетъ ее какъ-то хлопотливо и тяжело. Когда обдѣлываютъ дерево для предполагаемаго зданія, много бываетъ щепы и сору; но это ничего—все послѣ будетъ выброшено. Въ самомъ дѣлѣ, мы живемъ въ эпоху не громкую, по наружности не блестящую, но въ существѣ, можетъ-быть, самую замѣчательную изъ всѣхъ эпохъ нашей исторіи, богатую семянами будущихъ важныхъ событій и въ то же время полную вопросовъ и чашій новыхъ, болѣе или менѣе не ясныхъ, но глубокихъ и неотразимыхъ, мы живемъ въ эпоху пробужденія мысли и сознанія ея силы. Всякому вовлеченному въ этотъ неизбежный и рѣшительный актъ развитія, хочется имѣть убѣжденіе; всякой понимаетъ, что его право на мысль можетъ быть доказано только его личнымъ участіемъ въ ея интересахъ, что отъ него требуютъ уже не только голоса, но и мнѣнія, и что онъ подлежитъ немедлен-

ной выключкѣ изъ списка мыслящихъ, какъ-скоро окажется неспособнымъ служить ей самимъ собою, въроваиіями скромно испытующаго ума и любящаго сердца.

Многіе изъ людей еще не старыхъ, недавнихъ временъ, не въ-стояиіи постигнуть нашихъ безпокойствъ и томленій; они не въ-стояиіи постигнуть, чего мы добиваемся вапрягая свои силы и заблуждаясь, когда имъ такъ удобно поконтясь въ принятыхъ однажды понятіяхъ, безъ усилій и парекаіія. Они не понимаютъ, что въ насъ совершается роковой и великій процессъ перерожденія, что идя послѣ долгаго бездѣйствія по путямъ проложеннымъ и выглаженнымъ другими, идя въ смутномъ полуснѣ, не зная куда и зачѣмъ, мы пришли наконецъ къ рубежу, гдѣ насъ ожидаетъ строгій допросъ: хотимъ ли мы серьезно заняться дѣломъ мысли? Если хотимъ, такъ не должно проводить временій въ проматываніи чужаго умственнаго достоянія, въ хвастовствѣ, пустой болтовнѣ и щегольствѣ наружнымъ блескомъ образованія; надобно трудиться и дѣйствовать какъ трудятся и дѣйствуютъ всѣ, призванные на великое служеніе вѣчнымъ и святымъ истинамъ челоуѣчества. Ибо челоуѣку суждено въ потѣ лица снискивать не только хлѣбъ насущный, но и всякую насущную истину и все прекрасное. И вотъ гдѣ причины безпокойства и суматохи въ нашихъ понятіяхъ. Для насъ ново и неожиданно это требованіе; мы застигнуты имъ въ расплохъ, потому что, какъ извѣстно, намъ досталось въ наслѣдство отъ прѣдковъ нашихъне много приобрѣтенныхъ умственныхъ богатствъ — надобно самимъ бѣльшею частию начинать то, что другіе только продолжают и довершаютъ. Хорошо, что мы наконецъ сознаемъ уже эту необходимость, такъ же какъ и нищету пустой форменной образованности, которая наряжаетъ людей, какъ на праздникъ, въ богатыя церемоніальныя одежды и оставляетъ въ будни при нихъ обычныхъ лохмотьяхъ съ яркими заплатами. Въ этомъ заключается залогъ прекрасной будущности. Но всё же лишеніе историческихъ опоръ мысли и знанія, отсутствіе строгой логической послѣдовательности развитія, должно вначалѣ, какъ это и есть, породить множество понятій самыхъ произвольныхъ, неосновательныхъ и шаткихъ. Ни одна цѣль не достигается безъ жертвъ и тѣмъ цѣль возвышеннѣе, тѣмъ благороднѣе жертвы. Надобно, чтобъ умы наиболѣе способные мыслить, удовлетворили этому неизбѣжному закону и платили за будущіе успѣхи тревогами своего сердца, неполнотою убѣжденій своихъ, шаткостію началъ и

видовъ. Только важныя ошибки заслуживаютъ честь быть поучительными. Но мы непремѣнно должны ихъ видѣть; иначе чему же мы научимся и к чему послужатъ все наши пожертвованія? Главная ошибка нѣкоторыхъ изъ занимающихся рѣшеніемъ вопроса о нашемъ образованіи, состоитъ въ томъ, что они идею самостоятельности умственной смѣшиваютъ съ идеей исключительности, особенности, разъединенія со всеобщю образованностію человѣчества, какъ-будто всякая исключительность въ естественномъ ходѣ и порядкѣ вещей на землѣ не есть уродливость и отверженное состояніе. Неумѣнье пользоваться соединенными успѣхами людей и примѣнять ихъ къ своимъ нуждамъ, или ихъ злоупотребленіе нельзя же поставить въ укоръ благотворному и великому союзу народовъ. Ложная идея исключительности не годится даже въ смыслѣ реакціи противъ преступнаго неуваженія своей народности уже потому, что она ложная. Единственное приличное намъ чувство народности, достойное насъ и нашего жребія, есть чувство народности просвѣщенной, доступной всемъ возвышеннымъ интересамъ человѣческимъ, потому что другихъ высокихъ интересовъ кромѣ человѣческихъ, мы не знаемъ въ обществѣ людей. Подобнаго чувства, конечно, нельзя усиливать и развивать, толкая его въ глушь и тѣсноту односторонняго эгоизма. Изъ того, что мы Русскіе, ни мало не слѣдуетъ, чтобы намъ не было прилично многое, приличное другимъ образованнымъ существамъ одного съ нами роду и быть ни на кого не похожимъ, не значить еще быть лучше всехъ. Мы не виноваты въ томъ, что намъ пріятны плоды всемірной образованности; напротивъ, мы должны гордиться этимъ, какъ свидѣтельствомъ счастливой организаціи нашего народнаго духа, столь доступной благотворнымъ вліяніямъ разума, истины, красоты. Но мы виноваты тѣмъ, что посреди чарующихъ насъ впечатлѣній, барски предаемся одному наслажденію ихъ вкушать и пресыщаться ими, что мы боимся всякаго напряженнаго и послѣдовательнаго умственнаго труда, если онъ необѣщаетъ намъ немедленныхъ личныхъ выгодъ, что мы слабѣемъ и упадаемъ духомъ предъ всякимъ натискомъ случайныхъ затрудненій или препятствій, что мы превращаемъ въ соблазнъ и прельщеніе то, что судьба предлагаетъ намъ или какъ возбужденіе къ подвигу, или какъ урокъ. Можетъ ли быть что общепользительнаго труда мысли, когда онъ выступаетъ на дѣло въ союзѣ съ упорною волею, преодоляя все вокругъ себя и въ себѣ, увлекая сердце даже на перекоръ его собственнымъ поползновеніямъ къ

дремотѣ и самозабвенію. Въ немъ то возрастаетъ и зрѣетъ умственная и нравственная самобытность общества, потому что питать силу можетъ только сила — трудъ же есть сила. А мы мѣняемъ его на праздныя теоріи и возгласы...

Ложныя понятія объ исключительности нашего образованія простерлись дотого, что нѣкоторые готовы были замѣнить трудъ послѣдовательный и логическій въ изысканіи истины какимъ-то русскимъ молодецествомъ, которое, по ихъ мнѣнію, можетъ все рѣшать тотчасъ, безъ справокъ и размышленія. Молодечество, можетъ-быть, и пристало намъ въ разныхъ случаяхъ, только не въ дѣлахъ ума и знанія. Истина вовсе не такая вещь, которую съ по́свистомъ и подкрикомъ схватываютъ арканомъ за шею и притягиваютъ къ своимъ видамъ и желаніямъ. Молодцкія рѣшительныя мѣры тутъ ничего не значатъ; онѣ въ-состояніи только насмѣшить людей здравомыслящихъ и озадачить и евѣждъ, которые изумляются передъ всякимъ наскокомъ, шумомъ и трескомъ, не зная, что изъ этого ничего не выходитъ кромѣ минутнаго испуга. Хотя «смѣлость и беретъ города», но нравственные предметы не достаются ей безъ правильной, то есть, общеразумной методы дѣйствій, безъ науки и искусства. Какими бы отлечіями природа ни ознаменовала наши способности, но лучшей почести, конечно, она не могла имъ присвоить, какъ способность быть во всемъ послѣдовательными и логическими.

Но есть еще иная причина стремленій къ парадоксальности въ нашемъ мыслящемъ поколѣніи — это недостатокъ между нами взаимности и сочувствія другъ къ другу. Каждый изъ насъ всѣми силами заботится не о томъ, чтобы истина существовала, но о томъ, чтобы она существовала такъ, какъ ему хочется. Тотъ же духъ разединенія, который извѣстная школа считаетъ залогомъ воссозданія нашей народности, господствуетъ у насъ и въ частныхъ умственныхъ интересахъ. Мы не въ состояніи понять и оцѣнить того великаго и святаго сочетанія умовъ, которое родитъ и поддерживаетъ идея, одушевляя ихъ одною цѣлюю, однимъ могущественнымъ убѣжденіемъ, одною радостною надеждою успѣха общаго и нераздѣльнаго. Это грустно, но справедливо. Пусть будетъ сказана у насъ какая угодно очевидная истина — она непремѣнно, вмѣсто учтиваго и радушнаго привѣта, встрѣтитъ или грубое враждебное чувство, или падутое и притворное равнодушіе въ тѣхъ, кому не пришла она первымъ въ

голову. Изрѣченіе: « что вѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ », какъ-будто единственно про насъ сказано. Мы лишены силы взаимнаго притяженія и безпрестанно сталкиваясь, отталкиваемъ другъ друга. У насъ вѣтъ соглашеній, основанныхъ на взаимной уступчивости, на взаимномъ уваженіи личностей, а есть только споры. Есть также особенная болѣзнь, которою мы заражаемся чрезвычайно скоро и легко—болѣзнь гениальности. Юноша, едва спрыгнувшій со школьной скамьи, уже помышляетъ о созданіи системъ, ученій о новыхъ воззрѣніяхъ на міръ, человечество и Россію. Отбросивъ всѣ авторитеты, прежде, чѣмъ они разсмотрѣны и поняты, онъ спѣшитъ обзавестись собственнымъ хозяйствомъ идей — и оканчивается идеей, что все выкуда не годится, что все надобно перестроить, а какъ всего перестроить нельзя, то надобно погрузиться въ свой внутренній міръ и тамъ отъ скуки, одной изъ дочерей праздности, ловить грезы и мечты, пока умная сущность наконецъ не выведетъ его изъ себя и не приведетъ къ другой болѣе существенной и вещественной ловлѣ. Мы жадны къ отличіямъ; мы боимся признать въ другомъ одинакія съ нами права на умъ, на знаніе, на искусство, думая, что тѣмъ потеряемъ свою почетность и опустимся на одинъ рангъ ниже — въ собственныхъ нашихъ глазахъ. Мы рисуемся, кокетничаемъ своими способностями, спѣшимъ обогнать другъ друга, или боремся, какъ-будто созданы для атлетическихъ игръ, а не для настоящихъ подвиговъ, и если у насъ не станетъ ни повода, ни возможности блеснуть существенными умственными заслугами, мы готовы выдумать самую отчаянную желѣзность, лишь бы только признали въ насъ людей особенныхъ, нововводителей, преобразователей, словомъ, лица исключительныя. Исключительность—наша страсть, наше несчастіе. Оттого у насъ больше чѣмъ гдѣ-либо раздраженныхъ литературныхъ самолюбій, играющихъ великимъ дѣломъ мысли по своимъ увлеченіямъ, самолюбій, которыя всякое чужое превосходство готовы считать личнымъ себѣ оскорбленіемъ и отпереться отъ лучшихъ своихъ убѣжденій изъ одного желанія досадить другому. Чему все это приписать? Недостатку ли общественнаго духа, или шаткости образованія, которое не успѣло превратиться въ живую, дѣйствующую силу нравовъ? Какъ бы то ни было, а неоспоримо то, что мы не постигли еще важнаго искусства сохранять въ себѣ самостоятельность мысли и въ то же время ставить себя въ гармоническія отношенія съ мыслию общею и что отъ

этого рождается, между прочимъ, чрезвычайно много пустыхъ, безцвѣтныхъ или безплодныхъ предположеній, умозрѣній, утопій, идеологій, проэктовъ, которые всё ничтожныѣе пара, потому что паръ сосредоточенный поднимаетъ и движетъ огромныя тяжести, а эти—никакихъ.

Желая большаго согласія и единства въ нашихъ литературныхъ мнѣнiяхъ, мы этимъ вовсе не посягаемъ на движеніе, происходящее отъ ихъ разнообразія, не посягаемъ даже на благородный открытый споръ за начала. Пусть всякій стоитъ крѣпко за свой взглядъ на вещи, за свое убѣжденіе, или идею. Въ царствѣ мысли есть гармонія, но нѣтъ сліянiя разностей. Истина, составляющая высочайшую задачу ея и цѣль, раскидывается въ такомъ безбрежномъ пространствѣ, покоится въ такихъ недосягаемыхъ глубинахъ творенiя, сіяетъ столь неисчерпаемымъ огнѣнками свѣту, что каждый изъ насъ можетъ прикаться къ ней умомъ своимъ только на одномъ пунктѣ, уловить только одинъ изъ ея лучей—и каждый не владѣя ею вполне, можетъ сказать, что онъ носитъ долю ея въ своемъ сознаніи и въ своемъ сердцѣ, если сердце его достойно принять эту святыню. Тутъ всё могутъ быть правы, не соглашаясь и противорѣча другъ другу, отчего бы это несогласіе и противорѣчіе не происходили—отъ разныхъ ли точекъ зрѣнiя, отъ большей или меньшей обширности умственного горизонта, или отъ степени глубины, въ которую каждый проникнуть въ состоянiи. Великое зло угрожало бы наукѣ и литературѣ, если бы найденъ былъ способъ подчинить одному направленію и одной формѣ всё изслѣдованiя, всё творческія движенiя мысли. Къ счастью, это невозможно—и умъ человѣческій, при всей своей ограниченности, несравненно шире, чѣмъ норма, каждый разъ для него предвѣщаемая. И такъ пусть больше и больше является мнѣній различныхъ. Но мы желали бы, и конечно всякій съ нами пожелаетъ, чтобы эти мнѣнія были ничѣмъ другимъ, какъ логическими выводами мысли, правильно и стройно дѣйствующей, а не суетнаго желанiя отличиться во что бы то ни стало глубинами и выверенностями, какихъ не бывало въ мірѣ, не наѣзднической отваги, которая, повременамъ чувствуя потребность охотиться за истиною, кидается опрометчиво на безконечное поле умозрѣній и скоро идетъ назадъ усталая, ни съ чѣмъ, или съ добычею отчаянныхъ и смѣшныхъ парадоксовъ. Мы желали бы, чтобы

въ рѣшеніяхъ нашихъ было менѣе скорости и легкости, но болѣе уваженія къ судьбѣ рѣшаемыхъ задачъ и болѣе законности. Нѣтъ сомнѣнія, что такое скромное и цѣломудренное обращеніе съ идеями, сообщило бы литературѣ нашей этотъ пристойный, почтенный и основательный характеръ, которымъ возбуждается столько довѣрія въ обществѣ ко всякой мыслительной силѣ.

Всѣ исчисленныя нами причины, конечно, произвели и тѣ страшныя сужденія, какія находимъ въ статьѣ господина Хомякова. Почтенный авторъ занимается вопросами ужасно громадными; они касаются ни болѣе, ни менѣе, какъ всего прошедшаго, настоящаго и отчасти будущаго Европы и Россіи. Хорошо ли, что та и другая есть то, чтò есть? вотъ чтò, по мнѣнію автора, надобно рѣшить,—и это рѣшается такимъ образомъ, что Европа и Россія, выслушавъ строгій приговоръ его, должны непременно извиниться во всемъ или въ бѣльшей части того чтò они сдѣлали, взять назадъ свои исторіи, выработанныя усиліемъ столькихъ геніевъ и поколѣній, конечно, не безъ воли міродержавнаго Промысла, спрятать ихъ въ карманъ и обѣщать, что впередъ они будутъ вести себя лучше. Почему авторъ счелъ нужнымъ рѣшить эти вопросы въ небольшой статьѣ, не понимаемъ. Кажется, тутъ было бы о чемъ написать не книги, а цѣлыя библиотеки и задача осталась бы нерѣшенною, потому что кто же въ состояніи и рѣшить подобную задачу, кромѣ Провидѣнія? Россіи, по мнѣнію автора, не слѣдовало ничего заимствовать у Европы, а Европѣ не слѣдовало развиваться изъ своихъ историческихъ началъ, хотя это и недурно, какъ онъ же самъ признаетъ, а изъ чего-то другаго, вѣроятно изъ теорій, которую, разумѣется, надобно бы было сочинить какому-нибудь умозрителю за тысячу лѣтъ до Рождества Христова. Подумаешь, что народы сдѣлали страшную ошибку, живя такъ долго по своимъ правамъ, обычаямъ, законамъ и потребностямъ. Почтенный авторъ, повидимому, не хочетъ ничего знать о томъ, что положенія народовъ не подлежатъ критикѣ: ибо они зависятъ отъ такихъ причинъ, которыя выше всѣхъ нашихъ соображеній, что усилія наши должны быть устремлены не къ тому, чтобы избѣжать положенія, въ которое мы введены ходомъ вещей, а чтобы извлечь изъ него все то добро, какое благость Провидѣнія заключила во всякомъ проявленіи жизни, во всѣхъ ея отправленияхъ. Мы неразъ уже слышали патристиче-

скія сѣтованія на неестественность нашего образованія, заимствованнаго у другихъ, а не у самихъ себя, хотя это вовсе не зависѣло отъ нашего выбора. Сѣтованія эти очень несвоевременны — потому что дѣло уже сдѣлано и воротаться назадъ нельзя. Они притомъ кажутся намъ и преувеличенными, такъ же какъ и то зло, которое служитъ имъ предлогомъ. Постараемся быть просты въ сужденіяхъ нашихъ объ этихъ вещахъ, какъ простъ самый ихъ ходъ и спросимъ у опыта и здраваго смысла: есть ли чтонибудь неестественнаго въ томъ, чтобы одно человѣческое общество заимствовало отъ другаго и усвоивало себѣ идеи, знаніе и искусство? кто предписалъ народамъ движеніе по симметрическимъ параллельнымъ линіямъ, и повелѣлъ, чтобы они не смѣли испытывать силы взаимнаго притяженія, этой высшей блюстительницы всеобщаго союза существъ? Не всякій ли изъ великихъ народовъ заимствовалъ у другихъ ранѣе его родившихся, многія семья образованности и возрастилъ ихъ на своей почвѣ — и было ли ему отъ того хуже? Между *подчиненіемъ* себя чуждой образованности и *присвоеніемъ* ея большая разница. Одно можетъ случиться только съ обществомъ хилымъ, лишеннымъ внутренней силы развитія, умирающимъ; другое становится необходимымъ для общества самаго здороваго, свѣжаго, которому историческія обстоятельства помѣшали самому только начать то, что оно въ состояніи блистательно продолжать и усовершенствовать. И не странно ли опасаться испроверженія народности въ немъ единственно потому, что оно идетъ по пути успѣховъ? Измѣнилась ли въ насъ русская природа отъ того, что мы стали просвѣщеннѣе отъ сближенія съ Европою? Если измѣнилось что-нибудь, то конечно не народность, непоколебимая и мощная какъ наша судьба, а развѣ пѣкоторые обычаи, формы, — словомъ, ея внѣшнія принадлежности, и безъ того обреченныя измѣненію въ народѣ живомъ и дѣйствующемъ. Народность наша развилась и не перестаетъ развиваться, это правда; но неужели на это станемъ мы жаловаться? Въ эпоху рѣшительнаго перелома, неизбежнаго по ходу нашей исторической жизни, мы могли увлечься безъотчетнымъ подражаніемъ многому, что несогласно съ коренными началами нашего быта; но это увлеченіе не исчезаетъ ли ежедневно передъ могуществомъ національнаго ума и дѣйствіемъ того самаго развитія, которымъ мы обязаны реформѣ Петра Великаго? такими ли глазами смотримъ мы теперь на предметы нашего увлеченія, какими смотрѣли за пятьдесятъ, или даже за

двадцать лѣтъ назадъ? Наше образованіе молодо — вотъ вся его вина. Оно не успѣло еще изгладить на себѣ слѣдовъ своего чрезвычайнаго рожденія; они-то бросаются въ глаза и затемняютъ то, что само по себѣ просто, свѣтло и прекрасно.

Авторъ статьи представляетъ состояніе нашей умственной жизни весьма въ печальномъ видѣ. Его въ-особенности поражаетъ разладъ нашего образованія съ жизнью. Но одно ли европейское просвѣщеніе тому причиною? Не заключается ли она въ нашей допетровской исторіи, которая такъ далеко отодвинула насъ отъ всякихъ умственныхъ цѣлей и погрузила такъ глубоко въ летаргическое бездѣйствіе мысли? Время шло, мы цѣпенѣли и не двигались; мы не понимали даже невыгодъ нашего неестественнаго состоянія. Наконецъ настала пора самопознанія; нашъ здравый, свѣтлый, много даровитый умъ пробудился—удивительно ли, что изумленный блескомъ и величіемъ всемірной образованности, право на которую онъ почувствовалъ въ своей счастливой натурѣ, онъ противопоставилъ себя и свои новыя понятія закосячѣлой печальной дѣйствительности и устремился безъ спроса ея далѣе, можетъ-быть, чѣмъ бы слѣдовало? Самопознаніе—вотъ наше горе, если это можно назвать горемъ. Такъ издревле челоуѣкъ, вкушавшій отъ древа познанія добра и зла, мятется въ противорѣчій съ самимъ собою, въ борьбѣ начала знающаго и стремящагося съ началомъ ограничивающимъ. Несправедливо господинъ Хомяковъ обвиняетъ нашу образованность въ ея вялости и бездѣйствіи; она много сдѣлала и дѣлаетъ для нашего гражданскаго и нравственнаго быта, для славы нашей, болѣе даже чѣмъ можно требовать отъ ея юности. Справедливо ли негодовать на нее за то, что она не провела глубже своихъ оживляющихъ началъ въ общественный бытъ, что она не сдѣлала всего того добра, какое способна сдѣлать? Вѣдь мы вправѣ во всемъ ожидать только челоуѣческихъ постепенныхъ, а не баснословныхъ успѣховъ. И всѣ ли слѣдствія необычнаго переворота, происшедшаго въ нашей жизни, выработались окончательно? Не находимся ли мы еще въ періодъ его тревогъ и сѣянія? Неоспоримо, что изъ него должны были возникнуть явленія неожиданныя, естественныя по ихъ первоначальной причинѣ и въ то же время несомнѣтельныя съ укоренившимися въ насъ образомъ мыслей, съ принятыми навыками и склонностями. Одно изъ такихъ явленій есть именно противорѣчіе между стремленіемъ нашей образованности и обще-

ственнымъ бытомъ. Но здѣсь надобно отличить существенное, неизбежное и благотворное противорѣчіе отъ случайнаго, проходящаго и вреднаго. Противорѣчіе, такъ-сказать, законное не могло не возникнуть въ насъ, если мы не хотѣли остаться навсегда въ нашемъ темномъ одиночествѣ, если намъ надлежало возвыситься до нравственныхъ преимуществъ самопознанія. Оно вооружило насъ противъ нашихъ предрасудковъ и невѣжества, противъ пороковъ гражданственности нашей, привитыхъ намъ сѣпленіемъ обстоятельствъ тяжелыхъ и кровавыхъ. Это противорѣчіе было — борьба призванія нашего съ робкими и малодушнымъ сомнѣніемъ, успѣха съ неподвижностью, народнаго ума съ недостатками его воспитанія, чистой, громкой и праведной славы съ напыщенными притязаніями, борьба великаго будущаго съ огромнымъ и нестройнымъ прошедшимъ. Сильнѣйшее начало въ результатахъ историческихъ есть вѣстѣе и правднѣйшее — оно торжествуетъ законо. Если бѣ прошедшее заключало въ себѣ эту двойную побѣдительную мощь, оно отбросило бы отъ себя все навѣты противащаго начала, какъ сила крѣпкая въ законности своей отбрасываетъ притязанія случайныя и ложныя въ своихъ основаніяхъ. Но оно пало — и ему надлежало пасть; его осудила на паденіе власть непреодолимая, возставшая изъ глубины народнаго самопознанія, умъ народный, помазанный Провидѣніемъ на великіе успѣхи развитія и образованности. Но побѣда рождаетъ злоупотребленіе — такова печальная ошибка всякой побѣды. Начало будущаго, начало образованности скоро сдѣлалось поводомъ къ другому противорѣчію съ народнымъ бытомъ, гдѣ право было уже на сторонѣ прошедшаго. Въ этомъ прошедшемъ заключаются не одни предрасудки и невѣжество; тамъ почіютъ первоначальныя свѣтыя стихіи народности нашей — наша нравственная сила; тамъ, въ ковчегѣ историческаго завѣта, хранятся кровь и слезы мучениковъ, выстрадавшихъ нашу самобытность; тамъ основанія многихъ общественныхъ истинъ для будущаго и живые соки, которые одни въ состояніи предотвратить образованность отъ увяданія и дать ей силы плодотворныя. Мы должны понести на себѣ горькій и заслуженный упрекъ, что всему этому упустили воздать подобающую честь, что брошенные въ безконечную даль мощнымъ толчкомъ, мы блуждали, какъ странники бездомные, безъ цѣли и семейныхъ воспоминаній, и возвращаясь къ себѣ, приносили не мысль примиренія, а чувство враждебное, чувство раздора и разъединенія своего на-

стоящаго со своимъ прошедшимъ. Но въ наше время нападать на это значило бы поминать старое. Кто изъ насъ нынѣ не чувствуетъ, что безъ народности нѣтъ твердыхъ основаній ни въ жизни, ни въ образованіи и что народности выдумать нельзя?

Господинъ Хомяковъ весьма неблагоприятно судитъ о Европѣ. За чтò терпитъ эта бѣдная Европа отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ литераторовъ, трудно понять. Еще было бы не удивительно, если бы изучая ее по-свѣдому, они находили только ошибки въ ней. Нѣтъ! Ими владѣетъ какой-то духъ ожесточенія и дикой неприязни. Подумаешь по ихъ суровымъ словамъ, что между ними и ею есть какія-то личности; что если бы ее не было на свѣтѣ, то гораздо было бы лучше и имъ и всѣмъ, и едва-ли не самой Европѣ; что она мѣшаетъ какимъ-то образомъ всѣмъ ихъ идеямъ и предпріятіямъ — и единственно отъ нея поганныхъ домогательствъ и козней имъ до-сихъ-поръ не удается построить совершенно другой Европы по ихъ собственному вкусу, чтò какъ извѣстно, было бы немалою услугою человѣчеству. Они придраются ко всему; Европа, какъ говорится, кругомъ у нихъ виновата. Она виновата противъ человѣчества, противъ самой себя, противъ насъ, — особенно противъ человѣчества и кажется тѣмъ, что до-сихъ-поръ не приняла никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ окончательному его преобразованію на основаніи новыхъ славянофильскихъ теорій, и дѣйствуетъ вообще какъ-то не скоро и не размахисто, разсуждая и сомнѣваясь, всматриваясь въ вещи и уважая ихъ смыслъ и законы, — а между-тѣмъ стоило бы только крикнуть молодецки и человѣчество давно бы испугалось, исправилось и отличилось.

Загляните въ статью господина Хомякова, вы увидите тамъ страшныя для Европы истины. Въ этой несчастной Европѣ все давно пропахло тлѣніемъ и разными сквернами — и наука и искусство, хотя эту наукою и искусствомъ вотъ уже давно живетъ цѣлый міръ, не исключая и насъ. Она ничего не знаетъ основательно, ни природы, ни людей, ни себя, ни старыхъ ни новыхъ временъ. Ея исторія есть не иное чтò, какъ историческая ошибка, ея идеи — ошибка логическая. «Всякое учрежденіе ея такъ же какъ и всякая система (чего?), содержитъ въ себѣ отвѣтъ на какой-нибудь жизненный вопросъ, заданный прежними вѣками.» (Стр. 170.) Казалось бы тутъ нѣтъ бѣды, потому что

этимъ отстраняется покушеніе мыслить и жить по напыщеннымъ умозрѣніямъ и теоріямъ, а на дѣлѣ у господина Хомякова выходятъ оттого такіе ужасы, что лучше бы ужъ Европѣ дѣлать все наперекоръ требованіямъ жизни и вещей. Замѣтьте, однако жъ, что наша образованность подвергается авторскимъ укоризнамъ за противорѣчіе съ жизнью. Чтѣ же тутъ хорошо и чтѣ дурно? Всякой знаетъ, чѣмъ наука и просвѣщеніе обязаны анализу — этому мощному рычагу ума человѣческаго, которымъ онъ поднимаетъ съ земли громадныя тяжести знанія — и всякому извѣстно, что съ однимъ синтезмомъ можно только грезить и сочинять идеалогіи. Но вотъ Европа виновата и тутъ — зачѣмъ она прилѣпилась къ анализу прежде чѣмъ вознеслась до послѣдняго края общихъ идей, хотя это всегда лучше дѣлать послѣ, чѣмъ прежде, если уже дѣлать нужно, какъ повелѣваетъ и логика? Далѣе, всѣ великіе умы Европы, собственно говоря, не стоютъ одного порядочнаго московскаго славянофила. Да и какъ имъ стоять? Никто изъ нихъ до-сихъ-поръ не разгадалъ ни судьбы міра, ни назначенія человѣческаго роду, ни отношеній востока къ западу и запада къ востоку; тогда какъ многимъ изъ нашихъ литераторовъ давно уже приходили въ голову прекраснѣйшія умозрѣнія по этимъ дѣламъ — стоило только изложить ихъ высокимъ слогомъ и тиснуть по-европейски. Правда, умы Европы выдумали желѣзныя дороги, по которымъ такъ легко, удобно и дешево разъѣзжать на Земномъ Шарѣ; но чтѣ въ этомъ, когда они не умѣли и, вѣроятно, не съумѣютъ выдумать желѣзной дороги на луну?

Право, пора намъ бросить наши смѣшныя возгласы противъ Европы. Она знаетъ наши силы; жаль, если узнаетъ наши слабости изъ того, что мы судимъ о вещахъ такъ неосновательно. Хорошо, что Европѣ до этого нѣтъ дѣла. Но мы сами чтѣ выиграемъ отъ подобнаго празднословія? Неужели мы болѣе чувствуемъ свое достоинство оттого, что унизимъ другихъ? Какое отношеніе имѣетъ гнѣвненіе Европы къ нашему процвѣтанію? Да и кто этому вѣрять? Мужички наши не читаютъ умозрѣній и имъ дѣла нѣтъ до того, какъ далеко подвигается на западѣ процессъ тлѣнія, а люди образованные только смѣются смотря на это комическое возстаніе нѣсколькихъ перьевъ противъ Европы. Намъ рано еще заноситься своими умственными успѣхами; рано принимать на себя роль всемірныхъ учителей. Будемъ больше строги къ самимъ себѣ чѣмъ къ другимъ и высказывайте самниъ

себѣ истины велиценпріятныя, тѣмъ самымъ постараемся приоб-
рѣсти законное право говорить ихъ другимъ.

Статья господина Хомякова заняла насъ слишкомъ долго. Поч-
тенный авторъ имѣлъ на то право по своимъ дарованіямъ и ли-
тературной извѣстности — и высказывая искренное свое мнѣніе
о его трудѣ, мы думаемъ, что этимъ исполнили долгъ уваженія
къ его имени. Перейдемъ къ другимъ статьямъ. Мы съ боль-
шимъ удовольствіемъ прочитали статью господина Линовскаго:
Объ окончательномъ отмпненіи хлѣбныхъ законовъ въ Англіи.
Вопросъ этотъ уже рѣшенъ; но статья, и при утратѣ современ-
ности, не потеряла своего достоинства. Она приводитъ столь
много фактовъ и причинъ, что получаетъ значеніе историческаго
сочиненія и тѣмъ для насъ интереснѣйшаго, что вездѣ показы-
ваетъ самостоятельный образъ мыслей автора. Не можемъ не
отдать ему полной справедливости за основательность сужденій,
ясный взглядъ на вещи, тонъ истинно ученый, безъ школьнаго
высокомѣрія, за осторожность въ выводахъ, и простоту из-
ложенія, чуждую возгласовъ и преувеличеній. Такъ надобно су-
дить и говорить о великихъ вопросахъ, отъ которыхъ зависитъ
участь народовъ. Отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ въ Англіи есть
такое событіе въ современной Исторіи Европы, которое не мо-
жетъ быть чуждо ни одного мыслящаго человѣка — и намъ при-
ятно, что и нашъ соотечественникъ подалъ о немъ голосъ, до-
стойный его всемірнаго значенія. Другія статьи въ Сборникѣ,
серьознаго содержанія, также замѣчательнаго достоинства. Таковы
между прочимъ статьи: «О современномъ направленіи искусствъ
пластическихъ» А. Н. Попова и «О работахъ русскихъ художни-
ковъ въ Римѣ» Ф. В. Чижова. Основная идея, которую разви-
ваетъ господинъ Поповъ въ своемъ сочиненіи, есть та, что пла-
стическія искусства въ наше время не имѣютъ опредѣленнаго со-
держанія, не проникнуты единствомъ великаго и животвор-
наго начала, потому что его недостаетъ самой жизни, представ-
ляющей борьбу разныхъ общественныхъ стихій. Эту мысль под-
тверждаетъ онъ ссылкою на замѣчательнѣйшія школы новѣйшей
живописи, скульптуры и архитектуры, о которыхъ судить какъ
человѣкъ видѣвшій много произведеній искусства собственными
глазами и какъ человѣкъ, понимающій умомъ и сердцемъ то, что
онъ видитъ. Главная мысль автора намъ кажется весьма основа-
тельною. Мы также раздѣляемъ его мнѣніе, что это не означаетъ

унадка искусства, а только переходное его состояніе, точно такъ же, какъ и борьба разныхъ началъ жизни не означаетъ истощенія самой жизни, а напротивъ, доказываетъ ея энергическое, могучее напряженіе, посредствомъ котораго она стремится выйти на новый путь. Отъ подобныхъ бореній нечего приходить въ уныніе, нечего бояться ни за искусство и науку, ни за жизнь, хотя бы и приходилось намъ самимъ тутъ побезнокоиться и потрудиться. Напротивъ, надобно свѣтлымъ окомъ смотрѣть въ грядущее, мужественно сносить настоящее и благоговѣнно вѣрить, что Провидѣніе ведетъ человѣчество во всемъ

.... къ лучшему концу

Стезей неостижимой.

Въ статьѣ господина Попова мы желали бы только одного, чтобы онъ показалъ, въ какой мѣрѣ русское искусство, въ-особенность живопись, раздѣляетъ направленіе и характеръ современнаго искусства въ Европѣ.

Письмо *Θ. В. Чигова* *О работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ* заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія весьма любопытныя для всякаго, кто принимаетъ участіе въ судьбѣ русскаго искусства. Въ Римѣ, подъ сѣнію великихъ памятниковъ и роскошнаго неба расцвѣтають и зрѣють лучшія его надежды. Въ сочиненіи господина Чигова разсѣяно много замѣчаній умныхъ, изобличающихъ знатока дѣла; если не все изъ нихъ равно убѣдительно, то все проникнуто благородною любовью къ искусству, въ-особенности къ отечественному.

Критическая статья о *Тарантасѣ графа Сологуба* заслуживаетъ особенное вниманіе читателей. Это не есть эфемерная журнальная рецензія о книгѣ, обреченная забвенію, какъ-скоро номеръ журнала, гдѣ она помѣщена, прочитанъ и отложенъ въ сторону; это мысль умнаго, просвѣщеннаго человѣка, возбужденная прекраснымъ литературнымъ созданіемъ—мысль, о которой память неразлучна съ памятью о самомъ произведеніи. Много вѣрныхъ мыслей высказалъ авторъ этой статьи, какъ о самомъ *Тарантасѣ*, такъ и о характерѣ и направленіи жизни, изъ круга которой взяты главные дѣйствующія лица пьесы. Въ этой послѣдней части особенно есть замѣчательныя идеи о нашемъ вну-

треннемъ бытѣ, который, повидимому, авторъ изучалъ свободно и безпристрастно, безъ всякихъ лукавыхъ мудрованій. Есть какая-то глубокомысленная простота въ его взглядахъ, выводахъ и самомъ изложеніи. У насъ подобныя статьи проходятъ незамѣченными: журналы и ихъ рецензенты смотрятъ болѣею частью на то, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе или къ нимъ самимъ, или къ ихъ литературнымъ ученіямъ; читатели боятся запаху статей, которыя заставляютъ ихъ думать. А между-тѣмъ онѣ у насъ начинаютъ появляться; перелистывая какой-нибудь сборникъ, не худо на нихъ остановиться, несмотря на скромное или несовременное названіе ихъ—не всё же у насъ пишутъ только про сплетни литературныя, или переводятъ французскія повѣсти — иногда непримѣтно и тихо струится мысль свѣтлая и глубокая между берегами обросшими мохомъ и лѣсомъ—не бойтесь къ ней приблизиться: въ ней бываетъ часто и движеніе жизни и красота. Умныхъ книгъ у насъ мало пишутъ, потому, можетъ-быть, что не пришла пора ихъ писать. Не будемъ же равнодушны хоть къ умнымъ статьямъ, которыя замѣняютъ у насъ книги. Вотъ, на примѣръ, также статья и небольшая *О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси*, С. М. Соловьева. Она заключаетъ въ себѣ повый и притомъ глубокий критическій взглядъ на одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ нашей древней исторіи. Нѣсколько подобныхъ страницъ важнѣе иной толстой книги: это неболѣе какъ лучъ свѣту, но лучъ озаряющій или щель, или путь. Авторъ извѣстенъ уже оригинальностью своей методы въ историческихъ изслѣдованіяхъ; это метода не новая въ Европѣ, нова у насъ. Она состоитъ въ тѣсномъ сочетаніи синтезиса съ строгимъ и осторожнымъ анализомъ. Много объ этомъ говорено, но приложить этотъ способъ къ дѣлу немногимъ удавалось. Господинъ Соловьевъ выполняетъ это какъ художникъ дѣла. Исторія отечественная ожидаетъ отъ него важныхъ услугъ съ такой стороны, съ какой она у насъ еще очень мало обработана, то есть, со стороны объясненій внутренняго смыслу событій. Мы знаемъ еще одного изъ московскихъ ученыхъ, который готовитъ въ этомъ отношеніи не менѣе важныя произведенія—это господинъ Кавелицъ. Намъ извѣстно одно изъ нихъ.... Впрочемъ, этого вѣтъ еще въ печати, слѣдовательно, вѣтъ и права говорить, но отъ избытка сердца уста глаголютъ. Нельзя не радоваться подобнымъ явленіямъ; въ нихъ, наконецъ, расцвѣтаетъ прекрасная заря отечественной науки, основанной на

разумѣ и преданіяхъ, строгой по своей всемірной логикѣ и живой по кровнымъ интересамъ сердца. Мы не рождены ни для схоластики, ни для парадоксовъ, ни для вражды съ образованнымъ міромъ; мы созданы для истины живой и любви примиряющей.

Изъ прозаическихъ статей Сборника еще упомянемъ о рассказѣ В. И. Даля: *Гдѣ потеряешь не чаешь, гдѣ найдешь не знаешь* — рассказъ, отличающійся обычнымъ его юморомъ, знаемъ народности нашей и легкою, естественною рѣчью.

Между стихотвореніями, которыхъ впрочемъ немного въ «Сборникѣ», сіяетъ звѣздою первой величины стихотвореніе господина Языкова «На памятникъ Карамзину». Это блистательный, величавый народный гимнъ, въ которомъ русское сердце звучитъ смѣло, благородно и горячо. Поздравляемъ господина Языкова съ обращеніемъ его прекраснаго таланта къ истинному своему назначенію; онъ пѣвецъ благороднѣйшихъ стремленій своей родины, а не студенческихъ оргій, какъ было встарину, и не молодецкихъ выходокъ противъ современной образованности, какъ это случалось въ недавнее время въ нѣкоторыхъ посланіяхъ къ друзьямъ. Талантъ его очевидно созрѣлъ и окрѣпъ; онъ получилъ способность быть мыслящимъ и глубокимъ; онъ направляется надежно и твердою поступью туда, куда влечетъ его любовь сердца, то есть, въ святилище народнаго сознанія, гдѣ дремлетъ и ожидаетъ возбужденій такъ много прекраснаго и великаго. Только не надобно быть одностороннимъ, не надобно принимать идей какой-нибудь школы за голосъ общихъ потребностей. Характеръ сектаторскій нейдетъ къ поэту, желающему и могущему быть народнымъ. Народность вѣдь гораздо шире и глубже всѣхъ этихъ исключительныхъ ученій, которыя тянутъ ее въ одну сторону, думая, что тамъ ей суждено опереться на сильные плечи ихъ основателей и провозвѣстниковъ. Пьеса, которая подала намъ поводъ къ этимъ соображеніямъ, превосходна не по однимъ идеямъ и духу ея оживляющему. Она высокое художественное произведеніе. Посмотрите, какъ мастерски авторъ умѣлъ сжать въ тѣсныя рамы все историческое поле, пройденное Карамзиннымъ! Какъ искусно умѣлъ онъ остановиться на замѣчательнѣйшихъ и рѣзкихъ отличіяхъ нашей исторіи, не выступая изъ границъ основной идеи и не теряясь въ подробностяхъ! Какъ живы, самобытны воссрашаемые имъ образы, несмотря на

Быстроту полета, въ которомъ они схвачены, и, наконецъ, какой могучій, крѣпкій стихъ! Онъ ударяетъ по сердцу какъ сталь по кремню и извлекаетъ потоки огня, или стрѣлою молніи носится туда, куда мчитъ его сила, родившая въ своихъ нѣдрахъ. Вся пьеса есть стройное органическое цѣлое, движущееся собственною душою и силами, безъ искусственныхъ механическихъ приставокъ или вставокъ. Прекрасно, истинно прекрасно.

А. НИКИТЕНКО.

=

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРЕВНЕЙ. Тридцать три публичныя лекціи Стенана Шевырева, ординарнаго профессора московскаго университета. Москва, 1846.
Томъ I-й. Часть I-я

Москва — отечество Славянъ ; тамъ они пріютились и процвѣтають на радость и утѣшеніе русскихъ читателей. Но ученіе, которое отъ Тредьяковскаго до Шишкова кипѣло гровою и бранями, приняло характеръ кроткій и терпѣливый; вопросъ обветшалый, оспоренный, осмѣянный и убитый еще отцами нашими, — воскресаетъ въ новой силѣ и величественно облакается въ форму *исуки*.

Мудрено повѣрить, что въ наше время возобновляютъ смѣшныя фантазіи Тредьяковскаго и безотчетное славянолюбіе Шишкова, что послѣ яснаго уразумѣнія идеи новой исторіи, послѣ всѣхъ изслѣдованій теоретическихъ и событій передъ нашими глазами, есть еще охотники называть себя преемниками полу-баснословныхъ Славянъ, какъ-будто намъ не довольно имени сыновъ Петра, дѣтей славной эпохи нашего времени, имени Русскаго; мудро повѣрить, что мы съ аристократическими притязаніями ухватились за происхождение отъ Славянъ, родоначальниковъ множества народовъ и народцевъ, съ которыми даже не лестно быть намъ въ родствѣ!... Но увы, все это справедливо; передъ нами книга челоуѣка ученаго и добросовѣстнаго, въ которой подновлены всѣ старыя мечты славянофиловъ. Передъ нами *Исторія*

Русской Словесности, профессора Шевырева, который испестрил старинное учение безчисленными цитатами и учеными доказательствами, а вмѣсто вывѣски надъ входомъ въ это ветхое зданіе выставилъ гордое слово: **Н а у к а!** Времена измѣнились; прежніе поборники славянства, Тредьяковскій и ему подобные ограничивались восторгами и истинно славянскими доказательствами *ad homines*; они оспаривали противниковъ словами: «*Хощеши-ли дамъ ти подзатыльника?*» какъ сказалъ кто-то печатно остроумному Дашкову, который отвѣчалъ ему: «*И абіе воздамъ ти сторицею.*» что явствуетъ изъ книги: «*О легчайшемъ способѣ возражать на критики.*» Въ наше время не годятся ни такія доказательства, ни такія возраженія. Вѣкъ идетъ, человечество на похоть, и даже гибвные порывы облакаются въ вѣжливыя выраженія. Наши славянофилы проникнуты современностью; они отбросили старыя литературныя манеры, и являются со всевозможнымъ смиреніемъ, хотя въ ученomъ нарядѣ и съ глубокомысленною осанкою **Н а у к и!**

И авторъ «Исторіи Русской Литературы», съ первыхъ словъ говорить, что онъ «приноситъ жертву **н а у к ѣ**», что онъ могъ бы выбрать для лекцій своихъ «блистательную словесность Запада», но предпочелъ ей «скромную словесность нашего отечества, зная, что на храмъ языческой мудрости написано было: «познай самого себя». Затѣмъ, безпрестанно повторяя о **н а у к ѣ**, онъ обѣщаетъ «внести народное самопознаніе въ **н а у к у**», опредѣляетъ народность, и говоритъ, что въ исторіи русскаго слова будетъ разсматривать «какъ раждались и развивались постепенно душа и духъ русскаго народа». Но, какъ Наполеонъ, приступая къ нашествію на Россію, трепеталъ передъ своимъ предпріятіемъ, такъ и авторъ этой книги самъ пугается обширности задачи, какую онъ себя предназначилъ. Онъ оправдывается въ смѣлости своей довольно неудачно, выставляя въ примѣръ нѣсколькихъ профессоровъ Запада, который самъ называлъ нѣсколько лѣтъ назадъ растлѣннымъ, гнилымъ, отжившимъ свой вѣкъ, и между прочимъ ссылается на Мицкевича и Киня, которымъ и въ нечестивомъ Парижѣ запретили наконецъ читать лекціи, потому что они говорили чепуху и выходили изъ границъ своихъ предметовъ.

Авторъ принимаетъ настоящій періодъ нашей исторіи за невидимую точку въ неизмѣримой жизни Славянъ; онъ весь живетъ въ Славянахъ, и насъ, современниковъ, почитаетъ

отрывкомъ Славянъ, которыхъ исторія только продолжается въ насъ. Онъ приходитъ наконецъ къ неожиданному вопросу: «Россія не собирается ли съ внутренними духовными силами, чтобы наконецъ вымолвить и свое слово въ общемъ дѣлѣ человѣческаго образованія?» Тутъ кстати можно спросить, когда же наконецъ кончатся сборы, которыхъ онъ ожидаетъ? Тысячу лѣтъ ведетъ онъ Славянъ и всё-еще они *собираются* вымолвить «свое слово» и ожидаютъ «какой-нибудь доли!» Следуя за изложеніемъ автора, читатели увидятъ, что причиною этихъ ложныхъ выводовъ.

Авторъ, въ подражаніе Гервинусу, Мицкевичу и Кине, отъискиваетъ въ исторіи литературы духъ народный, и пускается за нимъ не ближе какъ къ періоду введенія Христіанства въ Россію: тамъ, по его мнѣнію, начало нашей народности.

Далѣе слѣдуетъ совершенно произвольное дѣленіе исторіи древней словесности нашего отечества, въ которой авторъ ищетъ выраженія жизни народа: сначала онъ дѣлитъ эту исторію на два періода, «въ промежуткѣ которыхъ живою, огромною гранью стоитъ Петръ Великій», а эти два періода подраздѣляетъ еще на три отдѣленія: *Южное*, отъ девятаго до двѣнадцатаго столѣтія, *Сѣверное* до шестнадцатаго столѣтія, и *сѣверно-южное* (сѣверно-южное! *Les extrêmes se touchent!*), шестнадцатаго и семнадцатаго-столѣтія; объ осьмнадцатомъ и девятнадцатомъ еще нѣтъ и помина.

Доказательство, что такое дѣленіе произвольно и не основано ни на чемъ — собственное сознаніе автора, который вслѣдъ за раздѣленіемъ своимъ говоритъ: «девятое и десятое столѣтія явятся, по недостатку памятниковъ, почти безплодны въ исторіи словесности». Если нѣтъ памятниковъ, если оба столѣтія безплодны, то зачѣмъ же включать ихъ въ исторію? «Но мы *предпошлемъ* нѣсколько чтеній объ *устномъ* языкѣ, объ языкѣ письменномъ, и древнихъ русскихъ пѣсняхъ.» Но какъ же *предпосылать* чтенія о такомъ предметѣ, котораго не знаетъ никто? Гдѣ подслушалъ ученый профессоръ *устный*, то есть, *разговорный, изустный*, языкъ Славянъ девятаго и десятаго столѣтія? Памятниковъ его нѣтъ; тысяча лѣтъ и миліоны событій отдѣляютъ насъ отъ него — что же и разсуждать гадательно, мечтать, рубить воздухъ? Письменный языкъ русскій начался гораздо позже, а пѣсни русскія — но, здѣсь авторъ неосторожно испровергъ и планъ своего курса и точность историческую, такъ, что шаткость всего зданія его видна съ перваго взгляду! «Пѣсня Русская»,

говорить онъ, «будетъ сопровождать *всю* древній періодъ, отключаясь на *всю* важнѣйшія его событія.... Она *проносится* во всю глубину нашей исторической эпохи, вмѣщая въ себя *словъ* различныхъ эпохъ. Она *прозвучитъ* передъ нами *въ началъ* и въ концѣ древняго періода, передъ эпохою Петра, *отлашаясь* и теперь въ *отторженной* части народа, какъ *звукъ*, уже почти минувшій». Остановимся, напомнимъ автору, что у насъ не сохранилось *ни одной* древней пѣсни, и, следовательно, въ исторіи его не будетъ она сопровождать не только *всего* древняго періода, но и малѣйшей частички его. *Едва-ли* есть у насъ пѣсни старѣе трехъ-сотъ лѣтъ, да и тѣ давно уже не *отлашаются* въ *отторженной* части народа, какъ величаетъ Исторія Словесности, нашихъ простолюдиновъ, которые поютъ *Красный сарафанъ*, *Тройку удалую*, и едва вспоминаютъ даже пѣсни Екатерининскихъ временъ. Какъ ни хочется автору, чтобы нашъ простой народъ и теперь жилъ во временахъ Владиміра-Великаго, народъ идетъ своимъ чередомъ, и у него есть своя современность въ пѣняхъ, какъ во всемъ другомъ. Заблужденіе ученаго профессора происходитъ оттого, что встрѣчая въ нѣкоторыхъ стихотворныхъ, не пѣняхъ, а разсказахъ, сочиненныхъ въ позднѣйшее время грамотными людьми, встрѣчая тамъ имена Владиміра, Ильи Муромца, онъ полагаетъ, что это пѣсни, современныя Владиміру и Ильи!... Вотъ на какихъ подморкахъ состроено его зданіе!... Если разсказы съ историческими именами и были сочинены въ новыя времена исторіи нашей, то вѣроятно никогда не были они народными пѣснями, а оставались принадлежностью грамотевъ, бурсаковъ и писарей, которые были и сочинителями ихъ. Такія явленія повторяются во *всѣ* грамотные вѣка. Такъ грамоты наши излагали въ стихахъ историческія столкновенія наши съ Поляками, съ Турками, и даже во время нашествія Наполеона на Россію была сочинена ругательная баллада на великаго завоевателя, гдѣ довольно вѣрно разсказана его исторія и политическія его отношенія; но въ народъ эта мнимая пѣсня почти не переходила и теперь она совершенно забыта. Скажетъ ли будущій историкъ, найдя ее въ пыли архивовъ, черезъ нѣсколько столѣтій, что она *отлашается* и въ его время? Если скажетъ, то вѣрно ошибется. Это не пѣсня, а народное преданіе, пересказанное грамотьями своего времени, не выходящее изъ ихъ круга, и тотчасъ дѣлающееся принадлежностью *пыльных* архивовъ. Тѣмъ вѣрнѣе прилагается все это къ

вѣснямъ, гдѣ историческіи имена взяты изъ старой исторіи! Какая же тутъ пища для исторіи литературы? Но, смѣшивая всѣ эпохи, авторъ хочетъ продовольствовать такими вѣснями все свое ученіе.

Основная ошибка автора въ главномъ распредѣленіи своего курса та, что онъ почитаетъ принадлежностью литературы духовныя писанія отцовъ нашей Церкви, и немногія духовныя сочиненія и отрывки старинныхъ писаній, дошедшія до насъ. Съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ трудамъ нашихъ святителей, зная всю цѣну блага, какое пролили они на русскую землю своими писаніями, и еще болѣе священною ревностью къ паствѣ своей, не измѣнившееся ни отъ какихъ событій, я не могу смѣшивать изъ того же благоговѣйнаго уваженія къ подвигамъ ихъ, трудовъ нашихъ святителей съ литературою собственно, и тѣмъ болѣе въ древней Россіи, гдѣ народъ ни сколько не участвовалъ въ дѣлахъ церковныхъ, да и не могъ участвовать, по безграмотству и невѣжеству своему. Церковная литература была исключительною принадлежностью духовныхъ лицъ; народъ только внималъ изустному проповѣданію слова Божія. Такъ открылось для всей русской земли одно изъ великихъ благодѣяній христіанской религіи — путь къ усовершенствованію нравственному и гражданскому и ко всѣмъ христіанскимъ подвигамъ. Но можно ли называть этотъ святой трудъ словесностью? Можно ли видѣть въ немъ, въ тѣ отдаленныя времена, выраженіе народнаго духа, который, напротивъ, подчинялся всѣмъ земнымъ отношеніямъ, и отъ того вся исторія древней Руси представляетъ безпрерывныя смуты, крамолы, примѣры жестокосердія, соперничества, ненависти, такъ что нашествіе Татаръ не встрѣтило у насъ отпора, какого можно было ожидать отъ могущественнаго народа, и какой оказалъ онъ потомъ, одушевленный святыми Алексѣемъ митрополитомъ и игуменомъ Сергіемъ, предводимый Дмитріемъ Донскимъ и доблестными его преемниками. Въ этихъ событіяхъ лучшее опроверженіе мысли автора, будто нашъ народъ, «въ древней жизни своей сосредоточилъ всѣ силы своего духа въ одномъ *пониманіи* вѣры, и все вниманіе, всѣ стремленія силъ его сосредоточивались въ вѣрѣ и Церкви». Къ несчастію, именно этого не было, и, какъ мы видимъ, событія опровергаютъ такую характеристику, хотя мы искренно и душевно желали бы подтвердить ее. Напротивъ, народъ нашъ еще худо понималъ святое ученіе Церкви, коснулся въ невѣжество, и

начиная отъ удальныхъ князей до послѣдняго раба, предавался пылкимъ страстямъ. Въ томъ-то и заключалась слабость нашего государственнаго быта! Напротивъ, когда въра, со своими непреложными истинами, проникла государственное тѣло, когда державные московскіе князья стали подчинять страсти свои отчету передъ святыми пастырями Церкви, какихъ цѣлый рядъ слѣдовалъ непрерывно въ московскомъ царствѣ, тогда не страшны стали намъ ни татарскія орды, ни арміи Поляковъ и Литвы, ни буйство нѣкоторыхъ беззаконныхъ князей и полудикихъ обитателей сосѣднихъ земель. Все преобразилось, и здѣсь первая, твердая грань отдѣлила насъ отъ древней Руси, которой исторія ознаменована только бѣдствіями и униженіемъ народа. Съ утвержденія единодержавія въ Москвѣ началась истинная исторія русскаго народа, а до-тѣхъ-поръ было только броженіе равнодушныхъ стихій, и отъ того-то исторія наша, какъ выразился Карамзинъ, представляла «только безмысленныя драки князей!» Главная ошибка автора, отъ которой пошла криво и вся его книга, заключается въ томъ, что онъ видитъ всю исторію, весь народъ нашъ, и даже словесность, въ писаніяхъ святыхъ отцовъ нашей Церкви, которые дѣйствительно сіяли солнцемъ надъ бѣдною землею русскою, но не скоро могли прогнать туманъ и смрадъ, лежавшіе надъ нею. Смѣшивать солнце съ пребывающимъ подъ лучами его тѣломъ—ошибка непостижимая и непростительная!

И за то, въ какія противорѣчія, въ какія странныя увлеченія вводитъ этотъ ложный взглядъ. Кто думалъ бы, послѣ характеристики русскаго народа и первоначальныхъ древнихъ писателей, гдѣ все сосредоточено въ вѣрѣ и Церкви, кто думалъ бы видѣть въ словѣ Даниила Заточника — *гоголевскій юморъ!*... Вы не вѣрите? вотъ подлинныя слова автора: «Слово Даниила Заточника обнажитъ замѣчательное отношеніе самой литературы къ власти правительственной и черту южно-русскаго характера, юморъ, который кроется еще въ столь далекой древности и теперь только воздвѣляется художественно нашими поэтами», то есть, творцомъ Шинели, какъ въ послѣднее время называютъ господина Гоголя пансгиристы его. Даниилъ Заточникъ и творецъ «Шинели»!... Тутъ не нужно словъ и опроверженій: дѣло говоритъ само за себя!.. Но вотъ къ какимъ несообразностямъ влечетъ несправедливая мысль, служащая основаніемъ выводовъ автора.

Подбирая немвогіе колосья на югъ Россіи, и называя весь

древній періодъ жизни ея южными, види тамъ даже гоголевскій юморъ, ученый профессоръ забываетъ богатую жизнью область новгородскую, гдѣ гражданскій бытъ и дѣятельность народа были гораздо обширнѣе, нежели на югѣ. Тамъ не было словесности! Да какая же словесность была на югѣ? Мы уже доказали, что нельзя, не должно ставить въ разрядъ словесности переводы священныхъ книгъ и духовныя писанія святыхъ отцовъ церкви: это отдѣльная сила, имѣвшая свое, возвышенное значеніе; но до образованія московскаго царства не оказавшая всего дѣйствія своего на народъ, разбросанный на огромномъ пространствѣ, истерзанннй въ клочки нашествіемъ Татаръ. Словесность бываетъ выраженіемъ народнаго духа; всего народа, какъ упомянулъ и авторъ вначалѣ своего курса; но русскій народъ, конечно не заключался въ нѣсколькихъ духовныхъ лицахъ, оставившихъ намъ свои писанія; онъ дѣйствовалъ по-своему и выражалъ себя въ тѣхъ страстяхъ, которыя задержали на нѣсколько столѣтій основаніе нашего царства. Онъ во многомъ противорѣчилъ духу кротости, смиренія, повинновенія властямъ, взаимной любви, веѣмъ добродѣтелямъ, дающимъ силу и долготѣе царствамъ. Какими доводами опровергнуть авторъ эти свидѣтельства исторіи? Сочиненіями духовныхъ лицъ? Но они болѣею частію внесены къ намъ изъ чужихъ странъ, и мало дѣйствовали на народъ, который, какъ всѣ полуварвары, былъ въ то время не рѣдко сначала даже непріязненъ къ духовенству, и выказывалъ это чувство множествомъ предрасудковъ, грубыхъ повѣрьевъ. Слѣдовательно, не въ церковныхъ книгахъ, не въ духовныхъ книгахъ, не въ духовныхъ сочиненіяхъ должно искать выраженія народнаго духа: иначе, Библія, какъ главная и общая всякому христіанину книга, бывшая первою книгою и для русскаго народа, почиталась бы лучшимъ его выраженіемъ. Неужели авторъ упустилъ изъ виду, что всѣ вообще духовныя и поучительныя книги бываютъ не выраженіемъ народнаго духа, а идеаломъ, къ какому онъ долженъ стремиться? Духъ народа выражается только въ словесности, а словесность можетъ быть только у народа образованнаго, прошедшаго всѣ періоды жизни государственной; слѣдовательно, прежде нежели образовался народъ, составилось государство, и прошли своею чередою возрасты государственныхныя — не могло быть словесности, и не было ея у русскаго народа. До-сихъ-поръ, кромѣ *Слова о полку Игоревѣ*

вожъ, сомнительномъ даже потому, что оно одио уцѣлѣло отъ всей нашей словесности древняго времени - нѣтъ никакого признаку, чтобы предки наши, или люди, жившіе на русской землѣ, имѣли потребность выражать письменно свои мысли и чувствованія. Не показываетъ ли это первобытной грубости нравовъ и крайняго невѣжества? Но такъ и должно быть, судя по исторіи нашей до образованія московскаго царства, гдѣ въ первый разъ видимъ признаки самосознанія, образованности, силы. Какъ же можно предполагать, что древній русскій народъ былъ таковъ, какъ ковы были духовные пастыри его тѣ великіе, бессмертные люди, которыхъ возвышенныя и прекрасныя сочиненія исчисляются авторомъ? Это были путеводители народа, идеальные образцы, до которыхъ не достигъ онъ и во времена царей, потому что если бы правы его были до возможной тогда степеніи смягчены религіею и просвѣщеніемъ, то не нужно было бы Петру, преобразователю Россіи, бороться съ изувѣрствомъ стрѣльцовъ, невѣжествомъ и бездушіемъ даже высшихъ сановниковъ своихъ, и начать именно съ нихъ преобразование, потому что они, въ свою очередь, должны были дѣйствовать на народъ, остававшійся почти въ первобытномъ своемъ варварствѣ.

Ясно ли, что основная мысль всего курса: «Видѣть въ словѣ русскомъ всего русскаго человѣка», совершенно ошибочно примѣнена къ древнему періоду нашей исторіи, потому что отъ этого періода нѣтъ у насъ никакихъ памятниковъ словесности, а тѣ, на которые указываетъ господинъ сочинитель курса, имѣютъ совсемъ другое значеніе, вовсе не такое, какого онъ ищетъ? Правда, онъ упоминаетъ еще о пѣсняхъ, но не приводитъ въ примѣръ ни одной, по естественной причинѣ: нѣтъ пѣсенъ. Остаются: языкъ и письменные памятники, хотя и не принадлежашіе къ словесности, которая одна можетъ выражать *всего человѣка*.

Оставляя на-время разсужденія автора объ *устности* и письменномъ языкѣ, замѣтимъ нѣсколько напыщенныхъ обѣщанія и выраженія, которыми наполнена первая лекція: послѣ некогда будетъ заняться ими, между-тѣмъ какъ онъ показываютъ цель и направленіе всей книги. Вотъ примѣръ: «Человѣкъ *европейскій* ищетъ бытія *цѣльнаго* и *полнаго*. Ничто разрозненное не можетъ удовлетворить его. Отъ *дробнаго* анализа онъ хотѣлъ бы уже перейти къ *заключительной синтезу*, и въ каждомъ явленіи жизни созвовать *полноту бытія*»

своего. Такому взгляду на словесность въ практическомъ отношеніи соответствуетъ и даже помогаетъ взглядъ на нее въ наукѣ. Исключительно эстетическія воззрѣнія мпновали...» Кажется въ этихъ словахъ заключается смыслъ такого рода: Наука состоитъ въ томъ, чтобы говоря о частномъ, говорить обо всемъ; начавши о наукѣ, говорить о всей природѣ; начавъ о словесности, завести рѣчь о народѣ, о религіи, о душѣ, о назначеніи человѣка, обо всѣхъ вопросахъ нравственныхъ и религіозныхъ! И послѣ этого онъ съ непостыжимою увѣренностью говоритъ, что *эстетическія воззрѣнія мпновались!* Давно ли? Въслѣдствіе какіхъ новыхъ умствованій? На какой наукѣ основываются сужденія о словесности, если уже эстетика въ отставкѣ? Не на медиципѣ ли? Не на зоологіи ли или технологіи? Одинъ Англичанинъ хотѣлъ же объяснить всѣ явленія современной словесности размноженіемъ машинъ въ Европѣ!

«Такой взглядъ на словесность видимый и въ ея явленіяхъ, и въ самой наукѣ, выражаетъ мысль глубокую — задачу современнаго человѣчества — представить *цѣльность* бытія человеческого, *покамытъ словомъ*, прежде чѣмъ выразится *оно дѣломъ*». Хотя авторъ и употребляетъ слово *цѣльность*, которое означаетъ вѣрность достиженія къ цѣли: на примѣрѣ *цѣльность выстрѣла*, однако видно, что онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ, *цѣлость, общность*. Но какую же цѣлость человеческого бытія собирается выразить *человѣчество*. Въ одномъ народѣ выразить всѣ народы?... это невозможно. Цѣлость назначенія человѣчества! Но къ этому искони стремились всѣ просвѣщенные народы, хотя и выражали одну какую-нибудь сторону человѣчества, и то не совершенно. Что же иное представляетъ намъ вся исторія, и гдѣ тутъ *глубокая мысль* и *задача современная*, когда это было, есть и будетъ задачею всего чело- вѣчества? Но видите ли: оно хочетъ выразить эту цѣлость *покамытъ словомъ*, прежде чѣмъ выразить ее *дѣломъ!*... Перечитавши эту фразу нѣсколько разъ, я заглянулъ въ означеніе опечатокъ: не опечатка ли это? Нѣтъ, авторъ точно думаетъ, что можно выразить словомъ чего еще нѣтъ въ дѣйствительности, то есть, что можно имѣть идеальную словесность, хотя бы въ обществѣ не было и слѣдовъ этого идеала!... Такая мысль точно оригинальна и едва-ли кто имѣлъ смѣлость высказать ее прежде московскаго курса, гдѣ, какъ видно, рѣшились осуществить эту мысль, говоря то, что

нть и не можетъ быть! Выражать, хотя бы и *покальствъ* выражать словомъ, можетъ только словесность, но что же будетъ она выражать? То, что еще не выразилось дѣломъ, то есть, чего нтъ!.... Вотъ будетъ любопытная словесность!.... Вотъ будетъ *задача человечества!* Дальше авторъ увѣряетъ, что періодъ словесности, исключительно художественной, кончился. Если въ нынѣшнемъ году нтъ поэтовъ, то они были еще нѣсколько лѣтъ назадъ, и будутъ опять, потому что поэзія не исчезнетъ въ человечествѣ, составляя одну изъ необходимыхъ частей его развитія. «Германія, родина всего отвлеченнаго, создала-было поэзію, отрѣшенную отъ жизни, и вслѣдъ за ней такую же науку». Ни того ни другаго никогда не было. Поэзія германская всегда выражала свой народный духъ, современное направленіе умовъ и даже политическое состояніе. Такой словесности, которая не выражаетъ ничего, или что всё-равно, выражаетъ то, чего нтъ на свѣтъ, не существовало и существовать не будетъ.

Авторъ увѣряетъ, что «Древняя русская словесность до-сихъ-поръ принадлежитъ нашему народу или, точнѣе, той его части, которой мы предоставили право, честь и славу именоваться по преимуществу народомъ русскимъ.... Эта литература воспитала его цѣлыми вѣками, перешла въ его преданія, въ духъ его жизни; отнимаемая у него вліяніемъ чуждымъ, не покинула его до-сихъ-поръ, и составляетъ любимый предметъ занятій грамотной его части, тему бесѣды его, источникъ преній. Она-то всего вѣрнѣе разоблачитъ намъ сущность нашего народа, раскроетъ его душу». Тутъ двѣ ошибки: первая, что народъ нашъ, даже въ самой малѣйшей, то есть, грамотной части его, не такъ сжился съ какими бы то ни было книгами, чтобъ онѣ составляли *любимый предметъ его занятій, тему его бесѣды, источникъ преній* (!); это знаетъ всякой, кто знаетъ простой народъ нашъ; скажу больше: нигдѣ нельзя судить о простомъ народѣ, и нельзя узнать его изъ книгъ, даже читаемыхъ имъ, потому что произвелъ ихъ не онъ, а чуждые ему писатели. Если было бы иначе, то о малороссійскомъ народѣ можно было бы судить по *Виргиліевой Энеидѣ*, *перелицованной Котляревскимъ*, а о русскихъ мужикахъ по сказкамъ о *Борѣ Королевичѣ*, о *Петрѣ Златыхъ Ключахъ*, и многимъ другимъ, тогда какъ онѣ даже не русскаго происхожденія! А между-тѣмъ народъ читаетъ ихъ, любитъ, и малороссійскіе *чужды*

твердят наизусть стихи изъ своей Эпены. Но показываетъ ли это пустословіе, эта игрушка лѣнивыхъ умовъ, духъ и бытъ народа? Нѣтъ, потому что народъ читаетъ болѣею частию какъ слуга Чичикова, то есть, также какъ въ нынѣшнее время скрипнѣть онъ этою гадкою гармоникою, которая вытѣснила старую балалайку, и терзаетъ слухъ во всѣхъ пріютахъ простаго народа. Неужели по гармоникѣ станемъ мы судить о музыкальности нашего народа, а по глупымъ книжонкамъ, которыя замѣнили Бову Королевича и развозятся по Россіи безграмотными мужиками съ московскихъ книжныхъ фабрикъ, станемъ дѣлать заключенія о духъ и нравственности народа? А о какихъ же книгахъ думаетъ авторъ, если не объ этихъ? Другія книги не распространяются въ грамотной части нашего народа. Не книги ли древней литературы нашей, какъ говорить авторъ? Но здѣсь вторая и главная его ошибка, потому что церковныя и духовныя книги не могутъ выражать народа, будучи выраженіемъ высшихъ людей, вдохновенныхъ Богомъ или, по-крайней-мѣрѣ, достигнувшихъ высокой нравственности и просвѣщенія исключительными трудами и пожертвованіемъ всѣхъ мірскихъ отношеній небесной идеѣ. Если бы такія книги выражали особенности народъ нашъ, хотя онъ равно доступенъ всѣмъ христіанамъ, то это былъ бы народъ ангеловъ, и на русской землѣ водворился бы рай, обѣщаемый челоуѣку только за гробомъ! Къ-несчастью, этого нѣтъ, и народъ нашъ слишкомъ мало знакомъ съ духовной нашей литературой. Благочестіе свое пріобрѣтаетъ онъ, слушая божественную службу и поученія священнослужителей, потому что самъ читать не умѣетъ, а если и есть рѣдкіе примѣры *книжочивовъ* или *панемниковъ*, то ихъ скорѣе надобно искать между старообрядцами и раскольниками, которыхъ невѣжественный образъ жаслей слишкомъ извѣстенъ. Между ними, правда, могутъ быть *пренія* и *бесѣды*, но, конечно, не тамъ авторъ будетъ искать подтвержденія словамъ своимъ. Кого же еще разуметь онъ подъ именемъ народа, будто-бы *отторженнаго* отъ насъ? Гдѣ эти грамоты между простымъ народомъ? Повторяю сожалѣніе, что народъ нашъ мало читаетъ духовныя книги, но повторяю и то, что онъ мало читаетъ ихъ. Какія же еще древнія сочиненія разуметь авторъ? Несторову льтописъ? Изданія археологической комиссіи, или покойнаго Калайдовича, достопамятнаго *непловиднымъ* цвѣтомъ лица, какъ характеризуетъ его ученый профессоръ? Нечего и оста-

завлечь на такихъ предположеніяхъ! Что же остается отъ увѣреній автора, на которыя мы возражаемъ?.....

Таковы основанія всего курса, изложенныя въ первой лекціи. Я коснулся только главной мысли, около которой обьщались «постоянно сосредоточиваться» авторъ, и уже разрушается все зданіе его, какъ мечта или недоразумѣніе. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ побочныхъ выводахъ, я обращаюсь къ главному выводу, для котораго составленъ и цѣлый курсъ.

Вторая лекція открываетъ сужденіе о языкѣ, не русскомъ а славянскомъ, и начинается «всемирнымъ отношеніемъ его къ тѣмъ языкамъ, съ которыми онъ составляетъ одно великое цѣлое». Нѣтъ спору, что всякій языкъ происходитъ отъ какого-нибудь другаго, но добраться до первобытнаго языка нѣтъ никакой возможности, и въ филологіи давно принято правиломъ, при изслѣдованіи сходства языковъ основываться не на созвучіяхъ, которыя вводили многихъ изслѣдователей въ смѣшныя ошибки, а на грамматическомъ устройствѣ языковъ. Почти не обращая вниманія на грамматику языковъ, авторъ утверждаетъ только на созвучіяхъ и на чемъ бы вы думали еще? На обычаяхъ и повѣрчяхъ, сходныхъ, по его мнѣнію, у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ съ нашими! Если принять такія основанія, то можно доказать родство наше съ какимъ угодно народомъ, потому что во всѣхъ языкахъ встрѣчаются созвучныя слова и у всѣхъ народовъ есть сходные обычаи, особенно если употребить для этого нѣкоторыя уловки, правда, нѣсколько насильственные. Точно такъ и поступилъ авторъ московскаго курса. Надобно ли доказать сходство наше съ древними Индійцами? Онъ говоритъ, что оно видно «въ общинномъ сельскомъ устройствѣ», тогда какъ у насъ не было и нѣтъ общинъ (*communes*), «въ характерѣ народа, въ семейномъ началѣ, въ нѣкоторыхъ обычаяхъ и суевѣрїяхъ». Такія доказательства убѣдительны, потому что подъ нихъ можно все подвести; но хорошо было бы, если бы авторъ и оставался при общихъ намекахъ, и не вдавался неосторожно въ подробности. Нѣтъ! Онъ прочиталъ въ одной изъ книжекъ *Revue Britannique* извлеченіе изъ какого-то англійскаго журнала, гдѣ говорилось, что какой-то Слимманъ рассказываетъ о смиреніи и покорности Индійцевъ *среди* тяжкихъ бѣдствій, какъ, напримѣръ, голода. Черта совершенно славянская — и авторъ указываетъ на свою глупо-ученую находку въ *Revue Britannique*. Индійцы сми-

ренны и покорны когда голодны — точно какъ Славяне; но должно замѣтить, прибавляетъ ученый профессоръ, «что у нихъ въ подобныхъ случаяхъ перьдко случается самоубійство, отъ котораго нашъ народъ огражденъ христіанскою вѣрою». Сколько же осталось сходства? Я его, право, не вижу, и даже не понимаю, какіе это Индійцы сходны съ нами, Русскими, потому что, какъ видно, рѣчь идетъ о современникахъ нашихъ, а не о Славянахъ и не объ Индійцахъ браминскихъ книгъ? Нынѣшніе индійскіе народы такъ же разнообразны, какъ европейскіе; на который же изъ нихъ мы такъ похожи? Не на всѣхъ ли? И если мы теперь такъ сходны съ ними, то какимъ образомъ случилось это послѣ тысячи переворотовъ, испытанныхъ и ими и нами съ того времени, когда мы, можетъ-быть вскорѣ послѣ потопа, составляли одно племя? Не о Китайцахъ ли думалъ авторъ? Но, вдругъ, отъ насъ, отъ Русскихъ девятнадцатаго столѣтія, онъ переносится къ Славянамъ одиннадцатаго вѣка, и говоритъ: «Наказаніе колдуней, обвиняемыхъ народомъ въ вы-
«сасываніи крови изъ людей сходны съ *грубыми, суевѣрными*
«обычаями нашихъ предковъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ». Вотъ опять сходство нашихъ праотцовъ одиннадцатаго вѣка съ Индійцами современными, потому что авторъ и тутъ ссылается на Слимана; а у насъ находитъ онъ слѣды подобнаго суевѣрія въ тринадцатомъ вѣкѣ, когда, по его же словамъ, предки наши сосредоточивали всѣ свои помышленія въ вѣрѣ и Церкви, «и потому-то, можетъ-быть, прибавляетъ онъ: добровольное самоожженіе вѣрной жены на кострь «мужа, и теперь встречающееся въ Индіи, напоминаетъ по-
«добный обычай нашихъ языческихъ женъ». Выходитъ, что и предки наши и мы, удивительно какъ сходны съ Индійцами всѣхъ вѣновъ, отъ незанятыхъ временъ до нашихъ!

Доказательства сродства языковъ санскритскаго и нашего, въ этомъ же родѣ. Валья—велій, Моси—мѣсяць, Тапа—тепло.... Но вотъ особенно любопытенъ выводъ ученаго профессора. «Признакъ нашего языка, свидѣтельствующій въ пользу его древности передъ другими его соплеменными братьями, есть его полногласіе или любовь къ гласнымъ звукамъ, наиримѣръ *голосъ* вмѣсто *гласъ*, *городъ* вмѣсто *градъ*. Тотъ же признакъ находимъ мы и въ языкѣ санскритскомъ, наиримѣръ: *парага*—порохъ, *патаха* птаха, *та-а васъ*—твой, *савасъ*—свой и прочая.» Но *голосъ*, *городъ*, *порохъ*, слова новѣйшаго русскаго языка, и если они прибавили къ

себя одну лишнюю гласную, то другія слова точно такъ же убавляли одну гласную, напримѣръ *ворогъ* — *врагъ*, *дѣля* — *дѣя*, *Володимиръ* — *Владимиръ*; вообще нашъ языкъ столько же терпитъ согласныя, какъ гласныя, и это одно изъ неоспоримыхъ преимуществъ его. Встарину, именно согласныя преимуществовали въ нашемъ языкѣ; изъ чего же заключаетъ авторъ о древности его, если въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ вставлены многія гласныя? По какой логикѣ можно заключить о древности предмета, когда его вовсе не было? Особенно неудаченъ примѣръ его съ санскритскими словами: предки наши говорили не *порохъ*, а *прахъ*, *птаха* и *птица* ровно одною гласною меньше *патахи*, такъ же какъ *твой* и *свой*.

На такихъ доказательствахъ и примѣрахъ утверждается для насъ сходство русскаго языка съ санскритскимъ, и промѣ того еще сходство насъ самихъ и нашего языка съ Персами, Греками, Римлянами и съ кѣмъ и съ чѣмъ вамъ угодно! Я уже говорилъ, что по этому способу можно доказатъ родство и сходство наше со всеми языками и народами въ ширь. Покойный И. В. Поповъ производилъ, право не хуже, почти всѣ русскія слова отъ татарскаго языка, а Шишиковъ доказывалъ, что всѣ языки произошли отъ славянскаго. Доказательства ихъ были совершенно такого же роду, какъ предлагаемыя теперь наукою. Не потому ли это наука, что часто приводятъ ссылки на Слимана изъ *Revue Britannique*, на Исторію государства російскаго, даже на Исторію древней русскои словесности Максимовича, и на диссертации и замѣчанія юношей, ищущихъ ученыхъ степеней?

«Наука въ новое время, говоритъ авторъ, открываетъ многіе слѣды нашего первоначальнаго общенія съ племенами «Греческими (стр. 59)». Послѣ такого великолѣпнаго приступа, вы ожидаете доказательства дѣйствительно ученыхъ, повѣренныхъ строгою критикою—не меньше можно требовать отъ новѣйшей науки. Въмѣсто-того, авторъ указываетъ на Данковскаго, фанатика въ родѣ покойнаго Венелина, и на другихъ мечтателей этого роду. Довольно, что выводы Данковскаго самъ авторъ называетъ *узлеге илми*, а для образчика *увеленей* другаго мечтателя, Мицкевича, достаточно указать на то, что имя *Фракии* онъ производитъ отъ русскаго слова *драки*, а на Эвгубинскихъ таблицахъ, въ древнѣйшей латинской надписи, нашелъ русское слово *баранъ*, вошедшее въ нашъ языкъ въ новѣйшее время!... Въ Лидянахъ онъ видѣлъ — *людей*; въ

Мизантропъ—худой, въ Карійцахъ—каричь людей, во Фригійцахъ Брегіякъ, береговыхъ жителей!.. Это чуть ли даже не выше Тредьяковскаго, который слово Италия производилъ отъ русскаго Удаля!... Наука рассказываетъ намъ еще другія удивительныя вещи: «*Пластическая красота гречески русскаго мужика и его рубашки, замѣченная даже иностранцами, указываетъ на вѣрность первоисточника тутья къ изящному, въ которомъ предки наши могли родиться съ художниками Греками. Греческое искусство, позднѣйшее, признало это, оставивъ намъ типическіе образы словенскаго лица, волосъ и одежды въ произведеніяхъ рѣзда своего. Въ примѣчаніи ссылаются опять на Мицкевича, который вообразилъ, что извѣстная статуя: Умирающій Гладіаторъ, представляетъ типъ славянскій! Тутъ авторъ прибавляетъ отъ себя, что лицо Гладіатора носить на себѣ явные признаки славянскаго, русскаго образа. Головъ Дака въ Ватиканѣ онъ невольно кланялся, какъ головъ своего земляка, и нашелъ множество другихъ подобныхъ земляковъ на Трояновой колоннѣ. Для него, даже «лицо Сократа страннымъ образомъ носить на себѣ также, типъ словенскій!»*» Такіе выводы не опровергаются. Сократъ попалъ въ Славяне! На древнихъ греческихъ статуяхъ славянскія лица, которыхъ первообраза не знаетъ никто! Гдѣ, если только не во снѣ, видѣлъ кто-нибудь Славянина? Гдѣ остался для насъ несомнѣнный образъ Славянъ? Еще смѣшнѣе видѣть у Гладіатора русское лицо, когда русскій народъ не имѣетъ общаго первообраза, вѣдѣствіе событій своей исторіи! Гдѣ у насъ выразительныя, рѣзкія черты жителей юга, или означенныя общимъ характеромъ фізіономіи Нѣмцевъ, Англичанъ, Шведовъ, даже Поляковъ, не смѣшавшихся съ Жидами? У насъ, приливъ и нашествіе разныхъ народовъ, а потомъ продолжавшееся нѣсколько сотъ лѣтъ господство и сосѣдство Татаръ, до такой степени измѣнили кровь первобытныхъ жителей Руси, что мы столько же можемъ гордиться какъ потомки Чингисхановыхъ завоевателей, сколько воображать себя преемниками славянской крови. Почти въ каждомъ русскомъ семействѣ есть преданіе, что какой-нибудь предокъ его былъ Татаринъ или родня Татарамъ, а съ другой стороны Полякамъ, Литовцамъ, Финнамъ, Нѣмцамъ. Вся южная и средняя Россія была нѣсколько разъ превращена въ пустыню; на ней расселялся новый, пришлый народъ изъ всѣхъ сосѣд-

нихъ странъ, и только временемъ, господствомъ державной Москвы, и болѣе всего единствомъ вѣры и власти превращался въ Русскихъ. Мы всѣ тѣмъ не меньше чистые Русскіе, духомъ и тѣломъ; мы запечатали это своею кровію, утвердили многими великими событіями, примѣрами недоступной другимъ народамъ преданности къ государямъ и Отечеству — и на ряду съ потомками русскихъ бояръ отстаивали на-смерть отъ Наполеона свое отечество. Грузинецъ Богратионъ, Лифляндецъ Барклай-де-Толли, Татаринъ Рудзевичъ, Казакъ Платовъ; конечно, и въ рядахъ простыхъ воиновъ было не меньшее смѣшеніе націи и крови разныхъ народовъ; но у этихъ *истыхъ*, вѣрныхъ, доблестныхъ Русскихъ вы станете искать первообраза греческой статуи?... Это Русскіе, не похожіе на жившихъ за двѣ тысячи лѣтъ предковъ своихъ, и мы великодушно отказываемся отъ родства съ Сократомъ и со всеми древними статуями. Мы ведемъ свое аристократство въ кругу народовъ не отъ баснословныхъ временъ, а отъ утвержденія Московскаго Царства, и еще ближе отъ Петра Великаго, создателя Россіи. Надобно понять эту высокую, народную мысль, и тогда дѣтскою забавою покажутся всѣ изобрѣтенія родства съ допотопными народами. Такъ понимали свое отечество великіе народы и свое благородство великіе люди. Римляне гордились не баснословнымъ происхожденіемъ отъ боговъ и героевъ, а тѣмъ, что они были Римляне, потомки всякаго сброда, породившіе Коріолановъ и Сципіоновъ. Наполеонъ отрицалъ приписываемое ему происхожденіе отъ греческихъ императоровъ, и свое имя сдѣлалъ именемъ своей фамиліи. Пусть Данковскіе и Мицкевичи, ищутъ своего благородства въ басняхъ и мечтахъ; наше благородство ближе, яснѣе и существеннѣе.

Если бы авторъ лучше зналъ свой народъ, то не сталъ бы говорить также о «*пластической* красотѣ прически русскаго мужика», которую вѣрно видитъ онъ въ прическѣ городскихскихъ мужиковъ, не подозрѣвая, что народная русская стрижка *подъ дубишку*, то есть гладко на теменѣ, есть обшая у насъ и вовсе не *пластически* красивая прическа!... Но такова была она встарину, такова остается и теперь у коренныхъ Русскихъ.

Наука съ какимъ-то восторгомъ начинаетъ объяснять наше родство со всеми славянскими племенами. Кажется, гутъ дѣло очень простое и легкое; но наука вдругъ превращается въ поэзію, и представляетъ намъ тихую *идиллію*,

съ кроткой улыбкой на устахъ. Вы привыкли воображать предковъ нашихъ, суровыхъ Славянъ, полудикимъ, варварскимъ народомъ въ тѣ времена, когда столкнулся онъ съ завоевательными Римлянами?... Послушайте же идиллію новой Науки: «Безъ меча, безъ крови, уступая другимъ, заняли «они, — Славяне, — такое огромное пространство; любили «земледѣліе, скотоводство, *благородныя домашнія занятія*, (жаль только что рѣчь идетъ о народѣ кочевомъ) «славились и торговлею, плавилн металлы, ткали полотна, — «(хоть бы холсты)—варили мѣдь, сажали плодovitыя деревья, *вели веселую музыкальную жизнь*, были кротки, «гостепріимны до расточительности, друзья сельской свободы, «но покорные и преданные и всеглашіе враги кровопролитія и грабежа. Мысль о господствѣ никогда ихъ не увлекала». Кажется такъ и видите:

Берега кристалльныхъ рѣчекъ,
Кроткихъ, миленькихъ овецекъ,
И собачку подлѣ нихъ!...

Но вдругъ картина перемѣняется: горизонтъ темнѣетъ; идиллія переходитъ въ элегію: «Но этотъ мирный характеръ «не избавилъ ихъ отъ притѣсненія. Многіе народы жестоко «противъ нихъ *согруппили*, особенно же германскіе.» Представьте себя! какіе негодники, грѣшники! Обидѣли миленькихъ Славянъ! Вотъ ужо мы ихъ! И въ самомъ дѣлѣ почти такъ выражается авторъ: «Вы, глубоко падшіе, некогда «трудолюбивые и счастливые народы, проснетесь отъ вашего тяжелаго сна, сбросите цѣпи, воспользуетесь вашими «прекрасными странами отъ Адриатическаго моря до горъ «Карпатскихъ, отъ Дона до Шельды, и будете снова праздновать древнія торжества мирнаго труда и торговли!» Никто еще ни писалъ о Славянахъ такъ умильно! И хорошую будущность предрекаютъ имъ! Бѣдняжки, видите ли, все еще спятъ: но они опять сдѣлаются такъ же счастливы какъ были во времена идиллическія! Станутъ пасти стада, вести *музыкальную жизнь*, ткать холсты!... Жаль только, что исторія идетъ иначе нежели идиллія: народъ невѣжественный, беззащитный, подвергается завоеванію народа воинственнаго, больше его образованнаго, и эта временная буря бываетъ началомъ свѣтлыхъ и ясныхъ дней. Такъ было со всеми народами, такъ было и со Славянами. «Мы принадлежимъ

«къ той же семьѣ, *кблящей, терпеливой*» (хороша похвала!) «земледѣльческой (!), но доля наша была счастливѣе тѣмъ, «что мы отстояли свою независимость». И этого не было: сначала нашихъ Славянъ завоевали Норманны, потомъ Татары, и только Русскіе отстояли свою независимость, уже въ новыя времена, переродившись и образовавши новый, вопиственный, не терпящій чуждаго ига народъ, вовсе не похожій на такихъ барашковъ, какими наука изображаетъ своихъ баснословныхъ предковъ. Карамзинъ превосходно изобразилъ что за люди жили на нынѣшней русской землѣ: «Сія великая часть Европы и Азіи, именуемая нынѣ Россією, была искони обитаема, *по диками, во глубину невѣжества погруженными народами.*» Этими немногими словами онъ выразилъ все, что такъ неудачно распространилъ далѣе на многихъ страницахъ. Неужели мы хуже отъ того, что на землѣ нашей въ незапамятныя времена жили какіе-то дикари? Для чего же изображать этихъ дикарей пастухами Флоріана и Дезулиеръ, зачѣмъ предсказывать славянскимъ племенамъ, какъ блестящую будущность, первобытное состояніе ихъ предшественниковъ, грѣхъ сказать предковъ! Что мы за Словене? И какъ намъ не радоваться тому, что мы Русскіе, а не Словене? «Мирно заняли они, говоритъ авторъ, свое огромное мѣсто, уступая лучшія земли другимъ народамъ, сами подвигаясь на сѣверъ, прочими оставленный...» Стадо барановъ!... и зато не даромъ поетъ имъ идеалію историкъ; жаль только, что и въ этой похвалѣ его не все справедливо; сѣверъ не былъ *о тлѣмъ*: тамъ выросталъ и укрѣплялся мужественный, поэтический, славный народъ скандинавскій, столько же родоначальникъ нашъ, какъ и Славяне, у которыхъ смѣло поселился онъ со своимъ завоевательнымъ мечомъ.

Замѣчательно, что истошаясь въ усиліяхъ представить насъ Славянами, наука, мимоходомъ, вскользь упоминаетъ о Норманнахъ, извѣстныхъ въ нашей исторіи подъ именемъ Варяговъ. Въмѣсто-того, чтобы изобразить это могущественное племя, отъ котораго *пошла русская земля*, по прекрасному выраженію летописца, племя, которое вдохнуло жизнь и движеніе въ неподвижное славянское тѣло, следовательно, было однимъ изъ основныхъ элементовъ русскаго народа, наука бросается въ славянство, и выдаетъ намъ за истину всѣ предположенія и догадки Шаффарика, прежде всего изображая портретъ его въ элегическомъ тонѣ: «Словакъ по

«рожденію, Чехъ по гражданству, онъ живетъ въ Прагъ... «Съ горькою нуждою берется опъ *во имя науки!*» Многія, такъ-называемыя *открытія* Шаффарика подвергаются сильному оспориванію; но авторъ курса безотчетно принимаетъ ихъ, и по слѣдамъ Шаффарика увѣряетъ насъ, что у Геродота, у Страбона, у Птоломея, и другихъ древнихъ писателей, встрѣчаются славянскія слова... Для образчика онъ говоритъ, что у Плинія одно озеро въ Панноніи называется Peiso, а у позднѣйшихъ писателей оно же Pelso «наше *плесо* «и теперь живущее въ пословицѣ: рыбакъ рыбака далеко «въ *плесь* видить.» Во-первыхъ не *плесо*, а *плесь* наше русское слово; во-вторыхъ Peiso, Palso и *плесь* представляютъ слишкомъ отдаленное созвучіе, явно случайное, потому что, Peiso, какъ имя собственное, можетъ и не означать *плеса*. И на такихъ натянутыхъ придирикахъ къ древнимъ словамъ основывается наука! Но мало этого: у нея являются на сцену *Сарматы*, которыхъ, вмѣстѣ съ Скинами, уже давно истинная наука перестала считать нашими родоначальниками. Новая наука блестящимъ образомъ выводитъ ихъ родство съ нами, говоря: «Въ 359 году, въ войнѣ Константина Великаго съ Сарматами, раздался крикъ *силъ послѣд- «нихъ: mar ha!* который можетъ объясниться нашимъ языкомъ: *мори его!*» Словолюбивая тѣнь Тредьяковскаго! возрадуйся zelo. Потомки превзошли тебя! Ты находилъ *Усаію* въ *Италіи*, *Уаеріи* въ *Ліберіи* - твои послѣдователи знаютъ, что дошедшіе до насъ, несомнѣнно исковерканные, баснословные звуки *mar ha!* значатъ *мори егъ!*... Мы избрали эти примѣры особенно потому, что авторъ упирается именно на нихъ. Вотъ слова его: «Они особенно свидѣтельствуютъ о древности нашего выговора, какъ напримѣръ Patbissus и Mar ha, «гдѣ *o* перешло въ *a*, какъ въ нашемъ московскомъ или «образованномъ великорусскомъ выговорѣ.» И такъ Сарматы говорили не только русскимъ, но даже московскимъ нарѣчіемъ!...

Не имѣя возможности отрицать вліянія многихъ народовъ на языкъ первобытныхъ Руссовъ, авторъ упоминаетъ о томъ, какъ бы нехотя, мимоходомъ, и между прочимъ о татарскомъ вліяніи, отдѣляясь словами: «О татарскихъ «словахъ мы скажемъ въ свое время.» Но когда же, если рѣчь идетъ о русскомъ, нашемъ языкѣ? Оговорка автора была бы уважительна, если бы онъ изслѣдовалъ только славянскій языкъ; но онъ читалъ исторію русскаго

языка. О другихъ вліяніяхъ онъ говоритъ: «Съ виду много «чуждыхъ словъ принимаетъ въ себя русскій языкъ, но «*проноситъ* ихъ какъ наплывъ въ потокъ народнои жизни; «оставляетъ же у себя только то, что *осмыслилъ* по-своему.» Посмотримъ, какія слова *осмыслилъ* народъ нашъ? «Подъ именемъ «Варяга разумѣли *ворага, врага*». Хорошо; но въдѣ *Варягъ* осталось какъ собственное имя народа? Почему же предполагать, что оно означаетъ *врага*? «Народъ принялъ къ «себѣ скандинавскихъ Байарменовъ, но *осмыслилъ* ихъ и «назвалъ по-своему.... онъ наименовалъ своего боярина *му-жемъ боя*.» По какому этимологическому правилу можно вытянуть изъ слова бояринъ—*мужъ боя*—этого не скажетъ никто, потому что корень слова явно не *бой*, а *бояр*. Куда же дѣнемъ мы важный тутъ звукъ *р*? Отбросимъ его ради своей системы!... Но всего глубокомысленнѣе выражаетъ мысль свою авторъ, восхищаясь, какъ народъ нашъ «*осмыслилъ* міродѣра изъ французскаго слова *meriteur*.» Лучше бы выразить это словомъ: *обезсмыслилъ*, то есть, лишилъ первоначальнаго смыслу, придавъ по созвучію насмѣшливый или укоризненный смыслъ. Слѣдуя тому же правилу автора и тотъ *осмыслилъ* французское выраженіе: *Il y en a beaucoup*, кто сказалъ, что это значить: *Илья на боку*? Такихъ *осмысливаній* много ходитъ между простолюдинами, въ видѣ насмѣшки надъ *нелѣпствомъ*, но это и принадлежитъ только ихъ обществу, а не языку, не народу. Напротивъ, языкъ и народъ принимаютъ слово, когда нельзя замѣнить его своимъ, и называютъ офицера—*офицеромъ*, кучера—*учеромъ*, саблю—*саблей*, то есть, исковеркавши немного, если иностранное слово трудно къ произношенію, и принимая его во всей чистотѣ звуковъ, если оно легко для нашего выговора, какъ слова *ефесъ, бамъ, вѣно*.

Въ третьей лекціи авторъ переходитъ къ языку письменному, и послѣ нѣсколькихъ догадокъ въ родѣ *Mag ha!* обращается къ переводу Библии на славянскій языкъ, какъ древнѣйшему и главному памятнику нашей письменности. Здѣсь изложеніе ученаго профессора достойно справедливой похвалы и служить доказательствомъ, какъ могъ бы изложить онъ весь свой курсъ, если бъ не увлекался ложными идеями славянства. Исторія Кирилла и Мефодія и перевода Священнаго Писанія на славянскій языкъ, изображена у него безпристрастно и составляетъ лучшій эпизодъ цѣлаго курса.

Съ четвертой лекціи опять начинаются увлеченія: мы

опять превращаемся въ Славянь. Авторъ не довольствуется прекраснымъ, но простымъ изложеніемъ исторіи перевода Библии на славянской языкъ: онъ прибавляетъ три примѣчанія, которыя всѣ явно невѣрны, и клонятся только къ поддержанію главной мысли: доказать, что мы и теперь Славяне и говоримъ по-славянски. Сперва онъ утверждаетъ, что языкъ, на который переведено Писаніе, не былъ дикъ и грубъ, если въ немъ нашлись достаточныя силы для перевода. Возраженіемъ на это служитъ событіе нашего времени: Священное Писаніе переведено, трудами библейскихъ обществъ, не только на всѣ главные языки земнаго шара, но даже на многія нарѣчія дикарей; неужели это доказываетъ, что всѣ эти языки богаты и сильны? Въмѣсто того, чтобы удивляться искусству и гениальности, съ какими славянскіе первоучители передали глубину мыслей и красоту образовъ Священнаго Писанія—удивляются языку бывшихъ тогда полудикарями Славянь! Языкъ былъ точно грубъ и дикъ, какъ доказываютъ другіе, даже позднѣйшіе его памятники; но переводъ удивителенъ силою и вдохновеніемъ, истинно-божественнымъ. Второго примѣчанія: «Этотъ языкъ малымъ чѣмъ отличается отъ нашего теперешняго лучшаго языка, и понятенъ равно « неучу-простолюдину, какъ и образованному », я никакъ не ожидалъ услышать отъ чловѣка опытнаго въ языкъ! Только съ перваго взгляду кажется, что нашъ языкъ мало отличается отъ языка славянской Библии; но рассмотрите внимательнѣе, и рѣдкое слово не измѣнилось въ звукъ, въ форму или значеніи. Возьмемъ избранный самимъ авторомъ примѣръ, молитву Господню, изъ Библии одиннадцатаго столѣтія, и означимъ курсивомъ слова, измѣнившія свой смыслъ, или произносимыя иначе, или уже не существующія по формѣ рѣчи:

« Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! да святится имя твое; да придетъ царство твое; да будетъ воля твоя; яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь; во остави намъ дѣльгы наша, яко и мы оставляемъ дѣльжникомъ нашимъ, и не въведи насъ въ напасть, но избави ны отъ неприязи ». Не касаясь смыслу послѣднихъ выраженій, которыя не точно передавали подлинникъ и исправлены въ позднѣйшихъ изданіяхъ, я желалъ бы знать, много ли тутъ нынѣшнихъ словъ и оборотовъ? Кромѣ нѣсколькихъ мѣстоименій, и словъ, существующихъ, конечно, во всѣхъ первобытныхъ языкахъ, все другое показываетъ только борьбу съ

языкомъ, действительно еще младенческимъ! Эта высокая молитва, завѣщанная намъ самимъ Спасителемъ, понятна всякому Русскому, потому что онъ знаетъ ее въ-исть съ первыми звуками языка и повторяетъ каждый день во всю свою жизнь; такъ понимаетъ онъ и Библию, и все священныя книги свои; но значитъ ли это, что въ нихъ языкъ нынѣшній русскій? Служая божественную службу, мы понимаемъ даже все слова, оставленныя въ ней безъ перевода; но можемъ ли назвать ихъ русскими? Молиться на языкъ славянскомъ сдѣлалось нашею второю природою, что, конечно, знаетъ по себѣ каждый Русскій; но обращаясь къ міру, къ его ходячимъ идеямъ и потребностямъ, онъ говоритъ совсѣмъ инымъ языкомъ. Намъ кажется это особенною, высокою принадлежностью народа русскаго: мы не можемъ бесѣдовать съ Богомъ вседневнымъ языкомъ своимъ. Это до такой степени въ русской природѣ нашей, что какъ-скоро рѣчь переходитъ къ предметамъ возвышеннымъ, и еще болѣе когда она касается предметовъ религіозныхъ, въ ней тотчасъ являются славянскія слова и даже обороты, которые были бы странны и даже не пришли бы на мысль въ обыкновенномъ разговорѣ... Будемъ дорожить, или, лучше сказать, не можемъ не дорожить и не пользоваться такимъ сокровищемъ нашего языка, но не станемъ обманывать себя, воображая, что мы говоримъ по-славянски. Третье примѣчаніе господина сочинителя кажется намъ совершенно лишнимъ: онъ говоритъ, что въ переводѣ Библии вліяніе греческаго языка *непрежненно было, но коренныя свойства славянскаго сохранились*. Никто, кажется, и не говорилъ, что славянскій языкъ сдѣлался въ этомъ переводѣ эллинскимъ, но сильное вліяніе было и осталось, что доказываетъ сличеніе съ подлинникомъ. Но гдѣ, откуда почерпнемъ мы свѣдѣнія о коренныхъ свойствахъ славянскаго языка? Конечно, не изъ сомнительнаго договора Игорева, о которомъ авторъ также говоритъ, что онъ и теперь вразумителенъ русскому человеку? Если это и памятникъ Игорева времени, то неоспоримо, что онъ написанъ очень не вразумительно и не ведетъ ни къ какимъ выводамъ. Ни одинъ, даже грамотный Русскій, не пойметъ его безъ истолкованія, несмотря на то, что авторъ говоритъ: «Чудесное единство и въ *народной рѣчи*, проходящее черезъ многія столѣтія нашей жизни!»

Не находя никакихъ поэтическихъ памятниковъ въ славянскомъ мірѣ, авторъ беретъ на прокатъ разныя скандинав-

скія сказанія, точно носящія на себѣ поэтической отпечатокъ. Но не противорѣчатъ ли это главной его мысли, что мы чистые Славяне, что у насъ все безпримѣсное славянское, о чемъ безпрестанно повторяетъ онъ самъ? Откуда же взялись тутъ Скандинавы, Норманны, Варяги, если единственные поэтическія преданія наши принадлежатъ имъ? Какъ согласить съ этимъ всѣ предшествовавшія разсужденія автора, которыя сокращенно выражаются въ его словахъ: «Языкъ «Руссовъ», хотя и слылъ скандинавскимъ нѣсколько времени, «по внѣшнему обычаю пришельцевъ, но вскорѣ *однако* превратился въ словенскій, какъ и самое племя!» Авторъ вѣритъ, что барашки Словене *призвали* Варяговъ, а не были завоеваны ими; по въ опроверженіе его, еще прежде Рюрика, Варяги уже господствовали на Руси. Эти несомнѣные Аскольдъ и Диръ были уже около нынѣшняго Кіева, когда другія толпы Варяговъ напали на Сѣверную Русь. Авторъ не говоритъ, что Аскольдъ и Диръ уже властвовали въ Россіи, умалчиваетъ о Рюрикѣ съ братьями, и начинаетъ съ Олега. «Норманнскій Руссъ!» сознается онъ. Но Игорь — «ни то, ни сѣ» (собственные слова московскаго курса). Святославъ — полное сочетаніе Русса съ Словениномъ; Владиміръ — уже не любитъ Варяговъ! Въ немъ уже «мягкость, свойственная сердцу *нашего* народа!»

Отдѣлавшись отъ Варяговъ, авторъ вполне предается своимъ *кромкимъ* Славянамъ, и тотчасъ начинаетъ передавать намъ «первый историческій *слоу* нашихъ народныхъ пѣсень, обозначенной именемъ Владиміра». Я уже замѣтилъ, что несправедливо относить ко временамъ Владиміра пѣсни и сказанія, его именемъ означенныя. А здѣсь мы увидимъ, что эти произведенія дѣйствительно сочинены въ позднѣйшія времена. Въмѣстѣ съ Владиміромъ являются въ нихъ лица и событія татарскаго періода, даже намеки на Крымскихъ Татаръ; следовательно, это сказанія, можетъ-быть, временъ царей московскихъ, отъ Іоанна-Третьяго до Алексѣя. Языкъ въ нихъ не носитъ ни малѣйшаго слѣда древности, и самое стихословное устройство разсказовъ показываетъ грамотность позднѣйшихъ временъ. Старинные Руссы не имѣли никакого понятія о стихахъ и размѣрахъ, и если *Слово о полку Игоревомъ*, будетъ признано критикою за неподложный остатокъ тринадцатаго столѣтія, то оно послужитъ свидѣтельствомъ, какъ выражались наши поэты и при началѣ татарскаго періода. Для чего же относить къ временамъ Владиміра новыя

сочиненія, и въ томъ числѣ написанныя даже лѣтъ за сто до насъ? Они ли должны быть изъясняемы въ курсѣ «Исторіи русской словесности древней?» После этого, если кому-нибудь теперь вздумается написать пѣсню о временахъ Владиміра, и вставить въ нее имена сказочныхъ богатырей русскихъ, то авторъ тоже отнесетъ ее къ древнѣйшему періоду нашей литературы. И можно ли, прежде нежели всѣ эти пѣсни и сказки прошли черезъ горнило критики, разсуждать о нихъ какъ о памятникахъ не только древней, но даже стариной нашей словесности.

Наука отыскала въ богатыряхъ русскихъ сказокъ такія свойства и значенія, какихъ не видалъ никто. Она, ради вѣжливости, переименовала ихъ въ *витязей*, и нашла, что «въ нихъ народъ олицетворялъ всѣ свои силы, имъ употребленныя на отпоръ». Но не противорѣчитъ ли это собственному выводу науки, что со временъ Владиміра народъ нашъ отличался *кротостью, мягкостью, уступалъ безъ боя земли, любилъ благородныя домашнія занятія, велъ веселую музыкальную жизнь*? Къ чему вспоминаетъ наука о Обрахъ, Казарахъ, Мадярахъ, Уграхъ, Печенѣгахъ, Половцахъ, наконецъ и о Татарахъ? Что же справедливо: уступали мы, или бились до истощенія силъ и олицетворяли эту борьбу въ сказаніяхъ? Одно изъ двухъ: или всѣ слова о кротости и мягкости Славянъ несправедливы, или сказочные богатыри выражаютъ не Славянъ, являясь забіяками и искателями приключеній. Вотъ къ какимъ противорѣчіямъ и невернымъ выводамъ приходитъ насильственная система! Если бы наука видѣла не Славянъ, а Руссовъ и потомъ Русскихъ въ нашемъ могущественномъ народѣ, который возмужалъ въ вѣковыхъ испытаніяхъ, то не стала бы она приписывать имъ небывалыхъ свойствъ, если бы въ пѣсняхъ и сказаніяхъ не уславивалась она открыть памятниковъ древнѣйшихъ временъ, то очень вѣрно открыла бы въ нихъ выраженіе позднѣйшихъ людей и событій совсемъ другаго періода нашей исторіи. Выходитъ, что неверны заключенія науки о Славянахъ, не вѣрны и объясненія пѣсень или, точнѣе, сказаній. Между тѣмъ этими объясненіями наполнены двѣ послѣднія лекціи: четвертая и пятая. Сколько тутъ натянутого, преувеличеннаго, насильственно истолкованнаго!

Въ началѣ четвертой лекціи авторъ говоритъ: «Излагая «Исторію словесности древней по отдѣленіямъ, мною принятымъ, въ каждомъ отдѣленіи порознь я буду слѣдовать по-

«рядку столбид». Дошедши до Владиміра — онъ начинаетъ рѣчь о русскихъ сказаніяхъ, которыя относятся къ новѣйшему времени: даже самъ авторъ видитъ въ нихъ слѣды позднѣйшихъ Татаръ и самозванцевъ! Почему же сочиненія этого времени отнесены къ древнѣйшему періоду нашей исторіи? Почему они поставлены вслѣдъ за Іоанномъ Болгарскимъ? По какой логикѣ относятся они къ времени Владиміра?... И такъ порядокъ, избранный самимъ авторомъ, нарушенъ съ перваго шагу, и нарушенъ потому, что у насъ нѣтъ древней литературы, а есть немногіе памятники письменности, болѣею частію духовные, которые не выражаютъ народа, такъ же какъ не выражаютъ его сказанія о богатыряхъ. По-неводъ надобно было или выдать ихъ не за то, что значать они, или отказаться отъ своего предпріятія. Но, желая наполнить пустоту объясненіями позднѣйшихъ сочиненій, зачѣмъ авторъ придаетъ имъ насильственный характеръ? Въ нихъ отражается вся грубость времени, породившаго ихъ; а ученый профессоръ сближаетъ ихъ съ испанскими романами о Сидѣ и сравниваетъ Илью Муромца съ Сидомъ! Онъ самъ сознается, въ пятой лекціи, что слушатели не соглашались съ нимъ ни въ томъ ни въ другомъ отношеніи, и что сравненіе Ильи Муромца съ Сидомъ показалось имъ *слишкомъ смѣлымъ*; нельзя знать, что *еще* думали слушатели, по мнѣніе ихъ, такъ выразительно означившееся, не убѣдило автора: онъ оправдываетъ грубость изображенныхъ въ сказаніяхъ богатырей и свое сравненіе Ильи съ Сидомъ. Но какъ же не видѣть, что грубъ не Илья, лицо баснословное, а сочинители, представившіе его такимъ? Не басня виновата, если она производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе, а тѣ, кто не умѣлъ или не могъ создать ничего иваго или лучшаго. Дайте тѣхъ же богатырей русскихъ въ руки истиннаго поэта, проникнутаго народнымъ духомъ, онъ, можетъ-быть, создалъ бы что-нибудь точно не ниже Сиды. Но теперь что остается выраженіемъ ихъ? Дикая сила! Тутъ надобно видѣть изображеніе не Владиміровыхъ временъ, не Ильи съ братьями, а того времени, когда были изложены преданія о богатыряхъ, то есть, когда Россія только силою отражала насиліе, дралась на-смерть съ внѣшними и внутренними врагами. Это явно періодъ временъ новыхъ, эпоха истребленія Татаръ, Литвы, Поляковъ, самозванцевъ, и между-тѣмъ Новгородъ и разныхъ удѣльныхъ княжествъ. Вотъ истинный первообразъ нашихъ богатырей, и время сочиненія сказокъ

о нихъ. Авторъ, приводя описаніе: какъ Илья схватилъ Татарина и началъ бить имъ народъ, приговаривая:

А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
А и жловать, собака, не изорвется!

оправдываетъ только самый поступокъ Ильи и восклицаетъ: «Вотъ насиліе, вызванное насиліемъ!» Но намъ мало надобности, насиліе ли это и насиліемъ ли оно вызвано; пѣтъ, посмотрите съ какимъ насмѣшливымъ равнодушіемъ сочинитель разсказа говоритъ, что человекъ не ломится и не рвется, когда имъ бьютъ какъ дубиной! Иначе не можетъ выражаться ожесточенный народъ! Какъ Русскій, я также радуюсь, что предки наши жгли, терзали, губили Татаръ: они приготовляли тѣмъ великую будущность Россіи; какъ человекъ, не могу не содрагаться, видя какъ жгутъ и терзаютъ подобнаго мнѣ человека! Но у предковъ нашихъ не было этихъ двухъ противоположныхъ ощущеній, которыя сосредоточивались въ мести, и месть заставляла ихъ только смѣяться надъ мученіями враговъ. Точно то же было у насъ въ 1812 году съ Французами. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ нашествія непріятеля, подмосковные мужики съ наслажденіемъ разсказывали, какъ они зарывали въ землю живыхъ Французовъ, зажигали избы съ запертыми въ нихъ Французами, и съ удовольствіемъ, со смѣхомъ старались въ разсказахъ своихъ передать ужасъ и отчаянный вопль несчастныхъ жертвъ. Но просвѣщенные христіанствомъ и гражданскою жизнью Русскіе, въ то же время, граждали съ врагами какъ истинные рыцари: бились съ ними на-смерть и перевязывали раны беззащитныхъ плѣнныхъ, въ чемъ первый примѣръ подавалъ имъ благословенный ихъ повелитель. Вотъ вамъ и разица: дѣло не въ томъ, какъ бьютъ Татарина, а какъ смотрятъ на то, какъ чувствуютъ и выражаются при томъ. Ученый авторъ московскаго курса напротивъ, заботится только о томъ, какъ бы оправдывать Илью и другихъ богатырей: не нужно! они дѣлали свое дѣло; но описатели ихъ подвиговъ, то есть, русскій народъ, въ преданіяхъ своихъ оставилъ всю грубость и все варварство современныхъ нравовъ, которыхъ нельзя оправдать никакими историческими затѣями. Вѣроятно, это хотѣло выразить и общее мнѣніе слушателей курса! Сидъ также дерется и губитъ враговъ своихъ, но всегда увлекаясь страстями и часто возвышенными чувствами, которыя такъ искусно выражены въ поэтическихъ

рассказахъ о немъ; въ рыцарь всегда видите вы человека; напротивъ, у насъ не было рыцарей, витязей, не было и выраженія для нихъ, потому что не было ощущеній, внушающихъ рыцарскіе подвиги и выраженія. Повторяемъ въ сотый разъ, что ни мало не стыдимся предковъ своихъ и не хотимъ наряжаться въ чужія перья. Наша исторія шла своимъ путемъ, и стараться вывести изъ нея то чего не было, — несправедливо нашему вѣку.

Замѣтимъ, наконецъ, одно изъ самыхъ рѣзкихъ противорѣчій автора: онъ обѣщаетъ намъ съ самаго начала, что «пѣсня будетъ сопровождать весь древній періодъ Россіи, что она *проносится во всю глубину нашей исторической эпохи?*» Онъ повторяетъ и въ четвертой и пятой лекціи, что пѣсни сохранили воспоминаніе о Владимірѣ, и все пѣсни и пѣсни! Но развѣ пѣсни эти сказочные рассказы? Это даже не рапсодія въ родѣ тѣхъ, позднѣйшихъ духовныхъ рассказовъ, о которыхъ говоритъ авторъ въ концѣ пятой лекціи. Тѣ, по крайней-мѣрѣ частію замѣняли духовныя пѣсни въ устахъ слѣпыхъ и нищихъ; но эти сказочные рассказы, безъ всякихъ изслѣдованій и соображеній, взятые у Кирши Данилова, почему они пѣсни?.. Видно, авторъ самъ чувствовалъ это, и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже называетъ онъ ихъ пѣснями, прибавляя: и *преданія*, и *рассказы*; наконецъ, онъ просто называетъ ихъ *сказками*. Такъ вотъ она, эта пѣсня, *проносящаяся во всю глубину нашей исторіи*, откликающаяся на всѣ событія, *сопровождающая весь древній періодъ!* Сказка, преданіе, въ какомъ бы видѣ ни рассказанная, вотъ что называетъ авторъ *пѣсню*, обѣщая, въ началѣ своего курса, что она *прозвучитъ* передъ нами въ началѣ и въ концѣ древняго періода! Гдѣ же прозвучала намъ пѣсня? Нѣтъ пѣсни, и послѣ этого надобно сознаться, что обѣщанное въ началѣ не исполнено до конца книги; никакихъ пѣсенъ древнихъ у насъ нѣтъ, и половина зданія, состроеннаго на нихъ, разрушается съ *значительнымъ шумомъ и трескомъ*.

Объясненія сказокъ, выдаваемыхъ намъ авторомъ за *пѣсни древнѣйшаго народа Руси*, очень неудовлетворительны и во многихъ мѣстахъ натянуты и даже ошибочны. Онъ не замѣтилъ, прежде всего, что сборникъ Кирши Данилова, по всемъ признакамъ; былъ составленъ въ Сибири, и отъ того въ немъ есть слова и понятія, которыхъ нельзя истолковать иначе какъ мѣстностью сибирскою. Въ словахъ о Добрынь, который истребилъ разные народы, и между прочимъ

.... Черкесь Пятигорскихъ,
А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
Чюкши всѣ и Алюторы,

авторъ находить упоминаніе о лютеранской ереси и о нашемъ Шведовъ! Но тутъ ясно, что, исчисливши разные народы, истребленные Добрынею, сказочникъ называетъ ихъ въ насмѣшку *Чукчами* и *Алюторами*, то есть, именами двухъ грязныхъ и презираемыхъ народцевъ дальней Сибири. Оттого въ названіи ихъ является и другой падежъ:

Чукчи всѣ и Алюторы!

Если бы авторъ сказки хотѣлъ выразить, что Добрыня истребилъ также Чукчей и Алюторовъ, то поставилъ бы эти имена въ винительномъ падежѣ, какъ имена другихъ, исчисленныхъ имъ народовъ. Напротивъ, по русскому обычаю, онъ прикинулъ имъ прозваніе, какъ-бы желая сказать: «Чушки всѣ они и поросята!» А ученый профессоръ сдѣлалъ изъ этихъ грязныхъ Алюторовъ—Лютерапъ! Необходимо было вспомнить, что Лютеране не могли быть извѣстны въ *древнѣйшемъ* періодѣ Руси, къ которому, по мнѣнію науки, относятся эти *пѣсни-сказки*.

Наука также доказываетъ наше родство съ древнею Индіею. Находя въ одной сказкѣ упоминаніе о змѣяхъ, она обращается къ санскритской мифологіи, забывая, что у насъ змѣи были символомъ Татарщины, и что въ Серавъ дѣйствительно находили ихъ безчисленное множество!... Въ сказкѣ жена уговорила съ мужемъ, что если она умретъ прежде него, то онъ живой пойдетъ сънею въ могилу, и авторъ выводитъ, что это «остатокъ индійскаго обычая, но уже измѣненнаго». Да у Индійцевъ *жена сжигалась* съ умершимъ мужемъ, а не мужъ шелъ живой въ могилу — какое же тутъ сближеніе? Это совершенно наперекоръ всемъ понятіямъ Индійцевъ, древнихъ и новыхъ!... Въ сказкѣ упоминается объ индійскомъ царствѣ, и авторъ видитъ въ томъ «наше первоначальное родство съ индійскимъ племенемъ!» Не лучше ли, не проще ли было бы сказать, что народъ нашъ, не древній, а новый, слыхалъ объ Индіи, гдѣ даже бывали нѣкоторые русскіе удалцы, и имѣя темное понятіе, что есть какое-то индійское царство, вставилъ его въ сказку, также какъ вставилъ бы онъ бусурманское, персидское, шамаханское царство, какъ говорить онъ о морь-окіяцѣ, объ островѣ Буянѣ. Общая черта нашего народа, достойная замѣчанія, что онъ любитъ

употреблять слова и названія, вовсе не понимая значенія ихъ, также какъ любить иногда говорить явную бессмыслицу, пельпость, *absurdité!* Въ примѣръ перваго напомнимъ о выраженіяхъ: У него ужъ такая планида (планета); *алафорскій табакъ*; *олонское вино*; *фряжское вино*, и множество подобныхъ словъ, которыя повторяютъ простолюдины безъ всякаго отчету; а желая выразиться по-красивѣе, любятъ говорить такую путаницу словъ, что ея не растолкуетъ никакая наука. Есть особая статья Марлинскаго, гдѣ онъ вѣрно передаетъ подобный разговоръ провѣзжихъ купчиковъ съ офицеромъ. Не забудемъ также страсти нашихъ простолюдиновъ переименовывать слова по-своему; что же означаетъ она какъ не ту же народную склонность лишать смыслу понятное всякому? что значитъ: *пустарнакъ*, вмѣсто *пустяки*, *пикеници*, *пикули*, вмѣсто *пики*; *могилевская губернія*, вмѣсто *могила*; и сотни подобныхъ словъ и выраженій?... При такихъ общихъ основныхъ свойствахъ народа шутить словами, коверкать ихъ и нарочно употреблять не въ настоящемъ смыслѣ, можно ли искать тысячелѣтняго родства въ *индійскомъ царствѣ*, которое встрѣчается въ сказкѣ новыхъ временъ! Послѣ этого можно искать его и въ словахъ *индюкъ*, *индїйка!*... Недавно въ Москвѣ начали выставлять навсѣхъ вывѣскахъ мелочныхъ лавочекъ: «Лавка колоніальныхъ товаровъ», оттого, что одному вздумалось сочинить такую надпись, безъ всякаго понятія что значать колоніальные товары; а мы станемъ дѣлать глубокомысленныя догадки: «Не показывается ли это темнаго, отдаленнаго воспоминанія народа о древней торговлѣ нашей съ *колонїями*, о Финикїи, Карфагенѣ, о временахъ предшествовавшихъ Колумбу?

Выставить все противорѣчїя *Исторїи Русской Словесности*, мудрено; ихъ слишкомъ много; я хотѣлъ только доказать, что трудно и, кажется, совсѣмъ не пужно нынѣшнему Русскому называть себя прямымъ потомкомъ дикарей, когда-то жившихъ на русской землѣ; что приписывать имъ свойства и подвиги, которыхъ не было у нихъ, можетъ только односторонняя система, и слѣдствіемъ ея всегда будутъ ложные, натянутые, часто смѣшные выводы. Въ приложеніи къ «Исторїи Русской Словесности», эта система всегда будетъ возражать Тредьяковскихъ и Шишковыхъ, людей ученыхъ, благонамѣренныхъ, но ослѣпленных мечтами. У Славянъ были свои цѣли, своя исторїя, сохранившаяся въ указанїяхъ и намекахъ чуждыхъ имъ историковъ, и оттого темная,

недоступная свѣтлой истинѣ; оставимъ же ихъ въ покоѣ, и будемъ искать своего происхожденія не у нихъ только, но у всѣхъ народовъ, образовавшихъ, втеченіе вѣковъ, самобытное, великое Русское Царство. Мы столько же можемъ считать себя потомками Славянъ, сколько Скандинавовъ и другихъ народовъ, давшихъ намъ кровь, жизнь, обычаи, измѣнившихъ самый языкъ нашъ до основныхъ родниковъ его. Ручеекъ вытекаетъ изъ невидимыхъ подземныхъ ключей, и впадаетъ громадною рѣкою въ океанъ : такъ мы проистекли отъ Славянъ, Скандинавовъ, и множества другихъ племенъ, но только Россія Петра заняла свое почетное мѣсто въ составѣ великихъ народовъ. Не называйте же Волги—Осташковскими родниками, и Россіи—Славянію.

Оканчивая мои замѣчанія, я съ удовольствіемъ отдаю полную справедливость, трудолюбію, съ какимъ собрано множество свѣдѣній въ «Исторіи Русской Литературы, преимущественно древней», но жалю, что этотъ прекрасный трудъ ученаго московскаго профессора, въ примѣненіи, остался безплоднымъ для исторіи нашей литературы:

К. П.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

=

АВГУСТЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Новыя книги? — Сейчасъ. — Какое лѣто! Господа и благородные, какое здѣсь у насъ лѣто! Радуйтесь, господа и госпожи благородные, намъ чрезвычайно весело. Ахъ, какое лѣто! какое солнце! да какая луна! — особенно при свѣтѣ китайскихъ фонарей и оркестръ Гунг'ля, въ Павловскѣ. Наступила осень, а у насъ всё еще лѣто. Еще два мѣсяца такого солнца и такого лѣта, и воротится первобытная географическая эпоха: вмѣсто березъ вырастутъ надъ Невою пальмы, вмѣсто сивговъ станутъ въ ней плавать крокодилы и рыбо-ящеры, вмѣсто насъ будутъ по ея набережнымъ расхаживать мамонты и велико-звѣри. Новыя книги? — Позвольте. — Намъ, столичнымъ, намъ, петербургскимъ, такъ

привольно, такъ отрадно, что всё иные города и села должны съ ума сходить отъ восторгу и счастія. Какъ мы здѣсь веселимся, какъ хохочемъ, какъ гуляемъ, танцуемъ, развѣзжаемъ, какъ мотаемъ денгами, временемъ, умомъ, жизнью, всёмъ что у насъ есть и чего нѣтъ! Просто — великолѣпное зрѣлище! — Мы объ васъ забываемъ? объ васъ, иногородныхъ? — Нисколько! Мы знаемъ наши обязанности и свято исполняемъ ихъ. Наша обязанность, по долгу званія нашего столичнаго, проливать на васъ волны свѣту и ума, просвѣщать васъ лучами нашего умственнаго сіянія, приводить васъ въ удивленіе изобиліемъ нашего генія, счастливить васъ отраженіемъ нашего блеску и заставлятъ васъ гордиться въ деревнѣ собою, что мы здѣсь въ столицѣ такъ велики, такъ блестящи, такъ изобрѣтательны, умны, затѣйливы, неподражаемы, неподобны. Развѣ мы этого не исполняемъ? Развѣ каждый день не подаемъ мы новаго примѣру высокихъ добродѣтелей, не посылаемъ вамъ новаго потока ума; не сочиняемъ новыхъ чудесъ для вашихъ иногородныхъ восторговъ? Вспомните только — съ самаго начала года — заложивъ всё наши брилльянты въ ломбардъ для аббониментовъ въ италіанской оперѣ, такъ какъ ломбардъ не отдаетъ ихъ обратно безъ денегъ, мы отиѣнили моду на эти блестящія камушки въ бальныхъ нарядахъ; подали вамъ примѣръ благородной простоты, презрѣнія къ блеску, отсутствія гордости и тщеславія; научили васъ спасительной скромности и смиренію духа. Кто же это для васъ сдѣлаетъ? Вы, просто, неблагодарны Петербургу. Прошли балы — наступили концерты — пріѣхалъ волшебникъ Вивіе, который, на трубѣ, играетъ одинъ за десятерыхъ — да еще какъ играетъ! — но мы, слушая съ восторгомъ три года поющую Италію, добились наконецъ до того толку въ музыкѣ, что поняли всю пустоту музыкальныхъ звуковъ, и Вивіе, примѣтивъ, что на музыку, какъ бы она чудна ни была, насъ не поймаетъ — что мы ужъ слышкомъ искусны въ музыкѣ, научилъ насъ пускать мыльные пузыри огромной величины и съ разными орнаментами. Несравненный человѣкъ! никто еще, со времени Смирдина и ста его русскихъ литераторовъ, не пускалъ такихъ великолѣпныхъ мыльныхъ пузырей. Что за пузыри! Увѣряю васъ, Луна въ полномъ своемъ блескѣ, Сатурнъ съ своимъ таинственнымъ кольцомъ, Вѣчный Жидъ въ десяти томахъ — дрянъ въ сравненіи съ ними. Какая игра цвѣтовъ! какія богатая, фантастическія картины! Весь міръ, все человѣчество, вся красота и все величіе земное

изображался въ одномъ пузырьѣ. Мы принялись всѣ — всѣ миромъ — раздуть мыльные пузыри по методѣ остроумнаго музыканта и гонять ихъ въ воздухъ съ дѣтскимъ наслажденіемъ, съ рѣзвостью невинныхъ школьниковъ, съ самымъ трогательнымъ простодушіемъ. Никогда ни Рубини, ни Вiардò, не приводили насъ въ такіе сладостные восторги какъ эти мыльные пузыри. Музыкобъсье замѣнялось пузыробъсьемъ. Это уже — огромный шагъ впередъ, согласитесь. Въ комнатахъ и на улицахъ носились чудеснѣйшіе пузыри. Надъ Петербургомъ однажды, въ маѣ мѣсяцѣ, стояло цѣлое облако огромныхъ пузырей удивительной красоты: на Пулковской Обсерваторіи думали, что это — облако астерондовъ господина Арагò, — вы знаете, — одно изъ тѣхъ скопленій какихъ-то прозрачныхъ шариковъ, которыя носятся въ пространствахъ вселенной не извѣстно зачѣмъ, и которыя Земля, на лету своемъ, разбиваетъ въ дребезги, такъ что они, не зная куда дѣваться, сыплются въ ея воздухъ въ видѣ падающихъ звѣздъ. Такія-то умныя вещи мы сочиняли три мѣсяца сряду! Жаль, что вы, изъ вашихъ городовъ и селъ, не видали этихъ чудесныхъ твореній нашего генія, и не видали нашей радости при ихъ успѣхѣхъ. Наслажденіе — когда пузырь удался вполне, и отлично плаваетъ въ воздухѣ — ни съ чѣмъ несравнимо. Новыя книги? — Погодите.... Чтò книги! к чему вамъ книги?... Вамъ скучно? Надувайте и гоняйте мыльные пузыри — какъ мы надували во всю весну — и вамъ будетъ весело какъ въ столицѣ, будете счастливы какъ въ Петербургѣ. Потѣха невинная, совершенно благородная, и вовсе не разорительная. Но вы, кажется, не довольны? Вамъ не совсѣмъ нравится, что мыльные пузыри — для насъ важное занятіе? Вы изволите говорить, что мы не думаемъ о существенномъ, не заботимся объ общей пользѣ? Напрасно же вы такъ полагаете. Намъ ли въ Петербургѣ, такимъ умнымъ и усерднымъ людямъ, не знать общей пользы. Какъ не знать! Каждый петербургскій житель всасываетъ въ грудь свою вмѣстѣ съ молокомъ матери это ясное и опредѣлительное понятіе объ общей пользѣ. А согласитесь, что съ такимъ яснымъ и опредѣлительнымъ понятіемъ, нельзя не хлопотать ужасно объ общей пользѣ; мы и хлопочемъ: пускаемъ мыльные пузыри, одинъ удивительнѣе другаго. Ловите! поддувайте со всѣхъ сторонъ! гоните вверхъ, все выше и выше! — тамъ нашъ умъ, наша слава, ваше удивленіе. Не справедливы вы, господа иногородные, къ намъ, петербургскимъ: вы почитаете нашъ городъ почти

иностраннымъ городомъ, а мы только и живемъ вами, для вашего вѣщаго наслажденія. Изъ моего вѣрнаго отчету объ употребленіи столичнаго времени, котораго у насъ такъ мало, вы видите, какъ мы усердны къ вашимъ пользамъ. Послѣ весны наступило лѣто — чудо что за лѣто! — мы веселились до обмороку..... Новыя книги? — Пойдите. Будутъ. У насъ все есть — добродѣтели — мыльные пузыри — новыя книги.... Да на что вамъ новыя книги? Посмотрите, какъ мы хлопочемъ о вашей пользѣ: всѣ вы давно желаете увидѣть въ Россіи настоящую европейскую ежедневную газету, большую, важную, разнообразную, хорошо и благородно писанную; газету, въ которой, какъ въ *Journal des Débats*, лучшей изъ всѣхъ извѣстныхъ газетъ, были бы соединены всѣ роды предметовъ и всѣ роды талантовъ. Съ новаго года Петербургъ дастъ вамъ такую газету. Олѣхнѣ, который.... А впрочемъ—вотъ вамъ новая книга:

СТИХОТВОРЕНІЯ Д. Аксеновскаго, придворнаго мастера водоочистительныхъ машинъ. Сп.-бургъ, 1846, въ тип. Жернакова, въ 16., стр., 96.

Не только новая книга, но и книга совершенно новаго рода. Такихъ книгъ еще не бывало. Господинъ Аксеновскій давно заслужилъ въ Петербургѣ общее уваженіе къ своему таланту: никто такъ искусно и вѣрно не очищаетъ неводской воды отъ тѣхъ сомнительныхъ началъ, которыми грѣхи и страсти Петербурга мутятъ ее ежедневно, какъ этотъ знаменитый механикъ. Гений его возвращаетъ водѣ, протекающей сквозь скверну Вавилона, невинность и чистоту кастальской влаги. Онъ, безспорно, цѣлѣ самую чистую воду во всемъ Петербургѣ: это—настоящая вода свѣтлаго и яснаго ключа Инокрены, изъ котораго пили Пиндаръ и Гораций, Гомеръ и Виргилій, всѣ великіе поэты древности. Вы видите, что водоочистительное искусство состоитъ въ тѣсной связи съ поэзіей. Кому боги дали пить такую воду, какую пьетъ господинъ Аксеновскій, самъ изобрѣтатель усовершенствованныхъ и привезенныхъ водоочистительныхъ машинъ, тотъ непременно долженъ писать стихи. За отдаленностью ключа Инокрены отъ стражъ императорскихъ, нѣкоторые наши поэты старались замѣнить его чудную воду шампанскимъ: извѣстно что вышло! Господинъ Аксеновскій хотѣлъ, какъ кажется, убѣдить опытомъ, что поэзія вѣтъ спасенія, если она не возвратится къ самой чистой водѣ, что иначе она никогда не засялетъ снова

своимъ первобытнымъ блескомъ, и что всѣ стихотворцы должны покупать у него водочистительныя машины. И убѣдилъ. Ясно, какъ вода, имъ очищенная, что эти стихотворенія — произведеніе ума положительнаго, основательнаго, чуждаго всякихъ упоеній, вѣрнаго какъ колесо отличной механики. Вотъ одно изъ этихъ водочистительныхъ вдохновеній; оно вылилось изъ машины по поводу экзамена въ Технологическомъ Институтѣ:

«Отъ души отдаю
 Благодарность мою,
 И усердный поклонъ.
 На яву, а не въ сонъ,
 Видѣлъ я чудеса!
 Разбѣгались глаза.
 И экзамень у васъ
 Много радовалъ насъ!
 Много всѣхъ удивлялъ,
 Поучалъ, вразумлялъ!
 Слышу Божій законъ;
 Во спасенье намъ Онъ!
 Поучаться я радъ
 Для душевныхъ отрадъ.
 Долженъ каждый въ свой вѣкъ
 То узнать человѣкъ;
 И, дивясь, я смотрѣлъ
 Ходъ физическихъ тѣлъ;
 Въ минералахъ краса,
 Разныхъ свойствъ чудеса!
 А механика намъ,
 Какъ извѣдалъ я самъ,
 Много средствъ подаетъ,
 И къ успѣхамъ ведетъ.
 Да и зодчества классъ
 Очень нуженъ для насъ:
 Какъ случится потомъ,
 Буду строить я домъ.—
 Какъ мнѣ нравились тожъ,
 Полутонны, чертежъ,
 Рисованья предметъ,
 И оттѣнки и свѣтъ!
 Обработку же льна
 Хотѣ и знаетъ жена,

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОНИСЬ.

Но не такъ, какъ у васъ.
 Все полезное знать!
 Мнѣ придется ль опять
 Побывать за Двину?
 Обработанье льну,
 Я готовъ передать,
 И у васъ перенять,
 Земляковъ научить,
 Какъ полотно бѣлить.
 И за все вамъ поклонъ.
 Отъ усердія — онъ!»

Хорошо; тутъ все есть, механика и зодчество, классъ и полу-
 тоны, чертежъ и рисованья предметъ; очень пріятно выражено
 и все съ рѣзкими. Вотъ стихотвореніе на жадность:

«Знаю я здѣсь человѣка:
 Отъ Адамова бы вѣка,
 Дать богатство одному,
 Мало будетъ—все ему!»

а вотъ Слово о золотѣ:

«Золото кумиръ,
 Льнетъ къ нему весь міръ;
 Только много бѣдъ
 Отъ него прильнетъ!
 Золото обманъ,
 Сколько ни блеститъ;
 Золотой болванъ —
 Все болванъ на видъ.
 Много денегъ есть,
 По богатству честь,
 А болвану—стыдъ!»

Хорошо. Ольхинъ, который, своей дѣятельностью, сдѣлался
 душою всѣхъ хорошихъ литературныхъ предпріятій, принялъ на
 себя изданіе этой газеты вмѣстѣ съ даровитымъ ея выпѣшнимъ
 редакторомъ, А. Н. Очкинымъ, однимъ изъ отличѣйшихъ на-
 шихъ литераторовъ, у котораго столько же дѣятельности и рве-
 нія къ прекрасному, сколько ума, слогу и хорошаго вкусу. А. Н.
 Очкинъ остается главнымъ руководителемъ. Газета, если угодно,
 стара какъ свѣтъ, но изъ нея дѣлаютъ совсѣмъ новую газету.
 Это — «Санктпетербургскія Вѣдомости», основанная Петромъ

Великимъ и составляющія собственность Императорской Академіи Наукъ. Онѣ переходятъ теперь, какъ мы слышали на десять лѣтъ, въ частныя руки и подѣ частную редакцію, располагающую вполне какъ ея средствами такъ и содержаніемъ. Донныи А. Н. Откинъ не распорядился существенными способами къ распространенію и улучшенію изданія, и Санктпетербургскія Вѣдомости были чѣмъ газета можетъ-быть при подобныхъ обстоятельствахъ. Отнынѣ начинаются ихъ возрожденіе, развитіе, процвѣтаніе, блескъ, слава и всѣ газетные роды прелестей. Политика, литература, критика, ученые предметы, театр, городскія и иногородныя новости, офиціальныя и частныя объявленія, современные вопросы и современные романы, все здѣсь найдетъ мѣсто въ обширныхъ размѣрахъ. Объемъ новой газеты долженъ быть немножко больше, чѣмъ объемъ *Journal des Débats*, а литературнымъ достоинствомъ она не намѣрена, по самой меньшей мѣрѣ, уступить первому изъ парижскимъ ежедневныхъ изданій. И вы еще парскаете на Петербургъ? Гдѣ, прошу, выдумаютъ такую чудесную вещь для вашего назиданія, просвѣщенія и наслажденія? Извѣстіе это обрадовало всѣхъ, кто только его услышалъ. Желѣзная дорога отъ Петербурга до Москвы и огромная, отлично хорошая, истинно европейская газета въ Петербургѣ — да вѣдь это новая жизнь! Волны свѣту и удовольствія такъ и покатыся по всему пространству Россіи. Я знаю что, въ Москвѣ, своего свѣту моря разливное, и нашего, петербургскаго или, какъ въ Бѣлокаменной изъясняются, чухонскаго, тамъ не хотятъ — тамъ заводится тоже родъ частной газеты подѣ названіемъ «Городскаго листка» — но, — надѣюсь, одинъ свѣтъ не помѣшаетъ другому и нашъ всё таки будетъ пріятнѣе для глазъ иногородныхъ. Въ Москвѣ тоже выдумали новую книгу — даже, съ позволенія сказать, новый романъ :

МУРОМСКІЙ ЛѢСЪ. *Романъ изъ временъ царствованія Петра Перваго. Москва, въ тип. Смирнова, 1846, въ-12., двѣ части, стр. 122 — 114.*

Я скажу вамъ что это такое, если вы такъ любите новыя книги.

Въ городѣ Муромѣ жилъ богатый торговецъ Петръ Михенчъ Булавкинъ; у него была дочь, по имени Оленька, красавица и разумная и руководильная и грамотная, да жена Соломонова Яковлева, баба сварливая, мачиха Оленьки. Этой сварливой бабѣ очень хотѣлось грамотную и руководильную красавицу

Олиньку выдать замужъ за водячаго Цамшарапкина, человека въ высшей степени противнаго. Къ-счастью дочери, Петру Михенчу такой женихъ тоже не нравился. Впрочемъ Олинька рѣшительно предупредила свое столѣтіе — дѣло происходитъ во время Петра Великаго — а она уже и тогда считалась плохонько романоу, какіе только въ наше время пишутся, и до такой степени напичкалась этихъ романовъ, что всегда говорила рѣшительный вадоръ. Разъ она была въ огородъ и левчкой съ чистой водой подивала цвѣточки, а малиновка сидѣла на севекъ заветномъ куатикъ и заливалась.

« Пѣла, вѣла Божья птичка и замолкла.... Чтобы это значило, « подумала дѣвушка, бывало поеть не напоется, а теперь?... И « Олинька, оставивши занятіе, взглянула на розовый кустъ: что « же увидѣла она?... Малиновка сидитъ на вѣточкѣ самъ другъ, « носикъ къ носіку и обѣ птички весело машутъ крылыш- « камі....

« Птички Божьи, птички вольныя, поднебесныя! подумала « Олинька, я завидую вамъ, пестрокрылыя.... Вы любите другъ « друга — и солнышко пріветно улыбається вамъ, и кусточникъ « дастъ надежный пріютъ и ничто не возмущаетъ вашего счастья, « не бѣтаетъ вы недобраго взгляда, не пугаютъ васъ чужая мол- « ва, чужіе пересуды.... подуетъ ли нескромно игривый вѣтерокъ, « распуснитъ ли шапочки цвѣтокъ любопытный, пчелка ли золо- « тая прожужжитъ слова нескромныя — вспорхнули и были та- « ковы.... А я!... »

Такимъ миленькимъ и сладенькимъ языкомъ изъясняется современница Петра Великаго, разумная и руководѣльная дочь Петра Михенча Булавкина! Очевидно, что она, деизвѣстна какъ, уже въ то время успѣла прочитатъ, вѣроятно въ рукописи, *Блудныя люди* господина Достоевскаго, и отъ этого чтенія заразилась нѣсколько разными уменьшительными выраженіями. Однако жъ между-тѣмъ и за Олинькой водились маленькія шалости. Разъ Петру Михенчу случилось вечеромъ въ саду застать ее въ объятіяхъ нешвѣстнаго молодого человека.

« Олинька упала къ ногамъ отца и, обвиняя ихъ руками, за- « рыдала: родитель мой! вскричала она, клянусь, что даже и ты « ни упрѣка нѣтъ на моей совѣсти, я все таже Ольга, которую « ты носилъ на рукахъ своихъ.... Отбрось сомнѣнія, родитель мой, « и вѣрь Богу, что я никогда не преступаю своихъ обязанно- « стей.... »

Послѣ этого прекраснаго объясненія, молодой человекъ съ своей стороны произнесъ твердымъ но приятнымъ голосомъ слѣдующую превосходную рѣчь: «Господинъ Булавкинъ, справедливость словъ твоей дочери я готовъ подтвердить илятвою.... «Если бы сегодня сама судьба не свела насъ такъ печально — завтра я бы явился къ тебѣ и выяснилъ все, что чувствую.»

Тутъ господинъ Булавкинъ узнаетъ, что этотъ неизвѣстный юноша — сынъ его стараго пріятели, Иванъ Семенычъ Аршиновъ. Это обстоятельство вполне успокоило встревоженнаго отца — и Иванъ Семенычъ съ этихъ поръ является женихомъ въ домъ Петра Михенча.

Между тѣмъ коварный подъячій Цапцарапкинъ соединяется съ знаменитымъ муромскимъ разбойникомъ Сычомъ, одинъ, чтобы отнять у Ивана Семеныча невѣсту, а другой, чтобы поживиться богатствами Петра Михенча. Вечеромъ Сычъ отправляется въ домъ Булавкина съ подложнымъ письмомъ отъ его прикащика изъ Петербурга.

А надобно замѣтить, что Петръ Михенчъ, содѣйствуя воле великаго преобразователя Россіи, завелъ у себя суконную фабрику и первую половину сунна отправилъ съ прикащиками въ подарокъ къ царю. Самъ онъ по болѣзни ѣхать не могъ. Въ подложномъ письмѣ знаменитаго разбойника прикащики увѣдомили Булавкина, что царя нѣтъ въ Петербургѣ, что комиссаріатская коммисія притѣсняетъ поставщиковъ и что Петру Михенчу необходимо самому пріѣхать. Дѣлать нечего; надобно повиноваться необходимости; свадьба отложена; грамотная и благообразная Оляньна обливается горькими слезами; Булавкинъ отправляется въ путь. Но увы, дорогой по муромскому лѣсу; Сычъ подстерегаетъ довѣрливаго старика и онъ попадаетъ въ руки разбойниковъ.

Между тѣмъ одинъ изъ артельщиковъ купца Булавкина въ самомъ дѣлѣ возвратился изъ Петербурга, съ рассказами, которые авторъ позаимствовалъ изъ прекрасной повѣсти Кукольника, *Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ*. Тутъ объясняется дѣло; открывается, что письмо отъ прикащиковъ было подложное и что Булавкинъ, по всей вѣроятности, попалъ въ западню. При имени Сыча, артельщикъ восклицаетъ: «Ахти! батюшки, такъ и есть, я слышалъ это имя въ дорогѣ, знаете ли кого называютъ «Сычомъ?... Кого? спросили все въ одинъ голосъ.... Атаманъ муромскій разбойниковъ! Все въ изнеможеніи опустили слова на овальи.... Оляньна лишилась чувствъ....» Бѣдная Оляньна!

Однѣ Иванъ Семенычъ въ эту ужасную минуту не потерялъ головы; онъ отправляется на поиски; въ домѣ Цапцарапкина подстерегаетъ разбойниковъ; въ бѣдной земляницѣ въ муромскихъ лѣсахъ отыскиваетъ старика Булавкина и съ торжествомъ приводитъ его назадъ въ нѣжныя объятія Олиньки.

Послѣ такого счастливаго обороту дѣлъ, всѣ предаются непритворной радости, всѣ готовятся къ свадьбѣ; но у Петра Михенча не то въ головѣ; онъ говоритъ имъ: « Нѣтъ, мои ненаглядные, ужъ подождите маленько, съѣзжу въ Питеръ, ворочусь и тогда на другой же день свадьбу.... Чтѣ Олинька, зарюмила, ужъ теперь слава Богу, опасности нѣтъ.... » И несмотря на то, что благоразумная Олинька зарюмила, Булавкинъ отправляется въ Питеръ, представляется князю Долгорукову, который прямо ведетъ его къ Петру Великому. Царь ласково принимаетъ старика Булавкина, бесѣдуетъ съ нимъ за-просто, награждаетъ за усердіе и отпускаетъ домой въ Муромъ, гдѣ наконецъ къ общему удовольствію, совершается давноожиданная свадьба. Чтѣ же касается до знаменитаго муромскаго разбойника Сыча, то судьба его остается въ неизвѣстности; но для успокоенія читателей, будемъ надѣяться, что его повѣсили.

Кто таковымъ романомъ недоволенъ, тому предоставляется право прочесть слѣдующій :

КАРОТИНЪ, романъ *Поль де-Кока*. Переводъ Ивана Бобровскаго. СПб.-бургъ, 1846, въ тип. Крайя, въ 12., четыре части стр. 148, 161, 159, 168.

Вы, можетъ-быть, воображаете, что мода на *Поль де-Кока* прошла, что *Вѣчный Жидъ* и *Графъ Монте Кристо* вытѣснили навсегда его гризетокъ, и что на Руси его больше не читаютъ и не переводятъ? Вы ошибаетесь. Многіе и до-сихъ-поръ безъ ума отъ *Поль де-Кока*: говорятъ, онъ такой добрый, такой забавный сочинитель! Давно ли и вы такъ жадно кидались на всѣ его романы, а теперь и знать его не хотите: точно, будто стыдно, что вы его когда-то читали. Не стыдитесь. Развѣ вы лѣтъ десять тому назадъ были дѣти, а теперь выросли, и у васъ явились другія потребности? Теперь вамъ совѣстно восхищаться его гризетками и смѣяться надъ его кручными рассказами; вы съ-тѣхъ-поръ ужасно пдумнѣли, кинулись на современные вопросы, которые съ большимъ усердіемъ отыскиваете въ романахъ Евгенія Сю. Пустяки! тогда было веселѣе; и потому возрадуйтесь съ прежнимъ добродушіемъ встрѣчь съ старымъ при-

телемъ «Каротиномъ» въ русскомъ переводѣ господина Ивана Бобровскаго. Конечно, переводомъ похвастать нельзя; но въ нынѣшнія плохія времена, Поль-де-Кокъ можетъ-быть очень доволенъ, если найдетъ и посредственнаго переводчика.

Смѣю представить вамъ еще нижеслѣдующую новую книгу, какъ страстнымъ любителямъ новыхъ книгъ :

письмовникъ, или собраніе образцовыхъ писемъ на разные предметы и случаи общественной жизни человека, составленный С. Шульцомъ. Москва, 1846, въ тип. Степанова, въ-12., двѣ части, стр. 143, 156.

Въ этой новой книгѣ очень много разныхъ писемъ, которыя господинъ Шульцъ раздѣляетъ на письма *по предметамъ общественной и литературной.* Эта система мнѣ не нравится; для упрощенія предмету я раздѣлю все эти письма на хорошія и на плохія; хорошими письмами называются тѣ, подъ которыми вы увидите имена Карамзина, Жуковскаго, Погорѣльскаго, Лермонтова или Соллогуба; плохія не имѣютъ подписи или означаются разными буквами русскаго алфавита, почему и падаютъ на отвѣтственность задателя.

Примѣръ хорошаго письма:

« Генріэта! я былъ на краю гроба: зачѣмъ удержали вы меня? « Къ чему воспоминанія? Онѣ насмѣшка надъ настоящимъ. За- « будьте меня! Я не тотъ, что былъ: вы не узнаете меня. Те- « перь я нищій, совершенно нищій: нищій достойнѣмъ, нищій « твердостію, нищій мыслию и чувствомъ! Одно сокровище храню « я еще въ душѣ моей: это любовь къ вамъ, моя Генріэта—это « любовь къ тебѣ, моя невѣста! Я унесу ее съ собой.... Настанетъ « жизнь, гдѣ наши жизни сольются въ одномъ солнечномъ лучѣ! « Тогда мы будемъ счастливы.... Прощайте!

Примѣръ плохаго письма:

« Милостивая государыня!

« Все то, что вы пишете, въ своемъ родѣ превосходно. Я со- « бираю и самыя маловажныя ваши записки съ такимъ-же стара- « ніемъ, съ какимъ вѣкогда собирали гаданія Сивиллы; изъ нихъ « учусь я тому пріятному красворѣчію, котораго все ищутъ и « которое столь нужно бы было, чтобъ говорить достойно о васъ. « Если справедливо, какъ вы говорите, что я хорошо хвалю

«вась, то могу похвастаться, что я сдѣлалъ самое трудное дѣло, которое я болѣе всего желалъ выполнить—пламенное мое желаніе показать, сколько вы во всемъ совершенны и достойны почтенія, и съ какиѣмъ остаюсь; и прочая.»

Но господинъ Нульдъ смотритъ на предметъ съ болѣе высшей точки. Онъ знаетъ только литературу и общезнѣтѣ по части писемъ.

«Вы хвалите меня, милостивый государь, такъ много, что я долгое время находилъ въ нерѣшимости, что вамъ отвѣчать. Я не узнаю самаго себя въ столь лестномъ изображеніи; одна ко жъ и молчать совсѣмъ казалось мнѣ неприличнымъ, потому я и опасася, что вы будете снѣмъ недовольны. Похвала такого человѣка, какъ вы, не можетъ быть принята съ равнодушіемъ. Одобреніе ваше принесло великую честь и сочиненію моему и самому мнѣ. Чѣмъ лестнѣе для сочинителя угодить вамъ, тѣмъ оригинальнѣе для него мысль, что онъ далеко еще отсталъ отъ того, что вы находите достойнымъ похвалы. Къ утѣшенію моему служить по-крайней-мѣрѣ то, что выгодное ваше мнѣніе о трудахъ моихъ есть доказательство вашей дружбы.»

Что это такое? куда принадлежитъ это письмо? отнести ли его къ разряду писемъ по предметамъ общезнѣтїа — по эти письма «суть рѣчи, обращаемыя къ отсутствующимъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни общественной» и кромѣ того состоятъ изъ обращенія, содержанія и заключенія.» Очевидно, что такому письму тутъ не мѣсто; оно и не рѣчь, и не имѣетъ содержанія и ничего не говоритъ о разныхъ обстоятельствахъ жизни общественной. Остается разрядъ литературныхъ писемъ. И чего кажется ближе? пишетъ авторъ, у котораго есть сочиненіе и должно быть прекрасное сочиненіе, потому что оно заслужило похвалу очень умнаго человѣка. Дѣло идетъ о литературѣ; стало быть, это письмо литературное; а между-тѣмъ оно совсѣмъ не литературное и даже очень сомнительно, чтобы авторъ въ самомъ дѣлѣ написалъ хорошую книгу, потому что письмо у него такое странное, что его право гораздо удобнѣе отнести ко второму разряду по моей системѣ.

Самая лучшая и полезная часть этого собранія заключается въ присовокупленіи «формъ и правилъ векселей, заемныхъ писемъ, прошеній и главнѣйшихъ официальныхъ сношеній при-сутственныхъ мѣстъ и начальствующихъ лицъ.» Что же касается до остальныхъ писемъ, то я совѣтую, при слѣдующемъ изданіи, раздѣлить ихъ по моей системѣ.

Довольны ли вы этими *мозгами книжками*? А каково мое самоотверженіе? Вѣдь я все это читаю за васъ, неблагодарные читатели!

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ *исторіи русской литературы*, составленное В. Аксеновскимъ. Кіевъ, 1846, въ тип. университетской, въ-12., стр. 162.

Нѣтъ сомнѣнія, что русская литература пока еще не очень богата великими образцовыми произведеніями; но всё-таки исторіи этой литературы двумя словами рассказать нельзя. Сабрать нѣсколько общихъ мѣстъ, раздѣлить ихъ на особенные параграфы и насчитать нѣсколько сотенъ именъ, еще не даетъ права на составленіе даже самаго *краткаго начертанія русской литературы*. По этому топенская книжечка господина Аксеновскаго не оправдываетъ своего заглавія; общія мѣста ничего не доказываютъ; слова безъ опредѣленнаго значенія не даютъ понятія ни о направленіи литературы ни о характерѣ литераторовъ. Для опредѣленія этого направленія и этого характера необходимо выскнуть въ духъ и исторію народа, и памятники его умственной дѣятельности повѣрять съ судьбами этой исторіи; потому что всякая литература вездѣ и всегда сливается съ самою жизнью народа. Иначе вы получите перечень именъ безъ всякаго особеннаго содержанія, а не исторію литературы.

СЧЕТОВОДСТВО *для всѣхъ родовъ торговли*. Сочиненіе Э. Мудрова, старшаго учителя Олонецкой губернской гимназіи. СПбурзь, 1846, въ тип. Департамента внешней торговли, въ-8, стр. VI и 373.

Эта книга рассматриваетъ во всей подробности полную теорію торговой бухгалтеріи и отличается яснымъ и систематическимъ изложеніемъ дѣла. Въ самомъ началѣ опредѣляется общее раздѣленіе бухгалтеріи, названіе, принадлежности, раздѣленіе и перечисленіе счетовъ, правила о вспомогательныхъ счетахъ, значеніе прихода и расхода, правила для записыванія и перечисленія оборотовъ и заключеніе счетовъ. Вторая глава рассуждаетъ о вексельномъ курсѣ, о расчетахъ между купцами разныхъ націй, о переводѣ денегъ, о значеніи и измѣненіяхъ вексельнаго курса. Послѣ этого во всей подробности разбираются правила бухгалтеріи при оптовой, разничной и мелочной торговлѣ, съ приложеніемъ полныхъ и ясныхъ примѣровъ, которые самымъ удовлетворительнымъ образомъ объясняютъ практическое приложеніе

всѣхъ изложенныхъ правилъ. Въ концѣ книги разсматривается теорія простой бухгалтеріи и востановленія, которыя сюда относятся. Полнота и ясность изложенія даютъ этой книгѣ неоспоримое право на вниманіе всѣхъ торговыхъ сословій въ Россіи.

НОВЫЯ ВРОШКОРЫ.

Лото въ клубъ, *фарсъ-водевилъ въ двухъ отдѣленіяхъ* А. П. Сл—на. СПб., 1846.—Бѣдный молодой чиновникъ влюбленъ въ дочь другаго бѣднаго чиновника; но отецъ требуетъ денегъ; онъ не хочетъ выдать дочери за бѣдняка, у котораго нѣтъ даже и тысячи рублей. Молодой человекъ съ горя отправляется въ клубъ, играетъ въ лото и выигрываетъ что ему нужно. Вотъ содержаніе этого водевиля. «Готовъ растянуться съ радости... право такая тутъ у меня происходитъ катавасія... просто бѣлены объѣлся... это будетъ гораздо вальжибѣ.... слетѣлъ верхъ торماشкой и попалъ на «коль» — вотъ языкъ книгопроизведенія.

Ужели въ наше время еще сочиняются, печатаются и даже читаются подобныя нелѣпости?

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— При нынѣшнемъ распространеніи промышленности, при готовности всякаго завести какую-нибудь фабрику для увеличенія своихъ доходовъ, при новой и весьма утѣшительной, благородной, страсти къ химическимъ производствамъ, изслѣдованіямъ и потѣхамъ, чрезвычайно важно прежде всего знать, какое вліяніе на здоровье хозяина и его сотрудниковъ будетъ имѣть избираемый родъ фабричнаго дѣла или ученой забавы и обращеніе съ нужными для нихъ матеріалами. При невѣдѣніи, и при неосторожности, каждый обрабатываемый матеріалъ, разлагаясь или измельчаясь, дѣйствуетъ на наше тѣло, и послѣдствія этого дѣйствія ощутительны не только на заводахъ, но и въ домашнемъ, хозяйскомъ быту. Докторъ Гальфортъ, въ Германіи, оказалъ необыкновенную услугу всѣмъ изслѣдованіями своими о вліяніи различныхъ занятій на здоровье занимающихся. Его сочиненіе объ этомъ важномъ предметѣ было принято по всюду съ одобреніемъ и благодарностью. По распоряженію господина министра финансовъ и Медицинскаго Совѣта оно теперь переведено на рус-

скій языкъ подъ заглавіемъ— «*О болѣзняхъ ремесленниковъ, промышленниковъ и фабричныхъ работниковъ*», сочиненіе доктора Гальфорта, переводъ съ нѣмецкаго, » и переведено отлично, перомъ звяющимъ и хорошимъ. Владѣльцы и хозяева, у которыхъ есть какой бы то ни было родъ ручнаго или машиннаго производства, должны непременно обратить любопытство и вниманіе свое на эту существенную для нихъ книгу, какъ для здоровья работающихъ на ихъ пользу, такъ и для собственнаго своего.

— Въ Военно-учебныхъ заведеніяхъ учать писать, не только красивымъ почеркомъ, но вмѣстѣ и быстрымъ. Одинъ изъ воспитанниковъ этихъ превосходныхъ заведеній, господинъ Ходоровскій, посвятилъ себя, особенно, этому важному для образованія людей искусству и, посредствомъ труда и изобрѣтательности, довелъ методу скорописанія, извѣстную подъ именемъ Карстеровой, до необыкновенной степени совершенства: опытомъ Военно-учебныхъ Заведеній доказано, что въ нѣсколько недѣль можно довести руку до того, что вы будете писать слова, красиво и четко, почти съ той же быстротою, съ какою ихъ произносите. Скорописаніе не должно смѣшиваться со стенографіей: эта употребляетъ условные знаки, между-тѣмъ какъ скоропись пишетъ всѣми буквами. Соединеніе скорости съ красивымъ или по крайней-мѣрѣ четкимъ, почеркомъ составляетъ почти для всѣхъ пишущихъ самый непріятный камень преткновения: сколько особъ, обою пола, получившихъ тщательное воспитаніе, когда имъ приходится писать быстро, пишутъ какъ безграмотные, къ великому огорченію своему, и къ отчаянію, досадѣ, бѣшенству своихъ читателей! Въ нашъ вѣкъ, всѣ родители должны бы заботиться объ удаленіи отъ своего потомства заблаговременно этого пороку воспитанія, а молодые люди, обою пола, попавшіе въ скверную каракулей и печеткости, принять на себя небольшой трудъ преобразовать руку свою по хорошимъ скорописнымъ методамъ ко всеобщему удовольствію своихъ друзей, знакомыхъ и другихъ современниковъ. Скверно писать такъ же неучтиво и отвратительно какъ скверно одѣваться и подавать къ пожатію грязную руку. По методу Карстера, примѣненной господиномъ Ходоровскимъ къ русской, французской и нѣмецкой граматѣ, можно достигнуть до примѣчательнаго скорописнаго совершенства безъ учителя. Господинъ Ходоровскій издалъ съ этою цѣлью весьма хорошее руководство къ своему искусству подъ заглавіемъ: «*Курсъ скорописанія по методу Карстера, принятый въ Военно-учебны*

Заседній». Сочиненіе посвящено Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу.

— Переводъ извѣстнаго сочиненія господина Тьера, «*Исторія консульства и имперіи во Франціи*», предпринятый господиномъ Кони и хорошо имъ исполняемый, продолжаетъ выходить отдельными частями или выпусками, которыя печатаются въ видѣ весьма красивыхъ книжекъ съ красивыми портретами. Последняя вышедшая книжка составляетъ четвертую часть втораго тома и украшена гравированнымъ на стали портретомъ Мюрата.

— Нѣсколько мелкихъ сочиненій явилось въ книжныхъ лавкахъ въ послѣдніе дни мѣсяца. Вотъ нѣкоторыя заглавія: «*Французская грамматика Ноэля и Шапсала, съ русскимъ переводомъ*», (СПб.), двѣ части— «*Замѣчанія на русскую грамматику, Н. Кирова* (Москва)— «*Слово на погребеніе раба Божія, коллежскаго советника и кавалера, Якова Саввича Любимова, архимандритомъ Гаврииломъ* (Казань) — и прочая.

==

стихотворения Александры Бѣдаревой. *Кіевъ, въ пич. Университета, 1846, вѣ-12.*

Я держусь той теоріи, что женщина — разумѣется, молодая: старыхъ женщинъ нѣтъ въ природѣ, какъ нѣтъ старыхъ цвѣт-ковъ ни старыхъ радугъ — что женщина не что иное какъ во-ображеніе въ вырѣзномъ платьѣ. Въмѣсто сердца, въ ней бьются «Мертвыя души» — я хотѣлъ сказать: въ ней бьется поэма... Простите, что я такъ странно обмолвился; я печаленъ — Гомеръ, знаете, боленъ! О, самолюбіе! самолюбіе книжное! сколько ты убиваешь умовъ и талантовъ! Какая чума можетъ сравниться съ тобою въ свирѣпости! Какая голова въ силахъ устоять противъ твоего тлѣ-творнаго дѣйствія! Надо имѣть черепъ чугунный и мозгъ изъ ал-мазу, чтобы не разрушиться отъ твоихъ предательскихъ сотрясеній. Самолюбіе! лютое самолюбіе! посмотри что сдѣлало ты изъ Го-мера. Гомеръ болѣнъ! Гомеръ захворалъ на томъ, что онъ — не въ шутку Гомеръ. Гомеръ возгордился неизлечимо! Искорбное это извѣстіе поразило уныніемъ всѣхъ любителей эпической поэзіи, въ томъ числѣ и меня, по долгу званія моего. Типунъ вамъ на языкъ! — въ томъ числѣ и мнѣ — вамъ, которые, когда явились въ свѣтъ незабвенная поэма, предсказывали по одному уже ея заглавному листку, и по нѣкоторымъ любопытнымъ страничкамъ, что это тѣмъ кончится — что тутъ уже есть начало болѣзни. Гомеръ отрекается отъ безсмертія, отъ удивленія народовъ,

потому что народы не понимаютъ его и еще не умѣютъ удивляться ему надлежащимъ образомъ, отъ авторской суеты, отъ всѣхъ поэмъ, и улетаетъ на Олимпъ занять заранѣе мѣсто свое между богами. Прощайте, мелкіе смертные! [Туманное облако мистицизма окружило Гомера и его болѣзненное самолюбіе, и они торжественно улетѣли въ вышнія, оставивъ на землѣ господина Бернардскаго печально стоящимъ на колѣняхъ, и, съ глазами взведенными въ таинственное облако, подносящимъ ему негнѣнный памятникъ своего рѣзца, «*Сто рисунковъ на сюжеты изъ поэмы Мертвья души*». Я, съ моей стороны не отрекаюсь ни сколько отъ этого памятника: карандашъ господина Агина изященъ и уменъ; рѣзецъ господина Бернардскаго смѣлъ, чистъ, и красивъ, и мы станемъ читать эти сто картинокъ на поэму Гомера, когда ужъ Гомеръ считаетъ насъ недостойными читать его поэмы. Конечно, съ большимъ удовольствіемъ, и долѣе, будемъ мы читать эти картинки чѣмъ самую поэму Гомера. Послѣ его смерти, не прежде какъ послѣ его смерти, когда родъ человѣческій поумиѣетъ и будетъ въ состояніи постигать вполнѣ величіе этого несравненнаго гения, явятся его неизданныя и еще не написанныя творенія. Послѣ смерти! Надѣмся, что она не такъ-то скоро насъ опечалитъ. Долго ждать! И къ тому времени навѣрное пройдетъ мода на слогъ, языкъ и манеру послѣдняго изъ Гомеровъ даже и у тѣхъ, чей вкусъ она благополучно покорила себѣ, такъ что твореній его, пожалуй, никто и читать не захочетъ. Картинки всё-таки вѣрнѣе. Онѣ написаны превосходно по-русски, тутъ есть стиль, и нѣтъ никакого запаха. Словомъ сказать, женщина — поэма, и притомъ такая поэма, которую всегда будутъ читать. Сердце ея — и подавно поэма; самая удивительная изъ всѣхъ поэмъ, не въ обиду будь сказано «Мертвымъ душамъ». Стоитъ только изрѣзать молодое женское сердце въ стихи, истолочь въ ямбы и трохеи, и приправить римами, — и поэзія готова! Кіевскій издатель стихотвореній госпожи Александры Бѣдаревой совершенно того же мнѣнія: онъ любитъ женскую поэзію вообще и поэзію госпожи Александры Бѣдаревой въ-особенности, и вѣроятно онъ знаетъ что говорить, когда говоритъ, что «изъ нея должна образоваться писательница, достойная занять мѣсто въ ряду-именъ, присутствующихъ на горизонтѣ нашей отечественной литературы». Мысль свѣтлая и очень хорошо высказана. Я, съ моей стороны, согласенъ съ мнѣніемъ кіевского издателя, и прежде чѣмъ будущая писательница сядетъ въ рядъ

ЭТИХЪ ГОРИЗОНТАЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ, ПРОЧИТАЮ ВАМЪ ОДНО ЕЯ СТЕХО-
ТВОРЕНІЕ :

«Гдѣ ты, мой Геній,
Ангель небесъ?
Иль изумленный
Чудомъ чудесъ,
Ты мірозданью —
Тайнѣ Творца,
Славя святую
Благость Отца,
Тихо дивишься?
Иль въ быстротѣ
Съ вихрями мчишься
Къ той высотѣ,
Гдѣ такъ роскошно
Тмою темъ звѣздъ
Въ часъ полуночный
Поле небесъ,
Убрано Богомъ?
Или и ты,
Какъ стопокъ строгій,
Отъ суеты
Уединенный,
Тщишься узнать
Міра законы,
И разгадать
Существованье
Я и не-я,
И основанье
Ихъ бытія?
Иль надъ могилой,
Какъ мотылекъ, —
Гость легкокрылый,
Флоры сынокъ, —
Рѣзво порхаешь
Ты по цвѣтамъ
И собираешь
Съ нимъ оміамъ?
Гдѣ ты, мой геній,
Ангель небесъ?»

Бѣдное дитя! у васъ въ душѣ звучитъ таинственная мелодія, въ разумѣ сіяетъ лучъ незнаемаго свѣту, въ сердцѣ волнуется теплое чувство прекраснаго и высокаго, и вы ищете вашего Генія? Онъ въ васъ! Вашъ Геній — страданіе! Талантъ рождается изъ душевныхъ мученій, дышетъ безсонницею, питается слезами. Вы будете страдать, будете плакать, — можетъ-быть ужъ и плачете, — вы будете несчастны: и тогда, изъ глубины разорванной души, раздастся въ васъ пѣснь высокая и сладкая: люди станутъ слушать ее съ восторгомъ, между-тѣмъ какъ вы — вы — будете рыдать и стонать.... Вотъ вашъ Геній! Вотъ ваша судьба! — судьба всякаго творящаго таланта. Бѣгите отъ него. Но куда? Вы нигдѣ отъ него не скроетесь! Онъ пойдетъ за вами повсюду. Бѣдное, бѣдное дитя! Зачѣмъ позволили вы своему издателю напечатать эти стихотворенія? О, вы не знаете, что это такое — сидѣть *писательницей* между *именами* на *горизонтѣ*! Но теперь ужъ поздно: вы напечатаны — талантъ увлекаетъ васъ неодолимо — вы погибли для счастья. Страдайте — и будьте славны!.. Молите Бога о терпѣніи: терпѣніе даетъ искусство; искусство — славу.

Это собраніе первыхъ поэтическихъ опытовъ молодой дѣвушки заключается коротенькою пьесой: «Вечеръ».

Огромнымъ, раскаленнымъ шаромъ
 Всплывала чудная луна,
 И западь, залитой пожаромъ,
 Ужъ начиналъ темнѣть; и сна
 Прося усталая природа,
 Закутывалась пеленой
 И засыпала до восхода
 Красавца-солнца надъ землею;
 И тихо въ небѣ становилось,
 И чудилось, какъ земля,
 На сонъ грядущій отходя,
 Чуть внятнымъ голосомъ молилась.

ПРАВОСУДИЕ И ВЗЯТКА. *Сказка въ двухъ главахъ. СП.-бургъ, 1846, въ тѣп. Экбертса, въ-12., стр. 35.*

Наконецъ и взятка нашла себѣ поэта, и очень хорошаго, умнаго поэта. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Мало ли что уже воспѣто на Руси? Было же время, когда русскіе юноши

«Вдохновились таинны вѣщами, которыхъ совѣтъ нѣтъ въ природѣ, странными, дикими, осоловѣлыми вѣщами, которыхъ не существуетъ и существовать не можетъ, однимъ словомъ, дѣвами и мечтами. Послѣ этого взятка—прекрасный предметъ для поэзии; тутъ по-крайней-мѣрѣ знаемъ, о чемъ идетъ дѣло; и можно описать по всѣмъ примѣтамъ; она такъ и просится въ руку, она родилась въ карманѣ, для воображенія.

Въ первой главѣ этой восхитительной поэмы заключается вступленіе и историческое разысканіе началъ взятки,

«Брать? или не брать?—вотъ въ чемъ вопросъ,
Вотъ современная загадка....»

Именно знаменитое изреченіе Гамлета въ буквальный русскій переводъ, въ точномъ примѣненіи къ современной жизни. Иной человѣкъ съ тѣмъ и выросъ, на то и родился —

«Онъ такъ привыкъ всѣхъ обирать,
Такъ породнился съ симъ искусствомъ,
Что бралъ, беретъ и будетъ брать,
Съ расчетомъ, съ опытомъ и чувствомъ».

Что жъ дѣлать! это его призваніе, его судьба, а этой судьбы не миновать.....

«Но кто же онъ?—А! тутъ законная граница:
Долгъ правды—поборать грѣхъ общій, а не лица...
Что выше сказано, касается до всѣхъ».

Дѣло не въ лицахъ, а въ томъ, что взятка существуетъ, что она не пустая выдумка, не луна, не дѣва, не мечта; люди ее вымыли, причесали и завняли....

«На пуху она лежитъ,
Иль изъ должности обжиятъ
Вдоль по Невскому Проспекту;
Дѣткамъ лакомства несетъ
И невинная—сосетъ
Съ изумленіемъ конфетку».

Но люди, неблагодарные, безсовѣстные, жестокіе, отъ нея

отрекаются — и «Взятка», бѣдная, обиженная Взятка, съ жалобой отправляется къ Правосудію.

• Къ правосудію?... это чудо!
 • Быть не можетъ?...» Погоди:
 Это присказка, покуда,
 Сказка будетъ впереди.»

Правосудіе очень оскорбилось этимъ неожиданнымъ визитомъ и приняло посѣтительницу чрезвычайно невѣжливо. Но Взятка не унываетъ; она увѣрена, что правое дѣло всегда найдетъ защиту передъ лицомъ Правосудія; она съ ожесточеніемъ нападаетъ на людей, которые —

«... нынче ходятъ всѣ подъ маской,
 Не скажутъ въ публикѣ слова;
 Когда дома примутъ съ прежней лаской,
 Да только съ задняго крыльца....»

При этихъ словахъ Правосудіе становится внимательнѣе; оно уже видитъ, въ чемъ дѣло. И дѣйствительно, Взятка идетъ въ доносъ; она хочетъ сорвать съ людей личину, чтобы они, «упитанные виномъ и брагой» —

«Передо мной не поднимали носъ».

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она боятся, она труситъ, зная эту коварную породу; люди отпишутся; они ее, бѣдную, задушатъ перьями, словами, бумагой.

«Какъ оный такъ и сей
 Понеже, ибо, поелику,
 Въ семь казусъ потребуютъ улику;
 Тѣмъ паге, дондеже, по сей
 Пригизнь, въ семь и въ ономъ
 Параграфѣхъ присуждено;
 Что лигностъ каждаго, сирѣчь лицо, равно,
 И правосудьемъ, и закономъ
 Ограждено».

Послѣ того Взятка развертываетъ карту города *** , и, предаваясь справедливому негодованію, восклицаетъ :

«Гляжу я безумно на эти мѣста
И хладнымъ презрѣньемъ сковались уста,
Когда легковѣрна я къ людямъ была,
Любила тамъ съ ними рѣшать я дѣла.
Какъ люди мнѣ льстили, ласкали меня,
И что жъ? дождала я до чернаго дня!
Они меня сами оттуда въ толчки!
Потомъ постучались ко мнѣ же крючки.
(И шепчуть): «Мы тѣ же... на васъ довели...
«Будь съ нами навѣкъ!»—и въ семью повели.
Я злата имъ въ руки—и всѣхъ прокляла!
Съ ихъ женами дружбу съ тѣхъ поръ завела!
Съ тѣхъ поръ не являюсь я въ эти мѣста,
А все-таки совѣсть у нихъ не чиста.
Мужья меня гонять и двери запрутъ...
Но какъ *благодарность* ихъ жены берутъ!»

Тутъ негодованіе Взятки возрастаетъ, до высшей степени; она весь этотъ городъ предаетъ проклятію.

«Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Здѣсь многіе падутъ во прахъ!
Ихъ мой доносъ отъ сна разбудитъ:
Они къ тебѣ узнаютъ страхъ.
Тогда со всѣхъ концовъ столицы
Стекутся скаредныя лица,
Дрожа передъ тобой, какъ листъ....
.....»

Послѣ каковыхъ энергическихъ словъ, Взятка прощается съ Правосудіемъ; она навсегда отрекается отъ этихъ неблагодарныхъ мѣстъ и отправляется въ Китай. Всѣ пожитки уложены, дорожная подписана, она ѣдетъ; но къ счастію всѣхъ ея вѣроломныхъ почитателей и обожателей у заставы ее останавливаетъ —

«Какой-то господинъ съ «фигурою фатальной».

И Взятка остается.

ЗАПИСКИ ДОКТОРА. П. Малиновскаго. *СП.-бургъ, 1846, въ тил. Крайя, въ 9., книга первая, стр. 111.*

Въ жизни ~~врача~~ безпрерывно встрѣчаются случаи, достойные участія и наблюденія; передъ нимъ совершаются вострыя явленія дѣйствительной жизни, со всеми ея болѣзнями и недугами, огорченіями и радостями; передъ нимъ эта жизнь снимаетъ маску, ему открываютъ все семейныя тайны; онъ по необходимости становится полнымъ повѣреннымъ своихъ большихъ. Онъ сходится съ самыми противоположными характерами, слышитъ столько жалобъ, видитъ столько горя и слезъ, что мало-по-малу соберетъ огромный запасъ самыхъ разнородныхъ впечатлѣній, самыхъ занимательныхъ замѣтокъ о жизни, людяхъ и страстяхъ. Ему не къ чему выдумывать происшествія, завязывать интриги; все это готово для него, все обдуманно и составлено у самой постели его больныхъ. И не забудьте, что въ разсказахъ доктора вы всегда найдете еще другое огромное преимущество — правду, часто горькую, грустную правду, какую разсказываютъ одни только умирающіе, которые не лгутъ уже, не хитрятъ, не перетолковываютъ. И потому вы не увидите въ запискахъ врача затѣйливыхъ выдумокъ празднаго воображенія; это — простая лѣтопись человѣческой жизни во всей ея наготѣ, предсмертная исповѣдь умирающаго, и часто грустное завѣщаніе, горькій урокъ для тѣхъ, что его переживаетъ. Господинъ Малиновскій очень хорошо дѣлаетъ, что печатаетъ свои записки, хотя это и не новая мысль; стоить вспомнить о занимательныхъ запискахъ Гаррисона. Но одно другому не мѣшаетъ, именно потому что у каждаго больного, у каждаго умирающаго, своя исповѣдь, и своя манера умирать, совершенно оригинальная, безъ всякаго подражанія.

Первый разсказъ, помѣщенный въ этой книжкѣ, уже знакомъ читателямъ Библіотеки для Чтенія, и потому объ его достоинствѣ и содержаніи распространяться не нужно, тѣмъ болѣе что этотъ разсказъ составляетъ только начало записокъ господина Малиновскаго, только первую книжку кнѣги, которая безъ сомнѣнія найдетъ многихъ читателей.

приятный собеседникъ, или *Собраніе любопытныхъ и забавныхъ анекдотовъ, веселыхъ рассказовъ, остроумныхъ шутливыхъ, поговорокъ, мѣтокъ, странностей, и проч. и проч. и прочего.* Собралъ А. Ивановъ. Москва, 1846, въ тип. Евреинова, въ-18., Три части, стр. 176 — 144 — 196.

Между остроумными изрѣченіями этого Приятнаго Собесѣдника, читается и нижеслѣдующее: « Легко написать скучную книгу, « но трудно прочесть ее ». Великолѣпное остроуміе, несомнѣнная истина, въ которой можно вполне убѣдиться, если одолѣть безконечное собраніе этихъ любопытныхъ и веселыхъ рассказовъ. Вотъ еще любопытное изрѣченіе, которое для рѣдкости и выписывается: « одинъ шутливый германскій писатель раздѣляетъ женщинъ на три разряда. По его мнѣнію дѣвицу можно « сравнить съ молокомъ, замужнюю женщину съ сливочнымъ масломъ, а старуху съ лимбургскимъ сыромъ ». Это совершенно любопытное изрѣченіе издатель называетъ *забавнымъ сравненіемъ.*

ПРОСТУПОКЪ ГОСПОДИНА АНТУАНА. Романъ Жоржъ-Санда. СПб.-бургъ, 1846, въ тип. Глазунова, въ-8. Три части, стр. 101 — 125 — 122.

Странная вещь — заморскіе романы! всѣ ихъ читаютъ, и всѣ бранятъ. Они завоевали всѣ литературы, всѣ газеты, всѣ журналы. Они рассказываютъ вамъ съ необыкновеннымъ простодушіемъ такія несообразности, что вы краснѣете и за романъ и за себя; вамъ досадно, что вы не можете бросить этихъ книгъ, что васъ занимаютъ всѣ эти неслыханныя нелѣпости, эти удивительныя, безтолковыя происшествія, которыя вамъ выдаютъ за чистую монету, которыя вамъ навязываютъ съ такимъ непритворнымъ хладнокровіемъ, какъ-будто все это было очень просто, очень естественно и можетъ случиться каждый день передъ вашими глазами; вамъ очень досадно, но вы читаете всё дальше и дальше, вы даже читаете съ удовольствіемъ десять, двадцать томовъ такихъ нелѣпостей; вы не можете оторваться отъ нихъ, и потому-то именно вамъ такъ досадно на себя. Надобно правду сказать, что между безчисленными заморскими рассказчиками, Жоржъ-Сандъ мнѣе другихъ прибѣгаетъ къ этимъ насильственнымъ мѣрамъ возбуждать ваше вниманіе, щекотать ваше воображеніе. Она обыкновенно выбираетъ самое простое, самое пошрое происше-

отвіе, барыню и разночинца, и рассказываетъ его такъ просто, такимъ чистымъ, натуральнымъ языкомъ, что вы и сами не примѣчаете, чему и отчего восхищаетесь, и зачѣмъ не краснѣете ни за себя ни за нее. Но, увы, съ ней другая бѣда; иногда она вамъ расскажетъ простенькую повѣсть, безъ всякихъ притязаній, а между-тѣмъ, рассказывая, она коварно передѣлываетъ и жизнь и общество по-свѣдому, разрушаетъ все, чтò ей не нравится, создаетъ новый міръ, съ новымъ порядкомъ и новыми законами. И тогда съ ней случается то, чтò обыкновенно бываетъ съ людьми, которые берутся не за свое дѣло: она незамѣтнымъ образомъ удаляется отъ истины; логика ей измѣняется; на каждомъ шагу попадаются парадоксы, смѣлые, милые, мило выраженные, но всё-таки вздорные; дѣйствительность замѣняется идеалами, несообразными, невозможными и за простыми рассказомъ о пошломъ дѣлѣ вы встрѣтите цѣлую теорію, которая рѣзко и неприятно противорѣчитъ дѣйствительной жизни. Къ числу такихъ романовъ принадлежитъ и «Проступокъ мосѣ Антоана», въ которомъ Жоржъ-Сандъ становится жаркимъ проповѣдникомъ умозрительныхъ глупостей, и тѣшится разными фантастическими теоріями, которыя могутъ быть обольстительными для молодого, неопытнаго ума, но въ настоящей жизни навсегда останутся безъ примѣненія. Переводъ этого романа не дурепъ.

ИВАНЪ ВЕЛИКІЙ, или *Таинственная юродивая. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе В. О. Потапова. Москва, 1846, въ-12., въ тип. Университетской. Часть первая, стр. 67.*

Еще новое произведеніе неутомимаго Василія Потапова, совершенно принаровленное по вкусу и потребностямъ его нижегородскихъ читателей, съ такимъ же заманчивымъ заглавіемъ, съ такимъ же отсутствіемъ слогу, смыслу и грамматики. На этотъ разъ господинъ Василій Потаповъ разсердился на историческіе романы и принялся ихъ отдѣлывать по-свѣдому, то есть, онъ самъ написалъ историческій романъ. Историческіе романы въ самомъ дѣлѣ ужасно надоѣли; они вполне заслужили примѣрное наказаніе и господинъ Василій Потаповъ взялся карать ихъ. Онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, и съ свойственнымъ себѣ дарованіемъ, навсегда подорвалъ ихъ кредитъ и теперь они совершенно выйдутъ изъ вѣры. Это только часть *первая*: погодите —

явятся другія части, и историческимъ романамъ будетъ еще хуже.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ КОРМИЛИЦЪ, или *Настольная книга матерямъ семейства*, изданная В.....мъ П.....мъ. Москва. 1846, въ тип. Смирнова, въ—12., стр. 67 и 62.

Это руководство непременно должно принадлежать знаменитому сочинителю историческихъ романовъ, неутомимому господину Василию Потапову. На заглавіи выставлены двѣ замысловатыя буквы, напоминающія начало этого драгоценнаго имени; въ языкѣ очень мало грамматики; въ содержаніи мало логики; все какъ слѣдуетъ; и притомъ господинъ Потаповъ совершенно въ-состояніи перескочить отъ историческаго романа къ руководству для кормилицъ; ему это рѣшительно ничего не стѣбитъ: да и такія ли скачки ему случалось дѣлать? Но кто бы ни былъ таинственный В.....й П.....ъ, посмотрите только, какіе смѣлые порывы воображенія. Къ вамъ обращаются, несчастные, легкомысленные отцы семейства. Не правда ли, ваша совѣсть чиста, вы довольны судьбой, вы очень покойно просиживаете вечера въ англійскомъ клубѣ, потому что вы нашли для вашего маленькаго сына молодую, прекрасную, бѣлокурую кормилицу? Проснитесь, опомнитесь; вы стоите у пропасти; спасите вашего ребенка, пока еще не поздно; прогоните вашу бѣлокурую красавицу и возьмите темно-волосую.

«Темноволосыхъ кормилицъ должно предпочитать свѣтловолосымъ, ибо если не допустить фантастическаго предположенія, что эти два обстоятельства имѣютъ прямое вліяніе на умственныя и нравственныя свойства младенца, то по-крайней-мѣрѣ нельзя не допустить того, что цвѣтъ волосъ и глазъ можетъ до-давать ясно темпераментъ кормилицы, который безъ всякаго сомнѣнія долженъ имѣть вліяніе на здоровье ребенка.»

Правда, что для васъ не совсѣмъ еще ясно; вы еще не видите основательной причины, почему вамъ непременно надобно брать темноволосую кормилицу; кому жъ вамъ, можетъ-быть, вовсе не хочется сдѣлать изъ вашего сына пылкаго, страстнаго юношу, настоящаго головорѣза; вы боитесь, что воспитанникъ темноволосой кормилицы современемъ горько напашитъ, что вамъ придется платить его долги; вы предпочитаете тихій и кроткій характеръ; вамъ хочется имѣть скромнаго, благонаправнаго сына

притомъ же бѣлокурая кормилица — прекрасная собою женщина: она вотъ такъ понравилась! Но дѣлать нечего; прогоните ее скорѣй, пожертвуйте этой бездѣлицей господину В.....ю П.....у; нето, онъ разсердится; вы навяжите себѣ прегадкую исторію — онъ вѣсь пашотчуетъ своимъ искусственнымъ млекопитаніемъ.

О РАСПОЗНАВАНІИ И ДОМАШНЕМЪ ЛЕЧЕНІИ *самыхъ частыхъ и обыкновенныхъ болѣзней крестьянъ. Книга для руководства помѣщикамъ, заботящимся о здоровьи и благостояніи своихъ крестьянъ, сочиненная лекаремъ Степаномъ Христовскимъ. Киевъ, въ тип. Университета, 1846, въ-8., стр. 163.*

Очень простое и хорошее руководство для помѣщиковъ, которыхъ имѣнія удалены отъ прямого медицинскаго пособія; книга написана безъ всякаго ученаго притязанія, ясно и понятно для всѣхъ; въ ней разсматриваются только самыя обыкновенныя крестьянскія болѣзни, требующія немедленно пособія; эти болѣзни описаны по главнымъ отличительнымъ признакамъ, а для леченія ихъ предлагаются самыя легкія и простыя средства. Вся книга раздѣлена на четыре отдѣленія, въ которыхъ разсматриваются внутреннія, наружныя, женскія и дѣтскія болѣзни, больше другихъ встрѣчающіяся въ крестьянскомъ быту.

КНИЖКА ФРАНЦУЗСКО-РУССКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ, съ присавокупленіемъ разныхъ писемъ, записокъ и билетовъ. Составлена по лучшимъ и новѣйшимъ иностраннымъ сочиненіямъ въ этомъ родѣ. Одесса, 1846, въ городской типографіи, въ-12., стр. 162.

Разговоры, составленные для незнающихъ французскаго языка. Въ нихъ заключаются самыя употребительныя фразы и выраженія объ обыкновенныхъ предметахъ ежедневной жизни. Къ концу книги приложены разные письма, просительныя, рекомендабельныя, пригласительныя и тому подобныя. Всѣ эти примѣры очень хорошо принаровлены къ первоначальному практическому употребленію.

ИСТОРИЯ ИТАЛІЙСКИХЪ КАМПАНИЙ 1813 и 1814. Съ девятью картами и планами. Съ французскаго полковникъ Силичъ. СПбурзь, 1846. въ тип. Крайя, въ-8., 338 и XVI.

До-сихъ-поръ на русскомъ языкѣ еще не было описанія италійскихъ кампаній 1813 и 1814 года, этой блистательной войны вице-короля италійскаго, въ которой съ такою силою обнаружился его глубокія военныя соображенія. Довѣріе Наполеона къ принцу Евгенію одно уже можетъ служить мѣрою его военнаго

генія, но это довѣріе самымъ блистательнымъ образомъ оправдала кампанія 1813 и 1814 года, потому что здѣсь вице-король дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію и облеченный неограниченнымъ полномочіемъ распоряжался совершенно отдѣльно. Эта кампанія навсегда останется образцомъ оборонительной войны; участь ея совершенно зависѣла отъ способностей и соображенія полководца, который изъ горсти солдатъ, на-скоро набранныхъ и необученныхъ долженъ былъ сперва создать себѣ армію, а потомъ съ этими слабыми средствами обороняться противъ сильнаго непріятеля, при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ. Эта трудная военная задача разрѣшена была принципомъ Евгениемъ съ полнымъ, блистательнымъ успѣхомъ, между-тѣмъ какъ въ этой кампаніи и всѣ его дѣйствія постоянно отличались такимъ благородствомъ, что они приобрѣли ему полное и справедливое уваженіе всѣхъ союзныхъ монарховъ.

Полковникъ Силпчъ перенесъ въ русскую военную литературу извѣстное сочиненіе генерала Водопкура. Переводчикъ очень хорошо сдѣлалъ, что выпустилъ многія, совершенно лишнія подробности и измѣнилъ мѣстами неточные военные термины французскаго генерала. Кромѣ этого всѣ карты, приложенныя къ сочиненію, неполныя и невѣрныя у Водопкура, замѣнены переводчикомъ новыми, которыя онъ составилъ по превосходному атласу Брюэ и по картѣ Италіи Баклера-Дальба.

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ ПОХОДА РОССІЙСКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ, ВЪ 1829 ГОДУ. Сочиненіе полковника генеральнаго штаба А. Веригина, СПб.-бургъ, 1846, въ-8, въ Тип. Военной, стр. 80.

Обозрѣніе турецкой компаніи 1829 года отличается простымъ и яснымъ изложениемъ всѣхъ военныхъ дѣйствій этого замѣчательнаго похода.

Въ самомъ началѣ авторъ разсматриваетъ въ бѣгломъ очеркѣ, наши древніе походы къ Константинополю; отсюда онъ переходитъ къ описанію новѣйшихъ войнъ противъ Турціи и, наконецъ, очертивъ общій характеръ войны 1828 и 1829 годовъ, приступаетъ къ подробному описанію этого послѣдняго похода. Здѣсь разсматриваются составъ, число и расположеніе дѣйствующихъ силъ, движеніе и переходы войскъ, осадныя работы, переправы и сраженія, съ стратегической точки зрѣнія. Всѣ военныя дѣйствія оцѣнены съ безпристрастіемъ и знаніемъ дѣла, причина неудачъ и ошибочныя дѣйствія верховнаго визиря объяснены; и искусныя соображенія графа Дибича, его стратегиче-

ское движеніе изъ Силистріи къ Кулевчѣ, дѣйствіе передъ Шумлою и обходное движеніе черезъ хребетъ Балканскихъ горъ, какъ самыя замѣчательныя подвиги этой компаніи, изображены отчетливо и ясно, безъ лишняго преувеличенія, но съ полнымъ и должнымъ уваженіемъ къ высокимъ талантамъ русскаго полководца. Книга господина Веригина, замѣчательная въ военномъ отношеніи, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную и занимательную картину нашей послѣдней войны противъ Турціи.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЛЕЙБЪ-ГВАРДИИ ФИНЛЯНДСКАГО ПОЛКА, или *Матеріалы въ воспоминаніяхъ и разсказахъ для исторіи полка, съ портретами и планами бородинскаго и лейпцигскаго сраженій. Составлена служившимъ въ баталіонъ и полку съ 1808 по 1820 годъ А. Маринымъ. Сп.-бургъ, 1846 въ-12, въ тип. И. Академіи Наукъ. Двѣ части, стр. 160 — 157.*

Одинъ изъ старыхъ офицеровъ финляндскаго полка взялся разсказать исторію его, начиная отъ первоначальнаго сформированія финляндскаго баталіона. Для этого онъ отыскалъ въ воспоминаніяхъ своихъ богатые матеріалы, дополненные многими официальными свѣдѣніями. Какъ очевидецъ, который самъ принималъ дѣятельное участіе въ безсмертную эпоху Отечественной Войны, онъ живо описываетъ военную судьбу финляндскаго полка отъ 1806 до 1814 года. Вслѣдъ за этимъ описаніемъ помѣщено нѣсколько анекдотовъ и собраніе полковыхъ пѣсень, замѣчательныхъ не какъ произведенія русскаго поэзіи, а какъ характеристика нашего солдата. Изданіе украшено нѣкоторыми рисунками и многими портретами офицеровъ, которые служили въ этомъ полку.

Въ строгомъ смыслѣ эта книга не исторія, а только матеріалъ для будущей исторіи; но матеріалы этого роду теряются, если ихъ не сохранить, не собирать во-время и потому всякое подробное предпріятіе заслуживаетъ полнаго одобренія, тѣмъ болѣе, что для исторіи русскаго войска, покрытой кровью и славой, до-сихъ-поръ еще очень мало сдѣлано, а матеріалы, оставленные безъ вниманія, теряются всё болѣе и болѣе.

НОВЫЯ ВРОШКОРЫ.

КОРСАРЪ. *Разсказъ Евгенія Сю, автора Парижскихъ Тайнъ и Вѣчнаго Жуда. Кіевъ, 1846.* — Въ Петербургѣ появилась Карманная Библіотека, въ которой помѣщаются новыя французскіе романы; они выходятъ маленькими книжечками и продаются

очень дешево. Въ Кіевѣ книгопродавецъ Павелъ Должиковъ разсудилъ, что это очень выгодное предпріятіе; написалъ или далъ написать кому-нибудь огромное, замысловатое предисловіе, въ которомъ онъ изъясняетъ успѣхи просвѣщенія въ нашемъ любезномъ отечествѣ и бесѣдуетъ о томъ, что изданіе выпусками, по его мнѣнію, не въ русскомъ духѣ. Поэтому господинъ Павелъ Должиковъ издалъ маленькую повѣсть Евгенія Сю въ одной книжечкѣ и приглашаетъ русскую читающую публику, поощрить это предпріятіе благосклоннымъ вниманіемъ. Ежели дѣло хорошо пойдетъ, господинъ Павелъ Должиковъ на этомъ не остановится; онъ распространитъ и увеличитъ свое изданіе; а « пока « не представится случая издать что-либо изъ произведеній отечественныхъ писателей, удободоступное для большинства русской публики всѣхъ сословій вообще, онъ будетъ пользоваться « *благовонными цвѣтами* иностранной литературы, справедливо « опредѣляя, что лучше знаться съ хорошимъ иноземнымъ, нежели съ своимъ нижепосредственнымъ ».

У господина Павла Должикова должны быть самыя невыгодныя, самыя не благовонныя понятія о русской литературѣ.

отвѣтъ на разборъ « *Отечественными Записками* » Дѣтской азбуки, составленной для сельскихъ школъ и Руководства къ обученію дѣтей чтенію по этой азбукѣ. Д. Д. СПб.-бургъ, 1846. — Какой-то господинъ написалъ дѣтскую азбуку; какой-то журналъ разобралъ дѣтскую азбуку. Скажите, пожалуйста, чѣмъ занимается критика и за что обижаются самолюбія! Дѣло, не касающееся « Библиотеки для Чтенія ».

РАЗСЧЕТЫ О РАЗСИРОНКѢ СПИРТОВЪ И ВИНА. Соч. И. Кавышикова. Москва, 1846. — Расчетъ спирту въ отношеніи къ полугару, который принять за единицу, всѣмъ и каждому извѣстенъ. Расчетъ Мильза, который отличается простотою, невѣренъ и въ табели его никто не нуждается, потому что по правиламъ Откупно-акцизнаго Коммисіонерства съ 1847 до 1851 года, употребленіе гидрометра Мильза замѣнено инструментомъ академика Гесса. Расчетъ для дѣленія водокъ составленъ по Мильзу; на практикѣ онъ можетъ быть хорошъ и приблизительно вѣренъ, но какъ для опредѣленія дѣйствительной доброты водокъ и для узнанія, сколько именно изъ взятаго спирта употреблено на разные сорта водокъ, слѣдовало принять въ руководство спиртомѣръ Тралеса, опредѣляющій настоящее количество алкоголя, или еще лучше спиртомѣръ академика Гесса, который показываетъ убыль при смѣшеніи, то и въ этомъ раз-

счетъ никто не нуждается. Въ цѣлой брошюрѣ одна таблица, показывающая за сколько принимается тысяча ведеръ спирту по масштабу академика Гесса, могла бы принести пользу; но, къ сожалѣнію, и эта таблица приложена къ самому инструменту, который находится въ рукахъ всѣхъ заводчиковъ и винокуровъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Вотъ нѣсколько замѣчательныхъ книгъ: — *Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи* А. Вейдемейра, — *Астрономія* А. Савича, — *Стихотворенія* А. Плещеева. Изъ Одессы получена весьма любопытная брошюра: *Жерченскія древности*, и другая: *О церковно-славянскомъ языкѣ*. Говорятъ, что съ новаго года *Ералашъ* М. А. Неваховича будетъ выходить каждый мѣсяцъ отдѣльными тетрадями съ литературными очерками. Необыкновенный, блистательный успѣхъ этихъ каррикатуръ оправдываетъ намѣреніе любителя-художника. Въ четвертой тетради этого альбома, которую давно всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, изображена между прочимъ олицетворенная русская литература; въ своемъ печальномъ странствіи ко храму безсмертія. Между тѣмъ на Невскомъ Проспектѣ, у магазина Беггрова, каждый день толпится публика и съ любопытствомъ разсматриваетъ цѣлый рядъ каррикатурныхъ статуэтокъ другаго даровитаго любителя, Н. А. Степанова. Кто не знаетъ забавныхъ статуэтокъ Дантани, представляющихъ въ каррикатурѣ всѣ парижскія знаменитости? У господина Степанова явилась мысль, по тому же способу иллюстрировать русскихъ геніевъ. Всѣ статуэтки его отличаются рѣдкимъ сходствомъ, переведеннымъ на каррикатуру. Не только лицо, но и фигура, походка, даже манера одѣваться, все выдержано и сохранено. Многія статуэтки раскрашены и отъ этого получили онѣ, если можно, еще болѣе сходства. Потѣха, да и только! У насъ всѣ роды остроумія, какъ въ Парижѣ.

— Перерожденіе *Санктпетербургскихъ Видомостей* рѣшено. Вскорѣ явится программа этой колоссальной и великолѣпной газеты.

VII.

С М Ъ С Ь.

=

РЕО-ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ МАШИНА. На последнемъ създѣ англійскихъ ученыхъ въ Коркѣ, мистеръ Ноттъ читалъ записку объ электрическихъ токахъ и о воздушномъ электриествѣ. Въ этой запискѣ помѣщено описаніе очень остроумнаго прибора, который самъ изобрѣтатель назвалъ «рео-электрическою машиною».

Машина эта есть соединеніе двухъ обыкновенныхъ машинъ, только разныхъ электриествъ. Здѣсь, два тѣла, трущія двѣ доски, стеклянная и смоляная, которыя сидятъ на горизонтальныхъ осяхъ, приводятся въ движеніе рукояткою и натираютъ подушечки, два кондуктора; одна только подставка. Подушечки сообщаются между собою, точно такъ же какъ и кондукторы, посредствомъ двухъ металлическихъ стержней. Машина эта, по своему дѣйствию, есть, слѣдственно, совершенное подобіе гальваническаго столба. Доски своимъ треніемъ отдѣляютъ электричество двоякаго рода. Стеклянная поглощаетъ электричество положительное, и передаетъ его кондуктору; а смоляная электризуется отрицательнымъ электричествомъ. Концы кондукторовъ соответствуютъ здѣсь полюсамъ гальваническаго столба; если сообщить его металлическою проволокою, то оба разнородныя электричества стекаются на этомъ соединителѣ. Въ машинѣ образуется

электрическій токъ, который производитъ всѣ дѣйствія химическія, физическія и физиологическія, подобно току гальваническому.

Мистеръ Поттъ также замѣтилъ, что смоляное, то есть, положительное электричество даетъ искры различныхъ цвѣтовъ, и что это различіе цвѣтовъ зависитъ отъ состоянія атмосферы, отъ существа тѣла, которымъ извлекаются искры. А электризуя магнитныя тѣла, Поттъ нашелъ, что они свѣтятся, сіяютъ: это электричество отдѣляется изъ нихъ въ видѣ свѣтлыхъ лучей и сіяніе продолжается до тѣхъ поръ, пока тѣла не потеряютъ всего запаса электричества.

Это послѣднее открытіе навело Потта на другое, еще болѣе важности, помогло объяснить ему и, кажется довольно вѣроятно, одно загадочное явленіе, именно:

СЪВЕРНОЕ СІЯНІЕ. Мистеръ Поттъ полагаетъ, что оно происходитъ отъ взаимнаго дѣйствія атмосфернаго электричества и земнаго. Подъ экваторомъ, утверждаетъ онъ, находится электричество отрицательное; у полюсовъ положительное; атмосфера въ нижнихъ слояхъ назлектризована положительно; верхніе же ея слои имѣютъ электричество отрицательное.

Вотъ какимъ опытомъ Поттъ подтверждаетъ свою гипотезу.

Онъ взялъ стальной шаръ, намагнитилъ его; надѣлъ на него, по направленію экватора, мѣдное кольцо, которое уединилъ посредствомъ обводки непроводника, назлектризовалъ его отрицательно, шару же сообщилъ положительное электричество.

Электричество разлилось по всей поверхности шара; къ полюсамъ только притекало постоянно болѣе и болѣе электрической жидкости и, наконецъ, стало отдѣляться въ видѣ свѣтлыхъ лучей и образовало совершенное подобіе сѣвернаго сіянія.

ЕЩЕ ПОЛЕЗНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ СВѢТОПИСНАГО ИСКУССТВА. Еще въ 1844 году господинъ Коленъ посредствомъ обыкновенныхъ фотографическихъ процессовъ, преимущественно помощью камеры-обскуры успѣлъ получить свѣтописное указаніе измѣненій электрометра Вольты подѣ влияніемъ воздушнаго электричества. Успѣхъ перваго опыта заставилъ господина Колена приложить этотъ новый способъ къ записыванію термометрическихъ и барометрическихъ наблюденій.

Господинъ Коленъ употребляетъ для этого очень чувствительную бумагу, которая можетъ имѣть неопредѣленную длину и которая притомъ гораздо дешевле дагерротипныхъ пластинокъ. Часовой механизмъ приводитъ въ движеніе эту бумагу и выдвигаетъ ее въ продолженіи часа на вершокъ длины. Полоса калотипной

бумаги разбивается на двѣнадцать вершковъ; такъ что на двухъ лоскуткахъ отмѣчаются наблюденія за цѣлыя сутки. Ночью употребляется искусственное освѣщеніе и преимущественно газовое.

Инструментъ, котораго показанія отмѣчаются, ставится между свѣтомъ и большаимъ двойнымъ выпуклымъ стекломъ, имѣющимъ фокусъ короткій; это стекло проводитъ на свѣтописную бумагу изображеніе инструмента, нѣсколько увеличенное, на которомъ столбъ ртути выходитъ свѣтлымъ, а пустая часть стеклянной трубки получается въ видѣ темной полосы отъ химическаго дѣйствія лучей свѣта на калотипную бумагу.

Для того чтобы отмѣчать показанія термометра или барометра, Колленъ ставитъ среди инструмента перегородку, имѣющую прямую вертикальную щель, которая помѣщается противъ трубы, наполненной ртутью. Это расположеніе имѣетъ цѣлю придать изображенію болѣе ясности; оно устраняетъ также неправильности, которыя могутъ произойти отъ преломленія свѣта въ стеклянной трубкѣ барометра или термометра.

Понятно, что такимъ образомъ можно графически отмѣчать показанія всѣхъ метеорологическихъ инструментовъ, которые только представляютъ видимое движеніе.

НОВОЕ НЕИЗВѢСТНОЕ МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ ЖИВОТНОЕ. Вотъ еще замѣчательное прибавленіе къ современной фаунѣ. Южная Австралія, столь замѣчательная специфическими произведеніями царства животнаго, доставила наукѣ еще новый типъ животнаго позвоночнаго, съ которымъ зоологи, вѣроятно, не замедлятъ насъ ближе познакомиться. Это животное первоначально было найдено въ заливѣ Геціанскомъ (Guesiane). Туземцы первоначально приняли его за земноводнаго тигра. Его длина почти двѣнадцать футовъ; голова одна длиною футъ и, что замѣчательно, въ ней не пахотится ни поздрей и ни какихъ другихъ дыхательныхъ отверстій. Челюсти очень сильныя, содержатъ всѣ тридцать два зуба — четыре клыка, кончечскіе, длиною въ два дюйма, задніе или коренные зубы трехгранные, каждый изъ нихъ состоитъ изъ трехъ частей, между которыми середняя длиннѣе двухъ боковыхъ. Животное это имѣетъ тринадцать реберъ съ каждой стороны. Шерсть его на спинѣ черноватая, на брюхѣ и на бокахъ свѣтлобураго цвѣта и испещрена черными полосами, какъ кожа тигра. Но замѣчательный характеръ представляетъ хвостъ этого животнаго: — хребетный столбъ окончивается длиннымъ копьевиднымъ отросткомъ, къ которому прикрѣпляется длинный хвостъ, имѣющій на каждой сторонѣ по три небольшіе крючка.

Вмѣсто конечностей это животное представляетъ два крѣпкіе грудные лапа; на брюшныхъ или спинныхъ плавниковъ оно не имѣетъ.

ВѢЗГЛАЗАЯ РЫБА. Въ послѣднее время открыли въ Соединенныхъ-Штатахъ, въ Кентукки, въ одной пещерѣ, родъ рыбы, совершенно новый, который, повидимому, живетъ въ солоноватыхъ водахъ.

Замѣчательно, что эта рыба не имѣетъ глазъ. Это единственный примѣръ въ цѣломъ животномъ царствѣ. Знаменитый обитатель пещеръ штирійскихъ, *Proteus anguinus* — Протей, имѣетъ глаза, правда, очень маленькіе, какъ показали изслѣдованія Рускони, хотя прежде натуралисты единодушно утверждали, что онъ лишень органа зрѣнія. Жефріе Уйманъ, который сообщаетъ извѣстіе объ этой кентуккской рыбѣ въ «*American Journal*», анатомировалъ ее, и нигдѣ ни видѣлъ слѣда, даже намекъ на органъ зрѣнія; онъ изслѣдовалъ и мозгъ ея и не нашелъ въ немъ даже зачатка оптического или зрительнаго нерва.

Уйманъ также не знаетъ гдѣ помѣстить въ системѣ Кювие это загадочное животное. По формѣ чешуи и по устройству рта, оно подходитъ къ семейству сомовидныхъ (*siluroides*); но головной мозгъ устроенъ совершенно иначе, нежели у Пиммиды или двушитка, къ которому онъ приближается наиболѣе въ цѣломъ семействѣ сомовидныхъ.

Подождемъ дальнѣйшихъ изысканій: тогда мы, вѣроятно, будемъ въ состояніи сообщить подробное описаніе кентуккской рыбы.

ЯДОВИТОЕ ДѢЙСТВІЕ ЗЕЛЕННОЙ КРАСКИ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Гмелинъ замѣтилъ вредное вліяніе, которое оказываютъ зеленыя обои, содержащія обыкновенно соли, мышьякъ и мѣдь. Комиссія Народнаго Здоровья великаго герцогства баденскаго обратила вниманіе на этотъ вопросъ и поручила Гмелину точнѣе изслѣдовать его.

Въ нѣмецкой газетѣ «*Лѣтописи Медицины*» (*Annalen der Staats Arzneykunde*) помѣщенъ рапортъ Гмелина Комиссіи Народнаго Здоровья великаго герцогства Баденскаго. Гмелинъ приводитъ множество примѣровъ, подтверждающихъ вредное вліяніе зеленыхъ обоевъ. Мы заимствуемъ нѣкоторые изъ нихъ:

Кучеръ Унгольцъ спалъ съ своею женою впродолженіи трехъ лѣтъ въ комнатѣ, оклеенной зелеными обоями. На третій годъ въ этой комнатѣ обнаружился очень сильный непріятный запахъ. Мужъ каждое утро просыпался съ головою болью и вообще

чувствовалъ разстройство въ цѣломъ организмѣ; жена жаловалась на постоянный кашель; и тотъ и другой выздоровѣли перемѣнивъ спальню.

Одна служанка отравилась, обметая зеленыя обои.

Ясно, что неприятный запахъ, характеризующій комнаты, оклеенныя зелеными обоями, говоритъ Гмелинъ въ заключеніи своего рапорта, происходитъ отъ испаренія мышьяку, соединеннаго съ какимъ-нибудь органическимъ веществомъ; потому что самая мышьяковисто-водородная кислота не имѣетъ запаха.

И такъ зеленыя обои, зеленые лаки и преимущественно самаго высокаго травяно-изумруднаго цвѣта содержатъ въ себѣ отраву. Это новое открытіе должно непременно ограничить употребленіе зеленой краски, которая до-сихъ-поръ считалась самою здоровою для глазъ и которую всегда выбирали особенно для спальни.

Мы, съ своей стороны, если неидемъ совершенно противъ употребленія зеленыхъ обоевъ, то по-крайней мѣрѣ совѣтуемъ оклеивать ими комнаты расположенныя на югъ, постоянно отапливаемыя съ хорошимъ притокомъ воздуха и уничтожать эти обои, когда обнаружится запахъ мышьяковой. Слуги же, которые чистятъ эти обои и работники, которые наклеиваютъ или сдираютъ ихъ, должны закрывать себѣ носъ и ротъ мокрой губкой.

МЕДАЛЬОНЪ. Въ одно прекрасное тихое весеннее утро 1841 года, въ одной изъ алей Булонскаго Лѣсу гулялъ изысканно одѣтый молодой человекъ, съ важною осанкою, такъ безопасно, что на простонародномъ языкѣ это переводится словомъ «шататься.» Хотя въ воздухѣ носились еще благоуханія природы, но нашъ герой всё-таки, казалось, съ большимъ наслажденіемъ вдыхалъ благовоіе гаванской сигары. Наблюдая разнообразныя и фантастическія формы дыму, онъ не замѣчалъ, что недалеко отъ него, по другой сторонѣ аллен, его кто-то съ нѣкотораго времени внимательно разсматривалъ. Наконецъ послѣдній подошелъ къ нему.

— Милостивый государь.... извините, если я прерываю вашу задумчивость.... не вы ли?...

Звукъ этого голоса заставили его съ живостью поднять голову. Онъ не далъ окончить вопрошавшему и отвѣчалъ, ему радостно взявъ его за руки:

— Альбертъ Дюноа, твой лучшій другъ!

— Возможно ли, ты здѣсь?

— Я самъ, мой любезный Шатонѣвъ; уже недѣля какъ я въ

Парижѣ, куда меня притягиваетъ болѣе сильный магнитъ чѣмъ моя воля.

— А я думалъ, что ты въ Испаніи, гдѣ мы провели столько счастливыхъ дней.

— Да, точно!... Но судьба человека такъ переменчива... такъ несвязна.

— Не несчастливъ ли ты?

— Какъ понимаешь ты это слово?

— Конечно, несчастливъ сердцемъ.

— Нѣтъ... не совѣмъ.

— Любезный другъ, ты говоришь какъ финксъ. Развѣ ты уже не тотъ художникъ, который, когда я зналъ его, былъ занятъ болѣе мечтами о славѣ, нежели мыслями о любви или удовольствіяхъ и этимъ такъ часто мѣшалъ намъ въ нашихъ любовныхъ предпріятіяхъ... Посмотримъ, могу ли я, не нарушая скромности, спросить тебя, чему я обязанъ удовольствію жать тебѣ теперь руку, послѣ того какъ ты далъ клятву никогда болѣе не видѣть нашу прекрасную Францію.

— Конечно, мой другъ, но...

— Полно, я отгадываю, ты влюбленъ.

— Почему ты думаешь?

— Ты самъ себя измѣнилъ.

— Какимъ образомъ?

— Вздохомъ.

— Ты всё тотъ же... всё-еще оригиналъ.

— Да, говорятъ, что это мой недостатокъ... Но какъ зовутъ предметъ твоей страсти?

— Пожалуйста, Шатовѣвъ...

— Не говори же такимъ грубымъ голосомъ и скажи мнѣ ея имя. Развѣ я не другъ твой! Ее зовутъ?...

— Это моя тайна.

— Которую, я надѣюсь, ты мнѣ скоро откроешь. Ахъ, да! мы будемъ завтракать вмѣстѣ, не правда ли?

— Я ни въ чемъ не могу отказать такому другу какъ ты.

— Исключая имени твоей милой?

— Кстати, что сдѣлалъ ты со своею испанскою маркизою?

— Я убилъ ея мужа.

— Что?...

— Да, дуракъ, который вздумалъ давать праздники и не позволялъ обожать жену свою.

— Какой неловкій... и тебя преслѣдовалъ?

Шатонёвъ вынулъ изъ кармана часы, чтобы посмотрѣть которую часть.

— Я скажу тебѣ это у Тортоин. Тамъ ты узнаешь все мои тайны, хотя бы ты и хотѣлъ скрыть отъ меня свои. Впрочемъ, ты мой другъ, я хочу открыть тебѣ мое сердце... утоливъ свой аппетитъ.

— Любезный Шатонёвъ!... Ты всегда останешься самымъ острымъ и оригинальнымъ человѣкомъ изъ всехъ, которыхъ я знаю.

— Право? Это вѣрно дѣйствіе аппетита?

Между тѣмъ какъ оба они отправляются въ святилище гастрономіи, сдѣлаемъ очеркъ ихъ портретовъ.

Альберту Дюноа двадцать восемь лѣтъ. Онъ прекрасный молодой человѣкъ, художникъ, прѣхавшій въ Парижъ полный надеждъ, такъ же какъ многіе другіе, чтобы попытаться сдѣлаться известнымъ и которыхъ злая судьба доводила до разочарованія бѣдности или невозможной любви. Альбертъ шелъ по послѣднему пути и перахлѣбъ о живописи, которая бы навѣрное сдѣлала его замѣчательнымъ пейзажистомъ, съ большими достоинствами. Уже первыя его произведенія, въ которыхъ блистала рѣдкій гений, обратила на себя вниманіе многихъ любителей. Между послѣдними находился также графъ де-Белланжъ, который, желая окончить воспитаніе своей дочери, сдѣлалъ художника ея учителемъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ вельможа захотѣлъ самъ увидѣть успѣхи ученицы. Но вообразите себѣ его удивленіе, когда увидѣлъ Альберта у ногъ своей дочери, открывающаго ей свою любовь, которую она ободряла своимъ молчаніемъ. Сильно оскорбленный, графъ де-Белланжъ прогналъ художника, не выслушавъ даже ни слова оправданія.

Альбертъ оставилъ Францію и отправился въ Италію, чтобы серьезно предаться изученію и стараться позабыть дѣвушку, которая прозвела на его сердце неизгладимое впечатлѣніе. Однажды одна знатная Италианка, изъ знаменитой фамиліи, дотога позабылась, что призналась ему въ своей любви. Альбертъ отвѣчалъ ей взглядомъ, который, казалось, говорилъ: «Мое сердце принадлежитъ другой». Эта женщина поняла его и начала презирать. Потомъ онъ поѣхалъ въ Испанію, гдѣ и встрѣтилъ Шантонёфа. Они подружились такъ, что перѣдко кошелекъ Шантонёфа пустѣлъ, наполняя кошелекъ Альберта.

Шатонёвъ въ тридцать пять лѣтъ казался не старше своего друга. Будучи владѣтелемъ большаго состоянія послѣ смерти

своего отца, одного изъ самыхъ богатыхъ марсельскихъ судохозяевъ, онъ съ молодыхъ лѣтъ предался торговымъ спекуляціямъ, въ намѣреніи въ короткое время удвоить свой огромный капиталъ. Онъ достигъ этой цѣли; но какимъ образомъ? постыднымъ банкротствомъ, которое разорило множество мелкихъ купцовъ и честныхъ семействъ, ввѣрившихъ ему свое состояніе. Чтобы избавиться отъ преслѣдованій своихъ кредиторовъ, Шатонёвъ съ огромными суммами уѣхалъ въ Испанію, гдѣ жилъ впродолженіи пяти лѣтъ съ расточительностью распутнаго князя.

Почувствовавъ необходимость серьезно приняться за работу, Альбертъ рѣшился оставить Шатонёфа, отъ котораго по-крайней-мѣрѣ узналъ прошедшее достойное сожалѣнія. Оба друга разстались. Черезъ годъ Шатонёвъ возвратился во Францію, принявъ нѣмъ значительнаго имѣнія, которое онъ купилъ, женился на благородной дѣвушкѣ и украсилъ именемъ Шатонёвъ прекрасную и великолѣпную виллу, выигранную у одного Англичанина. Самъ Альбертъ, на вѣкъ простившійся съ Франціею, возвратился туда, черезъ нѣсколько лѣтъ, съ усовершенствованнымъ талантомъ и портфелями эскизовъ, которые были достойны лучшихъ нашихъ живописцевъ.

Альбертъ и его другъ, пришедъ къ Тортони, усѣлись за столомъ; на немъ былъ поставленъ самый пышный завтракъ, впродолженіи котораго наши гастрономы были немного скупы на слова. Нѣсколько позже начались самые веселые тосты и разговоръ принималъ попеременно самые разнообразныя оттѣнки.

— Слава Богу! мой другъ, я хорошо позавтракалъ. А ты? сказалъ Шатонёвъ.

— Ты все очень хорошо дѣлаешь. Но кстати .разскажь о твоихъ тайнахъ, который ты мнѣ обѣщалъ. Ну, мой другъ, Шатонёвъ, говоритъ: я весь превратился въ слухъ.

— Альбертъ, сказалъ Шатонёвъ мрачнымъ голосомъ: я женатъ!

— Неужели? Тѣмъ лучше. Я буду волочиться за твоей женою. Чтò она, хороша?

— Увидишь.

— И вы вѣрно живете согласно?

— Нѣтъ, мой другъ, отвѣчалъ Шатонёвъ съ горечью.

— Можетъ ли быть!

— Выходя за меня замужъ, моя жена исполнила волю сильнѣе ея воли, — волю отца.

— Значитъ, она любитъ другаго?

— Я сначала думалъ то же и, признаюсь, эта боязнь сдѣлала

меня такимъ недобѣрчивымъ, что мнѣ самымъ безвреднымъ друзьямъ я добѣрлялъ, какъ мнѣ кажется, менѣ всего; такъ что нѣсколько разъ это причиняло смѣшныя ссоры.

— И ты ничего не открылъ, что могло бы изъяснить эту ужасную загадку?

— Ничего. Моя жена покорна, но это покорность ледяная. Она исполняетъ мои малѣйшія желанія, даже капризы; но для меня на ея идеально-прекрасномъ лицѣ никогда не бывало ласковой улыбки. Я думалъ, что небо сжалится надъ мною тайными страданіями и дастъ мнѣ дѣтей, и что счастье быть матерью измѣнить ея чувства ко мнѣ; но и этого не было. Тогда я оглянулся на прошедшее; но мнѣ показалось, что я слышу голосъ, безпрестанно упрекающій меня въ беспорядкахъ, тайну которыхъ я открылъ тебѣ въ Испаніи; я, секретно, безъ тщеславія, опять приобрѣлъ прежнее уваженіе, возвративъ разореннымъ мною семействамъ суммы, которыя поколебали бы, можетъ-быть, мое богатство, если бы я въ эту минуту не получилъ еще три миліона. Вотъ что я сдѣлалъ, въ той мысли, что моя прошедшая жизнь была отталкивающею силою, которая удаляла жену отъ меня; съ другой стороны, признаюсь, совѣсть моя была чище; и сдѣлавшись опять, благодаря всему этому, честнымъ человекомъ, я началъ наблюдать за моею женою, чтобы уловить въ ея взглядѣ спокойствіе души и радость, до-сихъ-поръ неизвѣстную, и увидѣлъ, мой любезный Альбертъ, что ея большіе черные глаза сохраняли вѣную скрытность. Подобная жизнь, просто, — адъ, и не слишкомъ ли я наказанъ послѣ того какъ я загладилъ свой проступокъ?

Альбертъ печально посмотрѣлъ на своего друга и увидѣлъ, что слеза текла по его щекѣ.

— Теперь, продолжалъ Шатонёфъ, мнѣ болѣе нечего дѣлать. Я предоставляю случаю прекратить мое несчастье. Я предаюсь всѣмъ удовольствіямъ, бросаюсь во всѣ похождения, иногда очень опасныя, и въ этихъ удовольствіяхъ, праздникахъ, одна мысль, безпрестанно преслѣдующая меня, напоминаетъ мнѣ женщину, которую люблю какъ безумецъ, не будучи самъ любимъ ею. Увы! зачѣмъ не нахожу я смерти въ этихъ опасныхъ похожденияхъ? О! я очень несчастливъ!

Альбертъ сильно пожалъ руку Шатонёфа. Онъ слишкомъ хорошо зналъ силу своей собственной любви, чтобы не понять несчастья своего друга.

— Ну, Альбертъ, оставимъ эти печальныя мысли и вышѣмъ

за лучшіе дни.... Теперь откровенность за откровенность. Давно ли ты въ Парижѣ?

— Только недѣлю.

— Видѣлъ ли ты предметъ твоихъ мыслей?

— Мой другъ, не наставляй, прошу тебя. Я долженъ уважать эту женщину; ея тайна не принадлежитъ мнѣ.

— А! Альбертъ, я думалъ, что я твой другъ.

— Шатонѣвъ, неужели ты сомнѣваешься во мнѣ?

— Пѣтъ, но....

На минуту водворилось молчаніе, впродолженіи котораго глаза ихъ встрѣтились. Потомъ Альбертъ прервалъ молчаніе и съ трудомъ сказалъ:

— Ну, если я долженъ доказать откровенностью свою дружбу такъ слушай.

— О! благодарю.

— Мнѣ было двадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Парижъ. Мнѣ говорили, что тамъ ожидаетъ меня слава. Меня обманули: меня ожидало несчастье, несчастье всей моей жизни. Графъ де-Белланжъ....

— Графъ де-Белланжъ!

— Да; ты его зналъ?... Графъ де-Белланжъ, пораженный моею репутаціей, распространяющеюся обо мнѣ славою, захотѣлъ видѣть мои работы. Онъ, повидному, былъ доволенъ, и доказалъ мнѣ это своими похвалами, вниманіемъ и, наконецъ, тѣмъ, что пригласилъ меня учить его дочь живописи. Клеменція было тогда шестнадцать лѣтъ. Первые уроки превзошли мои ожиданія и я самъ былъ удивленъ быстротою, съ которою она все понимала и усваивала себѣ мои познанія. Мало-по-малу я замѣтилъ, что у нее уменьшилась охота къ этой работѣ и, я долженъ сказать, я самъ себѣ удивлялся, что говорилъ ей менѣе о художествѣ, чѣмъ о чувствѣ сильнѣйшемъ чѣмъ моя воля. Однажды, взявъ ея руку, чтобы лучше показать ей какъ держать кисть, я увидѣлъ, что она вынала изъ ея лихорадочно-дрожащихъ рукъ. Я посмотрѣлъ на нее: ея лицо необыкновенно покраснѣлось, горячая рука ея дрожала въ моей. «Что съ вами?» сказалъ я ей. Она не отвѣчала. Ободренный этимъ молчаніемъ.... Но ты что-то измѣнился? Что съ тобою, Шатонѣвъ?

— Ничего.... можетъ-быть, здѣсь душно.... продолжай....

Альбертъ отворилъ окно и продолжалъ:

— Я признался мадамозель де-Белланжъ въ любви, которую давно обуздывалъ въ душѣ своей. Она едва не упала въ объ-

рокъ. Въ это самое время вошелъ ея отецъ, и замѣтилъ наше замѣшательство. Онъ все понялъ и, скажу тебѣ правду, мой другъ, онъ постыдно прогналъ меня. Я тотчасъ же оставилъ Францію, посѣтилъ Италію, потомъ Испанію, гдѣ познакомился съ тобою, и если я тамъ поклялся тебѣ не видѣть Францію, то не по причинѣ разрушенной будущности, но изъ боязни увеличить мое несчастіе.

— Между-тѣмъ ты возвратился; въ чемъ же заключается твоя надежда?

— Моя надежда! она очень слаба.... видѣть ее иногда.... а потомъ....

— А потомъ?...

— Умереть, можетъ-быть! потому что, могу-ли я еще чего надѣяться! она замужемъ!

— И ты ее видѣлъ уже послѣ своего возвращенія?

— Одинъ разъ.... третьяго дня; по отдавая мнѣ вотъ это, она взяла съ меня слово, не стараться болѣе видѣть ее.

— Медальонъ!

— Ея портретъ.

— Знаешь ли ты кто эта женщина?

— Я знаю только одно ея имя: это Клеменція.

— Это мадамъ де-Менпвиль!

— Какое мнѣ дѣло до имени ея мужа!

— Несчастный! такъ ты не дрожишь при этомъ имени!

— Почему же мнѣ дрожать?

— Почему?... потому что де-Менпвиль олицетворенная ревность: онъ ищетъ сеоръ и убиваетъ того кто смотритъ на его жену; потому что этотъ человѣкъ самый опасный дуэлистъ во всей столицѣ, потому, наконецъ, что этотъ человѣкъ кровью пишетъ всякій день въ своей записной книжкѣ имя новой жертвы. Такъ, ты видишь, это борьба горшка съ котломъ. Повѣрь мнѣ, мой другъ, откажись навсегда отъ своей страсти, которую ты питаешь къ этой женщинѣ, потому что этотъ человѣкъ... этотъ человѣкъ.... о Боже мой!.... Боже мой!....

— Скажи лучше, чтобы я отказался отъ жизни. Все-таки, хотя этотъ человѣкъ былъ бы самъ Голиаотъ, я его презираю и ему скажу въ лицо: «Я люблю вашу жену и люблю ея.»

— Хорошо! Альбертъ, очень хорошо! мнѣ нравится твое намѣреніе, сказалъ Шатонёфъ съ ужасною улыбкою.

— Если бы онъ былъ здѣсь, продолжалъ художникъ съ чувствомъ евангелиста, выказавшемся въ его чертахъ, я бы сказалъ этому

человѣку: «Я хочу вашей жизни, потому что вы должны быть утомлены тѣмъ, что такъ часто похищали ее у другихъ!»

— Ты это скажешь ему!....

— Я, можетъ-быть, сдѣлаю еще больше, я его оскорблю.

— О! твоей храбрости можно позавидовать! съ живостью продолжалъ Шатонёвъ, стирая рукою холодный потъ, катившійся по лбу. Но перестанемъ говорить объ этомъ, потому что мы другъ друга разгорячаемъ, а это вредитъ нашей дружбѣ. Мы расстаемся на нѣсколько часовъ. Я долженъ идти въ другое мѣсто по необходимой надобности. Если хочешь, то когда я кончу свои дѣла, я приду къ тебѣ и мы поѣдемъ съ нѣсколькими друзьями на виллу Шатонёвъ, гдѣ тебя ожидаетъ сюрпризъ.

— Приятный сюрпризъ?....

— Увидишь.

— Мнѣ не хочется разставаться съ тобою.

— Да я требую только одного часу разлуки.

— Хорошо, я жертвую собой.

Шатонёвъ заплатилъ, пожавъ Альберту руку, и сказалъ:

— До свиданія!

Между-тѣмъ какъ художникъ шелъ съ Итальянскаго Бульвара въ улицу de Provence, гдѣ онъ жилъ, его умъ былъ постоянно игрушкою тягостнаго бреда. Онъ не боялся человѣка, руки котораго такъ вѣрно поражали смертью; но онъ страшился, что тотъ узнаетъ объ его страсти и это также увеличивало еще мысль, что встрѣча съ Менвилемъ могла окомпрометтировать Клеменцію. Онъ пришелъ домой, снялъ съ груди медальонъ и долго смотрѣлъ на него; потомъ поднесъ его къ губамъ. Колокольчикъ въ его комнатѣ сильно зазвенѣлъ; онъ спряталъ дорогое изображение и съ поспѣшностью отворилъ дверь.

Это былъ Шатонёвъ. Онъ употребилъ гораздо менѣе времени чѣмъ сколько просилъ; но необходимая надобность, по которой онъ ѣздилъ, состояла только въ томъ, что онъ предупредилъ нѣсколькихъ лицъ, чтобы они тотчасъ отправились на виллу, и написалъ нѣсколько словъ.

— Сюда, мой другъ, сюда. Извини, что я принимаю тебя въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

— Ну что! измѣнилъ я своему слову?

— Я ожидалъ тебя только черезъ часъ. Но я поздравляю тебя, потому что дружба, любовь и честь обыкновенно очень взыскательны; они хотятъ, чтобы имъ служили съ усердіемъ.

— Точно, одинъ изъ этихъ трехъ предметовъ заставляетъ меня такъ спѣшить, сказала Шатонёвъ, смотря на разныя вещи, оставивавшія его любопытство. Я замѣчаю, что антикварій можетъ найти здѣсь драгоценныя рѣдкости; между прочимъ вотъ прекрасныя пистолеты. Вѣрны ли они?

— Какъ-нельзя болѣе.

— Тогда я не стану употреблять ихъ.

— Плохая шутка.

— Альбертъ, уже два часа. Намъ ожидаютъ въ Шатонёвъ въ три, слышишь ли ты топотъ моихъ лошадей? Это знакъ ихъ нетерпѣнія. Поспѣшимъ и поѣдемъ.

Оба друга сѣли въ экипажъ, ожидавшій ихъ, и вскорѣ поскакали съ быстротою молніи. Межь тѣмъ черезъ часъ они пріѣхали на мѣсто.

Находясь въ нѣсколькихъ мириаметрахъ отъ Венсенна, вилла Шатонёвъ была самое кокетливое зданіе, какое когда-либо видано; невозможно было найти въ двухъ льѣ кругомъ соперника болѣе граціознаго. Скрытую въ зелени, ее едва можно было видѣть въ двадцати шагахъ разстоянія, и она была похожа на птичьи гнѣзда, спрятавныя въ кустарникъ, которыя хочется взять когда увидишь.

Альбертъ и Шатонёвъ вошли въ нижнюю залу, въ которой находились уже пять или шесть человекъ. Они были приняты съ тою холодною учтивостью, подъ которой скрывается тайна; художникъ сначала, казалось, былъ этимъ удивленъ и спрашивалъ себя, не былъ ли онъ игрушкою мистификаціи.

— А нашъ сюрпризъ? шепнулъ онъ Шатонёву на-ухо.

— Ты сейчасъ увидишь его, отвѣчалъ послѣдній, сдѣлавъ приглашеннымъ знакъ слѣдовать за нимъ.

Они вышли черезъ дверь, стоящую насупротивъ и очутились передъ тремя маленькими дорожками; на перекресткѣ была бесѣдка, которая представляла взорамъ все, чтѣ природа можетъ выказать великолѣпнаго въ ея весеннемъ богатствѣ. Надъ дверями, выходившими на эти ворота, были слѣдующія надписи:

«Лабиринтъ липій,» — «Лабиринтъ кипарисовъ,» — «Лабиринтъ розъ.»

Шатонёвъ вошелъ въ средній, — лабиринтъ кипарисовъ.

Проходивъ нѣсколько минутъ по этому темному лабиринту, извилины котораго были похожи на кольца длиннаго свернувагося земноводнаго, Шатонёвъ и слѣдовавшіе за нимъ пришли на площадку, имѣвшую около сорока квадратныхъ футовъ. По угламъ

стояли четыре кипариса исполненной величины, а въ промежуткахъ между ними были плакучія ивы, сучья которыхъ нагибались въ узенькій прудъ, окружавшій окончанія лабиринта.

Удивленный Альбертъ началъ думать, не это ли обѣщанный сюрпризъ.

— Альбертъ Дюноа! торжественно сказалъ Шатонёвъ, мосьё де-Менвиль между нами.

Это имя заставило художника вздрогнуть.

— Не дрожи же, потому что тотъ, жену котораго ты любишь, будетъ имѣть столько храбрости, что вызоветъ тебя, если твое молчаніе знакъ трусости.

— Меня обвиняютъ въ трусости! зачѣмъ при мнѣ нѣтъ оружія, чтобы доказать противное?

— Вотъ оно, сказалъ одинъ изъ свидѣтелей, показывая двѣ шпаги, которыя были до-тѣхъ-поръ спрятаны подъ его сюртукомъ:

Альбертъ съ торопливостью схватилъ одну изъ нихъ.

— Теперь, сказалъ онъ, пусть явится мосьё де-Менвиль.

— Не хочешь ли лучше прочесть его имя на его лицѣ? холодно замѣтилъ Шатонёвъ. Это тотъ, черты котораго теперь показываютъ величайшее спокойствіе души.

Художникъ однимъ взглядомъ осмотрѣлъ всѣхъ вокругъ него стоящихъ и нашелъ, что всякій, напротивъ того, выказывалъ глубокое душевное безпокойство.

— Хорошо ли ты всѣхъ осмотрѣлъ?

— Возможно ли!....

Шпага выпала изъ рукъ Альберта, когда онъ увидѣлъ, что Шатонёвъ скидаетъ одежду и показываетъ свидѣтелямъ обнаженную грудь.

— Де-Менвиль передъ тобою; онъ тебя ожидаетъ. Подними свою шпагу, сказалъ онъ, схватывая другую. Ты хотѣлъ играть его честью, слѣдовательно, справедливо будетъ, если ты будешь служить ему игрушкою его мести.

Альбертъ былъ уничтоженъ.

— Ты, вѣрно, ожидаешь обиды. Вотъ тебѣ!....

И клянокъ раниры, которую держалъ Шатонёвъ сильно удрился объ щеку Альберта.

— О! это ужъ слишкомъ! вскричалъ послѣдній съ яростью.

И поднявъ свою шпагу, онъ бросился на своего противника, не думая раздѣваться.

— Борьба не равна! закричали свидѣтели.

— Пустите меня: я найду сердце подъ его платьемъ, сказалъ Шатонёфъ.

И въ то же время онъ нанесъ ударъ, заставившій художника поблѣднѣть.

— Этотъ человекъ смертельно раненъ! сказалъ съ поспѣшностью одинъ свидѣтель. Ему надобно помочь.

Въ ту же минуту съ Альберта сорвали одежду, и когда раздирали его рубашку, чтобы осмотрѣть рану, медальонъ упалъ къ ногамъ Шатонёфа. Портретъ той, которую онъ любилъ, спасъ его отъ вѣрной смерти.

— Трусъ, сказалъ Шатонёфъ, онъ былъ въ кирасѣ.

Альбертъ бросился на него и борьба началась снова съ остервененіемъ, котораго невозможно описать, и продолжалась, такъ, что оба притивника не отступили ни на одну линію. Впрочемъ, на лицѣ Альберта показалась легкая блѣдность. Шатонёфъ, думая что художникъ потерялъ присутствіе духа, усилилъ свои движенія съ величайшею яростью. Будучи теперь увѣренъ, что жизнь противника въ его рукахъ, онъ хотѣлъ ее окончить и дать ему послѣдній ударъ. Но, по случаю, похожему на чудо, Альбертъ тотчасъ же его отпарировалъ, и движеніе сдѣланное при этомъ усилии, направило шпагу въ правый глазъ де-Меннвилля, который безжизненно упалъ на землю.

Шпага проникла до мозга.

Свидѣтели начали искать въ бумажникъ жертвы и нашли письмо адресованное мадамъ де-Меннвилль. Оно содержало слѣдующія строки:

«Милостивая государыня,

« Если вы получили это письмо, то это значитъ, что я умеръ на дуэли за мою и вашу честь. Я наконецъ открылъ то, что вы такъ долго отъ меня скрывали,—вашу любовь къ человеку, къ которому я пыталъ искреннюю дружбу. Я имѣлъ друга, вы сдѣлали его грознымъ врагомъ моего спокойствія, ободряя страсть, которая рано или поздно могла сдѣлаться пагубною для меня; хотя вы превратили въ ненависть самую сильную дружбу, я чувствую, что моя любовь къ вамъ не уменьшилась и что только она заставляла меня дорожить жизнью. Въ минуту смерти, можетъ-быть, я въ-состояніи буду проклинать васъ; и такъ будьте счастливы; моя послѣдняя мысль послѣдній вздохъ за васъ. Прощайте.»

« ДЕ-МЕННВІЛЛЬ. »

Это письмо спрятано и заперто въ бумажникъ вмѣстѣ съ завѣщаніемъ, которое де-Мейнвилъ составилъ въ продолженіи одного часа послѣ завтрака. Альбертъ поднялъ медальонъ и оставилъ мѣсто, гдѣ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ сценѣ, ужасной и плачевной.

На другой день онъ переѣзжалъ черезъ бельгійскую границу; а черезъ два года возвратился во Францію, чтобы принять руку, которую предлагала ему *молодая вдова*.

Съ французскаго П. ОЛЬ—Х—НЪ.

ЛИЛОВЫЕ САПОЖКИ. Мнѣ было двадцать два года. Отецъ мой, Викторъ Граденъ, богатый арматоръ, или по-просту негоціантъ, снаряжающій торговля суда, однажды навсегда рѣшилъ, что я, его единственный сынъ, не покину избраннаго имъ поприща. Мы жили въ Гаврѣ; но потребность говорить, которая въ ту пору «была повсемѣстно чувствуема» (Это было въ 1830.), не оставила въ покоѣ и меня, какъ многихъ грѣшныхъ.... Мнѣ захотѣлось быть адвокатомъ. На эту декларацію съ моей стороны, батюшка мой отвѣтствовалъ громомъ и молніею.

Въ жизни своей ему пришлось проиграть съ поддюжины процессовъ, и съ той поры все, что прямо или косвенно относилось къ сутяжничеству, причиняло ему, какъ онъ говорилъ, тошноту (слогъ арматора). Такимъ образомъ завязалась у меня съ отцомъ шестимѣсячная война; и въ этой ежедневной, непрерывной борьбѣ я оказалъ такое непоколебимое сопротивленіе, что, наконецъ, одержалъ побѣду: батюшка сдался, но тутъ же замѣтилъ мнѣ, что я, на поддержаніе моей сумасбродной прихоти могу ожидать отъ него отнюдь не болѣе того, какъ сколько необходимо чело-вѣку для огражденія себя отъ голодной смерти, то есть, пять-сотъ франковъ въ годъ.

Между-тѣмъ когда ударилъ часъ отъѣзду, когда мои чемоданы были застегнуты, и я покидалъ маленькую комнату, куда, въ первый разъ въ продолженіи двадцати-двухъ лѣтъ, мнѣ приходилось не возвратиться къ вечеру, сердце отца взяло верхъ надъ сердцемъ арматора: отвернувшись всторону, чтобъ скрыть отъ меня слезу, батюшка сунулъ мнѣ въ руку кошелекъ, заключавшій въ себѣ пятнадцать золотыхъ наполеондоровъ.

— Станешь вести себя добропорядочно, сказалъ онъ, то будешь получать ежегодно по столько же.

Послѣ этого онъ успѣшно удалился, безъ лишнихъ прощаній. Въ послѣдствіи я всегда думалъ, что этотъ великодушный поступокъ арматора былъ порожденъ единственно отеческою

любовью, и что матушка моя крѣпко способствовала этому измѣненію щедрости, которая такъ мало согласовалась съ бережливымъ характеромъ моего отца. Матушка моя, дочь благородныхъ, но бѣдныхъ родителей, отданная изъ жадности челоуѣку, который женился на ней изъ тщеславія, постоянно оставалась вѣрною предрасудкамъ своей касты, и всегда плохо уважала коммерцію. Опасеніе разсердить мужа мѣшало ей явно одобрять мое твердое намѣреніе разлучиться съ снуровыми и счетными книгами; зато ея молчаніе потворствовало всѣмъ моимъ затѣямъ. Разумѣется, неожиданнымъ приращеніемъ моего тошаго дохода много завоевало отъ тѣхъ женскихъ ласкъ, противъ которыхъ ничто не сильно, особливо когда ихъ расточаютъ маменьки на пользу дѣтокъ.

Благополучный вѣздъ мой въ Парижъ происходилъ въ одно туманное утро, въ началѣ ноября. Одинъ молодой челоуѣкъ изъ Гавра, студентъ юридическаго факультета, съ которымъ я познакомился во время послѣднихъ кавикулъ, принялъ на себя трудъ, еще до моего пріѣзду, приготовить для меня комнату въ домѣ, гдѣ помѣщался и самъ. Домъ этотъ, находящійся въ Адской Улицѣ, противъ Люксанбурга, начиненъ студентами, отъ подваловъ до шестаго этажа включительно, и въ этомъ-то убѣжищѣ, въ этой клѣткѣ скворцовъ, я принужденъ былъ поселиться, оставя мирный кровъ отеческій.

Надобно признаться, что, несмотря на всю энергію, съ какою я слѣдовалъ своему призванію, когда я переступилъ черезъ порогъ моего новаго жилища, вскарабкался на самую маковку темной, извиистой лѣстницы и очутился въ чердачной каморкѣ съ голыми стѣнами, которую избралъ для меня мой другъ Проспёръ: признаюсь, я чувствительно упалъ духомъ.

Комнатка эта, которую Проспёръ, основываясь, безъ сомнѣнія, на дальнемъ разстояніи ея отъ земли, въ письмахъ своихъ украшалъ пышнымъ названіемъ латинскаго рая, показала мнѣ сущю тюремную каморкою. Хотя и всегда, вслѣдствіе экономическихъ правилъ батюшки, мы жили довольно скромно, однако жъ все-таки у насъ въ Гаврѣ былъ препорядочный домъ, противъ самой пристани, можетъ быть, одинъ изъ лучшихъ домовъ въ городѣ, меблированный не безъ удобства, не безъ украшеній, теплый; и въ цѣломъ хозяйствѣ у насъ пужда не выглядывала ни изъ одной щели.

Въ раю Адекой Улицы было холодно, все какъ-то бѣдно, мрачно. Единственное окно, обращенное къ сѣверу, выходило на маленький дворикъ, или, вѣрнѣе, въ гадкій колодезь; голова кружилась у любопытнаго, который заглядывалъ на дно этого колодезя; по дѣвственной бѣлизнѣ камня, ясно было видно, что ему ни въ какую погоду не случилось познакомиться ни съ мажнѣйшей искрой огонька.... Первая четверть часа моей студенческой жизни была, въ своемъ родѣ, такъ же ужасна, какъ знаменитая четверть часа у Раблѣ!

Дрожь принимала меня, я трепеталъ; слезы такъ и хотѣли брызнуть изъ глазъ, когда я сравнилъ одинокій бытъ, на который я самъ обрекалъ себя, съ жизнью, полною любви и нѣжныхъ попеченій, которыя были еще такъ свѣжи въ моей памяти.

Не знаю, что бы вышло изъ горькихъ размышленій, тѣснившихся въ моемъ умѣ, если бы веселый голосъ, который долетѣлъ до моего уха отъ подошвы лѣстницы, не измѣнилъ пагубнаго направленія моихъ идей.

— Гдѣ онъ? кричалъ кто-то: гдѣ онъ? Дайте же мнѣ поскорѣе обнять его.

Это былъ Просперъ. Онъ ранѣеонько отправился къ заставѣ, желая непременно присутствовать при высадкѣ моей изъ дилижанса.

Пиладъ мой былъ здоровенный малый, полнощекій, румяный; волосы у него были вообще блонкурые, но со всевозможными оттѣнками русаго цвѣту, глаза голубые, губы алыя, зубы блестящія.... Такъ, что товарищи, принимая во уваженіе всѣ цвѣта, размежевавшіе между собою лицо Проспера, прозвали его радугой.

На этотъ разъ, въ отношеніи ко мнѣ онъ отнѣнно оправдалъ свое метеорологическое прозвище: при появленіи его въ моей комнатѣ, я почувствовалъ, что міръ снова водворится въ душѣ моей и мгла, омрачавшая мои мысли, начинаетъ разсѣиваться. Въ присутствіи друга, населявшаго мою пустыню, тронутый этимъ радушнымъ, искреннимъ прѣемомъ, я уже осмѣлился взглянуть на будущность мою не такъ боязливо, могъ вспоминать прошедшее не съ такимъ сожалѣніемъ. Притомъ, и кромѣ появленія Проспера, тутъ было чему вывести меня изъ тяжкихъ размышленій....

По сигналу, данному гортапью Проспёра, съ площадки нашей шести-этажной лѣстницы, десятка два молодыхъ людей, явившихся изъ разныхъ этажей, произвели въ моей каморкѣ давку; меня окружили, обнимали, поздравляли, какъ какого-нибудь стариннаго знакома, возвратившагося изъ путешествія вокругъ Свѣта. Одни носили дровъ, растопляли каминъ, готовили мнѣ завтракъ; другіе опоражнивали мои чемоданы, приводили въ порядокъ бѣлье, платье; нѣкоторые даже предлагали подѣлиться со мною и тѣмъ, что оставалось у нихъ въ кошмалѣ... Потомъ посматривая совѣты насчетъ того, какъ носить волосы, бороду; мнѣнія относительно покрою платья, способа повязыванія галстука; спорили о томъ, кому достанется честь представить меня въ Прадо, достѣтителямъ театра и галерей Пантеона (Одеонъ въ то время лежалъ на своихъ пыльныхъ лаврахъ); крупными чертами и не скупясь на краски, рисовали мнѣ портреты господъ профессоровъ, съ жаромъ изображали мнѣ эту дивную независимость, о которой не могутъ довольно намечтаться двадцатилѣтнія головы; указывали на самыя смазливывыя лички Латинскаго Квартала, и не дали мнѣ свободно перевести дыханіе до тѣхъ-поръ, пока общимъ мнѣніемъ не было рѣшено дать завтра большой пріемный обѣдъ, у Флукоттё, съ платою по два франка съ человѣка.

Восходящая аврора явилась передо мной въ траурномъ покрывалѣ на ступеняхъ Сорбонны; Февъ, на уходѣ, золотилъ для меня ея мѣдныя двери и усыпалъ цвѣтами ея бесплодныя окрестности!

Такъ какъ въ планъ этой повѣсти не входитъ изображеніе всѣхъ, болѣе или менѣе занимательныхъ, сценъ студческаго быту, то да позволено мнѣ будетъ сдѣлать прижогъ, не послужившій первой зимы, проведенной мною въ Парижѣ. Смажу только, что дѣла эта миновала какъ сондѣніе; такъ что я даже не удосужился и не успѣлъ представиться во многіе весьма благо- нравные дома столицы; а рекомендательными письмами, нечего жаловаться, родственники меня снабдили весьма щедро.

Апрѣль 1830 только-что наступилъ; этотъ памятный годъ являлся на сцену подъ такимъ яркимъ солнцемъ, что уже можно было предчувствовать жаркіе іюльскіе дни. И только-лишь рождающаяся зелень стала пробиваться на люксамбургскихъ деревьяхъ, — всѣ, болѣе или менѣе падшіе, ангелы моего парадиза, заговорили о томъ, что пора оставить удовольствія городскія, что пора предаться за городомъ лѣтнимъ наслажденіямъ, а имен-

но: скачкамъ на ослахъ, прогулкамъ въ лодкахъ, обѣдамъ на травѣ.... Всѣ эти наслажденія такъ высоко цѣнятся гризетками и студентами!

Добрые совѣты не падали во мнѣ на бесплодную почву. Товарищи, глядя на меня, сознавались, что никогда еще простой конюхъ не добивался такъ скоро до рыцарскихъ шпоръ. Въ полгода, я успѣлъ утратить всѣ дѣтскія замашки, позабыть языкъ маменькинаго сына.

Я усвоилъ себѣ новѣйшее студенческое нарѣчье, отстранилъ бороду клиномъ, оголилъ шею, бросилъ штрипки....

Наконецъ, я такъ отмѣнно былъ вышколенъ, что сама родная мать съ трудомъ узнала бы меня. Что же касается до изученія правъ, то я, покуда, и безъ нихъ могъ обойтись; это однако жъ не помѣшало мнѣ писать къ отцу, что я дѣлаю чудеса, что ежедневные успѣхи достаточно оправдываютъ мою склонность къ этому поприщу, на которомъ было столько великихъ людей....

Когда же случалось, что родители требовали у меня отчету въ рекомендательныхъ письмахъ, которыми они меня снабдили, я отвѣчалъ, что многочисленность занятій и, особливо, изученіе гражданскаго кодекса и римскаго права, поглощаютъ всѣ минуты моей жизни, что доселѣ я еще не могъ располагать ни однимъ свободнымъ днемъ, для исполненія всѣхъ этихъ свѣтскихъ обязанностей.

— Такъ это въ самомъ дѣлѣ было призваніе.... говорилъ мой отецъ. Видно ужъ люди такъ на свѣтъ рождаются — кто армато-ромъ, кто адвокатомъ.

— Это будетъ второй Берриѣ, отвѣчала мать моя, дворянка и эгиптистка.

И оба такимъ образомъ утѣшались, переставали сожалѣть о моемъ отсутствіи.

Въ 1830 существовали еще въ Гаврѣ родители, которые вѣрили студентамъ!

Не трудно себѣ вообразить, съ какимъ усердіемъ я уловлялъ случаи, представлявшіе возможность насладиться чѣмъ-нибудь доселѣ неизвѣданнымъ. Въ одно прекрасное воскресенье, случилось такъ, что солнце опустило четвертушку своего луча въ сточную яму или такъ-называемый дворъ моего раю, и я почувствовалъ крайнюю потребность подышать свѣжимъ возду-

хомъ; въ немъ такъ нуждаются легкія послѣ полу-годоваго существованія подъ кровлями многолюднаго города, гдѣ жизнь хирѣетъ, какъ подъ колоколомъ пневматической машины.

Я открылъ окно; теплый вѣтерокъ ласкалъ мои волосы; на единственномъ уголкѣ голубаго неба, который мнѣ былъ видѣнъ, гуляло бѣлое облачко, легкое, серебристое. При видѣ его, потребность подышать чистымъ воздухомъ превратилась въ непреодолимое желаніе, которому я рѣшился тотчасъ же дать приличное удовлетвореніе. Бросаюсь въ комнату къ Проспѣру, который пользовался воскресеньемъ, чтобъ поспать до полудня, и объявляю, что отправляюсь за-городъ.

— Ёдешь за-городъ, повторилъ внезапно пробужденный Проспѣръ, между-тѣмъ, какъ ему, можетъ быть, грезились уголовныя уложенія, съ которыми ручейки, долины, зелень — не имѣютъ ничего общаго.

— Ты ѣдешь за-городъ, повторялъ перепуганный толстякъ, протирая глаза: куда же ты отправляешься?

— Не знаю....

— На сколько времени?

— До вечера.

— Съ кѣмъ?

— Съ тобой, если....

— Откуда же тебѣ пришла эта фантазія?

— Она пришла отъ солнечнаго луча, отъ бѣлаго облачка, отъ лоскутка голубаго неба!

— Ладно, сказалъ Проспѣръ, и деть!

— Будь же моимъ вожатымъ, сказалъ я Проспѣру.

Не прошло четверти часа времени, какъ мы уже покинули Адскую Улицу для вкушенія земныхъ наслажденій по дорогѣ, ведущей въ Монморанси. Надобно высидѣть полгода въ стѣнахъ Латинскаго Квартала, надобно столько же времени побродить по сырой и скользкой мостовой его извилистыхъ улицъ, чтобъ познать то блаженство, которымъ проникнулось все существо мое, когда я вырвался на открытую равнину, когда подъ ногами я почувствовалъ мягкій коверъ изъ мху, когда кругомъ меня далеко простиралась зеленѣющіе луга, нивы, и взорамъ моимъ не было преграды!

Эта минута занимаетъ почетное мѣсто между моими радостнѣйшими воспоминаніями....

Мы вышли изъ дилижанса въ Сень-Дені, и тутъ-то надо было видѣть насъ съ Просперомъ; видѣть какъ мы, взявъ другъ друга подъ руку, шли въ Монморансі; на душѣ, на сердцѣ у насъ было легко, а кошелекъ былъ довольно грузенъ; потому что накачуиъ мы получили содержаніе на цѣлые три мѣсяца! Конечно: мы больше не вѣрили въ горести «міра сего!» Мы шли гордо поднявъ голову, съ нылающимъ взоромъ, любуясь каждой долиной, каждымъ холмомъ, слушая съ восторгомъ пѣсни птицъ подъ зелеными вѣтвями; все въ природѣ намъ казалось такъ прекрасно, такъ восхитительно! При малѣйшемъ вѣтеркѣ, который вѣялъ ароматомъ лѣсовъ, мы бросались другъ къ другу въ объятія, клялись въ неизмѣнной любви, давали обѣтъ воздвигнуть храмъ во имя нашей святой дружбы! Упоенные свѣжимъ весеннимъ воздухомъ, мы чувствовали себя владыками земнаго шара, на этой большой дорогѣ, гдѣ ни вершка земли не было нашею собственностью....

Да и стоить ли быть помѣщикомъ, вѣстять посылки, когда намъ двадцать лѣтъ, когда у насъ въ распоряженіи — живое изображение, праздничный день и семьдесятъ пяти-франковыхъ монетъ въ карманѣ?... Между-тѣмъ все это безграничное блаженство порожденное утреннимъ воздухомъ, и продолжавшееся въ формѣ поэтическихъ изліяній и гимновъ къ солнцу, не замедлило проявиться и въ болѣе существенномъ адѣ.... Алчный животить сугубымъ подергиваніемъ желудка скоро напомнилъ намъ, что человекъ отнюдь не такъ устроенъ, чтобъ могъ существовать однимъ созерцаніемъ. И такъ, едва мы вступили въ Монмораней, намъ пришлось на нѣсколько мгновеній распротиться съ фавнами и сальванами, и завернуть въ трактиръ довольно благонадежной наружности; тамъ-то, поведомствіемъ сельскихъ лицъ, которые въ ветчины, мы подкрѣпили силы, необходимая для поддержанія нашего сельскаго энтузіама.

Кто изъ обитателей Парижа, отъ герцогини до гризетки, отъ пѣра Франціи и до мелкаго приказчика, кто не знакомъ съ иѣсомъ въ Монморансі? Какой парижанинъ не галопировалъ верхомъ на ослѣ или на сухопарыхъ лошадакахъ этой прелестной деревушки, не прогуливался по гористымъ дорогамъ, по каменистой почвѣ этого заманчиваго лѣсу? Какой зѣвака, хотя разъ въ жизни, не доставилъ себѣ это удовольствіе? Сколько вздоховъ любилъ радилось, падя зпннн тѣннстѣнн аллеями, каппхъ чудннхъ

рѣшай не пересказало бы намъ эхо, если бы у него была память!

Такъ, какъ все, что я могъ бы еще сказать о Монморанси, извѣстно всѣмъ и каждому, то удовольствуюсь, сказать читателю, что въ воскресенье четвертаго апрѣля 1830 года я совершилъ, бокъ о бокъ съ моимъ другомъ Проспѣромъ, торжественный вѣздъ въ Монморанси, верхомъ, на конѣ чердоваго цѣлту, который конь, ни поустуью ни статьями, ничѣмъ не напоминалъ знаменитаго Буцефала....

Завтракъ, наполнившій пустоту нашихъ желудковъ, немощно умѣрилъ жаръ нашего воображенія, а процессъ пищеваренія, оягощая умъ, незамѣтно превратилъ наше пылкое расположеніе духа — въ вѣжное.... Бросивъ новода на шею нашимъ животнымъ и отчасти толкуя между собою, мы подвигались впередъ шагомъ; не такъ же ли поступалъ герой ламанскій съ своимъ вѣрнымъ оруженосцемъ?... Порой въ молчаніи, порой прерывая тишину какою-нибудь тирадой насчетъ меланхолии и размышленія, мы наслаждались сладостнымъ спокойствіемъ, этимъ достояніемъ душъ честныхъ, и желудковъ, не зараженныхъ гастритомъ.

Это отдохновеніе послѣ трапезы, такъ высоко дѣйствовавшее дѣлами, у насъ скоро было нарушено.

При поворотѣ на одну узенькую дорожку, которой неэтикетскій, видъ напомнилъ мнѣ нѣсколько стиховъ пѣвца полей, Делла, мы услышали превосхитительный, резвонкій хохотъ... Изъ дали навстрѣчу къ намъ рысью бѣжалъ оселъ, влача за собою разстроенное сѣдло; потомъ увидѣли мы бѣгущую дѣвушку; длиннорухій рысакъ, на свободѣ, какъ-будто забацался надъ выбитою изъ сѣдла амазонкою; останавливаясь какъ привязанный, когда она не могла его схватить, потомъ дѣлалъ прыжокъ всторону, леталъ и галопомъ брорался впередъ, какъ-скоро маленькая рутма уже хваталась за узду....

Молоденькая дѣвушка принималась хохотать пуще прежняго и снова пускалась бѣгать.

Какъ доблестные рыцари, мы съ Проспѣромъ спрыгнули съ коней. Загородить бѣглецу дорожку, ухватить его за длинныя уши и подвести къ запыхавшейся хорайкѣ, было дѣломъ мигуточнымъ. Судьба готовила намъ за услугу ближнему, сладчайшую изъ наградъ. Дама, которую мы, не то чтобъ освободили отъ

волшебниковъ, но всё-таки возстановили въ правахъ на шевокорное животное, — была премоладое, превосхитительное существо.

По варяду можно-было заключить безошибочно, что наша должница была одна изъ тѣхъ кокетливыхъ гризетокъ, которыя въ жизни попадаютъ только студентамъ, какъ манна падала только на путь Израильтянъ. Глазамъ моимъ никогда не представлялось личка прелестиѣ, свѣжѣе, улыбочивѣ этого; ни разу такой милый ангелъ не попіралъ ступеней раю Адской Улицы! Ея большіе голубые глаза, малиновый ротикъ, маленькій, чуть-чуть вздернутый носикъ, чудныя темныя брови — составляли фізіономію самую обворожительную. Розовое муслиновое платье, простенькое, но удивительно скроенное, обрисовывало таію сільфиды; изъ чернаго тафтянаго передника, приподнятаго одною рукою, сыпались фіалки; эта ручка была безъ перчатки, она могла бы любому скульптору послужить моделью. Отъ торопливаго бѣганья, щечки молодой плутовки ярко зарумянились, маленькая соломенная шляпка такъ мило откинулась назадъ и выказала густые локоны бѣлокурыхъ волосъ, рассыпавшіеся по алебастровой шеѣ.

Но чтѣ всего болѣе полонило мое вниманіе, болѣе чѣмъ вся эта роскошь свѣжести, молодости и красоты, это — пара ножекъ, какихъ, читатели, вы отъ-роду не видывали; пара крошечныхъ, мягкихъ, сгибающихся въ дугу ножекъ, двѣ ножки, которыя заставили бы промечтать цѣлую недѣлю самаго надменнаго стоика; двѣ ножки андалузской принцессы; двѣ ножки, обутыя въ лиловые сапожки... Не знаю, чтѣ было восхитительнѣе: ножки ли, сапожки ли; могу только васъ увѣрить, что будучи съ утра въ эксцентриски-нѣжномъ расположеніи духа, я едва-едва былъ въ-силахъ удержаться, чтобъ не броситься на колѣни передъ этими обожаемыми ножками и не прикоснуться губами къ этимъ обожаемымъ лиловымъ сапожкамъ!

— Противное животное, говорила гризетка, собираясь съ духомъ и приводя въ порядокъ свой туалетъ: противное животное, заставило же ты меня побѣгать!

Тутъ я спросилъ у нее, — и голосъ мой прерывался какъ-будто я и самъ только-что прибѣжалъ съ вышки колокольни, — спросилъ по какому случаю она пустилась одна въ такой пустынный лѣсъ, гдѣ, можетъ-быть, не совсѣмъ безопасно.

Услыша эти слова, гризетка взглянула на меня, и въ глазахъ ея выразилось столько удивленія, сколько насмѣшки.

— Не безопасно! повторила она: опасности въ лѣсу *Меморансѣ!* Значитъ, вы таки вовсе его не знаете. Подите! Опасности какія тутъ встрѣчаются, до-сихъ-поръ никому не стояли жизни....

И молоденькая дѣвушка принялась улыбаться, показывая свои зубки, блестящіе какъ жемчужины.

— Притомъ, прибавила она, я забралась сюда не одна.... Но-вѣра тамъ въ лѣсу меня ждетъ....

— Чтò это за Новѣра? сказалъ я улыбаясь, потому что моя миленькая собесѣдница произнесла это имя съ такимъ простодушіемъ, какъ-будто дѣло шло о моей короткой знакомкѣ.

— Это моя подруга; мы живемъ на одной лѣстницѣ, на одной площадкѣ, отвѣчала гризетка. Сегодня поутру какъ мы увидѣли, что погода такая чудная, намъ обѣимъ захотѣлось итти порвать флялокъ.... а вы насъ здѣсь и встрѣтили: я гонялась за осломъ, который меня сбросилъ съ себя, а Новѣра сидѣла, да ждала меня тамъ подъ вязомъ.

Впродолженіи этого діалога, Пресперь, у котораго, какъ у двухъ-годовалаго студента, чувства уже повритупились, и котораго трудно было поймать на красоту голубыхъ глазъ или лиловыхъ сапожковъ, преспокойно стоялъ да подтягивалъ подиругу у запальчиваго осла; кончивъ свою работу, онъ подвелъ его къ хозяйкѣ, и учтиво приглашалъ ее садиться.

— Какъ бы мнѣ на него взгромоздиться? сказала гризетка: видите, какъ сѣдло высоко; мнѣ недостать....

И она искала взоромъ на чтò бы ей опереться.

— Есть средство самое простое, замѣтилъ я.

И, ничѣмъ не хуже какого-нибудь паладина среднихъ вѣковъ, я опустил одно колѣно на земь, предлагая милой всадницѣ себя вмѣсто стремена.

Она съ минуто колебалась, краснѣла, улыбалась; потомъ вдругъ поставя свою восхитительную ножку на мое колѣно, сказала:

— Ну, всё-равно....

И, легкая какъ птичка, прыгнула на сѣдло.

Чтò же было со мной то?... Увы, сладостное нажатіе этой обворожительной ножки, въ узенькой лиловой обуви, довершило надо мною побѣду.... я былъ влюбленъ, не по уши, но по самое темя!...

Преспертъ въкомодку: усмѣхался... онъ уже угадалъ мою тайну.

— Сударыня, сказала онъ учтиво, одѣланъ мнѣ между-тѣмъ вѣнчикъ, чтобы я не вышала: сударыня, если вамъ не будетъ это неприятно, то позвольте мнѣ съ моимъ другомъ, въ видѣ позвола, сопровождать васъ до того мѣста, гдѣ вы оставили свою подругу.

Потомъ, не дожидаясь отвѣту молодой дѣвушки, у которой въ энциклопидіи, впрочемъ, незамѣтно было ничего враждебнаго, мы взлѣзли на своихъ россинантовъ и втроемъ отправились въ путь.

Нондра, преспекойно эндѣвшая шодъ дубомъ, къ которому привязала своего осли, нашла себѣ премилое препровожденіе времени: она опиивала маргаритки; это поэтическое занятіе составляло преуморительный контрастъ съ ея квадратною фигурой, съ ея красивыми руками и выпученными щеками. Завидя нашу кавалькаду, она вскрикнула отъ радости.

— Поглядѣ-на, сказала она съ хохотомъ и приподнимаясь на двѣ чудовищныя вожищи, которыми базую служили два плоскія, широкіе ослѣдка, обутые въ грубыя бумажные чулки: поглядѣ-ка, она, вѣдьна, себѣ и компанію... такъ и по цвѣтну выходило...

И гонера это, она оборвала послѣдній левсконъ у маргаритки.

Наша спутница тотчасъ же разсказала своей подругѣ про уму-гу, которую мы ей сказали.

— Милостивые государи, начала Нондра, услуживая герцогиню, вѣрно обязываютъ и ея фрейлину. Мы забрались сюда отшельницами, а возвратимся отсюда цѣлымъ обществомъ, оно по-веселѣе...

И объемистая дѣва поклонилась намъ съ комическою торжественностью.

Я тотчасъ угадалъ, что герцогиней была наша хорошенькая должница; спустя минуту, подруга ея подтвердила это. Такое лестное названіе дали молодой дѣвушкѣ пріятельницы, во уваженіе ея томеньной талии, вѣжныхъ членовъ и разныхъ аристократическихъ привычекъ.

— Вообразите, сударь, сказала мнѣ Нондра: эта жеманница Анита терпѣть не можетъ ванильной помады! она издодить утверждать, что такая помада кухней пахнетъ, тогда какъ намъ всѣмъ хочется губы помазать помадой, такъ она шоколатомъ отзывается; барышнямъ, всё, изволите видѣть, подавай резеду, да гвоздику.

Эта многозначительная рѣчь Нонбры оканчивалась вскружила мнѣ голову.... Моя покорительница называется Аннетой — имя, которое я обожаю; она любитъ гвоздику и резеду — цвѣты, къ которымъ я давно пристрастился; наконецъ, у нея сапожки дровяные—моего любимаго цвѣту!

День у насъ промчался въ самыхъ шумныхъ, оглушительныхъ удовольствiяхъ. Ужъ какъ мы не ѣздили—и шагомъ-то и рысью-то и въ галопъ.... Побывали въ каждой тѣнистой аллеѣ, во всякомъ темномъ уголку лѣсу; съ холма любовались видомъ Ангиенскаго Озера, которое разостлало свою зыблющуюся серебристую пелену посреди роскошнѣйшей зелени; потомъ мы пили молоко въ эрмитажѣ!

Аннета и ея подруга, казалось, были очарованы встрѣчею съ нами; особенно Нонбра радовалась отъ чистаго сердца, не уставала твердить, что вчетверомъ можно не въ-примѣръ лучше позабавиться, чѣмъ вдвоемъ!

Но, увы! всему есть конецъ на свѣтѣ, даже и скачкамъ на ослахъ въ Мопморансѣ! Ночь наступила, надо было подумать о возвратѣ домой.... Сигналъ отправленiя давъ былъ герпогней.

— Она, бѣдняжка, боится волковъ и росы, говорила Нонбра, съ улыбкой проницательнаго сожалѣнiя. Вотъ я, такъ готова была бы спать коть подъ тѣнью звѣздъ, хоть на вязанкѣ хворосту, и еще поздоровѣла бы отъ этого.

Такъ какъ никто изъ насъ не рѣшался испытать систему лѣснаго бивуана, восквалемую дюжей Нонброй, то всѣ мы пустились въ обратный путь.

Проспѣръ, на котораго, повидимому, презрѣнно-выпуклыя предлестя гризетки нумерь атарой, произвели нѣкоторое впечатлѣнiе, ѣхалъ съ нею такъ, что я оставался почти на-единѣ съ прелестной Аннетой; я лутъ не терся объ ея платье, улавливая борзый бѣгъ моего коня съ осторожной походкой ея благоразумной скотинки.

Во избѣжанiе той сырости, какая по вечерамъ охлаждаетъ воздухъ подъ деревьями, и чтобъ попользоваться послѣднимъ отблескомъ заката, мы избрали путь по опушкѣ лѣсу; зато дорога тутъ была прегнусная, крѣпко изрытая колесами, размытая зимними дождями, такъ что для злополучныхъ всадниковъ оставалась одна узкая полоска земли между двумя страшными

колеями; въ-добавокъ, эти извилистыя борозды были затоплены грязью.

Слѣдствіемъ этой тѣсноты было такое дружеское сближеніе моей лошади съ герцогиньнымъ осломъ, что при малѣйшемъ рѣзвомъ движеніи моего животнаго, лиловые сапожки невольно касались моей ноги, вдѣтой въ стремя.

Съ той минуты, какъ Аннета отстала сомной отъ нашихъ товарищей, ненарушимая тишина царствовала между нами. Это молчаніе очевидно доказывало, что мы, занятые одною и тою же мыслью, избѣгали всякаго разговора, единственно изъ опасенія проронить тайну, которую открыть не смѣли.

Я замѣтилъ и, безъ-сомнѣнія, не мнѣ одному приходилось замѣчать, что признаніямъ въ любви, всегда предшествуетъ великое воздержаніе отъ словъ; бури сердца, какъ и бури природы, прежде чѣмъ разразятся, остаются нѣсколько мгновеній въ мирѣ и безмолвіи....

Между-тѣмъ, при одномъ изъ прикосновеній прелестныхъ лиловыхъ сапожковъ, я не въ-силахъ былъ удержаться отъ громкаго выраженія моего восторгу; это были сущіе два крошечныя демона, созданные именно на тотъ конецъ, чтобъ перевернуть вверхъ дномъ мою голову.

— Обожаемыя ножки, вскричалъ я: чего бы не отдали тысячи людей, за то только, чтобъ имѣть возможность прикоснуться губами къ кончику этихъ восхитительныхъ сапожковъ.

Аннета стыдливо отстраняла свои ножки, и глядя на меня съ выраженіемъ неизъяснимымъ, сказала:

— Какія прекрасныя вещи вы говорите!

Я не умѣлъ истолковать себѣ ея фразу.

— Неужели я такъ несчастливъ, что слова мои могли не понравиться? спросилъ я, придавая моему голосу возможную нѣжность.

— Напротивъ, прошептала она, потупя головку.

— Другіе сказали бы вамъ то же самое.

— Другіе! Боже мой, кто заботится о ногахъ гризетки? отвѣчала бѣдная дѣвушка съ горькой улыбкой.

— Но.... тѣ, кто васъ любитъ.

Аннета глубоко вздохнула и ничего не отвѣчала.

— Какъ будто никто вамъ не говорилъ про ваши прелестныя ножки,.... никогда? прибавилъ я, ударяя на послѣднее слово...

— Это моя тайна, тихонько проговорила Аннета... Притомъ, продолжала онъ съ большею живостью: я не люблю говорить о томъ, что наводитъ на меня тоску.

И она задумалась, меланхолически глядя на закатывавшееся солнце, послѣдніе лучи котораго отражались въ ея большихъ голубыхъ зрачкахъ.

Ясно было, что я пробудилъ тягостныя воспоминанія, что я затронулъ еще незажившую рану....

Я причинилъ боль, я же долженъ былъ найти и лекарство. Благодаря, безъ сомнѣнія, вдохновительнымъ сапожкамъ, которыхъ я не терялъ изъ виду, надо думать, что я былъ достаточно краснорѣчивъ и убѣдительнъ, потому что по прибытіи въ Монморанси, Аннета была опять такъ же весела, какъ утромъ, и уже вмѣсто Грандена, называла меня мосьё Жозефомъ.

Длижансь, отправлявшійся въ Парижъ, принялъ насъ въ свои стѣнки всѣхъ четверыхъ; въ ту минуту, когда я шагнулъ на подножку, кто-то геркулесовскою рукою удержалъ меня за локоть: это была Нондра... Она вложила свои малайскія губы ко мнѣ въ ухо, и проговорила:

— Предостерегаю васъ — наша герцогиня ревнива, и я мшу за нее!

Это предувѣдомленіе, сдѣланное подъ суровымъ вліяніемъ тяжелой Новѣрипой руки, стоило всякаго другаго.... и, дѣйствительно могло обуздать человѣка, которому пришла бы фантазія исполнить передъ прекрасной Аннетой роль донъ-Жуана. Но, когда нѣжное чувство заражается въ сердцѣ, и уже часовъ шесть тамъ царствуетъ, скажите, кто не вѣритъ въ вѣчность этого чувства?

Меня не утратила эта женская vendetta, я только извлекъ изъ нея два заключенія: первое — что ударъ кулака мамзель Нондры долженъ быть равносильнъ удару кивжала неаполитанскаго сбира; а второе — что я отнюдь не обманулся, предполагая существованіе маленькой раны въ сердцѣ у герцогини....

Для каждаго, кто не совсѣмъ новичокъ въ сердечной наукѣ, ничто не можетъ быть пріятнѣе подобной увѣренности; голова моя тутъ же сообразила всѣ выгоды, какія можно извлечь изъ настоящаго положенія этого сердца. Извѣстно, ничто такъ не

располагаетъ душу къ свиходительности, какъ потребность утѣшенія... Разъ привыкнете любить, хочется любить еще... Попеченія, ласки, какими мы пользовались, становятся необходимостью; а что же можетъ замѣнить ихъ, если не другія подобныя попеченія, не другія ласки?... Стало-быть, съ небольшимъ завесомъ ловкости, весьма не трудно завладѣть покинутымъ, раненымъ сердцемъ, которое оскорблено, но хотѣю бы скрыть свое оскорбленіе. Внимайте жалобамъ потерпѣвшихъ, дайте печаль свободу по-немножну изливаться, выхваляйте вѣрность, не порицая невѣрнаго, пораждайте новую любовь, не обнаруживая ни на волосъ надежды возбудить эту любовь: вотъ лучшія средства привлечь на свою сторону женщинъ, которыя, увы! обыкновенно такъ способны забывать прошлое, что, передъ лицомъ настоящаго, онѣ только и думаютъ, что о будущемъ!

На другой день послѣ прогулки въ Монмораной, въ полдень, я уже отъѣзжалъ Христинскую Улицу, седьмой этажъ одного дома, и осторожно стучался въ дверь миниатюрнаго жилища.... Я забылъ сказать, что всю ночь, спокойствіе моей души было следственно тревожимо свидѣніями.... и всё лиловыми....

Несмотря на то, что я считалъ себя ожидаемымъ гостемъ, на стукъ мой отвѣта не было; отворилась только дверь, противоположная той, въ которую я стучался, и Нонора, съ своей вожделѣнной физиономіей очутилась передо мною.

— А! вчерашній франтикъ! вскрикнула она: да развѣ Аннета ушла со двора? Вѣдь нельзя же думать, чтобъ вы здѣсь пробились цѣлый часъ, для того чтобъ увидѣть мои ясныя очи!

— Вы слишкомъ любезны, милая Нонора, отвѣчала я; правда, сегодня я намѣревался посѣтить мамзель Аннету.

— Видите ли, я же безъ причины говорила, что это герцогиня, подхватила гризетка; вы обѣихъ насъ видѣли вчера въ первый разъ, а вотъ вы ее называете еще мамзель Аннетой, тогда какъ мнѣ вы уже говорите: милая Нонора.... Да я не шекотлива; вотъ сейчасъ нушу васъ къ моей есѣдкѣ.

Тутъ Нонора, съ слезою, которая мнѣ напомнила вчерашнее ея дѣйствіе на меня, стала дѣлаться въ дверь.

— Вотъ вамъ она, сказала молчородная покровительница: ужъ я слышу шорохъ съ мушкетерскихъ шапокъ.

Вотъ какъ эта несчастная оскверняла прелестнѣйшія ножи, эти идолы, которымъ я поклонялся.

Черезъ минуту, Аннета открыла намъ дверь, и я замѣтилъ, что гризетка была еще обворожительнѣе, чѣмъ наканунѣ; и ошлы въ своихъ волшебныхъ салонкахъ!

Послѣ созданія восхитительной Риголетты, кто осмѣлится описывать комнату гризетки? И такъ я удовольствуюсь извѣстіемъ, что мансарда Аннеты была почти похожа на всѣ чердаки, гдѣ проживаютъ эти бѣдныя мелодыя существа, которыя цѣною шестидневнаго усильнаго труда покупаютъ воскресное удовольствіе выйти погрѣться на загородномъ солнышкѣ, или потанцовать при свѣтѣ кевкетовъ на балахъ, у заставы! Въ комнатѣ у Аннеты было все въ отмѣнномъ порядкѣ, чистота настоящая голландская, и, несмотря на простоту мебели, по каждой вещицѣ можно было судить о вкусѣ хозяйки, о стремленіи ея ко всему, что хотъ напоминало объ изяществѣ:

Огромнаго размѣра зеркальце, оштукатуренное доскутокъ бархату; ея маленькая кровать, убранная занавѣсами изъ полинявшей шелковой матеріи, большое кресло, съ книжеской короной, давно утратившее свою пышность и, безъ сомнѣнія, попавшее сюда съ какого-нибудь аукціона: все это свидѣтельствовало объ аристократическихъ наклонностяхъ этой бѣдной герцогини, которая была непонята.... судьбой!

Мое первое посѣщеніе было довольно продолжительно. Послѣ тысячи вопросовъ съ обѣихъ сторонъ, Аннета рассказала мнѣ о своихъ родителяхъ: какъ они «имѣли несчастія», какъ она, упавая все ниже и ниже, доведена была до званія швен шелковыхъ жилетовъ!

При изображеніи различныхъ фазъ своей жизни, молодая дѣвушка, какъ я замѣчалъ, старалась о нѣкоторыхъ предметахъ умалчивать; когда же я пытался выяснитъ нѣкоторыя обстоятельства, оставленные въ неопредѣленной тѣни, Аннета, опустивъ голову, замолкала, и я съ не малымъ трудомъ могъ упрямить ее не прерывать ничь разсказа.

— Парижъ не въ одинъ день построенъ, говорилъ я самъ себѣ; завтра узнаю отъ нея побольше.

И, прощаясь съ обворожительной Аннетой, я не преминулъ попросить позволенія посѣтить ее и завтра. Эта милость была исключительнова мною по всѣмъ правиламъ учтивости, какія употребляются при разговорѣ съ важными барынями Сен-Жерменскаго Предмѣстія. Мое точное свѣтское обхожденіе доставило

мнѣ несравненно болѣе власти надъ этимъ молоденькимъ сердцемъ, чѣмъ десятки увѣреній въ любви, которыми другіе, быть-можетъ, не однажды въ упоръ стрѣляли въ сердце Аннеты.

Гризетка хотѣла, чтобъ съ нею обращались какъ съ герцогиней!

— Надѣюсь только, что вы не заставите меня такъ долго дожидаться, какъ сегодня утромъ, сказалъ я улыбаясь.... Если бы не помогла ваша подруга, мнѣ не имѣть бы удовольствія васъ видѣть.

Аннета покраснѣла и, по своему обыкновенію, опустила свою маленькую головку.

— Я была тамъ, въ другой комнатѣ, пролетѣла она.

— Въ другой комнатѣ?

— Да, вотъ тутъ.

И она указала мнѣ пальцомъ на маленькую стеклянную дверь, полу-скрытую занавѣсами кровати.

— Такъ у васъ есть и еще покой, Аннета?

И съ этими словами я направилъ шаги прямо къ таинственному кабинету.

Не вымолвивъ ни полслова, Аннета однимъ прыжкомъ кинулась къ стеклянной двери, выхватила ключъ изъ замочной скважины, и опустила его въ карманъ.

Страшное подозрѣніе запало въ мою голову.... Мысль, что меня заставили сыграть роль проведеннаго простака, возбудила во мнѣ бѣшеное негодованіе.

— Будьте покойны, сударыня, сказалъ я колкимъ тономъ: я никогда не имѣлъ наклонности развѣдывать чьи-бы то ни было тайны.

И, говоря это, я поспѣшно приблизился къ выходу.

Аннета допустила меня перешагнуть за порогъ своей двери.... потому, не удерживая, дозволила мнѣ сойти внизъ на одну ступеньку.... потомъ на другую, на третью.... потомъ еще на нѣсколько ступенекъ!... гнѣвъ мой начиналъ исчезать, сердце мое билось и отъ страха и отъ надежды.

— Постой, позоветъ ли она меня назадъ? спросилъ я самого себя.

Вотъ я спустился вплоть до четвертаго этажа.... И такъ, любовь моя была уничтожена!... кокетка любила другаго.... и этотъ другой, счастливцевъ, былъ у нея, былъ спрятанъ въ этой прокла-

той каморкѣ... онъ послушался моихъ клятвъ, моихъ вздоховъ... посмѣялся же онъ на мой счетъ!... Вѣроломныя лиловые сапожки! Да что, въ самомъ дѣлѣ, фи! гадкая обувь!... и цѣпъ гадкіи!... и ноги гадкіи!...

Ноги гризетки! ну кто же въ нихъ влюбляется? Прошу покорно! Подымайся на полторы сотни ступенекъ, чтобъ поглядѣть на ноги гризетки!...

И я закинулъ назадъ голову дятого, чтобъ измѣрить взоромъ эту страшную высь, эту разочаровывающую, анти-аристократическую высь.....

— Берегись, тамъ вверху! закричалъ мнѣ тоненькій голосокъ, который смѣялся сквозь слезы.

Я едва-едва успѣлъ посторониться.... ключъ упалъ къ ногамъ моимъ.... это былъ роковой ключъ....

И я вторично очутился передъ дверьми Аннеты; только дверь была замкнута.... просьбы, мольбы все пропало по-пусту.... Отвѣтомъ даже меня не удостоили.... Надлежало отложить до слѣдующаго дня удовольствіе быть прощenu. Мнѣ уже казалось, что слѣдующій день вовсе на свѣтъ не явится.... Между-тѣмъ онъ пришелъ, по обыкновенію, спустя ровно двѣнадцать часовъ послѣ предъидущаго дня.... Бросаюсь къ Аннетѣ,... на этотъ разъ она меня ожидала.... Я подаль ей ключъ.

— Я прощаю васъ, сказала она, вы ревнивы, этотъ недугъ мнѣ знакомъ.... Если я не рѣшалась дать ключъ....

— Аннета, вскричалъ я, прерывая ее, съ видомъ человѣка, который воображаетъ, что достигъ апогея дивнаго великодушія, Аннета, я ничего не хочу знать.... съ меня довольно вашего слова....

— А ключъ-то, произнесла дѣвушка, съ плутовской улыбкой. Но, я откровенна, все вамъ расскажу: посмотримте вмѣстѣ эту комнатку, которая чуть-было не поссорила насъ, почти прежде чѣмъ мы познакомились.

Комната, куда мы вошли, была одинаковой величины съ убижищемъ Аннеты. Только кромѣ высокаго деревяннаго табурета и маленькаго соломеннаго стула, тутъ не было никакой мебели. Эта нищета составляла странную противоположность со множествомъ недоконченныхъ картинъ, эскизовъ, порожняихъ рамокъ, которыми покрыты были всѣ стѣны. Болѣе всего кидалъ

ся въ глаза большой портретъ какого-то молодого человѣка весьма замѣчательной красоты. Судя по костюму его, можно было думать, что это изображеніе артиста. На окнѣ лежали палитры, кисти, къ уголку былъ прислоненъ мольбертъ, на гвоздѣ висѣла блуза съ ермолкой: по всему можно было заключить, что хозяинъ этой комнатки—живописецъ, и что самъ онъ и послужилъ оригиналомъ этой картинѣ.

— Что же тутъ такое, Аннета? спросилъ я, окинувъ взоромъ всю комнату.

Аннета почитала меня достаточно смышленнымъ и не входила въ предварительныя объясненія.

— Сюда, отвѣчала она, онъ приходилъ рисовать.

— Приходилъ? повторилъ я, намекая на прошедшее время глагола.

— Если бъ онъ и нынче приходилъ, неужто вы были бы здѣсь? произнесла молодая дѣвушка съ гордостью.

— Гдѣ жъ онъ?

— Теперь, не знаю.... Отецъ хотѣлъ сдѣлать его адвокатомъ, и на-строга запретилъ ему заниматься живописью: вотъ я и одолжила ему эту комнатку, чтобъ онъ могъ всякій день приходить сюда поработать втайнѣ. Это его портретъ, прибавила Аннета, устремивъ на картину глаза, полные слезъ.

— Молодецъ! проговорилъ я.

— Да, и вмѣстѣ такой измѣнчивый! печально прошептала дѣвушка.

— Стало-быть онъ васъ покинулъ?

— Я была ему больше не нужна.

— Злое сердце!... Да какъ же это вы могли любить подобнаго человѣка?

— Да развѣ не всегда такъ бываетъ, что самыхъ дурныхъ-то пуще и любятъ? сказала бѣдная Аннета съ тяжелымъ вздохомъ. Притомъ, какъ могла я сомнѣваться въ его любви? Впродолженіи трехъ лѣтъ, когда всѣ думали, что онъ учится правамъ, всякой разъ по возвращеніи его изъ дому отъ отца, послѣ каникулъ, мнѣ чудилось, что онъ любитъ меня всё болѣе и болѣе.... Да! вотъ видите, это ему было такъ удобно; бывало, зимой, придетъ промокнувшій, продрогшій; глядитъ — камелѣкъ затопленъ, завтракъ готовъ, кисти, палитры вычищены.... Или,

лѣтомъ: ужь безъ свѣжихъ цвѣтовъ не обходилось; въ клѣткахъ птички пѣли, въ мастерской было чисто, прохладно.... Подъ-ко-нецъ третьяго года, передъ каникулами, я то и дѣло что плакала, онъ упрасивалъ, чтобъ я не горевала, увѣрялъ, что непременно получить отъ отца позволеніе возвратиться въ Парижъ, чтобъ заняться какъ слѣдуетъ живописью; напоминалъ, чтобъ я писала къ нему по-чаще..... даже оставилъ мнѣ свой адресъ, въ городъ Брестъ.

— Конечно, вы ему писали?

— Больше двадцати писемъ.

— Чтò жъ онъ вамъ отвѣчалъ?

— Какъ ему было отвѣчать!.... Въ адресѣ не было означено его фамиліи: одно только имя!....

— И такъ вы никогда болѣе не видѣлись?

— Ни разу!

— Всѣ же, Аннета, вы еще любите этого человѣка.... Вчера вы запирались въ эту комнату съ тѣмъ, чтобы поглядѣть на его изображеніе, на всѣ эти вещи, которыя ему принадлежали.

Аннета ничего не отвѣчала.

— Не правда ли, вы всё-еще его любите? продолжалъ я.

— Именно, длятого, чтобъ увѣриться въ этомъ, мнѣ и хотѣлось взглянуть на портретъ, проговорила дѣвушка.

— И вы глядѣли?...

— Если считать ни во чтò легонькое бѣненіе сердца, — глядѣла безъ трепету, отвѣчала почти съ увѣренностью Аннета...

— Въ такомъ случаѣ, вамъ было бы не жаль отдать мнѣ эту комнатку, въ наемъ? Я тоже тружусь, занятіе серьезное, а у насъ въ дому какъ-то шумно, вовсе заниматься нельзя; вотъ если бъ вы мнѣ позволили приходиться сюда каждый день, хоть на нѣсколько часовъ, вы оказали бы мнѣ огромнѣйшую услугу.

Аннета нахмурила свои миленькія брови.

— Вы ужь не думаете ли торговаться со мною? сказала она.

— Такъ вы отказываете мнѣ?

— Я не изъ платы услуживаю, проговорила моя хозяйка съ гордостью..

— За этимъ дѣло не станеть, Аннета, я чувствую себя способнымъ уплачивать вамъ за все моею искреннею признательностью, если ужь отвергаете всякое другое вознагражденіе;

какъ-скоро вы согласны, съ нынѣшняго же дня становлюсь вашимъ должникомъ.

— Въ добрый часъ, отвѣчала Аннета.

И говоря это, она протянула ко мнѣ свою сѣятельную ручку.

Черезъ часъ, мастерская художника была очищена. Благодаря обязательности Ноноры, которая должна намъ (Нонора тоже одолжала, а не въ заемъ отдавала) крошечный чуланъ, мы много все припрятали, все до послѣдней кисточки, до малѣйшей палитры! Оставался портретъ.... Въ апартаментяхъ обѣихъ соедѣдокъ не нашлось ни уголка, куда бы можно было сунуть раму такого почтеннаго размѣру.... Не было никакой возможности скрыть это страшное воспоминаніе....

— А что, не оборотить ли намъ его? сказала вдругъ грязетка.

— Чудесная идея! вскричалъ я хохоча во все горло. Ей-ей, еще слишкомъ снисходительно поступаютъ съ этимъ господиномъ, лишая его удовольствія видѣть ваше прелестное лицо. И, не разсуждая далѣе, мы приткнули къ стѣнѣ лицо брестскаго Апеллеса.

Можно себѣ представить, какіе быстрые успѣхи сдѣлалъ я въ изученіи законовъ, какъ-скоро благополучно основалъ кабинетъ свой въ Христинской Улицѣ, въ седьмомъ этажѣ, дверь на дѣво, у дѣвицы Аннеты, жилетчицы.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. *Le Docteur noir, Черный докторъ*, драма въ семи актахъ, господъ *Anicet Bourgeois* и *Dumanoire'a*.

Семь актовъ, ни болѣе ни менѣе. Дѣйствіе начинается на островѣ Бурбонѣ въ городѣ Сень-Деннѣ, гдѣ свирѣпствуетъ морская язва. Медки напрасно употребляютъ все усилія, чтобы отвратить страшный бичъ отъ гибнущихъ жертвъ: наука и отважность ихъ остаются безсильными. Только одинъ изъ всѣхъ, вольноотпущенный мулатъ Фабій, извѣстный на островѣ подъ именемъ Чернаго Доктора, нашелъ непогрѣшимое средство противъ страшной эпидеміи. Слава его чудесныхъ изцѣленій внушаетъ мадамозель Полинь де-ла-Реннери и одной ея родственницѣ мысль познакомиться лично съ удивительнымъ докторомъ. Онѣ приглашаютъ мулата на праздникъ, который дается по поводу предстоящей свадьбы Полины съ ея кузеномъ, кавалеромъ де-

Сень-Люсомъ. Но когда мать Полины узнала, что дочь ея до такой степени унизилась, что приглашаетъ въ свой домъ раба, вольноотпущенника, мулата, креольская гордость ея возмущилась и она приказываетъ людямъ постыдно выгнать Чернаго Доктора, если онъ осмѣлится явиться. Къ счастью, Полина слышала, что дано было это варварское приказаніе, и, не желая подвергнуть Фабіа такому унижительному оскорбленію, сама подстерегаетъ его и удаляетъ подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ. Фабіи однако жъ догадывается, въ чемъ дѣло, и благодаритъ благородную дѣвушку. Велѣдъ за тѣмъ праздникъ начинается, но не на долго: его прерываетъ страшная суматоха: Полина только-что пошла танцовать съ своимъ женихомъ, какъ-вдругъ у нея оказывается та самая страшная заразительная болѣзнь, которая опустошаетъ колонію. Всѣ съ ужасомъ разбѣгаются и несчастная остается въ борьбѣ со смертію. Одинъ Фабіи можетъ спасти ее. Но когда онъ приходитъ, мадамъ де-ла-Реннери не позволяетъ ему прикоснуться къ ея дочери, гонитъ его вонъ.— Позвольте мнѣ напередъ спасти ее. Завтра успѣете выгнать, отвѣчаетъ онъ.

И онъ спасаетъ ее, однако жъ его не выгоняютъ, оттого что мадамъ де-ла-Реннери принуждена поспѣшно уѣхать во Францію по поводу тяжбы, отъ которой зависитъ большая часть ея состоянія и даже честь ея фамиліи. Корабль, на которомъ она отправилась, потерпѣлъ крушеніе и всѣ пассажиры, говорятъ, погибли. Полина сирота. Изъ признательности за спасеніе жизни, оца хотѣла удержать Фабіа въ своемъ домѣ, но мулатъ не согласился и ушелъ въ свою уединенную лѣсную хижину, гдѣ старается побѣдить безнадежную любовь. Онъ любитъ Полину и Полина догадывается о настоящей причинѣ его удаленія. Она, сама себя не отдавая яснаго отчета въ своихъ чувствованіяхъ, приходитъ однажды навѣстить Чернаго Доктора. Тотъ обнаруживаетъ передъ нею такое глубокое уныніе, такое отчаяніе, что Полина, чтобы развлечь сколько-нибудь его мрачныя думы и доказать ему, что не раздѣляетъ креольскихъ предрасудковъ противъ цвѣтныхъ людей, приглашаетъ его въ тотъ же вечеръ на прогулку по морскому берегу. Фабіи обѣщаетъ явиться, Полина едва ушла, какъ Фабіи слышитъ пронзительный крикъ и, схвативъ топоръ, выбѣгаетъ изъ хижины. Какой-то человѣкъ напрасно напрягалъ силы, чтобы уйти отъ змѣи, Подбѣжать и изрубить страшное чудовище — для Чернаго Доктора было дѣломъ одной секунды. Изба-

вленный — кавалеръ де-Сенъ-Люсь, женихъ Полины, всё-еще не отказавшійся отъ своего намѣренія. Видя это, мулатъ жалѣеть о своемъ великодушномъ подвигѣ и готовъ туда же отправить соперника, куда отправилъ змѣю. Онъ побѣждаетъ свою ненависть къ креолу, но клянется въ душѣ, что не отдастъ ему Полины. Бьетъ часъ свиданія, Фабій отправляется на прогулку.

Фабій и Полина прогуливаются одни.... вотъ до какой степени Полина чужда предразсудковъ! Зато Фабій заводитъ ее на мысъ далеко, выдающійся въ море, и подъ видомъ легенды, рассказываетъ ей тамъ собственную свою и ея исторію, которую хочетъ тутъ же кончить. Полина не примѣтила, какъ во время разказа вода дрибыла и отдѣлила мысъ отъ берега. Вода всё прибываетъ, прибываетъ и скоро поглотитъ ихъ совершенно. — Мы погибнемъ, Полина, хладнокровно говорятъ Фабій. — «Нѣтъ никакого спасенія, Фабій?» спрашиваетъ Полина. — Никакого. — «Ну, такъ теперъ и я могу сказать тебѣ, что я люблю тебя!...»

Волны набѣгаютъ всё ближе и ближе. Скоро любовники будутъ унесены въ глубь моря. Только чудо можетъ спасти ихъ.

Это чудо совершается самымъ естественнымъ образомъ. Проходящіе контрабандисты принимаютъ ихъ на свою лодку. Воротившись домой, Полина призываетъ своего управителя и приказываетъ продать все имѣніе. Она хочетъ покинуть островъ Бурбонъ, но предварительно она выйдетъ замужъ за Фабія. Преданный священникъ втайнѣ обвиняетъ ихъ. Фабій не вѣритъ своему счастью, однако онъ счастливъ. Полина ни на что смотрѣть не хочетъ и намѣрена быть счастливою на зло всѣмъ предразсудкамъ. По выходѣ изъ капеллы, гдѣ вѣнчалась, Полина получаетъ письмо.... Изумленіе и страхъ.... Письмо отъ мадамъ де-ла Ренпері. Она не погибла. Она зоветъ свою дочь въ Парижъ!

Въ Парижѣ Фабій нѣсколько времени слыветъ за камердинера и переноситъ не только это, но даже много другихъ униженій изъ любви къ женѣ. Наконецъ, однако жъ, мадамъ де-ла-Ренпері открываетъ свои настоящія отношенія къ мулату и, черезъ протекцію, заключаетъ его въ Бастилію въ ту самую минуту, когда онъ великодушно отрекся отъ жены и готовъ былъ ухать обратно на островъ Бурбонъ. Полина не знаетъ, что Фабій попалъ вмѣсто родины, въ Бастилію, и проводитъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Настаетъ четырнадцатое іюля 1789 года. Парижъ

ская чернь побѣдительно врывается въ Бастиллю и освобождаетъ всѣхъ заключенныхъ. — Ты свободенъ, гражданинъ! говорятъ Фабію. — На что мнѣ свобода, когда Полины уже нѣтъ! говоритъ онъ. (Ему кто-то писалъ, что мадмоазель де-ла Реннери умерла.) — Нѣтъ, Полина жива и свободна. Только мать ея умерла, возражаетъ одинъ молодой ремесленникъ, которому Фабій нѣкогда спасъ отъ смерти мать. — Я свободенъ и Полина свободна! вскричалъ мулатъ и.... отъ радости, сошелъ съ ума.

Послѣдній актъ происходитъ въ Бретани, въ самую цвѣтущую эпоху «ужаса». Помѣшанный Фабій живетъ у призвательнаго молодого ремесленника, Андрея, который перемѣнилъ промыселъ и сдѣлался рыбакомъ. Кавалеръ де-Сенъ-Люсь приходитъ къ Андрею и проситъ спасти молодую женщину, которую террористы преслѣдуютъ зато только, что она аристократка. Андрей и самъ не любитъ аристократокъ, а когда слышитъ имя де-ла-Реннери, то уже вовсе не соглашается подать помощь. Онъ считаетъ и Полипу виновною въ заключеніи и сѣумасшествіи Фабія. Полина напрасно старается доказать свою невинность. Посмѣешь ли ты утверждать это въ присутствіи твоей жертвы? спрашиваетъ гражданинъ Андрей и указываетъ на Фабія, который, скорчившись и завернувшись въ плащъ, сидитъ въ углу. Полина вскрикиваетъ и бросается къ ногамъ мужа, но тотъ смотритъ на нее равнодушно и не узнаетъ. Между-тѣмъ разъяренная чернь нашла слѣдъ аристократки и врывается въ домъ. Фабій можетъ спасти жену однимъ словомъ. Но онъ сѣумасшедшій. Полина напрасно старается вырвать у него это слово: онъ молчитъ. — Пора докончить ее! кричитъ нетерпѣливая толпа: смерть аристократкѣ!... И кто-то выстрѣливъ въ нее убиваетъ Фабія. Пьеса имѣла успѣхъ, хотя по разбору содержанія непременно должна казаться скучною. Это доказываетъ, что въ ней есть нѣсколько удачныхъ сценъ и что весь почти успѣхъ зависитъ отъ игры актеровъ, и что, пьеса всё-таки, несмотря на полдюжину актовъ, принадлежитъ къ дюжиннымъ.

Музыкальныя новости. Изъ Лондона пишутъ, что послѣ заключенія Италіанской Оперы въ театрѣ Дрори-Лэнъ пѣвица Гризи и Маріо вмѣстѣ съ Джономъ Перри предпринимаютъ прогулку по восточнымъ провинціямъ Англіи; госпожа Кастеллавъ, Маррасъ и Форназари отправляются на осель въ Ирландію

и Шотландію. Въ Ковенъ-Гарденскомъ театрѣ сезонъ Италіанской Оперы долженъ открыться въ апрѣлѣ будущаго года.

— Въ Мадритѣ къ будущей зимѣ составляютъ лирическую труппу для театра del Circo; въ ней будутъ участвовать первѣйшія пѣвицы Италіи.

— Мы извѣщали уже о предположенномъ отъѣздѣ Доницетти въ Италію; но по консультаціи трехъ врачей посланныхъ префектомъ полиціи въ лечебницу, въ которой находится знаменитый и несчастный маэстро, оказалось, что путешествіе въ Италію можетъ быть для больного опаснымъ, и потому отъѣздъ Доницетти отсроченъ.

— Князь Юсифъ Помятовскій, авторъ многихъ оперъ имѣвшихъ большой успѣхъ, прибылъ въ Парижъ.

— Фанни Эльслеръ находился въ Пестѣ, гдѣ она пранята была съ восторгомъ. *Il successo fa solenne, i caudite*, говорятъ Италіанскіе журналы.

— Новая опера Россіи наконецъ получена въ Парижѣ; она, какъ видите, не мнѣе: это именно *Donna del Lago* съ новой увертюрой и новыми четырьмя номерами. Къ ней приложено собственноручное письмо Россіи, гдѣ онъ не только принимаетъ на себя всю отвѣтственность творенія, но даже строго воспрещаетъ актерамъ переимѣнять на репетиціяхъ хоть одну нотку. Въ этой піесѣ участвовать должны Гардони, Беттини, Анкони, Барроалле, госпожи Стольць и Росси-Каччіа. Госпожѣ Но предложена роль подруги, обогащенная каватинами.

— Мушкетеры Королевы, новая опера Гадеви, имѣла большой успѣхъ въ Берлинѣ.

— Дженни Линдъ ждутъ въ Гамбургѣ, она будетъ дебютировать въ оперѣ: *La fille du Régiment*, приобрѣвшей бодшую извѣстность въ Германіи. Въ сентябрѣ Дженни Линдъ ожидаютъ въ Стутгартѣ.

— Въ Берлинѣ давали *Весталку*; оперу Спонтини. Эфектъ этой благородной и возвышенной музыки былъ необыкновенный.

— Госпожа Плейель восхищаетъ лондонскую публику.

— Въ послѣдній оперный сезонъ въ Дрезденѣ дано было двадцать девять оперъ, въ шестьдесятъ слишкомъ представлений; изъ нихъ пятнадцать нѣмецкихъ (Глюка: Альцеста, Армида; Моцарта: Донъ-Жуанъ, Фигаро, Волшебная Флейта; Бетгоvena: Фиделіо; Шпора: Иссонда; Вебера — Оберонъ, Фрейшюцъ; Винтера — Жертвопривошеніе; Маршнера: Темпларіи; Лорцинга: Царь и Плотникъ; Флоттова: Страдалца; Лесерфа: Іери и Бетелли), въ тридцать представлений девять Италіянскихъ (Доницетти: Лукрецію, Люцію — единственную изъ всѣхъ по-италіянски; Фаворитку, Любовный напитокъ, La Fille du Régiment; Беллини: Капулетти и Соннамбулу, объ въ первый разъ по-нѣмецки; Россини: Вильгельма Телля и Цирюльника), въ двадцать два представленія четыре французскія оперы (Мейербера: Робертъ, Гугеноты; Обера: Фра-Діаволо; Адама: Почталіонъ), и наконецъ одна опера Бальфа: «Гаймоновы дѣти», которую можно причислить куда угодно.

— Изъ Вѣны пишутъ, что на небольшой изломанной мраморной доскѣ вѣнскаго кладбища довольно неразборчиво написано было: «Здѣсь поконится честный Нѣмецъ, добрый христіанинъ, вѣрный супругъ *Христофоръ* кавалеръ *Глюкъ*, великій мастеръ музыки. Скончался пятнадцатаго ноября 1787 года.» Два вѣнскія періодическія изданія приглашали къ складыванью на сооруженіе Глюку памятника. Фортепیانистъ Дрейшокъ далъ по этому случаю концертъ. Такимъ образомъ собрана сумма, и четвертаго іюля открытъ гранитный памятникъ съ бронзовымъ изображеніемъ лица мастера.

— Въ Прагѣ дана была новая опера-буффо: *Консуэло*, музыка Гордиджіани, написанная нарочно для Маріетты Альбони.

— Новая ораторія Мендельсона: «Илія» была дана въ первый разъ на большомъ музыкальномъ праздникѣ въ Бирмингемѣ двадцать-пятаго августа.

— Въ Бергамо сооружаютъ памятникъ въ честь Симона Майра (Simon Mayr).

— Извѣстіе, что графиня Росси собирается поступить на сцену, оказалось совершенно ложнымъ.

— Берлинскій «Фигаро» говоритъ, что знаменитый гумористъ *Сафиръ*, скончался наканунѣ въ Вѣнѣ.

— Изъ городскихъ новостей знаемъ только то, что прекрасная пѣснь Шуберта «Лѣсной Король» (Erlkönig) въ первый разъ положена на большой оркестръ капельмейстеромъ императорскихъ театровъ, господиномъ Кажинскимъ, и производитъ большой эффектъ. Духовые инструменты очень искусно подражаютъ пѣнью отца и сына. Арабская полька (драматическая фантазія) сочиненіе господина Кажинскаго, исполняемая оркестромъ Александринскаго Театра, всякой разъ возбуждаетъ громъ аплодисментовъ. И не мудрено. Мысль въ этой фантазіи нова и оригинальна, и инструментовка мастерски обработана.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссіонера Императорской Библиотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

WARRAND. Cours pratique de langue anglaise. Thèmes, traductions.

Ouvrage arrangé méthodiquement pour faciliter les traductions du français en anglais, précédé d'un abrégé de la grammaire anglaise.

3-e édition revue, corrigée et augmentée. St. Petersburg, 1844. 1 vol. in 8. 1 r. 50 c.

English extracts from the best classical authors, consisting of moral, amusing and instructive anecdotes, pieces of prose, scenes of comedies, and a selections of poetry. 2-oud edition enlarged and improved. St. Petersburg. 1 vol. in 8. 1 r. 50 c.

BUNCLE. True and instructive stories about animals, insects, and plants; from Parley, Mangnall, and others, revised by Campbell. 2-oud edition considerably enlarged. Paris, 1845. 1 vol. in 18. 2 fr. 60 c.

- CRUICE.** Le narrateur anglais ou série d'anecdotes, tirées des meilleurs auteurs, formant un cours de versions et de lectures, précédé d'une étude des dérivations de la langue anglaise. 3-e édition. Paris, 1845.
1 vol. in 12. 2 fr. 60 c.
- DICKENS.** The cricket on the hearth a fairy tale of home. Paris, 1846.
El vol. in 18. 2 fr. 60 c.
- Pictures from Italy. Paris, 1846. 1 vol. in 12. 4 fr. 1 r. 15 c.
- DGEWORTH, (Miss).** Fashionable tales. Two novels: Emilie de Coulanges and Almeria. Paris, 1843. 1 vol. in 12. 3 fr. 50 c. 1 r
- The grateful Negro; to - morrow; two tales. Paris, 1846. 1 vol. in 18. 1 fr. 50 c. 45 c.
- Helen, a tale. Paris, 1846. 1 vol. in 12. 3 fr. 50 c. 1 r.
- Early lessons. Paris, 1840. 3 vol. in 18. 7 fr. 50 c. 2 r. 15 c.
- Moral tales. Paris, 1839. 3 vol. in 18. 6 fr. 1 r. 70 c.
- Popular tales. Paris, 1840. 3 vol. in 18. 7 fr 50 c. 2 r. 15 c.
- GOLDSMITH.** History of England from the invasion of Julius Caesar to the death of George II with a continuation to the present time by Pinnock. 36-th edition, revised by Taylor. The whole illustrated by 200 wood cuts and a beautiful portrait of Queen Victoria, engraved on steel. Paris, 1844. 1 vol. in 12. 4 fr. 50 c. 1 r. 30 c.
- GORE, (Mrs.).** Sketches of english character. Paris, 1846. 2 vol. in 12. 7 fr. 2 r.
- L'HERMITE.** La clef de la correspondance commerciale anglaise, française et espagnole, ou choix de phrases et de termes de commerce. Nouvelle édition revue, corrigée, et augmentée par l'auteur. Paris, 1846. 1 vol. in 12. 5 fr. 1 r. 45 c.
- MAVOR.** The english spelling-book accompanied by a progressive series of easy and familiar lessons intended as an introduction to the reading and spelling of the english language. 425-th edition. London, 1840.
1 vol in 12. 55 c
- MURRAY.** An english spelling-book with reading lessons adapted to the capacities of children. 45-th edition. York, 1839. 1 vol. in 18. 55 c.
- O'SULLIVAN.** Elegant extracts from the most celebrated british prose writers; with biographical sketches and critical remarks. Fourth edition. Paris, 1845. 2 vol. in 12. 12 fr. 3 r. 45 c.
- PEYROT.** Histoire anecdotique de Victoria Reine d'Angleterre, depuis sa naissance jusqu'a son couronnement; ouvrage traduit de l'anglais sur la 3-e édition avec le texte accentné en regard. Paris, 1838. 1 vol. in 18. 3 fr. 50 c. 1 r.
- Manuel de la langue anglaise ou moyen d'apprendre cette langue

- sans maître. 5-e édition, augmentée de quatre chapitres du Ministère de Wakefield. Paris, 1845. 1 vol. in 12. 3 fr. 85 c.
- ROBERTSON. Nouveau cours pratique, analytique, théorique et synthétique de langue anglaise 4-e édition. Paris, 1846. 3 vol. in 8. 12 fr. 3 r. 45 c.
- Cours de Littérature anglaise; ou choix de morceaux, tirés des meilleurs prosateurs contemporains. Paris, 1840. 1 vol. in 8. 5 fr. 1 r. 45 c.
- Leçons pratiques de langue anglaise extraites du nouveau cours de langue anglaise. Paris, 1845. 1 vol. in 8. 3 fr. 85 c.
- SADLER. Abridgement of Lingard's history of England from the invasion de J. Caesar to James II, abridged for the first time, and continued from that period to 1835; illustrated with a colored map of England, showing the ancient and modern divisions. Paris, 1846. 1 vol. in 12. 8 fr. 2 r. 30 c.
- Corrigé des exercices anglais ou traduction du cours de thèmes gradués pour développer les règles de la grammaire anglaise pratique. 3-e édition. Paris, 1844. 1 vol. in 12. 2 fr. 50 c. 75 c.
- Cours de versions anglaises ou recueil choisi d'anecdotes classiques en prose suivies de morceaux les plus brillants de la poésie anglaise, 4-e édition. Paris, 1844. 1 vol. in 12. 4 fr. 1 r. 15 c.
- Exercices anglais ou cours de thèmes gradués pour servir de développements aux règles de la grammaire anglaise pratique et de toutes les autres grammaires anglaises. 6-e édition. Paris, 1844. 1 vol. in 12. 3 fr. 85 c.
- Grammaire pratique de la langue anglaise ou méthode facile pour apprendre cette langue, accompagnée d'une planche coloriée indiquant la valeur figurative des principales prépositions: To, at, on, over, of, from, into, in, upon, under. 7-e édition. Paris, 1845. 1 vol. in 12. 2 fr. 50 c. 70 c.
- Classical history of England, comprehending the military, civil, political, commercial, financial and social occurrences of Britain, England, and Great-Britain. For the use of schools. Paris, 1846. 1 vol. in 12. 3 fr. 85 c.
- Manuel classique de conversations françaises et anglaises, en une série de dialogues, destinés à faciliter la pratique de la conversation familière, servant aussi d'interprète fidèle aux voyageurs visitant la France et l'Angleterre. Paris, 1842. 1 vol. in 18. 3 fr. 85 c.

- Manuel de phrases françaises et anglaises, accompagné de dialogues familiers à l'usage des classes élémentaires. 7-e édition. Paris, 1846. 1 vol. in 18. 1 fr. 50 c. 45 c.
- Poetical preceptor, the first part containing a theoretical and practical Treatise on english prosody; the second part comprises a copious selection from the most celebrated british poets; the whole forming a course of english poetry. Paris; 1837. in 12. 4 fr. 50 c. 1 r. 30 c.
- Selection from the most celebrated british poets, comprising elegant extracts in poetry. Paris, 1837. 1 vol. in 12. 3 fr. 50 c. 1 r.
- SCOTT, (Sir Walter).** Richard or the talisman, a tale of the Crusaders. Paris, 1845. 1 vol. in 12. 3 fr. 50 c. 1 r.
- SIRET.** Elements de la langue anglaise ou méthode pratique pour apprendre facilement cette langue. Nouvelle édition revue, corrigée et annotée d'après les grammaires de Murray, Grant et de Salmon par Bouiface. Paris, 1843. 1 vol. in 8. 1 fr. 50 c. 45 c.
- Le même ouvrage. Dernière édition de 1846, corrigée, améliorée et augmentée par Witcomb. 1 vol in 12. 2 fr. 60 c.
- SPIERS.** Dictionnaire général anglais-français nouvellement rédigé d'après Johnson, Webster, Richardson etc. les dictionnaires français de l'Académie, de Laveaux, de Boiste etc.
- la partie anglaise française a paru. Paris, 1836. 1 vol. gr. in 8. 7 fr. 50 c. 2 r. 15 c.
- WITCOMB. (C. et H.)** Nouveau cours de thèmes anglais ou exercices sur les différentes règles de la grammaire anglaise. Paris, 1844. 1 vol. in 12. 2 fr. 60 c.

НОВЫЯ НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ г. Шмицдорфа у Какушкинъ-Моста, въ домѣ Миронова, No 13.)

Цѣны на серебро.

- MUNDT. Allgemeine Literaturgeschichte. Berlin, 1846. 8. 3 Bde. 7 R. 20 C.
- PUECKLER-MUSKAU. Die Rückkehr. Berlin, 1846. gr. 8. 1-er Bd. 2 R. 70 C.
- HAHN-HAHN. Clelia Conti. Berlin, 1846. 8. 2 R. 70 C.
- TSCHUDI. Fern. Reiseskizzen. St. Gallen, 1846. 8. 2 Bde. 3 R. 60 C.

=

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Пьесы для фортепіано съ акомпаниментомъ.

- BENNETT. Trio pour piano, violon et velle., op. 26. (3 r. 15 c.)
Sextetto pour piano, 2 violons, alto, vello. et ctrebasse, op. 8.
(6 r.).
- CLAPISSON et RAVINA. Fantaisies de salon pour piano, violon et velle. No. 1, 2, 3. (à 1 r. 30 c.).

- DREYSCHOCK.** Salut à Vienne. Rondo brillant pour piano avec acc. d'orchestre, op. 32. (4 r. 58 c.) idem avec acc. de quintor. (2 r. 58 c.).
- FRANCK.** Quatrième Trio pour piano, violon et velle., op. 2. (3 r. 72 c.).
- HORSLEY.** Trio pour piano, violon et velle., op. 7. (3 r. 15 c.).
- KALKBRENNER.** Quartetto di Camera pour piano, violon, alto et velle., op. 176. (4 r.).
- KITTL.** Grand Septuor pour piano, flûte, hautbois, clarinette, cor, basson et contrebasse, op. 25. (5 r. 15 c.).
- KRUG.** Trio pour piano, violon et velle., op. 5. (4 r. 58 c.).
- KUGLER.** Trio pour piano, violon et velle., op. 2. (2 r. 58 c.).
- LITOLFF.** Deuxième Concerto-Sinfonie pour piano et orchestre, op. 72. (10 r. 29 c.).
- MENDELSSOHN - BARTHOLDY.** Deuxième grand Trio pour piano, violon et velle., op. 66. (6 r.).
- MOLIQUE.** Trio pour piano, violon et velle., op. 147. (4 r.).
- REISSIGER.** Seizième Trio pour piano, violon et velle., op. 170. (3 r. 43 c.).
- SCHUBERT.** Nocturne pour piano, violon et velle., op. 148. (1 r. 43 c.).
- SCHUMANN.** Quartetto pour piano, violon, alto et velle., op. 47. (6 r. 29 c.). Concerto pour piano avec acc. d'orchestre, op. 54. (8 r. 58 c.).
- SKRAUP.** Trio pour piano, clarinette ou violon et violoncelle, op. 27. (3 r. 43 c.).
- VOLLWEILER.** Trio concertant sur des thèmes italiens pour piano, violon ou clarinette et violoncelle, op. 15. (2 r. 15 c.).
- WILLMERS.** Morceau de concert. Grande fantaisie sur une chansonnette danoise pour piano avec acc. d'orchestre. op. 16. (7 r. 72 c.).

Пьесы для виолончеля и фортепиано.

- ANDRÉ et BOCKMUEHL.** Fantaisie brillante sur la Sonnambula de Bellini pour piano et velle., op. 34. (1 r. 72 c.).
- BEETHOVEN.** Adelaide transcrite pour velle. et piano par Bockmühl. (1 r. 29 c.).

- BOCKMUEHL.** Quatre mélodies caractéristiques, op. 38, No. 1. Chans romantique. (1 r.). No. 2. Sérénade morosque. (1 r.). No. 3. Prière (1 r.). No. 4. Boléro. (86 c.). Album de l'amateur. Chants et Fantaisies pour velle. avec acc. de piano, op. 45 et 46. No. 1. La Sérénade du chasseur. (86 c.). No. 2. Chant de berceau. (72 c.). No. 3. Tyrolienne variée. (1 r.). No. 4. Tarantelle. (1 r.). No. 5. Nocturne. (72 c.). No. 6. Thème varié. (1 r.). No. 7. Au rouet. (86 c.). No. 8. Valse. (1 r.).
- DOTZAUER.** Trois grands Divertissemens pour velle et piano, op. 173. No. 1. Le Desert et les hirondelles de David. No. 2. La part du Diable d'Auber. No. 3. Norma de Bellini, (chaque à 1 r. 72 c.).
- FRANCHOMME.** Second air russe varié pour velle. avec acc. de piano, op. 32. (1 r. 15 c.).
- FRANCK.** Sonate pour piano et velle., op. 6. (3 r. 15 c.).
- KUMMER.** Introduction et Rondo sur la Sirene d'Auber, pour velle. avec acc. de piano, op. 78. No. 1. (1 r.). Romance élégiaque sur un air russe, pour velle. avec acc. de piano, op. 78. No. 2. (72 c.). Caprice sur quatre airs nationales écossais pour velle. avec acc. de piano, op. 80. (1 r. 72 c.). Quatre morceaux de salon sur des airs italiens, écossais, allemands et espagnols pour velle, et piano, op. 81. (1 r. 72 c.). Notturmo sur une mélodie de Proch pour velle. et piano, op. 82. (58 c.). Morceau de salon sur: Guillaume Tell de Rossini, pour velle. avec acc. de piano, op. 83. (1 r.). Fantaisie de salon sur: Alessandro Stradella de Flotow pour piano et velle., op. 88. (1 r. 72 c.).
- MERK.** Fleurs d'Italie. Fantaisie sur: Dom Sebastien de Donizetti pour velle. avec acc. de piano, op. 26. No. 4. (1 r. 43 c.).
- OFFENBACH.** Prière et Bolero pour velle. avec acc. de piano, op. 22. (2 r.).
- OLE BULL.** Adagio religioso transcrit pour velle. avec piano par Bockmühl. (1 r. 43 c.).
- PIATTI.** Introduction et Variations sur la Lucia di Lammermoor pour velle. avec acc. de piano, op. 2. (1 r. 72 c.). Une prière. Thème original varié pour velle. avec acc. de piano, op. 3. (2 r. 29 c.). Passetemps sentimental pour violoncelle avec acc. de piano, op. 4. (1 r. 43 c.).
- STRANSKY.** Capriccio sur: Haus Heiling de Marschner pour velle. avec acc. de piano, op. 10. No. 1. (1 r. 15 c.). Fantaisie originale pour velle. et piano, op. 10. No. 2. (1 r. 15 c.).
- WOLFF et BATTA.** Les intimes. Deux Duos concertants pour piano et velle. No. 1. Fantaisie de salon. (1 r. 43 c.). No. 2. Fantaisie

dramatique. (1 r. 43 c.). *La Soirée. Deux Duos concertants pour piano et vclle.*, No. 1. *La chasse.* (1 r. 43 c.). No. 2. *Impromptu.* (1 r. 43 c.). *Souvenirs de Boulogne. Deux duos concertants pour piano et vclle.* No. 1. *Sérénade variée.* (1 r. 43 c.). No. 2. *Diver-tissement pastoral.* (1 r. 43 c.).

Пьесы для фортепiano.

- BERTHOLD.** *La résignation. Nocturne,* op. 8. (60 c.).
- CHOPIN.** *Trois nouvelles mazurkas,* op. 59. (1 r. 43 c.).
- DOEHLER.** *Trio de l'opéra: Жизнь за Царя de Glinka, varié,* op. 60. No. 1. (85 c.). *Соловей. Air russe de A. Alabieff, variée,* op. 60. No. 2. (85 c.). *Бывало. Romance du Comte Wielhorsky, variée,* op. 60. No. 3. (85 c.). *Grand galop brillant,* op. 61. (85 c.). *Trot des chevaliers-gardes,* op. 62. (60 c.).
- HENSELT.** *Air de Balse, transcrit* (1 r.). *Polka et mazurka.* (1 r.). *Polacca brillante,* op. 72, de Weber, arr. par Henselt. (1 r. 43 c.). *Das ferne Land. Melodie.* (43 c.).
- HERZ.** *Nouvelle tyrolienne originale variée,* op. 154. (1 r.) *Les entraî-nantes. Nouveau quadrille varié,* op. 155. (1 r. 43 c.).
- LITOLFF** *Invitation à la polka,* op. 31. (1 r.). *Invitation à la tarantelle,* op. 36. (1 r. 29 c.).
- MAYER.** *Nocturne,* op. 81. (60 c.). *Mazurka,* op. 82. (1 r. 15). *Troi-sième valse-étude,* op. 83. (1 r. 15 c.). *Deuxième air italien varié,* op. 84. (1 r. 15 c.). *Quatrième valse-étude,* op. 85. (50 c.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, полу-чаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать ру-блей серебромъ, кромѣ-того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются тѣ только, которые обратятся съ требованіями непосред-ственно въ магазинъ Г. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписы-ться черезъ нихъ всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были из-даны или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла девятая тетрадь «Нувелиста», которая содержитъ въ себѣ: Kullak. *La tristesse de Beriot, transcrit.* — Langer. *Gondellied, melodie.* — Czerny. *Bluette musicale.* — Döhler. *Valse mélodique.* — Canthal. *Soldatengruss, Marsch.* — Raff. *Galopp.* — Herz. *Fantaisie sur la Sonnambula.* — Voss. *Mazurka élégante.* — Витиларо. *Русская пѣсня.* — David. *Bonheur d'aimer, Romance.* — Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп.) Г. Г. Желающіе подписаться на Нувелистъ на 1846, получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

МОДЫ.

Время лѣтнихъ танцевальныхъ вечеровъ только-что началось у насъ, а бѣлыя легкія платья съ первыхъ собраній до послѣднихъ, какъ видно, останутся любимымъ нарядомъ женщинъ со вкусомъ. Корсажи по большой части высокіе или полузакрытые, у вырѣза обшиваются широкимъ кружевомъ или рюшемъ; очень мило, при полузакрытомъ корсажѣ, полукороткіе рукава, обшитые рюшемъ или кружевомъ въ два ряда. Юбки убираютъ складками прямыми или взятыми вкось (*en biais*) и пришиваютъ ихъ чуть собранными. Такихъ складокъ дѣлаютъ (три, четыре, до семи, смотря по ширинѣ ихъ, надъ каждой нашиваютъ) одинъ, два или три ряда узенькой соломки или очень легкій, также соломенный, рѣшетчатый аграмантъ. Это ново и прекрасно. Бѣлыя платья убранные пуфами *boullionnés* въ шесть, семь, десять рядовъ даже и болѣе, прелестны; такія уборки хороши для легкихъ платьевъ голубыхъ и розовыхъ; очень красивы также бѣлыя платья, убранныя, одной очень широкой оборкой съ широкимъ внизу рубцомъ и надъ оборкой рюшъ, шириною въ полтора вершка, нашитый въ три ряда. Кушаки съ длинными впереди концами и небольшою пряжкой—необходимая принадлежность бальныхъ платьевъ; кушаки безъ концовъ, но также съ пряжками употребляютъ только на платьяхъ лѣтнихъ шелковыхъ матерій. Много шелковыхъ платьевъ дѣлаютъ безъ оборокъ, иные же убираютъ двумя очень широкими воланами съ мелкой по краямъ высьчкой, или внизу широкая подшивка, надъ ней складка шириною въ пять вершковъ, обшитая очень широкой бахромой того же цвѣту. Корсажи этихъ платьевъ совсѣмъ закрыты, рукава длинные и гладкіе, ихъ убираютъ мелкими пуговицами бархатными, шелковыми и металлическими, черными и сине-стального цвѣту; этотъ амазонской нарядъ чрезвычайно красивъ.

НОВАЯ ВОЛЫНАЯ ПЛАНЕТА, ЛЕЖАЩАЯ ЗА УРАНОМЪ. *Открытие господъ Ле-Берриё и Галле.* Разныя неправильности въ ходѣ и въ формѣ орбиты Урана, самой отдаленной изъ двѣнадцати донынѣ извѣстныхъ планетъ, которыя текутъ вокругъ солнца, заставляли астрономовъ дѣлать различныя предположенія. Самое общепринятое мнѣніе въ послѣднее время было то, что Уранъ не повинуется Ньютонovýmъ законамъ тяготѣнія. Искусный французскій математикъ, господинъ Le Verrier, возсталъ противъ этой гипотезы и, въ началѣ нынѣшняго года представилъ парижской академіи наукъ разсужденіе, въ которомъ онъ доказывалъ, что путь Урана еще недостаточно вычисленъ и что, если подвергнуть все донынѣ объ немъ извѣстное болѣе обстоятельному математическому изслѣдованію, планета эта окажется точно такою же, относительно къ своему ходу, какъ и всѣ прочія. Продолжая разборъ наблюденій надъ формою орбиты и неровнымъ теченіемъ Урана, господинъ Ле-Берриё предположилъ, что за Ураномъ, противъ того мѣста, гдѣ путь его дѣлаетъ примѣчательный горбъ, выдающійся наружу эллипсиса и гдѣ планета эта течетъ гораздо скорѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, должна быть еще одна планета, невидимая по причинѣ своей чрезвычайной отдаленности по-крайней-мѣрѣ гораздо огромнѣе Урана, который поэтому притягивается ею, течетъ скорѣе приближаясь къ ней и выгибаетъ здѣсь путь свой точно такъ же, какъ въ другихъ мѣстахъ вгибаетъ онъ свою орбиту отъ притяженія огромныхъ

планетъ Сатурна и Юпитера. На основаніи этого предположенія, господинъ Ле-Берриѣ принялся вычислять, какъ велика должна быть эта неизвѣстная планета, чтобы заставить Урана дать такого кругу, какова должна быть ея масса, и какъ быстро должна течь сама она. Вычисления эти дали ему слѣдующій результатъ: неизвѣстная планета, производящая это обстоятельство въ ходѣ Урана, должна представлять —

Поперечникъ	72,308.
Теченіе вокругъ Солнца	217 $\frac{3}{4}$ лѣтъ.
Массу	$\frac{1}{8000}$ массы Солнца.
Эксцентриситетъ	0,10761.
Дискъ, видимый только въ самые сильныя телескопы, не болѣе диски Юноны	3 секунды.
Долготу ближайшаго разстоянія отъ Солнца	284°45'.
Долготу нахождения своего около 1-го января 1847	318°47'.

Слѣдовательно въ сентябрѣ, неизвѣстная планета, если она существуетъ, должна находиться, на небѣ, примѣрно подъ 327° прямого восхожденія и подъ 13° градусомъ склоненія. На видъ должна она казаться звѣздочкою осьмой величины, если собственное сіяніе ея довольно сильно.

Эти результаты господинъ Ле-Берриѣ сообщилъ обсерваторіямъ, обладающимъ самыми сильными телескопами, приглашая астрономовъ направить ихъ въ указанную вычисленіемъ точку неба и посмотрѣть пѣтъ ли тамъ въ самомъ дѣлѣ именно такой планеты. Счастіе поблагопріятствовало берлинскому астроному, господину Galle: онъ не долго искалъ неизвѣстной планеты; при первомъ употребленіи довольно сильнаго инструмента планета нашлась въ указанномъ мѣстѣ. Господинъ Ле-Берриѣ ошибся только однимъ градусомъ.

Новая планета не получила еще названія.

Ньютоновы законы торжествуютъ. Астрономія не можетъ надѣяться своей собственной мудрости, точности и безошибочности.

ВЛІЯНІЕ СОЛНЕЧНЫХЪ ПЯТЕНЪ НА ЗЕМНУЮ ТЕМПЕРАТУРУ.
Паблюденія Гейнриха Швабе и Альфреда Готіе. Мы думаемъ, всѣмъ извѣстно мнѣніе Уильяма Гершеля, что появленіе солнечныхъ пятенъ всегда сопровождается сильнѣйшимъ отдѣленіемъ теплоты и что, слѣдственно, времена года, которыя особенно изобилуютъ этими пятнами, даютъ, сравнительно, большіе урожаи. Преслѣдуя эту идею, знаменитый англійскій астрономъ думалъ открыть даже соотношеніе между цѣнами хлѣба и числомъ солнечныхъ

пятенъ въ извѣстные періоды времени. Результаты изслѣдованій Гершеля, повидимому, подтверждали отчасти парадоксальное мнѣніе этого знаменитаго ученаго. Но изслѣдованія подобнаго роду не предполагаютъ слишкомъ большой точности; тѣмъ болѣе, что цѣна хлѣба подвержена вліянію многихъ другихъ обстоятельствъ, независимо отъ солнечной температуры.

Альфредъ Готіе старался опредѣлить вліяніе солнечныхъ пятенъ на земную температуру, сравнивая температуры различныхъ мѣстностей на Земномъ Шарѣ въ различные періоды времени, которые изобиловали особенно солнечными пятнами, и въ которые также число этихъ пятенъ было меньшее.

Въ февралѣ 1844 года, въ газетѣ «Астрономическія извѣстія» (*Astronomische Nachrichten*, № 495), помѣщены постоянныя наблюденія Гейнриха Швабе надъ солнечными пятнами и надъ числомъ дней, въ которые солнце было чисто, начиная съ 1826 года и по 1843 годъ. Эти наблюденія возбудили желаніе Альфреда Готіе сравнить эти числа съ средними температурами различныхъ мѣстностей въ тѣ же года, чтобы вывести отсюда, имѣеть ли вліяніе появленіе солнечныхъ пятенъ на земную температуру.

Рядъ наблюденій Швабе еще первый въ этомъ родѣ, который по продолжительности и полнотѣ можно принять за основаніе для рѣшенія этой важной метеорологической задачи. Втеченіи осемнадцати лѣтъ онъ ежегодно наблюдалъ солнечныя пятна, среднимъ числомъ, двѣсти пятьдесятъ два дня. Онъ дѣлалъ наблюденія съ помощью двухъ Фрауенгоферовскихъ трубъ, увеличивающихъ отъ сорока-пяти до шестидесяти-четырехъ разъ. Но Швабе, не зная почему, не привелъ въ параллель своихъ результатовъ съ наблюденіями надъ земными температурами. Это окончательное прибавленіе къ труднымъ его изслѣдованіямъ сдѣлано было недавно женевскимъ физикомъ Альфредомъ Готіе, который помѣстилъ въ *Annales de chimie et de physique Sér. III, T. XII, p. 57* свои соображенія, основанныя на точныхъ фактахъ, касательно вліянія солнечныхъ пятенъ на земную температуру.

Прежде нежели представимъ нашимъ читателямъ результаты сравненій Альфреда Готіе, мы должны, по необходимости, познакомить ихъ съ точными фактами, которые служатъ основаніемъ этимъ результатамъ и которые заключены въ слѣдующихъ двухъ таблицахъ :

ТАБЛИЦА I.

Число группъ солнечныхъ пятенъ и число дней, когда было солнце безъ пятенъ, по ежегоднымъ наблюденіямъ Швабе отъ 1826 и до 1843 года, и среднія температуры въ эти года въ Парижѣ, Женевѣ и на Большомъ Бернарѣ.

Періоды.	Годы.	Число			Годичная температура по стоградусному.		
		Дни наблюдений.	Группъ солнечныхъ пятенъ.	Дней безъ пятенъ.	Парижъ.	Женева.	Бернаръ.
(а)	1827	273	161	2	10°,59	10°,89	-2°,24
	1828	282	225		11,47	10,56	-0,26
	1829	244	199		9,35	8,41	-2,36
	1830	217	190	1	10,16	9,09	-1,21
	1831	239	149	3	11,70	10,13	-0,85
Среднее		261	185	1	10°,71	9°,63	-1°,89
(б)	1832	270	84	49	10°,81	9°,74	-0°,95
	1833	267	33	139	10,94	10,25	-1,21
	1834	273	51	120	11,73	11,14	÷0,01
	1835	244	173	18	10,77	9,33	-1,36
Среднее		263	85	81	11°,06	10°,11	-0°,88
(с)	1836	209	272		10°,78	9°,47	-4°,09
	1837	168	333		10,06	8,71	-1,67
	1838	202	282		9,55	8,50	-1,23
	1839	205	162		10,86	9,67	-0,75
	1840	263	152	3	10,31	8,73	-1,38
Среднее		208	240	1	10°,31	9°,02	-1°,22
(д)	1826	277	118	22	11°,23	9°,78	-2°,12
	1841	283	102	15	11,02	9,39	-1,18
	1842	307	68	64	11,27	8,65	-1,25
	1843	324	34	149	11,44	9,02	-0,94
Среднее		298	81	62	11°,24	9°,21	-1°,37

Въ слѣдующей таблицѣ соединены термометрическія наблюденія въ различныхъ мѣстностяхъ Европы и Америки; они обнимаютъ среднимъ количествомъ одиннадцать лѣтъ, изъ которыхъ только въ продолженіи пяти было довольно значительное число дней безъ солнечныхъ пятенъ; въ остальные же шесть лѣтъ Швабе наблюдалъ сравнительно большое число группъ солнечныхъ пятенъ.

Т А Б Л И Ц А П.

Сравненіе среднихъ годичныхъ температуръ въ различныхъ мѣстностяхъ Европы и Америки въ годы, когда было наибольшее число дней и также когда было наибольшее число группъ солнечныхъ пятенъ.

ЕВРОПА.

СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА.

Мѣстности, расположенныя по широтѣ.	Число годовъ, для которыхъ термометр. наблюдѣнія существуютъ.		Разность температуръ въ эти года.	Мѣстности, расположенныя по широтѣ.	Число годовъ, для которыхъ термометр. наблюдѣнія существуютъ.		Разность температуръ въ эти года.
	Года съ большимъ числ. дней безъ пят.	Года съ меньшимъ числ. дней безъ пят.			Года съ большимъ числ. дней безъ пят.	Года съ меньшимъ числ. дней безъ пят.	
Рейкьявикъ	5	6	-1,07	Монъ-Реаль	5	6	-1,40
Гельсингфорсъ . .	4	7	+1,15	С. Лауреасъ	4	8	-0,62
Петербургъ	4	5	+0,68	Лувиля	4	7	-0,47
Стромнесъ	4	6	+0,20	Конкордія	4	4	-1,72
Каюмъ-Монъ	5	5	+0,15	Утвна	5	9	-0,68
Кинфонсъ-Кестль .	4	9	+0,70	Кембриджъ-			
Эднбургъ	5	10	+1,05	Уашингтонъ . . .	4	9	-0,35
Аппельгартъ-				Джонстоунъ	3	6	-0,38
Маявъ	4	8	+0,80	Шонпей	4	9	-0,52
Данцигъ	5	8	+0,96	Лэсцибургъ	5	8	-0,22
Кэндалъ	4	7	+0,29	Ридгукъ	4	5	-0,70
Бременъ	4	7	+0,84	Маріэтта	4	5	-1,15
Берлинъ	5	9	+0,94	Рочестеръ	3	5	+1,79
Гарлемъ	5	5	+0,71	Фэрфэйльдъ	3	7	+1,37
Зальцъ-Уфеленъ .	5	6	+0,51	Ониадага	3	7	+1,09
Арользенъ	5	7	+0,70	Анбурнъ	4	7	+0,72
Лондонъ	4	8	+0,73	Канадигуа	4	8	+0,36
Дрезденъ	5	7	+0,81	Мидльбургъ	5	6	+0,43
Циттау	4	6	+0,97	Гампльтонъ	3	7	+0,19
Брюссель	5	5	+0,76	Шерри-Уаллей . . .	4	7	+0,35
Мастрихтъ	3	5	+0,10	Гэртуйкъ	3	8	+0,18
Гогенельбъ	5	5	+0,26	Оксфордъ	4	7	+0,84
Смечна	3	5	+0,96	Альбани	5	8	+0,40
Прага	5	5	+0,83	Киндергукъ	4	6	+0,47
Ландскрона	4	5	+0,33	Кингстоунъ	4	7	+1,05
Регенсбургъ	4	5	+1,24	Монгомера	4	8	+0,24
Штутгартъ	5	7	+0,50	Нюбургъ	4	7	+0,84
Гогенфуртъ	4	5	+0,44	Клинтонъ	4	9	+0,35
Мюхельъ	5	5	+0,35	Унионъ-Галль . . .	5	9	+0,76
Базель	4	5	+0,98	Эразмусъ-Галль . .	5	9	+0,69
Бернъ	5	5	+0,90				
Миланъ	7	10	+0,01				
Сонъ-Жанъ ле-							
Морьель	5	7	+0,33				
Парма	5	9	-0,45				
Среднее	4,5	6,5	+0,565	Среднее	4	7	+0,11

Если мы обратимъ вниманіе на первую таблицу, то замѣтимъ, что 1828 годъ, который былъ довольно тепелъ въ сѣверномъ полушаріи, представляетъ и сравнительно большее число группъ солнечныхъ пятенъ и ни одного дня безъ пятенъ. Напротивъ, въ 1843 году, который былъ также довольно тепелъ, по крайней-мѣрѣ въ Европѣ, Швабе нашелъ шестьдесятъ одну группу солнечныхъ пятенъ и сто двадцать дней безъ пятенъ. Также холодные года 1829 и 1838 очень изобиловали солнечными пятнами. Швабе успѣлъ открыть въ осемнадцати-лѣтнемъ промежуткѣ своихъ наблюдений, нѣкотораго рода періодичность въ явленіи: за пятью или шестью годами, изобилующими группами солнечныхъ пятенъ; онъ замѣчалъ, слѣдовали три или четыре года, въ которые было большое число дней безъ пятенъ. Такимъ образомъ онъ разбилъ свои осемнадцать лѣтъ наблюдений на четыре періода.

Первый годъ наблюдений 1826, какъ видно изъ первой таблицы, представляетъ небольшое число группъ солнечныхъ пятенъ, именно сто осемнадцать. Слѣдующія пять лѣтъ отъ 1827 года по 1831, напротивъ, не показали ни одного дня безъ пятенъ и отличались особеннымъ обиліемъ группъ солнечныхъ пятенъ.

Во второй періодъ, отъ 1832 года по 1835 годъ, Швабе, среднимъ числомъ, нашелъ ежегодно осемьдесятъ пять группъ солнечныхъ пятенъ и осемьдесятъ одинъ день безъ пятенъ.

Въ третій періодъ, который обнимаетъ четыре года 1836, 1837, 1838 и 1839, во всѣ дни наблюдений солнце было покрыто пятнами; и среднее число солнечныхъ пятенъ въ этотъ періодъ, ежегодно, было двѣсти сорокъ.

Наконецъ въ четвертый періодъ, впродолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, среднимъ числомъ, ежегодно, было сѣмьдесятъ шесть дней безъ пятенъ и шестьдесятъ осемъ группъ солнечныхъ пятенъ.

Ко всему тому, что мы сказали здѣсь, Альфредъ Готіе присовокупляетъ общее заключеніе, что года, изобилующіе группами солнечныхъ пятенъ, были холоднѣе годовъ, въ которыхъ было большее число дней безъ пятенъ.

Заключеніе это очень ясно и очевидно при первомъ взглядѣ на таблицы; и потому болѣе распространяться объ немъ мы считаемъ излишнимъ. Но мы прибавимъ съ своей стороны, что для полной несомнѣнности этого, еще гипотетическаго, заключенія, необходимо большее число наблюдений какъ астрономическихъ, такъ и термометрическихъ.

Исследования Швабе и результатъ, выведенный изъ нихъ Готтѣ, который, какъ мы видѣли, дошелъ до заключенія прямо противоположнаго мнѣнiю Уильяма Гершеля, послужили поводомъ къ новымъ, очень интереснымъ, физическимъ опытамъ надъ солнечными пятнами. Мы разумѣемъ здѣсь послѣднiя.

ТЕРМОЭЛЕКТРИЧЕСКIЯ НАБЛЮДЕНIЯ НАДЪ СОЛНЕЧНЫМИ ПЯТНАМИ Генри и Александра, представленные этими физиками американскому философскому обществу (American Philosophical society).

Профессоръ Генри полагалъ, что можно получить очень интересныя свѣдѣнiя касательно Солнца, подвергая приборъ термоэлектрической дѣйствию изображенiя солнечнаго диска, рисующагося черезъ телескопъ въ камеръ-обскуру. Эта идея была сообщена профессору Александру, который охотно соединился съ Генри, чтобы эту остроумную идею привести въ исполненiе. Наблюдатели прежде всего согласились опредѣлить относительную теплоту солнечныхъ пятенъ сравнительно съ свѣтлыми мѣстами диска. Первые опыты были сдѣланы четвертаго января 1845 года. Александръ, за нѣсколько дней передъ этимъ, замѣтилъ около центра солнечнаго диска большое пятно, слишкомъ 10,000 миль въ диаметръ. Чтобы произвести изображенiе этого пятна, они помѣстили въ отверстiи камеръ-обскуры телескопъ, такъ что это изображенiе рисовалось на задней стѣнкѣ ея, позади которой еще поставленъ былъ термоэлектрической приборъ. Пятно было очень ясно очерчено и представляло форму неправильную, продолговатую, около двухъ дюймовъ длиною и шириною полтора дюйма; въ серединѣ его находилось еще пятно болѣе темное и почти квадратное.

Способъ наблюденiя состоялъ въ слѣдующемъ. Часть изображенiя солнечнаго диска, на примѣръ мѣста свѣтлыя, приводились въ соотношенiе съ термоэлектрическимъ приборомъ и при этомъ замѣчалось показанiе стрѣлки гальванометра; потомъ наблюдатели передвигали слегка телескопъ и, такимъ образомъ, приборъ термоэлектрической подвергали дѣйствию солнечнаго пятна.

Приборъ термоэлектрической, употребленный при этихъ опытахъ, былъ устроенъ въ Парижѣ Румкорфомъ. Чтобы гальванометръ сдѣлать чувствительнѣе, надъ стрѣлкою помѣщены были двѣ магнитныя полосы въ вертикальномъ положенiи, подъ угломъ, отверстiемъ обращеннымъ книзу. Съ увеличенiемъ или уменьшенiемъ этого угла измѣнялась соотвѣтственно направляющая сила стрѣлки и чувствительность прибора.

Въ первый день было сдѣлано двѣнадцать наблюдений и все они, за исключеніемъ одного, дали одинаковый результатъ, именно: что пятно отдѣляло теплоты гораздо меньше нежели свѣтлая часть диска.

Вотъ числовыя показанія въ градусахъ гальванометра.

Дѣйствіе пятень.	Дѣйствіе свѣтлой части диска.
$3\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{2}$
$1\frac{1}{4}$	3
2	3
2	$2\frac{1}{2}$
2	$2\frac{1}{4}$
4	$5\frac{1}{4}$
$4\frac{1}{2}$	5
$3\frac{3}{4}$	$4\frac{1}{2}$
$3\frac{1}{4}$	2
$0\frac{3}{4}$	$2\frac{1}{2}$.

Облака и тучи остановили при самомъ началѣ эти интересныя наблюденія, но Генри и Александръ обѣщаютъ продолжать ихъ и результаты сообщать Американскому философскому обществу. Въ свое время мы увѣдомимъ объ нихъ и нашихъ читателей.

ДѢЙСТВІЕ МАГНИТИЗМА НА СВѢТЪ И ОСВѢЩЕНІЕ МАГНИТНЫХЪ ЛИНІЙ. *Изслѣдованія Фареде.* Въ началѣ нынѣшняго года, мы извѣстили читателей нашихъ о новомъ открытіи знаменитаго англійскаго физика, которое въ ученомъ мірѣ произвело очень сильное волненіе. Это открытіе было разобрано и подтверждено первыми физиками, каковы Пуліе, Деврѣ, Бекрель, Бетхеръ, которые, замѣтимъ однако же, объясняютъ его только немногимъ иначе нежели самъ открыватель, Михаилъ Фареде.

Недавно Фареде издалъ подробное описаніе своего открытія, которое составляетъ девятнадцатый рядъ его опытныхъ изслѣдованій объ электричествѣ; въ этомъ мемуарѣ, помѣщенномъ въ *Philosophical Magaz. Ser. III Vol. XXVIII*, изложены подробныя опыты, показывающіе дѣйствіе магнитовъ на свѣтъ, дѣйствіе электрическихъ токовъ на свѣтъ и, въ заключеніе, общіе выводы, которые слѣдуютъ изъ этихъ опытовъ.

Спѣшимъ подѣлиться этою интересною новостью съ нашими читателями. Мы представимъ имъ здѣсь большую часть мемуара, съ немногими сокращеніями, чтобы точнѣе и лучше развить одно неполное извѣстіе, помѣщенное въ февральской книжкѣ нашего журнала, которое, какъ простое газетное объявленіе, промелькну-

лю въ этомъ отдѣлѣ и осталось, вѣроятно, незамѣченнымъ нашими читателями.

« Давно уже, пишетъ Фэреде, я думалъ вмѣстѣ съ многими другими ревнителями науки, что различныя формы, въ которыхъ проявляются силы въ матеріи, имѣютъ общее начало. Это мнѣніе сдѣлалось теперь моимъ убѣжденіемъ. Говоря другими словами, я полагаю, что эти силы имѣютъ между собою прямое соотношеніе и такую взаимную зависимость, что даже могутъ нѣкоторымъ образомъ превращаться одна въ другую и, следовательно, дѣйствуютъ одинаково при извѣстныхъ случаяхъ. Въ послѣднее время особенно физики собрали много доказательствъ такого превращенія силъ и начало было сдѣлано къ опредѣленію ихъ взаимнаго дѣйствія.

« Это убѣжденіе распроетранялось и на явленія свѣту; оно, въ другихъ случаяхъ, побудило меня прежде, говорить Фэреде, предпринять рядъ опытовъ, чтобы открыть прямое соотношеніе между свѣтомъ и электричествомъ и ихъ взаимное дѣйствіе на тѣла, подверженныя ихъ соединенному вліянію; только я получилъ результаты отрицательныя, которые и впоследствии подтвердилъ Вартманъ (Archives de l'Électricité T. II, p. 596.) »

Неудачные труды не могли разрушить твердаго убѣжденія Фэреде, основаннаго на философскихъ соображеніяхъ. Фэреде предпринялъ, въ послѣднее время, рядъ новыхъ опытовъ, болѣе соответствующихъ цѣли и, наконецъ, успѣлъ намагнитить и электризовать лучъ свѣту и осветить линію магнитной силы.

Прежде нежели мы приступимъ къ описанію опытовъ Фэреде, считаемъ необходимымъ объяснить читателямъ нашимъ термины техническіе, которые мы будемъ употреблять въ этомъ описаніи. Подъ именемъ *линіи силы магнитной* или *магнитной линіи силы*, или *магнитной кривой* мы означаемъ вліяніе магнитной силы, которое обнаруживается въ линіяхъ, обыкновенно называемыхъ магнитными кривыми. Эти линіи существуютъ и на поверхности Земнаго Шара, по обѣимъ полушаріямъ его, начиная отъ полюсовъ къ экватору, и образуютъ концентрическіе круги около электрическаго току. *Линіями силы электрической* мы означаемъ силу, дѣйствующую по направленію линій, соединяющихъ два тѣла, которыя дѣйствуютъ одно на другое по началамъ электро-статической индукціи: эти линіи могутъ быть и прямыя и кривыя. Тѣла, черезъ которыя проходитъ сила магнитная и которыя, подъ ея вліяніемъ, не дѣлаются магнитами, Фэреде называетъ *диамагнитическими*.

Наконецъ, чтобы наша статья была понятна для бôльшей массы читателей, мы считаемъ необходимымъ объяснить здѣсь явленіе поляризаціи свѣту, на которомъ основывается главный опытъ Фареде.

Всѣмъ извѣстно, мы думаемъ, что свѣтъ отражается болѣе или менѣе отъ поверхности тѣлъ, и что лучъ, проходя черезъ прозрачныя тѣла, ломается или, какъ говорятъ физики, преломляется и разбивается на блестящіе разнообразныя цвѣтныя лучи, подобныя цвѣтамъ радуги.

Представимъ себѣ лучъ, который падаетъ на поверхность полированной стеклянной пластинки, напримѣръ подъ угломъ тридцати-пяти градусовъ, двадцати-пяти минутъ; онъ отразится отъ нея вертикально сверху внизъ. Теперь, если подъ этою пластинкою мы помѣстимъ параллельно ей другую пластинку, ей равную, то лучъ отраженный, встрѣтя эту вторую поверхность, отразится отъ нея снова, такъ что послѣ этихъ двухъ отраженій наблюдатель, ставши въ извѣстную точку, можетъ увидѣть изображеніе предмета, отъ котораго выходятъ лучи свѣту.

Но если эта вторая стеклянная пластинка, постоянно сохраняя одно и то же наклоненіе къ лучу, будетъ обращаться около этого луча, то изображеніе предмета, вдвойнѣ отраженное, начнетъ постепенно слабѣть и, въ заключеніе, уничтожится совершенно; потомъ оно снова появится мало-по-малу и еще разъ исчезнетъ по мѣрѣ вращательнаго движенія зеркала, такъ, что, втеченіи полнаго оборота стеклянной пластинки, изображеніе два раза исчезнетъ и два раза появится. Это явленіе составляетъ такъ-называемую *поляризацію свѣту*, открытіемъ которой обязаны мы Малюсу, и которая, въ наше время, представляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ отраслей физики.

Явленіе поляризаціи происходитъ при многихъ, различныхъ, обстоятельствахъ; лучи свѣту поляризуются не только на поверхности тѣлъ посредствомъ отраженія, но также и посредствомъ преломленія, проходя черезъ прозрачныя тѣла. Это явленіе обнаруживается иногда измѣненіями напряженія или яркости свѣту, иногда же перемѣнами цвѣта.

Въ опытахъ Фареде, лучи поляризованные, проходя черезъ прозрачныя тѣла, обыкновенно на нихъ не дѣйствующія, измѣняютъ свое направленіе, если мы рядомъ съ этими тѣлами помѣстимъ сильныя магниты.

Чтобы точнѣе понять опытъ Фареде, мы просимъ нашихъ читателей представить себѣ слѣдующее явленіе: караванъ, постав-

ленный на солнце, отбрасывает радужное изображеніе отъ лучей, которые, проходя черезъ него, преломляются и разлагаются; рядомъ съ этимъ караниномъ помѣстимъ магнитъ и допустимъ, что подъ вліяніемъ его измѣнится положеніе радужнаго изображенія, отбрасываемаго караниномъ. Совершенно подобное же явленіе, такое же перемѣщеніе происходитъ и въ опытѣ Фареде: тамъ магниты дѣйствуютъ только на поляризованные лучи, а не на преломленные.

Теперь слѣдуетъ подробное описаніе этого опыта.

Свѣтъ Аргандовой лампы поляризуется въ горизонтальной плоскости, черезъ отраженіе отъ стеклянной пластинки; лучъ поляризованный пропускается черезъ призму Никольсову, которая, чтобы лучше изслѣдовать движеніе свѣтового луча, обращается на горизонтальной оси. Между зеркаломъ поляризующимъ и Никольсовою призмою, Фареде помѣстилъ два сильные электромагнитные полюса: это были полюсы одного желѣзнаго подкововиднаго магнита, или полюсы разноименные двухъ цилиндрическихъ магнитовъ. Эти полюсы лежали въ направленіи луча одинъ отъ другаго на разстояніи двухъ дюймовъ, и оба или по одну сторону поляризованнаго луча, или по обѣимъ его сторонамъ, такъ, что лучъ проходилъ, въ первомъ случаѣ, рядомъ съ этими полюсами, а во второмъ случаѣ — между ними; направленіе же луча оставалось постоянно параллельнымъ магнитнымъ линіямъ силы. Теперь, если мы помѣстимъ между двумя полюсами прозрачное тѣло, то внутри этого прозрачнаго тѣла пройдутъ, въ одно время и въ одномъ направленіи, поляризованный лучъ и магнитныя линіи силы.

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, Фареде обнаружилъ свои опыты надъ оптическими стеклами. Между прочимъ онъ описалъ приготовленіе и общія свойства тяжелаго стекла, которое, по составу своему, было названо кремне-борно-кислотою окисью свинца. Именно это стекло навело Фареде на открытіе отношеній, существующихъ между свѣтомъ и магнетизмомъ, потому что въ этомъ прозрачномъ тѣлѣ всего рѣзче обозначаются эти отношенія.

Фареде помѣстилъ, какъ тѣло діамангнетическое, между полюсами, которые не были еще намагничены дѣйствіемъ электрическаго тока, пластинку этого стекла, величиною въ два квадратныхъ дюйма и толщиною въ пол-дюйма, и именно въ такомъ положеніи, чтобы лучъ поляризованный проходилъ по направленію ея длины. Стекло здѣсь дѣйствовало точно такъ же, какъ вода, воздухъ и всякое другое безразличное тѣло, и если мы по-

ставимъ Никольсову призму, такъ, что лучъ поляризованный уничтожится, то есть, исчезнетъ изображеніе, начертанное этиъ лучомъ, то стекло въ этомъ случаѣ не измѣнитъ порядка явленій.

Расположивши приборъ такимъ образомъ, Фареде возбудилъ магнитизмъ въ электромагнитахъ, пропустивъ электрическій токъ черезъ проволочную спираль, и что же, почти въ одно мгновеніе, замѣтилъ онъ? Изображеніе пламени лампы сдѣлалось видимымъ въ Никольсовой призмѣ и оставалось пока дѣйствовалъ токъ, пока, слѣдовательно, приборъ пребывалъ въ магнитномъ состояніи. Фареде оставилъ дѣйствіе току, уничтожилъ такимъ образомъ магнитизмъ и изображеніе пламени вдругъ исчезло. Явленія эти можно было возобновлять каждый моментъ по волѣ наблюдателя и, всякій разъ, замѣтна была здѣсь совершенная зависимость между причиною и слѣдствіемъ, между дѣйствіемъ току и явленіемъ изображенія въ Никольсовой призмѣ.

Электрическій токъ, который употребленъ былъ въ этомъ случаѣ, Фареде получилъ отъ пяти паръ, устроенныхъ по методѣ Грова; а электромагниты были такъ сильны, что каждый полюсъ могъ выдержать отъ двадцати осьми до пятидесяти-шести фунтовъ. Наблюдатель, который будетъ дѣлать въ первый разъ опыты, не замѣтитъ явленія, если употребить слабый магнитъ.

Вліяніе силы, дѣйствующей здѣсь на тѣло діаманитическое, обозначается *вращательнымъ движеніемъ*; потому что, когда изображеніе пламени лампы сдѣлается видимымъ, стонъ только повернуть Никольсову призму нѣсколько влево или вправо и оно исчезнетъ. Дальнѣйшее вращательное движеніе Никольсовой призмы, всё-равно въ правую или въ лѣвую сторону, можетъ снова вызвать изображеніе съ дополнительными цвѣтами, которые завясятъ отъ направленія движенія.

Если ближайшій полюсъ къ наблюдателю былъ отмѣченъ, то есть, былъ сѣверный полюсъ, то вращательное движеніе луча проходило въ правую сторону; и тогда Никольсову призму необходимо было повернуть также направо, чтобъ поймать изображеніе пламени въ его первобытномъ состояніи. Когда полюсы были перемѣщены, что можно сдѣлать въ одну минуту, измѣнивъ направленіе электрическаго току, тогда перемѣняется также характеръ вращательнаго движенія луча и тогда Никольсову призму необходимо было повернуть влево и на столько же именно, какъ и въ первомъ случаѣ.

Направленіе не измѣняется для одной и той же *линіи магнитной силы*.

Когда тѣло діаманитическое находилось въ другихъ положеніяхъ относительно электромагнитныхъ полюсовъ, результаты всегда получались тѣ же самыя, хотя не въ одинаковой степени ясности.

Подобныя же явленія Фарееде успѣлъ произвести также съ кремне-борно-кислою окисью свинцу, съ помощью большаго естественнаго подкововиднаго магнита. Только результаты, полученные имъ, были очень слабы; но по-крайней-мѣрѣ они доказывали, въ этомъ случаѣ, совершенную тождественность дѣйствія электромагнитовъ и магнитовъ обыкновенныхъ.

Такимъ образомъ магнитныя линіи, проходя черезъ кремне-борно-кислую окись свинцу, сообщаютъ этому прозрачному тѣлу способность дѣйствовать на лучъ поляризованнаго свѣту, когда они параллельны лучу или приближаются къ параллелизму. Когда же эти линіи перпендикулярны къ лучу, тогда нѣтъ никакого дѣйствія. Магнитныя линіи, слѣдовательно, придаютъ діаманитическому тѣлу свойство вращать лучъ. II вотъ законъ этого дѣйствія: если линія магнитной силы идетъ въ направленіи поляризованнаго луча къ полюсу сѣверному или отъ полюса южнаго, то лучъ вращается направо; если же магнитная линія идетъ отъ полюса сѣвернаго или къ полюсу южному, то лучъ двигается налѣво.

Движеніе луча пропорціонально величинѣ діаманитическаго тѣла, чрезъ которое проходятъ лучъ и линіи магнитныя. Такъ, что, составивши вмѣстѣ два, три и болѣе кусковъ стекла кремне-борно-кислой окиси свинцу, мы получимъ большее вращеніе луча, нежели съ однимъ кускомъ.

Способность двигать лучъ увеличивается также вмѣстѣ съ напряженіемъ магнитныхъ линій. Эту зависимость можно опредѣлить, употребляя электро-магниты и Фарееде нашель, въ своихъ опытахъ, что движеніе луча прямо пропорціонально напряженію, магнитной силы.

Если мы помѣстимъ въ направленіи магнитныхъ кривыхъ, между полюсомъ и тѣломъ діаманитическимъ, или въ другомъ какомъ-нибудь положеніи, тѣло не магнитическое, напримѣръ листокъ мѣди, олова, золота или серебра, это постороннее тѣло, мы замѣтимъ, не произведетъ ни малѣйшаго измѣненія въ ходѣ явленій.

Желѣзо въ этомъ случаѣ, повидимому, имѣетъ вліяніе довольно значительное; но это вліяніе, какъ кажется, зависитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ того, что желѣзо измѣняетъ направленіе магнитныхъ линій и во-вторыхъ, отъ того, что оно по-

глощаетъ часть ихъ силы. Такимъ образомъ, когда оба противоположные полюса были на одной сторонѣ поляризованнаго луча, а стекло находилось, въ лучшемъ положеніи, между полюсами, въ направленіи луча, тогда, чтобъ уничтожить дѣятельность тѣла діамантитическаго, нужно было поставить возлѣ стекла, по другую сторону луча, большой кусокъ желѣза. Это явленіе происходило отъ того, что большая часть магнитныхъ линій, которыя прежде проходили черезъ стекло, въ направленіи параллельномъ лучу, теперь, подъ влияніемъ желѣза, измѣняли путь свой и пересѣкали лучъ. Здѣсь въ желѣзѣ образовались два новые полюса, противъ полюсовъ магнита и они-то сообщали извѣстной части магнитной силы новое направленіе, которое перерѣзывало лучъ поляризованный.

Если мы помѣстимъ желѣзо по другую сторону стекла, тамъ же, гдѣ находится и магнитъ, то дѣятельность тѣла діамантитическаго еще значительно уменьшится; потому что сила магнита отклонится отъ стекла и приметъ новое направленіе. Дѣйствіе здѣсь должно зависѣть, естественно, отъ напряженія и силы магнита отъ величины куска желѣза и отъ степени его мягкости.

До сихъ поръ Фарее не могъ опредѣлить, намагничивается ли тяжелое стекло, въ этомъ состояніи, то есть, подъ влияніемъ магнитныхъ линій силы, которыя проходятъ черезъ него. На этотъ конецъ, онъ помѣщалъ большіе куски этого стекла, въ различныхъ положеніяхъ, между магнитами и магнитными стрѣлками, и не успѣлъ ничего открыть съ помощью самыхъ тонкихъ наблюдений.

Мы перейдемъ теперь къ разсматриванію дѣйствія магнетизма на свѣтъ, чрезъ посредство другихъ веществъ. Замѣтимъ здѣсь прежде всего, что другія прозрачныя тѣла представляютъ это дѣйствіе не въ одинаковой степени ясности.

Потомъ, что это дѣйствіе примѣчается въ тѣлахъ самыхъ разнородныхъ по свойствамъ физическимъ, химическимъ и механическимъ. Такимъ образомъ его представляютъ тѣла твердыя и жидкія, кислоты и щелочи, масла, вода, алкоголь и эфиръ.

И заключеніе, что это явленіе, это дѣйствіе во всѣхъ тѣлахъ не измѣняетъ общаго, главнаго, своего характера, то есть, что это будетъ всегда вращательное движеніе луча. Кромѣ того, направленіе этого движенія, во всѣхъ случаяхъ, независимо отъ свойствъ прозрачнаго тѣла, но зависить только отъ одного направленія магнитной линіи силы, согласно съ закономъ, который мы назвали выше.

Въ опытахъ съ тѣлами кристаллическими, Фареде давалъ этимъ тѣламъ такое положеніе, чтобы они дѣйствовали сами на поляризованный лучъ и потомъ уже пропускалъ черезъ нихъ магнитныя кривыя. Вообще эти тѣла, повидимому, противодѣйствуютъ вращательному движенію луча. *Каменная соль* и *полевоѣ шпатъ* обнаруживали только слѣды этого явленія; то же самое должно сказать и о *кристаллѣ квасцовъ*; но длина луча въ прозрачной части здѣсь была такъ незначительна, говоритъ Фареде, что я не могъ убѣдиться положительно въ справедливости моего заключенія.

Горный хрусталь, кусокъ въ четыре дюйма шириною, тоже оказался совершенно недѣйственнымъ на лучъ, равно какъ и маленькіе его кристаллики, въ которыхъ двѣ плоскости были перпендикулярны оси кристалла и которые Фареде наблюдалъ во всѣхъ направленіяхъ.

Исландскій шпатъ, въ кристаллахъ ромбондальной и кубической формы, совершенно не дѣйствовалъ на лучъ.

Сѣрно-кислая извѣсть, *сѣрно-кислый баритъ*, *углекислый натръ*, также не представляли явленія движенія луча.

Кусокъ льду, совершенно прозрачный, не произвелъ никакого дѣйствія; впрочемъ нельзя положительно утверждать, что, въ этомъ случаѣ, явленіе не происходитъ; потому что это явленіе замѣчается, хотя очень слабо, въ массѣ воды, равнаго объему; наблюденія же надъ льдомъ очень трудны по причинѣ неровной его поверхности, вслѣдствіе его таянія и стеканія воды.

Фареде помѣстилъ въ направленіи магнитной линіи листокъ золота: на успѣхъ этого любопытнаго опыта онъ очень надѣялся; но этотъ опытъ не произвелъ никакого дѣйствія. Впрочемъ, невозможно было ожидать здѣсь положительнаго результата, если мы примемъ въ расчетъ какое ничтожное пространство пробѣгаетъ поляризованный лучъ въ листкѣ золота.

При опытахъ съ жидкостями, для болѣе точнаго производства наблюденій, эти жидкости необходимо налить въ бутылки, имѣющія отъ полутора до трехъ и четырехъ дюймовъ въ діаметрѣ и помѣстить ихъ тогда между магнитными полюсами. Потомъ ставится Никольсова призма, на такомъ разстояніи отъ бутылки, чтобы можно было уловить, хотя не ясное, но замѣтное изображеніе пламени лампы. Эти изображенія, по свѣту, легко отличить отъ другихъ не ясныхъ образовъ, происходящихъ отъ неправильнаго преломленія, которое зависитъ отъ полой и недостатковъ стекла бутылки.

Явленіе обнаруживается въ водѣ, алкогольѣ и эфирѣ; всего сильнѣе въ водѣ, сравнительно слабѣе въ алкогольѣ, а въ эфирѣ еще слабѣе. Всѣ жирныя масла, которыя испытывалъ Фареде, именно миндальное, клещевинное, деревянное, маковое, льняное, спермацетовое, элаинъ свиного сала и перегнанное нефтяное масло обнаруживали дѣйствіе подобное же, точно также какъ и масла эфирныя-терпентинное, масло горькихъ миндалей, лавандовое, жасминное, гвоздичное, лавровое, точно также какъ и нефть различныхъ сортовъ, расплавленный китовый жиръ, расплавленная сѣра, хлористая сѣра, хлористый мышьякъ и другія жидкости, которые случались у Фареде подъ руками и которыя, слѣдовательно, могъ употребить онъ въ своихъ опытахъ.

Фареде испыталъ слишкомъ полтора ста водяныхъ растворовъ—кислоты, щелочи, соли растворимыя, сахаръ, камедь и прочее и дошелъ до общаго заключенія, что во всѣхъ этихъ жидкостяхъ обнаруживается видимое дѣйствіе магнетизма на свѣтъ. Очень вѣроятно, что здѣсь, при этихъ обстоятельствахъ, дѣятелемъ является вода, а не вещество, растворенное въ ней. Фареде получилъ тѣ же самые результаты и съ винноспиртовыми растворами.

Переходя отъ жидкостей къ воздуху и къ газамъ, мы должны замѣтить, что Фареде не нашелъ ни въ одномъ изъ этихъ тѣлъ способности двигать поляризованный лучъ. Онъ дѣлалъ опыты надъ кислородомъ, азотомъ, водородомъ, окисью азота, маслянымъ газомъ, кислотами сѣрнистою, хлористо-водородною, угольною, сѣрнисто-водородною, окисью углерода, аммоніакомъ, парами брома; эти газообразныя вещества заключены были въ бутылкахъ, четырехъ дюймовъ въ діаметрѣ и, во всѣхъ опытахъ, онъ получилъ одни отрицательные результаты.

Тѣла, которыя, сами по себѣ, имѣютъ способность отклонять лучъ, каковы напримѣръ терпентинное масло, сахаръ, винно-каменная кислота и ея соли, обнаруживаютъ также дѣйствіе магнитной силы, которая увеличиваетъ движеніе луча или даетъ ему другое направленіе.

Основываясь на свойствахъ, и на положеніи линій силы магнитной и электрической, и на соотношеніяхъ, которыя существуютъ между электрическимъ токомъ и магнитомъ, можно съ увѣренностію предположить, что токъ электрическій дѣйствуетъ на свѣтъ совершенно подобно магниту. Спираль проволока, казалась Фареде, представляла самый удобный приборъ, для производства этого новаго ряда опытовъ надъ мало чувствитель-

ными діамантитическими тѣлами. Успѣшные результаты совершенно увѣнчали эти новыя изслѣдованія англійскаго физика.

Фареде для своихъ опытовъ употреблялъ мѣдныя спирали различнаго калибра. Одна изъ нихъ, *спираль длинная*, имѣла четыре десятихъ въ діаметрѣ внутреннемъ и шестьдесятъ пять дюймовъ въ длину и состояла изъ мѣдной проволоки, длиною въ тысячу двѣсти сорокъ футовъ и толщиною въ три сотыхъ дюймовъ, которая была наворачена вдвойнѣ около оси.

Вторая или *средняя спираль* была длиною девятнадцать дюймовъ, одинъ дюймъ и осемьдесятъ семь тысячныхъ въ діаметрѣ внутреннемъ и трехъ дюймовъ въ наружномъ діаметрѣ. Проволока ея имѣла двѣ десятихъ дюйма толщины и осемьдесятъ футовъ длины и была также намотана около оси вдвойнѣ. Токъ электрическій, проходя черезъ обѣ эти спирали, не прерывался, но пробѣгалъ по всей длинѣ проволокъ.

Третья или Вульвичская (*Woolwich*) спираль приготовлена была подъ надзоромъ Фареде въ Вульвичѣ, въ заведеніи подполковника Сабайнъ (*Sabine*). Она имѣла двадцать шесть дюймовъ съ половиною длины, два дюйма съ половиною во внутреннемъ діаметрѣ и четыре дюйма и три четверти въ діаметрѣ наружномъ. Проволока же имѣла семнадцать сотыхъ дюйма въ толщину, а въ длину пятьсотъ одинъ футъ и была намотана около оси вчетверо.

Длинная спираль дѣйствовала очень слабо на магнитную стрѣлку, находившуюся въ близкомъ разстояніи; сильнѣе дѣйствовала спираль средняя; но особенно энергическое дѣйствіе обнаруживала спираль вульвичская. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Фареде употреблялъ батарею гальваническую, составленную изъ десяти паръ Грова.

Опыты съ твердыми тѣлами очень легки; эти твердыя тѣла необходимо прежде обточить въ видѣ полосъ или призмъ, съ плоскими и полированными концами, и помѣстить ихъ внутри спирали. Жидкости же, подвергаемыя испытанію, наливаются въ стекляшныя трубки, на концахъ имѣющія колпачки; ободъ этихъ колпачковъ дѣлается изъ латуни и имѣетъ небольшое отверстіе, черезъ которое наливается жидкость испытываемая; плоская же часть колпачковъ состоитъ изъ стеклянной пластинки. Если жидкости были водяные растворы, то колпачки приклеиваются къ трубкамъ посредствомъ канадскаго бальзаму; если же напротивъ въ трубку наливался алкоголь, эфиръ или летучія масла,

то, вмѣсто этого бальзаму, какъ замазка, употребляется густой растворъ камеди.

Приборъ для наблюденій устроивается слѣдующимъ образомъ. Трубка съ жидкостью помѣщается сначала въ длинную спираль, въ направленіи поляризованнаго луча, такъ, чтобы можно было видѣть въ Никольсову призму изображеніе пламени лампы. Тогда призмѣ дается такое положеніе, чтобы это изображеніе сдѣлалось невидимымъ и, черезъ спираль, проводится токъ отъ десяти гальваническихъ паръ Грова. Изображеніе пламени вдругъ показывается и бываетъ видимо до тѣхъ поръ, пока дѣйствуетъ электрической токъ. Если остановить токъ, то изображеніе исчезнетъ. Изображеніе не является постепенно, какъ въ опытахъ съ электромагнитами, но показывается вдругъ. Этотъ опытъ, говоритъ Фареде, кажется, убѣждаетъ достаточно, что свѣтъ здѣсь электризуется и что электрическая сила дѣлается свѣтящеюся.

Явленію можно придать еще большую ясность, если помѣстить между трубкою и поляризующимъ зеркаломъ стекло, имѣющее длинный фокусъ. Когда испытуемое вещество дѣйствуетъ слабо, тогда это средство дѣлаетъ явленіе болѣе отчетливымъ; но, послѣ небольшого навыка, эти пособія совершенно не нужны.

Въ случаѣ, когда явленіе не такъ ясно, замѣтить его бываетъ гораздо легче, если мы поставимъ Никольсову призму нѣсколько всторону отъ положенія, при которомъ изображеніе совершенно исчезаетъ.

Если токъ проходитъ ниже луча въ правую сторону, или въ лѣвую сторону и выше луча, то онъ отклоняетъ лучъ въ лѣвую сторону; напротивъ, если токъ идетъ надъ лучомъ въ правую сторону, и подъ лучомъ въ лѣвую сторону, то движеніе луча будетъ въ правую сторону.

Изъ этого видно, что очень легко выразить законъ, по которому токъ электрической дѣйствуетъ на лучъ. Когда электрической токъ обращается, около поляризованнаго луча, въ плоскости перпендикулярной этому лучу; тогда онъ заставляетъ этотъ лучъ обращаться около своей оси, пока онъ находится подъ вліяніемъ току и въ направленіи этого току.

Этотъ законъ замѣчательнъ своею простотою и тождествомъ съ закономъ дѣйствія магнетизма на свѣтъ.

Мы разсмотримъ теперь различныя обстоятельства дѣйствія электрическаго току на лучъ свѣту.

Фареде взялъ стеклянную трубку длиною въ спираль и помѣ-

стиль ее въ спираль, такъ, что большая часть ея оставалась наружѣ. Это было сдѣлано съ цѣлью опредѣлить вліяніе длинны діамангнитическаго тѣла. Фареде нашель, что чѣмъ длиннѣе была колона жидкости, подверженная дѣйствию спирали, тѣмъ сильнѣе было вращательное движеніе луча поляризованнаго, и что величина этого движенія прямо пропорціональна длинѣ жидкости, около которой проходитъ электрическій токъ.

Небольшая масса жидкости или кусокъ тяжелаго стекла, будучи помѣщены въ оси вувлической спирали, оказываютъ одинаковое дѣйствіе на лучъ свѣту, всё-равно находятся ли они по срединѣ или при концахъ спирали. Главное, чтобы эти тѣла были внутри спирали и на линіи оси. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ части спирали дѣйствуютъ одинаково и, слѣдовательно, съ помощью длинныхъ спиралей можно испытывать вещества, которыя, въ значительномъ объемѣ, нельзя помѣстить между полюсами магнита.

Фареде взялъ стеклянную трубку съ водою, длиною въ вувлическую спираль, но толщиною въ четыре десятыхъ дюйма и помѣстилъ ее въ спираль параллельно оси; явленіе здѣсь, замѣтилъ онъ, происходило совершенно такъ же какъ-бы жидкость находилась на оси. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, переменна положенія не имѣетъ никакого вліянія, дѣйствіе на лучъ не измѣняется, если только жидкость находится внутри спирали.

Если помѣстить внутри спирали тѣла, которыя сами по себѣ имѣютъ способность отклонять лучъ, то электрическій токъ увеличить эту способность, совершенно такъ же, какъ мы имѣли случай замѣтить при дѣйствіи магнитическомъ.

Изъ мѣдной, гладкой проволоки, толщиною въ пять сотыхъ дюйма, была устроена спираль длиною въ двадцать дюймовъ и три десятыхъ дюйма въ поперечникѣ. Эту спираль Фарееде помѣстилъ въ трубку съ водою, такъ что лучъ поляризованный могъ проходить свободно, черезъ жидкость, по обѣимъ сторонамъ спирали, черезъ эту внутреннюю спираль былъ пропущенъ токъ. — Вотъ что здѣсь замѣтилъ Фарееде: когда токъ пробѣгалъ по спирали, вода, которая находилась внутри ея, отклонила лучъ; внѣ же спирали, въ водѣ не замѣтно было никакого слѣда дѣйствія электричества на свѣтѣ.

Фареде для этого опыта наливалъ воду въ латунныя и мѣдныя трубки. Но эта переменна не возмущала хода описаннаго нами явленія.

Латунная трубка съ водою помѣщена была въ желѣзную труб-

ку, равную длиною спирали вульвичской и въ толщину имѣвшею одну осьмую дюйма. Этотъ приборъ, будучи поставленъ въ вульвичскую спираль, и обнаружилъ тѣ же самыя явленія, которыя были замѣчены въ предыдущемъ опытѣ.

Полоса желѣзная, величиною въ одинъ квадратный дюймъ, и небольшая трубка съ водою, поставлены были въ вульвичскую спираль; вода въ этомъ случаѣ обнаружила совершенно подобное же дѣйствіе на свѣтъ.

Фареде взялъ три желѣзныя трубки, длиною въ двадцать-семь дюймовъ и такого поперечника, что онѣ могли входить свободно одна въ другую и въ вульвичскую спираль всѣ три; толщина ихъ металлическаго обода была одна осьмая дюйма. Меньшая изъ трубокъ оканчивалась плоскими стеклянными пластинками и была наполнена водою. Сначала Фареде помѣстилъ эту одну трубку въ вульвичскую спираль и наблюдалъ въ ней вращательное движеніе поляризованнаго луча. Потомъ вставилъ онъ эту трубку въ другую, такъ что здѣсь ободъ металлическій, окружавшій воду, и отдѣлявшій ее отъ спирали, имѣлъ двѣ осьмыхъ дюйма въ толщину; при этомъ Фареде замѣтилъ, что поляризованный лучъ обнаруживалъ вращательное движеніе вдвое большее, которое уменьшилось, когда на двѣ первыя трубки была надѣта третья трубка. Явленіе здѣсь довольно сложное; потому что оно зависитъ отъ вліянія желѣза на электрическую силу. Спираль и желѣзныя оболочки, до известной степени, увеличивали дѣятельность магнитныхъ силъ, отчего возрастало дѣйствіе ихъ на воду. Но когда прибавилось лишнее количество желѣза, силы магнитныя разсѣялись въ его массѣ, и тогда ослабло вращательное движеніе поляризованнаго луча.

Тяжелое стекло, растворы сѣрно-кислаго натра, винно-каменной кислоты, алкоголь, эфиръ и терпентинное масло, при подобныхъ обстоятельствахъ, обнаруживали тѣ же самыя явленія, какъ и вода.

Фареде подвергалъ воздухъ вліянію спиралей; эти опыты онъ производилъ со всѣми предосторожностями, но не замѣтилъ ни малѣйшаго дѣйствія на поляризованный лучъ.

Вотъ числовыя величины вращательнаго движенія, выведенныя Фареде для нѣкоторыхъ веществъ; при этихъ опредѣленіяхъ вода принята за единицу:

Терпентинное масло..... 11,8.

Тяжелое стекло..... 6.

Флинтгласъ..... 2,8.

Каменная соль.....	2,2.
Вода.....	1.
Алкоголь.....	менѣ воды.
Эфиръ.....	менѣ алкоголя.

Фараде, такимъ образомъ, первый показалъ прямое соотношеніе между свѣтомъ и силами магнитною и электрическою. Это открытіе составляетъ важное прибавленіе къ многимъ фактамъ и умозрѣніямъ, которыя свидѣтельствуютъ общее начало силъ природы. Оно открываетъ намъ тѣсную связь между различными силами природы, которыя суть только различныя формы одной общей, міровой силы.

Силы магнитныя дѣйствуютъ на лучъ только чрезъ посредство вещества, въ которомъ они обнаруживаются вмѣстѣ, въ одно время. Это доказывается недѣятельностью ихъ въ пустомъ пространствѣ, въ воздухѣ и газахъ. Но что въ этихъ опытахъ магнитныя силы и свѣтъ находятся въ прямомъ соотношеніи, это ясно изъ того, что дѣйствіе ихъ не зависитъ отъ физическихъ и химическихъ свойствъ вещества.

Вначалѣ нашей статьи мы сказали, что главный основной опытъ Фараде былъ повторенъ многими отличными физиками, каковы Пулиѣ, Бид, Депрѣ, которые дошли до того же результата. Но эти физики, какъ мы замѣтили, объясняютъ явленіе иначе. Они, именно Пулиѣ, сомнѣваются, чтобы магниты дѣйствовали прямо на лучъ свѣту; они полагаютъ, что электрическіе токи, которыя Фараде пропускаетъ, вмѣстѣ съ поляризованнымъ лучемъ, черезъ прозрачныя тѣла, сообщаютъ этимъ тѣламъ особое магнитическое состояніе. «Беккрель, которому мы обязаны многими гениальными изслѣдованіями въ области электричества и магнетизма, давно уже открылъ, что всѣ тѣла имѣютъ способность обнаруживать извѣстныя магнетическія явленія; поэтому очень естественно, говоритъ Пулиѣ, предположить, что въ опытѣ Фараде, частицы въ испытуемыхъ тѣлахъ перемѣщаются. Всѣмъ извѣстно, я думаю, что дѣйствіемъ электрическихъ токовъ можно привести въ дрожаніе металлическія полосы; и Бид, въ одномъ очень любопытномъ наблюденіи, показалъ, что стеклянныя пластинки, послѣ нѣсколькихъ долевыхъ сотрясеній, приобрѣтаютъ способность измѣнять поляризацию лучей свѣту. Очень можетъ быть, продолжатъ Пулиѣ, что электрическіе токи, которые возбуждаютъ сотрясеніе въ полосахъ металлическихъ, дѣйствуютъ совершенно такъ же на прозрачныя тѣла.»

Вотъ опыты Фараде, вотъ его результаты и вотъ объясненія

нихъ, предложенныя другими физиками. Мы съ своей стороны удерживаемся отъ всякихъ критическихъ замѣчаній.

ДЮКУРНО И ДЕШУЖОЛЬ. *Разсказъ Луи Люрина.* Во время путешествія моего по юго-западной части Франціи, то есть, по бесплоднымъ пустырямъ, которые извѣстны подъ названіемъ *Ландъ*, мнѣ случилось однажды присутствовать при засѣданіи ассизнаго суда въ городѣ Мон-де-Марсанѣ.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ почтеннаго виду старикъ изъ мѣстныхъ поселянъ. Дѣло заключалось въ розыскѣ о причинахъ страшнаго пожара, къ которому примѣшалось еще покушеніе на убійство. По меньшей мѣрѣ, преступникъ заслуживалъ двойной казни!

Я внимательно вслушивался въ ловкое развитіе обвинительныхъ пунктовъ, въ благородныя слова защиты и наконецъ постигъ, какъ-нельзя лучше, настоящее происхожденіе этого уголовного дѣла.

Одинъ помѣщикъ, выскочка изъ поселянъ, обогатившійся разномъ, неизвѣстно какими способами, вздумалъ, тотчасъ послѣ того, поступать съ прежними своими товарищами по убожеству, такъ же круто, какъ обходятся съ неграми въ колоніяхъ, да и вообще со всѣми бѣдняками на цѣломъ Земномъ Шарѣ... Владѣя обширными, не приносящими никакой пользы пустошами, этотъ чловѣкъ строго запретилъ — на пастбища, покрытыя скуднымъ верескомъ, выгонять тощія стада деревушки Сен-Манъ: скотъ падалъ съ-голоду; несчастнымъ поселянамъ приходилось умирать почти такимъ же образомъ. Они рѣшились на отчаянное покушеніе — отомстить... и особенно, снова приобрѣсти средства къ существованію.

Борьба между господиномъ и рабами была непродолжительна: въ одну прекрасную лѣтнюю ночь, огромное пламя внезапно охватило богатое жилище господина Депюждля, того разбогатѣвшаго мужика, о которомъ я говорилъ; минутой спустя, надъ всею деревушкою изъ огненныхъ сноповъ составила цѣлая плуминація.

Ударили въ пабатный колоколъ: его никто не слышалъ, или не хотѣлъ слышать; наконецъ, посреди суматохи, неизбѣжной при пожарѣ, неизвѣстно кѣмъ пущенная пуля, попала въ шляпу на головѣ маленькаго деспота; затѣмъ, другой выстрѣлъ изъ ружья положилъ къ ногамъ помѣщика — одного изъ вѣрныхъ его слугъ.

На другой день, двадцать пять чловѣкъ жителей деревушки

Сен-Мань были брошены въ городской острогъ ; черезъ три мѣсяца , пройдя черезъ всё мытарства судебнаго слѣдствія , всё эти несчастные были выпущены на волю.... Или нѣтъ , ошибаюсь : одинъ изъ нихъ , сѣдой старикъ , по имени Пиѣръ Дюкурно , удостоился печальной почести — публично предстать передъ трибуналомъ .

Предсѣдатель суда , человекъ справедливѣйшій изъ всѣхъ людей , которые когда-либо судили ближняго , допрашивалъ Пиѣра Дюкурно , и нѣкоторые отвѣты подсудимаго , по моему мнѣнiю , не лишены были ни тонкости , ни оригинальности , ни даже краснорѣчiя .

— Тебя обвиняють въ томъ , что ты поджегъ домъ Депоуждля .

— Нѣтъ , батюшка , ужъ это , видно , огонь небесный упалъ ночью на жильѣ злаго человека .

— Тебя обвиняють въ томъ , что ты стрѣлялъ изъ ружья въ Депоуждля .

— Не такъ , батюшка , не такъ ; то , что онъ называетъ выстрѣломъ , было , конечно , не что иное , какъ громъ Божiй....

— Тебя обвиняють въ томъ , что ты ранилъ слугу Депоуждля .

— Это ужъ судьба , сударь ты мой , ошиблась ; она приняла слугу за господина .

— Ты нераздъ оскорблялъ Депоуждля упреками , грубыми словами .

— Никогда , господинъ предсѣдатель , ни разу.... онъ плохо слышалъ.... это не мой , а совсѣмъ иной голосъ упрекалъ кое-въ-чемъ Депоуждля .

— Какой же это голосъ ?

— А голосъ совѣсти !

— Ты , говорятъ , человекъ страшный .

— Что дѣлать , вѣдь всегда опасаются тѣхъ , кого крѣпко уважають .

— Въ самомъ дѣлѣ , изъ разныхъ показанiй явствуетъ , что ты умѣлъ приобрѣсти уваженiе цѣлой сен-маньской общины .

При этихъ словахъ , рукоплесканiя загремѣли по залѣ ; жандармы тотчасъ получили приказанiе вывести нарушителей благочинiя , и пять или шесть поселянъ были вытолканы за дверь .

— Дюкурно, продолжалъ съ кротостію предсѣдатель: правда ли, что ты бѣденъ, что ты въ крайности?

— До того бѣденъ, до того въ крайности, сударь, что какъ бы я ни желалъ, а ужъ вѣрно не въ состояніи былъ бы купить двѣ пули, да щепоть пороху, на то, чтобъ размозжить черепъ моему врагу.

— Такъ ты признаешь таки Депождля своимъ врагомъ?

— Призваться, Депождль мнѣ врагъ.... Только я-то никогда не бывалъ его врагомъ.

— Можетъ-быть, твоя нищета неизбѣжное слѣдствіе лѣни?

— О! да, я очень лѣнивъ..... Будешь лѣнивъ въ шестьдесятъ-пять лѣтъ.

— Дюкурно, у тебя есть дочь?

— Дочкой могу похвастать!

— Ты, конечно, любишь ее?

— Люблю и я ее!

— Дочка твоя, говорятъ, очень хороша; дѣвушка скромная, набожная?

— За скромность отвѣчаю; про набожность ея извѣстнае Господу, да покойной матери, царство ей небесное; а пригожа ли моя дѣвочка.... такъ вотъ посмотрите сами.... Эй! Маріэтта! гдѣ ты? Поди же сюда, моя милая, не бойся господъ судей....

— Я здѣсь! отвѣчалъ изъ толпы тоненькій, трепещущій голосъ....

И въ ту же минуту, Маріэтта проскользнула въ центръ судейской ограды и пристально поглядывала то на отца, то на судей, то на присяжныхъ, на публику, на адвокатовъ.... Вдругъ увидѣла она передъ собою образъ Спасителя—божественнаго мученика, который тутъ присутствовалъ на судѣ человѣческомъ.... Дѣвушка поспѣшно перекрестилась; она сложила вмѣстѣ свои маленькія ручки, опустила на колѣни, смиренно преклонила голову и — молилась!...

Въ палатѣ водворилась тишина, религіозная, торжественная тишина. Можно было думать, что всѣ предстоящіе молились вмѣстѣ съ Маріэттою о сохраненіи ея отца.

Дюкурно былъ правъ: красота его любимицы Маріэтты, эта безъискусственная, граціозная красота, была истинно восхитительна; только жаль было смотрѣть на эту бѣдную дѣвочку: на ней не было ни платья порядочнаго, ни обуви; полу-развитыя и изящныя формы ея исчезали подъ грубымъ нищенскимъ нарядомъ.

домъ туземныхъ поселенъ; голову прикрывалъ черной шерстяной шапкой; да мнѣ кажется и почти-то у нея, Бѣдненькой, были босыя!...

Предсѣдатель тиховкѣ велѣлъ Маріэттѣ встать на ея мѣсто, и допросы по дѣлу обвиненнаго продолжались.

— Дюкурно! сынъ твоего врага Депождля, кажется, былъ влюбленъ въ твою дочь?

— Да, сударь, и я думаю, что Жердъ и теперь ее любитъ!

— Упорное несогласіе Депождля на бракъ своего сына, не внушило ли тебѣ преступнаго желанія мести?

— Чтò же за польза мстить-то, въ такой оцкази? Ну, положимъ, Депождль умеръ, убить,—такъ развѣ единственный сынъ его можетъ жениться на дочери убійцы?.... Чтò тутъ за толкъ?....

— Кажется, ты всегда очень дорожилъ этимъ бракомъ?

— Я хотѣлъ къ имуществу Депождля прибавить сокровище, которое зовутъ Маріэттой.... да Депождль и такъ ужъ черезчуръ богатъ: ему не заблагоразсудилось увеличить свое богатство; ну такъ дочь моя, мое сокровище, остается при мнѣ, вотъ и все тутъ!

— Ты при свидѣтеляхъ поносишь Депождля, оскорбительно ропталъ на его упорство....

— Ложь! Презрѣніе этого человѣка заставило меня сказать только пару словъ и тѣ не похожи ни на жалобу, ни на угрозу, ни на брань.

— Чтò же это за слова?

— Какъ я узналъ, что онъ оттолкнулъ дочь мою, я только и вскричалъ: Тѣмъ хуже для него.

— Чтò жъ это значить?

— Да просто, милостивецъ ты мой, я думалъ-себѣ: гордецъ Депождль пренебрегаетъ бѣдненькой поселянкой, а еще ее прозвали у насъ жемчужиной! Чтò жъ? Тѣмъ хуже для него!....

— Теперь можешь съѣсть. Судъ рѣшить твое дѣло.

Уликъ при допросѣ старика было мало, и тѣ ничтожныя; во всякомъ случаѣ, подозрѣнія довольно важныя падали на злополучнаго Дюкурно. Опытный въ своемъ дѣлѣ генераль-адвокатъ толковалъ битыхъ три часа, требуя головы подсудимаго. Къ счастью, быть можетъ, присяжные припомнили себѣ невинную молодую дѣвушку, молящуюся посреди палаты; уходя въ комнату своихъ совѣщаній, они снова увидѣли Маріэтту: она смиренно, слезами и улыбкой вмѣстѣ, умоляла ихъ пощадить жизнь и доброе имя отца.

Пієръ Дюкурно былъ объявленъ виновнымъ.

Раздалась громкія рукоплесканія, радостные крики; бѣдные поселане, сбѣжавшіеся въ городъ для того, чтобъ засвидѣтельствовать невинность своего друга и товарища по убожеству, были въ себя отъ восторгу.

Эта толпа людей, одѣтыхъ въ лохмотья, шумно выражала свой восторгъ, не слушаясь приказаній предсѣдателя, не смотря на угрозы жандармовъ. Двое, молодой человекъ и прыгающая отъ радости дѣвушка, посреди общаго торжества, кинулись на шею къ старику Дюкурно: дѣвушка, разумеется, была не кто иная какъ Маріэтта; молодой человекъ былъ — сынъ иста, сынъ Де-пюжбля.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ развязки этой судебной драмы. Въ одинъ холодный, печальный зимній вечеръ, Пієръ Дюкурно, съ своей хорошенькой дочкой, и молодой человекъ, влюбленный въ нея, сидѣли на овчинахъ, около деревенской печки, которой недоставало только огня.

— Нечего дѣлать! Жеромъ, сказалъ старикъ: видно такъ Богу угодно; надобно повиноваться отцу и не думать больше о моей дочери!

— Какъ! не думать больше о Маріэттѣ? вскричалъ Жеромъ, вскочивъ съ мѣста: не любоваться на нее каждый часъ, каждую минуту, съ утра до вечера? Чтò такъ?

— А то, отвѣчалъ старикъ, утирая обшлагомъ слезу: то, что твой отецъ богачъ, а я — нищій, то, что у меня въ жалкой избушкѣ и холодъ и голодъ.... знать Пієръ Дюкурно прогнѣвилъ Господа Бога....

— Послушайте, прервалъ молодой человекъ: видите, это ружье?.....

И Жеромъ началъ играть плохимъ двустольнымъ ружьемъ, которое когда-то получилъ въ подарокъ отъ приходскаго пастора.

— Тутъ двѣ пули.... одна мнѣ, другая ему!....

Маріэтта и Дюкурно вскочили и вскрикнули....

— Погодите немножко! продолжалъ Жеромъ: завтра чуть свѣтъ, я иду къ отцу.... съ ружьемъ; кинусь къ нему въ ноги; колѣни стану цѣловать ему; буду со слезами умолять его; буду просить у него Маріэтты, одной Маріэтты..... Если жъ онъ мнѣ откажетъ,—погляжу на ружье, и ужъ тутъ.....

— Чтò?.... боязливо спросила дѣвушка.

— Отмщу! вскричалъ Жеромъ, толкнувъ ногой дверь избу-

ники в бросающъ вонь: прощай, Мариэтта! прощай, Дюкурно!... Молитесь за меня.... молитесь за всѣхъ насъ!.... До-завтра!....

Было уже поздно; ночь темная, ненастная; отецъ и дочь дрожали и отъ стужи, и отъ страду, и отъ голоду: бѣдняки, не раздѣваясь, прилегли въ уголъ избы и всё-таки заснули.

Рано утромъ Мариэтта отбѣла, — виноватъ, Мариэтта проворно вскочила, тихонько отворила дверь и пустилась бѣжать вдоль по пустырямъ.

Утро было суровое; бесплодные пески, сухой верескъ повсюду исчезали подъ пеленою снѣговъ; пронзительный морозъ не щадилъ никого, — птички уже падали мертвыми....

Окостенѣвшая дѣвушка добралась до опушки сосноваго лѣсу, и хотѣла-было нарвать немножко хворосту, прутьевъ и опавшихъ листьевъ; но грубые сторожа повсюду безжалостно отгоняли ее.

— Милостивцы вы мои! я дочь смоляника Дюкурно. Время-то такое холодное, да и Богъ-то забылъ насъ..... дома ни крошки хлѣба, ни полѣна.... ничего нѣтъ! Сдѣлайте божескую милость, дайте подобрать мнѣ охабку сухихъ сучьевъ: чего они вамъ стоютъ.... Мы станемъ Бога молить за васъ, благодѣлей!

Сторожа посмотрѣли, посмотрѣли на нее и отвѣчали ей:

— Вишь, какая зябкая! Пошла, погрѣйся на солнышкѣ, красotka!

Мариэтта печально возвратилась въ убогую хижину; пыталась улыбнуться старику-отцу, а тотъ едва передвигалъ окоченѣвшіе отъ стужи ноги.

— Холодно, сказалъ онъ.

Мариэтта протянула къ нему свои маленькія ручки, уже всебѣмъ оледенѣлыя....

— Знаешь ли что, сказалъ старикъ, взявъ топоръ: приходится срубить дерево твоей матери.

— Матушкино дерево! вскрикнула Мариэтта.

И она кинулась на шею къ отцу, какъ-будто хотѣла остановить руку, поднявшую топоръ.

Таинственное дерево, о которомъ шла рѣчь, былъ великолѣпный орѣшникъ, посаженный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ избышки и прикрывавшій кровлю ея роскошными вѣтвями.

Орѣшникъ Дюкурно былъ рѣдкостью въ цѣломъ околоткѣ и пользовался лестною извѣстностью въ деревушкѣ Сенъ-Мань; по какому-то суевѣрному предубѣжденію, ландскіе жители воображал

что сохраненіе этого дерева необходимо для благополучія цѣлой страны.

На глаза Дюкурно, это было дѣло не только; для сердца Маріэтты оно было святыней, даже сѣть-то священнымъ: душа покойной матери была въ вѣтвяхъ, въ листьяхъ, въ цвѣткахъ дорогого дерева!

Старику показалось, на минуту, что онъ былъ страннаго отчаянія дочери; но, противъ своей воли, онъ собралъ всѣ силы, все свое мужество, и рѣшительно шагнулъ за порогъ. Маріэтта бросилась вслѣдъ за отцомъ.

Смущенный старикъ стоялъ у подошвы дерева; ухвативъ тяжелый топоръ обѣими руками, онъ медленно поднималъ его, и взоромъ измѣрялъ безоружнаго великана, котораго намѣревался повалить.... Скоро послышались глухіе удары топора.

Маріэтта стояла на колѣняхъ; она попеременно глядѣла то на маковку дерева, то на небо, будто хотѣла подсмотрѣть какъ упорхнеть душа ея бѣдной матери.

Дюкурно не переставалъ работать: топоръ сверкалъ.... дерево покачнулось....

Наконецъ, поосмотрѣвшись, разсчитавъ направленіе паденія, Дюкурно грудью налегъ на старый стволъ, охватилъ его руками и съ ужаснымъ, отчаяннымъ напряженіемъ всѣхъ мускуловъ, потрясъ дерево.... оно затрещало, рухнуло, и вмѣстѣ съ тѣмъ послышался продолжительный стонъ....

Ту же минуту, знакомый голосъ раздался съ другой стороны хижины:

— Маріэтта! Маріэтта!

То былъ Жеромъ, прибѣжавшій обрадовать невѣсту вѣстью о согласіи и благословеніи своего отца.

Жеромъ и Дюкурно повторили хоромъ:

— Маріэтта! Маріэтта!

Казалось, будто вѣтви орѣшника испускали послѣдніе вздохи.... Подъ переломанными, смятыми вѣтвями нашли обезображенную дѣвушку.... Она была раздавлена упавшимъ деревомъ!

Когда Жеромъ Депождь разбогатѣлъ, получивъ огромное ба-тюшкино наслѣдство, онъ задумалъ чѣмъ-нибудь достойнымъ почтить память Маріэтты; таинственные замыслы, исполненіе которыхъ требовало огромныхъ издержекъ, молодой помѣщикъ сообщилъ отцу своей погибшей невѣсты.

Слѣдствіемъ этого было то, что Жеромъ Депождь и Пьеръ

Дюкурно принялся усердно обрабатывать бесплодную почву своей родины.

Знакомая вамъ жалкая избушка уступила свое мѣсто небольшому, но прелестному жилищу, и земля, упитанная кровью Маріэтты, въ короткое время опушилась зеленью, кустарниками, цвѣтами.

Благодаря трудамъ, горести, постоянству этихъ двухъ добрыхъ людей, сень-маньскій округъ, который весь казался имъ могилкою любимаго существа, преобразился, какъ-будто по какому-то волшебству: на пустошахъ, доселѣ бесплодныхъ, упылыхъ, появились наконецъ золотистые колосья, плоды, птицы, бабочки и цвѣты!....

Не восхитительное ли, не поэтическое ли это приношеніе памяти Маріэтты? Какой мавзолее можетъ быть великолѣпнѣе этого, надъ прахомъ прелестной молодой дѣвочки?

Піеръ Дюкурно и Жеромъ Денюждъ были первыми воздѣлывателями страны, извѣстной подъ названіемъ Большихъ Ландъ.

ПОМѢШАННЫЙ. *Сцены изъ исторіи Португалліи. Статья Бенедикта Галле.* Нѣсколько лѣтъ назадъ, обозрѣвая больницу доктора Кларка, въ Бедлэмѣ, близъ Лондона, мы, изъ всѣхъ тамошнихъ пациентовъ, особенно замѣтилъ двухъ: старика лѣтъ шестидесяти и мальчика, которому казалось лѣтъ шестнадцать или осьмнадцать, не болѣе. Черные глаза, густыя брови, рѣзкія, угловатые черты—обличали въ нихъ происхожденіе южное, почти африканское. Имена этихъ иностранцевъ были извѣстны одному только Кларку; между-тѣмъ, несмотря на таинственность, которою они себя окружали, всѣ въ больницѣ наперерывъ старались угождать имъ, всѣ оказывали имъ самое трогательное состраданіе. Молодой человекъ былъ одержимъ тѣмъ страннымъ родомъ помѣшательства, который въ новѣйшей наукѣ извѣстенъ подъ именемъ *липеманіи* (lirémanie). Страдалецъ ежедневно по нѣсколькимъ часамъ сидѣлъ неподвижно, съ болѣзненнымъ напряженіемъ устремляя взоръ въ пространство: ему казалось, будто онъ присутствуетъ при кровавыхъ подробностяхъ какой-то казни. «Пощадите!» произносилъ онъ по временамъ и, наконецъ, падалъ въ обморокъ, на руки къ старику, который не покидалъ больного ни на минуту и съ мрачнымъ хладнокровіемъ наблюдалъ этотъ страшный припадокъ.

Прійдя въ память, мальчикъ снова пользовался своими умственными способностями; но изъ груди несчастнаго вырывался металлическій звукъ сухаго, чихоточнаго кашлю; при видѣ лихора-

дочнаго блеску его глазъ , исхудалаго лица и рѣзко очерченныхъ красноватыхъ пятенъ на осунувшихся скулахъ , можно было заключить безошибочно , что бѣднякъ постоянно находился между двумя безднами : безуміемъ и смертію .

Больные въ заведеніи Кларка были всѣ знакомы между собою : они обѣдали за общимъ столомъ ; это былъ настоящій семейный обѣдъ , и самое ничтожное обстоятельство , при однообразіи жизни , въ глазахъ этихъ людей принимало размѣры значительнаго происшествія . Можно себѣ вообразить съ какимъ любопытствомъ встрѣчали больные появленіе новаго собесѣдника . Въ ту пору прибылъ въ больницу какой-то высокій , щедущій человекъ , съ длиннымъ , смуглымъ , костлявымъ лицомъ ; повидимому , онъ былъ благороднаго происхожденія : въ петличкѣ у него красовались два португальскіе ордена : Христа и Меча .

Новоприбывшій обратилъ на себя общее вниманіе , особенно старикъ глядѣлъ на него съ необыкновеннымъ изумленіемъ ; лицо его , постоянно блѣдное , страшно посинѣло ; отрывистый голосъ , какимъ старикъ спрашивалъ у своего сосѣда объ имени новопоступившаго , обличалъ глубокое внутреннее волненіе .

— Это благородный Португалецъ , герцогъ Рибейра , отвѣчали старику : онъ поступилъ вчера , и , какъ говорятъ , страдаетъ аневризмомъ .

При этомъ имени , при этихъ словахъ , которыя помѣшанный мальчикъ понялъ , онъ вдругъ какъ-бы очнулся , вскочилъ , схватилъ со стола ножъ и кинулся на незнакомца , который , при видѣ оружія , направленного ему въ грудь , съ ужасомъ отскочилъ къ стѣнѣ .

Но у мальчика неостало силы довершить дѣло мести или помѣшательства : неестественная энергія , на мигъ одушевлявшая больнаго , исчезла ; ножъ выпалъ изъ разогнувшихся пальцевъ его , кровавая пѣна увлажила посинѣвшія губы страдальца , и онъ медленно повалился .

Старикъ глядѣлъ на него молча , поддерживалъ его отяжелѣвшую голову , приложилъ ее къ своему сердцу ; черезъ нѣсколько минутъ старикъ приподнялся , блѣдный какъ призракъ , схватилъ Португальца за руку и проговорилъ глухимъ голосомъ , въ которомъ выражались ненависть и отчаяніе :

— Несчастный ! тебѣ нуженъ былъ и другой трупъ ! ..

Вотъ вполнѣ достовѣрный разсказъ о жизни молодаго страдальца и неразлучнаго съ нимъ старика .

..... Когда Наполеонъ издалъ въ 1807 году декретъ , который

объявлялось, что Браганскій Домъ пересталъ царствовать, Іоаннь-Шестой, тѣснимый съ одной стороны французско-испанскими войсками, которыя завладѣли Португалію, съ другой—англійскимъ флотомъ, содержавшимъ въ блокадѣ лиссабонскій портъ,—рѣшился, какъ извѣстно, двадцатаго ноября, отправиться въ Бразилію, переплыть пространство Атлантическаго Океана со своимъ семействомъ и цѣлымъ домомъ. Эта эмиграція, открывшая свободное поприще всѣмъ враждамъ и страстямъ политическимъ, оставила въ королевствѣ семяна революціи: она вспыхнула въ Оporto, двадцатаго августа 1820, и конституція испанскихъ кортесовъ была торжественно принята всею Португаліею.

Іоаннь-Шестой чрезвычайно былъ пораженъ эту новостью; но подстрекаемый приближенными, даже втайнѣ ободряемый Англійей, онъ не колебался долѣе—и покинулъ Бразилію послѣ четырнадцатилѣтняго добровольнаго изгнанія. Вначалѣ іюля 1821 года, король снова услышалъ привѣтственные крики той же самой непостоянной толпы, которая, незадолго передъ тѣмъ, радовалась его низложенію. Въ 1823 году, контръ-революція испровергла конституціонное правленіе въ Португаліи. Ревностные защитники конституціи были устранены отъ дѣлъ: нѣкоторые даже, наиболѣе участвовавшіе въ революціи, были, безъ дальняго суда, казнены.

Маркизь д'Оливейра также принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ представительнаго правленія; между-тѣмъ, благодаря своему извѣстному патріотизму и праводушію, которыя признавали даже враги его, ему удалось избѣгнуть мщенія роялистской партіи.

Удалившись съ женою и дѣтьми въ княжество Беиру, д'Оливейра заключился въ предѣлы мирнаго семейнаго круга; но, по своимъ мнѣніямъ и воспоминаніямъ, маркизь всё-еще принадлежалъ къ жизни публичной, и сыновей своихъ воспитывалъ въ правилахъ собственныхъ политическихъ убѣжденій, отнюдь не предвидя, что это послужитъ источникомъ страшныхъ бѣдствій для цѣлаго семейства.

Хасинто, старшій изъ двухъ сыновей, поступилъ въ знаменитый коимбрскій университетъ. Философическая школа осьмнадцатаго столѣтія имѣла въ этомъ заведеніи жаркихъ поклонниковъ, отважныхъ прозелитовъ. Мечтая о возможности утвердить въ Португаліи республиканскую форму правленія, студенты вошли въ связи съ масонскими обществами, возмутили многіе полки, и возстали съ криками «да здравствуетъ конституція!» Уничто-

живъ въ Коимбрѣ прежнее правительство и повѣсивъ многихъ генераловъ передъ дверьми университета, инсургенты, полные энтузіазма, гордые первыми своими успѣхами, двинулись на Оporto.

Хасинто, хотя ему было только семнадцать лѣтъ отъ-роду, сдѣлался однимъ изъ главныхъ предводителей возстанія, благодаря своей рѣдкой неустрашимости и восторженности, которыя такъ заразительны. Въ Оporto дрались такъ же, какъ дрались въ Коимбрѣ, съ тѣмъ же ожесточеніемъ, но уже не съ тѣмъ счастьемъ. Мятежъ былъ подавленъ, укрощенъ саблей и картечью; осемнадцать заговорщиковъ, между которыми былъ и Хасинто, уцѣлѣли посреди этой рѣзни и попались въ руки роялистовъ.

Слѣдственная коммиссія тотчасъ была наряжена по повелѣнію Іоанна-Шестаго или, точнѣе, подъ вліяніемъ королевы Карлотты-Іоакины Бурбонской, которая отличалась вполне мужскою энергіей характера, и вообще страстями, чуждыми ея супругу. Іоаннъ-Шестой, одаренный умомъ образованнымъ, сердцемъ кроткимъ, предпочелъ бы, если бъ свободенъ былъ въ выборѣ, спокойствіе безъизвѣстнаго существованія—тревогамъ царствованія. Донна Карлетта, напротивъ, страстно любила великолѣпіе и не боялась отвѣтственности, сопряженной съ могуществомъ....

Вся жизнь этой принцессы была продолжительнымъ уклоненіемъ отъ строгихъ правилъ жизни человѣка, съ которымъ была соединена судьбою.

Какъ дочь испанскаго короля Карла-Четвертаго, и Маріи-Луизы Пармской, донна Карлетта презирала въ лицѣ Іоанна-Шестаго слабаго потомка неблестящаго Браганцскаго Дома.

Несмотря на прежніе политическіе поступки и на опалу отца, можно было надѣяться, что дѣтскій возрастъ Хасинто послужитъ для его судьбы достаточнымъ поводомъ къ снисходительности. Но герцогъ Рибейра, предсѣдатель коммиссіи, пользовавшійся вмѣстѣ съ маркизомъ де-Гаріани и знаменитымъ графомъ д'Амаранте, творцами роялистской контрреволюціи, полною довѣренностью королевы, былъ смертельный врагъ Оливейровъ. Въ Португаліи, какъ и въ Корсикѣ, существуютъ еще мѣсти по наслѣдственному преданію, не всегда столь кровавыя какъ у Корсиканцевъ, но часто не менѣе ужасныя. Одинъ членъ фамиліи Оливейра имѣлъ несчастье, въ семнадцатомъ столѣтіи, убить кого-то изъ фамиліи Рибейра, посреди оргіи. Съ той минуты завязалась между обоими домами борьба на-смерть. Когда представителямъ этихъ фамилій не удавалось нападать другъ на друга

открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, соперники при дворѣ, старались вредить другъ другу интригами; такъ, что когда одна изъ враждующихъ сторонъ терпѣла несчастія, то могла быть увѣрена, что этому бѣдствію усердно содѣйствуетъ противная сторона.

Нынешнее поколѣніе наследовало эту фамильную ненависть во всей ея силѣ и предсѣдатель военной коммисіи не могъ удержаться отъ постыднаго порыва радости, когда старшій сынъ его врага явился на скамьѣ подсудимыхъ.

Хасинто и тронхъ его сообщанковъ опредѣлено было разстрѣлять; девять человѣкъ приговорены къ ссылке; остальные четверо присуждены къ тюремному заключенію въ разныхъ мѣстахъ королевства, срокомъ отъ пяти до десяти лѣтъ.

Получивъ извѣстіе объ этомъ приговорѣ, который, разумѣется, тщательно скрывали отъ матери Хасинто, маркизь д'Оливейра поскакалъ въ Лиссабонъ, и взялъ съ собою младшаго своего сына Манозля. Этому милому, скромному ребенку не было еще и тринадцати лѣтъ. Просьбы самого маркиза къ королевѣ, которая его ненавидѣла, были бы бесполезнымъ униженіемъ; оставалось надѣяться, что сердце ея тронется слезами и мольбами слабого ребенка.

Въ одно утро донна Карлотта слушала обѣдню въ бембостской капеллѣ. Манозль, дрожа всѣмъ тѣломъ, долго поджидалъ королевы у выхода. Наконецъ двери распахнулись настежь, королева вышла. Это была женщина весьма малаго росту; станъ ея замѣтно былъ искривленъ; глаза неодинаковой величины; поступь несплавная, неграціозная. Осанка королевы была совершенно мужская, точно такъ же, какъ и нравъ ея, какъ и всѣ ея наклонности. Причудливая изысканность костюма, безпорядокъ курчавыхъ волосъ, неопредѣленное выраженіе тусклаго взгляду, все это придавало королевѣ видъ до крайности странный; взглянувъ на нее, очень трудно было убѣдиться, чтобы Люціанъ Бонапартѣ могъ быть страстно влюбленъ въ нея—и не безъ успѣху. Донна Карлотта медленно спустилась со ступеней капеллы: Манозль молча упалъ на колѣни.

— О чемъ просить этотъ мальчикъ? сказала королева, устремивъ на Манозля свой холодный, испытующій взглядъ.

— Пощады, ваше величество, пощады моему брату, старшему сыну маркиза д'Оливейры, осужденному на смерть военнымъ судомъ!

Карлотта изумилась, потомъ обратилась съ вопрошающимъ взглядомъ къ герцогу Рибейро, который услышавъ имя д'Оли-

вейры, поспѣшно выступилъ впередъ и удовольствовался тѣмъ, что шепнулъ: — Это печальная необходимость!

Королева спросила у Манозля сколько лѣтъ его брату.

— Хасинто будетъ семнадцать лѣтъ пятнадцатаго августа, въ день Богоматери Всѣхъ Скорбящихъ, отвѣчалъ ребенокъ.

— Тѣтъ лучше, малютка, отвѣчала донна Карлотта, отстраняя руку Манозля, который машинально ухватился за ея платье: тѣмъ скорѣе и легче онъ попадетъ на небо!

Донна Карлотта не только не обнаружала ни малѣйшаго состраданія, но даже не противилась, когда герцогъ Рибейра, ея любимецъ, движимый чувствомъ слѣпой ненависти и прикрывая гнусную личную злобу видами пользы государства, предложилъ, чтобы казнь Хасинто была окружена обстоятельствами необыкновенными. Ей представили это, какъ средство потушить послѣднія искры мятежей, оградить королевскую власть отъ безпрерывныхъ возстаній, которыя сколько разъ ни были подавлены, но снова возраждались и, впродолженіи двадцати лѣтъ, угрожали спокойствію трона.

Отданъ былъ приказъ, чтобы Манозль сопровождалъ брата на мѣсто казни и былъ свидѣтелемъ его смерти.

Увѣдомленный объ этой уточненной жестокости, маркизь сохранилъ стоическое присутствіе духа.

— Они только избавили меня отъ лишняго труда, сказалъ онъ: я самъ повелъ бы его туда!

Двадцать-шестаго сентября 1823, осужденные шли подъ конвоемъ по шумнымъ улицамъ, изъ королевской тюрьмы на обширный плацъ за городомъ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, палъ мужественный генералъ Фрейзе, пораженный тѣмъ же безошаднымъ судомъ....

Шестнадцатый полкъ, извѣстный духомъ неповиновенія и принимавшій дѣятельное участіе въ опортскомъ возстаніи 1820, былъ съ утра выстроенъ на плацу, гдѣ, кромѣ того, тѣснилась блѣдная, безмолвная толпа. Хасинто явился туда безъ страха, однако жъ и не безъ внутренняго волненія. Равнодушный къ увѣщаніямъ исповѣдника, молодой человекъ, на пути по городу, не спускалъ глазъ съ балконовъ. Бѣдняжкѣ хотѣлось въ послѣдній разъ улыбнуться своей матери.

Но толпа примѣтно заволновалась, пораженная чувствомъ ужасу, при появленіи Манозля, который, съ дико-неподвижными гла-

зани, шелъ велѣдь за старшимъ братомъ, поддерживаемый скрещенными ружьями четырехъ солдатовъ.

Что касается до маркиза, то онъ, мрачный, молчаливый, стоялъ всторонѣ, жадно всматривался въ черты лица Хасинто, слѣдилъ взоромъ за малѣйшими его движеніями....

Быть-можетъ, отцу надо было имѣть больше твердости души, на то, чтобъ спокойно присутствовать при этой ужасной казни, чѣмъ сыну, на то чтобъ геройски умереть!

Твердость Хасинто измѣнила ему только на мгновеніе.

Не колеблясь дошелъ онъ до широкой могилы, выкопанной на плацѣ; тутъ, офицеръ, командовавшій отрядомъ, положивъ руку на плечо юноши, предложилъ завязать ему глаза.... Хасинто вздрогнулъ, и отскочилъ всторону, какъ-будто наступилъ на змѣю. Потомъ онъ, казалось, устыдился, что обнаружилъ страхъ.... неразлучный съ таинственнымъ истинникомъ самосохраненія, котораго не въ-силахъ воплѣть превозмочь вся падменность воли.

Осужденный приподнялъ голову и улыбнулся офицеру, сказавъ:

— Я только удивился, а вовсе не испугался; caballero, исполняйте свою обязанность, я готовъ; только платка не падо.

Послышалась команда; ружья опустились и залпъ глухо прогремѣлъ надъ толпою. Многіе замѣтили, какъ Манозъ при этомъ внезапно выпрямился, какъ-будто потрясенный электрическимъ ударомъ, и съ ужасающимъ любопытствомъ глядѣлъ на окровавленное тѣло своего брата, повалившееся въ яму; потомъ медленно присѣлъ на край могилы, плакалъ и хохоталъ, и, обращаясь къ толпѣ, указывалъ пальцомъ на трупъ брата. Бѣдвяжка помѣшался!

Маркиза д'Олвейра, и безъ того уже изнуренная долгими страданіями, узнала страшную трагедію, которую отъ нея, слабой женщины, безъ пользы скрывали: она скончалась, черезъ мѣсяць послѣ Хасинто; скончалась, не отрывая глазъ отъ портрета своего злополучнаго мученика, какъ она не переставала называть сына, даже въ послѣднія минуты своей агоніи.

Маркизь, желая исполнить послѣднюю свою обязанность, относительно Манозя, вмѣстѣ съ нимъ оставилъ Португалію. Сначала онъ извѣздилъ всю Германію и совѣтовался съ знаменитѣйшими врачами; потомъ отправился во Францію, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ лечебницѣ доктора Бланша; но всѣ успія науки оказались бесполезными.... Изъ Франціи, маркизь направ-

шелъ путь въ Англію.... Мы уже говорили въ началѣ нашего разсказа о гибельной встрѣчѣ, въ заведеніи врача Кларка, которая ускорила нѣсколькими днями кончину жизни, такъ безпощадно погубленной....

На кладбищѣ въ Бедлэмѣ могильный камень, на которомъ маркизъ д'Оливейра приказалъ изсѣчь только одно англійское слово: *Hope*, — вотъ единственное воспоминаніе о Маномѣ. Чтò касается до старика, то объ немъ въ скоромъ времени исчезли и самые слухи: падо думать, что несчастный сдержалъ таинственное обѣщаніе, данное сыновней могилѣ....

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Madame de Tencin, Мадамъ де-Тансенъ*, драма въ трехъ актахъ, господь Marc Fournier и Eugène de Mircourt.

Первый актъ составляетъ нѣчто въ родѣ пролога. Въ началѣ его мадмоазель *Мари де-Тансенъ* оказывается обольщенной чрезъ графа де-Ріома, одного изъ знатнѣйшихъ придворныхъ регента.... Дѣйствіе, разумѣется, происходитъ во время регентства и по главнѣю вы уже догадываетесь, что эта драма—въ лицахъ біографія знаменитой разстрижки. Но, для предупрежденія всякаго недоразумѣнія, спѣшимъ доложить, что только половина этой догадки оправдывается: драма, дѣйствительно—біографія въ лицахъ, однако жъ дѣло преимущественно идетъ о не менѣе знаменитомъ сынѣ госпожи Тансенъ, о д'Аламберѣ.

Мадмоазель *Марія де-Тансенъ*, вслѣдствіе упомянутого обстоятельства, сбѣжала изъ монастыря, чтобы въ одномъ изъ закоулковъ Парижа скрыть свой стыдъ и плодъ проступка. Мосье де-Тансенъ, братъ *Маринъ*, — тотъ самый, котораго *Марія* впоследствии, извѣстными себѣ средствами, произвела въ кардиналы, — мосье де-Тансенъ, въ надеждѣ получить для сестры удовлетвореніе, сводитъ съ обольстителемъ дружбу, притворившись, будто ничего не знаетъ. Онъ, будучи хорошо принятъ при дворѣ, даже содѣйствуетъ къ политическому повышенію графа де-Ріома. Графъ, между тѣмъ, посреди обаяній успѣховъ забываетъ *Марію* и вступаетъ въ тайный бракъ съ герцогинею Беррійскою. Провѣдавъ объ этой измѣнѣ, Тансенъ совѣтуетъ сестрѣ сбить съ рукъ ребенка, который можетъ принести ей только стыдъ. Молодая мать, опасаясь, чтобы усердіе не завлекло Тансена слишкомъ далеко, вручаетъ своего сына нѣкоторому кавалеру *Детушю* съ письмомъ, гдѣ объявляетъ, что онъ, кавалеръ *Детушъ*, и есть

единственный отецъ ея дѣтати. Но едва Детушъ уходитъ, какъ является Риомъ и предлагаетъ Маріи бѣжать вмѣстѣ. Нечаянная смерть герцогини Беррійской освободила его и онъ хочетъ загладить старые грѣхи. Къ несчастію, уже поздно. По поводу смерти герцогини разнесется молва объ отравленіи, и графъ де-Риомъ, обвиненный врагами и преслѣдуемый Тансеномъ, принужденъ поспѣшно бѣжать изъ Франціи одинъ. Кавалеру Детушу тоже не болѣе повезло. При выходѣ изъ дому, гдѣ укрывалась Марія, его схватили и, отнявъ ребенка, отправили въ Индію.

Проходитъ осьмнадцать лѣтъ. Кавалеръ Детушъ воротился на родину и сидитъ въ небольшомъ кабацѣ, въ улицѣ Пруверъ, гдѣ угощается на мѣлокъ, потому что не разбогатѣлъ на берегахъ Ганга. Кабакъ этотъ содержитъ вдова стекольщика Матъё Руссѣ, мадамъ Mathurine. — Матюринна честная и добрая женщина. У Матюринны есть сынъ, которому она, несмотря на свою бѣдность, дала блестящее воспитаніе и который сдѣлался ученымъ, философомъ. Это д'Аламберъ. Матюринна счастлива, когда глядитъ на сына, приобретающаго извѣстность, славу. Но это счастье возмущено тягостнымъ воспомнаніемъ. Осьмнадцать лѣтъ назадъ, мужъ ея, Матъё Руссѣ, въ годну тяжелой пищеты, за пятьдесятъ лупдоровъ продалъ одной знатной дамѣ единственную дочь, которую имъ Богъ послалъ. Угрызенія совѣсти терзаютъ несчастную мать. Она горько плачетъ. Д'Аламберъ тоже горюетъ, но по другой причинѣ. Онъ влюбленъ въ знатную и богатую мадмоазель Луизу де-Поншартрэнъ и узнаетъ, что имѣетъ соперникомъ — самого Людовика Пятнадцатаго. Такая конкуренція, конечно, способна озадачить даже философа. Д'Аламберъ оканчиваетъ передъ матерью повѣсть своихъ терзаній, когда за дверьми слышится крикъ и въ кабацъ вбѣгаетъ дѣвушка, которая проситъ защиты и убѣжища. Это Луиза. Она спасается отъ позору. Та, которая называлась ея матерью, силою хотѣла принудить ее отвѣчать на любовь короля и, когда дѣвушка рѣшительно воспротивилась, объявила, что она ей не дочь. Матюринна, разспросивъ, узнаетъ въ Луизѣ свою дочь.

Д'Аламберъ въ отчаяніи больше чѣмъ когда-либо: теперь любовь его становится уже преступленіемъ. Но Матюринна, тронутая глубокою его скорбью, открываетъ ему, что онъ ей не сынъ, а приемышъ, и, слѣдовательно, не братъ Луизѣ. Кто его родители — этого Матюринна сама не знаетъ. Зато все знаетъ кавалеръ Детушъ

который, сидя за перегородкой, подслушалъ весь разговоръ. Онъ подходитъ къ д'Аламберу, разсматриваетъ золотой крестъ, который тотъ послалъ на шею, и говоритъ: — Будь спокоенъ, я знаю, кто твоя мать и, если хочешь, добуду даже отца. Детушъ сохранилъ бумагу, которую Марія дала ему вмѣстѣ съ ребенкомъ. Онъ отправляется къ ней и предлагаетъ ей свою руку. Но мадам-оазель де-Тансенъ давно уже приняла титулъ *madame* и интригами сдѣлалась женщиною съ вѣсомъ. Она и смотрѣть не хочетъ на нищаго кавалера, а бумагу, которая изобличаетъ ее, выхватываетъ у него и рветъ въ клочки. — Хорошо же! говоритъ про себя Детушъ: такъ я же не скажу ей, что сыпъ ея нашелся. — Вслѣдъ за Детушемъ къ Маріи является графъ де-Ріомъ. Онъ также воротился изъ-за границы, но только тайно. Онъ хочетъ усовѣстить мадамъ де-Тансенъ, которая уже прославилась своими интригами, и спрашиваетъ, куда она дѣвала его сына. Марія открываетъ бывшему любовнику весь ужасъ своего положенія. Всѣ проступки, въ которыхъ ее обвиняютъ, она сдѣлала изъ материнской любви: братъ сказалъ ей: — Сдѣлай меня министромъ и я отдамъ тебѣ сына. Чтобы достигнуть этой цѣли, нужно сдѣлать еще послѣднюю низость, склонить Луизу де-Поншартренъ въ пользу Людовика-Пятнадцатаго. Ріомъ, несмотря на собственные свои старые грѣхи, человекъ честный. Онъ кланяется Марію не принимать участія въ подобномъ дѣлѣ и она обѣщаетъ. Въ эту минуту возвращается Детушъ и объявляетъ, что домъ окруженъ стражею, которая ищетъ Ріома. Спасенія нѣтъ. Однако жъ Детушъ спасаетъ друга. — Я графъ де-Ріомъ, говоритъ онъ вошедшей стражѣ, и отправляется въ Бастилію.

Третій актъ переноситъ насъ въ Версаль, въ небольшой домикъ, гдѣ поселился д'Аламберъ съ Луизою и съ Матюринной. Туда же является и мадамъ де-Тансенъ. Она принимаетъ большое участіе въ молодомъ философѣ, хотя и не знаетъ его происхожденія. Его преслѣдуютъ какъ похитителя дѣвушки, которая имѣла счастье понравиться Людовику-Пятнадцатому. Марія пришла спасти его. — Бѣгите! говоритъ она ему: бѣгите съ Луизой! Тамъ, внизу, стоитъ карета, которая доведетъ васъ до границы.... Но, въ минуту, когда молодые люди готовятся въ путь, приходитъ Тансенъ, объявляетъ, что побѣгъ невозможенъ, и обращаясь къ сестрѣ, прибавляетъ: — Вы измѣнили мнѣ и я буду жестокъ. Д'Аламберъ — вашъ сынъ! А вотъ приказъ арестовать его. Черезъ часъ онъ долженъ быть въ Бастилію или

Луиза въ Трианонѣ. Выбирайте! — Несмотря на данную Ріому клятву, Марія выдаетъ Луизу. Черезъ минуту потомъ является какъ-то освободившійся Детушъ и Ріомъ. Они вмѣстѣ съ д'Аламберомъ отправляются въ погоню за похитителями Луизы, а Матюринна напускается съ упреками за дочь на мадамъ де-Тансенъ. Потомъ Детушъ возвращается съ извѣстіемъ, что графъ де-Ріомъ убитъ, зато Луиза спасена. Но опъ ошибается. Д'Аламберъ приноситъ умирающую. Несчастная дѣвушка, чтобы избѣжать позору, отравилась. Марія падаетъ къ ногамъ сына и молить о прощеніи. Но д'Аламберъ съ негодованіемъ отвѣчаетъ: — Я не знаю васъ, сударыня, и, указывая на Матюринну, прибавляетъ: вотъ моя мать!

Піеса имѣла полный успѣхъ.

2. *Clarisse Harlowe*, *Кларисса Гарлоу*, драма въ трехъ актахъ, господъ *Dumanoir*'а, *Léon Guillard*'а и *Clairville*'я.

Парижскіе драматурги, кажется, предприняли вывести на сцену всю библіотеку романовъ, чтобы облегчить нынѣшнему поколѣнію знакомство съ героями и героинями многотомныхъ приключеній, надъ которыми плакали отцы и дѣды. Подвигъ весьма похвальный во всѣхъ отношеніяхъ, потому что герои и героини Гёте, Ж. Ж. Руссо и Ричардсона, даже изрѣзанные и изуродованные, очень могутъ быть занимательнѣе созданій, рожденных въ собственномъ мозгу Клервилей и Дюманоаровъ. Впрочемъ, попытка обловить «Клариссу Гарлоу» уже была однажды сдѣлана. Жюль-Жаненъ уже сократилъ Ричардсоновы шесть безконечныхъ томовъ въ небольшую, но всё-таки еще достаточно длинную повѣсть. Это многимъ пожилымъ читателямъ показалось профанаціею, преступленіемъ, святотатствомъ романтическимъ, какъ-будто повѣсть Жюль-Жанена лишаетъ кого-нибудь средствъ наслаждаться чтеніемъ подлинника. Вольному воля. Одинъ можетъ читать подлинникъ, другой сокращеніе, а третій теперь, пожалуй, ступай себѣ, смотри эту исторію въ лицахъ на сценѣ. Это еще удобнѣе. Сюжетъ, какъ извѣстно, очень простъ. Прекрасная и добродѣтельная Кларисса, чтобы спастись отъ притѣсненій пзкаго и подлаго семейства Гарлоу, которое принуждаетъ ее выйти замужъ за дурака Сольма, бѣжитъ изъ дому, дѣлается жертвою холоднаго развратника Ловласа и, не будучи въ состояніи пережить свой позоръ, отравляется. Нравоученіе также очень просто: всякая дѣвушка, будь она ангелъ чистоты и совершенства, погибнетъ, какъ-только переступитъ свосвольно за порогъ

роднаго дому, хотя бы этотъ домъ былъ логовищемъ шайки самыхъ злобныхъ тварей и нравственныхъ уродовъ, подобныхъ Гарлоу.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ успѣху этой драмы служить —

3. *La Nouvelle Clarisse Harlowe*, *Новая Кларисса Гарлоу*, пародія въ трехъ актахъ, съ куплетами, —

тогда какъ —

4. *La Nouvelle Heloïse*, *Новая Элоиза*, пьеса въ трехъ актахъ, господина *Michel Delaporte*'а, —

служить лучшимъ доказательствомъ, что парижскіе мелодраматисты непременно переберутъ и одраматизируютъ всю бібліотеку старыхъ романовъ. Повторяемъ, что мы на это совершенно согласны, что это даже очень пріятно и полезно или, по крайней мѣрѣ, — такъ, ничего, пусть себѣ. Пьеса господина Делапорта также имѣла несомнѣнный успѣхъ.

5. *Don Guzman ou la Journée d'un séducteur*, *Донъ-Гусманъ, или День обольстителя*, комедія въ пяти актахъ, въ стихахъ, господина *Adrien de Courcelles*'а.

Это комедія новая и притомъ новаго, начинающаго автора.

Герой, какъ показываетъ заглавіе, — обольститель по ремеслу, страстующій по бѣлому свѣту за побѣдами. Два года донъ-Гусманъ уже странствуетъ и торжествуетъ побѣды надъ брюнетками и блондинками, обманывая тѣхъ и другихъ. Гдѣ-то на дорогѣ онъ поднялъ доброга-малаго по имени Спадильо, который сопровождаетъ его въ путешествіи и простодушно помогаетъ ему въ предпріятіяхъ. Они пріѣзжаютъ въ Севилью, гдѣ донъ-Гусманъ готовится собрать обильную жатву Андалузьянокъ. Въ Севильѣ Спадильо нѣкогда оставилъ нѣкую Пакиту, добрую и веселую дѣвушку, которая теперь служитъ горничною у доны Лены, жены мѣстнаго алькада. Спадильо хотя и напился вѣтрянымъ духомъ своего господина, однако жъ не забылъ Пакиты. За это небо наградило его: Пакита тоже постоянна и вѣрна первой своей любви. Донъ Гусманъ, съ своей стороны, нашелъ въ домпѣ Лены старинную знакомку; нашелъ даже, что она все-еще молода и хороша, и вознамѣрился снова связать расторгнутыя узы. Дона Лена замужемъ, но это не только не останавливается, а еще болѣе подстрекается обольстителя. Онъ начинать съ того, что подкупаетъ старую дуэнью. Потомъ, для вѣрности успѣху, старается удалить

алькада. Съ этою цѣлю онъ является переодѣтый монахомъ и увѣряеть простяка будто братъ его умеръ и завѣщаль ему наслѣдство. Алькадъ отправляется. Но у него есть альгусиллы, которые стерегутъ его супружескую честь, и въ-особенности одинъ изъ нихъ, Кинола, который по призванію страстно любитъ ремесло тайной полиціи. Кинолъ уже извѣстны трое молодчиковъ, которые приволакиваются за доной Леной, и алькаду это извѣстно, но онъ всё-таки можетъ уѣхать за наслѣдствомъ. Честь его будетъ сбережена. За это ручается Кинола. Скоро однако жъ шпіонъ узнаеть въ мнимомъ монахѣ четвертаго и самаго опаснаго оболъстителя. Чтò дѣлать въ такой напасти? Кинола, какъ глубокій политикъ, придумаль уничтожить враговъ собственными ихъ силами, оставшись самъ всторонѣ. Онъ насылаеть на донъ Гусмана троихъ его соперниковъ и каждый предлагаетъ ему дуэль. Донъ Гусманъ, какъ храбрый хидальго, принимаетъ всё три вызова и остается побѣдителемъ, стало-быть беретъ дону Лене съ бою.... Нѣтъ, доня Лена сама устояла. Впрочемъ, она уже и забыта. Достойный соотчикъ донъ-Хуана добирается уже до невѣсты бѣднаго Спадилло и клянется не помышлять о другой женщинѣ, пока не одержитъ побѣды надъ Пакитой. Къ-счастью своему, Пакита не изъ простыхъ. Ее трудно провести. Неожиданное сопротивленіе, разумѣется, только болѣе распаляетъ его. Онъ непремѣнно хочеть достигнуть своей цѣли, во чтò бы то ни стало. Но ему нуженъ совѣтникъ и помощникъ, и онъ обращается къ своему же сопернику, Спадилло. Тотъ бѣднякъ умоляетъ пощадить Пакиту, потому что Пакита его невѣста. — Ты любишь ее, возражаетъ донъ-Гусманъ: тѣмъ болѣе нужно довести испытаніе до конца. Если Пакита выдержитъ, ты смѣло можешь жениться, и впередъ тебѣ нечего будетъ опасаться. Если же она сдастся мнѣ, значитъ, она не стòитъ твоей любви и тебѣ нечего жалѣть. — Убѣжденный этимъ прекраснымъ разсужденіемъ, Спадилло соглашается предоставить своему барину волю дѣйствовать. Но Пакита подслушала заговоръ и дала себѣ слово прочитъ и оболъстителя и ревнивца. Она притворяется готовою склониться на убѣжденія донъ-Гусмана и назначаетъ ему тайное свиданіе, ночью, въ домѣ доны Лены. Донъ-Гусманъ въ восхищеніи. Онъ падѣется одержать двѣ побѣды разомъ. Въ назначенный часъ Пакита вводитъ его въ темную комнату и оставляетъ наединѣ... съ старою, отвратительною дуэньей доны Лены. Мало этого. Бѣжать невозможно: двери заперты извнѣ и

воротившійся алькадь беретъ прекраснаго хидалью подѣ арестъ, какъ обольстителя благовравной пятидесяти-лѣтней дуэньи.

Несмотря на то, что сюжетъ не изъ новыхъ и много напоминаетъ Свадьбу Фигаро и другія вещи въ этомъ родѣ, пѣса имѣла успѣхъ, потому что характеры очерчены ловко и въ звучныхъ стихахъ много ума и непринужденной веселости.

6. Un coeur de grand'mère, *Бабушкино сердце*, водевилъ въ одномъ актѣ, господина Amédée de *Beauplan*'а.

Недавно господинъ Баяръ съ какимъ-то сотрудникомъ сочинилъ водевилъ подѣ заглавьемъ «Внукъ», о которомъ мы имѣли честь вамъ докладывать. Предлежащее «Бабушкино Сердце» — второе изданіе «Внука», вовсе однако жъ не исправленное господиномъ Амедеемъ де-Боплапомъ. Онъ только замѣнилъ внука внучкою, и замѣнилъ весьма неудачно.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Новый сезонъ италіанской оперы начался осемнадцатаго сентября, оперою Верди, «*Ernani*». Мы тутъ слышани въ первый разъ знаменитаго тенора Гуаско, баритона Коппи и примадонну де-Джули-Борси. Мы не можемъ говорить о нихъ какъ о драматическихъ артистахъ — потому что о театрѣ мы не говоримъ; но ничтò не мѣшаетъ намъ сказать нѣсколько словъ о голосахъ новыхъ пѣвцовъ. Гуаско, прекрасный теноръ: голосъ его силенъ и звученъ, онъ поетъ все груднымъ голосомъ; а главное достоинство его, что поетъ онъ чисто и вѣрно, съ большимъ одушевленіемъ и выразительностью. Коппи, отличный пѣвецъ, голосъ его (baryton) силенъ и звученъ, а, главное, ровенъ во всемъ діапазонѣ, съ первой до послѣдней ноты. Госпожа де-Джули-Борси, одарена обширнымъ и очень звучнымъ голосомъ. Метода пѣнія у нея прекрасная, отчетливость и чистота въ пассажахъ и фіоритурахъ, изумительны.

Но чтò же сказать о самой оперѣ?..... Мнѣніе наше о Верди высказано ужъ давно. *Ernani* недалеко отсталъ отъ Ломбардовъ! Два или три пумера разсчитавы на сильный инструментальный эффектъ..... вотъ и все: нигдѣ почти мелодій, нигдѣ новыхъ мотивовъ. Одинъ истинный и безпристрастный знатокъ музыки, одаренный необыкновенною памятью, сказалъ намъ при выходѣ изъ театра: «En écoutant *Ernani*, j'ai eu l'envie de me lever à chaque instant de mon fauteuil, pour saluer une ancienne connaissance..... c'était tantôt Rossini, tantôt Bellini,

tantôt Donizzetti, plumés à vif. (Слушая «Эрнани» инѣ всё хотѣлось встать и поклониться старому знакомцу: то Россини, то Беллини, то Довидзетти, оцщипаннымъ на-чисто.)

Посмотримъ теперь, что дѣлается за границею.

— Извѣстный драматическій писатель Жуи (Jouy), авторъ «Весталки», «Фернандо Кортеса» и многихъ превосходныхъ произведеній, недавно скончался въ Парижѣ.

— Опера Галеви «Les Mousquetaires de la Reine» сыграна была въ Парижѣ, въ продолженіи шести мѣсяцевъ девяносто шесть разъ.

— Недавно данъ былъ въ Парижѣ (въ церкви St. Eustache) въ честь Глаука, большой музыкальный праздникъ (festival). Между многими музыкальными произведеніями, оркестръ исполнилъ превосходно «Requiem» Берліоза; въ концертѣ этомъ участвовали четыреста пятьдесятъ пѣвцовъ и тысячу пятьсотъ музыкантовъ.

— Россини женился недавно на молоденькой, прекрасной Француженкѣ, Олимпіи Пелиссіе.

— Листъ поручилъ одному изъ лучшихъ итальянскихъ архитекторовъ выстроить въ Парижѣ, на boulevard Montpagnasse, красивый домъ для фортепیانной школы, въ которой будутъ безденежно обучаться дѣти бѣдныхъ родителей, преимущественно ремесленниковъ.

— Въ нынѣшнемъ году, двѣсти пятьдесятъ лицъ получаютъ пенсію изъ театра Большой Парижской Оперы. Количество пенсій измѣняется отъ ста-двѣнадцати до трехъ-тысячъ осмисотъ семидесяти-семи франковъ. Въ числѣ пансіонеровъ находятся Скрибъ и Россини. Первый получаетъ три тысячи, а второй тысячу франковъ. Большая Опера раздаетъ на пенсію двѣсти двадцать тысячъ триста франковъ.

— Недавно прибылъ въ Парижъ американскій композиторъ, Вильгельмъ Фрей. Большая опера его, представленная въ Нью-Йоркѣ, имѣла огромный успѣхъ. Это первый и единственный композиторъ, который явился въ Новомъ Свѣтѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ открылъ его Коломбъ. Талантъ Фрея, воспитанный подъ влияніемъ Вебера, сохранилъ свою оригинальность, и много обѣщаетъ американской оперѣ.

— Въ Берлинѣ окончена уже медаль Софокла, выбитая по приказанію короля прусскаго, въ память успѣху съ какимъ была исполнена «Антигона» на придворномъ театрѣ въ Подсдамѣ. Ме-

даль величина съ двухъ-талерную монету, — на одной ея стороне представлена голова Соломона, на другой алтарь, передъ которымъ геиіи приносятъ жертву, и надъ нимъ, въ двухъ мѣстахъ меньшей величины, находятся грудныя изображенія Тика и Мендельсона-Бартольди. Два золотые экземпляра этой медали король послалъ Тику и Мендельсону.

— Берлинскій пианистъ Теодоръ Куллакъ, извѣстный по своимъ фортепьяннымъ произведеніямъ, получилъ на-дняхъ званіе Приворнаго королевскаго пианиста.

— На оперномъ театрѣ въ Берлинѣ происходило недавно большое музыкальное торжество, по случаю двадцати-пяти-лѣтняго юбилея «Фрейшюца». Это превосходное произведеніе Вебера, въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ, было исполнено въ одномъ Берлинѣ двѣсти тридцать девять разъ.

— Богатая коллекція партитуръ, принадлежавшая покойному папѣ Григорію-Шестнадцатому, отказана имъ въ завѣщаніи библиотеку музыкальной академіи Святой Цециліи.

— Новая опера князя Юсифа Понятовскаго «Malck Adhel» имѣла большой успѣхъ на театрѣ Carlo Felice, въ Генуѣ.

— Мы слышали, что директоръ пражской консерваторіи, извѣстный композиторъ, Іоганъ Фридрихъ Киттль, будетъ на-дняхъ въ Петербургѣ; онъ намѣренъ дать здѣсь большой концертъ, въ которомъ мы услышимъ его лучшія произведенія.

— Изъ новыхъ сочиненій, вышедшихъ на-дняхъ въ Петербургѣ, очень замѣчательна, по своей оригинальности и превосходной обработкѣ пѣсня для mezzo-яоргано или baritonъ подъ заглавіемъ «Чума», (Слова А. С. Пушкина, музыка талантливаго капельмейстера В. М. Кажинскаго.) Госпожа Самойлова первая исполняла эту прекрасную пѣсню съ большимъ успѣхомъ на сценѣ Александринскаго Театра. Эта пѣсня продается въ музыкальномъ магазинѣ А. Габлера, въ домѣ Энгельгардтъ, у Казанскаго Моста.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссионера Императорской Библиотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

- AIDE-MÉMOIRE** a l'usage des officiers d'Artillerie. 2-e édition. Paris, 1844.
1 vol. in-8. 3 r. 45 c.
- AIDE-MÉMOIRE** de l'ingénieur militaire, recueil d'études et d'observations.
Paris, 1843. 1 vol. in-8. 1 r. 25 c.
- AMBASSADE** au Boutan. Journal abrégé du voyage du capitaine Pemberton
en 1837—1838. Paris, 1840. 1 vol. in-8. 75 c.
- AMÉRIQUE CENTRALE.** Colonisation du district de Santo-Thomas de Guate-
mala par la communauté de l'union, fondée par la compagnie Belge de
colonisation. Paris, 1844. 1 vol. in-8. 2 r. 25 c.
- ARBANÈRE.** Analyse de l'histoire asiatiques et de l'histoire grecque. Paris,
1835. 2 vol. in-8. 4 r.
- BECHARD.** De l'administration de la France. 2-me édition. Paris, 1845. 2
vol. in-8. 3 r. 45 c.
- BOYARD.** Des abus en matière ecclésiastique, suivi d'un dialogue sur les
causes des misères de la France. 2-e édition. Paris, 1844. 1 vol. in-8.
75 c.
- COMBES.** Aérage des mines. Paris, 1841. 1 vol. in-8. 1 r. 50 c.
- CRUVEILHIER.** Anatomie descriptive. Bruxelles, 1837. 2 vol. in-8. 4 r.
- FAU.** Anatomie des formes extérieures du corps humain, a l'usage des pein-
tres et des sculpteurs. Paris, 1845. 2 vol. in-8, avec Atlas in-4. 4 r. 30 c.
- FRANCOEUR.** Algèbre élémentaire. Bruxelles, 1838. 1 vol. in-8. 60 c.
- JACQUINOT DE PRESLE.** Abrégé du cours d'art et d'histoire militaires. Sau-
mur, 1829. 1 vol. in-8. 1 r.
- LACÉPÈDE** (C-te de). Les ages de la Nature et histoire de l'espèce hu-
maine. Paris, 1830. 2 vol. in-8. 2 r.
- LASSAIGNE.** Abrégé élémentaire de chimie. 2-me édition revue et corrigée.
Paris, 1835. 2 vol. in-8. 3 r.
- LECLERC-THOUIN.** L'Agriculture de l'Onest de la France. Paris, 1843. 1 vol.
in-8. 3 r. 50 c.
- LEMOINE.** Abrégé de l'histoire de Suède. Paris, 1844. 2 vol. in-8. 4 r.
- MARÇ** De l'action des émétiques et des purgatifs et de leur emploi dans
les maladies. Bruxelles, 1827. 1 vol. in-8. 75 c.
- MATTER.** De l'affaiblissement des idées. Paris, 1841. 1 vol. in-8. 2 r. 15 c.
- PETIT de BARONCOURT.** Analyse raisonnée de l'histoire de France. Paris,
1 vol. in-8. 2 r.
- ROESCH.** De l'abus des boissons spiritueuses. Paris, 1839. 1 vol. in-8. 1 r.

- SOLOU.** De l'Albuminurie ou hydropisie causée par maladie des reins. Paris, 1838. 1 vol. in-8 avec planches coloriées 2 r.
- ТАНСИН-UDDIN.** Les aventures de Kamrup; traduites de l'hindoustani par Garcin de Tassy. Paris, 1834. 1 vol. in-8. 1 r. 50 c.
- TESSIÈRES-BOISBERTRAND.** De l'administration financière telle qu'elle est sous l'influence des préjugés qui en arrêtent le développement et telle qu'elle pourrait-êtré. Paris, 1836. 1 vol. in-8. 2 r.
- THOURET.** Abrégé des révolutions de l'ancien gouvernement français, ouvrage élémentaire. 2-e édition. Paris, 1819. 1 vol. in-8. 1 r. 50 c.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Певскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро)

Школы и пьесы для скрипки.

- BAILLOT.** L'art du violon. Nouvelle méthode. Die Kunst des Violinspiels. Neue Violinschule. (13 r.).
- BIRGFELDT.** Neue praktische Violinschule. (2 r. 58 c.).
- CAMPAGNOLI.** Nouvelle méthode de la mécanique progressive du jeu de violon, divisée en 5 parties et distribuée en 132 leçons progressives pour deux violons et 118 études pour un violon seul. Paroles françaises et allemandes. (Mit deutscher Uebersetzung), op. 21. (10 r. 29 c.).
- DAVID.** Six caprices pour le violon seul, op. 20. (2 r.).
- GUICHARD.** Ecole du violon, nouvelle méthode complète et raisonnée in-8. (2 r. 50 c.).
- GHYS.** L'orage pour violon seul. (58 c.).
- KAYSER.** Terpsichorens Lieblings-Klänge. Sammlung der beliebtesten und neuesten Tänze für Violine, liv. 1 à 6 (à 58 c.).
- LOUIS.** Mosaïque d'airs favoris de l'opéra la fille du régiment. (85 c.)
- MAZAS.** Petite méthode de violon. Kleine Violinschule. (3 r.).
- Huit mélodies faciles et d'une marche progressive, op. 83, liv. 1 à 2. (à 85 c.). Huit mélodies (dédiées aux amateurs,) op. 81, liv. 1 à 2. (à 85 c.).

- RODE, KREUTZER et BAILLOT.** Méthode de violon. (3 r. 43 c.) Violinschule, neue Ausgabe. (3 r. 43 c.). Скрипичная школа, переводъ съ вѣмецкаго. (3 r.).
- SPOHR.** Grosse Violinschule. Mit erläuternden Kupfertafeln. (17 r. 15 c.).

Дуэты для скрипки.

- BLUMENTHAL.** Fruïts de l'étude. Trois duos pour deux violons, op. 86, liv. 1 à 3. (chaque à 1 r. 5 c.).
- DANCLA.** Collection de duos pour deux violons. Liv. 1. Trois duos très faciles concertans et progressifs, op. 23. (1 r. 82 c.). Liv. 2. Trois duos faciles concertans et progressifs, op. 24. (2 r. 30 c.). Liv. 3. Trois duos concertans, faciles et progressifs, op. 25. (2 r. 30 c.). Liv. 4. Trois duos concertans, faciles et progressifs, op. 26. (2 r. 85 c.).
- FONTAINE.** Trois duos concertans pour deux violons, op. 32, № 1 à 3, (chaque à 1 r. 43 c.).
- HARTMANN.** Trois caprices pour deux violons faciles et progressifs, op. 44, № 1, 2, 3. (chaque à 1 r. 15 c.).
- JANSA.** Six duos pour deux violons, op. 64, № 1 à 6. (chaque à 1 r. 15 c.). Six duos pour violon et alto, op. 70, liv. 1, 2, 3. (chaque à 1 r. 43 c.).
- KAYSER.** Duos faciles et agréables d'après des thèmes jolis des opéras favoris, pour deux violons, liv. 7, 8. (chaque 1 r.).
- MAZAS.** Six duos brillans pour deux violons, op. 83, № 1, 2, 3. (chaque à 1 r. 43 c.).
- SERVAIS et GHYS.** Variations brillantes et concertantes sur l'air: God save the King, pour violon et violoncelle, op. 38. (2 r.).

Школы для виолончели.

- AUBERT.** Méthode ou nouvelles études pour le violoncelle, op. 11. (5 r.) Petite méthode pour le violoncelle. Kurzgefasste Anweisung für das Violoncell. (1 r. 72 c.).
- BAUDIOT.** Méthode complète de violoncelle. Grosse Violoncell-Schule. (12 r. 85 c.).
- DOTZAUER.** Violoncell-Schule für den ersten Unterricht, op. 126. (4 r. 58 c.). Violoncell- Flageolett-Schule, op. 147. (2 r. 29 c.). Méthode pratique du violoncelle. Praktische Violoncell-Schule, op. 155. (6 r. 85 c.).
- DUPORT.** Essai sur le doigté ou violoncelle. (Paroles françaises et allemandes). (10 r. 58 c.).

- KUMMER.** Violoncell-Schule für den ersten Unterricht, nebst 92 Übungsstücken, op. 60. (6 r.).
- LEE.** Méthode pratique du violoncelle. Praktische Violoncell-Schule, op. 30. (4 r.).
- ROMBERG.** Violoncell-Schule. (14 r.).

Пьесы для фортепиано.

- BERTINI.** Vingtneuf études, dédiées à J. B. Cramer, op. 131 bis. (4 r.).
 Elvina. Grande valse brillante, op. 154 bis. (1 r.). Morceau de salon.
 Grande marche brillante, op. 161. (1 r. 30 c.). Souvenirs des bords de la duranee. Caprice, op. 164. (1 r. 43 c.).
- BEYER.** Trois fantaisies sur la Lucrezia Borgia de Donizetti, op. 72, № 1 à 3, (chaque à 1 r. 43 c.). Bouquet de mélodies sur les deux princes, Charles VI, Nabucodonosor, Norma, la reine de Chypre. (chaque à 1 r.). Deux fantaisies sur Robert le Diable, op. 82. No. 1, 2. (chaque à 1 r. 30 c.).
- BURGMUELLER.** Fantaisie brillante sur: Ernani de Verdi, op. 92. (1 r. 15 c.). Ma brunette. Fantaisie Polka sur une romance d'Arnand, op. 93. (85 c.). Paquita. Pas des manteaux. Valse de salon. (1 r. 15 c.). Les deux langages. Valse brillante. (1 r. 15 c.). Le ramier messenger. Valse brillante sur une romance d'Arnand. (1 r. 15 c.).
- DOEHLER.** Trio de l'opéra: Жизнь за Царя de Glinka, varié, op. 60. No. 1. (85 c.). Соловей. Air favori de A. Alabiéff, variée, op. 60. No. 2. (85 c.). Бывало. Romance favorite du Comte Wielhorsky, variée, op. 60. No. 3. (85 c.). Grand galop brillant, op. 61. (85 c.). Trot des chevaliers-gardes, op. 62. (60 c.).
- HENSELT.** Air de Balfé, chanté par M-me Viardot-Garcia, transcrit. (1 r.). Polacca brillante de Weber, arr. (1 r. 43 c.). Mazurka et Polka. (1 r.).
- LITOLFF.** Grand caprice de concert sur la Lucrezia Borgia de Donizetti, op. 20. (1 r. 43 c.). Grand caprice sur: Robert le Diable de Meyerbeer, op. 21. (1 r. 72 c.). Invitation à la Tarantelle, op. 36. (1 r. 30). Invitation à la Polka, op. 31. (1 r.).
- MAYER.** Nocturne, op. 81. (60 c.). Mazurka, op. 82. (1 r. 15). Troisième valse-étude, op. 83. (1 r. 15 c.). Souvenir de Copenhague. Second air italien, op. 84. (1 r. 15 c.). Quatrième valse-étude, (50 c.).
- ROSELLEN.** Fantaisie brillante sur: Lucia de Lammermoor de Donizetti, op. 80. (2 r.). Souvenir d'Ernani, opéra de Verdi, op. 81. (1 r.

72 с.). *Souvenir de la fiancée*, opéra de D. F. B. Auber. *Fantaisie*, op. 85. (1 г. 43 с.). *La française*, valse brillante. (58 с.). *La glennaise*, valse. (58 с.). *La Taglioni*, Polka. (58 с.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ нихъ всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены).

Въ томъ же магазинѣ вышла десятая тетрадь «Нувелиста», которая содержитъ въ себѣ: *Litolff. Abandon, caprice.* — *Bertini. Morceau de salon. Grande marche brillante.* — *Voss. Olga, mélodie russe.* — *Pastuchenko. Chanson d'amour (inédite.)* — *Wallerstein. Polka favorite de Jenny Lind.* — *Duvernoy. Lea, valse brillante.* — *Herz. Les immortelles. Fantaisie mignonne sur la Somaambula.* — Алябьевъ. Пѣсня *Садика (inédite.)*. — *Masiui. La fleur qu'il m'a donnée. Romance.* — Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп.).

Г. Г. Желающіе подписаться на Нувелисть на 1846, получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Въ томъ же магазинѣ: на дняхъ получены изъ Италіи превосходныя струны для скрипки, віолончеля, гитары и проч.

МОДЫ.

Въ послѣднее время, уборы платья дошли до такого разнообразія, что все сдѣлалось обыкновеннымъ, все казалось уже не новымъ; надобно было возвратиться къ предметамъ давно забытымъ, совсѣмъ оставленнымъ. Появились пряжки, орденскіе кушаки, маленькія канзю, кружевныя пелерины и, наконецъ, опять капоты-блузы: гладкая спинка; переднія полотнища, пришитыя на плечахъ мелкими сборками или глубокими складками, роскошно драпируясь, спускаются во всю длину до подола; на нѣкоторыхъ во всю спинку пришито каракò, верхка въ два ширины;

на серединѣ спинки двѣ или четыре складки, въ родѣ кофты, пре-
красно округляютъ талию; блестящія пуговицы или банты изъ
лентъ съ маленькими пряжками, соединяя переднія полы, состав-
ляютъ все украшеніе. Этотъ нарядъ красивъ, ловокъ, удобенъ и
придаетъ всѣмъ движеніямъ прелесть непринужденность и сво-
боды; рукава гладкіе, внизу застегнутые тремя блестящими пу-
говками, обшиваются кружевомъ, спущеннымъ на кисть руки.

Вообще корсажи визитныхъ платьевъ дѣлаютъ кофтами и уби-
раютъ пуговицами разныхъ родовъ; но маленькія блестящія чер-
ныя и сине-стальные милѣ всѣхъ другихъ. Появилось также
много стальныхъ браслетъ, цѣпочекъ, и особенно хороши синія
стальные гребѣнки.

Шарфы стѣрон бѣлые и пунсовые необыкновенно красивы;
при этомъ не лишнее замѣтить, что, какъ видно, яркіе цвѣта за-
мѣняютъ цвѣта нѣжные и блѣдные, особенно же пунсовый бу-
детъ въ большомъ употребленіи.

Шляпки à la Duchesse остаются по-прежнему въ уваженіи,
какъ самыя милыя; много видно въ это время сѣрыхъ цвѣтовъ,
убранныхъ букетами маховыхъ розъ или темныхъ далій.

==

1407

SEP 25 1939

